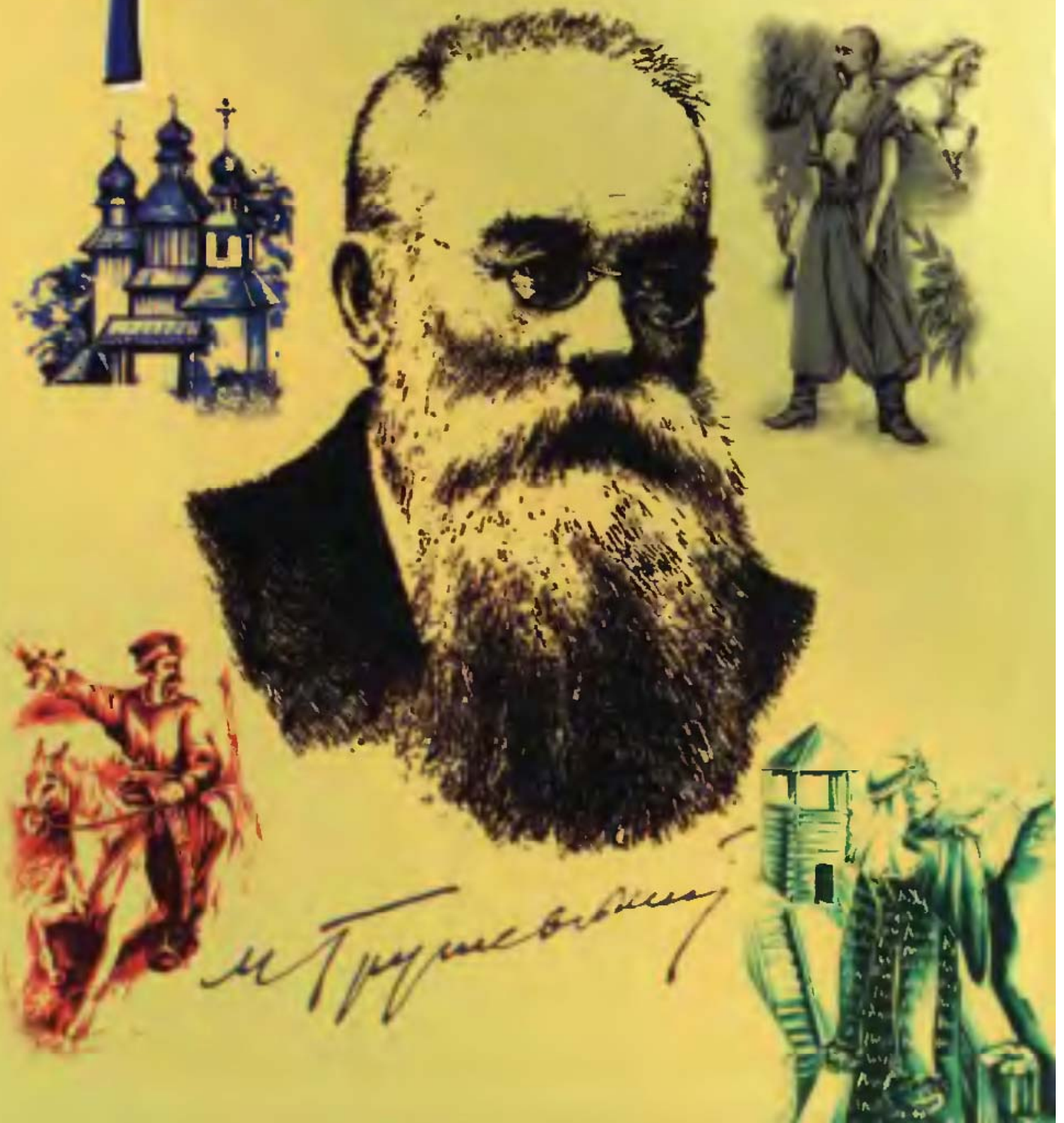

Михаил Грушевский

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ

**Михаил
Грушевский**

**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРИЯ
УКРАИНЫ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ**

Новое дополненное издание

**Приложение:
древние письма об Украине-Руси,
очерк ее новейшей истории, документы,
универсалы, Конституция 1710 г.**

**Донецк
2004**

ББК 63.3

Г91

Грушевский М.

Г91 Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями / Сост. И. И. Брояк, В. Ф. Верстюк. — Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004. — 768 с.

ISBN 966-548-571-7

В этом издании первая русская публикация книги (С.-Петербург, 1913) выдающегося украинского историка дополнена новым текстом из последнего авторского издания (Вена, 1921. — Сверено с ним); очерком видного современного историка Владислава Верстюка, который продолжает повествование Грушевского до наших дней; старинными географическими картами, бытовыми и батальными гравюрами, а также хрестоматией важнейших документальных материалов по отечественной истории.

Издание в целом отражает становление и развитие народа, экономики, культуры и государственности Украины, никогда не прибегавшей к экспансии и постоянно ведшей освободительные войны, защищая соседние страны от татаро-турецкого нашествия. Много места уделено здесь украинско-русским и украинско-польским связям, казачеству и казацкой республике, демократические устои которой стали основополагающим принципом первой в Европе украинской конституции 1710 г., созданной гетманом П. Орликом. Книга отличается ярким художественным стилем и читается, как увлекательное литературное произведение.

Рекомендуется как учебник для учащихся общеобразовательных школ и вузов, а также для всех интересующихся богатейшей историей Украины.

ББК 63.3

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания, включая название
и художественное оформление, не может перерабатываться,
переиздаваться, ксерокопироваться, репродуцироваться
или множиться каким-либо иным способом.*

ISBN 966-548-571-7

© И. И. Брояк, В. Ф. Верстюк
© ООО ПКФ «БАО», 2004

Проф. МИХ. ГРУШЕВСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРИЯ УКРАИНЫ.

Авторизованный переводъ со второго украинскаго изданія.

Съ 387 рисунками.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество «Просвѣщеніе»
Забалканскій просп., с. д. № 75.

ДО ОСНОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. История и доисторическая жизнь

Слово история обозначает известие, рассказ (от греческого корня *Fid* — вед, как ведать, известие) и прилагалось преимущественно к рассказу о прошлом своего края и народа. Подобные рассказы передавались сперва из уст в уста. Но в памяти человеческой события сохраняются отчетливо не более как два—три поколения, а затем начинают путаться, если рассказ о них не облечен в какую-нибудь прочную форму, например в форму песни или стихов, предназначенных для запоминания. На более твердую почву эти рассказы переходили, когда могли опереться на старые записи о делах минувших дней, в особенности если эти записи делались современниками, переживавшими эти события. При помощи таких записей и рассказов стало возможным передавать память о событиях через долгий ряд поколений в чистом, неискаженном виде. Более ранние исторические своды служили основанием для позднейших; новые историки, заимствуя от старейших, присоединяли повествования о позднейших событиях, и если бы не было перерывов и пробелов в таком преемстве, то история шла и развивалась бы непрерывной цепью, повествуя о всех временах полно и подробно. Однако в действительности никогда не обходилось без про-

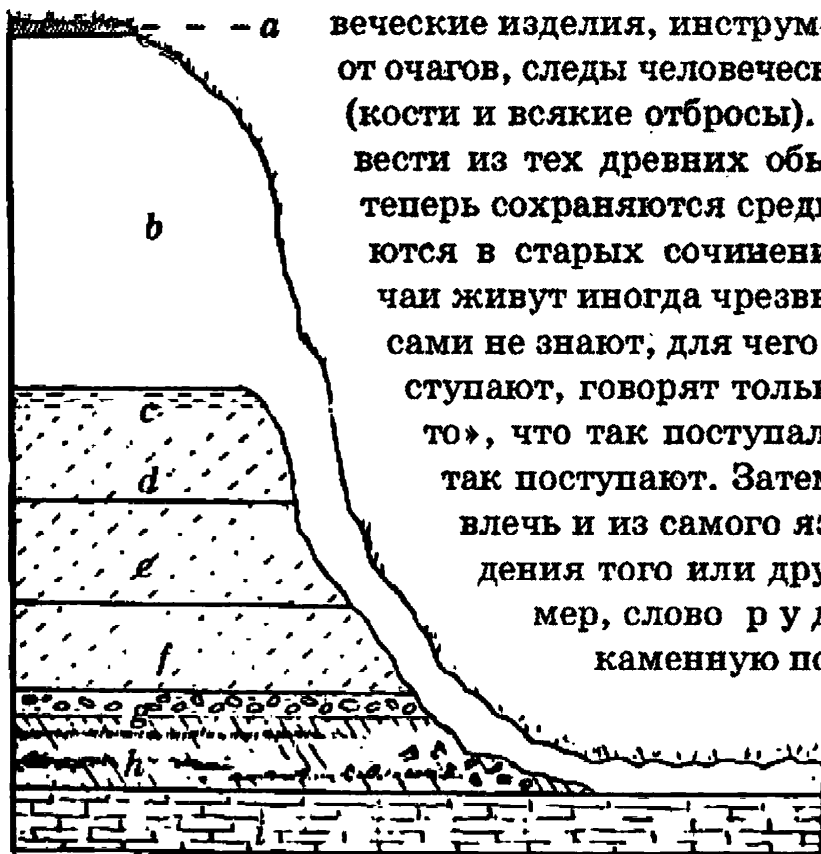

1. Серебряная оковка рога из Черной могилы в Чернигове

белов и перерывов. Часто пропадали бесследно и старые записи, и старые исторические повести, да и у различных народов письменность и записи о событиях начинались в разные эпохи, и поэтому у разных народов история неодинаково стара и неодинаково полна.

В наших краях письменность начала распространяться перед 1000 годом по Р. Х., когда начало распространяться христианство. С того времени уже могли существовать различные записи, и впоследствии, при составлении повествований о древнейшей жизни этих земель, такими записями пользовались иногда; однако события X века (от 900 до 1000 года) большей частью описывались по воспоминаниям. О более ранних временах мы знаем кое-что из памятников других народов, у которых письменность и история развились ранее, в особенности от писателей греческих, а также из источников римских, арабских и, наконец, немецких. Самые ранние известия о наших краях начинаются с VII века до Р. Х., более точные с V века (2300—2400 лет тому назад), но они касаются только Черноморского побережья, где тогда нашего народа еще не было; о последнем письменные известия у чужих народов начинаются гораздо позже, только около 400 года по Р. Х. (1500 лет тому назад). Это то, что называется началом исторической жизни — то время, до которого восходят письменные известия: историческая жизнь украинского народа начинается полторы тысячи лет назад, или пятьдесят поколений, считая около 30 лет на поколение, а для некоторых приморских частей нашего края — две с половиной тысячи лет или немного больше.

Полторы или две с половиной тысячи лет сравнительно с жизнью одного человека — очень долгое время. Но по сравнению с жизнью человечества, с тех пор как она началась на земле или в наших краях, это очень короткий промежуток. Жизнь человеческая так стара, что ее не только в сотни или тысячи лет, но и в сотню тысяч не уложить. Трудно ее определить нашим обычным исчислением; можно сказать только, что она очень и очень стара, так что сравнительно с нею наши две тысячи лет исторической жизни — это недавно прошедшее в отношении к седой старине. Одни исчисляли существование человека на земле в 500 тысяч лет, другие в миллион — повторяю, сколько-нибудь точно такими исчислениями обозначить ее невозможно. И это все времена доисторические: от них не осталось никаких писанных известий, и о том, как жилось тогда людям, можно заключить по различным следам человеческой жизни, находимых случайно под землей или в пещерах, — это различные чело-

веческие изделия, инструменты, посуда, уголь от очагов, следы человеческого жилища, пищи (кости и всякие отбросы). Кое-что можно вывести из тех древних обычаев, какие еще и теперь сохраняются среди людей и описываются в старых сочинениях; подобные случаи живут иногда чрезвычайно долго: люди сами не знают, для чего именно они так поступают, говорят только, что «так принято», что так поступали их предки и они так поступают. Затем можно многое извлечь и из самого языка, из происхождения того или другого слова. Например, слово *руда* означает теперь каменную породу с металлической примесью,

но самое слово это собственно значит медь, а это потому, что медь люди знали ранее всех металлов. Или, например, в древние времена у нас слово *скот* значило

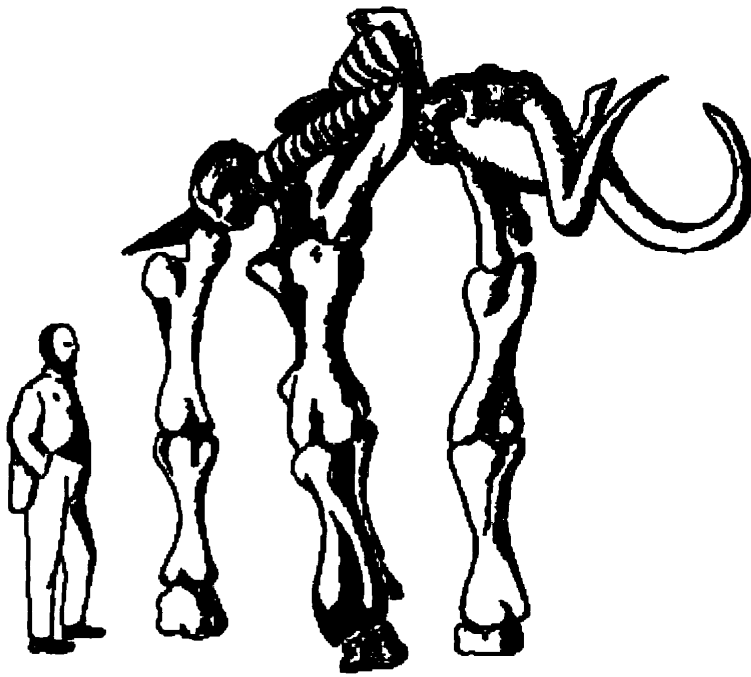
2. Разрез того места, где найдены древнейшие следы человека в Киеве: *a* — черная земля, *b* — лесс, *c* — песок с глиной, *d, e, f* — слой песков, *g* — песок с жерсткой камешками, *h* — серый песок с остатками угля, костей и человеческих изделий, *i* — серая третичная глина

деньги, имущество, потому что в древние времена человеческое богатство заключалось в скоте и за скот все меняли или покупали.

Замечая все это и исследуя, наука вышла далеко за пределы писанных известий, за пределы исторических времен в глубины доисторические. Она может уже, хоть в главнейшем, определить, как развивалась жизнь человеческая десять, двадцать, тридцать тысяч лет назад, как жили и хозяйничали наши предки, не зная еще ни железа, ни других металлов, не умея еще сеять хлеб, не имея домашнего скота; какие неудобства претерпевали они тогда и как постепенно добивались лучшей, более легкой жизни.

2. Прошлое Украины

Самые ранние сведения о прошлом дает нам сама земля. Вывает иногда, что река глубоко врежется в высокий берег и

3. Скелет мамонта из с. Старуни.

На костях местами засохшее мясо и кожа; около скелета нарисована фигура человека для сравнения высоты

откроет крутой обрыв, — интересные вещи можно увидеть на таком обрыве, и тот, кто умеет понимать их, как по книге прочтет по ним историю земли и жизни, на ней происходившей и развивавшейся.

С самого верху увидит он чернозём, образовавшийся из перегноя трав и всякой другой растительности, иногда также кое-какие следы человеческой жизни, какие-ни-

будь затерянные вещи. Это самый новый пласт, называемый в геологии аллювием. Под ним пласт желтой глины, или лесса, как ее называют в науке; встречается иногда и несколько пластов различной глины, отделенных один от другого слоями песка или камня. Это так называемые диллювиальные слои. В таких слоях иногда случится увидеть большие кости, зубы и другие остатки древних зверей, или уголь, кремни и кости, обработанные человеческой рукой¹. Далее — пласты известняка, легкого, губчатого, с различными раковинами, так называемые третичные слои. Затем иногда появится чистая белая глина — остаток старого глубокого моря, пестрые ружляки, а еще далее — слой каменного угля; в конце концов, внизу — мертвый, твердый камень, расплавленный огнем еще в те времена, когда земля была горяча и застывала сверху, покрываясь твердой каменной корой.

По этим различным слоям камня, глин, песков, по различным остаткам растений и зверей ученый определит, было ли тогда на данном месте море или суша; укажет, какие растения росли и какие звери водились, как жили, чем питались. Большим изменениям подверглась каждая страна. Где теперь сухая

---

¹ См., напр., разрезы находок на рис. 2 и 4. (Здесь и далее примечания автора).

степь, там волновалось некогда глубокое море, водились разные морские животные. Впоследствии, когда дно поднималось, а вода сплывала, от остатков различных животных, живших в море, оставались кучи костей, раковин, превращавшихся со временем в слой камня — известняка; их заносило затем илом рек или пылью ветров, и целыми пластами нарастали остатки от различных растений и животных.

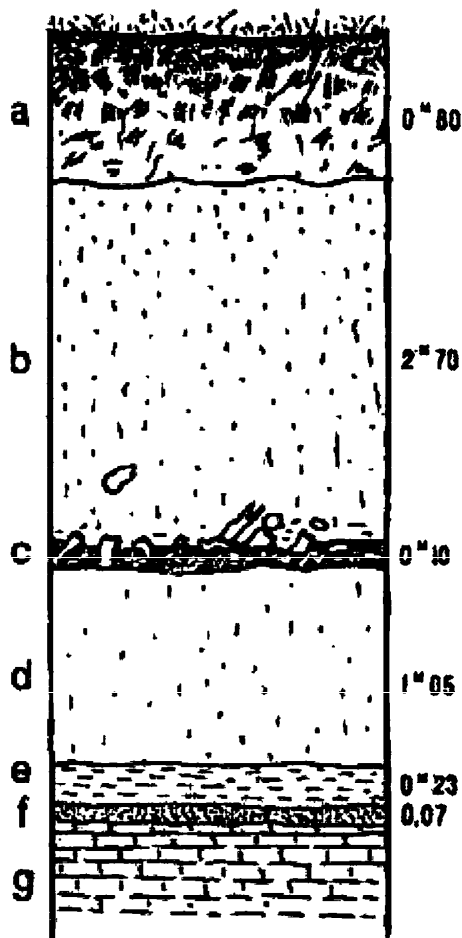
По этим остаткам можно определить, что в те времена, когда начиналась жизнь человека на земле, море отступало от наших стран. Ранее оно покрывало почти всю Украину, а под конец третичного периода немного только выступало за теперешние берега моря Черного, Азовского и Каспийского: эти три моря тогда составляли одно море, как это и теперь еще видно по большим солончакам между Азовским и Каспийским морем и по другим следам. Горы Карпатские, Крымские, Кавказские постепенно поднимались над равниной, и в начале диллювиального периода внешний вид этой территории уже значительно приблизился к теперешнему. Но они должны были пережить еще одну перемену, сильно отразившуюся на их жизни и внешнем виде: это была ледниковая эпоха.

В первой половине третичного периода в Европе было так жарко, как теперь в Центральной Африке. Растительность была чрезвычайно обильная, роскошная — богаче, чем теперь в жарких странах. Было очень много разнообразных земноводных, птиц, зверей, огромных и диковинных; животные эти исчезли, только в земле остались их кости: то были огромные ящерицы, разного рода слоны, громадные птицы. Но климат становился все холоднее, и растения и животные, не переносившие холодного климата, постепенно гибли, а оставались такие, которые приспособились к более холодной температуре, как покрытые шерстью слоны — мамонты и носороги. В диллювиальную эпоху от сырости и холода земля на севере начала покрываться толстым слоем льда. Большие массы льда накапливались в теперешней Швеции и Финляндии и оттуда распространялись все далее на юг. На некоторое время эти вечные льды, лежавшие целые сотни и тысячи лет, захватили и северную часть нынешней украинской территории, а потом, когда климат стал теплее, — растаяли, и границы их отодвинулись на север. От них остались разные следы — пласты глины, наносов, принесенных водами во время таяния этих громадных льдов, слой песка и камня, принесенного льдом, — и широкие глубокие речные долины, покрытые водами, вытекавшими из ледников.

3. Первые следы человека

С того времени, как льды отступили на север, имеются первые следы человеческой жизни на занимающей нас территории. На Украине вообще следы эти встречаются довольно редко, реже, чем во Франции или Германии, так как там люди жили в сухих каменных пещерах, где могли в целости сохраниться и кости и разные остатки их пребывания; у нас таких каменных пещер мало, а на открытом месте редко где могли сохраниться до наших времен эти остатки. Ведь целые десятки тысяч лет миновали с того времени! Однако и у нас, когда стали обращать на это больше внимания, открывается этих следов все больше и больше.

Древнейшие следы человеческой жизни на Украине, какие имеем до сих пор, открыты в Киеве, на Кирилловской улице; их нашли, коная глину для кирпичича (рис. 2). Они лежат здесь под толстым пластом желтой глины, в слое песка, 6—10 сажений под землей, занимая большое пространство (около десятины). Внизу в большом количестве найдены кости мамонта, более ста

4. Разрез обрыва в Мизине

одних только клыков; выше — кости других зверей, давно уже исчезнувших: льва, гиены, пещерного медведя; некоторые из них обгорели, разбиты или носят другие следы руки человека; между костями уголь, кремневые инструменты, употреблявшиеся человеком того времени. Этим находкам насчитывают 30 тысяч лет и более.

Более новое поселение человека найдено над Десною, около села Мизиня (в Черниговской губ.); здесь оно лежит между двумя пластами желтой глины, в слое камня, нанесенного льдами.

Еще новее — находка над Удаем, около села Гонцов (в Полтавской губ.): она лежит выше пласта желтой глины и относится к тому времени, когда уже спали воды от ледников.

Таким образом, эти наиболее значительные и хорошо обследован-

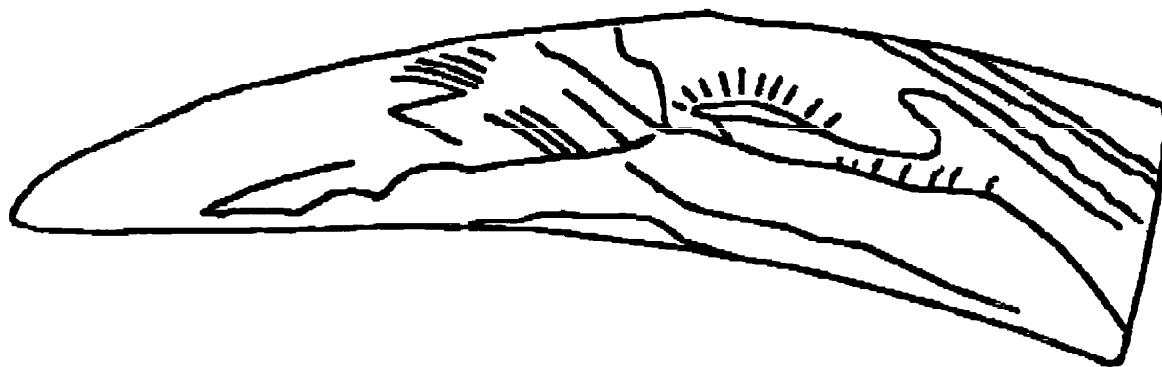
ные находки дают следы человеческой жизни за весьма продолжительное время — второй половины диллювиальной эпохи. На основании этих наших и гораздо более богатых находок Западной Европы знаем, что человек той эпохи сделал уже значительные успехи и высоко поднялся над животными. Он умел добывать огонь и пользовался им для приготовления себе пищи. Не удовлетворяясь уже палкой или камнем в его

5. Кремневые острия из киевской палеолитической находки

природном виде, он научился обрабатывать кость и даже камень; ловкими ударами он умеет отбить кремнь такой формы, какая ему нужна: остроконечный камень, каким можно было бы бить от руки, различные острия, чтобы насаживать их на дерево, как копьё, скребки для обработки шкур или отделения мяса. Даже украшал свои изделия различными узорами и рисунками: в киевской и мизенской находках оказались предметы из резной кости, а во французских находках встречаются фигурки, так искусно вырезанные на кости, что и теперешний самоучка не всегда сумел бы вырезать так ловко.

Но, с другой стороны, в те времена так называемой палеолитической, т. е. старой каменной культуры, человек не имел еще никаких домашних животных, не умел сеять хлеб и питался звериной, рыбой, моллюсками; не умел делать никакой посуды, и во многих других отношениях не дошел еще до позднейшего своего опыта.

6. Зуб мамонта с резными узорами и изображениями

4. Новейшая каменная культура

Каменная культура, когда человек не знал никаких металлов и лучшие свои орудия должен был готовить из камня, из древнейшей эпохи постепенно переходит в более новую, когда уже перевелись прежние звери, стаяли льды и стекли воды, и условия жизни приблизились к теперешним. Человек для своих изделий еще употреблял главным образом камень, но выделывать из него разные орудия научился гораздо лучше прежнего. Он не довольствовался уже тем, чтобы получить камень подходящей формы, но оттачивал его мелкими ударами, гладко отшлифовывал, научился просверливать в камне дыры, чтобы насадить каменный топор, молоток или булаву на деревянную или костяную рукоятку; при виде тогдашних орудий нередко приходится удивляться, как человек, не зная металлов, камнем или костью умел высверлить такие ровные аккуратные дыры, так отшлифовать песком топорик, клин или долото из камня, выделывать тонкую стрелку, ножик, пилку, серп из кремня.

Но не только в этом видны большие успехи человеческой жизни. Раньше человек не держал ни скота, ни домашних животных. В эпоху же этой более новой каменной культуры он уже имел домашних животных, мог кормиться мясом и молоком от своего стада. Еще раньше приручил он собаку, своего сторожа и верного друга. Научился делать посуду из глины и обжигать ее на огне; делал ее от руки, без гончарного круга, но и без него со временем стал выделывать хорошие миски и расписывать их узорами. Начал устраивать более удобные жилища для себя, выкапывая углубления в земле, надстраивая их затем с боков и покрывая сверху, и так постепенно получалась довольно сносная хижина из дерева или хвороста, обмазанная глиной. Начал обрабатывать землю, сеять хлеб и, растирая зерно на жер-

7. Кремневые стрелки из Овручского у.
(Музей Научного Товариства им. Шевченка во Львове)

новах, получал грубую муку, род крупы, из которой мог печь лепешки или варить кашу.

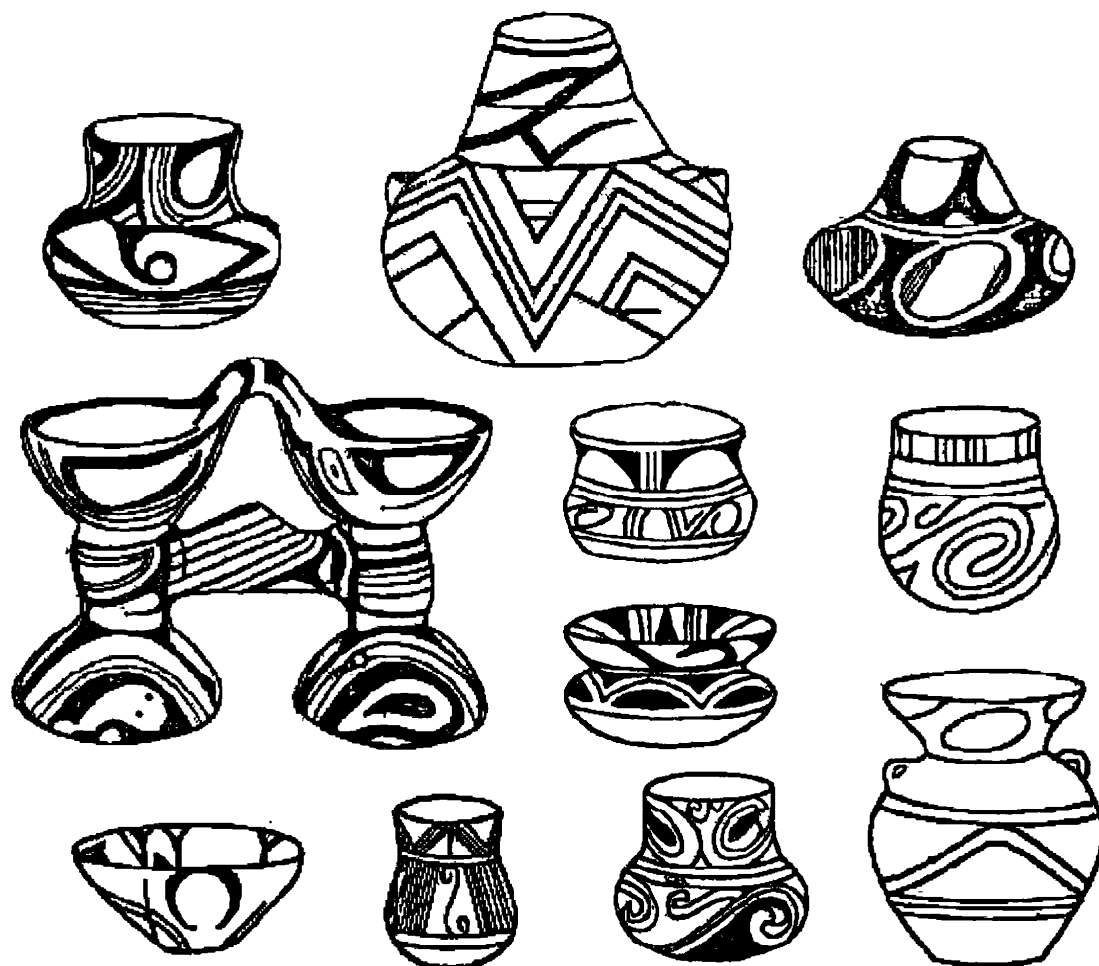
Эта новая каменная культура не длилась так долго, как старшая, но следами ее полна почти вся тер-

ритория Украины. Очевидно, люди размножились уже, и следы их жизни стали заметнее — их легче определить; это уже не то, что какой-нибудь кусок кремня из более ранней культуры, на котором трудно бывает и разобрать, обработала ли его рука человеческая, или он случайно получил такую форму. От эпохи новой каменной культуры почти всюду уже находятся различные орудия, глиняная посуда, места погребения, нередко следы больших поселений: жилища, мастерские, где приготавливались различные инструменты, или городища, где укрывалось население в опасный момент; такие городища бывают довольно велики, — очевидно, и людей около них жило довольно много. Умерших хоронили иногда в каменных ящиках, сложенных из плит, иногда в ямах, насыпая над ними высокие могилы; иногда закапывали тело целым, иногда его сжигали и затем пепел и обгоревшие остатки складывали в глиняный горшок и закапывали; около покойника клали иногда что-нибудь из его вещей и разную пищу в горшочках. Часто, хороня покойника, посыпали его красным порошком (охрой), и этот порошок оседал потом на костях, когда тело гнивало; такие могилы с окрашенными в красное костями идут на всем пространстве Черноморья, от Кубани до Бессарабии.

Особенно интересным становится быт Украины на исходе неолитической культуры, когда в эти края начинают проникать из южных стран первые металлические, медные изделия. Встречаются из этого времени остатки деревянных или сплетенных из хвороста и вымазанных глиной хижин с чрезвычайно многочисленными остатками глиняной посуды разнообразных, причудливых форм (см. рис. 9), расписанной богатыми узорами, красными, белыми, коричневыми, иногда в несколько цветов. Странно и невероятно видеть такую хорошую посуду такой древней эпохи, когда люди, как говорится, еще только выходили из дикого состояния. Но это состояние уже далеко ушло от дикого.

8. Каменный топор с неоконченной дырой, из Овручского у. (там же)

9. Разная расписная посуда из глиняных мазанок (так наз. домикенских) из находок галицких, поднестрианских

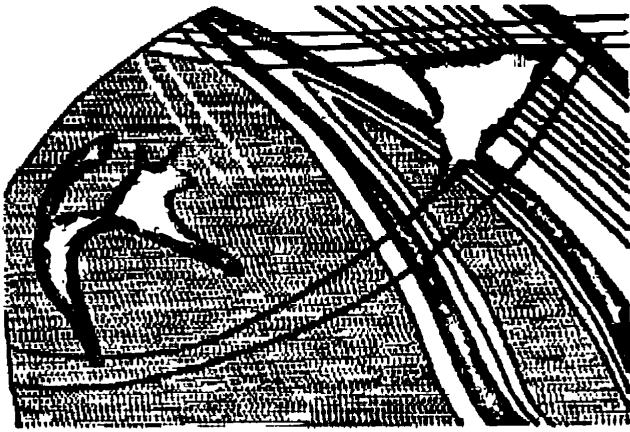
Кроме разной посуды, в этих глиняных мазанках очень часто попадаются глиняные, хорошо обожженные фигурки мужчин, женщин и животных. Орудия в этих жилищах встречаются главным образом каменные, но иногда случаются изделия медные или бронзовые.

Такие жилища идут от Днепра, из-под Киева через Киевщину на Подолье, в Галицию и далее в Молдавию и в балканские земли; их называют в науке домикенскими.

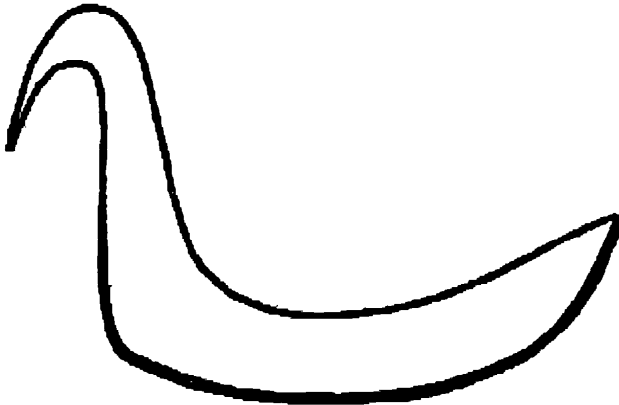
5. Медь, бронза и железо

Я уже упоминал, что первым металлом, которым начали пользоваться люди, была медь, так как ее легче всего добыть из руды. Но чистая медь очень мягка и мало пригодна к употреблению.

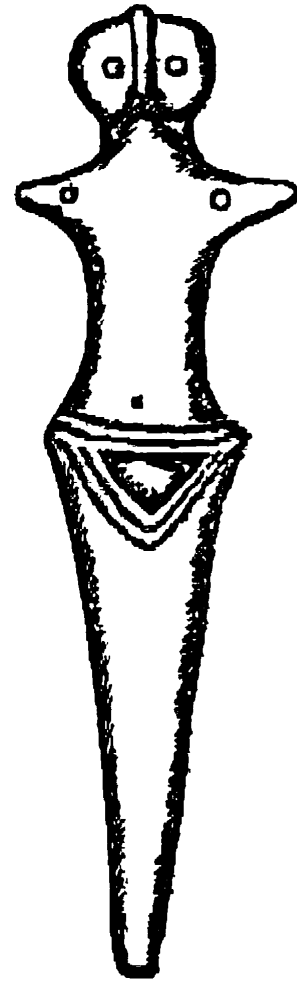
Скоро заметили, что если к ней прибавить олова (приблизительно одну часть олова на девять частей меди), то выходит го-

10. Черепок глиняной посуды с рисунком собаки, из галицких находок (Бильче Золоте) в Музее Науков. Тов. им. Шевченка

11. Бронзовый серп из галицкого Подкарпаття. (Музей Науков. Тов. им. Шевченка)

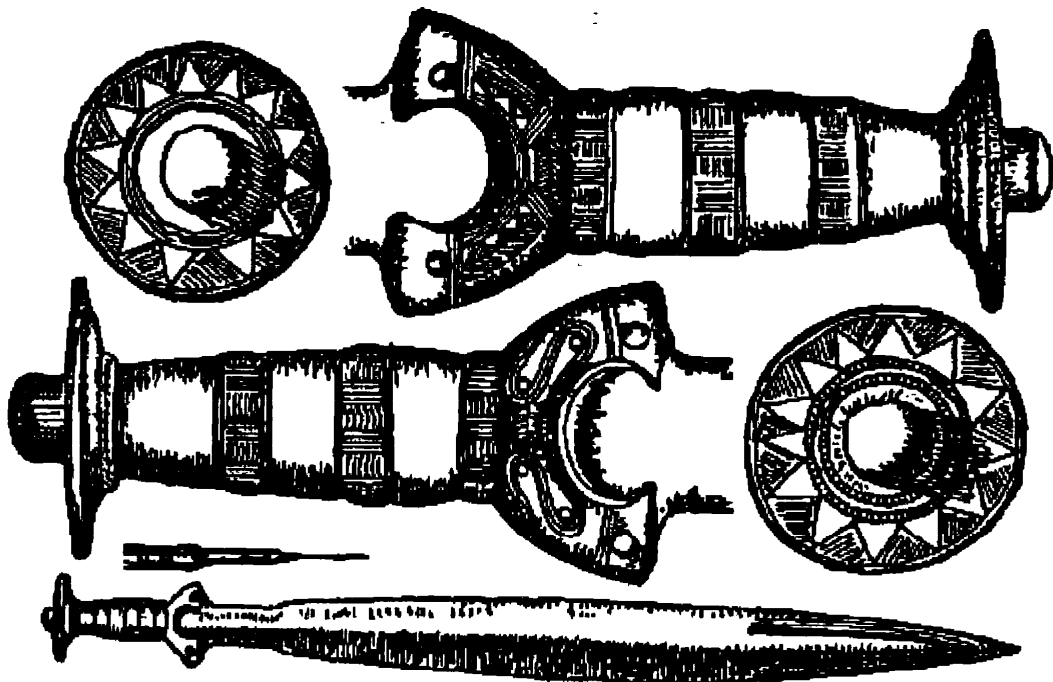

12. Глиняная фигурка (оттуда же)

раздо более твердая масса, из которой можно изготовлять всякие орудия. Такая смесь меди с оловом называется бронзой. В некоторых краях ею пользовались для выделки орудий, оружия, инструментов очень долго, около тысячи лет, пока не узнали железа.

В Европе медь, а затем бронзу стали употреблять более или менее за две тысячи лет перед Р. Х. На тысячу лет позже стало входить в употребление железо. Золото стало известно гораздо ранее железа, серебро позже.

В нынешнюю Украину медь и бронза проникали с юга, из дунайских стран и с Черноморского побережья; следов добывания меди на месте здесь не заметно, и поэтому бронза распространялась только на морском побережье и в местностях, лежащих на больших торговых путях, по Днепру и другим большим

13. Бронзовые мечи из Галиции (Комарники, пов. Турка, в Карпатах) — целый меч, ручки и головки мечей

рекам, а в более глухие места проникала слабо, тем более, что была дорога. Прежде чем бронза получила здесь значительное распространение, начали появляться уже железные изделия, гораздо более крепкие и дешевые.

Железная руда встречается здесь в разных местах, и добывать железо из нее довольно легко; поэтому железо со временем вошло в народное употребление, хотя и не скоро. В краях, более близких к Средиземному морю, где раньше начало распространяться знакомство с металлами и их обработкой — из Вавилона, Сирии, Египта, давно уже получили распространение бронзовые изделия, а затем железные, а в наших краях все еще главным образом пользовались деревом и камнем. Только по соседству с большими торговыми путями известны были металлы, а в местностях удаленных они были редки, оставались предметом роскоши, известным только людям богатым, а народ очень долго жил еще в каменной культуре, в то время как в других странах камень уже давно вышел из обихода.

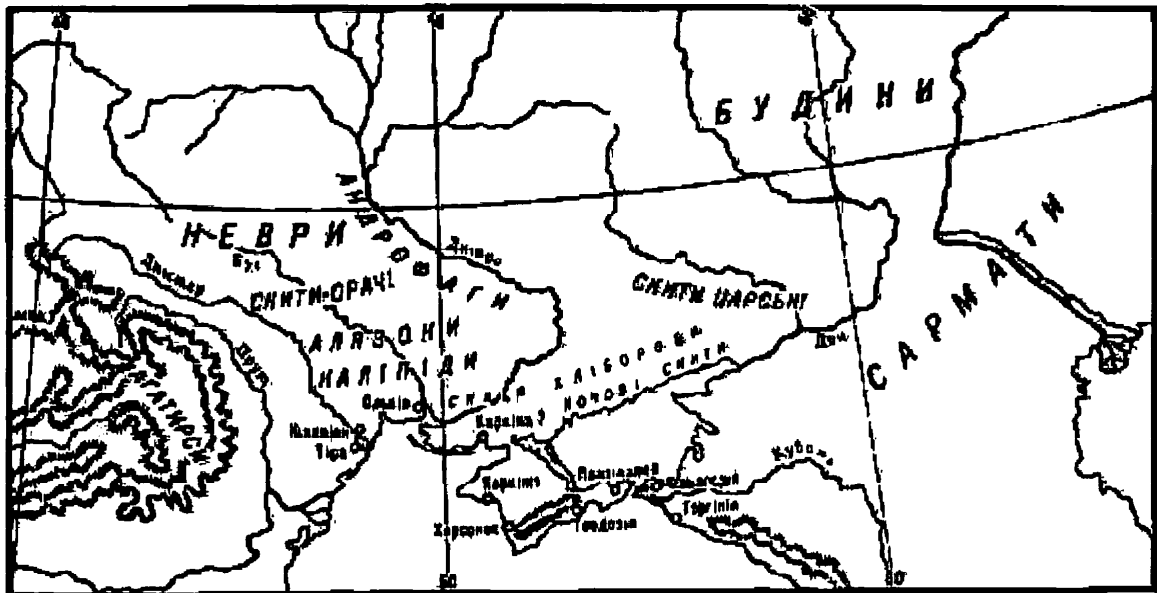
Судя по стилю, т. е. формам и фасонам изделий, и по другим обстоятельствам, можно догадываться, что в эту эпоху ранней металлической культуры второго и первого тысячелетий перед Р. Х. всякого рода культурные влияния, всякие новости и знания, новые изделия и новые формы проникали в наши края несколькими путями: с юга, с Черноморского побережья, где распространялись всякие новинки из Азии и прибрежий Сре-

диземного моря, затем из Передней Азии, из Туркестана и теперешней Персии, через черноморские степи, из дунайских стран — теперешней Венгрии, и из приальпийских стран, где металлическая техника развилась под средиземными влияниями. Наконец, очень много перенимали наши предки с запада от немцев; на это вполне определенно указывают разные названия в нашей старой речи, заимствованные из немецкого языка; а немцы перенимали у римлян и кельтов — опять-таки из области средиземных влияний. Из этих краев разными путями (в особенности речными) новые изделия и знания распространялись в нынешней Украинской территории, проникая постепенно в самые глухие местности. Лучше же всего нам известно то, что шло в эти края из Черноморья, из тамошних греческих колоний.

6. Греческие колонии

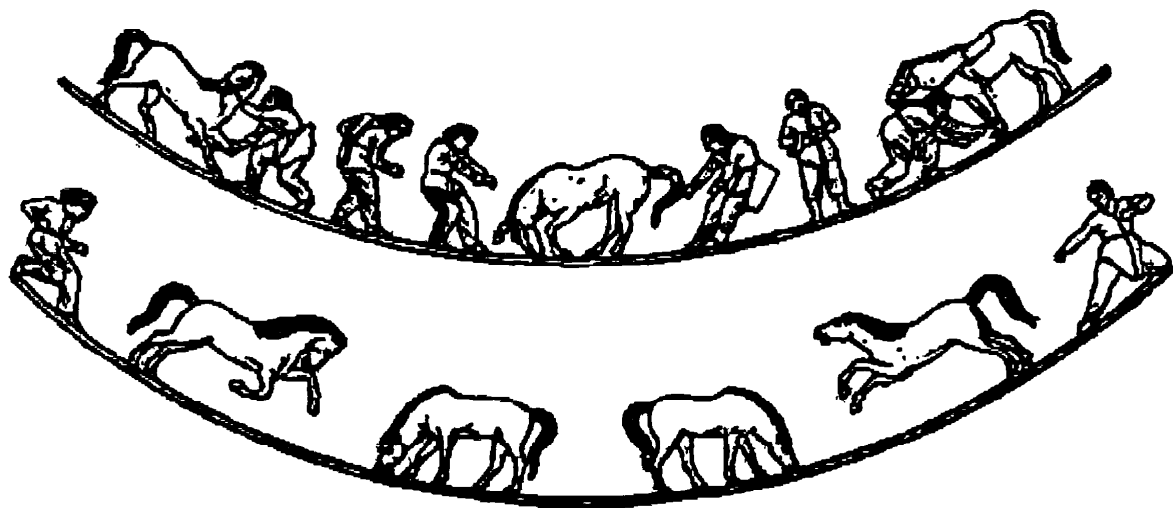
Начиная с VII века, а может быть еще и с VIII века до Р. Х., на Черноморском побережье начали обживать греки, переселившиеся сюда из разных своих городов, убегая от междоусобий и войн, ища спокойного убежища в этих далеких краях. Сюда еще раньше приезжали для торговли их земляки, привозя всякого рода товары и обменивая их на всякую всячину в наших краях, а затем оставались тут и на жительство. Так появились греческие города-колонии на нашем побережье: Тира на лимане Днестра, Ольвия на лимане Днепра, Херсонес около теперешнего Севастополя, Феодосия — где и теперь стоит, Пантикапей — теперь Керчь, Фанагория на противоположном берегу пролива, Танаис около теперешнего Ростова, и много еще других, менее значительных городов. Поселяясь на здешнем побережье, греки заводились хозяйством, сеяли хлеб, садили виноград, ловили рыбу, а вместе с тем вели торговлю с соседними жившими здесь племенами, продавали им греческое вино и оливковое масло, греческие материи и разные украшения, прекрасные изделия из золота и серебра, художественную, расписную греческую посуду и взамен получали от них хлеб и шкуры, различные меха и другие товары их страны, в особенности людей, невольников, и отвозили это на продажу в греческие края. Они ездили со своими товарами далеко в глубину края, и разные греческие изделия проникали далеко на север: в теперешних Киевской, Полтавской, Харьковской губерниях часто можно встретить в курганах монеты этих черноморских колоний, греческую глиняную посуду для вина и оливкового масла, греческие вазы и различные

14. Наш край около 500 года до Р. Х.:
греческие поселения на Черноморье и степные племена

изделия из золота и серебра работы греческих мастеров. С этими товарами проникало в прибрежные края и греческое мастерство. Племена, жившие здесь, вместе с товарами заимствовали и различные знания от греков, великих мастеров того времени, — даже заимствовали греческие нравы и обычаи. Греческий писатель Геродот, побывавший сам в Ольвии в половине V века до Р. Х., рассказывает историю одного скифского царя по имени Скила. Мать Скила была родом из греческого города и научила сына греческому языку и письму; сделавшись царем, он полюбил греческую жизнь, часто ездил в Ольвию и там, оставив своих людей в предместье, сам с греками жил как грек, принимая участие во всех их делах, а потом возвращался снова к скифам. Он построил себе даже дом в Ольвии и имел там жену, все втайне от своих земляков. Но в конце концов последние проведали об этом, подсмотрели, как он участвовал в праздничных церемониях вместе с греками, взбунтовались, провозгласили царем брата Скила, а его самого схватили и убили за то, что отрекся от своих обычаев.

Но были и такие случаи, что целые племена перенимали греческие нравы, смешивались с греками, заимствуя их веру и обычаи. Так от греков распространялись разные новинки, искусства, знания в глубину края в продолжение целых столетий, пока существовали эти греческие города. А когда они, ища защиты от разных диких народов, отдались под власть великого Рима, господствовавшего тогда над всем побережьем Средиземного моря, то через греческие черноморские колонии стали распространяться

15. Степняки обуздывают лошадей (чертомлыцкая ваза)

также влияния римские, изделия и образы, до тех пор, пока не пали эти черноморские города от нападений различных воинственных народов, двинувшихся сюда в III—IV веках по Р. Х.

7. Степные народы

Греки нам оказали еще ту услугу, что благодаря им мы имеем сведения о народах, живших тогда в наших черноморских степях.

Древнейших обитателей нашего Черноморья называли они киммерийцами, но в те времена очень мало знали и о наших краях, и о их населении, и Гомерова «Одиссея» описывает эти края как страну вечного мороза и тумана:

Там Киммериан печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглою облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос (солнце).

В Гомеровой «Илиаде» есть упоминание о кочевниках наших степей: «славных кобылодоильцах, молокоедов убогих, справедливейших из всех людей».

У позднейших писателей имеем уже более подробные известия об этих степняках. То были различные племена иранского происхождения (как теперешние персы); часть их издавна осталась в черноморских и кавказских степях, а из Азии прибывали все новые племена их, так как там начали двигаться в Туркестан тюркские народы из Северной Азии. Одни из этих степных племен были более культурны, сеяли хлеб и питались им; другие состояли из чистых кочевников, переходивших с места на

место со своими стадами скота, питавшихся мясом, кобыльим молоком и сыром, живших в кибитках, как теперешние калмыки или ногайцы. В VII, VI и затем в V веках до Р. Х., тогда именно, когда Геродот побывал в Ольвии и описал здешние края, над этими племенами господствовала орда скифов, и от нее все эти степные племена также назывались скифами. Затем скифская орда ослабела, и власть забрала орда савроматов или сарматов, и от ее имени степные племена назывались сарматами. Это было в IV и III веках до Р. Х. Еще позже, около Рождества Христова, преобладание получила аланская орда, и в I и II веках по Р. Х. степные кочевые племена назывались общим именем аланов. Так менялись названия со сменой господствующих орд, ослабевавших и распадавшихся вследствие вечных войн, которые

16. Греческая ваза из Чертомлыцкого могильника (на Запорожье) со сценами из жизни степняков

они вели между собой, и под натиском все новых орд, двигавшихся сюда из Азии, из Туркестана, уступая натиску тюркских племен. Под этим натиском степные орды и племена постепенно подвигались на запад, из каспийских степей в придонские, с Дона на Днепр, с Днепра на Дунай. Некоторые переходили в конце концов в степи теперешней Венгрии, в области среднего Дуная, другие отступали на север, в области среднего Поднепровья; далеко в лесную полосу они, однако, не заходили, так как привыкли к жизни степной, кочуя со своими стадами.

Так эти степные иранские племена кочевали в наших степях в продолжение целого тысячелетия, от нашествия скифов до того времени, когда их разгромили другие народы — готы с запада, гунны с востока, и после этого от них уцелели

17. Степняки (скифы) на вазе из Кулебского могильника
(в Крыму, около Керчи)

только небольшие сравнительно остатки на Дону, на Кавказе и в Крыму. На Кавказе и до сих пор есть племя осетин — это потомки иранских степняков, загнанные в горы другими народами.

8. Нравы степняков

Эти степные племена назывались различными именами, но часто были одного происхождения и имели много общего. Главные орды, господствовавшие в степях, обыкновенно были дики и воинственны — благодаря этому они покоряли себе прочее население; подвластные племена были более мирны, потому и покорялись этим диким насильникам. О воинственных нравах скифской орды, господствовавшей в черноморских степях в V веке до Р. Х., много рассказывает Геродот, наслушавшись о ней от черноморских греков.

Скиф, убив первого врага на войне, пил из него кровь; головы всех убитых врагов приносились царю, и кто принес голову, тот участвовал в добыче, а кто не принес, не получал ничего. Тому, кто больше всех убил врагов, оказывались всякие почести и на всенародных пирах подавались двойные порции вина. С головы убитого врага срывали кожу с волосами (скальпировали) и, выделав эту шкурку, привешивали потом ее к узде коня или делали себе из нее что-нибудь, чтобы похвастаться своим подвигом. В каждом округе было святилище бога войны, здесь стоял старый железный меч как символ бога; в честь его скифы ежегодно устраивали празднество: убивали в жертву скот, а из взятых на войне пленников также приносили в жертву одного из каждой

сотни: зарезав над подставленной чашей и собрав в чашу кровь, выливали ее на меч.

Так дики и бесчеловечны скифы были не только по отношению к чужим, но и между собою. Когда случалось поссориться двум скифам, в особенности родственникам, они отправлялись к царю и перед ним вступали в единоборство: осиливший противника убивал его и из головы убитого приготавливал себе чашу на память, оковав золотом или серебром, и при всяком удобном случае хвастался перед гостями такими чашами, рассказывая, как он убил всех этих родственников. Если случалось заболеть царю скифов, то созывали знахарей и приказывали им открыть виновника болезни. Если они указывали на кого-нибудь, его сейчас схватывали и спрашивали, не поклялся ли он ложно богом царского очага (домовым, охранявшим царское жилище). Если тот не признавался, то призывали еще других знахарей, и если те показывали на того же самого, то его убивали; в случае оправдания обвиненного убивали знахарей, показавших на него: клали на воз хворосту, запрягали волов, на воз сажали связанных знахарей, зажигали хворост и пускали волов на произвол судьбы.

Множество своих соплеменников скифы избивали на царских похоронах. Тело умершего царя очищали от внутренностей и набивали разными пахучими травами, чтобы оно не гнило, а затем обвозили по всем подвластным краям; куда его привозили, там подданные в знак своей печали должны были обрезать себе волосы, разрезать ухо, порезать или поцарапать руки, лоб, нос и проткнуть стрелы сквозь левую руку. После таких церемоний хоронили царя над Днепром, около порогов. При этом убивали одну из его жен, по одному из каждой категории его слуг и дворовых и хоронили вместе с царем в могиле; погребали с ним также убитых коней его и разную золотую и серебряную посуду. Затем на поминках, происходивших по истечении года, убивали еще 50 самых лучших слуг и 50 лошадей, вынимали внутренности и, набив мякиной, расставляли вокруг царской могилы убитых слуг на лошадях, как стражей могилы. Все это не выдумки, так как действительно у Днепра оказались богатые могильники, где похоронены цари в обстановке довольно близкой к тому, что рассказывает Геродот.

Но наряду с такими дикими и бесчеловечными нравами степняков были у них, конечно, и симпатичные обычаи. Так, славилось скифское братство, верность скифских друзей. В те воинственные и дикие времена чрезвычайно важно было иметь верного друга. Встретив человека надежного и отважного, скиф исполнял с ним обряд побратимства: в чашу с вином примеши-

вали они немного крови из надрезов руки, окунали в чашу свое оружие и затем пили из этой чаши, взявшись за руки; после этого они считались уже ближе родных братьев.

Греческий писатель Лукиан, собиравший легенды о таких скифских побратимах, рассказывает, как один бедный скиф сватал дочь босфорского царя, и когда все женихи расхваливали свои богатства, он заявил, что не имеет стад и кибиток, но зато имеет двух верных побратимов; те посмеялись над ним и отдали царевну за другого жениха, имевшего золотые чаши, много повозок и большие стада — «скот и ненужные чаши и тяжелые возы поставили они выше добрых людей». Но последние доказали,

18. Скифские побратимы (золотая бляха из Кулебской могилы)

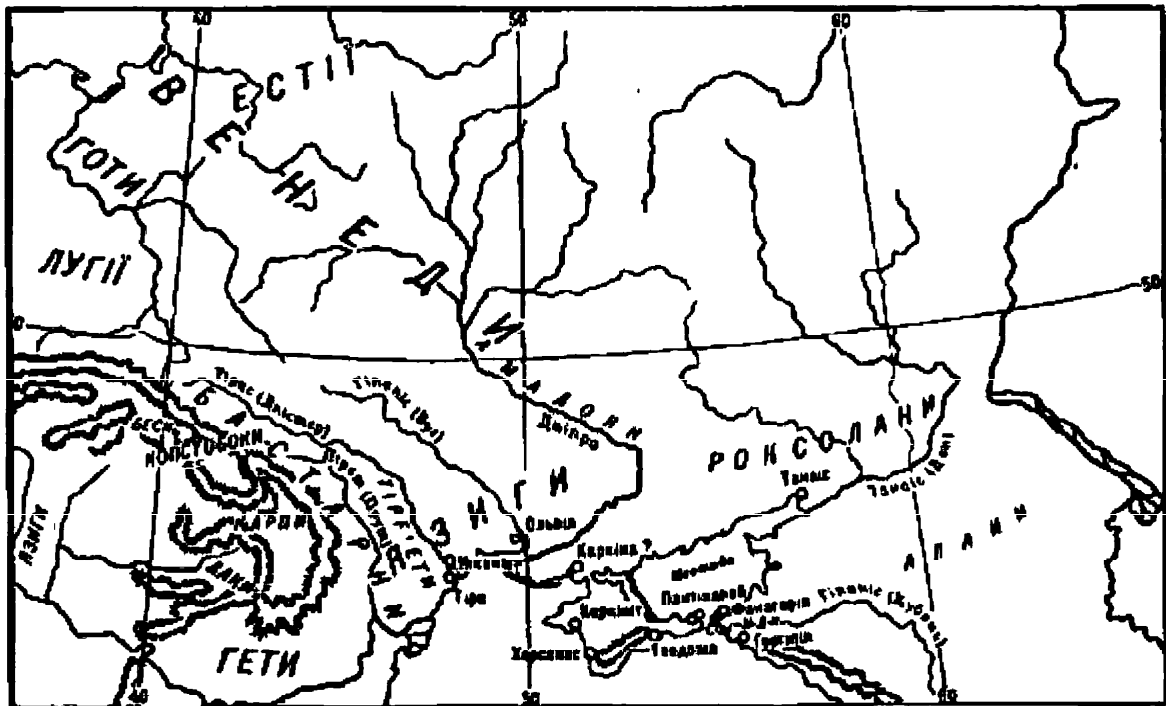
что хороший побратим дороже богатства, ибо похитили для своего побратима царевну, в руке которой ему было отказано, а ее жениха и отца убили. Рассказывает еще Лукиан об одном скифском побратиме, как тот дал вынуть у себя глаз, чтобы освободить из плена своего друга, и о другом, который очутился вместе со своей семьей и с раненым побратимом в горящем доме: когда последний загорелся, скиф бросился спасать своего товарища, а жену и детей оставил на произвол судьбы. Жена едва спаслась, а один ребенок сгорел, но скиф не опечалился этим, говоря, что детей он еще может иметь, да и неизвестно еще, что из них выйдет, а такого другого побратима, как этот товарищ, выказывавший столько раз свою любовь к нему, неизвестно, нашел ли бы он.

9. Славянские поселения

Таким образом, в черноморских степях в течение целых столетий видим различные орды и племена скифско-сарматско-

аланской семьи. В Карпатских горах обитали мелкие народцы, вероятно того самого племени, так называемого фракийского, из которого вышли теперешние румыны; таковы бесы, костобоки, карпы (от них, вероятно, и название Карпат). На галицком подгорье видим германское племя бастарнов, двигавшееся сюда со своих северных поселений. Славянские же племена, как можно судить по всему, жили тогда далее на восток и на север — по Днепру в теперешней Киевской губернии и выше, вероятно, и на Волыни и далее на север, в Полесье, и за Днепром, вероятно, также. Можно думать, что упоминаемые Геродотом племена невров и андрофагов, как он их называет, — это славянские племена на их старых поселениях, так как он говорит, что это племена не скифские и живут далее на север от скифов. У других писателей племя, жившее на среднем Днепре (в теперешней Киевской губ.), называется амадоками (см. карту на рис. 19). Вообще же из этих далеких стран не доходило почти никаких известий к более культурным народам, грекам и римлянам.

От римских писателей I и II веков по Р. Х. знаем, что славянские поселения на севере простирались тогда до самого Балтийского моря, по соседству с литовскими и германскими племенами. Называли их тогда венедами — так прозвали их германские соседи. Германское племя готы были их соседями на западе — занимали левый берег Вислы. На востоке соседями славян на Балтийском побережье были литовские племена, а за

19. Наш край около Р. Х.

ними — различные финские народы, занимавшие тогда почти все земли на Волге (позже они смешались со славянскими, великорусскими переселенцами, приняли их язык и в конце концов слились с ними в один великорусский народ). В окрестностях Киева и далее на запад имеем от этой эпохи, предшествующей славянскому расселению, так называемые похоронные поля — целые поля-кладбища, где похоронены покойники, одни погребенные, другие сожженные; при их останках находится посуда и разные вещи, случаются и римские монеты II—I веков до Р. Х. и позднейшего времени.

На этих своих старых поселениях славянские племена жили очень долго, с незапамятных времен. При передвижении их соседей, вероятно, подвигались на запад и юг и разные славянские племена. Но великое славянское переселение наступило позже, главным образом с IV века по Р. Х., когда на запад двинулись германские племена, а на юге в степях и на степном пограничье очистили славянам место гунны.

Германские племена, жившие по Висле, Одере и Эльбе, издавна двигались отсюда на юг. В III веке до Р. Х. двинулись оттуда в прикарпатские края и затем далее к Дунаю упомянутые уже племена бастарнов. Во II веке по Р. Х. двинулись от Вислы на юг племена готов. Не найдя себе приюта ближе, они прошли к самому Черному морю, разогнали аланские племена и поселились на побережье от Дуная до Азовского моря. Это были воинственные племена, часто предпринимавшие нападения на римские земли и греческие прибрежные города; эти нападения очень на шумели в свое время, и благодаря этому знаем кое-что об этих германских племенах. Вскоре, однако, постигла и их беда, когда в конце IV века, около 370 года, ворвалась в Европу первая тюркская орда, называемая гуннами. Она разгромила аланское население, жившее по соседству Каспийского и Азовского морей, и обрушилась на готов. Старый готский король Германарих так поражен был этой катастрофой, что сам лишил себя жизни, чтобы не видеть несчастья своего народа. Действительно, гунны привели в страх всех; перепуганные современники описывают их как чрезвычайно дикую и бесчеловечную орду, мало даже имеющую сходства с людьми. Готы пробовали защищаться, но после первых неудач мужество их оставило, и они бросились спасаться от гуннов за Дунай; некоторые покорились гуннам. Но гунны сами двинулись далее на запад, в степи нынешней Венгрии, а с ними и готы; лишь небольшая часть их осталась около Азовского моря, в Крыму и на Кавказском побережье.

Таким образом, перед славянами открылись обширные про-

странства одновременно и на западе и на юге, и они начинают широко расселяться в это время. Западные племена, из которых образовалось позднейшее население польское, чешское, словацкое и почти исчезнувшие теперь племена полабские и поморские (на Балтийском побережье), двинулись на места прежних германских поселений по Висле, Одере и Эльбе. Южные племена, из которых образовались теперешние болгары, сербы и словенцы, двинулись за Карпаты, на Дунай и за Дунай, в земли балканские. Племена юго-восточные, из которых образовался украинский народ, двинулись со своих прежних поселений в соседние области, оставленные западными и южными племенами, и на юг в степные и пограничные с степями местности, опустевшие после гуннского нашествия. Здесь впервые и встречаем мы специальные известия о наших племенах, о нашем народе отдельно, а не обо всем славянстве, как прежде.

10. Украинское расселение. Анты

Живя на своих старых поселениях, в самом близком соседстве, славяне говорили и наречиями более близкими, и нравы и быт их были более схожи, чем позже, когда они расселились так широко. Однако и тогда была вполне определенная разница между отдельными племенами и группами племен, выступившая лишь яснее после расселения. Греческие писатели, писавшие о славянах в эпоху их расселения, отличают на юге, по соседству с Византией, словен и антов. Словенами называют они племена, обитавшие по Дунаю и в балканских землях, антами — живших по Днестру, по Днепру и далее на восток до Азовского побережья. Это и были наши украинские племена, захватившие тогда все Черноморское побережье от Днестра до Азовского моря и выступающие здесь впервые в исторических источниках отдельно, под названием антов.

Самое раннее известие об этих антах, переданное нам византийскими писателями, относится к концу IV века, непосредственно после гуннского нашествия, — и это то, что называется началом исторической жизни для наших племен. Историк Иордан, написавший историю готов, сохранил для нас интересное известие, что готский король Винитар, один из преемников Германариха, воевал с антами (само имя Винитара — вероятно, прозвище: победитель винитов, т. е. славян). В первой битве, говорит Иордан, анты победили готов, но Винитар не пал духом и продолжал войну с ними далее, разгромил, взял в плен князя антов Божа и

старейшин их и, чтобы устрашить антов, велел предать пленников страшной смерти — распять на крестах. Но гунны взяли потом антов под свою защиту и разбили Винитара.

Вероятно, тогда столкнулись анты с готами, двинувшись в черноморские степи, и война эта указывает именно на это антское, т. е. украинское расселение в степях. Война с готами не остановила движения этих племен, как не останавливали и другие столкновения и войны со здешним населением. Живя среди воинственных народов степей, эти степные украинцы, анты, сами привыкали к военной жизни, отправлялись в разбойничьи набеги вместе с гуннами и их земляками болгарами (тюркской ордой, позже поселившейся на Балканах среди славян, смешавшейся с ними и передавшей им свое имя). Отвыкая от мирных занятий, они все более привыкали к войне, как позднейшие козаки. Забросили земледелие, жили в жалких хижинах, в нужде и бедности, не имели железных доспехов, как греки; оружие у них было самое жалкое — пара каких-нибудь копий; выступать открыто, в строю они не любили; но неожиданно захватить, напасть и снова разбежаться, завлекая врага — были мастера; проворные, выносливые, они отлично умели устроить засаду, притаиться — даже в воде, и этой выносливостью удивляли греков. Ходили они за добычей в византийские земли; иногда Византия платила им, чтобы они обратили свое оружие против ее врагов. Так, в 530-х годах произошла у антов война с их соседями словенами заднеэстровскими, вероятно, по договору с византийским правительством, сильно терпевшим от нападения словен; позже, в 580-х годах, греческие историки говорят совершенно определенно, что Византия тогда натравила антов на словен.

По поводу войны антов со словенами в 530-х годах, о которой я только что упомянул, византийский историк Прокопий сообщает интересные известия о жизни антов и словен и между прочим описывает такой случай. У греков был воевода Хилвудий, очень успешно защищавший византийские земли от словенских и антских нападений; в одном походе на словен он был убит, и последние снова начали грабить византийские земли. Спустя некоторое время один греческий пленник, живший у антов, рассказал своему хозяину, что Хилвудий не умер, а живет среди словен в качестве пленника, но словены не знают этого. Ант выкупил сейчас же этого Хилвудия, привел его к себе и стал расспрашивать, действительно ли он тот знаменитый воевода Хилвудий. Выкупленный сказал, что он вовсе не грек, а ант по происхождению, только называется Хилвудием, а попал к словен-

нам в плен во время предыдущей войны. Но хозяин ему не поверил и представил дело землякам по-своему. Анты очень обрадовались, что среди них находится такой знаменитый воевода. Они собрались на большое вече, какое обыкновенно созывали во всех важных делах — так как не имели одного главы и во всех делах советовались сообща, поясняет Проконий. На вече они велели своему Хилвудию не признаваться, что он не настоящий знаменитый Хилвудий, сами же решили обратиться к византийскому императору. Тогдашний император Юстиниан убеждал антов переселиться на византийские земли, чтобы защищать их от врагов, и за это обещал им плату. Анты теперь соглашались на это предложение с тем, чтобы с ними жил и отысканный ими воевода Хилвудий. Бедный Хилвудий должен был отправиться для переговоров по этому вопросу в Константинополь, но по дороге его схватил византийский полководец Нарзес и велел заковать в цепи, как обманщика, и переговоры императора с антами прервались.

Так случайно узнаем кое-что о наших предках, какой-нибудь случай бросит вдруг луч света и осветит перед нами старую жизнь: как жили, с кем воевали эти козаки VI века по Р. Х., какое у них было устройство и отношения.

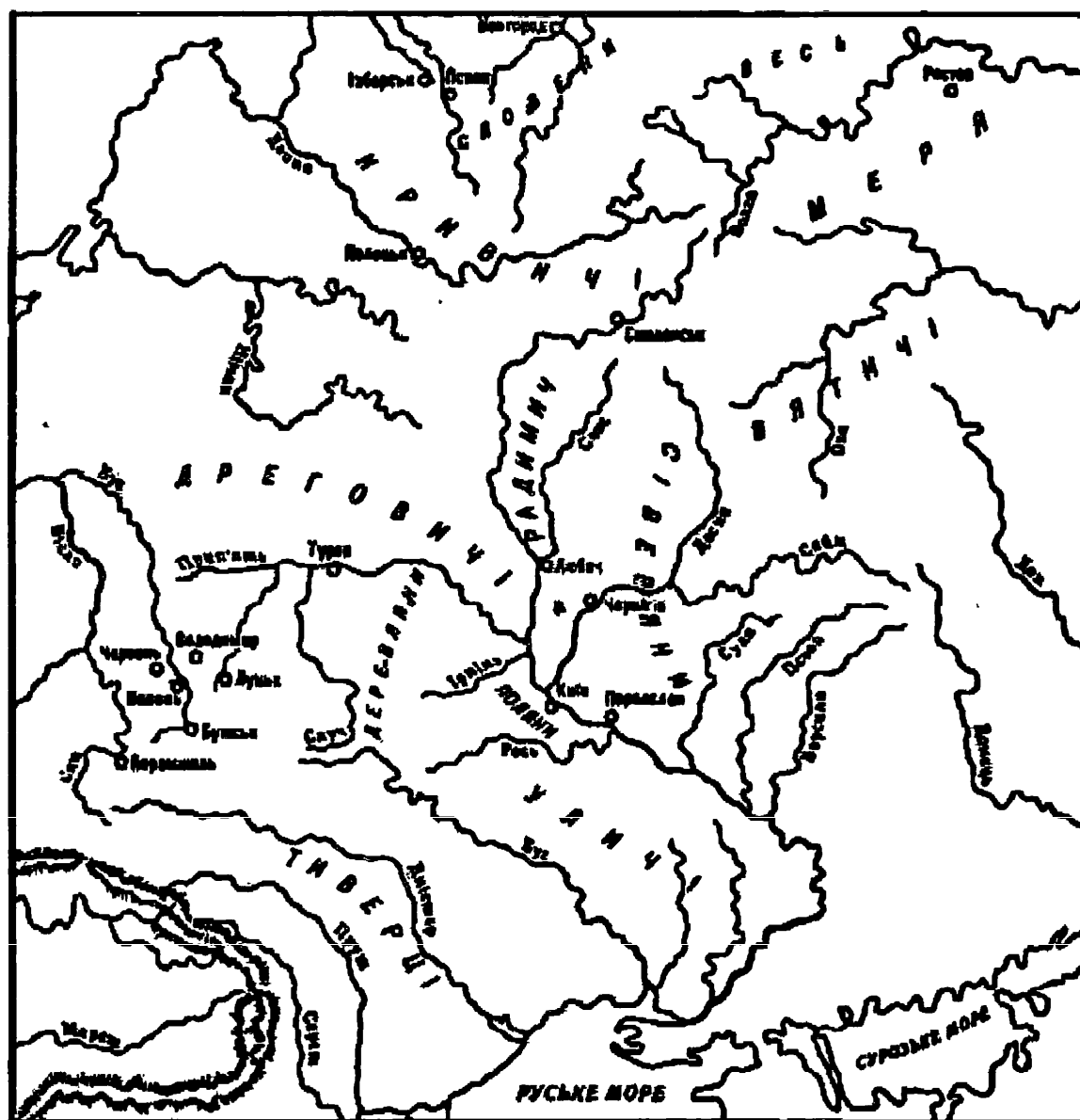
У другого греческого писателя того времени, Менандра, сохранилось известие о борьбе антов с ордой аваров, двинувшейся в черноморские степи в половине VI века. Битвы с ними были неудачными для антов, довольно много их попало в плен, и авары начали опустошать земли антов. Выручать пленников и мириться с аварами анты послали наиболее выдававшегося среди них человека, по имени Мезамира. Но это был человек гордый и смелый, не смолчал пред аварским каганом и ответил на его хвастливые слова смело и резко. Тогда один болгарин, бывший в милости у кагана, стал его подговаривать, чтобы он убил этого Мезамира, так как он пользуется большим влиянием среди антов и может их поднять против аваров. Каган послушался, убил Мезамира, а авары начали опустошать земли антов еще хуже.

Память об этих бедствиях от аваров долго сохранялась среди украинского населения. Киевский летописец записал рассказ о том, как обры (авары) мучили дулебов — украинское племя, жившее на Волыни; он рассказывает, что обры запрягали в возы дулебских женщин и ездили на них: «Были эти обры телом велики, умом горды, и погубил их Бог: умерли все, и не осталось ни племени, ни последка, так что сбылась поговорка: погибли как обры», — говорит летописец. Но в действительнос-

ти обры не погибли так скоро, а только перешли дальше на запад, в Венгрию.

11. Украинские племена

Степные бури, вроде описанного аварского погрома, не могли напугать привыкших ко всякой беде степных предков наших, и они продолжали держаться в степях и даже подвигались все дальше: на восток к Азовскому морю, на запад к Дунаю. Их расселению много помогало то, что в прикаспийских степях с концом VII века получила преобладание новая орда, хозарская, не такая хищная, как другие: получая различные доходы с тор-

20. Расселение племен IX—X вв.

говых городов на Каспийском и Азовском побережье, хозарские правители, наоборот, заботились о поддержании спокойствия и безопасности в этих странах, не пропускали из-за Каспийского моря новых турецких орд, теснившихся в черноморские степи, и благодаря этому жизнь здесь стала спокойнее и безопаснее. Украинское население на своих новых обиталищах занялось земледелием, торговлею, а от войны отвыкало. Это, однако, имело и свою небезопасную сторону: отвыкшее от воинственной, тревожной жизни население не могло вынести потом тревог и разорений, когда хозарская орда ослабела и разные турецкие орды снова нахлынули в черноморские степи: не будучи в состоянии ужиться с ними, украинское население стало покидать степи и уходить в более безопасные места, в лесную полосу на север, в горы на запад, хотя там не было такого приволья, как в плодородных степях Черноморья.

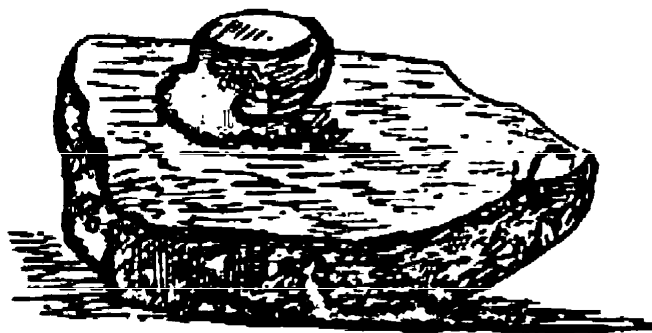
Известий из этого времени сохранилось очень мало. Все известия, какие мы имели до этого, шли из греческих источников; но в начале VII века греки совершенно забросили свою северную границу, будучи не в силах защищать ее от славян и аваров, а вместе с тем перестали интересоваться Черноморьем. В течение трех столетий почти ничего не слышим о нем. Об аятах последнее упоминание имеем от 602 года, и в последующие VII—VIII века имя это, очевидно, исчезло. В известиях о Черноморском побережье, степях и предстепье, собранных императором Константином Порфирородным в половине X века (около 950 года), упоминаются уже отдельные украинские племена: ульцы, древляне, лучане и киевская русь. Более подробные известия об этих племенах дают киевские летописцы, писавшие сто лет спустя, в XI веке. От них мы знаем, что за Днпром, на левом берегу, по Десне, Сейму и Суле, в теперешних Черниговской и Полтавской губерниях жило большое племя севера, или северяне (более значительные города: Чернигов, Новгород-Северский, Любеч и Переяслав). На правой стороне Днепра, около Киева, обитали поляне, называвшиеся иначе русью. За полянами далее на восток в дремучих лесах по Тетереву, Уши, Горине жили древляне, т. е. лесные люди, а за Припятью дреговичи, «болотные» (дрегва значит болото). На Волыни, за Случью, жили дулебы; ближе к Черноморскому побережью, около Днепра жили уличи, а далее на запад, над Днестром — тиверцы. Какие племена жили над Доном и на Азовском побережье и как называлось население Подкарпатья, в Галиции, летописцы умалчивают. Но и там, и тут, очевидно, жили также украинские племена, или точнее говоря — юго-восточные сла-

вянские племена, из которых образовался теперешний украинский народ; не знаем только их племенных имен.

12. Быт украинских племен

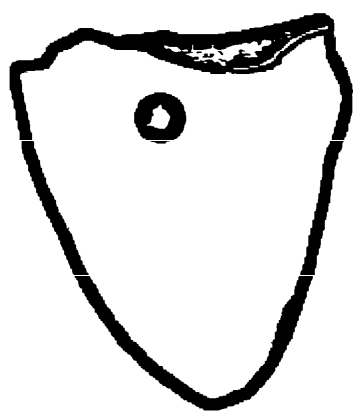
Об этих племенах летописец замечает, что они различались между собой своими нравами и бытом: «имели каждый свои обычаи, законы и науку отцов своих — каждый свой нрав». Но эти отличия не были велики, гораздо более в жизни и быту всех этих племен было одинакового или схожего, и по рассказам летописцев и других киевских источников, из известий иностранцев, описывавших эти края, по находкам в старых могилах и кладах, наконец и по данным самого языка, можно составить довольно полное понятие, как жилось населению Украины в ту эпоху, после его расселения на новых обиталищах на теперешней украинской территории. Разумеется, не одинакова была эта жизнь в больших, богатых торговых городах и в глухих деревнях, хуторах, среди дремучих лесов, далеко от света — как и теперь есть большая разница между горожанами и жителями глухих деревень. Но отличия племенные, указываемые летописцами, не имеют большого значения; значительны они были только в его глазах, как и теперь часто люди из одной местности дразнят своих соседей, если они употребляют какое-нибудь особенное слово, иначе выговаривают или немного иначе одеваются, хотя в сущности это совершенные пустяки.

В это время украинское население занималось земледелием повсеместно и по большей части им жило. Это отразилось и в языке: слово жито, которым называли зерновой хлеб, собственно означает то, чем живут люди. Еще в те времена, когда люди не знали металлических орудий, пользовались камнем, началось на Украине земледелие; теперь даже в глухих краях, как, напр., у древлян, о которых киевский летописец рассказывал, что живут они «позвериному», «как скот», —

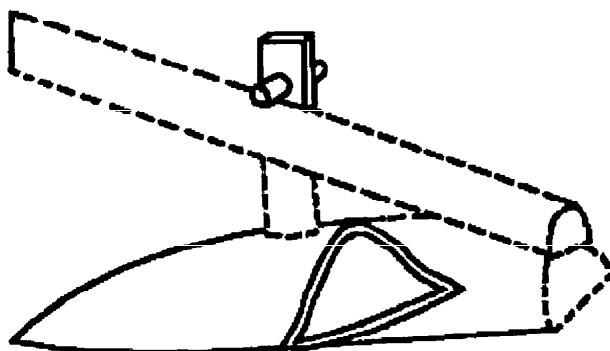

21. Зернотерка из домикенских мазанок — один из древнейших следов земледелия в Украине (меньшим закругленным камнем растирали зерно на большом камне)

и там люди пахали и сеяли и питались земледельческим трудом. В могилах древлян и северян отыскивались серпы и зерна различного хлеба (ржи, овса, ячменя или пшеницы). В различных писанных источниках упоминаются почти все теперешние роды хлебов (кроме гречихи), из земледельческих орудий упоминается рало, плуг, борона, мотыка, заступ, цепь; говорится о том, как люди пахали, сеяли, жали, молотили, веяли. Хозяйство тогдашнее, значит, подходило довольно близко к нынешнему, не было только мельниц, а мололи зерно на небольших ручных жерновах. Разводили всякий скот, но птицы водили еще мало; зато очень много занимались пчеловодством: сами употребляли много меду, продавали мед и воск соседям, и подати князьям также платили медом и воском. В лесных краях держали пчел в бортиках, т. е. в дуплах, выдолбленных довольно высоко, так чтобы нельзя было достать от земли, в эти дупла пускали рои; где не было лесов, держали рои в ульях. Звероловство, которым некогда питались главным образом, теперь потеряло свое прежнее значение с развитием земледелия: зверя ловили больше для меха, чем для пищи, или развлекались охотой — богатые люди, бояре и князья. Зверя всякого в то время водилось еще много. Киевский князь Владимир Мономах в поучении своем сыновьям рассказывает о своей охоте: в Чернигове, говорит, взял на узду 120 диких коней в тамошних пущах; по Роси (в Киевской земле) также ловил лошадей собственными руками; описывает различные свои приключения: два тура (диких быка) взяли его раз на рога вместе с конем, «олень меня бил рогами, один лось топтал, а другой бил рогами; дикий кабан оторвал у меня меч от пояса, медведь вырвал у меня кусок седла из-под самого колена, барс вскочил на меня и опрокинул меня с конем»...

22. Наральник из времен Киевского государства

23. Рало, его приблизительный вид

Так как дикого зверя и птицы водилось еще много и домашний скот содержать было легче, так как пастбищ и сенокосов было больше, население, вероятно, больше питалось мясом, чем теперь. Однако и тогда уже ели более всего растительную пищу: хлеб, кашу, вареные овощи. Хлеб замешивали на дрожжах и пекли в печи, так же как и теперь; мясо большею частью ели вареное. Пили больше всего меду, и очень много — все, начиная бедными людьми и кончая князьями. О князе Владимире летописец рассказывает, что он велел развозить нищим и убогим хлеб, мясо, разные овощи, мед в бочках, а в других квас. А что ели богатые люди, видно из распоряжения князя Ярослава, что должно давать население княжеским людям, ездившим для сбора податей: княжескому вирнику и его помощнику каждый день хлеб, мера пшена и гороху для каши, пара кур, комок («головажень») соли, ведро солоду для пива, раз в неделю теленка или полоть мяса, в скоромный день сыр, в пост вместо мяса рыбу.

Одежда была довольно проста. Носили сорочки полотняные и штаны, сверху свиты, а иногда еще и плащ («корзно»), на ногах вязаные чулки и сапоги или поршни; на голове шапку меховую или вязаную.

В старых могилах тех времен встречаются остатки шерстяных и полотняных материй, льняного и посконного полотна, грубого и более тонкого тканья, ременные пояса и около пояса ножик, гребешок, кожаный мешочек с разными принадлежностями — огнивом, маленьким бруском для точения; на ногах невысокие остроконечные сапожки, сшитые на подошве из тонкой выделанной кожи (вроде сафьяна). У женщин ожерелья (гривны), сплетенные из проволоки, на голове шапочки или наголовники, обшитые различными украшениями (см. рис. 24), на висках кольца, нашитые на ре-

24. Женский убор из славянских могил (Полтавской губ.) эпохи по расселении

мень; в косы вплетались также кольца, — они так и лежат иногда на костях рядом, от висков ко лбу, или от висков на грудь, как лежали косы. Богатые носили шелковые одежды из греческих или арабских материй, златотканой парчи и дорогих мехов, золотые уборы, цепи, медальоны, золотые пуговицы, наборные металлические пояса. Когда князья, войдя в более близкие сношения с византийским двором, заимствуют оттуда различные убранства и моды, то им подражают в этом также и бояре и богатые люди.

13. Характер, нравы и религия

Иностранцы хвалят украинское население того времени за искренность и приветливость. В особенности интересна характеристика антов и словен, т. е. украинцев и их соседей VI века, времени расселения. Византийский писатель Прокопий говорит, что они ласковы к иностранцам, гостеприимно принимают их и провожают дальше, чтобы не приключилось с ними какого-либо несчастья. Женщины их чрезвычайно верны своим мужьям и часто убивают себя, когда муж умирает. Очень любят свободу и никому не хотят служить или быть под чьей-нибудь властью. Но не уживчивы, не любят подчиняться мнению большинства, каждый тянет врозь, и поэтому бывают между ними ссоры и кровавые драки. То же говорят и позднейшие писатели об украинских племенах и других славянах того времени. Говорят о них, что это люди отважные и воинственные, и никто не мог бы им противиться, если бы они поступали дружно.

Любили повеселиться и потешиться, попеть и попить. Без песни, танцев, игры не обходилась никакая оказия. Летописец с неудовольствием рассказывает об игрищах того времени, устраивавшихся между селами, а на них «плясания и всякие бесовские песни» — все это было связано со старым язычеством и потому претило ему. «С плясаньем, гуденьем (музыкой) и плесканьем» праздновались свадьбы. О киевских войсках византийский историк рассказывает, что там целые ночи проводили в музыке, танцах и пьянстве. «Руси есть веселие пити, не может без того быти», — говорит князь Владимир; в рассказе о его крещении киевский летописец вложил в его уста ходячую киевскую поговорку. И всякого рода языческие праздники, а затем и христианские, рождение и похороны — все обычно справлялось с обильной выпивкой.

Этот веселый и ясный характер отразился и в обычаях и законах. В древнем нашем праве не было смертной казни для преступников, не калечили их, отрубая руки, отрезывая уши, носы, как это делали по законам византийским. Позже духовенство, заимствовав вместе с церковными книгами также и книги византийских законов, пробовало по примеру Греции и у нас завести такие смертные казни и увечья, но население не мирилось с этим. Наказывали денежными пенями, сажали в тюрьму, в худшем случае отдавали в кабалу, чтобы виновный отработал причиненные потери и убытки, но кровь проливать, посягать на жизнь человеческую не любили. Другое дело война; там уже как придется — это считалось судом Божиим. Но калечить человека и лишать его жизни — это было не в нравах того времени.

Ясным взором смотрели и на окружающую природу; не знали темных суровых богов, завидующих счастьем человека. Выше всего славили и почитали свет и солнечную теплоту, проявляющую себя в солнце, в тепле, в обильной растительности, во всей жизни природы. Прокопий рассказывает об антах и словенах своего времени, что они почитают единого бога, т. е. бога неба, посылающего свет и молнию. Кажется, его называли Сварогом. В позднейшие времена различные проявления этого светлого бога называли разными именами. Именем Хорса и Даждь-бога, т. е. подателя всякого добра, называли солнце. Именем Перуна — грозную громовую силу, гремящую и бушующую во время бури и грозы. Огонь называли Сварожичем, сыном великого Сварога, небесного света и огня солнечного или молниеносного. К старшим богам принадлежали также Велес или Волос, «скотий бог», покровитель скота. Все они назывались богами, — слово это означает добро, благо (отсюда такие слова как богатый и убогий — лишенный добра), а затем — подателя всего доброго. Эти боги и по введении христианства остались в верованиях населения, только прикрылись именами христианских святых: так, различные воззрения с Перуна перешли на Илию, с Велеса на св. Власия и т. п.

Кроме таких главных богов старый украинец видел вокруг себя множество всяких живых существ; вероятно, их звали бесами, и это имя тогда не обозначало непременно что-то злое: только потом христианское духовенство сделало из этих бесов алых адских джуров. Предки наши думали, что эти существа живут в болотах, лесах, полях, источниках, и почитали их, приносили им жертвы, чтобы они им не причиняли вреда. Об этом упоминают духовные писатели первых времен христианства на Руси:

они укоряют людей в том, что они приносят жертвы бесам, болотам и колодезям, молятся в лесах и около воды. Многие из этого сохранилось и до нашего времени: предания о водяных, русалках, леших; и теперь в некоторых местностях ставят разную пищу на колодцах. Но теперь верования об этих старых бесах смешались с верованиями в души умерших, «дидькив» (т. е. души дедов), живущих в жилищах и дворах; утопленницы («мавки») смешались с древними русалками и т. п.

Отдельных храмов, особенных жрецов для служения этим богам не было. Каждый сам приносил жертву или молитву богам за себя и свою семью. Арабский писатель IX века передает нам молитву наших предков во время жатвы: берут, говорят, просо в ковше, поднимают к небу и молятся: «Господи, ты давал нам доселе пищу, дай нам ее и теперь вдоволь». Молились где-нибудь в укромном месте, над водой, где человек живет всего чувствует дыхание таинственной силы, оживляющей природу. Идолы богов встречались редко, вероятно только в больших городах.

Относительно человеческой жизни верили, что она не оканчивается со смертью; умершие продолжают жить и могут появляться среди людей; поэтому хорошими, щедрыми похоронами нужно обеспечить себе расположение покойника, чтобы он не надоедал и не вредил после смерти. Погребая покойника, вместе с ним клали разные домашние вещи, убивали домашний скот, а в более древние времена часто случалось, что и жена-вдова убивала себя на могиле. Арабский путешественник описал, как он был свидетелем похорон приезжего купца из Руси в 922 году: его одели в самую лучшую одежду, посадили в его ладье, устроив над ним шатер, положили около него его оружие, разную пищу и питье. Спросили его невольниц (вероятно, привезенных на продажу), не хочет ли кто-нибудь из них умереть с ним вместе, чтобы жить с ним и с душами родителей в прекрасном зеленом саду (т. е. раю). Одна согласилась, и ее убили в день похорон и положили с мертвецом. Потом бросили туда же, в ладью, еще двух лошадей, двух коров, собаку, петуха и курицу, разрубив их на части, и затем сожгли все это, а на месте сожжения насыпали курган.

Этот рассказ соответствует тому, что в действительности находится в украинских курганах IX—X веков. Погребальные обычаи не были одинаковы. В одних местностях хоронили покойников, погребая в земле, в других сжигали и засыпали землей, или сжигали в другом месте, а затем пепел и остатки собирали в посудину и насыпали над ней курган. Вместе с покойником

засыпали или сжигали разное имущество его. На могиле справляли поминки, так называемую тризну — пили, забавлялись, иногда устраивали разные игры, при чем досыпали курган. Покойникам ставили пищу на могиле или за ежедневным обедом отделяли им пищу (как это и до сих пор еще в обычае на Полесье). Жизнь человека за гробом представлялась в виде полного продолжения его земной жизни.

14. Семья, род и община

Киевский летописец, описывая быт старых украинских племен, хвалится, что только его земляки поляне имели добрые обычаи, жили тихо и скромно, и брак у них был правильный: невесту приводили к жениху, а на другой день приносили ее приданое. Другие же племена, говорит он, жили как звери: у древлян, северян и других не было «браченья», правильного брака; они похищали себе жен у воды или на игрищах, устраивавшихся между селами; похищали себе в жены, кто с кем сговорился, и имели по две и по три жены. Однако в действительности не было такой большой разницы между полянами и другими племенами.

Не только в то время, но и долго спустя после того, как введено было христианство, водилось так, что более богатые и знатные люди имели по две жены и более (духовенство старалось добиться только того, чтобы одна жена, венчанная, считалась главной и настоящей). Свободно и легко разводились, отсылая жену, а вместо нее брали другую. Женам же внушалось, что они должны быть верными своим мужьям, и верность украинских да и вообще славянских женщин славилась широко.

Брак совершался или в форме покупки — муж якобы покупал себе жену, или в форме похищения — якобы увозили ее силой. Когда-то действительно таким способом добывали себе жен, но в те времена это был только обряд — так и летописец говорит, что мужчины похищали себе жен на игрищах, кто с кем условился заранее. Следы этого до сих пор сохранились в опадном обряде: род невесты сторожит девушку, а бояре жениха силой добывают ее и убегают с ней:

Припадь, припадь, Марисуню, до столу,
Обступили боярчики докола,
Кіньми грають, двір рубають,
Шабельками витинають, Марисуні шукають.

В древних игрищах эта форма похищения, «умыканья», выступала яснее. А купля жены и в теперешнем свадебном обряде сохранилась в полной свежести:

Татарин, братик, татарин, продав сестру за таляр,
Русу косу за пятак, біле личко пішло й так...

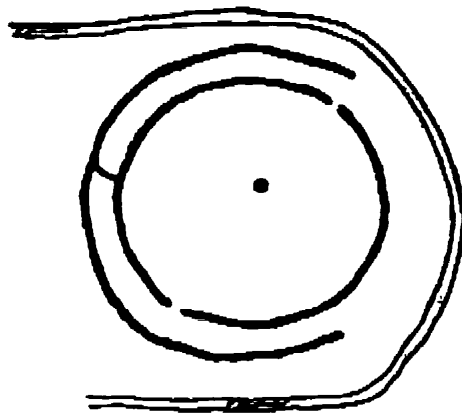
Купленная или похищенная жена была первоначально собственностью мужа, как каждая вещь его хозяйства; память об этом сохранилась в старом обычае, что жену убивали на могиле мужа, точно так же, как его коня или собаку. Позже, когда взгляды и отношения сделались более человеческими, жене предоставляли свободу выбора: она могла убить себя в доказательство верности мужу, если сама того пожелает, но и этот обычай, как видно, вышел из употребления в X—XI веках, так что наши летописцы того времени совершенно не упоминают о нем. Положение жены в семье и значение ее также поднялись очень высоко за это время. По киевскому праву, муж, убивший жену без вины, платил за голову ее такую же пеню, как и за постороннего, ему не принадлежащего человека. Со смертью мужа жена занимала первое место в семье и сама вела хозяйство; только в случае, если вдова выходила замуж вторично, детям давали опекуна.

Семьи тогда были более многолюдны, чем теперь. Еще сто лет тому назад (а в некоторых местностях и до недавнего времени) встречались у нас такие семьи, в которых бывало двадцать, тридцать душ; сыновья не отделялись, братья не делились по смерти отца, а вели далее хозяйство сообща, под началом или старшего или более умелого «завідці». Такая большая семья да, вероятно, и всякая семья вообще называлась в X—XI веках «родом». «Жили каждый своим родом на своих местах, управляя каждый своим родом», — повествует киевский летописец о древней украинской жизни. Раньше эти «роды» были еще обширнее, к роду причислялись семьи, родственные между собой хотя бы отдаленно, как поется в свадебных песнях, в которых вообще сохранилось много воспоминаний о глубокой старине:

Ой роде, роде богатий — подаруй нам товариць рогатий:
Ви дайте, таточку, волики, а ви, мамонько, корову,
А ви дайте, братчики, баранці, а ви дайте, сестрички, ягнички,
Ви, далекий родочку, червоні...

Эти древнейшие обширные роды затем разбились, прежние связи ослабели, и вместо кровного родства все большее значение получали связи соседские, близость не по происхождению, а по

месту жительства. Семьи, живущие в соседстве, хотя бы и не одного рода, не одного происхождения, сообща вели всякие дела, касавшиеся данной местности, с общего совета «веча (совещания) старцев», т. е. старейших представителей местных семейств — «родов». Старые поселения не имели скученного характера, как теперь: «роды» жили особняком, «о себе», как говорит летописец — как заднепровские хутора или горские карпатские села. Их члены сходились на определенные места — на праздничные «игрища между селами», на судные «коповища», где чинили суд над преступниками, отыскивали виновников. Общими силами для защиты от врагов и убежища в опасную минуту ставили себе «город», т. е. огороженное место, обведенное рвами и валами, куда можно было свезти старых и малых, женщин и детей и всякое добро при угрожавшей опасности. Вся украинская территория покрыта такими городищами — более древними, служившими убежищем еще во времена каменной культуры, более новыми, созданными в эпоху расселения, и еще более поздними — княжеских времен. Встречаются среди них городища небольшие, пригодные только для одного рода — семьи, и большие, где могло укрыться население всей окрестности. Большинство этих городищ стояло пустыми в мирное время и оживлялось только во время опасности. Но некоторые привлекали к себе людей, поселявшихся здесь на постоянное жительство; так выросал около «города» так называемый «острог» — поселения, обведенные укреплениями на случай враждебных нападений; поселялись купцы, заводили торговлю, устраивали себе дворы представители более богатых семей, люди, пользовавшиеся властью и значением. Такой город становился центром и руководителем более или менее значительных окрестностей: как решала его община, так поступали соседние села. Со временем имя города принимало соседнее население. Так, на месте старых дулебов видим позже бужаян и волынян, называвшихся так от городов Бужска и Волыня; черниговцы и переяславцы появляются на старой северской территории; туровцы и пиняне в земле дреговичей.

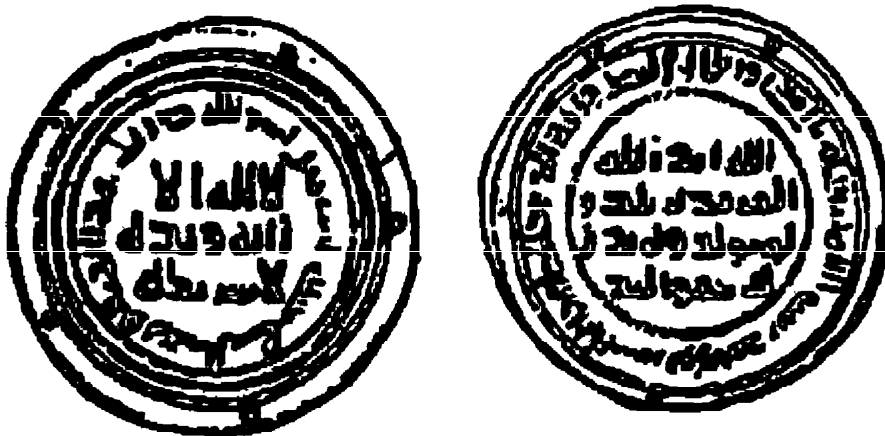

25. Городище из старейших: стоит на окруженном рекою выступе, с более доступной стороны обведено вторым валом

15. Торговля

Среди причин, возвышавших некоторые города над прочими, над целыми большими округами, большое значение имела торговля и торговые пути. В теперешних украинских землях, как мы уже знаем, издавна велась торговля с черноморскими прибрежными городами, с каспийскими и туркестанскими краями. И когда украинские племена расселились на своих новых поселениях, эта торговля перешла в их руки. Они вошли в торговые сношения с греческими городами, уцелевшими в Крыму и над Дунаем, а затем, не удовлетворяясь этим, завели торговые сношения с самой столицей Византии и с Цареградом (Константинополь). Из наших краев вывозились туда на продажу меха, воск, медь и невольники; у греков покупались разные дорогие материи и всякие изделия из золота и серебра, вино, пряности.

Когда в степях водворились тюркские орды, прежде всего — печенеги, пробившиеся в наши степи в конце IX века, путь через степи стал труден и опасен, и купцы ходили в Цареград большими караванами, чтобы в случае нападения иметь возможность отбиться от врагов. Греческий император Константин Порфирородный рассказывает очень подробно о том, как ходили купеческие караваны в Константинополь. Зимой, по его словам, в поднепровских лесах население рубит лес и из него изготовляет лодки; затем весной сплавляют их в разные торговые города, а более всего в Киев; там к этим лодкам приделывают рули и всякую снасть от прежних лодок и снаряжают их к плаванию. Тем временем съезжаются купцы со своими товарами. В июне месяце выезжают лодки из Киева. Еще три дня стоят под Вити-

26. Арабская монета дирхем 708 года

чевом, ожидая отставших, затем плывут вниз по Днепру, соблюдая всяческую осторожность относительно печенегов, устраивавших в различных местах засады и нападавших на купцов. В особенности опасен был переход через Днепровские пороги; лодками плыть здесь было нельзя — они могли разбиться; приходилось переносить на плечах товары, а лодки волокли берегом или переносили на плечах. Невольников, которых везли на продажу, вели берегом, закованных в цепи, чтобы они не убежали; они же несли на себе разную поклажу с лодок. Купцам приходилось одновременно стеречь невольников, чтобы они не убежали, и держаться настороже от печенегов. Так приходилось обходить каждый порог. Пройдя пороги, отдыхали на острове, где впоследствии была Сечь, — у Константина он называется островом св. Георгия, а в козацкие времена остров этот назывался Хортицей; здесь под огромным дубом купцы приносили жертвы богам, чтобы они даровали благополучный путь: под деревом раскладывались хлебы, мясо, приносили в жертву кур — бросая жребий, убить ли курицу, или пустить живую. Затем другая остановка была на острове у Днепровского лимана (теперешний Березань), и затем вдоль берега Черного моря плыли в Константинополь.

Там для наших купцов было отведено предместье у моря, на пристани, около церкви св. Маманта, и собиралась их там не одна сотня. Византийское правительство очень опасалось этих купцов. В те времена торговлю вести приходилось с таким расчетом, чтобы при всяком случае суметь защитить оружием себя и свой товар. Купцы сами были военные люди, продававшие собранную добычу, и при каждом удобном случае готовы были поискать новой добычи, ограбить, наловить невольников на продажу или запасться таким образом каким-нибудь другим товаром. Боясь киевских князей, греческие императоры не решались препятствовать в торговле их купцам — они даже обязывались доставлять им все нужное для жизни за все время пребы-

27. Византийские монеты из наших находок; серебряная монета императоров Василия и Константина, современников Владимира Святого

вания в Константинополе, но от всех приезжающих требовали княжеского удостоверения, что это действительно купцы, а не какие-либо искатели приключений, и независимо от этого принимали всяческие меры предосторожности: позволяли им входить в город только в одни ворота, без оружия, небольшими партиями, не более 50 человек сразу, и не иначе как под присмотром византийских чиновников.

В другом направлении, за товарами арабскими и персидскими купцы из наших земель ездили в старую хозарскую столицу Итиль на устье Волги, где теперь Астрахань. Хозарские каганы (ханы) с давних времен покровительствовали торговле, и их столица сделалась большим торговым городом: здесь жило много купцов из арабских и персидских стран, много евреев, занимавшихся перепродажей товаров, много греков и славян. Здесь можно было вдоволь запастись товарами, на которые был спрос среди богатых классов других стран — опять-таки роскошные материи, уборы, стеклянные и металлические изделия, пряные коренья, доставляемые сюда караванами на верблюдах из далеких стран и на кораблях по Каспийскому морю. Не удовлетворяясь торговлей в Итиле и в другом таком же большом торговом центре (выше по Волге) — Болгаре (около теперешней Казани), наши купцы спускались по Каспийскому морю в персидские города, оттуда отправлялись еще далее, в знаменитейшие торговые центры арабского калифата. Доставляли туда свои продукты, более или менее те же, что и в греческие края, а взамен приобретали арабские товары и продавали их затем по своим городам и далее — в городах западных славян и в немецких землях. Много привозили также арабских денег в наши края.

16. Князья и дружина

Если припомним, как тогда велась торговля, что такое были тогдашние купцы — что это были военные люди, вынужденные своим оружием охранять свою торговлю, то будет понятно, что те города, где в особенности развивалась торговля и селились торговые люди, становились вместе с тем военными и политическими центрами. Для охранения торговли в эти тревожные, опасные времена была необходима военная сила, и там, где развивалась торговля, должны были развиваться и военные силы. Без охраны нельзя было отправляться в путь, и дома без помощи войска нельзя было чувствовать себя в безопасности. Са-

мым большим торговым центром в украинских землях во времена после расселения становится Киев; его положение благоприятствовало этому, так как в нем собирались все товары, идущие по Днепру и главным его притокам — Припяти и Десне, впадающим в Днепр выше Киева. Реки были тогда самыми важными торговыми путями. Из рассказов Константина Порфирородного видим, как в Киеве собиралось все торговое движение Восточной Европы того времени. И вместе с тем он неизбежно становится столицей военных сил и княжеской власти, опирающейся на этих силах.

Как это произошло, об этом не сохранилось сколько-нибудь достоверных известий. До греков не доходили известия о том, что происходило в глубине Восточной Европы, что нарастало где-то там, в недрах украинской жизни; в наших же краях письменность начала развиваться гораздо позже, когда изгладилась уже память об этих переменах общественной и государственной жизни.

Греческие писатели VI века говорят об антах, что они не управляются одним лицом, а все решают на общем народном совете — вече. Старейшины, упоминающиеся у антов, не имели ни войска, ни прочной и сильной власти. Греческое военное руководство так называемого Маврикия (составлено во второй половине VI века) говорит, что словены и анты имеют много начальников (оно называет их риксами, словом, которое в древнем языке значило начальник, господин — одного корня с латинским словом rex — король). Эти начальники, — говорит оно, — не живут в согласии между собой, и только сильная опасность, общия пойна может объединить их и доставить верховную власть кому либо из них, хотя бы на некоторое время. В старых преданиях, собранных киевским летописцем, мы встречаемся с воспоминаниями о мелких князьях, существовавших у разных племен, но не имевших большого значения за отсутствием войска и во всем считавшихся с волею общины, старцев — старейшин главнейших родов (так повествует предание о Мале, древлянском князе, воевавшем с киевскими князьями). Поэтому они не могли противостать киевским князьям, когда у последних явилось войско, дружина.

Существовали ли еще у какого-нибудь восточнославянского племени такие могущественные князья, как в Киеве, этого мы не знаем. Арабский писатель Масуди, писавший при князе Игоре, в первой половине X века, вспоминает о каком-то великом и сильном славянском государстве, называвшемся Валинана: он говорит, что у них были раньше свои могущественные князья, преж-

де чем покорили их князья киевские; думают, что тут речь идет о волянянах, но утверждать этого наверно нельзя, так как и само это имя «Валинана» в разных списках называется различно. Наверное знаем в украинских землях таких сильных воинственных князей только в Клеве, но и тут можем только ставить догадки относительно того, как и когда эти князья появились, так как древнейшая киевская летопись составлялась тогда, когда изгладились воспоминания о первых киевских князьях, и самые ранние киевские летописцы рассказывали лишь по догадкам о том, как появились в Клеве позднейшие князья — вожди военных дружин.

ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

17. Киевские предания

О том, как началась государственная жизнь в Киеве — как появилось здесь войско (дружина), и киевские князья, усилившись, стали покорять себе соседние земли и племена, — различно рассказывали в самом Киеве, когда летописцы начали описывать начало Киевского, или Русского государства, как его называли. Одни говорили, что там, где стоит Киев, был некогда перевоз через Днепр и перевозил на нем некий человек по имени Кий; поэтому место это называлось Киев перевоз, а из этого образовался впоследствии город Киев. Князей у полян тогда не было, не было и дружины, и они много терпели от своих соседей, древлян и других; хозары, обложившие данью заднепровские племена, обязали и полян давать дань. Киевляне дали им по мечу от каждого «дыма» (хозяйства). Но хозарская старшина не рада была такой дани, ибо видела в этом предзнаменование, что поляне возьмут верх над прочими племенами и над самими хозарами, так как хозары воюют саблей, острой с одной стороны, а польнянский меч обоюдоостр.

Другие историю о Кие, основателе Киева, рассказывали иначе. Они говорили, что Кий с братьями — Щеком и Хоривом — поставили первый городок, первое укрепление на месте Киева и

28. Золотое ожерелье из Киевской находки

назвали его именем старшего брата: Кий жил на старом городе (где Десятинная церковь), а Щек над теперешнею Кирилловской улицей, — где открыты самые ранние человеческие обиталища, и эта гора, где он жил, называлась Щекавица (теперь гора Скавика); третий брат жил на третьей горе, называвшейся Хоревницей (неизвестно, где именно), а речка Лыбедь под Киевом получила свое имя от сестры их Лыбеди. Для защиты братья поставили себе общими силами городок на горе, где жил Кий, и назвали его Киевом, по имени старшего брата. И от них пошли полянские князья — «род их держал княженье у полян».

Из этих рассказов видно только, что о начале киевских князей ничего верного тогда в Киеве не знали, так как имя Кия и его рода произведены от имени киевских поселений; так обыкновенно рассказывают о начале какого-нибудь поселения, когда не знают его начала. Харьков — ну значит его основал Харько, Чернигов — основал его какой-то Чернига и т. п. Это обычное явление не только у нас, а и везде. Из старых киевских князей или предводителей помнили в Киеве Аскольда, Дира, Олега, так как были их могилы; только об Игоре знали, что он был отцом Святослава и дедом Владимира, а женой его была Ольга; знали позднейших князей, а о старейшинах не могли ничего определенного сказать, когда они жили и принадлежали ли к позднему княжескому роду или нет. О некоторых были кое-какие предания, о других и того не было — ничего, кроме имени или могилы. Рассказывали, что первым князем был Кий, позже были Аскольд и Дир, затем Игорь, а Олег был его воеводой. Из этих рассказов затем грамотные и досужие люди начали составлять историю киевских князей, Киевского государства. Но древнейшие записки об этом — первоначальная киевская летопись — не сохранилась в своем первоначальном виде, а в переделках; в особенности изменением подвергался рассказ о первых князьях — где больше всего было неизвестного и неясного; разные описатели наново переделывали этот рассказ, и по этим переделкам можно видеть, как произвольно соединялись киевские предания и дополнялись собственными догадками летописцев.

Кажется, киевские предания выводили позднейший княжеский род от того же Кия, основавшего Киев. Но в X веке киевский княжеский двор был так наполнен воинственными выходцами из скандинавских краев — варягами, как их здесь называли, что это обстоятельство навело на мысль о варяжском начале и самого княжеского рода. Так именно один из летописцев переделал эту древнейшую киевскую летопись. Он произвел от варя-

гов и киевский княжеский род и название Руси или Русской земли, как называли землю полянскую и киевскую окрестность: представил дело так, что Русью назывались варяги, пришедшие в Киев с своими князьями, и от них имя Руси перешло на Киев и на полянскую землю.

18. Рассказ киевского летописца

В киевской летописи, как мы теперь ее имеем, начало Руси и киевских князей рассказывается так. Род Кия княжил над полянами, но затем вымер. Киев остался без князей, и его захватили два брата, варяжские предводители Аскольд и Дир, пришедшие из Новгорода, из северных стран. В Новгороде тогда господствовали варяги, они брали дань с северных славянских и финских племен: новгородских славян, кривичей, мери; эти племена взбунтовались было и прогнали варягов, но от этого не стало у них больше порядка, в конце концов они решили взять себе князя от варягов: сами добровольно призвали к себе варягов из-за моря, чтобы те княжили над ними. Три брата-варяга, Рюрик, Синеус и Трувор, приняли это приглашение, пришли со своей дружиной и стали княжить в городах новгородских и некоторых соседних, а в других посадили своих людей. Среди последних были упомянутые Аскольд и Дир; они отправились вниз по Днепру и, застав Киев лишенным князей, водворились здесь. Но недолго господствовали они, так как сын Рюрика Игорь со своим воеводой Олегом начал покорять под свою власть города по Днепру и в конце концов подошел к Киеву. Узнав, что здесь княжат Аскольд и Дир, Игорь с Олегом скрыли свое войско в засаде у днепровской пристани и послали сказать Аскольду и Диру, что с ними желают повидаться прибывшие варяжские купцы. Когда Аскольд и Дир, поверив этому, приехали к ним, Игоревы воины выступили из засады, а Игорь заявил Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжеского рода, я князь и мне надлежит княжить». Воины его бросились на Аскольда и Дира и убили их. Аскольда похоронили там же над Днепром, на урочище Угорском, и на его дворе поставлена была церковь св. Николая, а Дира отнесли на Старый город и похоронили там. Княжить в Киеве стал Игорь. От этих-то варяжских князей и их дружины пошло русское имя сперва в Новгород, а затем и в Киев.

Так рассказывает один из летописцев, переделавший более раннюю киевскую летопись, и этот рассказ перешел в историю.

Особенно полагаться на его рассказ нельзя. Летописец рассказывал наугад, многого не зная: не знал даже, что Олег был киевский князь, а не Игорев воевода. Ввиду этого трудно верить ему на слово, когда он рассказывает, что Аскольд и Дир были варяжские предводители, или что Игорь был сыном какого-то новгородского князя из варяжского рода, призванного новгородцами. Трудно верить его уверениям, что имя русское было принесено в Киев варяжскими дружинами из Новгорода: странно, почему не утвердилось это имя за Новгородом, а только за Киевом, именно за киевской окрестностью, полянской землей. Нелегко поверить также и тому, что киевские князья пришли из Новгорода, два раза попарно, одни за другими: сначала пришли Аскольд и Дир, а спустя несколько лет Игорь с Олегом и заняли место Аскольда и Дири.

Не принимая на веру всего того, что рассказывает киевский летописец, как верили раньше, мы кое-чего не можем узнать и из других источников, и эти вопросы остаются неясными для нас. Но лучше признать, что не знаем чего-нибудь достоверно, как оно было, чем повторять, как правду, чужие домыслы. Тем более, что начало государства у других народов обыкновенно остается неизвестным в своих подробностях. Лишь позже, когда государственная жизнь разовьется, появятся письменность, исторические записи, летописи, тогда последние о своих временах и недавнем прошлом начинают рассказывать подробно и верно. Так и у нас из наших летописей довольно хорошо известны события позднейшие, времен Владимира, отчасти его отца, а о предыдущих известно лишь кое-что, по чужим источникам или по позднейшим преданиям.

19. Русь

В известиях иностранцев, сохранившихся от IX и X веков, наши князья и их войска называются постоянно Русью, русскими. В местных же источниках Русью называлась Киевская земля. Догадка старого киевского летописца, что имя Русь было принесено из Швеции варяжской дружиной, не оправдывается: в Швеции такого народа не знали, и шведов никогда у нас не называли этим именем. Откуда взялось это имя в Киевской земле, мы не знаем и не будем угадывать. Но нам важно, что это имя так тесно связано с Киевом, и из этого мы заключаем, что известия о Руси и русской дружине, которые мы имеем в иностранных источниках IX и X веков, относятся к Киевскому

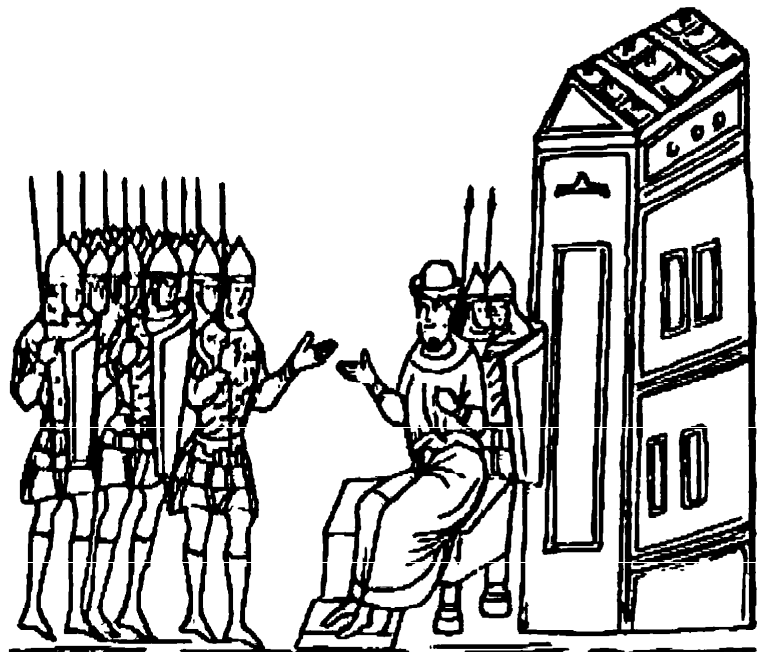

государству: к тем князьям и дружинам, столицей которых был Киев.

Арабский писатель IX века так описывает эти русские дружины: Русь не имеет ни земель, ни сел, ни пашен, она промышляет только продажей соболиных и других мехов. Она нападает на земли славян и захватывает людей в неволю, а затем продает их в Итиле или в Болгаре. Когда у русина родится сын, отец ребенка кладет перед ним голый меч и говорит: «Я не оставляю тебе никакого добра, будешь иметь только то, что добудешь своим мечом».

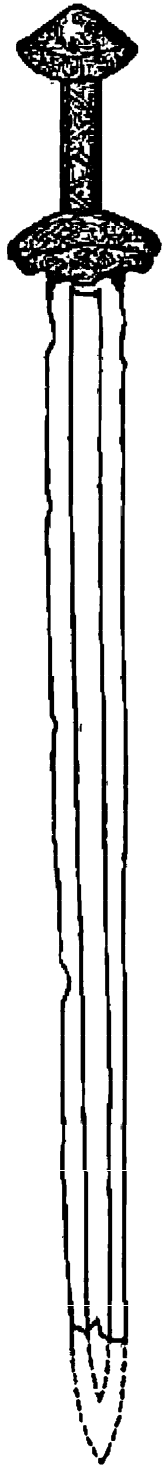
Соседи знали эту Русь — киевскую дружину, как воинов и купцов: она нападала на соседние земли, забирая добычу и людей, и торговала этим товаром. Выше мы видели, как неразрывно связаны были в то время война и торговля; купец неизбежно должен был быть воином, воин был вместе с тем и купцом — отправлял свою добычу на соседний рынок, чтобы обменять на деньги, оружие и всякие убранства, которые так ценили люди того времени. Киев, столица русского купечества, одновременно был столицей этой воинственной Руси. Константин Порфирородный сто лет спустя после упомянутого арабского писателя так описывает ее образ жизни: «Когда наступает месяц ноябрь, князья русские со всей Русью выходят из Киева и идут на «полюдье» (сбор дани) в волости славян, древлян, дреговичей, кривичей, северян и других славян, подвластных Руси. Там они живут целую зиму, а в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киев. Тут они снаряжают свои лодки и отправляются в Византию вышеописанным порядком» (см. гл. 15).

Эти киевские дружины в IX—X веках составлялись из местных людей и из завожгих

29. Киевский князь и дружина
(кн. Святополк — из жития
Бориса и Глеба)

варягов. В первой половине X века среди высшего киевского боярства — наместников киевского князя и начальников дружины — видим такое множество варягов, что за ними совершенно на второй план отошли местные люди. До нас дошли имена послов киевского князя и его наместников в трактатах с Византией 907, 911 и 944 годов и среди них гораздо больше скандинавских имен, чем славянских. И среди дружинного войска было

много варягов. Это было время междоусобий в скандинавских землях: в Швеции и Норвегии, и немало «конунгов» (то же слово, что и наш князь), разных родовитых и знатных людей, а с ними — много и рядовых воинов отправлялись в далекие края, отыскивая себе новое отечество, завоеывая новые земли, или поступали на службу к различным тогдашним владетелям. До первой половины XI века (до смерти Ярослава) беспрестанно встречаем на службе у наших князей варяжские дружины. Для них это был очень подходящий народ: хорошие воины, смелые, предприимчивые, а вместе с тем не связанные ничем со страной, с населением — посылай их хоть на чужих врагов, хоть на своих людей. И так как этих скандинавских воинов среди киевской «русской» дружины было очень много, то часто и самую Русь называли скандинавским, или иначе «норманским» народом (норманнами, или северными людьми, называли тогда скандинавских воинов в западных краях, куда они также часто отправлялись за добычей, — подобно тому как у нас их звали варягами). А киевский летописец, как мы видели, пришел к заключению, что и самое имя русское пришло, вероятно, с варягами из Швеции.

20. Походы русских дружин

В IX веке начинают уже довольно часто появляться известия о походах русских дружин на соседние земли. Так, в начале этого столетия «губительным именем своим и делами народ Русь» (так называет его житие св. Георгия Амастридского) опустошал южное побережье Черного моря, берега Малой Азии от Константинополя до Синопа; случайно узна-

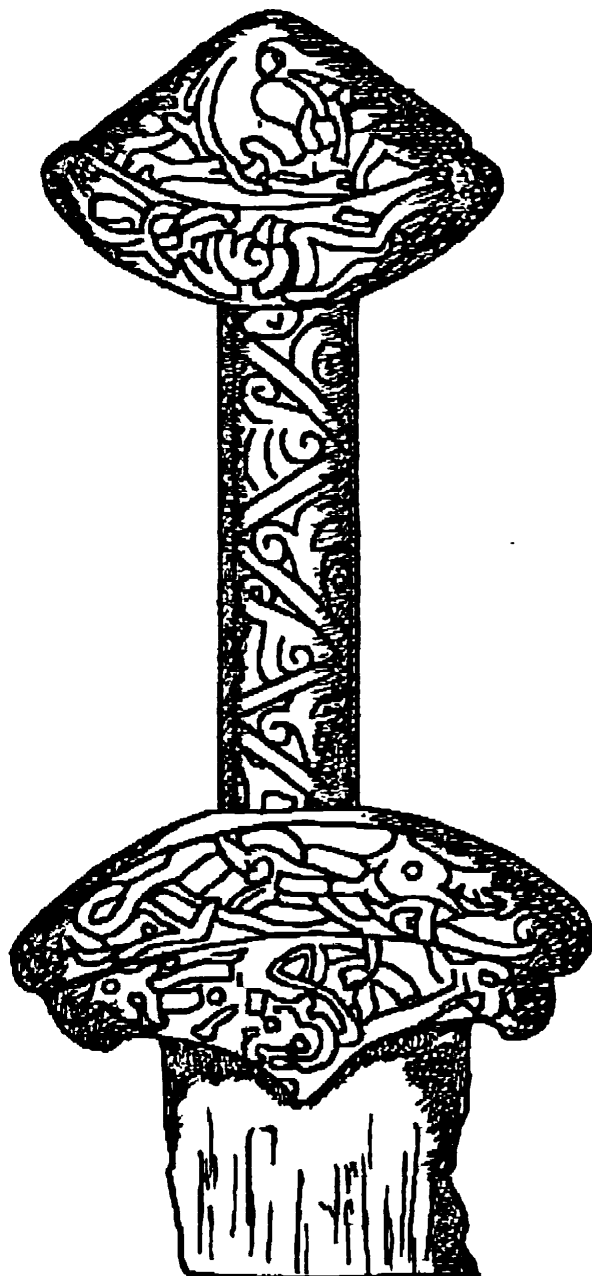
30. Варяжский меч из окрестностей Киева

ем об этом благодаря тому, что эта русская дружина, между прочим, напала на

город Амастру, и в житии св. Георгия Амастридского записано чудо, совершившееся якобы над этими насильниками. В житии другого святого, Стефана Сурожского, рассказывается о том, как «русская рать» со своим князем Бравлином опустошала в это же время южное побережье Крыма.

Таких нападений на византийские города на Черном море было, вероятно, в те времена много и, чтобы обезопасить себя от них, византийское правительство в 830-х годах вошло в сношение с русскими князьями. Случайно узнаем об этом по такому случаю, что в 839 году император византийский со своими послами отправил к немецкому императору послов русских, чтобы немецкий император переправил их восвояси, так как из Византии им преградили дорогу какие-то враги (вероятно, венгерский орда). Однако походы Руси на византийские земли скоро возобновились.

Наиболее выдающийся поход состоялся в 860 году. Русь с большим войском напала на самый Константинополь. Было их 200 больших лодок, на них могло быть около десяти тысяч войска. Византийский император как раз отправился со своим войском на войну в Малую Азию, и столица его осталась без защиты. Русь высадилась на берег и опустошала ее окрестности; население укрылось за стены города и с минуты на минуту ожидало приступа, в сильнейшем страхе спрашивая друг друга, не перелезли ли уже враги через стену, не овладели ли городом. Тогда патриарх, чтобы рассеять этот страх, велел обнести по стенам ризу Богородицы, хранившуюся в одной из церквей; духовенство с различными святынями в сопро-

31. Ручка того же
варяжского меча

вождении всего города обошло стены и служили молебны, и считалось особенным чудом Божиим, что после этого русское войско оставило город и уплыло обратно. Позже явились рассказы, как страшная буря, поднявшись на море, когда в нем омочили ризу Богородицы, разметала лодки Руси и принудила ее к отступлению; но это позднейшие украшения: современники ничего не говорят об этом, Русь в действительности оставила Цареград, вероятно, потому, что до нее дошли известия о возвращении императора с войском.

Это смелое нападение на самую столицу принудило византийское правительство снова заняться Русью. Были посланы к русским князьям с богатыми дарами, драгоценными греческими материями и одеждами, шелковыми, ткаными золотом и серебром. Они заключили мирный трактат с князьями, а епископ, посланный с посольством, уговорил многих креститься. Греки рассказывают, что и здесь не обошлось без чуда. Русь, слушая проповедь епископа, заявила желание, чтобы он и пред ними совершил какое-нибудь чудо из тех, о которых так много им рассказывает: предложили ему положить в огонь евангелие, которое он держал в руках, и если оно останется невредимым, как те отроки в печи огненной, о которых он повествовал, — тогда они крестятся. Епископ положил евангелие в огонь, и оно действительно осталось целым, и тогда много Руси крестилось. Но такие чуда с евангелием рассказываются при разных случаях.

Кроме походов на греческие города, Русь ходила и на Каспийское побережье. Один позднейший арабский писатель, описывавший историю Табаристана, т. е. южного побережья Каспийского моря, случайно вспоминает о походе Руси на эти края около 870 года. Затем такой поход имел место в 910 году; известны такие походы и позже.

Какая это была Русь, откуда происходила и как назывались ее предводители или князья, греческие и арабские писатели не упоминают. Арабский источник IX века, повествующий о жизни Руси, и немецкий летописец, упоминающий о послах русских у императора (839), называют русского князя «каганом»; так действительно и позже иногда титуловали киевских и других украинских князей (Владимира и др.); это был титул хозарского государя, и от хозар он мог перейти и к украинским князьям. Киевский летописец, встретив в греческих источниках известие о походе Руси на Цареград в 860 году, приписал его упомянутым киевским вождям Аскольду и Диру: по его соображениям это должны были быть киевские князья. И действительно так должно было быть — эти далекие «русские» походы, выхо-

дили ли они все из Киева или нет, во всяком случае показывают, что уже в те времена в Киеве выросла большая военная сила, носившая имя Руси; она покорила себе соседние земли, искала добычи в далеких походах, и от нее исходили эти далекие походы на юг. Патриарх Фотий в своих проповедях, произнесенных в Константинополе в дни осады 860 года, так и выражается, что Русь осмелилась напасть на Цареград после того, как покорила соседние земли и возгордилась от этого. В договоре князя Игоря с греками 944 года, кроме киевского князя, посылают к императору послов еще около двадцати «светлых и великих князей и бояр», как называет их трактат, и столько же приблизительно прислали они своих послов несколько лет позже, с княгиней Ольгой. Такое большое число князей и наместников, бывших «под рукою киевского князя» (как говорится в Олеговом трактате), само уже указывает на большие размеры государства, на громадные земли, подвластные киевскому князю. Нам известно, что в 940-х годах Игорь княжил в Киеве, а сын его, малолетний Святослав, был посажен в Новгород, на северном конце Балтийско-Днепровского пути. А походы Руси на черноморские города, ее действия в Крыму и русское княжество в Тмутаракани, на Керченском проливе, — показывают, что и южный конец великого Днепровского пути Русь держала в своих руках, пока тюркские орды не разогнали вконец черноморское население. Сухопутные и речные пути на восток через земли северян и вятичей стояли также в сфере влияния киевских князей уже в IX веке. С началом X века в главных городах Северской земли правят уже подручные киевского князя, и Русь забирает в свои руки понемногу и самое Подонье, чтобы открыть себе путь на Каспийское побережье. Восточнославянские племена в начале X века уже все — и украинские и северные — находятся под властью киевского князя, в большем или меньшем подчинении; также и некоторые соседние финские земли на Поволжье, да, вероятно, и литовские на западе. Вся территория, позже принадлежавшая к Киевскому государству, уже в начале X века, во времена князя Олега, более или менее находилась под властью или под влиянием киевских князей; только власть их над этими землями не была еще так сильна, не проникала глубже во внутреннюю жизнь этих племен, как это было позже.

21. Древнейшие князья и князь Олег

От первых времен Киевского государства до нас дошли только голые имена какого-то Бравлина, затем Аскольда и Дира.

Последние два имени были известны и нашим летописцам, но больше ничего о них разузнать им, очевидно, не удалось, и то, что они рассказывают — что это были два брата, пришли из Новгорода, ходили на Цареград и погибли от руки Олега и Игоря — все, вероятно, их собственные догадки. Наверное, Аскольд и Дир вовсе не были братьями и не княжили вместе. Из того, что на Аскольдовой могиле поставлена была церковь, можно в самом деле заключить, что он был киевским князем тогда, когда греческий епископ, прибывший с императорскими послами, проповедовал христианство на Руси и «многих крестил». О Дире упоминает позднейший арабский писатель Масуди, и жил он, вероятно, позже Аскольда, но о нем ничего не помнили во времена Ярослава, когда составлялась киевская летопись. Только князь Олег, княживший в Киеве в начале X века, глубоко запечатлелся в народной памяти. Последняя окружила его имя удивительными рассказами, сказками и песнями, приписав ему разные дела и подвиги, оставшиеся в местных преданиях из древних времен, и в конце концов превратила его из смелого и удачливого завоевателя в «вещего» чудодея, совершающего сверхчеловеческие дела, могущего обернуться зверем и птицей и малым муравьем, и за образом этого сказочного чудесника почти совершенно ступевался действительный, подлинный князь Олег, княживший в Киеве. Былина, воспевающая Олега под именем Вольги Всеславовича, объединяя в одном образе воспоминания об Олеге, Ольге и позднейшем чудодее князе Всеславе, так описывает этого вещего князя:

Закотилося червонеє сонечко
За лісочки темні, за моря широкії,
Розсажались зорі часті по небу ясному
Нарождався Вольга Всеславович
На святій Русі.
І рік Вольга Всеславович до п'яти років,
Пішов Вольга Всеславович по сирій землі —
Матір сира земля захиталася,
Звірі в лісах розтікалися,
Птахи попід хмарами розліталися,
Риби по морю синьому розкидалися.
Та й пішов Вольга Всеславович
Вчитись всяких хитрих мудрощів
Мов усяких, язиків ріжних.
Перейшов Вольга на сьомий рік —
А прожив немов дванадцять літ:
Понавчався хитрих мудрощів,
Мов усяких, язиків ріжних.

*32. Олег едет к Цареграду, поставив на колеса свои ладьи
(рисунок из летописи)*

Прибирав собі дружину добрую,
Добрую дружину, хоробрую:
Тридцять юнаків без одного —
Сам він ставав за тридцятого.
«Гей же ви, дружина моя добра та хоробрая,
Слухайте мене, брата старшого, отамана,
Робіть діло вам повелене —
Вийте ви мотузочки шовковії,
Ставте ви мотузочки по темнім лісі,
Ставте ви мотузочки по сирій землі,
А ловіть ви куниць та лисиць,
Диких звірів — чорних соболів,
Поскакущих білих зайчиків,
Вілих пайчиків, горностайчиків,
Ловіть ви їх по три дні, по три ночі...»
Послухали брата старшого, отамана,
Робили діло їм повелене,
Звивали мотузочки шовковії,
Ставили мотузочки в темнім лісі по сирій землі
І ловили по три дні, по три ночі,
Не могли вловити й одного звірка!
Обернувся тут Вольга львом звіром,
Поскочив він по сирій землі — темнім лісі,
Завертав він куниць, лисиць,
Диких звірів — чорних соболів,
Поскакущих білих зайчиків
І маленьких горностайчиків.
Був він в городі у Києві,

33. Греки несут дары Олегу (рисунок из летописи)

Зі своєю дружиною хороброю,
Та й говорить їй Вольга Всеславович:
«Гей дружинонько ти добра та хоробрая!
Слухай брата старшого, отамана,
Робіть діло вам повелене,
Крутить-вийте сильця шовкові,
Ставте ви сильця на темний ліс —
Гей на темний ліс, на самий верх,
Ловіть гусей, лебедів, ясних соколів
І малу теж птицю-пташицю,
Ловіть ви їх по три дні, три ночі...»
Послухали брата старшого, отамана,
Зробили діло їм повелене,
Вили сильця вони шовкові,
Ставили сильця ті в ліс на самий верх
І ловили по три дні, по три ночі —
Не могли вловити і пташиночки!
Обернувся тоді птахом сам Вольга,
Полетів він попід хмарами,
Заганяє гусей, лебедів, ясних соколів
І малу теж птицю-пташицю.
Знов були вони у городі у Києві
Зі своєю дружиною хороброю —
Та й говорить їй Вольга Всеславович:
«Гей же ви, дружино моя добра та хоробрая;
Слухай брата старшого, отамана,
Робіть діло вам повелене —
Беріть ви топори дроворубнії,

Ви будуйте суденце дубовее,
В'яжіть ви на нім снасть шовкову,
Виїздіть ви на нім на сине море
Та ловіть рибу щуку та плотиченьку,
Дорогеньку рибку осетринку,
А ловіть її по три дні, три ночі*.
Послухали брата старшого, отамана,
Робили діло їм повелене,
Брали топори дроворубнії,
Будували суденце дубовее,
Снасть в'язали на нім шовкову,
Виїздили на нім на сине море
І ловили по три дні, по три ночі —
Не могли зловити ані рибини.
Обернувсь тоді Вольга сам щукою,
Гей побіг він по синім морю,
Заганяв він рибу щуку та плотиченьку,
Дорогеньку рибку осетринку.

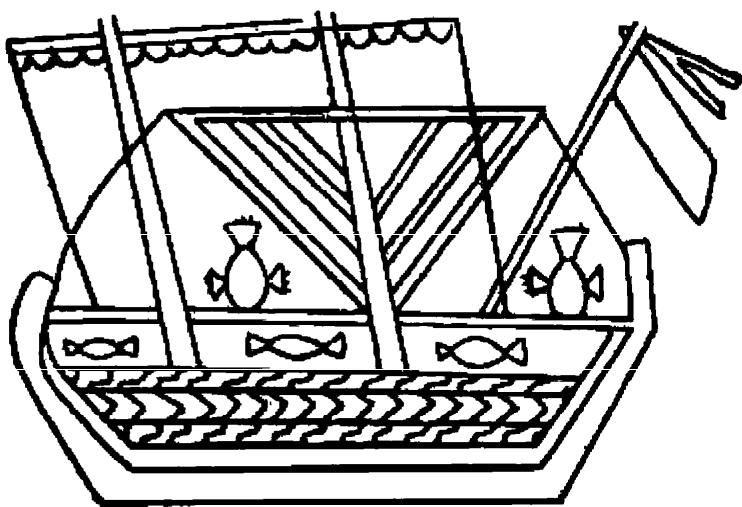
В летописных известиях об Олеге сохранились также следы различных рассказов и выдумок о нем как о вещем князе, знающем различные хитромудрые вещи.

К счастью, однако, сохранился документ, относящийся к княжеству Олега, вполне достоверный и очень ценный, свидетельствующий, что мы имеем дело не со сказочным богатырем, а с подлинным, действительным князем, княжившим в начале X века. Это договор Олега с Византией, заключенный в 911 году. Есть в летописи еще и другой договор, обозначенный 907 годом, но тот приведен только в отрывках, между тем как договор 911 года включен в летопись целиком, и из него явствует со всею несомненностью, что Олег тогда действительно был князем в Киеве. Летописец говорит, что эти договоры заключены были после удачного похода Олега на Цареград: в 907 году он ходил со всеми силами, с полками всех подвластных племен на Константинополь; греки, чтобы не допустить его в город, закрыли цепями Босфорский пролив, но Олег их пережидил: велел своим воинам поставить на колеса ладьи, в которых они приехали, и когда ветер подул в паруса, ладьи поехали на колесах к самому городу. Греки так устрашились, что стали предлагать Олегу любую дань, лишь бы он не трогал города; Олег предложил им заплатить по 12 гривен, т. е. по 6 фунтов серебра, на человека его войска, кроме того, на дружину и князей, оставшихся в Киеве, Чернигове, Переяславе и других городах. Получив выкуп, он приказал сшить паруса для своих лодок вместо полотна из шелковых материй, драгоценных греческих паволок, а в знак своей

победы над греками он и бояре прибили свои щиты на цареградских воротах.

Все это, конечно, такие рассказы, в которых нечего искать много правды. Но судя по тому, что в трактатах 907 и 911 годов Византия сделала большие льготы нашим князьям и их торговле, необходимо заключить, что действительно этим уступкам предшествовали удачные для Руси, чувствительные для греков походы Руси на греческие земли (может быть, только не на самый Константинополь, так как в греческих источниках мы рассчитывали бы найти известия о нападениях на самый Константинополь, между тем они не упоминают о таких нападениях). Эти-то походы и принудили, вероятно, греческое правительство вступить в переговоры с Олегом и дать различные льготы русским купцам: оно не только разрешило им торговать в Византии бесплатно, но еще обязалось доставлять им все необходимое во время пребывания их там и всякого рода припасы для обратного пути. За то Олег обещал не препятствовать своим войнам вступать в службу императора.

От арабского писателя Масуди узнаем, что, примирившись с Византией, Русь отправилась искать добычи на восток. В конце 913 года имел место большой поход ее на Каспийское море. На 500 ладьях, по сто человек в каждой, Русь спустилась по Дону, волоком переправила свои ладьи с Дона на Волгу и, выйдя на Каспийское море, начала грабить южное побережье моря, так называемый Табаристан, где было довольно много богатых торговых городов. Войска на месте не было, край лишен был защиты, и в течение нескольких месяцев русское войско хозяйничало

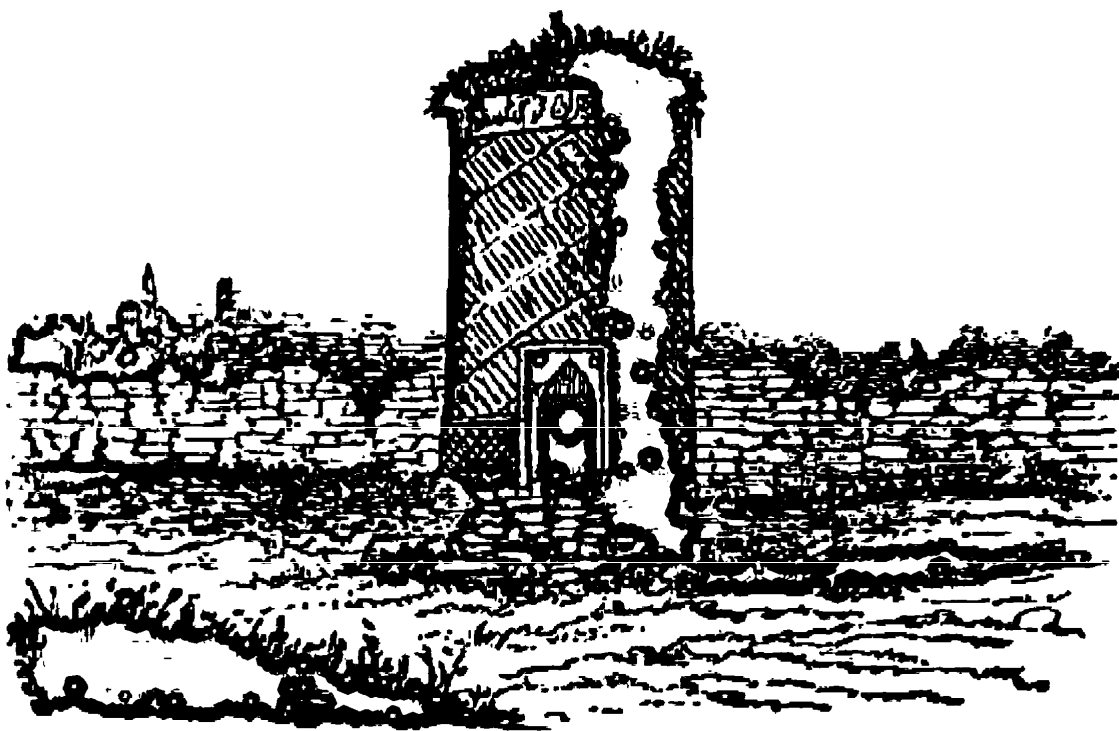
34. Корабль с «греческим огнем»
(старинный арабский рисунок)

здесь свободно, грабило беспрепятственно, и только на обратном пути случилось с ним несчастье: хозарское войско устроило засаду и разгромило Русь. Летопись не упоминает об этом походе, но память о нем и о других походах на восток сохранилась в былинне в виде рассказов о походе Вольги на Индийское цар-

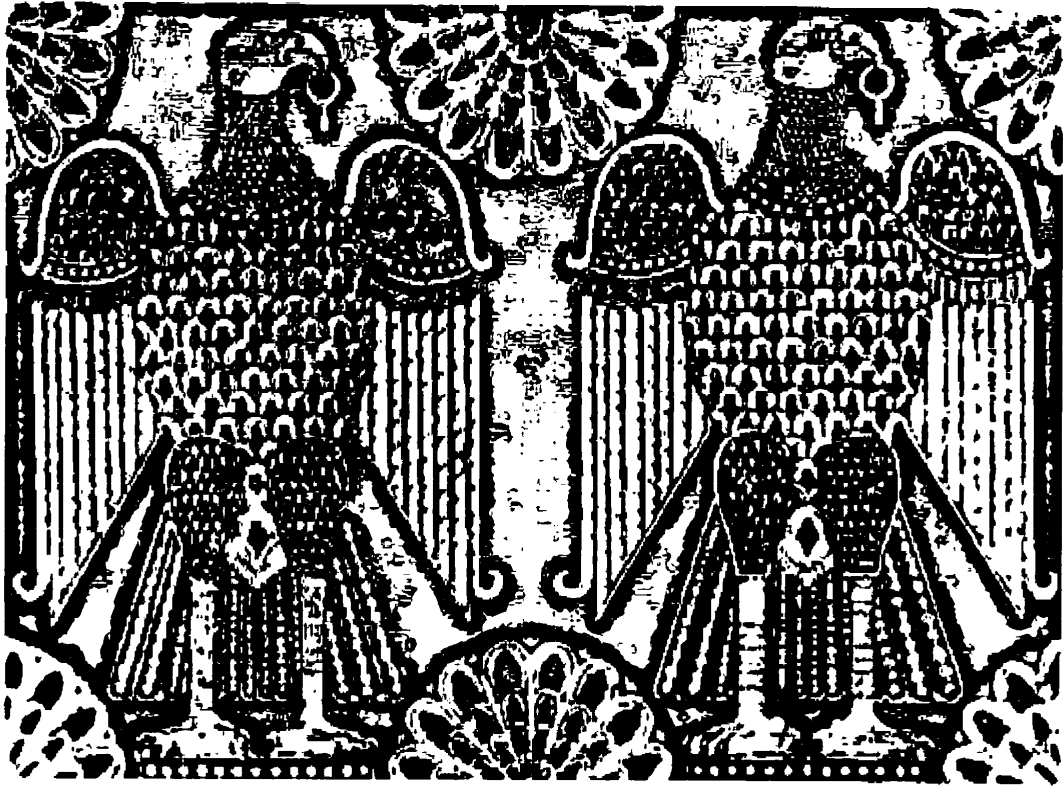
ство. Поход этот описывается здесь как одна из дивных хитростей этого чудодея: Вольга оборачивается «гнедым туром золотые рога» и пускается в царство Индийское; обернувшись ясным соколом, подслушивает беседу индийского царя со своей царицей, из которой убеждается, что поход его будет успешен; обернувшись горностаем, портит луки и стрелы индийского царя в его оружейных складах; обернувшись серым волком, убивает его коней, и лишив его таким образом всех средств защиты, ведет свою дружину на Индийское царство. Но царство окружено стенами с железными воротами, а в подворотню их может пролезть только муравей. Вольга оборачивает свою дружину муравьями, проводит их внутрь города и здесь превращает снова в воинов. Так завоевывается Индийское царство, и дружина Вольги получает сказочно богатую добычу.

22. Игорь и Ольга

После Олега стал княжить Игорь. И снова, как от времен Олега, имеем его трактат с Византией и разные иностранные известия о последних годах его княжения — о неудачном походе на Цареград и счастливой экспедиции в каспийские земли. Очевидно, это стало обычаем: первые годы княжения про-

35. Развалины Бердан в половине XIX века

36. Византийские паволоки, о которых столько говорится в известиях IX—X веков: кусок из ризницы города Оксерр (Франция)

ходили в укреплении положения нового князя и государственной системы, усмирении непокорных князей и наместников, непокорных волостей и племен, а затем, усмирив их и имея в распоряжении значительные военные силы, киевские князья отправлялись походом на далекие богатые страны, ища в них добычи и славы.

После трактатов, заключенных Олегом с Византией, долгое время сохранялись мирные отношения. Киевское войско не раз отправлялось на помощь византийскому императору, если там случались войны или восстания. В записках византийского императора Константина Порфирородного сохранились счета по уплатам русскому полку из 700 воинов, принимавшему участие в морском византийском походе на арабов около 910 года: заплачено ему за этот поход 100 литров (фунтов) золота. Это те походы русских воинов в Византию, о которых вспоминает наша колядка:

Ой під вербою, під зеленою
Стояла рада — хлопців громада;
Радили ж вони добрую раду:
Не купуймо, браття, золоті перстні,
Купуймо, браття, шовкові шнури,

Шовкові шнури, мідяні човна:
Спустимося вниз по Дунаю,
Гей по Дунаю під Царгород.
Ой чуємо там доброго пана:
Ми йому будем вірно служити,
А він нам буде добре платити:
По воронім коню, по золотім сідлі,
По калиновій стрілці, по хорошій дівці.

Но к сороковым годам мир с Византией был нарушен, и в 941 году Игорь предпринял большой поход морем на самый Царград. Греки говорят, что в этом походе было Руси 10 тысяч лодок, но эта цифра, очевидно, сильно преувеличена. Время для похода выбрано было удачно, так как греческие корабли были тогда отправлены против арабов, и Игорь со своим войском беспрепятственно приблизился к Константинополю. Но Константинопольский пролив греки закрыли кораблями, какие успели собрать, и, напав на Игоревы ладьи, начали бросать в них бомбы с так называемым «блестящим» или «греческим огнем»: как видно из рецепта его состава, это был теперешний порох. Тогда русские ладьи отступили и направились на малоазиатское побережье. Здесь Русь опустошала города, мучила людей, захватывала добычу. Но в конце концов ей и здесь не повезло: прибыло греческое войско и флот, обступило Русь и разгромило. Значит, поход был неудачный, но в Киеве потом рассказывали о нем совсем наоборот: что греки испугались русского похода и откупились от него дорогой ценой. Новый трактат с Византией заключен был в 944 году, и на этот раз Византия, воспользовавшись своей победой, ограничила права русских купцов, запретила им покупать самые дорогие паволоки; а Игорь обещал, что не будет нападать на греческие владения в Крыму.

Волею удачен был поход Руси на Каспийское побережье в 944 году. О нем много рассказывают восточные писатели, а знаменитый персидский поэт Низами позже (в XII веке) написал на эту тему фантастическую поэму: с одной стороны у него выступает русский король с 900-тысячным войском, едущим на слонах, с другой — сам Александр Великий, чтобы наказать Русь за произведенные опустошения, и после семи битв наконец отражает нападение Руси. В действительности русское войско не было так велико, но ему удалось собрать богатую добычу и уйти с нею совсем безнаказанно. На этот раз, памятуя о прежней засаде (см. гл. 21), оно перешло сушею до Дербента, через Северный Кавказ, оттуда морем отправилось к устью Куры и затем по Куре поднялось вверх, в страну, называемую Агованией (теперь

Карабаг). Тогда этот край принадлежал арабам. Русь овладела им, утвердилась в столице его, Бердае, на р. Куре, и грабила соседние страны долго, в течение нескольких месяцев, пока в русском войске не появились болезни, от непривычки к здешним фруктам; тогда Русь ушла обратно.

Интереснее этих походов было бы для нас знать, что происходило тогда дома, в самом Киевском государстве, но об этом не имеем сколько-нибудь подробных сведений. Из трактата Игоря и из известий Константина Порфирородного мы видели, что киевские князья господствовали в те времена над огромными пространствами, от самого Новгорода до городов над Волгой, имели много подвластных князей и наместников, при случае восставших против киевского князя. Кое-что о дружинной жизни сохранилось и в народной поэзии, нашей и чужой. Наши колядки помнят походы дружины на украинские города, денежные и всякие другие выкупы, получавшиеся с них: войско приступает к Чернигову и осаждает город, пока, наконец, ему не выносят оттуда «мису червонцев» на поклон, затем точно так же приступают к Переяславу, к Киеву. Дружина делится добычей; случается, что князь забирает себе лучшее и обделенная дружина покидает его:

Пан Хомуненько-переберниченько,
Сам молоденький, кінь вороненький...
Перебирає між кониками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Перебирає між сіделками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Перебирає між уздечками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Пан Хомуненько-переберниченько,
Перебирає між сукенками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Пан Хомуненько-переберниченько,
Перебирає чоботоньками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Пан Хомуненько-переберниченько,
Перебирає між дівоньками —
Котрі ладнійші, то собі бере,
А що погані, служенькам дає.

Бувай же здоров, пан Хомуненьку,
Сам молоденький, кінь вороненький...

В одной из былин о Вольге последний изображается одним из младших князей, племянником киевского князя, от которого получил в удел «три города наилучшие», и едет за данью в свои города, но на дороге встречает Микулу Селяниновича, и тот предупреждает его, что «получку»-дань не так легко будет собрать: там живут мужики все разбойники, подрубят мосты калиновые, потопят князя с его дружиной. И Вольга просит его ехать с ним «в товарищах» за этой данью-«получкой».

Это неясные, глухие воспоминания, долетевшие до наших времен уже обесцвеченные, спутанные. В старой киевской летописи они гораздо свежее, несмотря на то, что и здесь записаны они через какие-нибудь сто лет после событий, так что их и здесь надо принимать не за подлинные факты, а скорее за поэтические образы прошлого. Мы видели, как в этих преданиях неудачный поход Игоря на Византию превращается в удачный и счастливый, точно так же и позднейший поход его сына Святослава; без сомнения, подобным же образом переиначивались в этих рассказах и события внутренней жизни Киевского государства. Перед нами не факты, а поэтические образы былого, но они отлично помогают нам понимать это былое.

Летопись рассказывает, что Игорь воевал с уличами и древлянами. Уличи долго защищались; их город Пересечен три года держался и не сдавался Игорю, но тот выстоял под ним эти три года и покорил его: «примучил» уличей и дал своему воеводе Свенельду дань с них. Затем ему же передал дань с древлян, плативших по черной кунице от дыма (от хозяйства). Игоревы дружинники начали жаловаться, что он слишком много дал доходов одному Свенельду. «Теперь воины Свенельда имеют оружие и хорошую одежду, а мы ходим наги», — говорили они и начали убеждать Игоря, чтобы он пошел с ними в Древлянскую землю — взять с нее дань еще и для себя: «Пойдем, княже, добудешь ты и мы». Игорь последовал этому совету, пошел с дружиной и вымучил от древлян дань еще и для себя, сверх взятой Свенельдом. Но разлакомившись этой данью, которую так покорно дали ему древляне, Игорь отослал дружину и задумал еще раз собирать дань для себя и отправился с небольшой свитой, чтобы не делиться со всей дружиной и получить больше на свою долю. (Так, очевидно, рассказывали после дружинники Свенельда, подчеркивая жадность Игоря). Древляне, услышав, что Игорь снова идет за данью, потеряли терпение и решили покончить с ним. Они учинили совет со своим князем Малом и по-

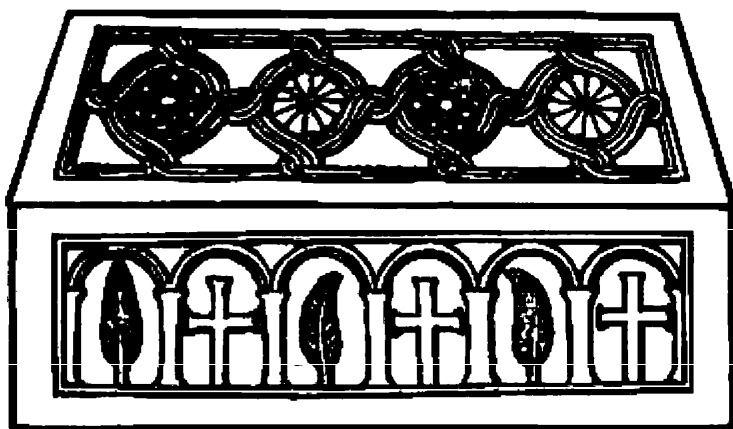
решили: если волк повадится к овцам, то и все стадо уничтожит, если его не убить, — так и нам: если не убьем Игоря, вконец нас погубит. Послали к Игорю, чтобы опомнился и оставил их в покое: «Зачем снова к нам идешь? ведь забрал уже всю дань». Но Игорь их не послушал, и тогда древляне из города Искоростеня напали на его свиту и избили ее, так как ее было мало, а самого Игоря схватили и замучили: нагнув верхушки деревьев, привязали к ним Игоря и затем пустили — деревья, выпрямившись, разорвали Игоря.

В Киеве после смерти Игоря осталась вдова его Ольга с малолетним сыном Святославом. Своим долгом сочла она прежде всего отомстить за мужа и усмирить непокорных древлян. Мечь считалась святым делом в те времена: «Кто не отомстит, за того Бог не отомстит», — гласит старая славянская пословица, и чем суровее была месть, тем больше чести было мстителю. Среди народа ходило много рассказов о том, какими хитрыми способами и как безжалостно мстила Ольга древлянам за смерть мужа. Ольга в наших преданиях сделалась типом, идеалом мудрой княгини, как Олег — идеалом мудрого князя; Олег и Ольга — это пара: премудрый князь-чародей и премудрая княгиня; благодаря сходству имен, разные рассказы переносились с него на нее и наоборот.

Об Олеге рассказывали, как он ходил походом на Цареград и своими хитростями привел в страх греков, об Ольге — как она ездила к греческому императору в гости, и тот, видя ее красоту и мудрость, начал ее сватать, но та мудро отделалась от этого сватовства, попросив императора, чтобы он был ее крестным

отцом, и он, сделавшись ее крестным отцом, уже не мог жениться на своей крестнице: выходило, что Ольга лучше знала христианские правила, чем сам византийский император.

Рассказов о мести Ольги древлянам сохранилось в летописи несколько: сначала она закапывает в землю дре-

37. Каменная гробница, выкопанная на погосте Десятинной церкви (некоторые ее считают гробницей Ольги)

влянских послов, пришедших сватать ее за древлянского князя; потом приказывает их сжечь, отослав в баню помыться; затем устраивает тризну на могиле своего мужа, и когда древляне упились медом, велит своим воинам перебить их. Другая повесть описывает поход Ольги на Древлянскую землю, предпринятый ею с целью мести, чтобы опустошить и разорить ее: людей велит убивать, других берет в плен и, отомстив таким образом, налагает на древлян еще более тяжелую дань, чем какая была при Игоре: две части велит платить в киевскую казну, а одну — в свою личную. В другом рассказе об этом походе повествуется о хитростях Ольги при завоевании Искоростеня (ныне Искорость): город никак не сдавался, Ольга передала жителям, что не требует от них уже ничего ценного, только по три голубя и по три воробья от каждого двора; когда жители Искоростеня исполнили ее желание, она раздала этих птиц своим воинам и велела привязать к ножкам их зажженный трут; птицы с трутом полетели под свои крыши и зажгли город; люди бросились убежать от пожара, а Ольга приказала своим воинам избивать их. (Подобные рассказы о сожжении города при помощи животных или птиц встречаются в преданиях разных народов).

Таким образом, по понятиям того времени, Ольга свято исполнила свой вдовый долг и запечатлелась в памяти народной как образец достойной женщины, строго преданной своим обязанностям: она чтит память своего мужа, воспитывает детей, оберегает их наследие, мудро правит государством, объезжая его, заводя порядок, и не льститя выйти снова замуж, хотя бы и за самого греческого императора.

Летопись упоминает, что в различных местностях сохранились ее стоянки и «ловища», погосты и города, носящие ее имя. Но это могли точно так же быть и «знамения» Олеговы.

В церковных кругах Ольгу чтили за то, что она приняла христианство, держала при себе священника и велела похоронить себя по христианскому обряду, без тризны. За это церковь впоследствии признала ее святою.

23. Святослав и его сыновья

Сын Игоря и Ольги, Святослав, так же как Олег и Ольга, богато придет легендой в народных преданиях. Но это не хитрый кудесник, пользующийся помощью таинственных знаний и сил, а смелый и честный рыцарь-воитель, всегда поступающий открыто и смело, не ищущий ни добычи, ни богатства, ценящий

только военную славу и живущий только для нее одной. Это герой княжьей дружины, ее наивысший идеал. «Когда князь Святослав вырос и возмужал, — начинает свой пересказ этих преданий летописец, — он начал собирать много храбрых воинов, так как и сам был храбр и легок, ходил как леопард и усердно воевал. Не возил с собой ни возов, ни котла, не варил мяса, а, порезавши тонко конину, зверину или говяжье мясо, пек на углях и так ел; не имел и шатра, а стлал для спанья подклад (бывший под седлом), а под голову седло, — и таковы же были воины его. А когда шел на какую-нибудь страну, то заранее объявлял: иду на вас!»

Летопись прежде всего описывает поход его на восток на хозар, на касогов — черкесов и на ясов — теперешних осетин, живших тогда не только на Кавказе, а и далее на север, ближе к Дону; описывает также войну с вятичами, платившими перед тем дань хозарам, а теперь принужденными платить дань Киеву. Из арабских источников знаем, что тогда Русь опустошила страну, разорила торговые болгарские и хозарские города, Итиль, Болгар и др., разогнала население. После этого она еще более твердой силою стала на устье Дона и на Азовском побережье и обеспечила свободный путь своим походам на Каспийское море. Можно было ожидать новых походов Руси на персидско-арабские города Каспийского побережья. Но вместо этого судьба бросила Святослава в балканские страны, в Болгарию: византийский император Никифор задумал уничтожить Болгарию и для этого решил поднять против нее Святослава. Он направил с этой целью к Святославу ловкого херсонесца Калокира, и тот предложил Святославу план совместных действий под видом союза с Никифором: Святослав займется завоеванием Болгарии, а Калохир постарается захватить византийский престол. Этот план очень понравился Святославу: захватив в свои руки Болгарию и имея в руках Киевское государство, он мог овладеть целыми Балканами и угрожать самому Цареграду, как знаменитый болгарский царь Симеон полстолетия назад (в начале X века). Впрочем, и без того Болгария была ценным приобретением. Рассказывая, как киевские бояре уговаривали позже Святослава покинуть свои далекие планы и больше заботиться о родном крае, летописец влагает в уста Святослава такие речи: «Не хочется мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае (болгарской столице) — там середина земли моей, туда стекается всякое богатство: от греков паволоки, золото, вино, различные пряности и плоды, от чехов и венгров серебро и кони, из Руси меха, воск, мед и челядь». Святослав, конечно, заранее знал об этих богат-

38. Киевское войско (кн. Борис — из жития Бориса и Глеба)

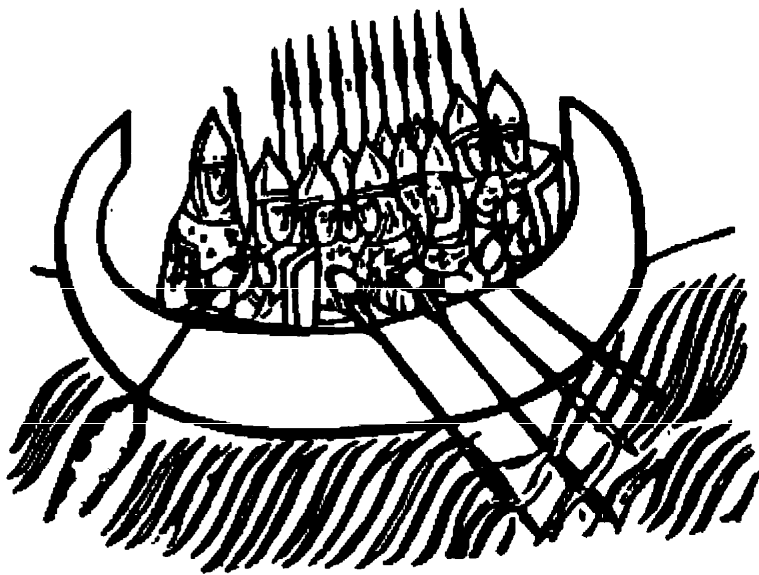
ствах Болгарии и поэтому с радостью принял приглашение Калокира, не догадываясь о греческой хитрости.

Собрав большое войско, напал он в 968 году на Болгарию, разбил болгарское войско под Доростолом на Дунае (теперь Силистрия) и, захватив западную Болгарию, основался в Переяславце (теперь село Преслав около Тульчи).

Но вслед за тем пришли вести из Киева, призывавшие Святослава немедленно на Русь, так как печенеги обступили Киев и держат в осаде. Киевские бояре укоряли Святослава, что он не заботится о своем государстве: «Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою покинул: нас едва не забрали печенеги, — и мать твою, и детей твоих». Они уговаривали его остаться в Киеве, но Святослав не захотел. Он прогнал печенегов в степи и снова начал собираться в Болгарию. Но престарелая Ольга, до сих пор правившая вместо сына в Киеве, чувствовала, что ей недолго осталось жить, и удержала Святослава, чтобы он был при ее смерти. Действительно, она скоро умерла. Святослав посадил своего старшего сына Ярополка в Киеве, другого сына, Олега, в Древлянской земле, в Овруче; новгородцы, у которых при Игоре княжил сам Святослав, также добивались, чтобы и у них он посадил кого-нибудь из своих сыновей. Но ни Ярополк, ни Олег не хотели идти в Новгород; тогда один из киевских бояр, Добрыня, брат наложницы Святослава Малуши, имевшей от Святосла-

ва сына Владимира, посоветовал новгородцам просить Святослава, чтобы он дал им в князя Владимира; Святослав согласился, и в Новгород поехал Владимир с тем же Добрыней, который должен был править его именем в Новгороде, как другие бояре должны были править в Киеве и Овруче именем малолетних Ярополка и Олега.

Распорядившись таким образом, Святослав снова отправился в Болгарию. Летопись описывает этот второй поход так, как о нем рассказывали в Киеве: болгаре в отсутствие Святослава засели в Переяславце и не хотели ему покориться. Произошла битва, и болгаре начали одолевать, но Святослав ободрил свою дружину словами: «Придется нам пасть все одно, ударим же смело, братья-дружина!» Воины ободрились, бились отважно, отразили болгар и овладели городом. После этого Святослав послал свой вызов грекам: «Хочу идти на вас и взять ваш город, как взял этот». Греки задумали его перехитрить и послали ему сказать; «Мы не в состоянии вам противостать, возьмите с нас дань на себя и на свою дружину, скажите только, сколько вас, и мы заплатим по этому числу на каждого». Но это греки говорили с хитростью, поясняет летописец, а Святослав не догадался, сказал, что с ним двадцать тысяч войска — и то еще прибавил, чтобы больше дани взять, так как имел только десять тысяч. Греки же собрали сто тысяч войска и пошли на Святослава. Увидя такую силу, войско Святослава устрашилось, но он поддержал их дух своей речью: «Все равно некуда нам деться; волей-неволей должны стать против них, не посрамям же земли

39. Речная экспедиция
(из жития Бориса и Глеба)

Русской, а ляжем здесь костью своими! Мертвому нет срама, а если победим — будет нам срам! Не победим же, а станем крепко! Я пойду перед вами — если моя голова ляжет, тогда промышляйте сами о себе!» Тогда воины крикнули: «Где, княже, твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!» И выступили войска, и

обступили греки Русь, и была битва великая. Святослав победил, и греки бежали: Святослав пошел к Цареграду, разбивая по пути города, так что и до сих пор стоят пусты. Тогда царь (византийский император) испугался, собрал своих бояр — советоваться с ними, что делать. Посоветовали послать подарок Святославу, узнать, на что он падок. Посылают золото и паволоки с разумным человеком, чтобы присмотрелся, как примет эти дары Святослав. Положили послы золото и паволоки перед Святославом, — а он даже не посмотрел на них, только сказал слугам: «Спрячьте», — и те забрали. Рассказали царю: «Даже не посмотрел, приказал только слугам забрать». Тогда один советует: «Царь, попробуй еще, пошли ему оружие!» Понесли послы меч и другое оружие — Святослав принял с чрезвычайным удовольствием, любовался, велел благодарить царя. Рассказали об этом царю. «Лютый человек, — сказали его бояре, — о богатстве не заботится, а хватается за оружие; нечего делать, плати ему дань». И послал царь Святославу: «Не иди уже на столицу, возьми дань, какую хочешь». Дали ему дань, а он велел еще и за убитых заплатить: «Это возьмет его род». Так, взяв дань и богатые дары, пошел Святослав к Переяславцу со славою великою.

Так пересказывает летопись киевские предания о Святославе. В действительности эта вторая болгарская война не была так удачна для Святослава. Болгарии ему, может быть, и не надо было завоевывать снова, так как он там оставил своих людей и войско. Вернувшись, он занялся покорением южных забалканских земель, а чтобы держать в повиновении болгар, старался устрашить их жестокими казнями и убийствами. Так, по крайней мере, рассказывают греки, принявшие теперь личину друзей и покровителей болгар, чтобы вытеснить из Болгарии Святослава.

Новый византийский император Иоанн Цимиский предложил Святославу получить обещанное ему за помощь Никифором и очистить Болгарию. Святослав был крайне раздражен таким предложением, пригрозил походом на самый Константинополь и действительно двинулся во Фракию, в ближайшие окрестности Цареграда. Греки ограничивались обороной, пока Цимиский, покончив с другими делами, смог двинуться со всеми силами против Святослава. К устью Дуная он выслал корабли с «греческим огнем», чтобы не допустить подкреплений из Руси, а с югом Балканскими проходами, неосторожно оставленными Святославом без защиты, прошел в Болгарию. Застав Святославова войско неприготовленным к борьбе, он осадил Переяславец и взял его после короткой осады. Захватив болгарского царевича Нормиса, Цимиский провозгласил его царем болгарским, и после

этого болгарские города начали сдаваться ему, как защитнику и покровителю болгар. Тогда, не теряя времени, Цимисхий двинулся на самого Святослава, стоявшего в Доростоле (Силистрии). В жаркой битве, произошедшей здесь, одержали победу греки. Святослав заперся в городе, и так началась осада Доростола, продолжавшаяся три месяца и описанная подробно греческими историками.

Русь защищалась стойко; не раз делала вылазки из города, стараясь уничтожить осадные машины и обоз греков. Последние терпели большие потери, но и Руси приходилось все тяжелее в осаде, так как она не могла получить новых запасов. Наконец Святослав решил сделать еще одну, последнюю попытку, — дал большое сражение, и когда оно не удалось — решил идти на мир с греками. Обещал возвратить пленников и уйти из Болгарии, лишь бы обеспечили ему свободное возвращение. На этих условиях был заключен мир, составлен трактат, сохранившийся в летописи. Святослав отказывался от претензий на Болгарию, обещал не касаться греческих владений в Крыму и быть союзником греков. За это греки открыли ему свободный путь на родину и снабдили припасами на дорогу; греческий историк говорит, что всего выдано было войску Святослава зерна на 22 тысячи человек, а потери его за минувшую войну исчисляет в 38 тысяч.

После заключения договора Святослав захотел повидаться с императором. Тот прибыл к Дунаю с большой конной свитой, в богатых, блестящих золотом доспехах; а Святослав приплыл с другого берега на лодке, гребя вместе с товарищами; одет он был весьма просто и ничем не отличался от других, — только полотняная одежда на нем была чище, а единственным украшением его была золотая серьга в ухе. Очевидец так описывает его внешность: он был среднего роста, коренастый и сильный; нос у него был короткий, синие глаза, густые брови; борода была сбрита, усы длинные и на голове чуб; выглядел сурово. Немного поговорил, сидя в лодке, с императором и поплыл обратно.

Отказавшись от Болгарии, Святослав мог утешать себя богатой добычей, оставшейся у него, а может быть, рассчитывал на Руси собрать новое войско и попробовать еще раз счастья в Болгарии. Но на пути из Болгарии его ждал конец: у Днепровских порогов, где устраивались засады на русских купцов, подстерегали Святослава печенеги, проведавшие о богатой добыче, которую он вез с собою (может быть, и сами греки дали им знать, чтобы отделаться от опасного врага). Не имея возможности пробиться со своим большим обозом, Святослав возвратился назад на ус-

ть Днепра, и там остался зимовать в ожидании какой-нибудь перемены к лучшему. Но там его войску не хватило припасов, наступил голод, и ранней весной Святослав решил рискнуть пробиться через пороги. Попытка эта ему не удалась: он сам сложил голову в битве с печенегам; враги ему отрубили голову, из черепа сделали чашу в память победы над славным воителем, «искавшим чужой земли и потерявшим свою»¹.

24. Владимир

Смерть Святослава послужила началом долгой и кровавой усобицы. Разделенные Святославом между сыновьями земли Киевского государства не раз уже, вероятно, и до того времени делились и снова собирались в руках наиболее энергичного или счастливого княжича, и теперь, когда не стало Святослава, скоро началась война между его сыновьями или между боярами-правителями, правившими от их имени. Каждый желал собрать отцовское наследие в своих руках. Ярополк киевский пошел войной на Олега древлянского; говорили, что довел до этого своими наговорами боярин его Свенельд, так как Олег убил сына Свенельда, застав его на охоте в своих лесах. Произошло сражение под Овручем; Олег потерпел поражение, и во время бегства его войска произошла такая давка на мосту, что множество людей понадало в ров и было задавлено. В числе сброшенных был и князь Олег, который и погиб здесь, задавленный падавшими на него людьми и конями. Так Древлянская земля досталась Ярополку.

Услышав об этом, Владимир бежал из Новгорода за море, искать помощи у варягов, так как боялся, что Ярополк, устранив Олега, захочет и с ним повторить то же. Тогда Ярополк завладел Новгородом, посадил там своих бояр и стал собирать и прочие земли в своих руках, подчиняя своей власти князей и наместников, правивших ими. Но вскоре из-за моря возвратился Владимир с варяжскими полками, прогнал Ярополковых воинов из Новгорода и стал приготовляться к войне с братом. Прежде, однако, он расправился с соседним князем полоцким, стоявшим на стороне Ярополка. Это была печальная история, описанная впоследствии в песнях о том, откуда взяла свое нача-

---

¹ В позднейших преданиях о Святославе так и рассказывается, что на чаше из его черепа была сделана надпись: «Ища чужого, утратил свое». Это руководящая мысль всей летописной повести о Святославе.

40. Золотая монета Владимира с его изображением и образом Христа (по византийскому образцу)

41. Серебряная монета Владимира такого же образца (надпись: «Владимир, а се его серебро»)

до наследственная вражда между князьями полоцкими и киевскими. В этих песнях и повестях рассказывалось, что у полоцкого князя Рогволода была дочь Рогнеда. За нее сватались Ярополк и Владимир, и Рогнеда не захотела идти за Владимира, «чтобы не разувать сына рабыни» (таков был обычай, что жена на свадьбе разувала мужа). Слова эти были переданы Добрыне, он был разгневан такой обидой его роду и решил отомстить. Он убедил Владимира отправиться в поход на Полоцк, и эта война окончилась смер-

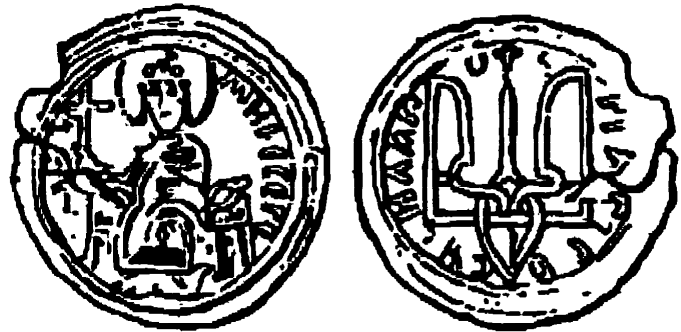
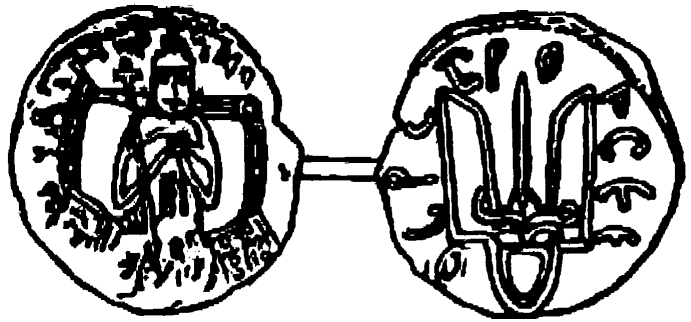
тью старого Рогволода и поруганием его дочери. Т. Г. Шевченко так пересказал эту печальную историю:

Пришли і город обступили
Кругом, і город запалили,
Владимир-князь перед народом
Убив старого Рогволода,
«Потя» народ, княжну «поя»,
«Отіде в волости своя».

Рогнеда должна была сделаться женой Владимира. За все несчастья, так жестоко обрушившиеся на ее бедную голову, ее прозвали Гориславой. От Владимира она имела сына Изяслава; но, имея других жен, он стал пренебрегать ею: она ему наскучила. Тогда еще и ревность присоединилась ко всем тем горьким чувствам, какие Рогнеда питала к Владимиру, и жажда мести стала овладевать ею. Однажды ночью Владимир спал у нее, и она решила его убить; она занесла уже над ним нож, но в этот момент Владимир проснулся и схватил ее за руку. Рогнеда призналась, что она хотела отомстить за отца, после того как Владимир перестал любить ее и ее ребенка, и Владимир решил покарать ее смертью за этот умысел. Он приказал ей нарядиться «во

все одежды царские», как к венцу, сесть на постели и ожидать его. Но Рогнеда дала меч своему маленькому сыну, и, когда Владимир вошел в ее горницу, ребенок выступил и сказал так, как его научила мать: «Отец, ты думаешь, что ты тут один?» При виде этого маленького свидетеля и защитника, будущего мстителя за мать — Владимир опустил свой меч, приготовленный для Рогнеды, и ответил сыну: «Кто бы мог ожидать тебя тут?» Он обратился к совету своих бояр, и те ему посоветовали по-

42—43. Серебряные монеты с именем Владимира, его портретом и гербовым знаком. При них надписи: «Владимир на столе, а се его серебро»

миловать мать ради сына и отдать им их отчину, Полоцкую землю. Владимир так и поступил, и от этого Изяслава пошел род полоцких князей, не раз впоследствии ожесточенно воевавших с киевскими князьями, ведущими свой род от другого Владимирового сына, Ярослава. «С того времени поднимают меч Рогволжи внуки на Ярославли внуков», — заканчивается эта повесть о Рогнеде.

Это уже, однако, позднейшая история, а теперь Владимир, покончив с Рогволдом, а может быть, и еще кое с кем из соседних князей, стоявших на стороне Ярополка, отправился в Киев. Ярополк не приготовился к борьбе и заперся в Киеве. Но Владимир нашел пособника среди киевских бояр, по имени Блуда. Он обещал ему всяческие почести, и Блуд согласился предать Ярополка. Чтобы легче было отдать его в руки Владимира, он уговорил Ярополка бежать из Киева в маленький городок Родню, находившийся около теперешнего Канева, уверяя, что там он будет в большей безопасности. Ярополк последовал совету и попал в еще горшую беду, так как в Родне скоро не стало припасов и началась жестокий голод, так что даже сложилась поговорка: «Беда, как в Родне». Блуд начал теперь уговаривать Ярополка сдаться брату, так как положение все равно стало безвыходным. Ярополк послушал его совета; напрасно другой боярин, верный ему, совето-

вал бежать к печенегам и там искать помощи, — Ярополк решил идти к Владимиру, покориться и просить какой-нибудь волости у него. Блуд же немедленно известил Владимира, что его желание будет исполнено, — он приведет к нему Ярополка. Владимир приготовился к приходу брата: когда Ярополк шел к нему, у дверей стояли два варяга; Блуд закрыл за Ярополком двери, чтобы его люди не могли прибежать на помощь, а варяги взяли Ярополка на мечи и закололи его.

Так Владимир овладел волостями братьев и затем принялся собирать под свою власть и прочие земли. Несколько лет ушло на это собирание Русского государства; в летописях сохранились известия только о некоторых походах: на вятичей, на радимичей, в теперешнюю Галицию, которую Владимир постарался теснее связать с Киевским государством, и на разные соседние племена. Только из известий о волостях, розданных Владимиром своим сыновьям, видим, какое грандиозное дело за это время было совершено Владимиром. Он собрал земли и волости, бывшие в зависимости от Киева, устранил разных «светлых и великих князей», правивших здесь и не особенно расположенных повиноваться воле киевских князей, и на место их посадил своих сыновей; «примучил» непокорные племена, возвратил земли, захваченные в последнее время соседями, и этим последним внушил должное почтение. А чтобы земли Русского государства связать теснее, он роздал их в управление своим сыновьям. У него было много сыновей, так как он имел много жев и наложниц. С молодых лет рассаживал он сыновей под опекой доверенных бояр, как сам в юности правил в Новгороде. И так посадил он, гласят наши источники, в Новгороде Ярослава, затем Вышеслава, в Пскове Судислава, в Полоцке Изяслава, в Смоленске Станислава, в Турове Святополка, во Владимире на Волыни (вероятно, вместе с Галицией и польским пограничьем) Всеволода, в Тмутаракани (над землями подонскими, крымскими и кавказским пограничьем) Мстислава, в Ростове (в землях верхней Волги) Ярослава, а затем Бориса, в Муроме (в землях по реке Оке) Глеба. В управлении самого Владимира остался центр украинских земель, среднее Поднепровье, да, может быть, еще некоторые новоприсоединенные земли.

Это дело «собираения Русской земли» должно было стоить многих войн, много крови: мы видели, каким суровым, даже жестоким рисуют Владимира рассказы о молодых его годах и первых шагах его политической деятельности; это подчеркивалось отчасти с умыслом, чтобы тем резче оттенить перемену, происшедшую во Владимире с переходом в христианство, когда он

стал кротким и ласковым князем. Но все-таки несомненно, что первая половина княжения Владимира была очень кровава. Зато укрепивши государственную организацию силой и страхом, убийствами и войнами, он не удовлетворился этим, а позаботился связать земли своего государства внутренней связью, более свободной, а не принудительной. Уже одно то, что он вместо чужих наместников и князей или далеких родственников, связь которых с киевским княжеским родом ослабела и забылась, рассажал по киевским волостям своих родных сыновей, имело большое значение для дальнейших отношений. С этого момента ведет свою историю династическая идея в землях Киевского государства: князья, потомки Владимира, со своей стороны и в своих интересах, а общество и дружина со своей стороны (и до некоторой степени также в своих интересах) распространяют, развивают и укрепляют мысль, что земли Русского государства — общее достояние Владимирового рода, он обязан о нем заботиться, но и владеть им могут только потомки Владимира: здесь не может быть никаких других князей, кроме потомства Владимира Святого, и каждый из князей, его потомков, должен иметь какую-нибудь волость в этих землях. Эта «династическая идея» имела большое значение и действительно связывала известной внутренней связью, чувством единства и солидарности эти земли в течение целых веков. Но, кроме нее, Владимир ввел в жизнь своего государства еще другие могущественные связи — религиозные и культурные, что было достигнуто распространением новой религии, христианства, сделавшегося религией государственной и правительственной для земель Киевского государства.

25. Христианство

В черноморских греческих городах, так же как и на Подунавье, христианство начало распространяться уже в первые века по Р. Х., а оттуда заносилось в наши края купцами и разными странствующим людом. Несомненно, уже в IX веке христианская религия стала довольно обычным явлением в важнейших городах Украины, где много было такого подвижного населения, и захватывала высшие слои общества. Мы знаем уже, что в 860-х годах посланные на Русь греческие духовные окрестили многих людей, так что на Русь прислан был потом особый епископ для идущих христиан. В первой половине X века упоминается церковь св. Ильи в Киеве на Подоле — в трактате Игоря с греками,

44. Кирпич из развалин Десятинной церкви с гербовым знаком, сходным со знаком на монетах Владимира

и среди Игоревой дружины в том же трактате различается Русь христианская и Русь языческая. На княжеском дворе и в боярских кругах было довольно много христиан, и неудивительно, что и жена Игоря, княгиня Ольга, крестилась также. В Киеве рассказывали впоследствии, что она путешествовала в Цареград, чтобы там принять крещение, и сам византийский император был ее крестным отцом; однако в записках константинопольского императорского двора, описывающих подробно церемониал ее приемов, о крещении ее не упоминается; из этого явствует, что крестилась она в Киеве же. Уговаривала она креститься и сына своего Святослава, но тот не считал это удобным для себя. Зато его сыновья, вырастая в Киеве при

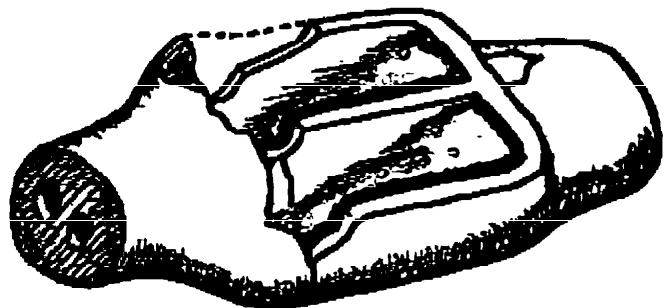
своей бабке, с детских лет могли уже ознакомиться с христианством, в том числе и Владимир. Но прошло много лет, прежде чем он, устроив дела своего государства, занялся распространением в нем христианства. Летописная повесть представляет дело так, что к Владимиру приходили из разных стран миссионеры и старались обратить его в свою веру: болгары в магометанскую, хозары в еврейскую, немцы в католическую, греки в православную. Владимир решил сам испытать, какая вера лучше, и послал своих послов в разные страны приглядеться к разным религиям. Послы возвращаются и рассказывают, что им больше всего понравилась греческая вера; бояре также говорят, что, вероятно, все-таки греческая вера самая лучшая, если эту веру приняла Ольга — «мудрейшая из всех людей». Владимир решает креститься, но не хочет просить греков, чтобы прислали ему для этого духовных лиц, а ведет дело иначе: отправляется с войском на Корсунь (Херсонес) и, принудив его к сдаче, обращается с требованием к византийскому императору Василию и его брату Константину, правившим совместно, чтобы они выдали за него замуж сестру; иначе он пойдет на самый Цареград. Императоры отвечают, что не могут выдать сестру за язычника. Владимир заявляет, что он готов креститься, так как знает уже христианскую веру и она пришлась ему по сердцу. Тогда императоры посылают сестру

свою Анну к Владимиру в Корсунь. Владимир, однако, начинает оттягивать свое крещение; но тут он заболевает глазами, и царица Анна уговаривает его креститься скорее, чтобы выздороветь. Крестившись, он действительно выздоровел, обвенчался с царевной и, забрав греческих духовных из Корсуни, отправился в Киев — крестить киевлян и всю землю.

В этом рассказе сохранилось только кое-что из действительного хода событий.

В то время, когда начались переговоры о браке Владимира с царевной, он как раз заканчивал свои труды над восстановлением единства государства. Задумываясь над мерами упрочения этого государственного организма и своей власти над ним, вообще власти киевского великого князя, Владимир, очевидно, решил средств для этой цели поискать у Византии. Византия и ее столица, Константинополь, или Новый Рим, как его называли, был в то время в глазах современного мира венцом блеска, культуры, славы, могущества, подобно тому, как раньше был им старый Рим римских императоров. Различные творцы и создатели новых государств, возникавших в те времена, старались приодеть себя и свою власть блеском и славой этого мирового светильника и для этого старались породниться с византийским императорским двором, получить оттуда разные драгоценности — знаки власти, какую-нибудь корону, императорские одежды. В записках императора Константина, современника Игоря, находим упоминания, что хозарские властители, венгерские, русские и другие владетели часто обращаются к византийскому императору с просьбами пожаловать им за какую-нибудь услугу византийскую корону или другие регалии, просят выдать за них византийскую царевну или женить какого-нибудь византийского царевича у них. Так было и с Владимиром.

Повод к этому подали сами императоры. Они в это время находились в весьма тяжелом положении: один из первых самовластных императоров империи, Варда Склир, поднял восстание и приступил с войском к самому Константинополю. Императоры, не видя другого выхода, обратились к Владимиру с просьбой о помощи. Владимир согла-

45. Рожок для орнаментирования двумя красками (из развалин Десятинной церкви)

сился, но со своей стороны потребовал, чтобы императоры выдали за него свою сестру и, кроме того, вероятно, прислали также корону и императорские регалии. Существует позднейшее предание о императорском венце, присланном из Цареграда князю Владимиру, и короновании его этим венцом; это предание связывается с короной московских князей, называемой Мономаховой шапкой, и под Владимиром в этой легенде подразумевается Владимир Мономах, правнук Владимира Святого. Сама Мономахова шапка, вероятно, позднейшего происхождения, но предание о присылке греческой короны из Цареграда восходит, вероятно, к Владимиру Святому и только потом перешло на его соименного правнука, как ближайшего предка московских князей.

Владимир послал в Византию шесть тысяч войска, оно помогло разгромить бунтовщиков и осталось затем на службе императоров. Но когда миновала гроза, императоры начали уклоняться от исполнения обещаний, данных Владимиру. Для византийского императора считалось большим позором выдать свою сестру за варварского властителя, каким греки считали киевского князя — хотя бы и крещеного. Тогда Владимир обратился к больному месту Византии — напал на ее крымские владения. Русские князья уже издавна стремились захватить их, и предыдущими трактатами греки постоянно обеспечивали себя от нападений Руси на крымские города. Теперь Владимир осадил столицу крымских владений Византии — Херсонес, или, как его у нас звали, — Корсунь. Город был хорошо укреплен, защищен крепкими стенами, и трудно было его взять. Но один корсунянин изменил и открыл Владимиру, как перехватить воду, а без воды Корсунь не мог долго держаться. Императоры не могли прийти ему на помощь, так как в Византии снова вспыхнуло опасное восстание. Владимир овладел Корсунем, а с ним и всем Крымом. Чтобы вернуть себе эти владения, императоры должны были исполнить данные Владимиру обещания: отправить царевну Анну в Корсунь. Там состоялась ее свадьба с Владимиром, и последний после этого возвратил Корсунь грекам в качестве «вена (выкупа) за царевну».

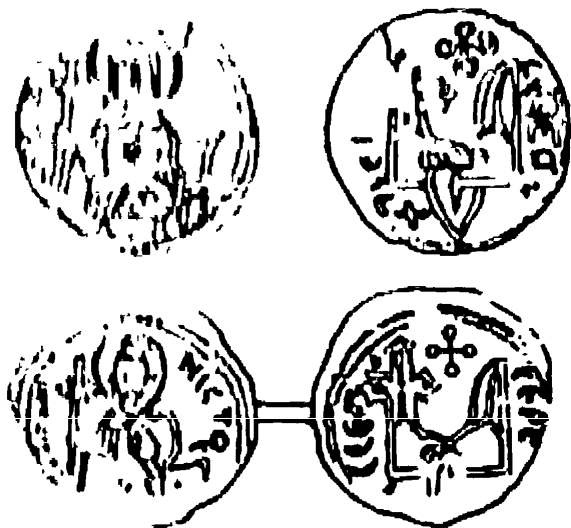
Среди этих событий незаметно прошло само крещение Владимира; неизвестно даже, где оно произошло, в Корсуне или в Киеве; говорили еще, что Владимир крестился в Васильеве, теперешнем Василькове, около Киева. По одному известию, поход Владимира на Корсунь имел место на третий год после его крещения; и действительно, вполне вероятно, что крестился он еще до похода. При крещении он принял имя Василия — по имени своего шурина императора Василия.

26. Новая культура

Крестившись сам, Владимир все усилия приложил к тому, чтобы распространить христианство в землях своего государства. Задумав сблизить свое государство с Византией, украсить его блеском византийской культуры и образованности, он, естественно, должен был стремиться приблизить по возможности местный быт к формам византийской жизни. С другой стороны, как выдающийся политик, он мог сообразить, каким тесным узлом свяжет его земли распространение новой религии с ее блестящей обрядностью, законченными формами, прочно организованным духовенством и тесно связанная с церковью книжность, просвещение и искусство. Он мог представить себе, как упрочит политические связи образование в его землях этой новой церкви и иерархии, с помощью княжьей власти и под ее защитой и опекой. Такая государственная церковь и здесь, как и в других землях, должна была сделаться союзником политической власти, содействовать усилению могущества княжеской власти, укреплять своим влиянием ее авторитет и значение, — как это действительно и было потом.

Летопись повествует, что Владимир, возвратившись из крымского похода в Киев, приказал истребить идолов — изображения языческих богов, поставленные на горе, вблизи княжьего двора: одни иарубить, другие сжечь, а идол Перуна велел привязать к конскому хвосту и таким образом тащить до самого Днепра, причем люди должны были идти и бить его палками для

поругания, затем бросить в Днепр и следить, чтобы он нигде не пристал к берегу. Истребив идолов, Владимир велел всему населению Киева собраться на другой день у Днепра, причем ослушникам грозил наказанием. Когда люди собрались, им ведено было раздеться, войти в воду, а священники стояли на берегу и читали крещальные молитвы, и так был окрещен сразу весь город. Так рассказывает летописец, и нечто подобное действительно должно было происходить в Киеве и в других больших го-

46 - 47. Монеты Святополка с его портретом и с гербовым знаком

48. Борис и Глеб, киевская гравюра 1619 года (с древних изображений)

родах, хотя и не так просто и внезапно, как описывается в летописи: вероятно, сперва все-таки население знакомили с новой верою, тем более, что и раньше в больших городах были уже священники и могли заняться объяснением главного содержания новой религии. Летописцы, в памяти которых должно было сохраниться воспоминание об этих событиях, сообщают, что тогда, при Владимире, крещена была «вся земля», и где не оказалось у населения расположения, там на помощь являлась угроза: «если не из любви, то из

страха крестились». За крещением следовало построение церквей, поставлялись священники, и в науку им отдавались дети — «начал Владимир брать детей у нарочитых людей и отдавать их в науку книжную», говорит летописец. Для постройки и украшения церквей приглашались из греческих стран мастера и художники: архитекторы, живописцы, золотых дел мастера — от них перенимали их искусство местные люди, и так распространялось византийское искусство, в особенности церковное.

Конечно, все это происходило, главным образом, в более значительных городах: вне их, в особенности в более глухие местности, новая вера проникала только с течением времени, постепенно и даже довольно медленно. Но в общем «земля» стала христианскою, и таким образом наряду со связями политическими в ней возникают связи культурные. Разные земли и племена объединяет не только династическая связь — общий княжий род и общая дружина, расходящаяся из Киева по всем землям, а с нею общее киевское устройство и право, распространявшееся во всех землях княжескими наместниками, чиновниками и судьями. Связывает их теперь также и общая вера и церковь, общая иерархия, духовенство, подвластное киевскому митрополиту, книжность и просвещение с сильной церковной окраской,

а также искусство. До того времени сильное влияние имело восточное искусство, персидско-арабское, соперничавшее с влияниями греческими; теперь византийская культура и искусство, связанные с новой государственной религией, берут перевес. Новая «русско-византийская» культура получает господство на долгие века в украинских и во всех вообще восточно-европейских землях, принадлежавших к Киевскому государству.

Вообще, все эти новые связи, привнесенные Киевским государством и главным образом эпохой Владимира, объединяли между собою не одни украинские земли и племена, а захватывали также нынешние белорусские и великорусские земли и стирали, ослабляли племенные, этнографические различия, не дававшие себя чувствовать еще долгое время спустя за общностью веры, иерархии, книжности, права и общего имени русского. Духовенство и княжеская династия, со своей стороны, старались заглушать все, что разделяло эти народности, и усиливать в них чувство единства.

Вследствие всех указанных причин, правление Владимира оказалось чрезвычайно важным моментом в жизни нашего народа, настоящей эпохой, тем более, что начатое им дело было продолжено и упрочено затем его сыном Ярославом, который пошел по стопам отца.

Летописцы и другие писатели подчеркивают перемену, происшедшую с Владимиром после крещения: его характер совершенно изменился, это был уже совершенно не тот прежний, суровый, жестокий, сластолюбивый князь. Но перемена в его личном характере менее интересна для нас, — важно то, что, закладывая новые основания под свое государственное здание: культурные, духовные, более свободные от внешнего принуждения и насилия, Владимир вместе с тем старается установить более мягкие отношения между властью и обществом, заботится о сближении с последним, о сотрудничестве с его представителями. Летописец рассказывает, что во второй половине своего княжения Владимир мало воевал, жил в мире с соседями, заботился более о внутреннем порядке, «часто советовался с дружиной, с духовенством и со «старцами» — почетнейшими гражданами — о лучших законах и учреждениях, «о строении земленем и о уставе земленем». Ежедневно в его княжеском дворе, при нем и в его отсутствие, устраивали пиры, и сюда собирались бояре, дружинники, разные чиновники и «нарочитые мужи», по праздникам же устраивались большие всенародные пиры, варились сотни котлов меду, торжество продолжалось по несколько дней; бедным раздавали деньги, а больным и калекам на дом привози-

ли всякую пищу. Вообще Владимир в эту эпоху проявлял большую предупредительность к населению, в особенности к беднякам: позволял им приходить на княжьи дворы во всякое время, получать разные предметы необходимости и денежную помощь, а для больных и калек, которым слишком трудно являться на княжий двор, велел развозить по городу всякую пищу — хлеб, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках, и раздавать им.

Летописец все это приписывает влиянию на Владимира христианского учения после его крещения. Но в этих новых обычаях его двора заключается глубокая политическая идея, новое направление государственной жизни, и лучшим доказательством их значения является память, сохранившаяся в народе об этих Владимировых пирах, о его милосердии к людям. Забыты были его войны и кровавые дела, и в песнях о временах Владимира, сохранившихся до сих пор на далеком великорусском севере, помнят о нем лишь как о «ласковом князе красное солнышко», по целым дням пирующем в киевской столице среди своих людей, а всякие дела поручающем своим «могучим богатырям». Вот обычные «запевы» таких песен:

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пированье — почестный пир
На многие князи, на бояры,
На всех-тых гостей званых-бранных,
Званых-бранных гостей, приходящих.
Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Иной хвалится добрым конем,
Иной хвалится шелковым портом,
Иной хвалится селами да приселками,
Иной хвалится городами с пригородками.
Будет день в половину дня,
Будет пир во полу-пире,
Владимир князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает...

27. Борьба с ордою

Времена Владимира Великого, или Святого, каким его признала церковь за крещение Руси, сохранились в народной памяти как ясная, радостная эпоха в народной жизни. Но в действи-

тельности они были жестоко омрачены — несмотря на все счастливые войны и походы Владимира, на его авторитетное положение среди владетелей, блестящее родство с византийским двором, основание новой церкви и распространение византийской культуры. Жестокий враг теснил Украину, и, несмотря на все свои силы и энергию, Владимир ничего не мог с ним поделать, не защитил своих земель от его разрушительной силы.

Это была печенежская орда. После короткого затишья, начиная с IX века, в черноморских степях снова двигаются хищные орды кочевников. В IX веке двинулась дикая и воинственная орда угров (венгров) и довольно долго оставалась в черноморских степях, нападая на украинские поселения, захватывая в плен людей и продавая их затем греческим купцам. Затем в 860—880-х годах прорвалась из-за Волги, через владения хозар, не бывших уже в состоянии сдержать ее, орда печенежская; это было еще более хищное и воинственное племя, чем венгры: печенеги вытеснили венгров из черноморских степей, принудив перейти на равнины среднего Дуная, теперешней Венгрии, и, заняв затем степи от Дона до Дуная, дали себя почувствовать соседним поселениям еще сильнее своих предшественников. В киевских летописях не сохранилось подробных известий об этих печенежских опустошениях, но можно заметить, что уже в начале X века, во времена Олега и Игоря, население уходило из черноморского степного приволья на запад и на север, ища защиты и более покойной жизни. Трудно сказать, мало ли обращали внимания на этот печенежский натиск киевские князья (так как он обрушивался первоначально на земли более отдаленные и не стоявшие в тесной зависимости от Киева), или не в состоянии были обуздать кочевников, — во всяком случае результат был тот, что печенеги, разогнав черноморскую Русь, со времен Святослава начинают давать себя чувствовать и далее на севере, в окрестностях самого Киева. Во время первого болгарского похода Святослава, как жаловались киевские бояре, печенеги едва не забрали их в полон в самом Киеве. Днепровский путь они так преградили, что не только торговым караванам стало чрезвычайно трудно пробивать себе дорогу, но и с значительными военными силами не всегда можно было пройти через степи, как это показывает история Святослава.

Святослав, занявшись чужими краями, не позаботился обуздать печенегов, но и при Владимире было не лучше. «Рать была с ними беспрестанно», — вспоминает летописец и рассказывает различные народные предания, сохранившиеся от времен этой печенежской беды. Один раз печенеги приступили было к Кие-

ву, и Владимир встретил их на Трубеже, где теперь Переяслав, но вместо битвы устроил поединок: печенеги выпустили своего борца, а с нашей стороны выступил молодой кожемяка и поборол печенега, Владимир назвал место, где произошла борьба, Переяславом, так как русский борец «перейал славу» у печенегов. В другой раз печенеги обступили Белгород (около Киева), и только обманом отделались от них белгородцы: показали печенегам, что они у себя в Белгороде из земли кисель берут и поэтому не боятся голода: могут печенеги и десять лет их осаждать, ничего из этого не будет: люди берут пищу из земли и голодны не будут. Однажды сам Владимир, выступив с малой дружиной против печенегов в месте, где теперь Васильков, очутился в крайней опасности: он был разбит и, убегая, укрылся от них под мостом; потом поставил он церковь в Василькове за то, что Бог спас его от печенегов и они не схватили его.

Из этих рассказов ясно видно, как тогда уже и в ближайшей окрестности Киева не стало житья от этого страшного врага. Люди расползались отсюда в более безопасные места, в леса. Для защиты своей столицы Владимир насыпал высокие валы около Киева (такие валы остались и до сих пор над Стугной и около Переяслава). Современный чешский миссионер, проезжавший через Киев по пути к печенегам, рассказывает об этих валах, насыпанных Владимиром: для проезда в них были устроены ворота, охранявшиеся заставами. Построены были сильные укрепления над Стугной, Сеймом, Трубежем, Сулой, и переведены жители из северных стран для охраны этих крепостей. Не хватало уже населения и здесь, пустело украинское Поднепровье, и это предвещало очень мало хорошего Русскому государству, опиравшемуся именно на это Поднепровье.

И умер Владимир среди этой печенежской грозы: он лежал больной, когда дали знать, что печенеги двигаются из-за Сулы; послал против них войско с сыном Борисом и умер, не дождав-шись вести от него.

28. Владимировичи

Раздав земли своим сыновьям, Владимир хотел их теснее связать с Киевом, и это до некоторой степени удалось ему. Но как в свое время среди Святославовых сыновей, так теперь среди Владимировых не один замышлял осуществить то самое, что удалось сделать самому Владимиру: отобрать земли у братьев и объединить их еще крепче в своих собственных руках.

40 *Ярослав с детьми (фреска Софийского собора в Киеве, теперь уничтоженная)*

Уже при жизни отца некоторые сыновья Владимира не хотели ему повиноваться, восставали против него. Знаем это о Святополке, посаженном в Турове, в земле дреговичей, и о Ярославе, сидевшем в Новгороде. Они же по смерти отца немедленно затеяли войну: оба хотели сами занять место отца и сделаться повелителями всего Русского государства.

Святополк, находившийся во время смерти отца в Вышгороде, начал избивать своих братьев, подсылая к ним убийц. Так убили его люди Бориса, которого Владимир держал при себе, и в Киеве думали, что именно ему Владимир хотел передать место отца киевский стол. Захватив Киев, Святополк выслал своих людей в полки, ушедшие с Борисом на печенегов, и войско перешло на его сторону, покинув Бориса, а самого Бориса убили люди Святополка. Затем они убили и брата Бориса от одной матери — Глеба, и Святослава, князя древлянского; последний хотел спастись в Венгрию; но его догнали в Карпатах и убили — могилу его показывают и теперь под Гребеновым, на верховьях реки Опора.

Но против Святополка восстал Ярослав, объявив себя мстителем за убитых братьев; он двинулся на Киев, на Святополка, с варяжскими полками, по примеру отца. Святополк искал помощи в Польше, у тестя, польского князя Болеслава Храброго, привел его в Киев, чтобы выгнать оттуда Ярослава; приводил и печенегов на помощь. Война продолжалась три с половиной года; Киев переходил из рук в руки и много терпел от этой борьбы: и горел и подвергался не раз разграблению. Наконец

50. Монета Ярослава
с образом св. Георгия

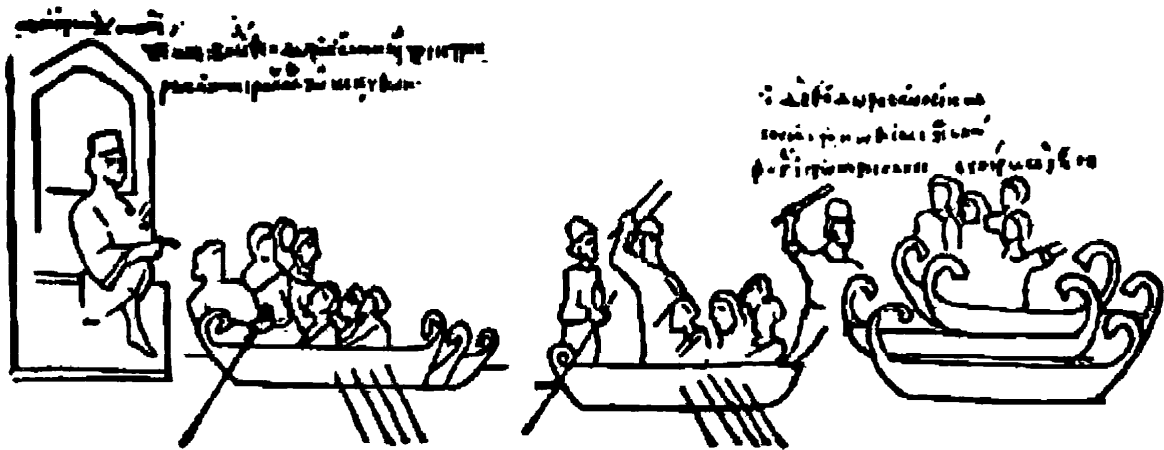
в решительном сражении под Переяславом, над той же Альтой, где был убит Борис, в последний раз разгромил Ярослав войско Святополка и его печенегов; Святополк бежал куда-то на запад, «межи Чяхы и Ляхы», и уже не возвращался на Русь, и Киев остался в руках Ярослава.

Святополк, проиграв свое дело, был теперь объявлен окаянным братоубийцей (если бы остался победителем, то со временем, вероятно, забыли бы все злодеяния его, как забыли кровавые дела первых годов его отца). Борис и Глеб были признаны святыми мучениками, составлены были их жития. О победе Ярослава над Святополком благочестивые люди рассказывали, что они видели ангелов, помогающих Ярославу; о Святополке говорили, что его поразили страх, как Каина: он трясся и не находил себе нигде места.

Как видно, об этих событиях сложилось много песен и рассказов. На далеком севере, в Исландии, сохранилась скандинавская песня об этой войне Ярослава с братьями. В ней говорится о варяге Эймунде, отправившемся на Русь добывать себе счастья мечом, как тогда делало много его земляков; как он служил на Руси то Ярославу, то его братьям, кто больше даст, и помогал им в войнах. Некоторые следы песен сохранились и в наших летописях, напр. в рассказе о битве на Альте.

Пішли против себе і вкрили поле Летське множеством воїв.
Був пяток, сходило сонце, і в ту хвилию наспів Святополк.
І зступилися оба, і була січа зла, якої не було на Русі.
За руки взявпися, рубалися, долинками кров текла.
Три рази зіступалися і смерком іще билися...

Но этой битвой на Альте не закончилась еще борьба за господство над Русским государством. Против Ярослава выступил другой противник, другой сын Владимира, Мстислав, князь тму-тараканский. Это был отважный, воинственный князь, рыцарь-воин, напоминающий своего деда Святослава. В летописи сохранился рассказ о нем, может быть, из какой-нибудь дружинной песни — может быть, самого Бояна, слагавшего песни об этом Мстиславе: «Был он крепок телом, а лицом красен, с великими

51. Император посылает свои корабли на Владимира (с левой стороны); греки разбивают Владимировы корабли (с правой стороны)

очами; храбр на рати и милостив и любил дружину повелику, а имения не жалел, не запрещал никому есть и пить».

Летопись рассказывает о нем, может быть, по песням Бояна как он, воюя с касогами, вступил в единоборство с князем касожским Редедею, великаном и силачом — ударил им о землю и зарезал его ножом перед полками касожскими.

Не мог стерпеть этот Мстислав, видя, как Ярослав собирает отцовские земли, и, воспользовавшись случаем, когда Ярослав вышел из Киева в свои новгородские волости, пришел под Киев со своими полками и вспомогательными отрядами хозар и ясов. Но Киев считался верен Ярославу, и Мстислав не стал его добывать, а владел наднепровскими землями и основался в Чернигове. Услышав об этом, Ярослав пришел с варяжскими полками и двинулся на Мстислава. Под Листвином, около Чернигова, произошло большое сражение, воспетое в старинной песне и по ней описанное в летописи.

С вечера Мстислав приготовил войско; посредине поставил северянские, черниговские полки, а дружину свою поставил в более безопасных местах, по краям. Наступила грозная ночь: гром, молния, дождь; и сказал Мстислав дружине: пойдем на них, это нам на корысть. И была сеча злая и страшная. Когда блеснула молния, светилось оружие, и люди рубили друг друга по блеску мечей при свете молнии. Вся сила варяжская обрушилась на северян, и утомились варяги, рубя их. Тогда Мстислав напал на них со своей дружиной и начал рубить варягов. Увидел Ярослав, что победили его, и убежал с Якуном (Гаконом), князем варяжским (которого привел с собою), и «отбежал (ли-

шился) Якун своей луды золотой». Утром, на заре осмотрел Мстислав поле и, увидя убитых северян и варягов, сказал: кто бы такому не рад — тут лежит северянин а там варяг, а дружина моя цела!

Рассказывалось это, вероятно, в похвалу Мстиславу за такую его любовь к дружине — и здесь хорошо обрисовываются тогдашние князья-дружинники, не щадившие своих верных подданных и только дружину оберегавшие как зеницу ока.

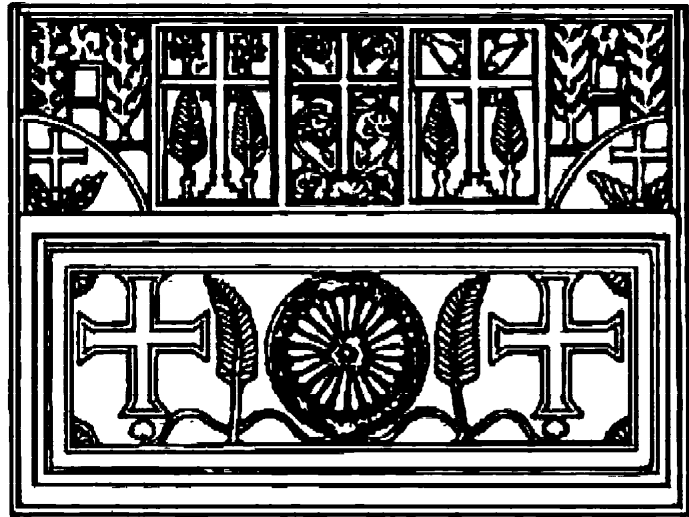
После этой битвы Мстислав предложил Ярославу поделиться отцовскими землями: Киев и земли на запад от Днепра пусть возьмет себе Ярослав, а Мстиславу — заднепровские. Ярослав согласился, и так они разделились и жили затем в мире и вместе в походы ходили. Мстиславова столица была в Чернигове, где он начал строить собор св. Спаса — древнейшую из уцелевших на Украине церквей. Но он умер, не окончив ее, а еще ранее умер его единственный сын. Таким образом почти все отцовские земли собрались в руках Ярослава. Только в Полоцке осталось потомство Изяслава и княжило в северо-западных частях Владимировых земель. Всеми прочими землями завладел Ярослав и передал затем их своему потомству.

29. Ярослав

Как раз около того времени, когда смерть Мстислава отдавала в руки Ярослава целую половину отцовских земель, произошли еще другие события, упрочившие его положение и владение. На юге сокрушилась печенежская сила, на западе польская. На печенегов надвинулись с востока новые тюркские орды — торки, за ними половцы, и натиска их печенеги не могли выдержать. В 1036 году, в год смерти Мстислава, напали они на Киев в огромной массе. Вероятно, это была целая печенежская орда, двигавшаяся на запад. Ожесточенная битва под Киевом окончилась погромом печенегов, на том месте, где Ярослав потом основал новый Киев (та часть, где теперь Золотые ворота, св. София и пр.). Печенеги двинулись к Дунаю, перешли реку и исчезли из наших степей, а на месте их расположились торки, а затем половцы.

Пользуясь сравнительною безопасностью на юге, Ярослав мог позаботиться о западных границах. Там во второй половине X века образовалось сильное Польское государство и, не довольствуясь собиранием польских земель, стремилось захватить приграничные украинские и смешанные польско-украинские земли. Уже Владимиру пришлось воевать из-за этого с польским

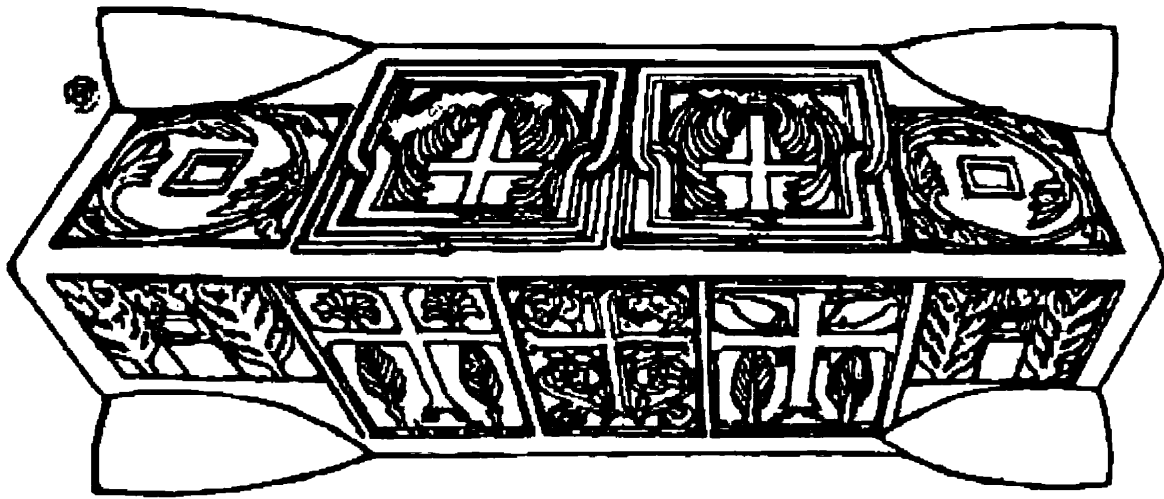

52—53. Гробница из белого мрамора в Софийском соборе
(спереди и сбоку); ее считают гробницей Ярослава

князем Болеславом Храбрым, а во время усобицы, поднявшейся по смерти Владимира, Болеслав, помогая Святополку, захватил нападное украинское пограничье («Червенские города», как называют их летопись). Одолев Святополка, Ярослав немедленно занял утраченными землями, но только после примирения с Мстиславом мог приступить к этому предприятию с более значительными силами. Обстоятельства тем временем резко изменились: Болеслав умер (1025), и в Польше начались междоусобицы, как и на Руси после Владимира, только еще более острые и продолжительные. Ярослав с Мстиславом имели возможность не только вернуть себе захваченное Болеславом, но и опустошить польские земли, обогащаясь добычей и пленниками. В 1040-е годы Польша стала ареной тяжелой смуты; население мучило моровый и духовенство, уничтожало следы христианства. Только около 1090 года внук Болеслава Казимир, прозванный Колобошнителем, возвратился в Польшу и начал постепенно восстанавливать прежние отношения. При этом он обращался за помощью к соседним государствам: к Германии и к Руси. Ярослав действительно взял Казимира под свое покровительство, выдал на него свою дочь, несколько раз помогал ему своим войском против различных польских старшин и владетелей, не хотевших покоряться Казимиру. Польша казалась тогда такой разбитой, что Ярославу и в голову не приходило, что таким образом он сам ставит на ноги опасного врага.

Ярослав чувствовал тогда себя слишком сильным и могущественным и не думал, вероятно, что обстоятельства могут измениться. Собрав почти все отцовские земли (кроме Полоцкой

54. Крышка той же гробницы

земли), а может быть, и присоединивши кое-что к ним на пограничьях, он сделался одним из могущественнейших государей тогдашней Европы и стоял в близких и союзных отношениях с различными современными владетелями. Прежде всего тесные узы связывали его со скандинавским миром, с варяжскими краями, куда он постоянно обращался в трудные минуты за помощью, запасаясь варяжскими полками против своих врагов на Руси. Сам он был женат на дочери шведского короля Олафа, Ингигерде (в христианстве она называлась Ириною). Норвежский королевич Гаральд Смелый, известный воитель, бывший потом норвежским королем, долго жил на Руси и женился на дочери Ярослава Елисавете. В скандинавской саге (повести) рассказывается, что Ярослав отказал Гаральду в руке дочери, заметив, что такой королевич, как он, безземельный и бедный, должен чем-нибудь прославиться, чтобы этот брак не казался неравным. Тогда Гаральд отправился по свету в поисках славы и во время этих путешествий сложил песню о Ярославне; она состояла из 16 строф, в каждой Гаральд описывает свои подвиги, славу, разные достоинства и на конце повторяет: и однако русская девушка в золотом ожерелье — меня не хочет...

Таких варяжских искателей приключений много тогда было на Руси, это был последний их приток, и под влиянием его и памяти о давнейших наплывах варягов сложился рассказ о варяжском начале Руси и русских князей, который читаем в теперешней летописи.

Другая дочь Ярослава, Анна, выдана была замуж во Францию, за французского короля Генриха; она пережила своего мужа (это была вторая его жена), жила затем при своем сыне, короле Филиппе, принимала участие в государственных делах, и на од-

ном документе осталась ее собственноручная подпись славянскими буквами, которую приводим здесь — Ана рѣина, т. е. Anna regina.

А Н А Р Ѣ И Н А

55. Подпись Анны Ярославны,
королевы французской

Киевский княжеский дом состоял в родстве также со многими немецкими княжескими домами, с венгерским и византийским. С Византией все время поддерживались очень оживленные сношения. В 1040-х годах произошло столкновение. Современный греческий писатель говорит, что причиною было убийство русского купца в Цареграде. Вероятно, Ярослав задумал по этому поводу поугатать греков и добиться различных льгот для русской торговли, как бывало в прежние времена. Он послал своего сына Владимира с большим войском варяжским и русским морем в Цареград. Но поход не удался, греки своим огнем сожгли много Владимировых кораблей, и он должен был возвратиться с большим уроном; позже снова возобновились дружественные отношения с Византией. Это был последний поход Руси на Цареград.

Однако большее значение, чем в сфере заграничных отношений, имело княжение Ярослава для внутренней жизни его земель. Выше было уже упомянуто, что в этой области его правление было продолжением того направления, какое сообщил внутренней жизни Киевского государства Владимир во вторую половину своего княжения, и то, что Владимиром только начато, во времена Ярослава получило свое развитие и снискало ему славу и память у позднейших поколений. Он заботился о дальнейшем распространении христианской веры, об организации церкви, о распространении просвещения и византийской культуры, строил богатые церкви, созидал другие сооружения. Непосредственно по смерти Мстислава, оставшись «самодержавцем» Русского государства, он основал на месте знаменитой победы над печенегами новый киевский город, обвел его валами и укреплениями, поставил каменные ворота, с церковью Благовещения сверху, крытые золоченой бляхой — отсюда получили свое название эти «Золотые ворота». В этом новом городе Ярослав создал, по обычаю того времени, монастыри во имя патронов своей семьи, св. Георгия и Ирины (христианское имя Георгия носил сам Ярослав, имя Ирины — его жена); соорудил новую соборную церковь св. Софии, оставшуюся величавым памятником его времени и современного искусства. Строили и украшали ее греческие мастера. Алтарь и главный

купол покрыты были мозаичными картинами, «мусией», как ее называли; прочие части церкви расписаны красками; многое из этих изображений сохранилось и до наших времен, только неудачно было реставрировано при последнем обновлении в середине XIX века. Он является самым значительным памятником чисто византийского искусства Украины. Позднейшие церкви, сохранившиеся в Киеве и в других городах, строились и украшались преимущественно уже местными мастерами, учениками греческих. Для нас ввиду этого они представляли бы еще более интереса, как создания наших собственных мастеров, но, к сожалению, эти церкви не сохранились так (сравнительно) хорошо, как Софийский собор.

О заботах Ярослава относительно распространения христианства киевский летописец пишет следующее: «При нем христианская вера начала на Руси плодиться и расширяться, умножались черноризцы, и появлялись монастыри. Ярослав очень любил церковные уставы, священников, а в особенности монахов, и прилежал книгам: часто читал днем и ночью; собрал много писцов и перелагал книги с греческого языка на славянский, и таким образом написано было много книг и собрано верным на поучение. Так один человек вспашет землю, другой засеет, а прочие жнут и питаются обильно — так было и с Ярославом: отец его Владимир вспахал землю и умягчил — просветил креплением; Ярослав засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, приемля книжное учение».

В другой летописи рассказывается, что Ярослав, приехав в Новгород, собрал среди детей старост и священников триста душ и велел их «учить книгам». То же самое происходило, вероятно, во всех больших городах того времени.

В общественной жизни с именем Ярослава связана память об устройстве администраций и суда, законов и права. Сохранился, напр., интересный устав его имени о том, что именно имеют право требовать себе от населения княжеские чиновники, выезжая куда-нибудь в волость. Устав этот, очевидно, должен был обеспечивать население от излишних поборов княжьих чиновников; имеются и некоторые другие подобные распоряжения. Имя же Ярослава носит и вся так называемая «Русская правда» — сборник наших древнейших законов. Однако к его времени в действительности может быть отнесена только первая часть этого сборника, где ограничивается право мести и устанавливается денежная пеня за убийства и увечья. И даже этот сборник составлен не самим Ярославом, а каким-то неизвестным лицом на основании судебной практики того времени. Но

уже то одно, что этот сборник приписывается Ярославу, указывает на живую память о его законодательной деятельности и заботах об устройстве администрации и суда. Он проявлял, должно быть, в самом деле большую заботливость в этой сфере, а кроме того, еще и роль его как родоначальника позднейшей княжеской династии должна была придать особое значение его установлениям, так что его эпоха, его законы, его порядки на долгие столетия стали образцом, правилом, основой для всяких позднейших распоряжений, а все его княжение — светлым и счастливым временем в сравнении с позднейшими невзгодами, обрушившимися на его отчизну.

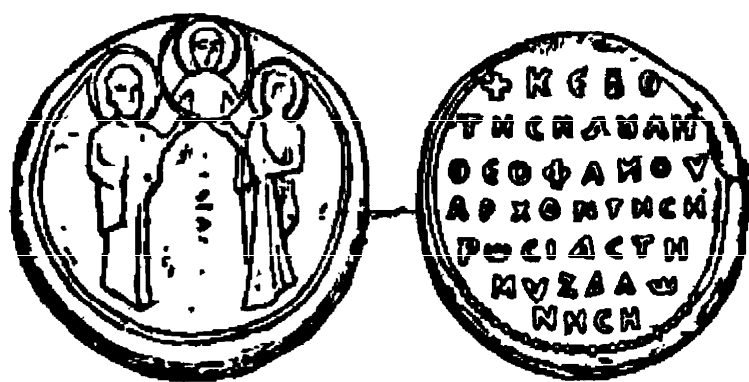
30. Ярославичи

По примеру отца, Ярослав, собрав земли Русского государства, раздал их потом своим сыновьям. Смерть, однако, не постигла его внезапно, как Владимира, он имел возможность распорядиться всем перед смертью, но ничего другого не смог сделать, как только отдать Киев старшему сыну Изяславу, а своему любимцу Всеволоду пожелать, чтобы и ему привелось быть киевским князем, но законным путем, а не насилем. Он разделил свои земли между сыновьями и велел им жить в согласии, как надлежит сыновьям одного отца и матери, и слушаться старшего брата, киевского князя. Так по крайней мере излагает эти распоряжения летописец, и трудно сказать, чего больше в этом рассказе: действительных распоряжений Ярослава или пожеланий современного общества, чтобы князья действительно жили в согласии, как следует близким родственникам, друг другу помогали и сообща защищали свое наследие от врагов; не отнимали самовольно один у другого земель, а наследовали столы друг после друга законным путем, младший после старшего, не захватывая их вооруженной силой.

В жизни вышло как раз наоборот. Никто не довольствовался своей частью, каждый сколько-нибудь способный и энергичный князь только и думал, не удастся ли ему то, что удалось отцу и деду: снова собрать воедино земли Русского государства, захватив их в свои руки. Никто не хотел ждать своей очереди на киевский стол — тем более, что не выработалось какого-нибудь определенного и прочного порядка преемства, в каком должен был переходить от князя к князю старший, киевский княжеский престол — должен ли он переходить от отца к сыну, или от старшего брата к младшему, а после младших братьев уже

к старшим племянникам. Постоянно вспыхивали из-за этого кровавые, разорительные войны, сильно печалившие население, и оно жаловалось на князей, что они не заботятся о Русской земле, сами наводят на нее врагов во время своих междоусобиц — в особенности половецкую орду. Представители общества, церкви, духовенство, старались удержать князей от этих усобиц, но все эти старания оставались без успеха, и князья упорно продолжали свои попытки к объединению земель. Однако то, что удавалось их дедам: «собрать землю Русскую», все меньше и меньше удавалось даже самым энергичным и способным из них. Уже Ярославу не удалось собрать всего отцовского наследия, так как в Полоцке удержалась династия Изяслава. От Ярослава пошло уже целых пять княжеских линий, и даже самым удачливым его сыновьям удавалось собрать в общем немногим более половины отцовских земель. А внукам его — и того менее.

Чем дальше, тем больше становилось князей; число их выросло в десятки и сотни, и все более дробились княжьи волости. Теперешние князья уже совестились резать так свою братию, как Владимир или Святополк: с распространением христианских понятий это считалось уже нехорошим и безбожным; дозволенною была только война, допускалась лишь смерть в бою. Все труднее становилось устранять князей с их уделов еще и потому, что они находили себе помощь и защиту в земле, у ее населения. Прошли те времена, когда земля жила всецело своей жизнью, сама по себе управлялась и судилась, откупаясь от князей только данью. Княжеская власть, суд и управа их мужей и наместников все глубже входили в жизнь населения, и уйти от них было некуда; население принуждено было все более интересоваться княжескими делами и отношениями, переставало быть

56. Печать «Геофании Муцалон, княгини русской» (как думают — жены Олега Святославича)

простым зрителем княжеских войн и перемещений князей на княжеском столе, хотело по возможности менее переживать таких ломок и перемен и предпочитало иметь свою особую княжескую семью, которая берегла бы землю, как свое достоя-

ние, и считалась бы с желанием населения и его нуждами. Поэтому население вступалось за князей из такой семьи, какую уже считало своей местной династией, защищало их и по возможности не позволяло другим князьям выгонять их из этих владений, чтобы не было новых междоусобий, новой ломки. А в результате Русское государство решительно и безвозвратно делилось на отдельные земли, под управлением своих княжеских родов, династий, только по имени признававших старшим киевского князя, а в самом деле живших и правивших вполне самостоятельно и независимо от него.

Сыновья и внуки Ярослава еще не видели ясно этой неизбежности и всеми силами старались помешать этому раздроблению — собирать земли из рук братьев и родственников и соединять в одно целое. Старший Ярославич Изяслав, получивший Киев после отца, не обладал необходимой для этого энергией и способностями, чтобы взять это дело на себя; поэтому сначала три старших брата: киевский Изяслав, как самый старший, черниговский Святослав, вероятно наиболее энергичный и способный среди них, и переяславский Всеволод, осторожный и настойчивый — общими силами начали собирать волости, отбирая от младших и слабейших князей. Но когда отобрали волости у других, началась борьба между ними самими. Случай показал, как непрочно сидит Изяслав в своей собственной волости, и возбудил у Святослава и Всеволода желание устранить его и поделить между собой его владения. Повод для этого дала степь. Вместо печенегов, как уже сказано, в черноморские степи пришли торки. Но это была орда слабая, и на нее надвигалась сзади другая, половецкая, вскоре разгромившая торков и в 1060-х годах придвинувшаяся к украинским поселениям. Уже в 1062 году она напала на переяславские земли и разгромила Всеволода, а в 1068 году напала снова; Всеволод, наученный горьким опытом, призвал на этот раз на помощь братьев, все вместе пошли на половцев, но те их все-таки разбили и начали грабить украинские земли по обе стороны Днепра. Киевские люди, ходившие к Всеволоду на помощь, возвратившись из неудачного похода, созвали на торговой площади вече и решили идти снова на половцев, начавших грабить их земли. Они послали к князю своему Изяславу, чтобы дал им коней и оружия для нового похода на половцев. Но Изяслав не согласился; вероятно, боялся, что люди, вооружившись, подымут восстание против него самого, так как и без того у них были нелады, немало киевлян сидело тогда под арестом в княжьем «порубе» (тюрьме). Когда на вече стало известно, что князь не дает

оружия, поднялся сильный ропот на Изяслава и на его помощника, тысяцкого Коснячка (тысяцкий был начальником города, старейшим после князя). Одни пошли пререкаться с Коснячком, некоторые побежали разбивать княжьи тюрьмы и освобождать своих товарищей, другие опять отправились на княжеский двор и начали здесь перекоряться с князем и его боярами. В Киеве находился тогда в плену полоцкий князь Всеслав, внук Изяслава, сына Рогнеды, считавшийся волшебником и чародеем. Рассерженные на своего князя, киевляне начали поговаривать, что лучше было бы им поставить своим князем Всеслава. Услыхав это, бояре Изяслава начали ему советовать, чтобы он послал поскорее кого-нибудь прикончить Всеслава, чтобы в самом деле люди не освободили и не поставили его себе князем. Но Изяслав боялся греха. А люди, не добившись ничего от князя, действительно бросились разбивать порубь и освобождать Всеслава. Увидев это, Изяслав бросился бежать, а люди, освободив Всеслава, поставили его среди княжьего двора и провозгласили своим князем. Всеслав начал княжить в Киеве, но ненадолго. Изяслав обратился за помощью к своему шурина, польскому князю Болеславу, и к весне двинулся с ним к Киеву. Киевляне с Всеславом выступили им навстречу. Но неожиданно Всеслав убежал ночью из лагеря и из Киевской земли в свои половецкие края — не захотел рисковать своей головой ради киевского стола и покинул киевлян. В знаменитом «Слове о полку Игореве» сохранились перепевы несен, воспевших этот случай:

Всеслав князь людям суды судил, князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал, из Киева до петухов
в Тмутаракань добежал, великому Хорсу (солнцу) волком
путь перебежал: в Полоцке ему заутреню у святой Софии
звонили, он в Киеве слышал звон. Клюками оперся он
о коней, скакнул он под Киев — достал он копьёвищем
золотого стола — Киева; скакнул снова лютым зверем
из-под Белгорода и исчез средь синей мглы.

Киевляне, оставшись без князя, звали к себе Святослава и Всеволода, но те тоже не были расположены подвергать себя опасности. Киевляне принуждены были принять Изяслава обратно, и тот жестоко отомстил участникам восстания. Но Святослав, убедившись из этих событий, как непрочно сидит Изяслав на своем киевском столе, вошел в соглашение с Всеволодом и немного спустя двинулся с войском на Изяслава, выгнал его из Киева и поделил с Всеволодом его владения (1073).

Однако и Святослав недолго правил Киевом и братними землями: в 1076 году он умер. Но по его стопам пошел Всеволод и, мняв киевский стол, постарался собрать как можно больше себе земель и как можно меньше оставить прочим князьям, потомкам братьев, которых он пережил. Те не мирились, при каждом удобном случае старались повредить Всеволоду, приводили половцев, стремились возвратитъ себе отцовские земли при помощи населения, также предпочитавшего иметь князьями своих «отчичей», сыновей прежнего князя, и не желавшего переходить из рук в руки, от одного князя к другому. Пятнадцатилетнее княжение Всеволода в Киеве прошло в непрерывной борьбе с теми обделенными князьями, «изгоями», как их называют. Они нападали на него со всех сторон, а во главе их стоял Святославич Олег, прозванный Гориславичем за то горе, какое люди терпели от него и половецких орд, которые он приводил на Украину, добываясь от Всеволода отцовских земель, отобранных у него и у всего Святославова потомства:

Были веки Трояковы, минули лета Ярославли,
Были полки (войны) Олеговы — Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал, сеял стрелы по земле,
Вступал в золотое стремя во граде Тмутаракани,
А уж звон слышал великий сын Ярославов Всеволод,
Владимир же уши затыкал по все дни в Чернигове.¹
Тогда при Олеге Гориславиче сеялись, росли усобицы,
Погибала жизнь Дажьбожа внука,
И княжих кримолах веки людские сократилися!
Тогда в Русской земле редко ратаи покрикивали,
Зачто часто кричали вороны, трупы себе делячи,
А тапки речь омою говорили, хотя лететь на уедие.

31. Половецкая беда

Всеволод боролся до смерти, стараясь удержать в своих руках возможно больше из захваченных земель. Но вскоре после его смерти сын его Владимир Мономах и киевский князь Святославич, сын Изяслава, перешедший на место Всеволода в Киев, убе-

---

¹ Олег, лишенный отцовских земель, проживал в Тмутаракани, единственной тогда пристанищем для этих бесприютных князей-изгоев. Поэт говорит, что Олег только лишь в стремя вступал, чтобы идти походом на Всеволодовы земли, а у Всеволода от страха уже звенело в ушах, Владимир же, занимавший отчину Олега, Чернигов, сидел с заткнутыми ушами, чтобы не быть оглушенным этим звоном.

дились, что долее такое положение дел не может продолжаться: необходимо удовлетворить изгоев, отдать им отцовские земли и водворить мир на Руси, пока она не погибла. Половцы, пользуясь княжескими усобицами, то в качестве союзников изгоев, то по собственному почину производили непрерывные набеги на поднепровские земли, грабили, опустошали их и разоряли вконец. Дошло до того, что южные части Киевской и Черниговской земли и вся Переяславская не имели ни минуты покою, невозможно было вести никакого хозяйства, даже в городах нельзя было укрыться, так как половцы начали приступать к городам и держали их в осаде, пока они не сдавались. Старые бедствия, какие претерпевала Украина от печенегов, после небольшого затишья возвращались с новой силой ввиду этих непрерывных половецких нападений.

В самый год смерти Всеволода половцы поздравили нового киевского князя своим приходом. Разгромили около Триполья войска, приведенные Святополком, Владимиром и его братом Ростиславом. Сам Ростислав в бегстве потонул в Стугне — эпизод, трогательно воспетый в «Слове о полку Игореве»:

Не так ли, рече, река Стугна,
Худую струю имея —
Приняв другие ручьи, стрыи разоила о кусты,
Юноше князю Ростиславу
Затворила дно при темном берегу;
Плачется мати Ростиславляя
По юноше князю Ростиславу,
Уньли цветы жалостно,
Деревя с тугою к земле приклонилися.

Но в духовных кругах Киева рассказывали, что это Бог Ростислава наказал за то, что он велел дружине своей утопить печерского монаха, напорочившего ему смерть.

Половцы опустошили окрестности Киева, осадили город Торческ и не отступали несколько месяцев, пока население не сдалось им. С большой добычей пошли половцы восвояси, уводя с собой пленников. «Измученные, истомленные голодом, холодом и жаждою, исхудавшие от горя, почерневшие, шли они по незнакомым странам, среди диких народов, голые и босые, с ногами, исколотыми терниями, и со слезами говорили: «я из того города», «я из того села», и так расспрашивали один другого, со слезами рассказывали о своей родине», — с глубокой скорбью повествует летописец об этом несчастье.

Ободренный этим, Олег с половцами приступил под Чернигов и принялся добывать его. Мономах оставил Чернигов и от-

ступил в Переяслав, но и здесь не было покоя; он и Святополк измучились от половецких нападений, обрушивавшихся то на ту, то на другую сторону Днепра. Страна пустела. Люди, увидев момент, целыми городами убегали дальше на север, в более безопасные места. Наконец Мономах и Святополк решили примириться с изгоями. Созвали всех князей на съезд на Любче (озеро около Киева, 1097) и постановили, что на будущее время каждая княжеская линия будет владеть своей отчиною, чтобы каждый спокойно владел своей волостью и не было войн между князьями. Правда, это решение не водворило согласия между князьями: сейчас же после этого съезда Святополк и Давид схватили князя Василька теребовльского, поверив наговорам, что он с Мономахом устраивает заговор против них; они безжалостно ослепили Василька, выколов ему глаза, и так отпустили домой. Из-за этого вышла новая война, продолжавшаяся несколько лет.

Но в конце концов князья успокоились и решили заняться сообща борьбой с половцами. Начиная с 1103 года, в течение нескольких лет (1103—1111), почти ежегодно они отправляли войска и самолично ходили в походы в степи, на половецкие кочевья, и этими нападениями действительно устрашили половецкую орду, принудили отступить в глубину степей, отбили у нее охоту к нападениям на Украину. Украинское население было чрезвычайно довольно тем, что князья принялись, наконец, защищать землю общими силами. В особенности превозносили Мономаха, более всех занимавшегося этими походами на половцев и приглашавшего к участию в них прочих князей; после смерти Святополка киевляне призвали Мономаха на киевский стол, вопреки княжескому решению, чтобы каждая княжья линия владела своей отчиной — именно ввиду его заслуг в борьбе с половцами.

В летописях сохранилась прекрасная песня о погроме половецкой орды — когда половцы должны были убегать в дальние страны от Мономаха: Володимир Мономах пил Дон золотым шоломом, прияв землю их и загнав окаянных агарян; выгнал хана Отрока в Обезы (Грузию), за Железные врата; а Сырчан, отпавшись у Дона, рыбой пропитался (для кочевника, привыкшего питаться продуктами стада — жалкая участь). По смерти же Володимира у Сырчана остался лишь один «гудец» (игрец) (Зрив: послал он его в Обезы и велел сказать (Отроку); «Володимир умер уже, пойди, брате, в землю свою»: «Скажи ему — велел — слова мои, пой ему песни половецкие; не захочет ли — дай ему велье вшпан поухати». Тот (Отрок) ни возвращаться, ни слу-

шать его не хотел, тогда (Орев) дал ему зелье. И понюхав, он заплакал и сказал: «Лучше в своей земли костями лечи, нежели в чужой славно быти»... И пришел в землю свою, и от него родился Кончак, снесший сулу (разорывший украинские земли в конце XII века).

Все же это тяжелое время половецких нападений не прошло бесследно. Уже и перед тем печенежские разорения сильно подорвали благосостояние среднего Поднепровья, этого главного очага украинской политической и культурной жизни того времени; теперь половецкие довершили его разорение. Много народу совсем разбежалось, много вконец разорилось. Особенно тяжело отозвались эти опустошения на крестьянском населении, на которое опиралась тогда вся жизнь земли — на так называемых смердах. Они лишились хозяйства, задолжались, попали в кабалу. Тогда с займов брались большие проценты, и кто раз попал в долги, тому очень трудно было выпутаться из них. Он должен был отрабатывать проценты и долг, а работа ценилась дешево, и хозяин пользовался всяким поводом, чтобы еще увеличить долг и обратить своего должника в вечное рабство. Вместо прежнего свободного населения стало умножаться число людей несвободных, «холопов», рабов и так называемых «закупов» — отрабатывавших долг. Вместо мелкого сельского хозяйства развивалось крупное хозяйство княжье и боярское, пользовавшееся широко рабочей силой холопов и закупов; напр., в одном случае рассказывается, как князья разграбили княжеский двор в Путивле и забрали там семьсот человек «челяди» (рабов)! В «Русской правде» новейшей редакции, составленной около 1120 года, ярко отразились эти новые экономические и общественные отношения того времени: в ней на каждом шагу встречаем узаконения о рабах, законных и незаконных способах порабощения, о законной и незаконной лихве, о закупках и отработке долга, о бегстве рабов и о способах их отыскания. Видно, что долг и порабощение сделались знаменем этого времени.

Это вызывало сильное неудовольствие среди населения. Когда Святополк умер, в Киеве произошло восстание: люди бросились бить евреев, с которыми вел разные операции покойный князь, громили также дома княжских чиновников и вообще богатых людей. Испуганные этим движением бояре призвали на киевский престол Мономаха, как самого любимого народом князя, чтобы он водворил мир. Мономах явился в Киев и первым делом издал постановление об уменьшении процента от займов. Это показывает, откуда исходило это неудовольствие народа про-

тив богатых людей. Правда, и после этого уменьшения процента Мономахом проценты брались очень высокие (их исчисляют в двадцать процентов на теперешний счет, но это трудно установить с точностью, так как монетная система того времени нам не вполне ясна).

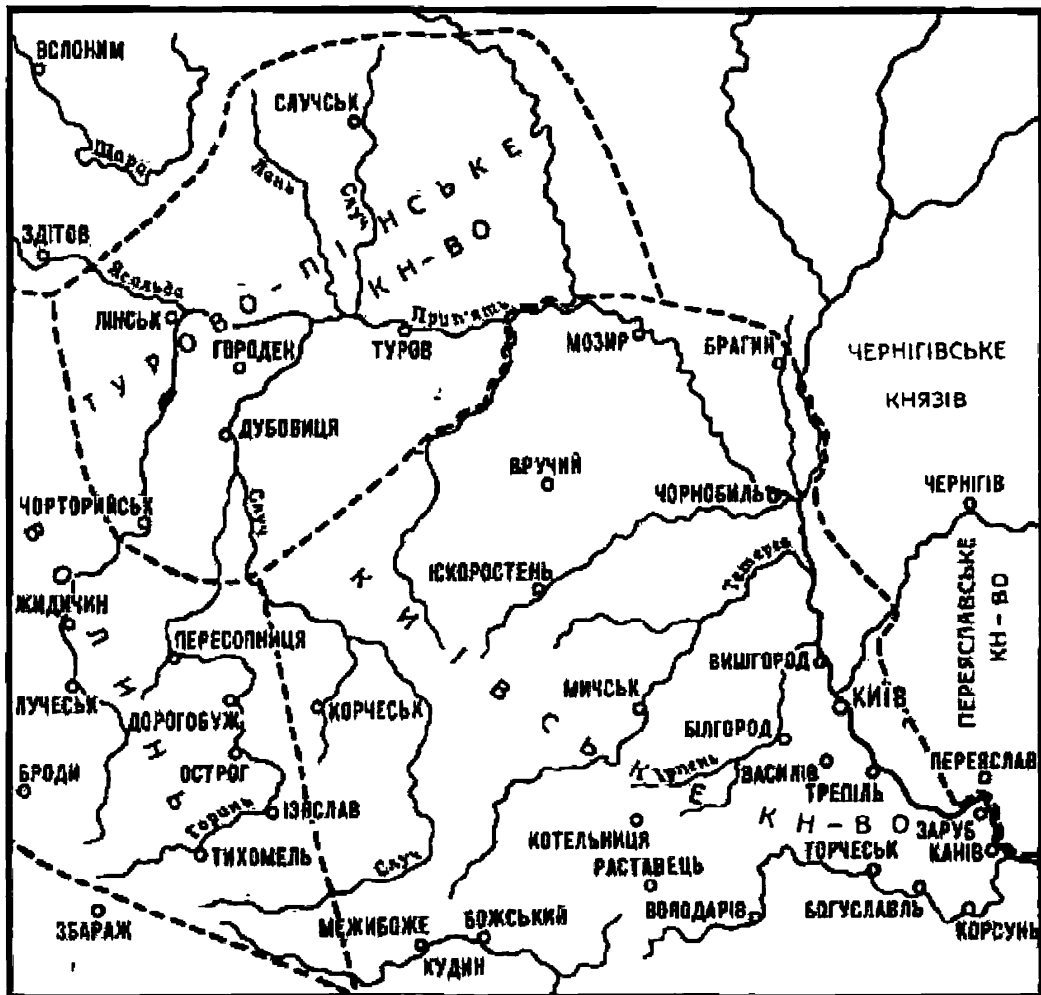

57. Свинцовая печать из Звенигорода Галицкого с изображением св. Василия и надписью: «Господи, помози рабу своему Василию» (может быть, Василька, князя тербовольского)

Все это очень подорвало экономическую силу Поднепровья и подготовило культурное и политическое падение старых украинских центров.

32. Обособление земель и их строй

Хотя любецкие постановления 1097 года не вполне осуществлялись, они являются важным показателем политических отношений: в них обнаруживается падение, банкротство старых стремлений к собиранию Русской земли. Постановляя, что каждый князь должен владеть своей отчиной, старшие князья этим самым признавали, что нечего больше думать об устранении младших князей от их волостей и собирании земель воедино, как когда-то собирали их Владимир или Ярослав. Правда, более энергичные князья и позже не упускали случая, привязавшись к какому-нибудь поводу, отобрать волость у более слабого родственника и оставить его ни с чем. Но одновременно все глубже утверждается общее правило, что каждый князь должен иметь какой-нибудь удел в общем наследии княжеского рода, и прежде всего имеет право на отцовское владение. Этот принцип шел навстречу стремлениям земель, добивавшихся своего обособления под управлением местного княжеского рода. Земля, придерживаясь известного княжеского рода и не допуская никого к себе, не позволяя лишать своих «отчичей» их отцовских земель, тем самым завоевывала себе обособленность. Она могла быть уверена, что другие князья не будут вмешиваться в ее дела, на местные должности не будут приходить бояре из чужих земель; местные князья и бояре, считаясь с желанием

58. Земли-княжества XII—XIII веков

населения и земли, будут приспособляться, применятся к ним, чтобы земля к ним не охладела и не стала искать себе другого князя, — что при тогдашних обстоятельствах было вовсе не трудно.

И вот, одновременно с размножением князей и упрочением их в известных землях, развиваются эти новые отношения князей и земли, ее населения. Князь не может уже опираться на свою военную силу, набранную из различных чужих варягов и всякого рода проходимцев, готовых что угодно проделывать с местным населением, как было прежде. Дружины теперь были небольшие, так как из доходов небольшой волости невозможно было содержать больших полков, и дружины эти с упрочением князей также привязывались к земле. Из странствующих воинов-купцов дружинники превращаются в помещиков, так как торговля вообще в это время приходит в упадок вследствие

утраты степных, южных торговых путей, а экономическое разорение крестьянства доставляло много несвободных или полусвободных крепостных рук, с помощью которых можно было вести большое хозяйство. Дружина смешивается с местным боярством, превращается вместе с ним в высший слой местного общества. Князь чувствует силу этого класса и старается угождать ему.

Население приобретает большую власть над князем, и если недоволено его управлением, без церемонии требует перемены отношений — иначе люди не хотят князя. В одних землях это влияние на местные дела захватывают более широкие круги общества — боярство и горожане больших городов, в других — всем распоряжается одно боярство, отодвинув на задний план все остальное население. Органом общественного контроля над князем и его управлением делается вече, т.е. народное собрание; в нем может участвовать все свободное население данного города и всей земли, однако тон задает обычно местное боярство. Собравшись по какому-нибудь поводу, такое вече обсуждало различные дела, предъявляло князю свои требования, а иногда и свергало его и приглашало другого князя. Это не представляло затруднений при тогдашнем множестве князей, жадными очами следивших, не пустует ли где-нибудь волость, не сидит ли непрочно какой-либо князек в своей волости, откуда можно бы его ссадить, а самому занять его место. Выше была изложена история киевского восстания против Изяслава — это было первое бурное выступление народного веча. Впоследствии они сделались довольно обычным явлением.

В некоторых землях население умышленно меняет князей как можно чаще, не давая им укорениться, и все дела по управлению землей передает вечу и его выборным представителям, а князю оставляет одно начальствование над войсками — так было в Новгороде. У нас на Украине до этого не доходило: суд, администрация, все дела оставались за князем и его чиновниками, но вече имело наблюдение за их действиями, предъявляло князю свои требования, и князь обыкновенно считался с ними, чтобы не раздражать населения. Из украинских земель сравнительно много известий имеем о киевских вечах, но, несомненно, и в других землях вече давало себя чувствовать, за исключением тех областей, где слишком большое значение приобрело боярство и, подчинив князя своему влиянию, совершенно оттесняло остальное население от всякого участия в делах, — так было в Галиции.

Вообще с обособлением земель каждая жила своей отлич-

ной жизнью, и местные отношения развивались в отдельных землях в разных направлениях, хотя одновременно усиливались и глубже проникали в местную жизнь и общие черты строя и быта. Киевское право распространено было князьями и дружиной во всех землях и введено в местных судах и управлении. Если сравним киевское право, каким мы видим его в «Русской правде» более ранней редакции (относящейся ко второй половине XI века) и более поздней (от времен Мономаха), с позднейшим правом различных земель, как оно отражается в местных записях права, мы видим большое сходство, а это показывает, что основы киевского права были приняты повсеместно (особенно замечательно сходство между «Русской правдой» и позднейшим Литовским статутом, выросшим на праве наиболее обособленной части Киевского государства — земель полоцких). Строй и управление в важнейших чертах были также довольно однообразны. Была одна византийско-русская книжность, культура и искусство, распространявшаяся из своего главного очага — Киева в течение двух столетий, до самого его падения. Была одна религия и церковь, и своим церковным, иерархическим единством скрепляла внутренние связи земель, так как все они были подвластны киевскому митрополиту, и епископ и высшее духовенство по большей части были киевские. Из одного лишь Печерского монастыря (основанного во второй половине XI века и особенно развивавшегося при игумене Феодосии, создавшего из него самый большой центр монашества для всего Киевского государства) вышло несколько десятков епископов в разные епархии Русского государства. Все это, несмотря на обособленность земель и различные отличия в их жизни, и далее связывало известной внутренней связью и единообразием отдельные земли Русского государства, в особенности земли украинские, объединенные кроме того племенными связями, географической близостью и разными другими условиями. За эти два столетия — от второй половины XI и до середины XIII века — растет и усиливается внутренняя связь и сцепление этих земель, несмотря на политическое раздробление, на обособление земель и ослабление той власти, какую раньше имел над ними киевский князь.

Сыновья и внуки Ярослава, занимавшие киевский стол во второй половине XI и в первой половине XII века, старались по возможности задержать это разложение Киевского государства и предотвратить обособление земель. Эти усилия их действительно несколько задерживали это обособление. Но в общем оно продолжало развиваться.

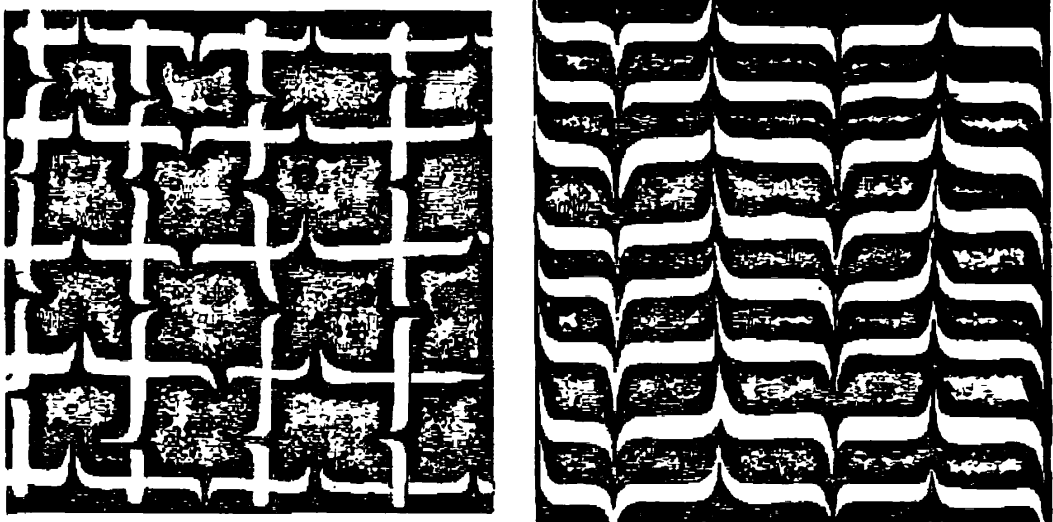

33. Земли-княжества

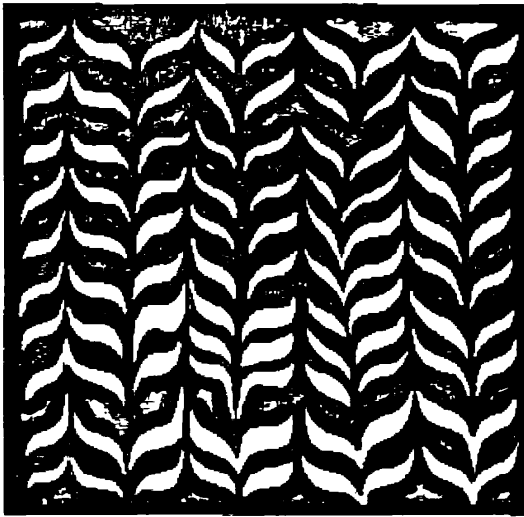
Первою из украинских земель, и притом наиболее резко, выделилась земля Галицкая, под властью Ростиславичей, внуков Владимира Ярославича, предводившего последним походом на Цареград. Вероятно, Ростислав по смерти отца получил Галицкую волость, но затем его удалил оттуда дядя, и он умер в далекой Тмутаракани. Галиция и вместе с ней Волынь достались Ярополку, сыну Изяслава киевского.

Но сыновья Ростислава Рюрик, Володарь и Василько, выросши, стали добиваться отцовской волости и в конце концов так надоели Всеволоду, что он отобрал у Ярополка Изяславича их часть волости и отдал Ростиславичам (около 1085 года). После этого Ростиславичи прочно основались в отцовских землях, разделив их между собою: западную часть с Перемышлем взял Рюрик, среднюю (со столицей в Звенигороде) — Володарь, южную (столица в Тереховле) — Василько. Ярополк пробовал бороться с ними, но был убит: поговаривали, что кто-то из Ростиславичей подослал убийцу.

Будучи князьями энергичными, отважными и даровитыми, Ростиславичи сумели защитить эту окраину от всех жадных соседских рук — от поляков, и венгров, и от своих же родственников, волынских и киевских князей, желавших присоединить Галицию снова к Волыни и Киевской земле. Сын Володаря, Володимирко, энергичный и хитрый князь, еще более усилил эту землю, изгнав племянников и собрав ее целиком в своих ру-

59—60. Глазурованные плитки из раскопок в Белгороде
(уменьшены вдвое)

61—62. *Плитки оттуда же*
(вероятно, из построек князя Рюрика)

как, Галиция и без того была крупной и богатой областью, так как ее не затрагивали ни половецкие нападения, ни княжеские междоусобия, и поэтому много народа переходило сюда из других украинских земель. Теперь же, собранная в одних руках, она сделалась сильнейшей из украинских земель. Князья ее держались особняком, не позволяли другим князьям мешаться в их дела, и сами не мешались в дела других земель. Но зато большую силу в Галиции забрали бояре, давая себя чувствовать и населению, и самим князьям. Сын Володимирка, Ярослав, пользовался известностью и уважением среди всех украинских князей; ему посвятил певец «Слова о полку Игореве» хвалебные слова, представив, как он «сидит высоко на своем золотокованном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив путь королю, замкнул ворота Дунаю». Но у себя дома Ярослав должен был смиряться перед боярами, вмешивавшимися даже в его домашние и семейные дела.

Вслед за Галицкой землей отделилась Черниговская; уже при Мстиславе и затем при Святославе Ярославиче она отделилась было от Киева, как большое и сильное княжество, но Всеволод захватил ее в свои руки и не хотел уступить Святославичам. Однако последние в конце концов добились своей отчины и после Любецкого съезда устроились здесь прочно и основательно. Княжило главным образом потомство Олега Святославича-Гориславича. Это были способные, энергичные князья, и земля крепко и держалась. Вредило им только их большое честолюбие:

они не довольствовались своими черниговскими землями, а хотели господствовать и в Киеве, и Переяславе, позже и в Галиции; из-за этого происходили войны, от которых Черниговская земля страдала временами очень сильно. Тесно Олеговичам было в Черниговской земле: род их умножился, земля раздроблялась на все меньшие уделы и теряла свою силу и значение, хотя между собой, у себя дома, Олеговичи жили довольно согласно, передавая волости от старшего к младшему. Старший стол был черниговский, второй — новгород-северский; добыв Киев, черниговский князь обыкновенно переходил на киевский стол, а Чернигов передавал старшему после себя, княжившему в Новгороде, а Новгород доставался следующему за ним и т.д., хотя при этом тоже не обходилось без войн и ссор.

Затем, в середине XII века, в разгар борьбы за Киев, отделились еще две земли, служившие до сих пор волостями Киевского княжества, но горячо стремившиеся к политической самостоятельности — земля Переяславская и Турово-Пинская (Припятское Полесье). Маленькая, истощенная половецкими походами, Переяславская земля не могла добиться самостоятельности собственными силами, имея с одной стороны киевских князей, желавших распоряжаться ею, а с другой — черниговских, также стремившихся захватить ее, так как Переяславская область составляла только южную часть той же северской территории. Поэтому переяславцы предпочитали брать себе князей из суздальской династии (младшей линии Мономаховичей). Эти суздальские князья не могли присоединить Переяславской земли к своим волостям, и переяславцы под управлением князей из суздальской династии жили своей отдельной жизнью. Это имело свое крупное неудобство: в борьбе со степными народами и в других случаях Переяславская земля не могла рассчитывать на помощь соседних киевских или черниговских князей; но переяславцы готовы были примириться даже и с половецкими разорениями, как ни сильно они себя давали им чувствовать, лишь бы жить своей самостоятельной жизнью.

Легче было глухой, затерянной среди полесских лесов и болот Турово-Пинской земле: бедная, малоплодородная область эта была защищена от своих и чужих врагов своими природными условиями, и ей не так трудно было отстоять свою независимость. Наскучив тем, что киевские князья перебрасывают их из рук в руки, посылая то того, то другого князя, туровцы в 1150-х годах отыскали своего «отчича», потомка Святополка Изяславича, бывшего некогда туровским князем. «Отчич» этот прочно засел в Турове, и как ни старались киевские князья удалить его

оттуда (два раза предпринимали они с этой целью большие походы), изгнать его не смогли: туровцы держались крепко и отстояли себя настолько основательно, что после этого другие князья оставили их в покое. Только Литва позже стала беспокоить их своими нападениями.

Около того же времени обособилась и Волынь. Эта обширная, богатая, сильная и довольно защищенная область держалась старших Мономаховичей. Но они хотели владеть и Киевом и, князя на Волыни, старались захватить Киев, а переходя на киевский стол, передавали волынские земли кому-нибудь из младшей братии. Только со второй половины XII века, когда Киев начинает приходить в упадок, они все меньше льстятся на него, все больше держатся своей Волынской земли и защищают ее от соседских притязаний (в особенности от поляков — а позже начала свои нападения на Волынь также Литва). Земля разделилась на две главные части: Владимирское и Луцкое княжество, а затем еще на более мелкие (Белзское, Пересопницкое, Берестейское, Дорогичинское и пр.). Но в конце столетия владимирский князь Роман соединил Владимирское княжество с Галицией, а его потомки объединили всю Волынскую землю и тесно связали ее с Галицией в одно сильное государство.

34. Борьба за Киев и его упадок

Киев и Киевская земля также хотели обособиться под управлением старшей линии Мономаха, призванного на киевский стол в 1113 году. Мономах был сильный князь и талантливый политик, умевший прочно держать Киевскую волость в своих руках, также и сын его Мстислав. Но после смерти Мстислава произошли раздоры среди самих Мономаховичей, так как не было установленного порядка в наследовании киевского стола: линия Мстислава хотела держать Киев в своих руках, а младшие Мономаховичи не соглашались на это; началась между ними кровопролитная борьба, и, пользуясь этим, черниговский князь Всеволод Ольгович захватил Киев в свои руки. Чем дальше, тем более запутанной становилась эта борьба за киевский стол, все больше находилось охотников на Киев, так как с ним связывалась старая слава главного княжьего стола и киевский князь считался старшим среди князей. Таким образом теперь Киев платился за свою былую славу!

Вначале киевляне изо всех сил поддерживали Мстиславичей, поголовно ходили в походы, в надежде, что таким образом

помогут сыновьям его Изяславу, а затем Ростиславу укрепиться и сделать Киевщину своей волостью. Но увидя, что ничего из этого не выходит, кроме войн и разорений, они начали уклоняться, все меньше и

63. Греческая печать Кузьмы, владыки галицкого (второй половины XII века)

меньше принимали участие в княжеских войнах и спорах, предоставляя князьям ссориться между собой и стараясь не вмешивать землю в эти распри. Но и такая тактика невмешательства помогала мало. Только временами на несколько лет водворялось спокойствие, когда на киевский престол попадал князь достаточно сильный и влиятельный, так что перед ним ступевывались прочие и откладывали свои претензии до более удобного времени. Но временами подымалась зато такая смута, что князья менялись не только ежегодно, а и в течение нескольких месяцев и даже недель. И все они являлись с войсками, располагались здесь, разоряли хозяйство, грабили население, расстраивали торговлю. Еще хуже было, когда князья приводили на помощь половцев: те уже никому не давали пощады, жестоко грабили и забирали в плен без разбора. А затем, ободренные княжескими междоусобиями, и сами возобновили свои нападения на украинские земли, в особенности на Киевскую и Переяславскую; после Мономаховых походов эти нападения было прекратились, а теперь половцы снова начали производить свои набеги, сперва довольно несмело, а затем все сильнее и неудержимее. В 1170—1180-х годах от них не стало житья. Приходилось с целою армиею выходить в степи, чтобы охранять от половецких нападений купеческие караваны и стеречь границы от набегов. Более молодые и смелые князья пробовали, как при Мономахе, усмирить половцев походами в степь. Так ходил в 1185 году на половцев Игорь, князь новгород-северский с братьями: это знаменитый поход, воспетый в «Слове о полку Игореве», — окончившийся разгромом Игорева войска и пленением его самого. Несколько раз ходили походом киевские князья Святослав и Рюрик; часто нападал на половцев сын Рюрика Ростислав. Но не те были князья, что во времена Мономаха, когда этот последний с киевским Святополком распоряжались всею Украиной; теперь князья разделились, обособи-

лись, ослабели, да и Украина ослабела: торговля и промышленность пришли в упадок; население, в особенности более богатое, зажиточное, покидало беспокойные места и отправлялось в северные края или на запад, на Волынь и в Галицию. Усмирить половцев не удалось, и полные печали строфы «Слова о полку Игореве» раздавались как похоронный плач над политической жизнью Украины:

На реке на Каяле тьма свет покрыла.
По Русской земле простерлися половцы словно хищное гнездо.
Уже поднялась хула на хвалу,
Уже ударила нужда на волю...

Ко всему прочему суздальские князья, потомки младшего Мономаховича Юрия (предки позднейшей московской династии), утвердившись на Поволжье, умышленно старались еще более ослабить Киев и лишить всякого значения его князей, чтобы утвердить первенствующее положение за собою. Сын Юрия, Андрей, воспользовавшись тем, что князья на Украине перессорились, вмешался в эту ссору и в 1169 году послал свое войско на Киев нарочно, чтобы его разорить. И это войско действительно, взяв Киев, немилосердно опустошило его: несколько дней грабили город, церкви, монастыри, не щадя ничего: забирали из церквей иконы, книги, ризы, даже колокола снимали и везли к себе, в северные края; избивали людей и забирали в плен. И после этого Андрей нарочно устраивал в Киеве князей незначительных, чтобы унижить его этим. Позже, когда усобицы на Украине немного утихли (в 1180-х годах) и главные претенденты на Киев, Святослав черниговский и Рюрик Ростиславич (из Мстиславичей), разделив между собой Киевские земли, начали жить в согласии, — опять брат Андрея, Всеволод, умышленно перессорил украинских князей, восстановил против Рюрика зятя его Романа и черниговских князей и поднял снова жестокую смуту. Киев снова был немилосердно разграблен и опустошен (1203), и вокруг него завязалась такая ожесточенная борьба, что действительно трудно было усидеть кому-нибудь в Киевской земле.

После этого наступает уже полный упадок Киева, и позднейший татарский погром немного прибавил к предшествовавшим разгромам.

Приходила в упадок вообще украинская жизнь на Поднепровье:

Ох застонал, братие, Киев туюю, а Чернигов напастьми,
Тоска разлилася по Русской земле,

Печаль сильна течет по землям русским,
А князи сами на себя крамолу ковали, —

поет певец «Слова о полку Игореве», описывая это падение, —

А поганые победою набегали на Русскую землю —
Уже бо, братие, невеселая година востала,
Уже пустыня силу прикрыла!
Востала обида в силах Дажбожьа внука,
Погубила князей усобица на поганых:
Сказали брат брату: се мое и то мое же,
И почали князи про малое «се великое» молвити,
А сами на себя крамолу ковати,
А поганые со всех сторон с победою находили на Русскую землю.

35. Государство Галицко-Волынское. Князь Роман

Однако, как ни подрывали суздальские князья силу и значение киевских князей и самого Киева, их планы осуществлялись только отчасти, так как тогда именно, когда они наносили последние жестокие удары по Киеву, в украинских землях образовалась новая политическая сила на западе. Хотя она не объединила целой Украины, как Киев, но все-таки обеспечила продолжение самостоятельной государственной жизни в западной, тогда более сильной и богаче населенной части Украины, более чем на столетие. Создал это государство князь Роман Мстиславович, внук известного уже нам киевского любимца Изяслава Мстиславича, князь владимир-волынский.

Выступив на политическую арену в то время, когда Киев уже пришел в сильный упадок, Роман не старался, как его отец Мстислав и дед Изяслав, добиться киевского стола, а обратил свое внимание к соседней Галиции, где всеильное боярство вело борьбу с сыновьями Ярослава, вмешиваясь в их домашние дела, в безобразную семейную жизнь и т.п. Роман вошел в сношения с галицкими боярами, и они подняли восстание, выгнали своего князя Владимира, а на его место призвали Романа (1189). Рассчитывая на Галицию, Роман уже думал, что ему не будет нужды во Владимирском княжестве, и отдал его брату. Однако на этот раз дело не пошло так гладко. Владимир галицкий обратился с просьбой о помощи к венгерскому королю, а Венгрия давно уже стремилась утвердиться в Галиции и теперь хотела воспользоваться благоприятным случаем: венгерский король пошел с Владимиром в качестве его союзника, чтобы во-

64. Один из волынских князей (рисунок начала XVII века с портрета, находившегося тогда во Владимире)

его. После этого он княжил здесь до самой смерти, но когда он умер, Роман снова вернулся к своей мысли — овладеть Галицией. На этот раз бояре его уже не приглашали: вероятно, познакомившись ближе с его правлением, они не имели уже охоты призывать Романа в другой раз, так как он не хотел подчиняться их влияниям. Но Роман получил вспомогательное войско от своих родственников, польских князей, и с ним водворился в 1199 году в Галиции. Теперь он, однако, уже был осторожнее, не выпускал из рук Владимира, и со временем, когда другие князья вымерли, вся Волынь вместе с Галицией в 1230-х годах объединилась в руках сыновей Романовых в одно большое, сильное, богатое, сплоченное государство, имевшее шансы притянуть и остальные украинские земли, если бы не явились новые, непредвиденные препятствия.

Самому Роману представлялся удобный случай захватить Киев в свои руки — во время междоусобий, возникших на Украине благодаря интригам Всеволода. После того как Роман утвердился в Галиче, в украинских землях на него возлагали большие надежды, как на смелого, энергичного, удачливого князя. Он прославился своими победоносными походами на Литву, беспокоившую тогда северные украинские земли, и на половцев. О его победах над Литвою долго потом ходили разные

дворить его в Галицком княжестве, но, захватив Галицию, посадил Владимира в тюрьму, а в Галиче посадил своего сына. Однако Владимиру удалось затем убежать из своего заключения, нарезав себе из полотна полосу и свив из них веревки; при помощи немцев и поляков он возвратился в Галицию, и здешнее население, испробовав венгерского господства, с радостью приняло

рассказы; позднейший литовский историк Стрыйковский сохранил предание, как Роман, мстя Литве, приставлял литовских пленников к тяжелым работам, заставлял пахать, так что какой-то литвин, научившись нашему языку, сказал присловье, надолго затем сохранившееся: «Романе, Романе, лихим живеши, Литвою ореши». О походах Романа на половцев слагались песни, но только отголоски их дошли до нас, вроде отрывка в Галицкой летописи:

Устремился на поганых   словно лев,
Сердит он был — словно рысь,
И губил их — словно крокодил,
Переходил их землю — словно орел,
А храбр он был — словно тур.

Захватив во второй раз Галицкую землю, Роман начал сильную борьбу с боярством; современный польский летописец Кадлубек в сильных выражениях описывает, как Роман забирал боярские поместья, самих бояр убивал, подвергал различным мучениям, приговаривая: «Не побивши пчел, не есть меду». Вероятно, в этих рассказах Кадлубека о бесчеловечных поступках Романа много выдуманного. Но суровая расправа Романа с боярами во всяком случае только содействовала славе Романа и расположению к нему народа. Галицкое боярство забрало слишком большую силу в земле, пользуясь своей властью, теснило и крепостило простой народ, и не было на него ни суда ни управы. Население жаловалось на высокомерие и жадность боярских заправил, содержавших свои большие дружины, забравших в свои руки все должности и не знавших никакой сдержки.

Князья они нарочно старались смещать как можно чаще, чтобы держать фактически все управление в своих руках. В Галицкой летописи, писанной в княжеском, враждебном боярам духе, на каждом шагу встречаем жалобы на боярские интриги, самолюбие, чванство. Интересно прочитать такую картинку, как боярин Доброслав едет через Галич к князю без церемонии в одной сорочке, «загордившись так, что и на землю не омотрит», «а галичане бежали у его стремени». Этими отношениями объясняется, почему вся симпатия и сочувствие народа были на стороне Романа в его борьбе с боярством.

Слава князя сильного, грозного, могущественного, никому не позволявшего пренебрегать им, разошлась о Романи не только по всей Украине, но и в соседних государствах: так отзываются о нем современные греческие и польские писатели. И слава эта возбуждала на Украине надежду, последнюю надежду, что

вот, наконец, в лице Романа явится человек, который установит порядок на Украине, возьмет в свои руки князей и положит конец их ссорам, положит предел вмешательствам посторонних интриганов, вроде суздальского Всеволода, в украинские дела, усмирит половцев и других врагов, наладит вконец расстроенную украинскую жизнь. Когда Роман пошел походом на Киев, на своего тестя, киевского князя Рюрика, киевляне отступили от своего обычного правила — невмешательства в княжеские усобицы; они открыли перед Романом ворота Киева, провозгласили его своим князем, в той надежде, вероятно, что этот грозный и могучий князь, заняв стол отца своего и деда, поднимет наново разбитые силы Киева, возродит его славное прошлое. Однако эти надежды не оправдались: Роман счел неудобным для себя в данный момент занять киевский стол лично и посадил здесь своего двоюродного брата Ярослава, затем Рюриковича Ростислава. Все-таки Киев находился в полной зависимости от Романа, и, вероятно, со временем Роман не преминул бы забрать Киевскую землю в свою непосредственную власть. Современники это чувствовали и называли Романа главой всех русских земель, «великим князем» или «царем», «самодержцем всея Руси», желая отметить то решающее положение, какое он занимал на Украине. Но планы Романа не осуществились: в 1205 году совершенно неожиданно он был убит в походе на польских князей. Исчезла надежда на возрождение украинской политической жизни, да и само Галицко-Волынское государство, как казалось, зашаталось со смертью Романа в самых основаниях.

36. Романовичи

После Романа остались малолетние сыновья: старшему Даниилу было всего три года, младшему Васильку — год; правление взяла в свои руки мать их, молодая княгиня Романа, отдававшаяся под опеку и защиту венгерского короля Андрея, друга и союзника Романа. Венгрия, как мы знаем, издавна уже стремилась перешагнуть Карпаты и присоединить закарпатские украинские земли — галицкие, как уже владела подкарпатской, венгерской Украиной. Теперь венгерский король воспользовался просьбою семьи Романа и ее приверженцев, чтобы взять на себя роль верховного властителя Галиции. Он ввел в Галич венгерские полки и принял титул «короля Галиции и Володимерии» (*Galiciae Lodomeriaeque rex*). Под его верховной властью долж-

65 Галицко-Волинское государство XII—XIV веков

на была править Галициею вдова Романа и ее бояре от имени малолетних Романовичей

Но придавленное Романом галицкое боярство начало снова подымать голову, когда не стало грозного князя. Бояре завязали сношения с разными князьями, имевшими виды на галицкий стол, и начали призывать их в Галич. Среди них в особенности выделялись сыновья Игоря Святославича, героя славного «Слова о полку Игореве». При помощи бояр они завладели землями Романа, но также не поладили с боярским самовластием. Бояре стали интриговать против них, а Игоревичи, заметив это, задумали их перерезать; при каком-то случае им уда-

лось перебить много бояр — несколько сотен, как говорит летописец. Тогда уцелевшие бояре навели на Игоревичей венгров и, захватив их в свои руки, повесили (1211) — событие небывалое на Украине, так как здесь даже во время народных восстаний личность князя считалась неприкосновенной. После этого боярство решило не давать князьям укрепиться в Галицком княжении и нарочно сменяло князей: призывало одного, помогало ему занять княжеский стол, а затем призывало другого, переходило на его сторону и заставляло предыдущего уйти. Играя так князьями, бояре хотели держать землю фактически в своих руках и править ею самовластно. Другие считали, что еще лучше осуществить этот план можно под венгерским владычеством — так как венгерский король останется номинально владельцем, а фактически предоставит боярам править его именем. Были честолюбцы, рассчитывавшие самолично занять галицкий стол, и это иногда им удавалось.

Видя такую смуту и беспомощность Романовичей, венгерский король в конце концов решил предоставить их собственной судьбе, а Галицию взять непосредственно в свою власть. Для этого он заключил договор в 1214 году с польским князем Лешком, также имевшим виды на наследие Романа: малолетнего королевича Коломана, сына Андрея, женили на дочери Лешка и посадили королем в Галиче, короновав его короной, присланною папой. Лешко взял себе при этом Перемышльскую и Берестейскую волость, а Романовичам дал Владимир. Но это соглашение не долго продолжалось: скоро король Андрей рассорился с Лешком, а его старания привести Галицию в подчинение папе вызвали восстание в Галиции. Андрей пообещал папе привести Галицию к унии с католической церковью за то, что папа короновал его сына как галицкого короля, но население не хотело унии. Лешко подбил на Коломана Мстислава, племянника Рюрика Удалого, знаменитого воителя, и тот изгнал венгров из Галиции. Но это кратковременное венгерское господство не прошло бесследно: возобновленный сто лет спустя подобный же союз Венгрии и Польши для завоевания галицко-волыньских земель привел к долговременному владычеству поляков в Галиции, а претензии Венгрии на Галицию, ведущие свое начало от венгерских оккупаций при Романовичах, послужили в конце концов «историческим правом», на основании которого присоединена была Галиция к Австрии в 1772 году.

Тем временем среди непрерывных войн, заговоров и интриг, среди вечной тревоги и опасностей подрастали Романовичи. Неоднократно приходилось им скрываться от врагов из

отцовской земли, скитаться на дворах соседних владетелей, питаться горьким хлебом изгнания. Но всюду шли за молодыми княжичами верные бояре их отца, исполненные веры в великое будущее Романовых детей, и воспитывали их в высоком уважении к своему имени и правам. И выросши, Романовичи с необыкновенным упорством и выдержкой начинают собирать свою отцовскую землю, не падая духом, несмотря ни на какие неудачи и препятствия, словно взяв за свой девиз паука, шесть раз срывавшегося с потолка, пока в седьмой раз удалось ему закрепить там свою паутину.

По польско-венгерскому договору Романовичи владели Владимиром и прежде всего здесь утвердились прочно: здешнее боярство было им предано: оно, как и народ, свято чтит память Романа и крепко держалось его семьи. Прочие волынские князья частью вымерли, частью, вмешавшись в галицкую смуту, в борьбе с Романовичами потеряли свои волости. В 1230-х годах сыновья Романа владели уже почти всей Волынью, и это давало им большую силу. Опираясь на нее, они по смерти Мстислава вступили в серьезную борьбу за Галицию с венгерским королем и враждебно настроенным галицким боярством. Сочувствие народа и здесь было на стороне Даниила: боярских верховодов не любили за несправедливость к народу, за самовластие, за беспорядки в управлении. Народ, мещане, здесь не имели того значения, как в других землях - вече было придавлено боярством; но при каждом удобном случае население города присоединялось к Даниле и не раз в его сторону склоняло шансы борьбы. Вскоре перевес Романовичей стал чувствоваться и здесь. Вместе с тем, следуя примеру своего отца, они старались расширить свою власть и влияние на восток, в сторону Киева. В 1240 году, в момент татарского нашествия, мы видим в Киеве Даниилова наместника. Собирается Данило на Киев и Восточную Украину и позже, предприняв борьбу с татарами. Можно было ожидать, что, собрав свою галицко-волынскую отчину, Данило с братом перейдут к собиранию волостей Восточной Украины, тем более, что они теперь были значительно сильнее, так как владели всеми волынскими землями, а князья в Восточной Украине за последнюю четверть столетия еще более разделились и ослабели. Препятствием этому, однако, явились татары.

37. Татарский погром

Среднеазиатские степи, столько раз уже наносившие украинской жизни и культуре тяжелые удары, выбрасывая в черно-

морские степи все новые и новые хищные кочевые орды, вместо ослабевших уже в борьбе с украинским населением и утративших свою дикость в общении с ним, — выбросили еще одну хищную и дикую орду, причинившую неисчислимые бедствия украинской жизни. Это были монголо-татары, двинувшиеся в 1230-х годах на Украину.

Это новое движение известно нам подробно с самых первых стадий — не так, как прежние, начало которых обыкновенно от нас скрыто. Знаем, что первый толчок новому движению дали монгольские орды южной части бассейна Амура. Племена эти долго не играли сколько-нибудь значительной роли и находились под властью своих западных соседей, восточных турок. В конце XII века их объединил один из племенных вождей Темучин и затем начал покорять себе соседние тюркские и татарские племена (татарами как общим именем называли соседи племена монгольские и пограничные; под этим именем выступают монголы со своими подвластными ордами в наших и вообще в европейских источниках). Темучин был провозглашен «чингизханом», самодержавным властелином. Он подчинил себе соседнее государство тангутов и северный Китай, затем начал войну с ханом Туркестана, или Ховарезма, как его тогда называли, разгромил его, и в связи с этим возник вопрос о походе в каспийско-черноморские степи, являющиеся продолжением степей туркестанских; есть, кроме того, известия, что половцы принимали участие в войне Туркестана с войсками Темучина и этим накликali на себя его нашествие. Темучин хотел отправить в поход своего сына Джучи; последний, однако, уклонился, и в поход был отправлен один из выдающихся вождей орды, Субутай. В 1220 году последний разорил Закавказье, затем через Дербент прошел на Северный Кавказ; половцы встретили его вместе с различными соседними племенами, ясами, черкесами и проч., но Субутай уговорил половцев оставить их, разгромил их союзников, а затем обратился против самих половцев и совершенно уничтожил их в придонских степях (в 1222 году).

Половцы обратились тогда за помощью к нашим князьям. В последнее время князья жили с половцами в большом согласии; Мстислав Удалой был женат на дочери половецкого хана Котяна и постарался уговорить прочих князей помочь половцам, выставляя то соображение, что половцы, если не помочь им, присоединятся к татарам и те еще с большими силами обрушатся затем на Русь. Это было отчасти справедливо, но князья, решив помогать половцам, слишком увлеклись этой ролью и

зашли в своей услужливости слишком далеко. Они собрали войско из всех украинских земель и с ним двинулись в глубину степей — искать татар (1224). Произошла битва на реке Калке. Украинские полки сражались храбро, но половцы не устояли, бросились бежать и произвели замешательство в наших войсках. Последние также обратились в бегство и подверглись полному разгрому. Множество людей погибло. Только Мстислав киевский со своим полком не бежал, а защищался; но он положился на слово бродников (степных украинцев), находившихся в татарском войске, сдался им, а те не сдержали присяги: выдали его с прочими князьями татарам: пленные князья были положены под доски, на которых сели затем татары обедать, и таким образом задушены!

После этого татарское войско ушло обратно в Туркестан, по дороге опустошив Поволжье. На Украине скоро забыли и думать о татарах, а между тем завоевание Черноморья и смежных областей стало у татар решенным делом после этого похода и только откладывалось до первого удобного случая. В 1227 году Темучин умер, и государство его было разделено между его сыновьями: они должны были править своими уделами под верховной властью великого хана, которого должны были избирать из своей среды. Западные страны при этом были отданы Бату (или Батыю, как его называют наши летописцы), сыну Джучи, и он должен был, согласно воле отца, заняться завоеванием Черноморья. В 1236 году он двинулся сюда с большими силами, в сопровождении старого Субутая. Собственно монголов в его войске не могло быть много: там были главным образом тюркские контингенты: в наших источниках они называются татарами.

Поход начался с каспийско-уральских степей. Татары опустошили поволжскую Болгарию, московско-суздальские и рязанские земли и прошли к самым верховьям Волги, все истребляя и уничтожая. Отсюда отправились в черноморские степи — покончить с половцами. Здесь они пробыли около двух лет и окончательно разгромили половцев, — остатки последних двинулись после этого на запад, главным образом в Венгрию. Затем татары завоевали Северный Кавказ, а с осени 1239 года принялись за украинские земли: взяли приступом Переяслав, разграбили и убивали всех, кто попался под руку; даже епископа убили, хотя вообще имели обыкновение не трогать духовных лиц. Второе татарское войско приступило к Чернигову; черниговский князь выступил против них со всеми силами, но не устоял в бою и с большими потерями должен был отступить.

После этого город был взят и сожжен. Это все, что сообщает наш единственный источник — Галицкая летопись. Упоминает еще, что во время этого похода хан Менке приступил и к Киеву: остановившись над Днепром, он дивился его величине и красоте и послал предложение сдаться. Киевляне отвергли это предложение, но занимавший в это время Киев князь Михаил потерял мужество ввиду судьбы, постигшей Переяслав и Чернигов, и оставил Киев. Вообще во время этого второго татарского нашествия князья разбегаются во все стороны, заботясь лишь о себе, хотя во время первого прихода (1223) умели держаться солидарно.

Миновал год. В конце 1240 года татары, отдохнув в степях, двинулись на запад и прежде всего приступили к Киеву и осадили его, расположившись громадным станом. Ужасное впечатление производила эта хищная и дикая орда. От скрипа возов, от рева верблюдов и ржанья конских стад не слышно было голоса в городе, рассказывает летописец. Но несмотря на такое угнетенное состояние, киевляне, из примера переяславцев и черниговцев зная, что их ожидает, энергично приступили к обороне под предводительством воеводы Дмитрия, присланного сюда Даниилом. Бату приступил со стороны Днепра и расставил здесь свои тараны для разбивания стен. Татары вообще имели свою технику при осаде городов. День и ночь непрерывно били они в стены, стены начали обрушаться, люди под предводительством Дмитрия бросились защищать пролом, и страшно было смотреть, как ломались копья, как разбивались щиты и свет померк от стрел, — говорит современник. Осажденные были разбиты, татары овладели стенами. Измученные трудной битвой, они отдыхали затем целые сутки. Воспользовавшись этим перерывом, киевляне напрягли все свои силы и соорудили укрепления вокруг церкви Богородицы Десятинной, старого собора Владимира Святого; сюда собрались защищаться до конца. Но укрепления были слабы, и татары взяли их на следующий день сразу. Тогда люди в отчаянии бросились на хоры Десятинной церкви. Величественное сооружение упало, не выдержав тяжести такой массы народа, и покрыло их своими развалинами. Произошло это 6 декабря 1240 года. Так окончилась история старого князьего Киева. Что произошло с уцелевшими киевлянами, источники не говорят; они упоминают только, что Дмитрия Бату помиловал «ради его храбрости». В позднейшие времена все разорение Киева обыкновенно приписывалось этому Батыевому погрому. Но в действительности уже за предшествующее столетие Киев пережил два ужасных опустошения и довольно много меньших; с

другой стороны, многое из того, что уцелело в татарский погром, было уничтожено позже.

Потеряв довольно много времени под Киевом, Бату быстро прошел через Киевскую землю, Волынь, Галицию, спеша в Венгрию, по следам половцев. Никто не оказывал ему сколько-нибудь серьезного сопротивления: известие, что Киев пал и татары идут далее на запад, так здесь всех напугало, что все — князья, бояре и простые люди — разбежались куда глаза глядят. Бату брал города, которые сдавались легко, или уговаривал население к сдаче, и если оно сдавалось — подвергал избиениям; города, державшиеся крепко, оставлял и двигался дальше. Так был взят приступом Владимир, столица Волыни, и избито много народа: летопись говорит, что во Владимире не осталось ни одной живой души, церкви были полны трупов. Галич также был взят и еще много других городов. Отдельные татарские полки опустошили Польшу, Силезию, Моравию, разбивая войска, пробовавшие сразиться с ними. Бату с главным войском прошел в Венгрию, через «Русские ворота», от верховья Стрыя к верховьям Латорицы. Над рекой Соленой он разгромил венгерские силы, овладел Венгрией и, очевидно, имел желание поселиться здесь. Но пришло известие о смерти верховного хана, и Бату, желая занять его место, двинулся назад, чтобы присутствовать при избрании. Весной 1242 года он поспешно прошел обратно через Украину, нигде не останавливаясь, и направился далее на восток.

Но стать верховным ханом Бату не удалось, и он со своей ордой расположился в каспийско-азиатских степях. Ханский двор основался на нижней Волге, где затем появился целый город Сарай (около теперешнего города Царева). Подвластные орды расположились в степях до самого Днепра. Бату разослал князьям приглашения явиться на поклон к нему, в знак своей покорности, и разослал своих людей собирать дань с «улусов» — стран, какие он считал подвластными ему. Для Восточной Украины, как и для великорусских земель, начался мрачный и тяжелый период татарского господства.

38. Татарщина

В то время как при первых вестях о приходе татар закрывались города, а князья и бояре спасались куда глаза глядят, находились люди, селения и целые территории, рассчитывавшие воспользоваться к лучшему этим переломом, этой гибелью старой

жизни. Они стремились, пользуясь паникой, какую наводили татары, вырваться из пут старого, княжеско-дружинного режима, изжитого, тяжелого, невыносимого, чтобы не знать княжеских чиновников с их притеснениями, боярства с его поземельными правами, крепостничества, неоплатных долгов и тяжкой работы, не страдать от бесконечных княжеских междоусобий, насилий и поборов княжеских войск...

Эти люди целыми общинами поддавались татарам еще, вероятно, во время первого похода Бату через Украину (зимой 1240—1241 годов). Они обещали платить татарам дань хлебом, подчиняться их непосредственной власти, жить в полном послушании, и за то не хотели знать князей, а управляться своими собственными властями, своими старцами или как бы они там ни назывались.

Татарам было выгодно это движение, эти стремления населения избавиться от князей: оно ослабляло княжескую власть и вообще силу сопротивления народа, обеспечивало татарам спокойное господство над этими краями, так как обособленные общины, лишённые дружин и князей, не были в состоянии оказать никакого серьезного сопротивления. Татары, по словам летописца, облагали их хлебной данью и в остальном оставляли их в покое — «оставили их татары, чтоб им пахали пшеницу и просо», говорит летописец-современник.

Не знаем в точности, как широко развилось это движение; летопись мельком упоминает об этих «людях татарских», как их называет она, в связи с походом на них Данила, стремившегося подавить это опасное для княжеского строя движение. Видим их на пограничье Волыни и Киевской земли, где тогда воевал с ними Данило: по Случе, Горыни, Тетереву, Бугу. Но, вероятно, это движение охватило также и восточную часть Киевской земли. Татары, сообразив, как сильно оно подрывает княжескую силу, власть и старый дружинный строй, сами старались по возможности расширить его район. Но сколько-нибудь подробных сведений из Поднепровья для этого времени мы не имеем.

Это движение общин против князей и бояр одновременно с татарским верховенством окончательно подорвало и без того уже расшатанный княжеско-дружинный строй Поднепровья. Вначале князья выпрашивали себе у Батыя во владение также и Киев. Ярослав суздальский, первый обратившийся к Батыю за подтверждением своих прав, выпросил себе также и Киев. Вообще князья спешили с этими утверждениями, чтобы кто-нибудь другой не выпросил себе волости у Батыя, а может быть, опасались и враждебного им движения общин — чтобы татары не

пошли ему навстречу, не упразднили княжеского владения и не взяли города и волости в свою непосредственную власть. Из украинских князей Михаил черниговский отправился обеспечивать себе Чернигов, но погиб в орде: его убили татары за то, что он не хотел очиститься огнем и поклониться по татарскому обычаю изображением ханских предков. Но что касается Киева, князья скоро сообразили, что там в таких условиях делать им нечего, и долгое время мы не видим в Киеве вовсе никаких князей. Исчезают они и в Переяславе. Совершенно приходит в упадок и южная часть Черниговской земли, хотя еще встречаем князей, титуловавших себя черниговскими. Здешние князья передвигаются далее на север, подальше от татар, в старую землю вятичей. Здесь во второй половине XIII и в XIV веке они чрезвычайно размножаются, но вместе с тем теряют почти всякое политическое значение и постепенно превращаются просто в крупных помещиков. Из украинского же Поднепровья князья, бояре и высшее духовенство все более и более переходят в другие края. Простому народу жилось не многим хуже под татарской властью, чем под властью своих князей и бояр, в особенности вначале, пока ханская власть в орде была сильна и держала в повиновении татар, не позволяя им обижать «татарских людей». В отношении податей, хозяйства, вероятно, даже легче было под властью татар, чем под властью своих князей и бояр. Но боярам, высшему духовенству, богатым людям, привыкшим жить под особенным попечением и защитой князей и дружин, — под татарским владычеством, с падением княжеско-дружинного строя приходилось тяжело и беспокойно. И они переселялись туда, где держался далее княжеский строй, на север или в западные украинские земли. Уходили и уносили с собой книги, иконы, произведения искусства, памятники здешней культурной жизни. И хотя Поднепровье в конце концов не опустело и простое, рабочее население оставалось здесь, но иссякала культурная жизнь: она едва прозябала, находя себе приют в более значительных монастырях. Население же в своих интересах не поднималось над уровнем будничных интересов пропитания; не было кому заказывать книг, икон, украшений, ценных построек. Никого не интересовала здешняя жизнь, и поэтому так мало о ней сохранилось известий.

39. Король Данило

После падения Поднепровья старая политическая, общественная и культурная жизнь из украинских земель находила убе-

жище и приют только в Западной Украине, в Галицко-Волынском государстве. Как раз к этому времени в этом последнем прекратились внутренние смуты, и оно стало сильным, сплоченным, солидарным. Вскоре после похода Батые, в 1245 году, Данило с Васильком разгромили последнего претендента на галицкий престол, князя Ростислава, зятя венгерского короля, которого венгры поддерживали против Романовичей, и после этого здесь водворилось спокойствие. Данило взял себе Галицию, Василько Волынь, но как до этого раздела, так и после него братья жили в редком согласии и тесном общении, так что раздел владений совершенно не давал себя чувствовать и обе земли составляли, собственно говоря, одно сильное государство. Татарский погром прошел над ним, причинив много разорения, но не затронул глубже здешнего строя и здешних отношений. Даже вопрос о татарском верховенстве — имеет ли хан и татарская орда власть и над Западной Украиной — оставался некоторое время невыясненным. Но ненадолго. Около 1245 года татары обратились к Данилу с требованием, чтобы он отдал Галич какому-то другому князю, выпросившему себе грамоту от татар на галицкое княжение. Данило увидел, что если он не поклонится хану, не признает над собой его верховной власти, то орда найдет на его место других претендентов и не оставит его в покое. Со стыдом и печалью должен был он отправиться в орду на поклон к хану. Хан принял его с почетом, но дал ему почувствовать свою власть. С глубокой горечью рассказывает верный Данилу летописец, как хан, угощая Данила кумысом, говорил ему: «Ты уже теперь наш, татарин! Пей же наше питье».

Данило получил от хана подтверждение своих прав на свои земли, но за то должен был признать себя татарским подданным, подвластным хану.

«И пришел он в свою землю, и встретили его брат и сыновья, скорбели о его обиде, но еще более радовались тому, что возвратился жив».

Действительно, хотя горько и стыдно было Данилу кланяться татарину, но зато это путешествие очень упрочило его положение. Никто из соседей не осмеливался теперь затрагивать Данила, чтобы не накликать на себя татар, перед которыми тогда дрожала вся Европа, боязливо прислушиваясь, не готовят ли они нового похода на запад.

Данило, однако, не мирился с подданством татарам и ждал только удобного момента, чтобы свергнуть с себя эту зависимость и вырвать из татарских рук Киевскую землю. Движение та-

мошних общин против княжеско-дружинного строя он считал очень опасным, тем более, что татары пробовали вызвать такое движение также и в галицко-волынских землях и находили местами сочувствие. Поэтому Данило считал необходимым во что бы то ни стало подавить это движение и уничтожить татарское владычество, опиравшееся на нем. Во время своего путешествия к татарам Данило встретился с послами от папы, ехавшими к хану, и те ему много говорили о намерениях папы поднять для борьбы с татарами все христианские государства Запада. Они советовали ему отдаться под покровительство папы, и Данило с братом действительно вступили с папой в переговоры, надеясь получить от него помощь против татар. Но папа помощи не мог оказать, а вместо этого предлагал принять унию, подчиниться папе и согласовать с католическими догматами то, чем отличалась от них православная вера, а чтобы расположить к этому Данила — обещал короновать его королем. Данило не очень льстился на корону да и боялся поднять этим татар, однако родные уговорили его, и в 1253 году папский легат (посол), приехав с короной, короновал Данилу в Дорогичине. Однако увидя, что помощи ему не получить от папы, Данило вскоре прекратил всякие сношения с папой, тем более, что переговоры о присоединении украинцев к католической церкви вызвали не удовольствие среди населения. В укор Даниле и его сношениям с папой рассказывали об его отце Романе, которому якобы папа также предлагал корону и обещал помощь «меча святого Петра», но Роман не прельстился этим: он показал папскому послу свой меч и сказал, что пока имеет свой меч, в чужом не нуждается¹.

Между тем отношения с татарами у Данила так уже испортились, что и потеряв надежду на своих соседей, венгров и поляков, Данило собственными силами решил начать борьбу с татарами. В 1254 году он выслал свои полки на «людей татарских» на Побужье и Погорину, в следующем году воевал с подвластными татарами общинами в поречьях Случи и Тетерева. Общины эти, однако, не сдавались, а и сдавшись, снова отпадали. Данило, опасаясь, что если он не остановит этого движения, то оно совершенно убьет политическую жизнь Украины, решил подавить его во что бы то ни стало. Он не останавливался даже

---

¹ Этот рассказ имеется в позднейших записях; о сношениях папы с Романом современных известий не имеем. Возможно, что такие сношения и были, но предлагал ли папа Роману корону, остается неизвестным.

перед самыми суровыми мерами: жег непокорные города, отдавал людей в плен. При помощи союзного литовского князя Мендовга он рассчитывал двинуться затем далее на восток, в Киев, покорить себе Киевскую землю. Но Литва не подросла вовремя, и Данило отложил поход; а тем временем, пока он снова собрался, обстоятельства так изменились, что нечего и думать было о борьбе с татарами.

В ответ на Даниловы походы пограничный татарский темник Курема предпринял было поход на Волынь; но силы его для этого были слишком слабы. Тогда из орды прибыл другой вождь, Бурундай, с большими силами. Не полагаясь, однако, на свои силы, он задумал хитростью сломить Романовичей: обращался с ними дружески, называл «мирниками», союзниками орды, не подданными. Усыпив таким образом их внимание, он распустил слухи, что предпринимает через волыньские земли поход на Польшу и, внезапно подступив к волыньской границе, послал к князьям требование, чтобы встретили его как своего главу — иначе будет считать их врагами. Теперь только поняли Романовичи татарскую хитрость. Они не были приготовлены к войне — как раз забавлялись на свадьбе дочери Василька; пришлось ехать к Бурундаю на поклон. А тот, имея их города в своих руках, потребовал уже уничтожения городских укреплений, чтобы сделать землю беззащитной от татар. Романовичи, чувствуя себя во власти Бурундая, не осмеливались противиться и принуждены были послать своих людей разрушать укрепления. Уцелел только Холм, любимый город Данила, который он выбрал для себя, украсил разными сооружениями и укрепил сильными укреплениями: князья намекнули здешнему наместнику, чтобы не слушал их посланцев, и тот догадался и не сдал города татарам.

Этот удар доконал Данилу. Рушились его смелые планы борьбы с татарами. Напрасно обращался он за помощью к соседям, напрасно старался увеличить свои силы присоединением соседних польских и литовских земель; хотя он и захватил некоторые значительные польские города (напр. Люблин) и некоторые литовские волости для своих сыновей, но его широкие планы и здесь не осуществились, подрезанные татарским нападением.

Он не мог освоиться с мыслью о татарском владычестве, как освоились московские князья, укреплявшие под татарским верховенством свою силу и власть, — разболелся и умер вскоре после погрома Бурундая (в 1264 году).

40. Галицко-Волынское государство при Даниловичах

То, чего не мог осуществить Данило, не удалось также и его наследникам. Галицко-Волынское государство продержалось еще долго и временами достигало значительной силы и влияния. Но ему не удавалось захватить Восточную Украину и еще менее — расширить сколько-нибудь прочно свои владения за счет своих западных соседей, хотя некоторые князья энергично принимались за это. На востоке препятствием продолжала служить татарщина, а западные земли слишком чужды были, чтобы их можно было присоединить сколько-нибудь прочно. Счастье улыбнулось лишь Даниловичам в литовских землях: один из них, Шварно, получил даже великокняжеский стол в Литве, но скоро умер, и эта комбинация рушилась с его смертью. Позже галицкие князья теряют всякое влияние в литовских землях, а еще несколько позже Литовское княжество делается опасным соседом для самого Галицко-Волынского государства и начинает протягивать руки к галицко-волынским землям. Татары также давали себя чувствовать по временам, в особенности когда происходили смуты в орде — когда боролись за власть различные татарские вожди. Но вообще татарское владычество не было здесь так тягостно, как в московских и восточных украинских землях. Татары не вмешивались во внутренние дела, довольствуясь собираемыми время от времени денежными суммами.

По смерти Данила некоторое время старшим в роде оставался его брат Василько, но он ненадолго пережил брата, и со смертью Василька прекратилось былое согласие среди Романовичей. Среди них особенно выделялся князь Лев, энергичный и властолюбивый. Он старался овладеть соседними польскими землями и даже выступал претендентом на краковский стол, но эти планы не осуществились. Пробовал завладеть закарпатской, венгерской Украиной, пользуясь смутами в Венгрии, и одно время, кажется, завладел ею, так как в одном документе Григорий, надзупан Бережской столицы, называет себя его представителем.

На Волыни правил Владимир Василькович, князь очень мягкий, друг книжности и искусств, — «книжник великий и философ, какого не было до него во всей земле и после него не будет», — как отзываяется о нем летописец. Отличаясь спокойным характером, к тому же больной, он не мог проявлять энергичной деятельности. Позже, с началом XIV века, линия Романовичей волынских угасла, и все галицко-волынские земли снова

66. Печать Юрия Львовича, употреблявшаяся Юрием Болеславом (надпись: *s. domini georgi regis ruis*, т.е. «печать государя Георгия, короля Руси»)

67. Обратная сторона той же печати (надпись: *a. domini georgi ducis ladimerie*, т.е. «печать государя Георгия, князя владимирского»)

После падения Киева митрополиты киевские начали все больше проживать в северных, суздальско-московских землях, а в 1299 году, после одного татарского погрома, митрополит и совсем туда перебрался. Тогда галицкие князья добились у па-

собрались в одних руках — князя Юрия, сына Льва Даниловича. Это был князь могущественный, хороший правитель, и земля под его господством наслаждалась спокойствием и благоденствием; так гласит известие, сохранившееся в польских источниках, и то же самое говорят некоторые позднейшие воспоминания о его времени (галицкой или волынской летописи из этого времени не имеем и вообще очень немного знаем о жизни этих областей). В памяти позднейших времен княжение Юрия осталось золотой эпохой блеска, богатства и славы Галицко-Волынского государства. Интересно, что на печати своей он титулуется «королем Руси», как и его дед. Самого его эта печать изображает почтенным, величественным старцем с длинной бородой, сидящим на троне, в короне, со скипетром в руках.

К его времени (а может быть, и к более раннему княжению Льва) относится одно важное событие: церковное разделение Украины:

триарха и византийского императора, чтобы им был поставлен отдельный митрополит (1303), и таким образом разорвалась еще одна нить, связывавшая Западную Украину с Восточной — так как Поднепровье осталось при прежней митрополии.

После Юрия осталось два сына, Андрей и Лев, правившие до 1320-х годов; в начале 1320-х годов не стало их обоих, и они не оставили по себе мужского

потомства. Это был момент, очень опасный для Галицко-Волынского государства, окруженного со всех сторон завистливыми соседями, ожидавшими только какой-нибудь смуты, чтобы поживиться на его счет. Внутренние смуты в Венгрии, Польше и Литве, соблазнявшие галицко-волынских князей надеждами приобрести что-нибудь в этих землях, за это время улеглись: все в этих государствах пришло в нормальный порядок, и теперь наступила очередь Галицко-Волынской земле опасаться от них нападения при первом случае. Но на этот раз, очевидно, обошлось без сколько-нибудь значительных замешательств и в Галиции и на Волыни; бояре призвали к себе на княжение племянника умерших Юрьевичей, сына Марии Юрьевны и Тройдена, князя мазовецкого (в Польше). Князь этот был окрещен в католичество с именем Болеслава, а теперь принял православную веру и второе имя Юрия, в честь своего деда, и в 1325 году занял галицко-волынский стол.

Положение его, однако, было не легко. Все-таки он был чужим земле, все с подозрением смотрели на него, а бояре, считая, что он по их милости получил стол, хотели всем править от его имени. Юрию это не нравилось, он окружал себя своими доверенными людьми, разными пришельцами, чехами и немцами, а это служило поводом к новым неудовольствиям: о нем говорили, что он покровительствует только католикам, хочет ввести католичество, искоренить православие. Недовольные Юрием-Болеславом бояре сами распространяли подобные слухи о нем

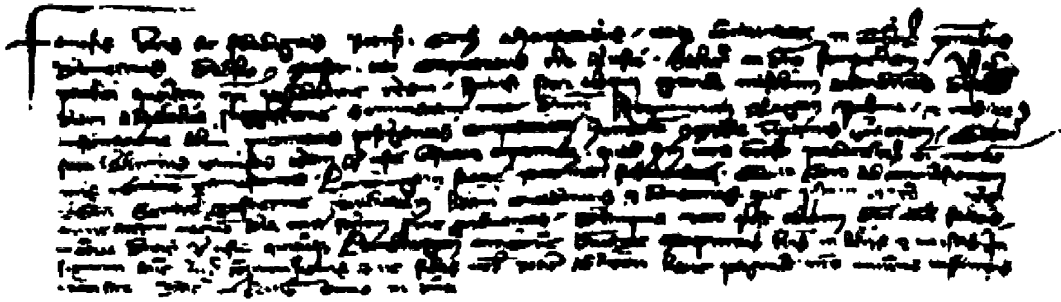
68. Юрий, король русский
(на печати)

и вызывали неудовольствие в населении: новый князь наводит де немцев, дает им всякие привилегии, а коренным населением пренебрегает.

Заметив это неудовольствие, Польша и Венгрия решили воспользоваться внутренней смутой, чтобы захватить галицко-волинские земли. Уже в 1339 году, при заключении договора между польским королем Казимиром и венгерским королем, они, вероятно, условились и относительно совместных действий в Галиции. Это было повторение Пинского соглашения 1214 года. Венгерский король считал за собою право на Галицию, на том основании, что при Данииле венгерский король некоторое время владел ею. Но так как с Казимиром он заключил договор взаимного наследования, так что если у одного из них не будет мужского потомства — допустим, у польского короля, то польское королевство по его смерти переходит к венгерскому королю, и наоборот, то в связи с этим венгерский король обещал Казимиру помочь ему завоевать галицко-волинские земли и предоставлял владеть ими, сохраняя за Венгрией только право выкупа. Такой договор существовал у венгерского короля с польским позже, и, вероятно, такое соглашение состоялось у них уже в 1339 году.

Недовольные Юрием-Болеславом бояре, между тем, вошли в сношения с литовским княжичем Любартом, женатым на галицко-волинской княжне, предлагая посадить его у себя князем. Войдя в соглашение с ним, они устроили заговор против Юрия-Болеслава и 7 апреля 1340 года отравили его во Владимире. Сейчас же пошло движение среди населения; избивались ненавистные католики-чужестранцы, приведенные Юрием-Болеславом. Любарт был призван и посажен на столе во Владимире; Галициею стало править боярское правление, признававшее своим князем Любарта, а фактически состоявшее под началом Дмитрия Дедька, «опекальника и начальника Русской земли» (*provision seu capitaneus terre Russie*), как называет он себя в одной своей грамоте (см. рис. 69).

Но при первом же известии о смерти Юрия-Болеслава двинулось в Галицию, на основании предыдущего договора, венгерское войско под предводительством палатина Виллерма и польское под предводительством самого короля. Дедько, получив известие о польском и венгерском походе, призвал на помощь татар. Венгры, ввиду этого, кажется, возвратились с дороги. Казимир, узнав о татарах, тоже испугался и, покинув пограничные замки, какие успел взять, как можно скорее двинулся назад с захваченной добычей. Вслед за тем пришли известия,

69. Письмо Дедька, «опекальника и начальника Русской земли», к общине г. Торна на латинском языке

что татары готовятся к большому походу на Польшу, чтобы отомстить за польский набег на Галицию. Это очень встревожило Казимира, и он вступил с Дедьком в переговоры, чтобы предотвратить татарское нашествие. Между ними состоялось соглашение. Казимир под присягою обещал не касаться Галиции, Дедько обязался не трогать Польши. Можно было думать, что Галицко-Волынское государство счастливо прошло через новый кризис. Но Казимир, имея виды на Галицию, не стеснялся присягой. Едва только пронеслась татарская гроза, как он сейчас же возвратился к своим прежним планам и, испросив у папы разрешение от присяги, ожидал только удобного случая, чтобы снова напасть на Галицию. Прошло, однако, несколько лет, прежде чем ему удалось овладеть ею. Около 1345 года он начал войну, но захватил, кажется, только саноцкое пограничье и должен был помириться с Любартом, продолжавшим владеть Галицией до 1349 года. Только тогда Казимир, успев уговорить хана не вмешиваться в галицкие дела, неожиданным нападением захватил Галицию и часть Волыни. Так началась новая, решительная борьба между ним и Любартом, положившая конец Галицко-Волынскому государству и открывшая новый период в жизни украинского народа — литовско-польский.

41. Общий взгляд на украинскую жизнь в периоды киевский и галицкий

Таким образом, в половине XIV века прекратилась политическая самостоятельность украинских земель: Галицию захватили поляки, Волынь постепенно превратилась в литовскую провинцию; прочие княжества, существовавшие в Киевщине и Черниговщине, также перешли под власть литовских князей. Государственная жизнь прекратилась.

О том, каков был политический и общественный строй во времена украинской государственности, было упомянуто выше. Мы видели, что Украина состояла из больших и меньших княжеств, старших и младших, и они с умножением княжеского рода постепенно дробились и уменьшались. Киевский князь считался старшим среди князей, «вместо отца», и ему должны были повиноваться остальные князья. Некоторое время так и было — в особенности когда киевский стол занимал князь энергичный и сильный; но со второй половины XII века стремятся первенствовать суздальские князья и умышленно подрывают значение киевских, а с концом XII века старшими для всей Западной Украины делаются князья галицкие. Киев еще некоторое время оставался центром для поднепровских земель, но затем теряет и здесь свое значение.

В своем внутреннем управлении все князья считались вполне самостоятельными: один князь не должен был вмешиваться в правление другого. Князь правил, опираясь на свою дружину, которую содержал на свои средства, на те дани и доходы, какие шли в его пользу. Вначале эта дружина отличалась большой подвижностью: она, как и князья, передвигалась из одной земли в другую, вместе с князьями или независимо от них; позже она оседает, срастается с землей и сливается с земским боярством. Все управление, законодательство, политика, суд, обложение, сбор податей находились в руках князя и его дружины, управлявшей землею от его имени. Население иногда вмешивалось в сферу управления, если замечало здесь неустройства, и в некоторых землях такие «веча», на которых разбирались и обсуждались всякого рода дела, были явлением довольно обычным, и князья признавали за вечею право ставить им требования и даже сменять князей. Но когда князь чувствовал себя достаточно сильным, то не особенно обращал внимание на желания населения и старался подавлять деятельность вече. Впрочем, вече также выражало не столько настроения всего населения, сколько его высших слоев, в особенности городского боярства.

Простой народ вообще не имел влияния во внутренних отношениях; княжеское правление стояло под влиянием боярства, а крестьянство и низшие слои городского населения, вследствие тех неурядиц, какие переживала Украина, все больше подпадали в зависимость от боярского класса. Место свободного населения занимали все большие массы несвободных (холопов, челяди) и полусвободных — наймитов и закупов, отработавших своим трудом долги и обязательства и очень часто попадавших в конце концов в вечную кабалу. Княжья управа более заботилась об интересах и удобствах боярства, капиталистов и богатых землевладельцев, чем о простом народе, и если вступалась за интересы последнего, то только ввиду грозивших восстаний или других резких проявлений народного недовольства. Не возвышала своего голоса в защиту народа сколько-нибудь резко и церковь, выросшая в общественных отношениях Византии; она предпочитала внушать повиновение и покорность слабым и зависимым, вместо того чтобы советовать сильным и могущественным не злоупотреблять своей силой.

Подавленные экономической зависимостью, не умея добиться голоса в политической жизни, чтобы изменить неблагоприятные общественные и политические условия, народные массы не дорожили своей государственной жизнью. Этим объясняются переходы общин под непосредственную власть татар, лишь бы только избавиться от князей и боярства, и их совершенно пассивное, без всякого протеста, подчинение власти литовских князей. Страдая от общественных и экономических неурядиц, они не ценили того национального значения, какое имела самостоятельная государственная жизнь. С национальной точки зрения имело большое значение то обстоятельство, что государственная самостоятельность защищала население от порабощения его другими народами и от эксплуатации его экономических и культурных сил для развития и упрочения культуры какой-либо другой государственной, господствующей народности. Пока существовал свой государственный строй, князья, боярство и церковь, стоя на той же народной основе, что и народные массы, силами и средствами государства приготавливали и развивали национальную культуру. Эта культура до некоторой степени и теперь служила интересам народных масс и еще более должна была послужить им с дальнейшим движением народной жизни и с собственным своим развитием. В эту эпоху, как мы уже знаем, культурная жизнь — просвещение, школа, литература, художественное творчество — подпала сильному церковному, византийскому влиянию, и это в значительной степени оторва-

ло ее от народной жизни, отдалило от народа. Но из-под чуждой, церковной оболочки прорывались и теперь уже течения, сильно окрашенные местной окраской, и с дальнейшим развитием народной жизни местные течения должны были все больше и больше одерживать верх над чуждыми элементами культуры, — если бы эта народная жизнь не испытала таких потрясений и переворотов, какие принесло ей падение государственной жизни.

42. Культурная жизнь Украины этой эпохи и ее значение

Выше было упомянуто, что христианство на Украине и византийские влияния начались, вероятно, гораздо раньше эпохи Владимира; затем, распространенные по всем землям Русского государства под воздействием государственной власти, эти византийские влияния и византийская культура одержали решительный перевес над другими течениями, в особенности восточными, персидско-арабскими влияниями, и культурная жизнь Украины надолго получила сильную церковную окраску, налегшую и на просвещение, и на литературу, и на художественное творчество. Просвещение и книжность считались вспомогательным средством для преуспевания в христианском благочестии: путем чтения церковных книг люди должны были проникаться христианским направлением. Нисьменность главным образом была в руках духовенства; искусство в весьма значительной степени стояло также на службе церкви, христианского культа. Но так было не только здесь, а и в Западной Европе в те времена; со временем светский, мирской элемент сбросил с себя церковную оболочку там — неизбежно сбросил бы ее и здесь.

Просвещение долгое время ограничивалось тесными, преимущественно духовными кругами. Препятствием к распространению его среди широких масс служил недостаток школьного обучения. Местное духовенство заимствовало те формы обучения, какие практиковались в Византии. И там только в немногих местах, при больших монастырях и кафедральных церквях было организовано обучение в формах школьного преподавания; обычно же родители отдавали ребенка в обучение грамоте какому-нибудь книжному, обыкновенно духовному лицу, и последнее обучало его в одиночку, самое большее в обществе нескольких таких учеников. И на Руси практиковалось главным образом

такое одиночное обучение, а не школьное, а потому просвещение и книжность распространялись довольно медленно.

Чаще всего обучение ограничивалось чтением, реже — письмом и счетом; другие сведения приобретались чтением книг; но книг этих было мало, и преимущественно это были книги богослужебные. Только в наиболее крупных центрах тогдашнего просвещения можно было получить высшее образование, научиться писать литературно — по понятиям того времени — и изучить греческий язык, чтобы пользоваться греческими книгами без перевода. Людей, стоявших на уровне современного греческого просвещения, мы встречаем уже с первого поколения после крещения — таков был, напр., митрополит Илларион, позже Кирилл, епископ туровский (в XII веке), и безымянные авторы некоторых других произведений. Было их, однако, все-таки немного, и большинство писателей того времени были самоучки, писавшие «попросту».

Как в греческой литературе и в переводах, сделанных у нас или приходивших готовыми из Болгарии и Сербии, больше всего было церковных и религиозных произведений, предназначенных для усвоения христианского духа и наставления в благочестивой христианской жизни, так и оригинальная литература, развившаяся в украинских землях, шла преимущественно в тех же направлениях. Писались проповеди, поучения в благочестии, жития местных святых. Так писали в XI веке митрополит Илларион, автор похвалы Владимиру Святому, св. Феодосии печерский — автор поучений, монах Яков и св. Нестор — авторы житий Владимира Святого, Бориса и Глеба и св. Феодосия, игумен Даниил, описавший свое путешествие в Святую землю. В XII веке известны митрополит Клим, Кирилл, епископ туровский, автор молитв и проповедей, Георгий Зарубский; в XIII веке — Симон и Поликарп, авторы печерских житий, Серапион-проповедник. Этим мы знаем по имени; гораздо больше писателей осталось нам по имени неизвестными, и самые сочинения их исчезли: сохранилось главным образом то, что перешло в северные, великорусские земли и там уцелело; между тем в XII веке, в особенности со второй его половины, связи Киева с северными землями все более и более ослабевали, произведения восточной письменности реже распространяются на севере, на Украине же, благодаря позднейшим смутам, из них уцелело очень мало. Поэтому-то мы и не имеем сколько-нибудь полного понятия о нашей старой литературе.

Вне религиозной литературы более всего развилась историческая, летописная. Хотя и здесь подвизались главным образом

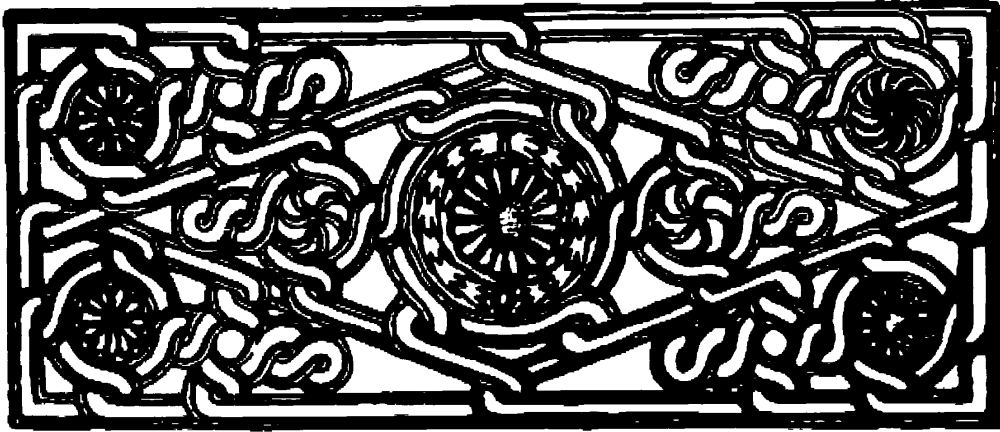
люди духовные и много уделяли места церковной жизни, но все же старая историческая литература представляет богатейший материал для изучения жизни того времени. Все, что мы знаем о культурной, экономической, общественной жизни — знаем главным образом из летописей. Там сохранились отрывки народных рассказов, песен, литературные произведения, документы. Это настоящий архив нашей культурной жизни. Некоторые части летописей отличаются необыкновенной свежестью, непосредственностью, живым отражением духа того времени. Не всякий народ может похвалиться таким интересным летописанием. А между тем то, что имеем — это только обломки, отрывки той старой исторической литературы, попавшие в летописные сборники, дошедшие до наших дней.

Один такой сборник был составлен в Киеве в первой четверти XII века, и сюда вошли памятники киевского летописания XI века — это так называемая Начальная летопись. В конце XIII века где-то в северной Волыни составлен был второй сборник, в котором к Начальной летописи присоединены были записи XII века, главным образом киевские, затем Галицкая летопись времен Данила и волынские записки второй половины XIII века (до 1280 года). Без этого драгоценного сборника мы очень мало знали бы историю Украины этих столетий.

Из других нецерковных произведений большой интерес представляет поучение Мономаха своим детям, где он рассказывает о своей жизни и сообщает разные наставления. Из поэтических произведений уцелело одно — драгоценное «Слово о полку Игореве» 1185 года. Оно отличается высокими поэтическими достоинствами и вместе с тем чрезвычайно важно как красноречивое свидетельство продолжительного и широкого развития светской дружинной поэзии, объединявшей элементы народного песенного творчества с книжными влияниями. Произведение единственное в своем роде по своим поэтическим достоинствам, «Слово», с другой стороны, имеет много общего с другими произведениями конца XII и начала XIII века, представляющими современную научную поэзию и художественную прозу, как Слова Кирилла туровского, Слово на построение стены в Выдубецком монастыре в 1200 году, Моление Даниила, Галицкая летопись. Эти произведения свидетельствуют о значительном развитии и обработке литературного стиля, долгой литературной традиции.

В области пластических искусств имеем много памятников церковной архитектуры, немного живописи, довольно много миниатюр — цветных рисунков в рукописях, много ювелирных

70. Резная каменная плита из Софийского собора в Киеве

изделий, украшенных резным орнаментом и эмалью. Во всех этих областях искусства работали вместе с греческими мастерами и местные художники, более или менее искусно, а иногда даже очень удачно усвоив чрезвычайно высокую технику Византии и внося известную своеобразность, оригинальность в мотивы и манеру греческого творчества. Сравнительно, может быть, менее заметна эта оригинальность в архитектуре киевской эпохи, хотя и здесь местные мастера уклонялись от греческих образцов; гораздо более оригинальности обнаруживает галицкая архитектура, но, к сожалению, она сохранилась в очень незначительных остатках. Большой художественностью отличаются некоторые киевские памятники книжной живописи (миниатюрной). Но больше всего свободы и оригинальности обнаруживают все-таки местные ювелирные изделия. В этой области с самого начала в местном мастерстве больше всего сохранилось свободы от византийского влияния, и позже оригинально сочетались мотивы восточные с византийскими, старые традиции с новыми формами. Хотя и здесь в более тонких работах, — например в эмалях, местные мастера не могли сравниться с византийскими, но все-таки местное мастерство стояло чрезвычайно высоко, в особенности если сравнить его с современной западноевропейской техникой. Вообще культурная жизнь Украины XI—XIII вв. была на одном уровне с Западной Европой — была она здесь иной, так как слагалась под иными влияниями, но не была ниже, чем в западных землях.

С течением времени, с ослаблением сношений, византийские влияния начали терять свою силу, а перенесение центров политической украинской жизни на запад, во Владимир и Галич, сближало ее все сильнее с западной жизнью. От галицкой жизни

XII — XIV вв. вообще мало уцелело, но и по сохранившемся материалу и сведениям нашим можно проследить характерные сочетания украинско-византийских основ жизни с западными влияниями. Здесь украинское общество не чуждалось их, живя в тесных сношениях со своими западными соседями. Поэтому мы не видим здесь такого страха перед католической религией, какой старалось привить греческое духовенство в Восточной Украине. Князья заводят у себя латинские канцелярии для сношений с западными землями, латинские печати. В больших городах поселяются немецкие колонии на немецком праве, прививая западные формы украинской жизни. В описаниях здешних церквей постоянно встречаем предметы западного изделия, западных форм. Но местное искусство в общем все-таки стоит на русско-византийской почве, население крепко держится своего, и в своих латинских грамотах князья подчеркивают свое национальное сознание, титулуя себя «князьями всей Малой Руси».

Вообще культурная жизнь Украины XI—XIV вв. обрисовывается очень интересно: она полна жизни, движения, энергии, обещает многое своей народности и даже вообще культурной жизни. Жаль, что падение государственности не дало ей развиваться и в самом корне подрезало ее. Правда, простому народу не сладко жилось под господством своих князей и бояр, и мало его радовали эти культурные начинания. Но не легче стало ему, когда на место своих пришли чужие владетели. Социальные и экономические условия от этого не улучшились, а ухудшились, положение народа — также. А национальной и культурной жизни был нанесен удар, от которого она не могла оправиться — и до сегодня.

ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАЯ ЭПОХА

43. Переход украинских земель под власть литовских князей

Вторая половина XIII и затем XIV в. были свидетелями чрезвычайно быстрого и успешного расширения власти литовских князей над соседними белорусскими, а потом и более отдаленными украинскими землями. Наиболее запоздавшее в своем развитии в глубине своих глухих лесов, самое отсталое из всех народов этой семьи, племя литовское в это время очутилось пред чрезвычайно грозною опасностью — немецким движением в литовские края. Напрягая в борьбе с ним все свои силы, литовское племя развивает чрезвычайно живую организационную деятельность и как бы для того, чтобы усилить себя культурными средствами, начинает одновременно расширять свое господство над соседними славянскими, более культурными, но политически изжившимися землями. Это ясно обозначилось в середине XIII в. при литовском князе Мендовге и встревожило короля Данила, который сам мечтал о возможно большем расширении своей власти над соседними землями. В союзе с польскими князьями и крестоносцами Данило задумал сокрушить Мендовга и начал с ним войну. Чтобы отвлечь Данила, Мендовг уступил его сыну Роману некоторые свои земли во владение; затем сын Мендовга, Войшелк, передал другому Даниловичу, Шварну, все Литовское княжество. Но вскоре умер, а сыновья Данила не сумели воспользоваться обстоятельствами. Наследием Мендовга завладели другие литовские князья и снова начали расширять свою власть над соседними землями.

В первой четверти XIV в. большая половина белорусских земель находилась уже под властью литовских князей, и они начали попытки захватить соседние украинские земли. При последних Даниловичах галицких или непосредственно после их смерти литовские князья захватили Берестейско-Дорогичин-

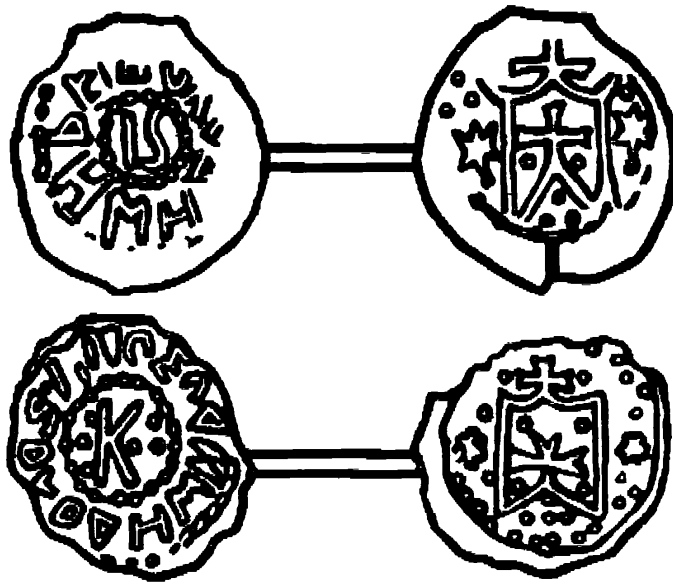
скую землю (Побужье). Еще перед тем, вероятно, они завладели Припятскими и Турово-Пинскими землями. Сохранилось воспоминание о каком-то литовском князе Виде, захватившем в это время значительную часть Древлянской земли, т.е. киевского Полесья. При князе Гедимине в 1320 году уже и Киев стоял в сфере литовского влияния, хотя здешние князья формально находились под татарским владычеством (упоминается здесь какой-то маленький князек по имени Федор и при нем татарский баскак). Таким образом, избрание Любарта Гедимовича галицкими и волынскими боярами вместо Юрия Болеслава в 1340 году только шло навстречу этому движению литовских князей в украинские земли. И это избрание лучше всего показывает, насколько это движение мало затрагивало местное население, если его представители сами, по собственному желанию призывали к себе на стол литовских княжичей.

Это объясняется тем, что литовские княжичи, устраиваясь в украинских и белорусских землях, старались приноровиться во всем к местной жизни, к ее строю и культуре. Они старались не вносить в местный уклад никаких перемен. «Мы старины не ружаем, а новины не уводим» — стало их правилом. Они принимали православную веру, местную культуру, язык, одним словом — делались украинскими или белорусскими князьями, только из новой литовской династии, и по возможности старались продолжать заведенные порядки местной жизни. С другой стороны, населению нередко, принимая литовского князя, приятно было покончить с пережитыми князьими отношениями старой династии. Общинам, вырвавшимся в свое время из-под княжеской власти и отдавшимся под татарское владычество, тоже, очевидно, успела показать свои невыгодные стороны татарщина, в особенности когда настали беспорядки в татарской орде, в конце XIII в. Литовское же княжество в это время было в расцвете сил; принимая литовского князя, население могло надеяться, что оно найдет у литовских князей помощь и защиту во всех своих невзгодах, только князьям было горько отказываться от своего господства; но и тут часто новые отношения складывались так, что старые князья оставались при своих волостях и должны были только признать над собой власть литовского князя, занявшего главный стол их земли.

Поэтому-то и видим, что украинские земли, одна за другой, без войн и борьбы, тихо и незаметно переходят под власть литовских князей, и даже в наших источниках не всегда находим упоминания об этом; правда, мы не имеем местных летописей для этого времени, а в иноземные редко долетали из-

вестия об этом — именно потому, что земли присоединялись литовскими князьями без больших усилий.

Итак, как мы видели уже, в 1340 году князь Любарт Гедиминович занял галицко-волынский стол и считался галицким князем до 1349 года, до похода Казимира, а Волынью правил долго, до самой своей смерти, более сорока лет.

71—72. Монеты киевского князя
Владимира Ольгердовича

Ольгерд Гедиминович, великий князь литовский, вмешавшись в 1350-х годах в смоленские дела, захватил соседнее Брянское княжество в северной части старой Черниговской земли, а затем подчинил себе и южные княжества. В главных городах — в Чернигове, Новгород-Северске, Стародубе — были посажены князья из литовской династии, на меньших волостях остались князья из прежней династии под властью литовских князей.

Около 1360 года Ольгерд взял под свою власть Киевскую землю, свергнув последнего князя киевского, по имени Федор, и посадив на его место сына своего Владимира. Земля пришла в упадок и сильно опустела под татарским владычеством, но составляла важное приобретение по своим размерам, так как Киеву принадлежало и все Заднепровье, составлявшее прежде Переяславское княжество.

Татары, считавшие Поднепровье своим улусом, подвластной землей, хотели, вероятно, заступиться за князя Федора киевского, как за своего присяжника, но орда тогда была совершенно разбита и бессильна. Ольгерд двинулся с войском на юг Киевской земли, разгромил татарское войско и взял под свою власть не только Киевскую землю, но и Подолье, до тех пор находившееся под властью орды. Племянники Ольгерда, сыновья Кориата Гедиминовича, основались в подольских городах, начали строить крепости для защиты от татар и собирать население. Вот

как рассказывает об этом летописная повесть, составленная во второй четверти XV в.

«Когда господарем Литовской земли был великий князь Ольгерд, он отправился с литовским войском «в поле» (степь) и разбил на Синей воде татар, трех братьев: князя Качибя, Кутлубугу и Дмитрия. А эти три брата, князья татарские — отчичи и дедичи Подольской земли, и от них заведывали атаманы, а баскаки (сборщики доходов), приезжая от тех атаманов, брали дань с Подольской земли. А был брат у Ольгерда, князь Кориат, владевший Новгородом Литовским, и было у него четыре сына: князь Юрий, князь Александр, князь Константин, князь Федор. И вот эти княжичи Кориатовичи, трое братьев: князь Юрий, князь Александр и князь Константин, с соизволения великого князя Ольгерда и с помощью Литовской земли пошли в Подольскую землю. А в Подольской земле не было тогда ни одного города (крепости) ни из дерева рубленного, ни из камня построенного¹. Тогда эти княжичи Кориатовичи, придя в Подольскую землю, вошли в дружбу с атаманами, начали защищать Подольскую землю от татар и не стали баскакам «выхода» (дани) давать. И прежде всего нашли себе твердыню на реке Смотриче и поставили здесь город Смотрич. А в другом месте жили монахи в горе, и на том месте основали они город Бакоту. А однажды на охоте им случилось загнать много оленей на тот остров, где теперь стоит город Каменецкий, и, вырубив лес, поставили они город Каменец. И так все города подольские построили и всю землю Подольскую засели».

Иногда все же давали дань татарам, чтобы отделаться от них, и еще некоторое время здешние земли считались подвластными татарам, поэтому, напр., на монетах Владимира Ольгердовича, князя киевского, мы видим татарские знаки и надписи. Но в здешние дела татары уже не вмешивались, и правили всем новые князья из литовской династии, под верховной властью великого князя литовского.

44. Борьба за галицко-волынские земли и раздел их

Для литовских князей было большим счастьем, что они не встречали сильных препятствий в своих стремлениях к присоединению восточных украинских земель. Они могли захватывать только то, что легко давалось; вести сколько-нибудь напряженную борьбу за свои новые приобретения им было не под

силу. Литовское княжество, несмотря на свои громадные размеры, было очень слабо организовано, а кроме того, над ним страшным бременем тяготела борьба с немецкими рыцарями, прусскими и ливонскими крестоносцами, которые, покорив и поработив себе литовские племена пруссов и латышей, хотели подчинить своей власти и остальные литовские племена и безжалостно опустошали своими набегами литовские земли. На восточной границе литовские князья должны были, кроме того, выдерживать борьбу с московскими князьями, стремившимися захватить пограничные земли и не дать распространиться литовскому влиянию в этой промежуточной полосе. Поэтому литовские князья не могли уделить много энергии украинским землям, и когда Любарту пришлось выдержать сильную борьбу с Польшей и Венгрией за Западную Украину, другие литовские князья лишь изредка могли помогать ему. Галиция, поставленная между двух огней — Польшей и Венгрией — и не получая достаточной поддержки от Любарта, не видела возможности защищаться своими силами и скоро сложила оружие, не имея надежды отстоять себя; несмотря на попытки Любарта вырвать ее из польских рук, она так и осталась под польским господством.

Мы уже видели, что первые нападения Казимира на Галицию были отражены местным боярством под предводительством знаменитого Дедька, «начальника Русской земли», и только западное пограничье, Сяноцкую землю, Казимиру удалось удержать за собою. До 1349 года Галиция оставалась под властью Любарта. Только в этом году Казимир, обеспечив нейтралитет татар, неожиданным нападением захватил целую Галицию и соседнее волынское пограничье. Под впечатлением этой катастрофы литовские князья поспешили на помощь Любарту, и им удалось вернуть захваченные Казимиром волынские города; с галицкими дело было труднее: гарнизонов, расставленных Казимиром в галицких городах, не удавалось вытеснить, и литовские князья оплачивали Казимиру только опустошениями польских земель. Чтобы положить им конец, Казимир возобновил свой договор с венгерским королем, выпросил денежную субсидию у папы и вместе с венгерскими силами сделал попытку покорить по крайней мере Белзско-Холмские земли. Он предпринимал для этого несколько походов, но мы имеем мало сведений о них. Наиболее заметный эпизод — это осада Белза в 1352 году, замечательная его геройской защитой. Казимир двинулся с большим войском; кроме того, к нему прибыл на помощь венгерский король Людовик. Они вместе приступили к

Белзу и послали к здешнему воеводе предложение сдаться; тот не ответил решительным отказом, чтобы выиграть время — укрепить город и дожидаться помощи от литовских князей. Целую неделю он тянул переговоры, а тем временем укреплял на глазах королей свой замок, между прочим пустил воду в окружающие замок рвы, так что она окружила его со всех сторон. В конце концов заявил, что сдаться не согласен. Казимир и Людовик попробовали взять замок приступом, но потерпели неудачу. С раннего утра до полудня польское и венгерское войско, по горло стоя в холодной проточной воде, наполнявшей рвы, пытались ворваться в замок, потеряло много людей — был убит племянник короля Людовика, и сам Людовик получил такой удар по голове, что упал с коня и едва не погиб, — но в конце концов вынуждено было отступить; Людовик, потеряв охоту к продолжению кампании, оставил Казимира, и тот должен был также возвратиться ни с чем.

После этих неудачных походов, когда к тому же литовские князья снова привлекли на свою сторону татар, Казимир заключил с ними перемирие: Галиция осталась за Польшею, Волынь за Любартом. Не удалось на этот раз вырвать Галицию из польских рук — не удавалось и позже. Захватив галицкие земли, Казимир всячески старался ослабить все, что стояло здесь в оппозиции против Польши, и ввести туда как можно более элементов, благоприятствующих польскому господству. Он отбирал поместья и должности у бояр, стоявших на стороне Любарта, раздавал земли полякам и различным пришельцам, готовым поддерживать польское господство, призывал в города немцев и поляков, предоставляя им различные льготы. Всеми силами отстаивал завоеванную провинцию, располагая помощью венгров, папы, а иногда и немецких рыцарей, и Любарт был в сравнении с ним слишком слаб, чтобы вырвать из его рук Галицию. Правда, борьба продолжалась еще целых тридцать лет — вскоре после перемирия возобновилась она снова. Литовские князья досаждали Казимиру, нападая и опустошая польские земли, подстрекая к нападениям татар, но это мало помогало делу. В конце концов Казимиру снова удалось привлечь татар на свою сторону, а позже, ввиду того, что литовские князья стали захватывать украинские земли, находившиеся ранее под татарским владычеством, орда совершенно разошлась с Любартом. Между тем Казимир вошел в соглашение с прусскими и литовскими крестоносцами и напал на Литву с двух фронтов: сам двинулся в 1366 году на Волынь, в то время как крестоносцы ударили на Литву. Ему удалось снова захватить

чил венгерских наместников и ввел венгерское войско. Но его замысел не удался. По смерти Людовика (1382) польские вельможи избрали себе королевой его младшую дочь Ядвигу и отделились таким образом от Венгрии; воспользовавшись тем, что в Венгрии начались смуты, они послали свою молодую королеву во главе войска, чтобы вырвать Галицию из венгерского владения, и это, действительно, — удалось; Галиция была снова присоединена к Польше (в 1387 году), и хотя венгерское правительство против этого протестовало, но начать войну за Галицию не осмелилось, и последняя осталась за Польшей.

45. Уния Польши с Литвой

Кто следил за кровавой, упорной борьбой, тянувшейся между литовскими князьями и Польшей за галицко-волынские земли до 1380 года, едва ли мог предвидеть, чем должна была окончиться эта борьба. Так неожидан был ее финал: уния Польши и Литвы под властью великого князя литовского, обязывавшегося с получением польской короны присоединить все литовские земли к Польше, навеки «инкорпорировать», т.е. соединить их с Польшей, превратив их в простые провинции последней.

Придумали эту комбинацию малопольские магнаты. Они избрали королевой младшую дочь Людовика, чтобы отделиться от Венгрии и избавиться от влияния венгерского двора, а затем начали подыскивать для своей королевы подходящего жениха, такого, чтобы мог послужить им своими силами и средствами, а в дела Польского государства не вмешивался и не препятствовал фактически править им, польским панам. Правда, Ядвига была уже просватана за австрийского принца Вильгельма, но последний не был подходящей для них партией, так как не располагал никакими средствами. И они в конце концов остановили свое внимание на молодом великом князе литовском Ягайле, сыне Ольгерда. Они рассчитывали, что он будет им очень благодарен за честь быть польским королем, согласится на все их условия и будет им полезен силами и средствами своего Литовского государства. И они не ошиблись: Ягайло согласился на все, чего потребовали польские правители, — обещал окрестить в католичество всю остававшуюся некрещеной Литву и перейти в латинство самому (до того времени он был православным), обещал возратить своими средствами земли, утраченные Польшей, а самое главное — обязался «на вечные времена при-

74—75. Монеты, чеканенные Казимиром и Людовиком
для Галиции

соединить свои земли, литовские и русские, к Польской Короне». Такое условие заключено было между ними в Криве, на Литве 15 августа 1385 года. Это так называемая «Кривская уния», договор чрезвычайно важный, решительно изменявший все дальнейшее направление истории не только украинских земель, а и всей, можно сказать, Восточной Европы.

Заключив договор с Ягайлом, польские правители прежде всего должны были подумать над тем, чтобы действительно женить его на своей королеве. Это представляло немало затруднений, так как мать Ядвиги тем временем дала свое окончательное согласие Вильгельму, он приехал в Краков, обвенчался с Ядвигой и жил с нею как с женой в краковском замке. Пропустив это каким-то образом, польские правители теперь спохватились и решили, не останавливаясь ни перед чем, расторгнуть брак Ядвиги с Вильгельмом. Силой схватили они Вильгельма и удалили из Кракова. Ядвига хотела догнать и вернуть его, но ее задержали; брак ее с Вильгельмом был признан недействительным, а ее самое духовенство принялось убеждать, что для блага Польши и католической религии она должна выйти замуж за Ягайла. В конце концов ее действительно уговорили и обвенчали с Ягайлом. Устроив это, прежде всего захватили при помощи литовских князей Галицию, изгнав оттуда венгерское войско, а затем стали ждать исполнения обещаний Ягайла, что он на вечные времена присоединит к Польше все свои земли, литовские и русские, т. е. белорусские и украинские.

Это значило, другими словами, что Великое княжество Литовское должно было прекратить свое существование как отдельное государство, а все земли, находившиеся во владении литовских князей, украинские, белорусские и литовские, должны были с этого времени превратиться в провинции Польского королевства. Так понимали это и добивались этого поляки. Ягайло, исполняя их желание, приказал всем литовским князьям,

76—77. Галицкие монеты Владислава опольского

владевшим в украинских и белорусских землях, выдать обязательство в том, что они будут верны Ягайлу, его королеве и детям и будут принадлежать Польскому королевству. Так как князя и без того признавали Ягайла своим старейшиною, как великого князя литовского, то такие обязательства на первых порах не создавали каких-либо новых отношений. Подвластные Ягайлу князя поэтому выдавали такие обязательства беспрекословно. Однако с течением времени князя и бояре начали соображать, к чему это клонится в будущем: ими будут править и распоряжаться краковские польские правители, и эта перспектива им совсем уже не улыбалась.

Их неудовольствием решил воспользоваться Витовт, сын Кейстута, дяди Ягайла, убитого по приказанию Ягайла, когда тот вступил на великокняжеский престол. Два раза уже Витовт поднимал восстание против Ягайла, добиваясь отцовских владений, и в конце концов добился, что Ягайло отдал ему в управление все Великое княжество Литовское как своему наместнику. Теперь, воспользовавшись неудовольствием князей и бояр на претензии краковского двора, Витовт добился того, что литовские князя и бояре провозгласили его королем литовским, и стал приготавливаться к решительной борьбе с Ягайлом. Тут, вероятно, наступил бы и конец унии, но дела приняли непредвиденный оборот: Витовт в это время предпринял большой поход на татар, чтобы посадить на ханском престоле своего ставленника, но, неосторожно углубившись в степи, наткнулся на сильное татарское войско, которое страшно разгромило его в битве на р. Ворскле (1399). Эта катастрофа подорвала силы и планы Витовта, и вместо полного разрыва с Польшей и Ягайлом между ними был заключен договор (1400): Витовт и Ягайло решили, что Великое княжество Литовское должно оставаться отдельным государством, под управлением своего великого князя, которым теперь будет Витовт, но этот

великий князь литовский должен переживать верховную власть Ягайла и его преемников на польском престоле. Уния, значит, не уничтожалась вполне, хотя и получала совсем иную форму сравнительно с Кревским договором 1385 года. Великое княжество Литовское все-таки оставалось в связи с Польшей, и это много значило для внутренней жизни и отношений этого княжества и в частности для отношений украинских.

46. Новые направления в политике Великого княжества Литовского

Имея теперь за собою Польшу, Ягайло с Витовтом прежде всего занялись упразднением больших княжеств, входивших в состав Великого княжества Литовского. Почти вся Украина состояла из таких больших княжеств, и здесь новый курс политики в особенности дал себя почувствовать. В конце 1380-х годов, когда заключалась уния, волынские земли — Владимирская и Луцкая — находились по смерти Любарта во владении его сына Федора, на которого Волынь смотрела как на своего прирожденного князя. На Подолье княжил последний из Кориатовичей, Федор. Киевская земля с Заднепровьем принадлежала Владимиру Ольгердовичу. Полесье Припятское заключало несколько менее значительных княжеств, как Ратненское княжество Федора Ольгердовича, Пинское княжество Василия Михайловича, двоюродного брата Ягайла, Черторыйское Василия Константиновича, племянника Ягайла. В Черниговской земле были обширные княжества: Черниговское Дмитрия Корибуга Ольгердовича, Брянское другого Дмитрия Ольгердовича, Стародубское Патрикия Наримунтовича, племянника Ольгерда. Такие обширные княжества жили своей жизнью, не особенно даже чувствуя свою принадлежность к Великому княжеству Литовскому. Они знали своего князя, а князь этот, хотя происходил из литовской династии, за несколько десятков лет своего пребывания в данной земле — иногда даже родившийся и выросший в ней, успел сжиться со своей землей, приноровиться к ее жизни, к ее населению. Землей правили под его верховной властью местные бояре, по старым порядкам и правам, так что если населению не было лучше под новым правлением, то во всяком случае и ощутительных перемен оно не чувствовало, и национальная жизнь не терпела никаких стеснений, никто не отодвигал на задний план местных людей, не стеснял их языка и книжности. Новые князья по мере сил и

возможности старались содействовать украинской культуре и церкви.

Так было до сих пор. Теперь во всем этом наступает крутой перелом. Витовт с Ягайлом свергают наиболее крупных князей с их столов, переводят на меньшие княжества, где они не могли уже иметь значения, а их прежние волости или сразу обращают под свою непосредственную власть и управление, или передают через несколько рук, не давая новым князьям укорениться, а в конце концов обращают эти большие княжества в обыкновенные провинции, раздавая их в управление своим наместникам и агентам.

Так прежде всего осенью 1393 года было отнято Черниговское княжество от Дмитрия-Корибута (второй Дмитрий утратил свое Брянское княжество еще раньше, присоединившись к московскому войску). От Федора Любартовича была отнята сперва Луцкая земля, а затем и вся Волынь; взамен ему предоставлены черниговские волости, но для Федора это была такая грустная замена, что он даже не принял этих черниговских владений. Затем Витовт предпринял поход на Федора Кориатовича, чтобы отобрать у него Подолье; но прежде всего направился в Киевскую землю и выгнал из Киева Владимира Ольгердовича, а затем уже двинулся на Федора. Тот пробовал защищаться при помощи румын и венгров; но Витовт в его отсутствие завладел Подолем, захватил крепости и посадил своих наместников (1394).

Таким образом, в течение каких-нибудь двух лет были удалены с волостей все более значительные князья. Правда, Киевская земля была отдана другому князю, Скиргайлу Ольгердовичу, но он вслед за тем умер; черниговские земли были отданы Свитригайлу, но и он здесь долго не продержался. В начале XV в. на Украине остались только менее значительные княжества, как Ратненское, Пинское, Черторыйское, Стародубское, Острожское. Это были уже не те почти независимые княжества государства, а только большие поместья. Для поместий они были даже очень велики, простирались на много десятков верст, но политического значения не имели. И Украина сделалась провинцией Великого княжества Литовского, очутилась в непосредственной власти его правительства, подчиняясь всем распоряжениям правительства и воздействиям его новой политики.

А эта политика после унии резко изменилась. Правда, правительство продолжало повторять по-прежнему, что оно старины не рушит, а новины не вводит, но в действительности начало

очень решительно перестраивать свое государство по польскому образцу. Как будто и не трогало старого, но вводило новое, и последнее все меньше давало старому жить и существовать, не только развиваться.

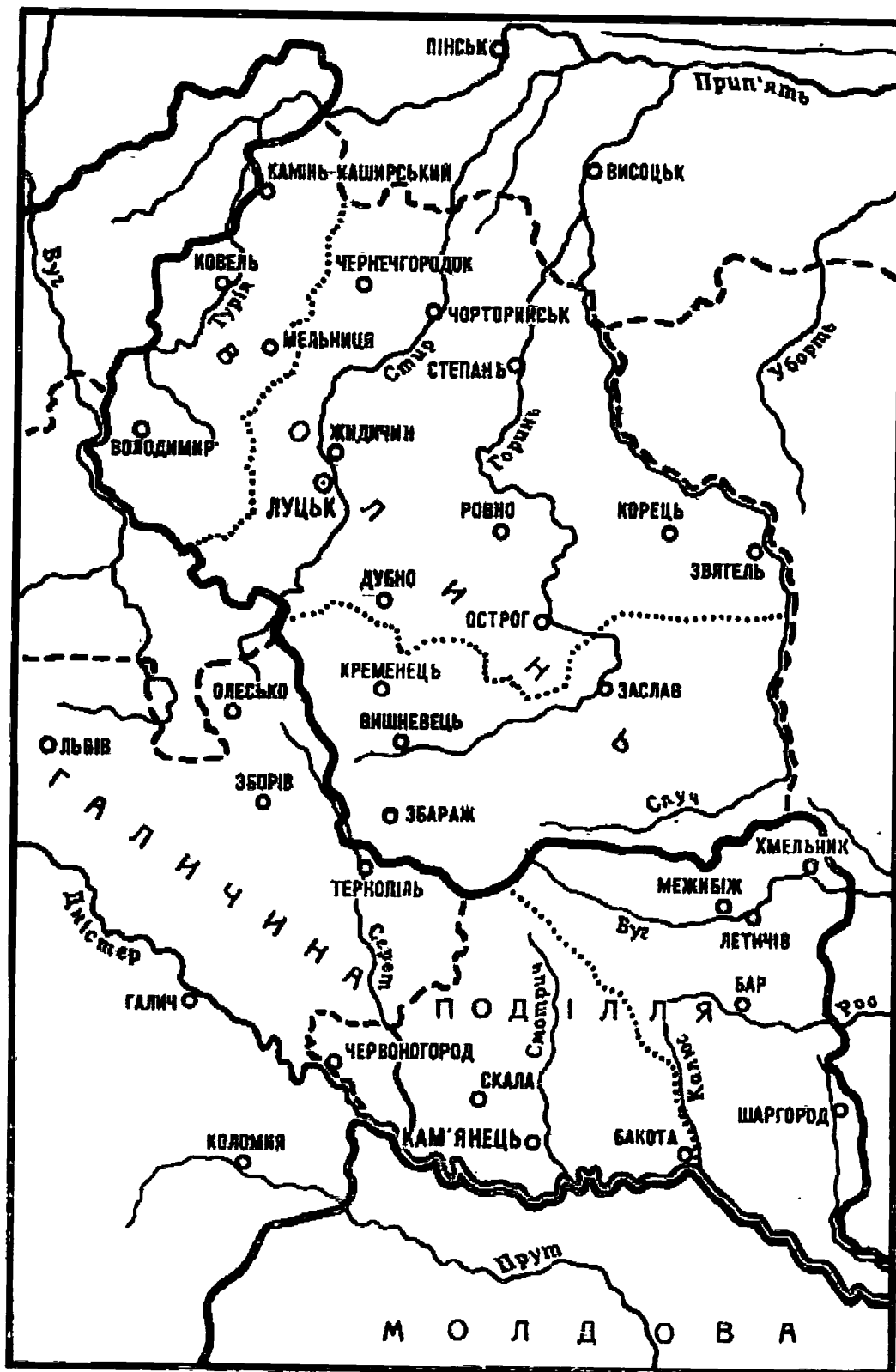
Окрестив некрещеную Литву в католичество, Ягайло издал грамоту, предоставлявшую на будущее время пользование различными правами только боярам католической религии. Его целью было создать привилегированный господствующий класс с широкими правами и привилегиями, но эти привилегии предоставлялись только католикам. Только католики могли заседать в княжеском совете, занимать высшие государственные должности, допускаться к важнейшим государственным делам (так постановлял городельский акт 1413 года). Таким образом, князья и бояре православные, даже князья из литовской династии, обжившиеся в белорусских и украинских землях и ассимилировавшиеся со здешним населением, отныне устранились от участия в политической жизни, если не хотели отречься от православной веры. В городах введено было самоуправление по немецкому образцу, существовавшее в Польше — по так называемому немецкому или магдебургскому праву, и к участию в нем опять-таки допускались только католики, а православные украинцы или белоруссы не могли быть избираемы на городские должности, а иногда даже не признавались полноправными гражданами города, так как и этими последними могли быть собственно только католики. В важнейших городах, не только Литвы, но и Белоруссии и Украины, основались католические епископии; им жаловались поместья, и при этом в состав последних попадали иногда и имения православной церкви, и вообще православная церковь, привыкшая жить под покровительством и опекою правительства, почувствовала теперь себя совсем заброшенной, самое большее — только терпимой. В особенности много тяжелого приходилось переживать православному духовенству в украинских землях, присоединенных непосредственно к Польше (в Галиции, Холмской и Белзской земле), и тем же духом начало повевать теперь и в Великом княжестве Литовском. В Галиции Ягайло, проезжая в 1412 году через Перемышль, чтобы похвалиться перед католическим духовенством своей католической ревностью, велел отобрать у православных местную кафедральную церковь, выкинуть из гробницы погребенные здесь останки старых перемышльских князей и обратить церковь в костел; православное духовенство и все население горько плакали при виде такого поругания, но распоряжения Ягайла тем не менее были исполнены. В дру-

гом случае Ягайло запретил крестить детей от смешанных браков (православного с католичкой) по обряду православной веры, а окрещенных уже велел насильно переkreщивать в католичество и т. п. В Великом княжестве Литовском ни он, ни Витовт не решались употреблять таких суровых мер, но различные ограничения по отношению к православным следовали одно за другим и здесь.

47. Борьба за равноправие (Свитригайловы войны)

Недовольные этой переменной политики украинцы и белорусы возлагали свои надежды на младшего брата Ягайла, Свитригайла; хотя он также был крещен по католическому обряду, однако находился в дружественных отношениях с украинскими и белорусскими князьями и магнатами. Он был очень раздражен тем, что управление Великим княжеством Литовским было поручено Витовту, претендовал сам на Великое княжение и беспрестанно подымал поэтому восстания против Витовта. Белорусская и украинская аристократия — князья и бояре, изо всех сил помогали ему в надежде, что, сделавшись великим князем литовским, Свитригайло уравниет в правах православных с католиками. Но при всей его подвижности и энергии, Свитригайлу совершенно не везло ни в войне, ни в политике вообще. Несмотря на это украинские и белорусские князья и бояре всюду шли за ним, сражаясь в битвах за его дело, слагая головы на плахах, когда обнаруживались разные его тайные планы. Так, в 1409 году Свитригайло, находясь при дворе Витовта, завязал тайные сношения с его врагами — крестоносцами, но эти сношения были открыты, и Свитригайло был посажен в темницу, а двум князьям, через которых велись эти сношения с крестоносцами, были отрублены головы. Его сторонники сейчас же приложили все усилия к тому, чтобы освободить Свитригайла из заключения; нелегко это было, так как местопребывание Свитригайла было окружено глубокой тайной и его нарочно перевозили с места на место, чтобы место заключения не было открыто и его сторонники не освободили его. Но все-таки, когда его держали в Кременце, украинским князьям Дашку Острожскому и Александру Носу удалось узнать об этом, и они через своих людей, вступивших для этого на службу в Кременецкой крепости, вошли в сношения с Свитригайлом, в условленное время напали на замок, перебили гарни-

78. Волинська і Подільська в XV—XVI століттях

79. Свитригайло
(с гравюры XVI века)

зон и освободили Свитригайла. Затем, собрав с ним войско, напали на Луцк и захватили город, но когда Витовт двинул на них свои силы, принуждены были отступить и скрылись в Молдавии, а оттуда отправились к венгерскому королю Сигизмунду. Последний в этот момент тоже не мог оказать помощи Свитригайлу, — постарался только помирить его с Ягайлом, а затем и с Витовтом. Свитригайлу были предоставлены в удел черниговские земли, и он здесь оставался не-

сколько лет в ожидании какого-нибудь благоприятного случая, а вместе с ним ждала и вся «Русь» — украинские и белорусские князья и бояре.

И действительно, казалось, что пришло их время, когда в 1430 году умер их гонитель Витовт. Правда, Ягайло с поляками надеялись при этом положить конец самостоятельности Великого княжества Литовского и поставить Литву и Русь в непосредственную зависимость. Они пустили слух, что Витовт, умирая, отказал свои земли Ягайлу, но в Великом княжестве Литовском никто не хотел об этом и слышать, и там великим князем провозгласили Свитригайла: за него стояли не только украинцы и белоруссы, но и Литва, так как Свитригайло был известен как горячий сторонник самостоятельности Великого княжества Литовского. Ягайло должен был согласиться на избрание Свитригайла. Но вскоре отношения их так обострились, что казалось, унии наступал уже конец.

Хотя поляки рассчитывали по смерти Витовта присоединить к Польше все земли Великого княжества Литовского, но не будучи уверенными, что это им удастся, хотели отобрать от Великого княжества Литовского по крайней мере земли Галицко-Волынского государства, какие не удалось им завоевать в свое время при Казимире. На первом плане стояла Подольская земля, которую Ягайло даже присоединил было к Галиции, но за-

тем должен был возвратить Витовту. Было условлено, что поляки, получившие в Подольской земле поместья, при первом известии о смерти Витовта захватят немедленно Каменецкий замок и другие подольские крепости и передадут их Ягайловым людям. Так действительно и сделали: польские вельможи, присутствовавшие вместе с Ягайлом при смерти Витовта, сейчас же дали знать подольским заговорщикам, последние заманили к себе начальника каменецкого литовского гарнизона, не знавшего еще о смерти Витовта, схватили его и овладели Каменецким замком и другими подольскими городами.

Свитригайло, узнав об этом, пришел в ярость, упрекал Ягайла и польских панов за их вероломство и в конце концов заявил Ягайлу, что не выпустит его, пока не возвратят ему Подолии. Ягайло обещал сделать распоряжение о ее возвращении и с тем уехал, но польские паны не повиновались его распоряжению и подольских городов не возвратили. Тогда сторонники Свитригайла обложили Смотрич, захватили пограничные города, отторженные поляками от Волыни: Збараж, Кременец, Олеско; и так началась открытая война между Литвой и Польшей.

Овладев Подолией, поляки задумали воспользоваться этой войной, чтобы захватить и Волынь. Летом 1431 года Ягайло с большим польским войском перешел Буг, взял Владимир, затем приступил к Луцку и, отразив Свитригайла, осадил Луцкий замок. Однако в замке находился сильный гарнизон под предводительством Юрши, одного из наиболее выдающихся воевод Свитригайла. Поляки попробовали взять замок приступом, но это им не удалось, а Юрша попросил перемирия, поправил за это время укрепления и продолжал защищаться; не раз и позже повторял он эту уловку и тем облегчал свое положение. Осада затянулась надолго, а Свитригайло тем временем призвал на помощь своих союзников. Поляки, наконец, потеряли всякое терпение; они заключили со Свитригайлом перемирие на два года и отправились ни с чем восвояси. Но Свитригайло сделал большую ошибку, заключив перемирие, так как именно в это самое время его союзники крестоносцы напали на Польшу, и он мог тогда прочно обезопасить себя от поляков. Такого удобного случая ему уже не представилось болсе.

По перемирному договору захваченная поляками западная Подолия (Каменец, Смотрич, Баката, Скала, Червоногород) осталась за Польшей, а восточная — по реке Южному Бугу с городами Брацлавом и Винницею (так называемая потом Брацлав-

щина) — была оставлена за Свитригайлом. Такое соотношение осталось и позже: западная часть, носившая имя Подолии, принадлежала Польше, а Брацлавские земли - Великому княжеству Литовскому. Волынь осталась за Литвой с лишком на сто лет.

Но Свитригайла поляки не оставили в покое. Убедившись, что им не удастся подчинить его своим влияниям, они задумали избавиться от него. Они знали, что литовские магнаты, привыкшие при Витовте держать Русь в черном теле, недовольны Свитригайлом за то, что им приходится теперь делиться должностями и влиянием с украинскими и белорусскими князьями и панами. Рассчитывая на это нерасположение, краковский двор выслал своих людей на Литву, и те организовали среди литовских магнатов заговор против Свитригайла, обещая им всякую поддержку со стороны Польши. Решено было вместо Свитригайла провозгласить великим князем Жигимонта (Сигизмунда), брата Витовта, и замысел этот удался. Жигимонт напал ночью на Свитригайла и едва не захватил его самого — он еле спасся бегством в Полоцк. Вся Литва присоединилась к Жигимонту, но белорусские и украинские земли остались со Свитригайлом. Так расколосось Великое княжество Литовское.

Имея на своей стороне украинские и белорусские земли, Свитригайло пробовал бороться с Жигимонтом. Украинские и белорусские князья и бояре верно помогали ему. Напрасно Жигимонт старался привлечь их на свою сторону, обещая, что русские (украинцы и белоруссы) бояре будут и у него иметь права, равные с католиками: это все-таки не давало им полной равноправности, так как занимать должности могли только католики, и православные поэтому предпочитали держаться Свитригайла. Но борьба с Жигимонтом была неудачна. Наконец он собрал все силы и вместе с крестоносцами напал на Литву (1435), но и эта битва на реке Святой, около Вилькомира, окончилась полным разгромом войск Свитригайла: почти все войско крестоносцев было уничтожено, из войск Свитригайла одних князей попало в плен 42 человека, много было убито; Свитригайло сам едва спасся. Жигимонт немедленно двинул свое войско в белорусские земли, города которых один за другим сдавались ему. На стороне Свитригайла осталась только Украина. Он поселился на Волыни и вступил в переговоры с польскими магнатами Галиции, которые, захватив Подолию, стремились присоединить и Волынь. Свитригайло заключил с ними условие, обещая отдать полякам Волынь, если они отвлекут Ягайла от Жигимонта на сторону Свитригайла. Но советники Ягайла не

хотели разрывать с Жигимонтом и поддерживать Свитригайла. Галицкие магнаты на свою ответственность помогли Свитригайлу, прислали свое войско и своих наместников в волынские города, чтобы отстоять их от Жигимонта. Но тогда волынские бояре, опасаясь, что поляки действительно присоединят Волынь к Польше, не захотели дальше идти этим путем: сочли за лучшее сдаться Жигимонту и остаться в составе Великого княжества Литовского. Они послали к Жигимонту предложение принять Волынь под свою власть (осенью 1438 года), и Свитригайло остался без всего. Но ненадолго. Приверженцы Свитригайла скоро покончили с Жигимонтом: составили против него заговор и убили его в Вербное воскресенье 1440 года. Об этом ходило много рассказов, были и песни сложены о том, как «храбрые князья русские убили Жигимонта, князя литовского». К сожалению, мы только и знаем из всех песен одну эту строчку. В летописях сохранились некоторые подробности заговора. Все дело вели Иван и Александр Черторыйские, украинские князья из литовской династии, но поступали в этом случае, по словам летописца, «за волею всех панов и князей». Жигимонту ставили в вину его «сильные окрutenства» (бесчеловечные поступки) по отношению к своим подданным и в особенности к князьям, панам и шляхте, которых он якобы невинно подвергал казням и разным мукам, какие только мог придумать, и хотя те терпеливо все сносили, но он, не довольствуясь этим, хотел князей и панов совсем искоренить, а поднять простых людей; многих держал в темнице и нарочно созвал на сейм всех князей и панов, намереваясь перерезать их поголовно. Для того будто бы, чтобы избегнуть этой гибели, князья и составили заговор. Они вошли в соглашение с воеводой Троцкого замка, где жил Жигимонт, и провезли туда своих воинов, спрятанных в возы, нагруженные сеном для княжеской конюшни; подкупили его доверенного слугу киевлянина Скобейка, и тот впустил их в замок, а придя к дверям княжеской спальни, начали царапаться в дверь, зная, что Жигимонт держал прирученную медведицу, которая, просясь к нему, царапала дверь. Жигимонт впустил их, думая, что царапается медведица; тогда заговорщики бросились на него, и князь Черторыйский начал перечислять ему его вины, — что другим готовил, пусть теперь сам пьет; а Скобейко схватил большие железные щипцы, которыми мешали огонь в камине, и ударил ими Жигимонта по голове так, что кровь брызнула и залила стену. Жигимонт умер на месте, и долго затем показывали его кровь на стене.

Так повествуют летописцы, передавая различные рассказы, какими оправдывалось убийство Жигимонта в аристократических кругах Великого княжества Литовского. Очевидно, задумывая убийство Жигимонта, заговорщики рассчитывали посадить на его место Свитригайла. Как только разнеслись вести о смерти Жигимонта, Свитригайло снова вернулся на Волынь, в Луцк, и там был принят с большим почетом, как великий князь и государь. В своих грамотах он снова принимает титул великого князя и старается добиться его признания в польских кругах, но литовские магнаты не хотели признать Свитригайла, не желая делиться с украинской и белорусской Русью своими позициями и влияниями: они хотели все удержать в своих руках. Поэтому на место Жигимонта они избрали великим князем Казимира, младшего сына Ягайла, а Свитригайла оставили доживать век на Волыни, князем волынским.

48. Попытки восстаний с помощью Москвы

Оставив Волынь под властью Свитригайла и его приверженцев, украинских князей и панов, литовские магнаты, захватившие в свои руки управление Великого княжества Литовского именем малолетнего Казимира, оказали тем самым большую услугу украинскому элементу. самая обширная, сильная и наиболее панская, вся покрытая княжескими и панскими поместьями, замками и резиденциями, Волынь могла жить своей жизнью, под управлением «своего» князя. Но сверх того они сделали еще одну уступку: отдали Киевскую землю ее «отчичу», сыну изгнанного Витовтом князя Владимира Ольгердовича, по имени Александру или Олельку, как его называли. Это был очень покладистый князь, послушный литовским правителям; его сын Семен, унаследовавший после отца киевский престол (около 1454 года), был женат на дочери главы литовского правительства, воеводы Гаштовта, считался своим среди литовских панов, и когда заходила речь об отдельном великом князе после того как Казимир сделался королем польским, то Семен Олелькович считался первым кандидатом на великое княжение. Это давало иллюзию равноправия в том, что большая часть украинских земель стояла под управлением своих князей, родных им по национальности, и даже один из них считался кандидатом на великокняжеский престол.

Русь нужна была литовским правителям, так как отноше-

ния с Польшей были натянутые, сперва из-за Дорогичинской земли, которую хотели завладеть польские мазовецкие князья, а литовские правители этому воспротивились; затем произошла ссора из-за Волыни. Поляки в свое время не поддерживали Свитригайла, как он этого хотел, но все же рассчитывали на Волынь и надеялись, что после его смерти она непременно перейдет к ним. Между тем Свитригайло, будучи противником Польши, вовсе не рассчитывал передавать Волынь полякам и перед смертью предупредил литовское прави-

*80. Олелько Владимирович,
князь киевский*

тельство, чтобы оно заблаговременно приняло от него Волынь. Тогда князь Юрий пинский, Юрша и др. ввели свои войска в волынские земли еще при жизни Свитригайла и заняли ее от имени великого князя литовского (1451). Поляки были этим очень раздражены и резко упрекали Казимира, допустившего это присоединение; собирались даже воевать с Литвой, но Казимир кое-как успокоил их. Со временем, однако, это забылось, и отношения Литвы с Польшей выровнялись. Казимир не допустил до избрания отдельного великого князя — предоставил все управление литовским магнатам, временами только наезжая из Польши в Великое княжество. Литовские магнаты были довольны таким положением дел, фактически управляя Великим княжеством по своему усмотрению, и вместе с тем про черный день располагая поддержкой Польши. Не чувствуя над собой никакой опасности, они теперь уже не находили нужным считаться с украинскою и белорусскою аристократиею, хотели все править сами, не оставляя ничего этой последней. На Волынь посылали наместниками попеременно украинцев и литвинов, а когда умер Семен Олелькович киевский (1470), они не захотели отдать Киевского княжества кому-либо из его родственников.

81. Древний барельеф киевской Печерской лавры в память обновления ее «на старом основании» князем Семеном Олельковичем, «отчичем киевским»

Напрасно князь Семен перед смертью напоминал Казимиру свою верную службу — послал ему в дар свой лук и своего коня, на котором ездил на войну, и просил, чтобы тот был милостив к его семье за его службу. Напрасно и киевляне просили, чтобы им в князья дали младшего брата Семена — Михаила, бывшего тогда литовским наместником в Новгороде. Литовские правители решили не давать Киева Олельковичам, обратить его в простую провинцию и послать туда воеводой литвина Мартына Гаштовта. Казимир исполнил их желание, дал семье Семена Слуцкое княжество на Белоруси, а Киев отдал Гаштовту. Узнав об этом, киевляне заявили, что Гаштовта они ни в каком случае не примут, так как он не княжеского рода и к тому же католик; клялись или головы свои сложить или добыть себе князя и дважды не пускали и себе Гаштовта, когда он приехал к ним на воеводство. Умоляли Казимира, чтобы он им дал князя православной веры, а если это невозможно, то хоть бы и католика, но княжеского рода, — лучше всего в таком случае кого-нибудь из своих сыновей, из уважения к бывшей славе Киева. Но литовские магнаты упорствовали, послали с Гаштовтом войско, и киевляне должны были в конце концов сдаться, приняли Гаштовта и склонили головы перед литвином.

Этот факт произвел сильное впечатление на Украине и на Белой Руси. С горечью вспоминали, как Литва когда-то платила дань киевским князьям лыком и вениками по своей бедности, потому что ничего более ценного не имела, а теперь приходится покоряться ей во всем. Михаил Олелькович, бросивший Новгород для Киева при первом известии о смерти брата, — теперь, когда Киев ускользнул от него, начал организовывать заговор со своими родственниками и другими князьями, со своим шурином, молдавским воеводой Стефаном и двоюродным братом, великим князем московским Иваном. Вероятно, устраивая этот заговор против литовского правительства, князья рассчитывали провести на великое княжение своего человека, может быть, того же Михаила Олельковича, — ведь и брат его считался кандидатом в великие князья. Главную надежду возлагали они на московского князя, но как именно они представляли себе план восстания, мы не знаем.

Заговор был обнаружен в 1481 году. Одному из главных участников, князю Вольскому (двоюродному брату Михаила) удалось убежать в Московщину; пришлось бежать верхом, в одной сорочке; даже молодую жену не мог взять с собой: оставил ее сейчас же после свадьбы, и так ее и не выпустили к нему из Литвы. Михаила Олельковича и его родственника, князя Ивана Гольшанского, схватили и отрубили им головы. Их обвиняли в том, что они хотели убить великого князя Казимира.

Много ли других участников было в этом заговоре, мы не знаем. Но мысль искать помощи у Москвы против Литвы, против того унижительного положения, в какое она поставила украинских и белорусских князей и панов, не угасает в этих кругах. Если литвины, опираясь на католическую Польшу, теснили православных, то православным естественно было мечтать опереться на православную Молдавию и в особенности на Москву, издавна конкурировавшую с Литвой в собирании земель старого Киевского государства. Великие князья литовские хотели «всю Русь» подчинить себе, великие князья московские — собрать в своих руках. И пока князья литовские покровительствовали старорусской культуре, местной белорусской и украинской жизни и принаравливались к ней, — до тех пор белорусские и украинские земли сами тяготели к ним, и им действительно можно было думать о том, чтобы собрать в своих руках «всю Русь», как выражался великий князь Ольгерд: великие князья литовские чувствовали себя сильнее Москвы. Но когда Литва начала теснить украинско-белорусские элементы и они стали тяготеть к Москве, это сейчас же подняло дух

московского правительства, и литовские правители почувствовали его перевес, хотя и не хотели менять из-за этого своей политики — в своих интересах.

Новое соотношение сил дало себя почувствовать в особенности на пограничных между Литвой и Москвой черниговских землях. Как мы знаем уже, в северной части старой Черниговской земли было много маленьких княжеств, вроде больших панских поместий. Они принадлежали князьям из старой черниговской династии. В свое время эти князья добровольно подчинились Литве, удержав за собой право свободного «отъезда» — перехода в подданство другому государству. Когда обозначился новый курс внутренней политики Великого княжества Литовского, в 1470-х и еще более в 1480-х годах, эти княжества начинают переходить в московское подданство. Встревоженное этим симптомом литовское правительство, вопреки договору, начало препятствовать таким переходам. Московское правительство из-за этого начало войну и выслало войска. Пограничные земли охотно принимали их, и великий князь московский, учитывая это тяготение к Москве, начал титуловать себя в своих грамотах, адресованных литовскому правительству, «государем всея Руси». Новый великий князь литовский Александр, чтобы положить конец опасному инциденту, посватал дочь великого князя московского и заключил с ним мир, уступив ему перешедших князей с тем, чтобы впредь их с волостями не принимать: кто хочет, может перейти на службу другому государю лично, но поместья его остаются за прежним (1494). Однако женитьба Александра на московской княжне не поправила дела, наоборот — дала повод к новым пререканиям, вследствие различия религии: как раз в это время великий князь Александр, поставив митрополитом владыку Иосифа, человека податливого, замышлял унию своих православных подданных с католической церковью; на этой почве возникли разные вопросы относительно супруги великого князя — как быть с ее православным исповеданием. И вот среди слухов о том, что православных в Литве принуждают к латинству, пограничные князья с 1500 года снова начинают переходить под власть Москвы. Как причину выставляют притеснения их религии — их силой принуждают к латинству; московское правительство тогда заявляет, что, принимая во внимание такой святой мотив, оно не считает возможным придерживаться договора 1494 года и будет принимать всех переходящих с их землями. В Литве жаловались, что московское правительство само побудило к этому князей, и во всяком случае очень вероятно,

что оно внушило им мысль сослаться на притеснения в вере, как на мотив, ввиду которого теряет силу всякий договор. Так или иначе, но лишь только Москва начала принимать князей с их землями, они снова двинулись массой в черниговских землях — не только мелкие, а и более крупные владельцы: князь Семен можайский перешел под власть московского государя с Черниговом, Стародубом и с прочими волостями, князь Василий Шемячич с Новгородом-Северским и Рыльском с волостями и др. Вся Черниговская земля переходила под власть Москвы. Великий князь московский решил ковать железо пока горячо, объявил Литве войну на защиту православной веры и заявил, что будет «стоять за христианство, сколько Бог поможет». Высланные им войска довершили присоединение Северной земли к Московскому государству, а великий князь московский начал уже поговаривать о прочих «русских землях», находившихся еще под властью Литвы. Литовское правительство поспешно прекратило свои начинания относительно унии православных с Римом и поскорее заключило перемирие, оставив Северскую землю за Москвой, в надежде возвратить ее потом себе, но не туда оно шло!

Через несколько лет вспыхнуло новое восстание среди украинского княжья и бояр. Поднял его князь Михаил Глинский. Его род имел поместья в тогдашней Киевской земле, в теперешней Полтавской губернии (от г. Глинска на Ворскле пошло и имя этого рода); род этот, однако, ничем не выделялся, пока упомянутый князь Михаил не придал ему славы и значения. Это был человек больших способностей, смелый, энергичный, умевший влиять на людей и руководить ими. В молодости он был в Западной Европе, жил долго при дворе императора Максимилиана, затем служил у саксонского курфюрста Альбрехта и с его войсками участвовал в разных походах, побывал во Фризии (теперешней Голландии), в Италии и Испании и, приобрев таким образом славу знатока военного дела и вообще образованного европейца, в последних годах XV в. явился ко двору великого князя литовского Александра, понравился ему и вскоре сделался у него самым близким человеком. Своим влиянием он пользовался, чтобы доставить выдающиеся позиции своим братьям и родственникам, украинским князьям и панам. Это было очень неприятно литовским магнатам, но последние не могли ничего поделать, так как, выступая против Глинского, попадали в немилость у великого князя Александра. Один брат Глинского получил Киевское воеводство, другой сделался наместником (старостю) Берестейского; и другие родственники Глинского

получали должности и поместья — все то, от чего уже давно отвыкла украинская и белорусская аристократия в Великом княжестве Литовском.

Но неожиданно Александр заболел и умер в 1505 году, еще довольно молодым. Литовские магнаты избрали великим князем его младшего брата Жигимонта (Сигизмунда) и прежде всего постарались вооружить его против Глинского, обвиняя его в том, что он ускорил смерть Александра, что он сам хочет быть великим князем и т.п. Все это была бьющая в глаза ложь, но Жигимонт делал вид, что верит этому, и начал отбирать разные должности у Глинского и его родственников. Напрасно Глинский хотел оправдаться, добивался суда — он убедился, что Жигимонта восстановили против него, и решил поднять восстание. Выехав в свои туровские поместья, он начал организовывать заговор среди бояр и князей, подымать население, стращая, что их будут крестить силой в католичество, а если не захотят — казнят смертью; вошел в переговоры с великим князем московским и его союзником, крымским ханом, уговаривая их напасть на Литву в то время, как он поднимет восстание в самом Великом княжестве Литовском. Что именно он имел при этом в виду, в точности неизвестно, так как с его стороны объяснений не имеем и знаем только слухи, ходившие среди его врагов. Вероятнее всего, что заговорщики замыслили при помощи Москвы и Крымской орды отторгнуть украинские земли, по крайней мере восточные, и образовать из них отдельное княжество под верховной властью великого князя московского. И действительно, если бы Москва и Крым энергично поддерживали Глинского, ему легко могло бы это удасться; но эти союзники, хотя и неприязненные Литве, не оценили этого момента достаточным образом. Хан вовсе не двинулся. Великий князь московский выслал войско осенью 1507 года, и Глинский, полагаясь на это, поднял восстание; но московское войско вскоре отступило обратно за границу, и позже на помощь Глинскому пришел только небольшой московский полк, а главные свои силы Москва выслала не на Украину, где подымал восстание Глинский, а на далекую Белоруссию. Ввиду этого местное боярство притихло и не отважилось пристать к Глинскому; народ и не шевельнулся: как и во времена Свитригайловых восстаний, он смотрел на все это как на дело помещиков, — к его интересам подойти они не сумели. Только соседний Мозырь поддался Глинскому: население встретило его с духовенством во главе как своего государя; другие города — Слуцк, Овруч, Житомир — не поддавались; Глинский мог только производить

набеги, разорять поместья своих врагов, опустошать земли великого князя литовского. А когда из Польши двинулся Жигимонт с польским войском и литовское войско под началом гетмана литовского князя Константина Острожского также присоединилось к нему, — Глинский не решился выступить против этих сил, отступил со своими приверженцами за границу под защиту московского войска и искал приюта в Москве вместе со своими сторонниками.

Этим и окончилось восстание. Великому князю литовскому Глинский отплатил затем в новой войне — Москва завоевала Смоленск от Литвы. Но положение Украины от этого не улучшилось.

49. Попытки восстаний в Галиции и начало национального движения

В то время как Восточная Украина, в лице местной аристократии, искала опоры в Москве, Западная Украина — в особенности Галиция — ищет избавления от своей тяжелой участи соседней Молдавии, близкой по вере и славянской культуре. Молдавское княжество, организовавшееся в середине XIV в., достигает в это время большой силы и значения под властью своего государя Стефана Великого (1457—1504), сумевшего не только расширить свои владения, но и создать себе прочное и самостоятельное положение, отразив турецкие нападения — самого грозного султана Магомета. Румыны Молдавии находились под влиянием болгарской культуры, близкой украинцам; книжность, просвещение, искусство были общие, поэтому Подолье и Галиция, в особенности юго-восточная часть последней (земля Галицкая), поддерживали тесные связи с Молдавией и в трудные минуты искали там помощи и опоры. В конце XV и в начале XVI в. мы видим здесь политические движения, рассчитанные на помощь Молдавии. Молдавские господа, владея украинскими землями по реке Пруту (теперешняя Буковина), стремились захватить соседнее галицкое Покутье, пробовали оторвать его от Польши, и в связи с этим мы видим в южной Галиции среди украинского населения тяготение в сторону Молдавии, подобно тому как в Восточной Украине проявлялось тяготение в московскую сторону. Недаром долго пели в Галиции и в соседних краях песни о воеводе Стефане — напр., в старой песне, напечатанной в чешской грамматике в 1571 году, так что она является старейшей изданной украинской песней:

Дунаю, Дунаю, чом смутен течеш?
Ой як мні, Дунаю, не смутво текти?
На верху Дунаю три роти стоять:
В турецкій ми роті шаблями ширмують,
В татарській ми роті стрілками стріляють,
В волоській ми роті Стефан воєвода¹.

Наиболее известное движение произошло здесь в 1490 году, под предводительством Мухи. Судя по всему, движение было действительно серьезное, только, к сожалению, подробности его очень мало нам известны. Современники рассказывают, что «какой-то Муха из Молдавии» взбунтовал Покутье, поднял крестьян, так что имел с собой девять тысяч вооруженного войска из тамошних крестьян, и с ними разорял поместья польской шляхты. Не только крестьяне присоединялись к нему, а и местная украинская шляхта, как это видно из одного сохранившегося документа, где упоминаются поместья, конфискованные правительством у украинских шляхтичей за участие в восстании Мухи. Он овладел всей юго-восточной Галицией до самого Галича и двинулся за Днестр на Рогатин. Польская шляхта была в большом переполохе, король созвал поголовное ополчение, просил помощи у прусских крестоносцев. Но местной польской шляхте совсем неожиданно, «больше божьей помощью, чем человеческой», как выражается один современный бискуп, удалось внезапным нападением захватить войско Мухи, когда он переходил Днестр; в его войске произошло смятение, оно начало разбегаться, одни топили других в Днестре, и вышел такой переполох, что и сам Муха бросился бежать. Один позднейший писатель рассказывает, что после этой неудачи Муха готовился к новому восстанию, но поляки схватили его: подкупили женщину, у которой он бывал, и она выдала им его.

Есть еще глухое известие о каком-то претенденте на украинские земли, высланном воеводою Стефаном: этот претендент будто бы называл себя законным государем Руси и пытался поднять восстание в Галиции, чтобы при помощи султана освободить ее от Польши, но поляки схватили его. Позже, из первых годов XVI в., мы случайно узнаем, что во время похода молдавского воеводы Богдана на Галицию в 1509 году много украинской шляхты в Галиции присоединилось к нему, как прежде к Мухе; они удалились затем вместе с молдавским войс-

---

¹ Стефан вместе с турками и татарами производил набеги на Галицию, стараясь завладеть Покутьем.

ком в Молдавию, когда этот поход не удался, а поместья их были конфискованы. Эти случайно сохранившиеся известия ясно показывают, что здесь, в Галиции, также была, говоря современным термином, украинская ирредента, стремившаяся освободиться от польского владычества при помощи близкой по вере и культуре Молдавии. Но эти попытки не удались, так как Молдавия была слишком слаба, чтобы поддержать украинский элемент Галиции, а этот последний был здесь еще гораздо более задавлен, чем в Великом княжестве Литовском. В этом украинское общество должно было убедиться очень скоро, и поэтому, вслед за неудачными попытками освобождения от Польши при помощи Молдавии, мы замечаем в Галиции первые вполне определенные проявления организации народных сил для ограждения своих прав и для создания новых основ национальной жизни.

Условия украинской жизни были здесь действительно чрезвычайно тяжелы, не было даже такой украинской аристократии, как на Волыни или в Киевской земле, у которой украинская культурная жизнь могла бы найти поддержку и покровительство. Могущественное украинское боярство Галиции исчезло в XIV—XV веках, или утратив свои поместья в польских конфискациях, или смешавшись с польской шляхтой и приняв католичество, а затем и ополячившись (в особенности поводом к этому служили смешанные браки с католичками: случалось, что жениху ставилось условием, что он еще до свадьбы должен перейти в католичество). Православным были закрыты все пути; даже православной присяги в судах часто не хотели принимать; неудивительно, что много православных в конце концов махнуло рукой на все национальные традиции и приняло католичество «для лакомства несчастного», говоря словами позднейшей думы. Уцелела только мелкая шляхта, бедная и темная, не имевшая ни влияния, ни голоса в политических вопросах, притом неорганизованная. Православная церковь, эта единственная в то время представительница украинской национальной жизни, единственная форма национальной организации, была совершенно задавлена. С половины XV в. галицкая митрополия оставалась вакантной, и король отдал ее в заведование галицкому старосте, а заведование духовными православными делами присвоил себе львовский католический архиепископ и назначал от себя для управления ими своих наместников. Сопrotивление православного духовенства подавлялось грубою силою; десятки лет потом в Галиции вспоминали, как православных клириков водили «на поворозах» с Клироса

(митрополичьей резиденции) и велели им идти вброд через Днестр — угрожая потопить их, если будут продолжать сопротивляться.

Ввиду забот о возобновлении православной иерархии прежде всего проявляются стремления галицкого общества к национальному возрождению после того, как рассеялись надежды на заграничную помощь. Стремления эти становятся заметными с началом 1520-х годов, а начались, вероятно, гораздо раньше, и много лет прошло, пока православным Галиции удалось добиться от правительства позволения, чтобы киевский митрополит посвятил епископа для галицкой епархии. Невероятными кажутся теперь документальные повествования о тех путях, какими должны были добиваться этого позволения галичане: приходилось искать покровительства у разных лиц, имевших влияние на королевский двор, оплачивать все щедрыми подарками, платить даже самому королю и королеве. За привилегию на епископство галичане должны были обещать королеве Боне двести волов, за отмену прав львовского архиепископа раздали они сто десять волов — королю, королеве и разным панам; затем пришлось раздать еще сто сорок волов, пока король выдал новому епископу подтвердительную грамоту, и т.д.

Главным образом хлопотали об этом украинские мещане Львова. В то же время они добивались отмены различных ограничений, тяготевших на них: их не только не допускали к городским должностям, но и не принимали в ремесленные цехи, не позволяли заниматься продажей горячих напитков, торговать материями; им нельзя было иметь домов за пределами маленького русского квартала (где теперь «улица Руська» с соседними переулками); вне этого квартала им не разрешали церковных процессий, похорон с церковной церемонией... Даже православной присяги не принимали в судебных делах.

Львовская Русь добивалась отмены всех этих запрещений через разных влиятельных магнатов — между прочим, через известного волынского магната Константина Ивановича Острожского, гетмана литовского (пользовавшегося большим уважением при королевском дворе за свои военные заслуги и даже, «не в пример прочим», получившего воеводство Троцкое, одну из важнейших должностей в княжестве Литовском). Не жалели подарков и взяток. Но все-таки добились немногого, и в старой столице Галиции украинцы и позже оставались «иностранцами», пользовавшимися кое-какими правами только в своем квартале. Однако они не падали духом. Важно было пока уже то, что все-таки, несмотря на все препятствия, они добились

ности принимать сколько-нибудь деятельное участие в каком бы то ни было, даже культурном движении). Львовские братства, а в особенности братство Успенское, делаютя центром этого нового движения. Ими интересуются и покровители галицкой Руси, воеводы молдавские: они присылают вклады и различные подарки братской церкви и всевозможные припасы на братские пиры братчикам, «своим друзьям», как их называют: деньги на пиво и мед, а баранов в натуре. Из Львова такие братства распространяются в соседних местностях, служа основой национального объединения и организации. Настоящего содержания для этих кружков еще не выработалось, но форма была уже готова, а последующее время принесло и соответственное содержание.

50. Начало козачества

В то время как князья и магнаты Восточной Украины, проиграв восстание, притихли и искали милости литовского правительства, довольные тем, что у них еще осталось, а в Западной Украине после неудачных молдавских выступлений население принялось за организационную работу, — на крайнем пограничье тогдашней украинской жизни подымалась новая сила. О ее значении нельзя было судить по ее первым выступлениям, и, вероятно, никто не угадывал в ней национальную силу, которой предстояло взять на себя осуществление всего того, чего не умели добиться ни украинские князья и магнаты, которые не были в состоянии повести за собой народные массы, ни украинское мещанство Западной Украины, бессильное сломить узы польского шляхетского господства. Трудно было ожидать такого серьезного дела от несерьезного пограничного добычничества — козакванья или козачества, как его тогда называли, каким проявляла себя на первых порах эта новая сила.

Почву и условия для этого как бы нового, но в действительности старого, только возродившегося при новых условиях бытового явления подготовило очень печальное для украинской жизни событие, — новое татарское опустошение Восточной Украины Крымской ордой, постигшее ее в конце XV в.

Я уже упоминал, что татарская орда Батгя очень недолго сохраняла свою сплоченность и единство: уже в конце XIII в., а затем еще более в XIV в. она расползается, и представители ханского рода и разные вожди, беки, начинают междоусобия, поддерживая то одного, то другого претендента на ханство.

Вследствие этих все усиливающихся междоусобий главная татарская орда, так называемая Золотая, кочевавшая на Волге, в XV в. совершенно ослабела, и западные орды, кочевавшие в Крыму и на низовьях Днепра и Днестра, обособились и образовали отдельную орду, ханы которой основались в Крыму. Окончательно обособил ее хан Хаджи-гирей, начиная с 1430-х годов. Решительно разрывая с Золотой ордой, он искал опоры и помощи соседнего великого князя литовского, но литовское правительство, занятое своими делами, не сумело по достоинству оценить этот момент и не поддержало Крымскую орду сколько-нибудь энергично, даже не прекратило своего союза с ее врагами, ханами Золотой орды. Поэтому сын Хаджи-гирея Менгли-гирей искал других союзников — отдался под владычество турецкого султана и вошел в тесный союз с Москвой. А Москва, соперничавшая с великим князем литовским, начала подстрекать Менгли-гирея к нападениям на литовские и польские земли, посылала ему с этой целью богатые подарки, и под ее влиянием Менгли-гирей действительно начинает опустошать украинские земли, принадлежащие великому князю литовскому и Польше. Великое княжество Литовское, занятое войной с Москвой и ослабленное внутренним расколом, не могло и не умело энергично противостоять этим новым татарским нападениям. Местные украинские князья и магнаты защищались, как могли, но, не получая почти никакой помощи от правительства, не смогли дать надлежащего отпора татарским набегам. Весной 1482 года Менгли-гирей под влиянием подарков и просьб московского великого князя Ивана, побуждавшего его к нападениям на Подолию или на Киев, отправился походом в Киевскую землю, осадил и добыл Киев, сжег Киевский замок, разорил окрестности Киева и с триумфом послал Ивану золотую чашу и дискос из св. Софии киевской. После этого он несколько лет опустошал Подолию, а польский король неудачным походом на Буковину поднял еще и турок: татары, турки и молдаване вместе опустошали Подолию и Галицию. Татары производили набеги также на Заднепровье, но московское правительство, имея в виду завладеть северскими землями, просило их воздержаться от этих набегов. Поэтому, опустошив Киевскую землю, Менгли-гирей принимается за Волынь, опустошает также белорусские земли. Случалось, что татар при этих нападениях громили, — так, прославились победами над ними Михаил Глинский и еще более Константин Острожский; но чаще всего орда беспрепятственно опустошала земли и безнаказанно увозила добычу. Вся Украина, самый воздух ее напол-

нились невольничьим плачем, еще и теперь, по прошествии
стольких веков, звенящим и плачущим в украинских песнях:

Коли турки воювали
Білу челядь забирали,
І в нашої попадоньки
Взяли вони три дівоньки.
Єдну взяли попри коні.
Попрі коні при ремені,
Другу взяли попри возі,
Попри возі на мотузі.
Третю взяли в чорні мажі...
Що ю взяли попри коні,
Попри коні на ремені —
То та плаче: «Ой Боже ж мій!
Косо моя жовтенькая!
Не мати тя росчісує,
Візник бичем розтріпує!»
Що ю взяли попри возі,
Попри возі на мотузі,
То та кричить: «Ой Боже ж мій,
Ніжки мої біленькіі!
Не мати вас умиває,
Пісок пальці роз'їдає,
Кривця пучки заливає!»
Що ю взяли в чорні мажі,
То та кричить: «Ой Боже ж мій.
Очка мої чорненькіі,
Стільки країв проходили,
А білий світ не виділи!»...

Население чувствовало себя вполне незащищенным. Литовское правительство, вместо того чтобы позаботиться о защите, предпочитало откупаться подарками, согласно было даже платить хану от каждого человека ежегодную дань, чего не было здесь и при татарском владычестве; уговаривало татар опустошать московские земли вместо литовских и в конце концов добилось только того, что орда одинаково начала опустошать и московские земли и литовские. Киевские земли по обе стороны Днепра почти совсем опустели от этих нападений. На Полесье, около Овруча и Чернобыля, были еще села, но начиная от Киева далее на юг держались только некоторые замки, и население, какое еще не убежало отсюда подалее на север и запад, в более безопасные края, жило только при этих замках и отсюда выходило на охоту или сельскохозяйственные работы. Запустение

84. Киевские развалины: Десятинная церковь

было горше, нежели во времена Батыя, условия жизни несравненно тяжелее.

Зажурилась Україна, що ніде прожити —
Витоптала орда кіньми маленькі діти.
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана пігнала.

Поднепровье обратилось в пустыню. Одичало и заросло в течение нескольких десятков лет, как какая-нибудь дикая страна.

Но именно эти роскошные, дикие пустыни, этот край крещеного мира, потому и получивший специальное название Украины, привлекал к себе население своим диким привольем — тем, что здесь не было ни хозяина, ни пана. В записках XVI в. находим много рассказов, часто прикрашенных, о приволье и богатстве дикой, запущенной украинской природы. Земля, говорили, дает там невероятные урожаи, возвращает посевы до ста раз; каждый год сеять нет нужды: если посеять раз — уродит и на другой год, и даст в один год второй и третий урожай; если оставить плуг на поле, то в два-три дня он так обрастет, что его трудно найти. Трава на пастбищах так высока, что пасущихся волов едва видно в ней; иногда из травы не видно и рогов. Пчел такое

множество, что они носят мед не только в дупла деревьев, а и в ямы, и не раз случается провалиться в такой медовый колодезь. Реки переполнены рыбой; осетров и другой рыбы идет с моря в реки неслыханное множество, так что во время этого движения рыбы можно копье воткнуть в воду — будет торчать, как в земле, в сплошной массе рыбы. Зверя в лесах и степях такая масса, что диких быков, коней и оленей убивают только для шкуры, а мясо выбрасывают. Диких коз столько набегает из степей в леса на зиму, что их можно убивать тысячами. Птиц тоже невероятное количество — весной мальчишки набирают полные лодки яиц диких уток, гусей, журавлей, лебедей. И так далее...

В этих рассказах многое преувеличено. Но они дают нам понятие об этом киевском приволье и о ходивших о нем слухах. И оно привлекало к себе людей смелых и отважных, не боявшихся идти в дикие степи, навстречу татарину, готовых выдерживать безустанную борьбу с ним, лишь бы пользоваться богатствами и привольем этой беспанской земли. Из киевского Полесья и из более удаленных краев — из Волыни, из Белоруссии — каждую весну множество людей двигалось на Киев и расходилось на здешних «уходах», занимаясь ловлей рыбы, зверя, пасечничеством. Они собирались в артели — «ватаги», выбирали атамана, заготавливали оружие и нужные припасы и ранней весной отправлялись в степные «уходы», чтобы хозяйничать там до поздней осени, а затем с запасами меда, рыбы, шкур, лошадей и скота возвращались «на волость». Но на волости их ожидала старостинская администрация и за право пользоваться уходами отбирала львиную долю добычи «на замок». Поэтому более смелые не возвращались на зиму в замки, а зимовали в степях. Другие оставались зимовать при поднепровских замках, иные возвращались домой. Для одних, побывавших раз, другой в степи за добычей, это было средством поправить свое хозяйство; другие втягивались в это уходничество, оно делалось для них обычным средством к существованию, и они оставались поближе к своим уходам, при каком-нибудь замке или в самых степях.

Это называлось козачеством, а промышляющие им — козаками. Официально это означало промыслы в степных уходах, рыболовство, охоту и пчеловодство. Но из этой официальной сферы оно скоро переходило в неофициальную, называвшуюся «лупленем чабанів татарських» или турецких. Остерегаясь татар в степях, ежеминутно готовые к защите от их нападений, эти степные промышленники не упускали также случая поживиться на счет татар, если чувствовали перевес на своей стороне:

разгромить татарскую ватагу, застигнув ее где-нибудь в удобном месте, отбить татарский табун или стадо овец, или разграбить караван турецких или армянских купцов, какого-нибудь московского или литовского гонца, посланного «с подарками» хану, а то и городок турецкий или татарский. Отсюда и ведет свое начало название козака: слово козак широко распространено у народов турецкого корня; оно употреблялось еще у половцев и до сих пор употребляется у турецко-татарских народов и означает бродягу, промышляющего войной и разбоем. Прилагалось оно к степным татарским бродягам, перешло и к нашим украинским.

Название было ново в применении к украинским степнякам: они называются козаками в наших источниках только с конца XV в., но самое явление — это степное добычничество на степном пограничье — очень давнее. Это те же старые анты, ходившие с болгарами и аvaraми в походы на византийские земли. Это те бродники, скитавшиеся в подонских и поднепровских степях в половецкие времена, «берладники» и «вигонцы галицкие», кочевавшие над Днестром и Дунаем в XII—XIII веках, занимаясь рыболовством, а при случае и войной. Это те «храбрые кметы», пограничники, прославленные «Словом о полку Игореве», где Всеволод, князь курский, хвалит свою дружину, под трубами повитую, под шеломами взрощенную, с конца копьа вскормленную, рыщущую словно серые волки по степи, ища себе чести, князю славы.

Старое явление получает только новое название, но в новых условиях — благодаря тому, что такие огромные пространства вышли из нормальных общественных и политических рамок жизни, из-под надзора администрации, из боярского и панского владения — оно могло развиваться шире и сильнее, чем когда бы то ни было прежде.

51. Козачество и козацкие походы в первой половине XVI века

О козаках в черноморских степях мы слышим уже в XIV и XV веках, но это козаки татарские или неопределенной народности. Такие известия, где говорится несомненно об украинских козаках, мы имеем только с 1490 года. В 1492 году крымский хан жалуется, что киевляне и черкасцы разгромили татарский корабль под Тягиней, и великий князь литовский Александр обещает поискать виновных среди козаков Украи-

ны. В следующем году князь Богдан Глинский, черкасский староста, разгромил турецкую крепость Очаков, и хан называет этих людей козаками. В уставной грамоте Киеву, выданной в 1499 году, упоминаются козаки, отправляющиеся из верхних городов в степи за рыбой и затем возвращающиеся оттуда через Черкасы и Киев с запасами свежей, вяленой и соленой рыбы. Итак, мы видим козаков в разнообразных занятиях: в качестве степных промышленников, самовольных добычников и в качестве дружины пограничного старосты, отправляющегося с ними громить турецкий город. В таких ролях выступают они и по другим известиям начала XVI века.

*85. Князь Константин
Иванович Острожский, гетман
Великого кн. Литовского*

Но вообще вначале козаки упоминаются редко. Это происходит оттого, что козачество было тогда только занятием, а не каким-нибудь особым классом людей. Идут в козачество мещане, крестьяне, старостинские слуги, бояре и шляхтичи. Но еще очень мало было людей, которые совсем отдавались бы козачеству, которые были бы только козаками, а не чем-нибудь другим. По Днепровскому пути от Киева на юг, где оседало козачество, населения в то время было очень мало.

В позднейших преданиях с козачеством ближайшим образом связывают имена некоторых пограничных старост и наместников, как его творцов, вождей и организаторов — в особенности Остафия Дашковича, бывшего наместником каневским и черкасским с 1510-х годов и до самой смерти (1535), и Предслава Лянцкоронского, в то же время занимавшего староство Хмельницкое на Подолии. Они попали затем в реестр гетманов козацких, в качестве первых гетманов, но в действительности были только пограничными старостами, пользовавшимися в своих походах в степи на татар и на турецкие города услугами местного козачества, т.е. людей, занимавшихся пограничной войной с та-

тарами и турками; такая мелкая, партизанская война и обозначалась именем «козацтва». Ею занимались почти все пограничные старосты, начиная вышеупомянутым Богданом Глинским, а также различные пограничные магнаты из украинцев и даже из поляков (помещиков подольских), под главным предводительством наибольшего мастера этой пограничной борьбы князя Константина Острожского. Настоящими козацкими предводителями они не были и нередко даже сильно давали себя чувствовать козачеству, облагая козаковавших большими поборами за право ходить в степные уходы, отнимая от них добычу и пр. Но о них в источниках того времени все-таки больше известий, чем о настоящих козацких вождях, о которых встречаем только случайные упоминания как о предводителях смелых походов на татарские улусы, на турецкие города, как, напр., Карпо Масло из Черкасс, Яцко Билоус из Переяслава, Андрушко из Брацлава и Лесун, упоминаемые в известиях 1540-х годов. Современные летописцы не интересовались их действиями, и погром Очакова Карпом и его товарищами даже не упомянут у них. Между тем, поход Лянцкоронского на Очаков, походы Дашковича на татар приобрели громкую известность, и поэтому позднейшие историки козачества сочли их первыми козацкими выступлениями, хотя современники, рассказывая о них, даже не называют их козаками — это имя лишь позже было приложено к этим походам и их вождям.

Настоящее козачество — это были не пограничные старосты, не молодые паньчи из аристократических домов, для моды и репутации или просто для развлечения принимавшие участие в «козацких» походах в степи на татарские улусы. Настоящие кадры козачества составлял убогий пограничный украинский люд, отважно промышлявший и все более превращавший этот промысел в свое постоянное ремесло. Он старался всячески освободиться от стеснительной власти пограничных старост и их заместителей, всевластно правивших поднепровскими и побужскими замками. Здесь ему было стеснительно и тяжело; восстания, подымавшиеся против старостинских притеснений, оканчивались обыкновенно неудачей, так как мало еще было тут военного козачьего элемента. Не имея возможности свободно организоваться в пограничных городах, или, как тогда называли, «на волости», это свободное козачество чем дальше, тем глубже зарывалось в степях и устраивалось в них, создавая там свои козацкие гнезда. В 1550-х годах старосты уже жаловались на уменьшение доходов от уходов, так как козаки поселяются в степях на постоянное жительство и живут там непрерывно, «на мясе,

на рыбе, на меду из пасек, и сытят там себе мед как дома» (не платя ничего старостам). Правда, тяжела и горька была эта степная жизнь, не раз приходилось терпеть голод, погибать от холода или пробиваться из степей к ближайшему замку, отдаваясь в руки старостинским слугам. Не раз пропадали бесследно эти козаки в степях, неожиданно застигнутые татарским нападением, захваченные в плен или убитые, как поется в песне:

Ой три літа, три неділі,
Як козака в лісі вбили,
Під явором зелененьким
Лежить козак молоденький —
На нім тіло почорніло,
А від вітру струпішіло.
Над ним коник зажурився
По коліна в землю вбився...
«Не стій, коню, наді мною,
Вже я виджу щирість твою!
Біжи, коню, дорогою,
Чорним лісом, стеженькою!
Вийде к тобі моя мати,
Буде за мене питати:
«А де, коню, син мій дівся,
Чи в Дунаю не втопився», —
Ой знай, коню, що казати,
Скажеш, коню, не втопився,
Але, мати, оженився:
Ой взяв собі паняночку,
Серед поля земляночку,
А на личку румяная,
На ній сукня зелена».

Или в известной песне о смерти безродного козака:

Понад сагою Дніпровою
Молодий козак обід обідає,
Не думає, не гадає,
Що на його молодого,
Ще й на джуру малого,
Біда настає...
То не верби луговії зашуміли,
Як безбожніі ушкали¹ налетіли,
Хведора безрідного,
Отамана курінного,
Постріляли, порубали,

---

¹ Турецкие добычники.

Тільки джури не піймали.
То малий чура до козака прибуває,
Рани йому глибокі промиває.
То козак йому промовляє:
«Джуро мій, джуро,
Вірний слуго!
Піди ти степом
Понад Дніпром,
Послухай ти, джуро — чи то гуси кричать,
Чи лебеді ячать.
Чи ушкали гудуть,
Чи, може, козаки Дніпром ідуть?
Коли гуси кричать, або лебеді ячать — то зжени,
Коли ушкали гудуть — то зхорони,
Коли ж козаки йдуть, то об'яви —
Нехай вони човни до берега привертають,
Мене, Хведора безрідного, навішають».

52. Начало Сечи

В таких суровых условиях не могло развиваться панское козачество, а только простонародное — из того народа, которого «на волости» так угнетала панская неволя и старостинская власть, что он готов был претерпеть всю эту степную беду — лишь бы жить на свободе. Оно держалось в степях и все прочнее основывалось в них. Козаки ставили себе для безопасности от татар «городки» и засеки, или «сичи», в подходящих местах, соединялись в более значительные отряды, превращались в большой козацкий союз, господствовавший над всем так называемым «Низом Днепровским», а центром его делается Запорожье, побережье Днепра ниже порогов, удобное тем, что вследствие своей отдаленности было совершенно недоступно литовским и польским властям, а с другой стороны, благодаря непроходным плавням, бездонным трясинам и массам камышу, оно было вполне обеспечено и с моря от турецких галер.

В 1550-х годах один из украинских князей, Дмитрий Вишневецкий, участвуя в козацких предприятиях, делает первую серьезную попытку к созданию постоянного укрепления на Запорожье, которое бы служило прочной точкой опоры для всего козачества, и стремится создать из этого последнего политическую силу, с которой бы считались соседние державы и правительства. Начав в 1540-х годах с обычного панского козакованья, как другие пограничные шляхтичи, он и позже не оставлял своих связей с козачеством, как это делали другие — чтобы занять-

ся панскими занятиями. Наоборот, ближе разобравшись в украинских делах, он решил связать свою судьбу с Низом и его козачеством. Прежде всего он задумал построить за порогами крепость, которая бы служила опорой против татар и помогла бы козачеству овладеть вполне Днепровским Низом, изгнав оттуда татар и турок. Мысль о сооружении такой крепости на Низу не раз высказывалась уже и раньше. Еще в 1520-х годах украинские старосты и наместники советовали правительству взять на свою службу козаков и поставить козацкий гарнизон на Низу против татар: но тогда не нашлось денег для осуществления этого плана и

86. Дмитрий Вишневецкий
(позднейший портрет
из вишневецкого замка)

так из него ничего не вышло. Затем в 1530-х годах напоминал польско-литовскому правительству этот проект О. Дашкович и советовал для защиты Украины построить на Запорожье замки и держать там козацкие гарнизоны. Из этого также ничего не вышло, но теперь то, чего не могло осуществить правительство, взял на себя и действительно выполнил украинский пограничник. Дмитрий Вишневецкий около 1552 года действительно устроил замок на острове Хортице и поместил в нем козацкий гарнизон. Просил при этом помощи у великого князя и короля Жигимонта-Августа — военными и всякими другими припасами, и одновременно старался войти также в соглашение с Турцией: ездил сам туда, — вероятно добивался, чтобы Турция приняла его под свое покровительство и не брала под свою защиту татар, не вмешивалась в борьбу с Крымом, задуманную тогда Вишневецким. Договорился ли он до чего-нибудь с турками, не знаем, но от польско-литовского правительства добиться помо-

щи во всяком случае не успел; для таких предприятий там никогда не оказывалось средств, да и татар оно боялось раздражать и даже думало как-нибудь сманить Вишневецкого с Запорожья и выслать его с козаками на какой-нибудь другой театр войны.

Тогда Вишневецкий обратился к московскому правительству, развивая мысль о желательности примирения Москвы с Литвой, чтобы общими силами уничтожить Крымскую орду, разорявшую и литовские и московские владения и еще получавшую ежегодную дань с обоих государств! По его совету московское правительство решило напасть сообща с козацкими силами на Крым и в 1556 году выслало свое войско; это последнее, соединившись на Днепре с козаками, напало на крымские города Аслам-Кермен и Очаков. Однако замков взять ему не удалось, только перебито было и забрано в неволю много татар и турок. Это рассердило хана, и он решил непременно уничтожить новое козацкое гнездо.

Прежде всего он послал к Вишневецкому, приглашая его к себе; когда же тот это приглашение отклонил, хан со всем войском двинулся на завоевание Хортицкого замка. Три недели осаждал он его со всей ордой, но взять не сумел и ушел ни с чем. Уведомляя об этом короля, Вишневецкий просил прислать ему людей и оружия, но король боялся вмешиваться в это дело. Между тем хан к лету двинулся снова, и уже не один: пришло на лодках турецкое войско, пришла помощь молдавская, осадили Хортицу, и Вишневецкий не мог удержаться: не хватило провианта, козаки начали разбегаться, и он должен был отступить к Черкассам.

Увидя, что помощи из Литвы ему не дожидаться, Вишневецкий отправился в Москву, чтобы побудить ее к соглашению с Литвой и совместной борьбе с Крымом. Время для этого действительно было благоприятное. В 1558 году московское правительство поручило Вишневецкому двинуться с московским войском на Крым; хан не осмелился выступить против Вишневецкого и увел всю орду в Крым, за Перекоп. Вишневецкий остался на лето в Аслам-Кермене и собирался идти отсюда с козаками и московскими силами внутрь Крыма, за Перекоп. Но из Москвы его отозвали — не хотели оставлять его на Днепре, послали в Крым своих московских воевод, а Вишневецкому поручили произвести нападение на Крым с Кавказа, а потом и вовсе отказались от мысли о борьбе с Крымом. Соглашение между Литвой и Москвой не состоялось — наоборот, литовское и московское правительства вскоре вовсе разошлись из-за Ли-

вонии, между ними завязалась война, и они снова наперерыв начали заискивать перед крымским ханом и настраивать его против своего врага. Вишневецкий убедился, что и в Москве ничего не добьется, и возвратился обратно на Украину (1561). Затем он вмешался в молдавские междоусобия и отправился туда с козацким войском; его призвали туда молдаване, но затем изменили, и Вишневецкий попал в плен. Его отослали в Цареград и там убили. На Украине и в соседних землях ходило много рассказов об этом неожиданном конце смелого пограничника. Рассказывали, что Вишневецкий был повешен турками за ребро на крюк и висел так три дня, но не жаловался и не просил пощады, а наоборот — насмехался над турками и им назло поносил Магомета, так что те, не выдержав, застрелили его и этим сократили его мучения. Украинская песня сохранила воспоминание об этих и других рассказах, воспев Вишневецкого под именем Байды, в виде гуляки запорожца, каким-то образом попавшего в Цареград:

В Царгороді на риночку
Ой п'є Байда мід-горілочку,
Ой п'є Байда — та не день, не два,
Не одну нічку та й не годиночку.
Цар турецький к йому присилає,
Байду к собі підмовляє:
«Ой ти, Байдо, ти славнесенький!
Будь мені лицар та вірнесенький!
Візьми в мене царівночку,
Будеш паном на всю Вкраїночку!» —
«Твоя, царю, віра проклятая,
Твоя царівночка поганая!»
Ой крикнув цар на свої гайдуки:
«Візьміть Байду добре в руки,
Візьміть його, повісіте,
На гак ребром зачепіте!»
Ой висить Байда та й кивається,
Та на свого джуру поглядається:
«Ой джуро мій молодесенький,
Подай мені лучок та тугесенький:
Ой бачу я три голубочки,
Хочу я убити для його дочки!»
Ой як стрілив — царя вцілив,
А царицю в потилицю,
Його доньку — в головоньку.

Так Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляет-

ся его мысль о создании прочной точки опоры за порогами в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей козацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байды о возможности для козачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства.

Вторая половина XVI в. была временем, когда козачество необычайно быстро растет, организуется, сильно расширяет свой политический горизонт, сферу своей деятельности. И в этом сказывались влияния не только благоприятных внешних обстоятельств, сообщивших козачеству значение, высоко поднявших его в глазах украинского населения и его соседей и неизмеримо усиливших его небывалым притоком свежих сил. Произошла большая перемена и в настроениях самого козачества, в его самосознании, в том, что от прежнего непритязательного «лупления чабанов татарских» оно перешло к широким политическим планам, к чрезвычайно смелым предприятиям.

53. Образование козацкого класса

Можно себе представить, какое впечатление производила на современников горсть козачества, не располагавшая ни крепостями, ни достаточными запасами оружия, ни денежными средствами, и тем не менее смело бросавшаяся на басурманскую гидру, раздиравшую Украину, пившую кровь ее населения и соседних государств и наводившую непреодолимый страх на эти последние, доселе считавшие себя сильными, победоносными, могущественными. Не только Украина, но вся Восточная Европа, все соседние земли жили под тяжелым впечатлением турецких завоеваний, которых никто не мог остановить, и татарских опустошений, превративших всю Восточную Европу в сплошной невольничий загон, из которого татарские отряды свободно и невозбранно гнали табуны пленников на крымские рынки и наполняли невольниками Турцию, Италию, Францию, Испанию, африканское побережье, почти весь мир того времени.

«Торгуют невольниками по всем городам Крыма, больше всего в Кафе, — пишет литовский писатель половины XVI в. — Случается, что целые толпы несчастных, проданных в неволю, гонят прямо с рынка на корабли, так как город лежит при удобной морской пристани, а поэтому Кафу можно назвать не горо-

дом, а ненасятной, отвратительной бездноу, пожирающей нашу кровь».

Мысли о пленных, невольниках, об их неслыханных безысходных страданиях, об их тоске по родине овладевают современным творчеством, отодвигая на дальний план все другие темы. Человек стал игрушкой судьбы, которая в один миг превращала могущественного владельца в несчастного невольника, благочестивых христиан — в басурман-ренегатов, бросала сестру в объятия отуреченного брата, старую мать в неволю ее сына, обасурманившегося и забывшего родной край.

Неизмеримой силой напряженного народного чувства эти образы, как неотступные привидения стоявшие пред воображением людей, перешли через десятки поколений в нашу эпоху, чтобы дать нам понятие о страшных, угнетающих образах, под впечатлением которых жило, во власти которых находилось украинское население того времени. Это невольничьи псалмы, как их называли украинские кобзари, —

Покланяється бідний невольник із землі Турецької,
Із віри бусурменської у городи християнській,
До отця, до матусі —
Що не може він їм вклонитися,
Тільки поклоняється голубонькам сивеньким:
«Ой ти, голубонько сивенький,
Ти високо літаєш, ти далеко буваєш!
Полети ти в городи християнській, до отця мого, до матусі —
Сядь-пади, на подвір'ї отцовським жалібненько загуди,
Об моїй пригоді козацькій припом'яни!
Нехай отець і матуся мою пригоду козацьку знають,
Статки-маетки збувають, великіі скарби збирають,
Головоньку козацьку із тяжкої неволі визволяють.
Бо як стане Чорне море согравати,
То не знатиме отець либонь мати,
У которій каторзі шукати —
Чи у пристані Козловської,
Чи у городі Царграді на базарі.
Будуть ушкали турки-яничарі набігати,
За Червоне море у Арабську землю запродавати,
Будуть за них срібло, злато не лічачи,
Сукна дорогі поставами не мірячи
За них брати...
Тоді далась бідному невольнику тяжкая неволя добре знати:
Кайдани руки-ноги поз'їдали,
Сирая сириця до жовтої кості тіло козацьке проїдала.
То бідні-невольники на кров, на тіло поглядали,
Об вірі християнській гадали,

А унучи китаїчані — щирі жіноцькі рядняні.
Волоки шовкові — удвоє жіноцькі щирі валові.
Правда, на козакові шапка бірка — зверху дірка,
Травою підшита, вітром підбита,
Куди віє, туди й провіває,
Козака молодого прохолоджає.
То гуляє козак Голота, погуляє,
Ні города, ні села не займає —
На город Килию поглядає,
У городі Килиї татарин сивий, бородатий
По горницях похожає,
До татарки словами промовляє:
«Татарко, татарко!
Ой чи думаєш те, що я думаю,
Ой чи бачиш те, що я бачу?»
Каже: «Татарине, ой сивий, бородатий!
Я тільки бачу, що ти передо мною по горницях похожаєш,
А не знаю, що думаєш, гадаєш».
Каже: «Татарко! Я те бачу: в чистим полі не орел літає,
То козак Голота добрим конем гуляє;
Я його хочу живцем в руки взяти,
І ще ж ним перед великими панами башами вихваляти,
За його много червоних не лічачи брати,
Дорогіі сукна не міряючи пощитати».
То тее промовляє, дороге платте надіває.
Чоботи обуває, шлик бархатний на свою голову надіває,
На коня сідає, безпечно за козаком Голотою ганяє.

Но убогий видом козак со своим жалким оружием нисколько не смущается перед гордым добычником турком:

То козак Голота добре козацький звичай знає —
Ой на татарина скрива як вовк поглядає,
Каже: «Татарине, татарине, на віщо ж ти важиш?
Чи на мою ясненьку зброю?
Чи на мого коня вороного.
Чи на мене, козака молодого?» —
«Я — каже — важу на твою ясненьку зброю,
А ще лучше на твого коня вороного,
А ще лучше на тебе, козака молодого.
Я тебе хочу живцем у руки взяти,
В город Килию запродаати,
Перед великими панами башами вихваляти
І много червоних не лічачи набрати,
Дорогіі сукні не мірячи пощитати».
То козак Голота добре звичай козацький знає,
Ой на татарина скрива як вовк поглядає.

«Ой — каже — татарине, ой сідий же ти, бородатий!
Либонь же ти на розум не багатий!
Ще ти козака у руки не взяв,
А вже за його й гроші пощитав.
А ще ж ти між козаками не бував,
Козацької каші не їдав
І козацьких звичаїв не знаєш».
То тее промовляв, на присішках став,
Без міри пороху підсипає,
Татарину гостинця в груди посилає.
Ой ще козак не примірівся,
А татарин ік лихій матері з коня покотився.
Він йому віри не донімає,
До його прибуває,
Келепом межи плечі гримає,
Коли ж огледиться, аж у його духу немає.
Він тоді добре дбав, чоботи татарські істягав,
На свої козацькі ноги обував;
Одежу істягав, на свої козацькі плечі надівав;
Бархатний шлик іздіймає,
На свою козацьку голову надіває;
Коня татарського за поводи взяв,
У город Січі припав,
Там собі п'є, гуляє, поле килиїмське хвалить-вихваляє:
«Ой поле килиїмське!
Бодай же ти літо й зиму зеленіло,
Як ти мене при нещасливій годині сподобило!»

Этот голяк в плохой сермяге и вязовых постолах — это то голое и босое козачество, смело набрасывающееся на басурмана, успевшего превратить в организованный промысел свою охоту за украинским невольником: богатые татары и турки из черноморских городов занимают деньги татарской бедноте на лошадей и с лихвой возвращают их себе потом невольниками. Козачество изгоняет из степи этих татарских промысловцев, рассеивает их табуны и стада, которыми они заняли степь, разоряет черноморские города, турецкие и татарские поселения и невольничьи рынки и освобождает невольников

на тихі води, на ясні зорі, у край веселий,
в городи християнськії.

Это производило потрясающее впечатление, в особенности среди украинского народа, так, казалось, уже бесповоротно забитого и задавленного. Производили впечатление не столько более ранние походы, когда козаки шли, завербованные старостами или богатыми пограничными панами, а позднейшие ко-

зацкие экспедиции, начинающиеся развиваться в особенности с середины XVI в., своими средствами, не только без панской помощи, но и вопреки суровым запретам администрации и правительства. Правда, туркам, да и самому литовскому правительству случалось узнавать, что, несмотря на все эти запрещения, пограничные старосты и магнаты и их агенты все-таки содействуют козакам и покрывают их походы, делясь с ними добычей, как турецкие купцы с татарами. Но эта помощь или покровительство было явлением второстепенным и особенной роли в козацких походах не играло и на развитие их не влияло.

Народ уверовал в козацкую силу. Козаки сделались его героями, воспевались в песнях, выросли в преданиях в сверхчеловеческие образы. И вместе с тем, как население проникалось верой в непобедимую силу козачества, в козацкие ряды стремилось все больше народу, все увеличивалось число людей, которые становились козаками на всю жизнь, и только козаками. Росло и обособлялось отдельное козацкое сословие. И совсем того не желая, содействовало этому и само правительство своими запрещениями козацких походов и разными попытками остановить их.

Сперва правительство следовало советам местных старост, мечтавших при помощи козачества повести решительную борьбу с ордою, расположить козацкие гарнизоны на Низу и остановить ими татарские нападения. Но затем, когда орда начала жаловаться на козацкие нападения и оправдывать свои набеги тем, что татары отплачивают лишь за козацкие набеги — это произвело в правительственных кругах впечатление. Начиная с 1540 года литовско-польское правительство начинает усиленно внушать своим старостам и наместникам и пограничным магнатам, чтобы они никоим образом не помогали козакам, проектирует составление козацких списков и поручает их надзору администрации, запрещает пропускать козаков в степи для добычничества, приказывает тщательно следить, с чем возвращаются они из степей, и тех, у кого окажется татарская добыча, наказывать самым строгим образом.

Но пограничная администрация и шляхта слабо исполняли эти распоряжения, так как были убеждены, что татары только вымрут на козаков, и если чем можно остановить нападения орды, так только развитием козачества. Поэтому они сквозь пальцы смотрели на козацкие походы — правда, отбирали за то у козаков лучшую добычу. А если принимались действительно отеснять козаков, то это имело только тот результат, что козаки

еще меньше держались замков, еще глубже зарывались в степи. Переписать их и взять под надзор не удалось, да и мало еще было таких, которые действительно были бы только козаками и ничем больше: во время переписи 1552 года в днепровских замках таких козаков не насчитали и пятисот человек, а в козацкие походы ходил разношерстный люд: мещане, крестьяне, бояре, помещики. Однако правительство не оставляло своего намерения обуздать козачество и в конце концов решается с этой целью организовать особую администрацию. Когда в 1560-х годах турки возобновили свои жалобы на козацкие нападения и угрожали войной Литве и Польше, король послал козакам предписание, чтобы они вышли с Низа и явились в пограничные замки: там им найдется служба и за службу будет назначена плата, а организация козачества была поручена коронному (польскому) гетману (как раз в это время Киевская земля была присоединена к Польше). Гетман учредил особого начальника и судью для надзора за порядком среди козаков — как тех, которые были приняты на королевскую службу и содержание, так и тех, которые оставались в прежнем состоянии. Порядка от этого, однако, не прибавилось, так как и взятым на королевскую службу козакам жалованье не платилось, а главная масса козаков осталась вне этого королевского козацкого полка и должна была промышлять о себе как умела. Поэтому пограничная война продолжалась очень оживленно. Татары набегали, козаки им отплачивали, нападали на татарские кочевья и турецкие города, вмешивались в молдавские смуты, идя путем, указанным им Вишневецким. На его место у них появился другой вождь из волынских князей, Богдан Ружинский, также поддерживавший сношения с Москвой и получавший оттуда средства для борьбы с ордой; эта борьба прославила его имя на Украине, а трагическая смерть его под Аслам-Керменом вызвала общие сожаления. Его, как думают, воспевает песня:

Ой Богдане, Богдане, запорозький гетьмане!
Да чому ж ти у чорному ходиш, да у чорному оксамиті?
«Гей були в мене гості татарове —
Одну нічку ночували, стару неньку зарубали,
А миленьку собі взяли».
Гей сідай, хлопче, коня, коня вороного,
Татар швидко доганяти, миленькую одбивати.

Среди предводителей, водивших козаков на Молдавию, в особенности прославился Иван Подкова, захвативший молдавское государство в 1577 году. Полякам удалось потом его схватить,

и ему отрубили голову во Львове, для успокоения турок, но это не отбило охоты у козачества от дальнейших таких походов.

Польское правительство посылало письма козакам, запрещая такие походы, грозило наказаниями, назначало все новых начальников и поручало им набирать козачков в королевскую службу, чтобы эти служилые козаки сдерживали от наездов на турецкие земли остальное козачество. Особенную известность среди этих распоряжений приобрела так называемая реформа Стефана

88. Иван Подкова

Батория: от нее выводили потом различные позднейшие козацкие учреждения, вводить которые Баторию и не снилось. В действительности распоряжения Батория мало чем отличались от предыдущих и позднейших, издававшихся королями для поддержания порядка среди козаков. Никакого порядка, однако, они не приносили, а приводили к совершенно иным последствиям.

Назначая над козаками особых начальников, правительство одновременно исключало их из ведения обычных властей: старост и органов городского управления. На этом основании козаки делали вывод, что раз кто-либо принадлежит к козацкому званию, над ним нет иной власти, кроме козацкой. Но при этом они признавали над собою власть не тех начальников, которых им назначало правительство, а своих выборных.

Правительство принимало на службу козаков и обещало платить им жалованье (хотя обыкновенно не платило). Все козаки ссылались на то, что они служат королю, составляют королевское войско, и на этом основании добивались тех же прав, какими пользовалось польское войско или какие фактически прищипывало себе козачество.

Ссылаясь на королевские постановления и по-своему истолковывая их в свою пользу, козаки на этих королевских распоряжениях, издававшихся для усмирения козачества, основывают свои претензии на разные льготы и привилегии. Чем дальше,

тем больше развиваются и укореняются понятия, что козак должен быть человеком свободным, никому не подвластным, не обязанным никаким повинностям, кроме борьбы с пограничными врагами. Кто пристает к козакам, тот уже тем самым становится свободным человеком, не зависящим ни от кого, кроме выборной козацкой власти.

Эти свои права и претензии козаки отстаивают всеми силами, а так как их становится все больше и больше и все на Украине боится их и нуждается в них для защиты от татар, то постепенно козацкие права и претензии начинают признаваться и местными помещиками, и администрацией.

Так формируется в конце XVI в. козацкое сословие, козацкое звание, и масса народа начинает приставать к козакам, чтобы пользоваться правами и льготами козацкими. А козачество вместе с тем становится большой общественной силой и важным социальным фактором.

54. Присоединение восточных украинских земель к Польше

Как раз в тот момент, когда козачество начинает входить в силу и подымает голову, претендуя на разные права и привилегии, и под защиту «козацкого присуда» начинают обращаться мещане и крестьяне, чтобы избавиться таким образом от тяжелой помещичьей власти, произошли важные перемены в украинской жизни, широкой волной погнавшие украинский люд из Западной Украины в козацкие стороны, в козацкие ряды, неизмеримо подняв этим силы и значение козачества. На этих событиях мы должны остановиться, чтобы понять резкую перемену в жизни и условиях Восточной Украины: почему внезапно оживают восточнорусские пустыни, почему так быстро вырастает могучая козацкая сила и под ее покровительство переносится национальная жизнь, которая начала развиваться в Западной Украине, но встретила там с непреодолимыми препятствиями шляхетского режима.

Первым важным фактом было создание более тесных связей Восточной, поднепровской, Украины с Западной, вследствие присоединения волынских, киевских и заднепровских земель к Польше в 1569 году. Эта крупная перемена явилась совершенной неожиданностью не только для украинского общества, а и для самого правительства, и поэтому только с течением времени дала почувствовать свои последствия.

После того как старый спор за Волинь утих, казалось, ничто не предвещало больших перемен в отношениях Литвы и Польши (см. гл. 47). Литовские магнаты были довольны сохранением связей с Польшей, но, с другой стороны, заботливо охраняли государственную самостоятельность Великого княжества Литовского, отдававшую в их руки правление этим последним. В правление великого князя Александра литовские магнаты, пользуясь тем, что Польша тогда нуждалась в литовской помощи против турок, добились даже новой формулы унии: составлен и утвержден был обеими сторонами новый акт унии с пропуском слов о присоединении и инкорпорировании Литвы, имевшихся в старых актах унии. Великие князья литовские, будучи одновременно польскими королями, тоже были заинтересованы сохранением государственной особенности Великого княжества Литовского. Они имели в виду, что для их династии самостоятельное существование Великого княжества Литовского представляет существенные выгоды, так как великокняжеский престол переходил по наследству от отца к сыну, а в Польше шляхта ревниво следила за соблюдением избирательного принципа, и на ее выбор нельзя было полагаться, и лишь ввиду того, что Великое княжество Литовское сохраняло своего великого князя, потомки Ягайла могли рассчитывать на Польскую Корону, так как этим совмещением поддерживалась фактическая связь обоих государств. В таком положении дела находились до 1560-х годов. Но в это время наступает резкая перемена в отношениях к этому вопросу. Король и великий князь Жигимонт-Август не имел сына и не надеялся уже иметь, так что династический интерес для него не существовал. Между тем Литву в это время сильно удручала тяжелая и неудачная война с Москвой, и король думал, что в интересах Литвы будет связать Великое княжество в одно государство с Польшей. И шляхта литовская, невадолго перед тем получившая голос в литовском сейме, также начала добиваться более тесного соединения с Польшей, чтобы получить от поляков помощь против Москвы и облегчить свои военные повинности; ожидала она также расширения своих прав и привилегий от соединения Литвы с Польшей в одно государство, так как шляхта в Польше уже освободилась почти от всяких повинностей, а в Великом княжестве Литовском они были еще очень значительны. И вот одновременно король и шляхта сверху и снизу начинают оказывать давление на литовских магнатов, чтобы они не противодействовали более тесному объединению Литвы и Польши. Начиная с 1562 года, король непрерывно созывает общие сеймы Польши и Литвы для осуществления

этого объединения и производит всяческие давления на литовских панов. Но те упорствовали, пользуясь своим влиянием на шляхетских депутатов, не допускали их до непосредственного участия в переговорах и даже, сделав некоторые уступки на сейме 1564 года, взяли затем их назад. Когда же на сейме, открывшемся в конце 1568 года в Люблине, они заметили, что король, под влиянием своих польских советников, хочет настоять, чтобы литовские представители заседали вместе с поляками в общем сейме, литовские магнаты ночью под 1 марта 1569 года тайком выехали из Люблина, надеясь этим способом «сорвать сейм» и положить конец переговорам. Но дело приняло после этого такой оборот, какого они совершенно не ожидали.

Поляки, заметив во время переговоров, в каком затруднительном положении оказались литовские паны ввиду решимости короля довести дело до конца во что бы то ни стало, не обращая внимания на настроение литовских кругов, — решили не упускать такого удобного момента. Они представили королю, что литовские представители оставили сейм незаконно, оскорбив этим короля, и вопрос должен быть решен без них, заочно. Однако они решили поставить его теперь иначе. Ввиду упорства, с каким литовские магнаты отстаивали самостоятельность своего государства, польские политики сообразили, что полного упразднения Литовского государства и присоединения всех литовских земель к Польше, в духе Кревской унии, достигнуть им не удастся. Ввиду этого они предпочли возвратиться к старому вопросу, подымавшемуся уже раз в подобных же обстоятельствах — по смерти Витовта: добиться присоединения к Польше галицко-волынских земель, не присоединенных тогда и оставшихся в составе Великого княжества Литовского. После бегства литовских представителей они обратились к королю с предложением, чтобы прежде всего были присоединены к Польше Волынь и Подляшье, так как они принадлежали к Польше и только благодаря попустительству Казимира Ягайловича, бывшего одновременно королем и великим князем Литвы, литовское правительство присоединило эти земли к Великому княжеству Литовскому. Это была неправда. Волынь поляки пробовали захватить несколько раз, но это им до сих пор не удавалось. Подляшьем стремились завладеть соседние польские князья Мазовецкой земли и действительно два раза получали его от литовских князей, но всего на несколько лет. Однако поляки привыкли смотреть на эту землю как на свою собственность, так как туда переселилось много мелкой шляхты из Мазовии (в Мазовии было множество такой мелкой шлях-

ты, почти такой же бедной и малоземельной, как крестьяне). Король в ответ на предложение польских сенаторов и депутатов заявил, что он вполне с ними согласен: Волынь и Подляшье действительно должны принадлежать Польше, и он сейчас же прикажет сенаторам и депутатам из этих земель (выбранным на этот сейм), чтобы они заседали в польском сейме. Такие приказы сейчас же были разосланы, но волынские и подляшские сенаторы долго не являлись. Только когда король объявил, что неявившихся к последнему сроку он будет наказывать отобранием поместий и должностей, эта угроза подействовала: волынские и подляшские сенаторы и депутаты приехали. Однако присягать на верность Польше они все-таки не хотели, всячески уклоняясь, и лишь когда король повторил свою угрозу, что он с непокорными поступит по своему усмотрению, они принесли требуемую присягу и заняли места в сейме вместе с поляками. В конце мая все это было покончено: то, чего полякам не удавалось добиться долгими войнами и всякими уловками, достигли они теперь при помощи одних королевских наказов, благодаря тому, что Литва ослабела через свое внутреннее раздвоение и пришла к тому времени в полный упадок, а украинские магнаты в конце концов не видели причин держаться Литвы во что бы то ни стало ввиду того, что литовские магнаты лишили их всякого участия и значения в политической жизни княжества.

Но когда поляки увидели, как легко удался их план, и что литовское правительство, удрученное войной, имея против себя и короля и шляхту, не решается выступать с оружием на защиту своих земель — у них еще более разгорелся аппетит к новым приобретениям, и они стали думать о присоединении остальных украинских земель, а в этих намерениях поддерживали их и волынские послы, так как, раз попав в состав Польши, они не могли желать, чтобы государственная граница легла между ними и другими украинскими землями. Прежде всего поляки решили присоединить к Волыни Брацлавскую землю, после отделения своего от западной Подолии жившую вообще одной жизнью с Волынью; волынские паны занимали там должности, имели поместья и смотрели на эту землю, как на неотделимую принадлежность Волыни. На это предложение сейчас же согласились и сенаторы и король: решено было включить Брацлавскую землю в грамоту о присоединении Волыни, как часть Волыни. Король приказал брацлавским сенаторам и депутатам принести присягу Польше и занять места в польском сейме, и все это, после предыдущей истории с Волынью, прошло уже легко; через ка-

89. *Василий-Константин
Острожский, воевода киевский*

кие-нибудь две недели присоединение Брацлавской земли было делом оконченным.

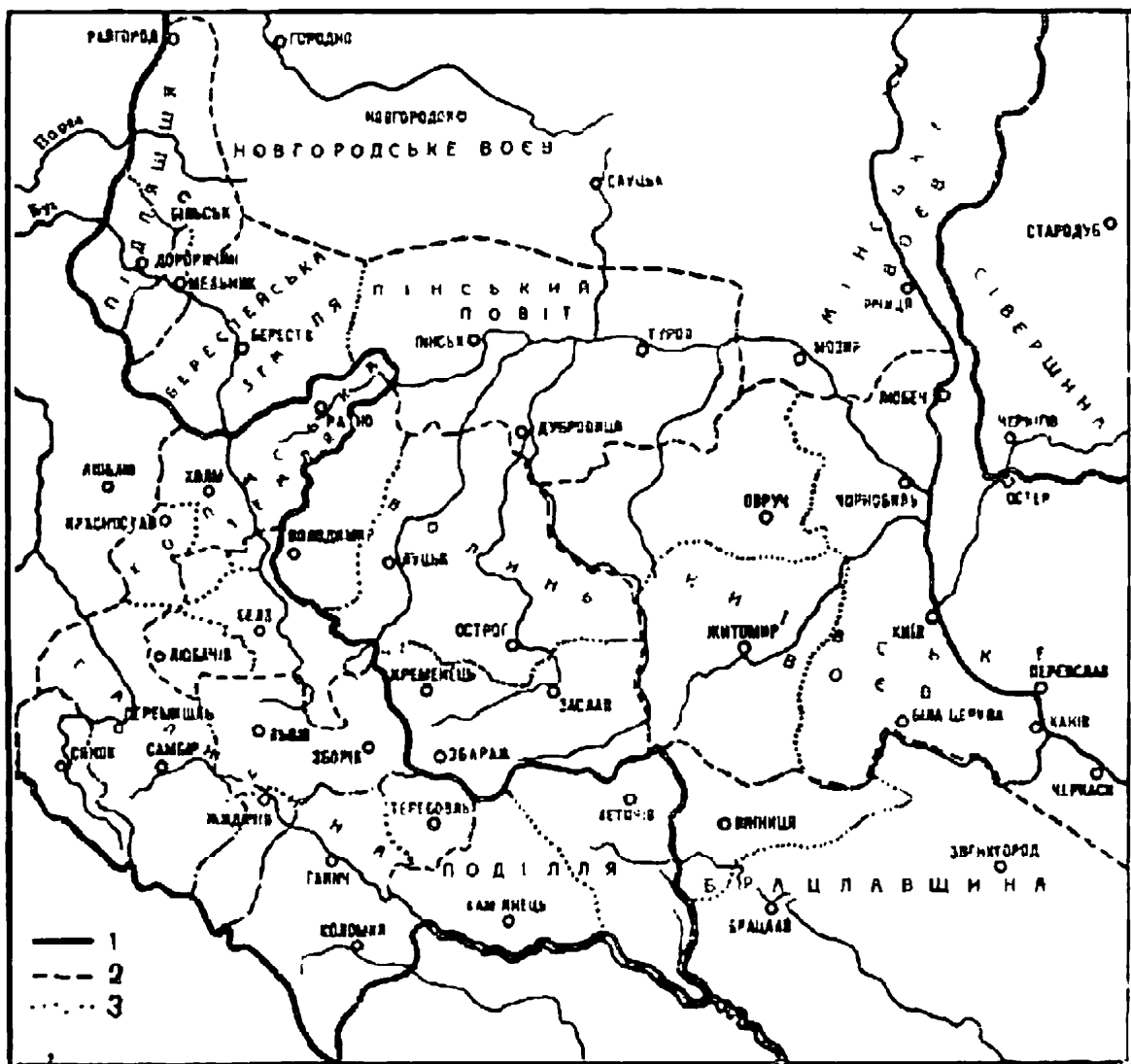
Не так скоро наладилось дело, когда польские послы заговорили о присоединении Киевской земли: и король и много сенаторов воспротивились этому. Не потому, чтобы не признавали за собою права на эту землю: об этом не беспокоились и по отношению к другим землям, отделяясь первою попавшеюся фразой. Их пугали громадные пространства этой земли, открытой Москве и Крыму: защита таких огромных и в те времена еще почти совершенно незасе-

ленных земель требовала больших усилий, больших расходов, непосильных для Польши с ее слабой финансовой организацией, с вечно пустой государственной казной и совершенно ничтожным войском. Поэтому король и сенаторы долго сопротивлялись — но в конце концов уступили под натиском польских послов, которых поддерживали волынские и брацлавские депутаты. 3 июня король сдался, заявив, что он решил присоединить Киевскую землю к Польше, и приказал киевскому воеводе князю Василию-Константину Острожскому, чтобы он принес присягу Польше как киевский воевода. Этим же днем, 3 июня, была датирована грамота о присоединении Киевской земли, якобы тоже издавна принадлежавшей Польше!

Литовские паны, испугавшись, что так, пожалуй, разберут без них всю Литву, незадолго перед тем приехали обратно на сейм, но не осмелились протестовать сколько-нибудь решительно против отторжения от Литвы ее старых провинций. Они просили не отбирать от них больше ничего и не упразднить их государства совершенно — оставить хотя что-нибудь из их отдельности. Кое в чем их желания были уважены; в остальном, чего им не удалось вымолить, литовские представители вынужде-

ны были дать свое согласие. Было постановлено, что на будущее время Литва не будет уже выбирать себе отдельного великого князя, не будет иметь отдельных сеймов, а только общие с поляками; но будет иметь своих отдельных министров, свою казну и свое войско.

После этого Литва потеряла всякое значение как отдельное государство, сделалась частью Польско-Литовского государства. В составе Великого княжества Литовского, после присоединения непосредственно к Польше Киевской земли, из украинских земель осталась только земля Берестейская и Пинская (из них образовано было воеводство Берестейское). Но теперь это уже не

90. Разделение украинской территории на воеводства в XVI—XVII вв.

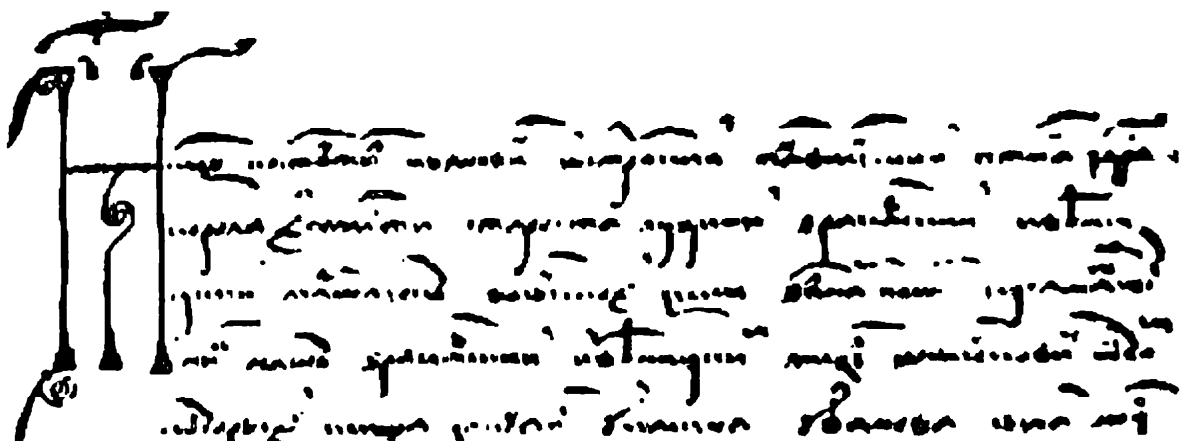
- · · · · Границы государств: Польши, Литвы и Вел. кн. Московского.
- · · · · Границы воеводств.

делало разницы, так как после 1569 года осталось очень мало разницы в строе и отношениях Польши и Литвы.

Кроме того, вне Польши остались: Северская земля, которой завладела Москва, теперешняя Буковина, принадлежавшая тогда Молдавии, и закарпатские украинские земли, находившиеся под властью Венгрии (Угорская Русь). Однако Северскую землю Польша отвоевала от Москвы сорок лет спустя. Итак, хотя ненадолго (только до восстания Хмельницкого), вся Украина очутилась во власти Польши, под польским правом: за исключением маленькой Буковины и довольно большой, но малонаселенной Угорской Руси, все прочие украинские земли перед восстанием Хмельницкого были под польским правом.

55. Перемены в экономических и общественных отношениях

Присоединение к Польше украинских земель в 1569 году имело большое значение в том отношении, что им завершилось переустройство их общественного строя по польскому образцу. В западных украинских землях, ранее присоединенных к Польше: в Галиции и на Подолии, в земле Холмской и Белзской, этот процесс развился и завершился раньше. Польское право и польский строй формально были введены там в 1434 году, но еще раньше польская шляхта, нахлынув сюда, коренным образом перестроила все на польский лад. В украинских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского, право, общественный строй, все стороны жизни литовс-

91. Украинское делопроизводство на волынских и поднепровских землях: грамота старосты брацлавского князя Константина Ивановича Острожского 1520 года

Хостітний хотіти воевода писки малював гди валисноі
 статуті владітій з (судіти си мши анто з што
 мшистий мши і владітій ти ти дітійні смітійні статуті
 мши і владітій прикладітій воеводі мши хотіти з
 статуті мши мшистий си мши анто гди мшистий мши
 сто хотіти си владітій мши мши мши мши мши мши

92. Письмо Василия-Константина Острожского,
воеводы киевского, 1571 года

кое правительство, начиная с унии 1385 года, также приближало и сознательно приноровляло к польским образцам. Литовский статут — сборник законов Великого княжества Литовского, впервые отредактированный в 1529 году, в этой первой редакции оставил много из старого права украинских и белорусских земель, сохранившегося еще со времен Киевского государства. Но уже в другой редакции Литовского статута, 1566 года, оно уже сильно видоизменено на польский лад, и в государственном устройстве и управлении Великого княжества Литовского произведены важные изменения по образцу Польши. Однако и после этого в строе украинских земель, входящих в состав Великого княжества Литовского, оставалось еще много отличий, которые были уничтожены или сглажены лишь с присоединением этих земель к Польше.

Правда, грамоты 1569 года, присоединяя их к Польше, сохранили кое-что из прежнего: оставили украинский язык в местном делопроизводстве и в сношениях правительства с этими землями, оставили прежнее право, — именно Литовский статут 1566 года; поэтому был учрежден и отдельный апелляционный трибунал для этих земель. Но эти отличия не долго удержались — отчасти потому, что общая государственная жизнь втягивала все сильнее украинские земли, а отчасти и потому, что с присоединением к Польше сюда во множестве двинулись польские шляхтичи, занимавшие должности, разными путями приобретающие земли и в конце концов фактически ополчившие здешнюю жизнь, как ополчили в свое время западно-украинскую. До 1569 года в этих землях полякам нельзя было ни занимать должностей, ни владеть имениями; теперь же это стало возможным, и это было другое важное изменение, принесенное 1569 годом.

Украинская жизнь была перестроена на польский образец и ополячена. Это была полная перестройка сверху донизу, не оставившая камня на камне в украинской жизни, и на самый низ ее были отброшены украинские элементы, не разрывавшие со своей народностью. Отметим теперь главнейшие черты новых порядков, принесенные ими изменения и их значение для украинской жизни.

Князья и магнаты, имевшие до того весьма большое значение и державшие в своих руках все управление, теперь были уравнены в правах с рядовой шляхтой, хотя фактически они, конечно, и позже высоко поднимались над нею, благодаря своему богатству и влиянию, и держали на службе у себя не раз целые толпы бедной шляхты.

С шляхты сняты были налоги и военная служба, теперь она не знала почти никаких обязанностей и одновременно приобрела громадные права. Она одна законодательствовала на сеймах; она выбирала из своей среды судей и других чиновников; коронные земли раздавались шляхтичам, и только шляхтичам, в пожизненное владение, и они управляли ими на положении помещиков; никто, кроме шляхтичей, не мог получить никакой светской или даже духовной должности. Шляхта правила всем, все направляла в своих интересах, и король должен был послушно исполнять ее волю. Власть королевская, вообще всякая публичная власть, была очень слаба; все было направлено к тому, чтобы обезопасить шляхетское сословие от каких бы то ни было стеснений. На шляхтича не было ни суда, ни управы, он мог делать все что угодно, не боясь никакого наказания за самые тяжкие преступления, совершенные им даже против шляхтича же, не говоря уже о том, если потерпевший был не шляхтич: тогда почти немисливо было получить какое-нибудь удовлетворение. При общем бесправии и бессудности шляхта привыкла всего добиваться силой; магнаты держали при своих дворах вооруженные дружины, между ними не раз происходили настоящие битвы, и все это опять-таки всей тяжестью давало себя чувствовать нешляхте, отданной, можно сказать, вполне на волю шляхетского сословия.

Города, в прежнее время бывшие центрами политической жизни, утратили теперь в этом отношении всякое значение. С введением в них самоуправления по немецкому праву они исключались из общего строя земли, не будучи в то же время связаны между собой никакой организацией. Каждый город был сам небольшой отдельной республикой, почти независимой в принципе, но на практике такое обособленное положение отда-

вало почти все мещанское сословие без исключения в полную зависимость от шляхетского управления или от помещиков. На ход и направление законодательства мещане не могли иметь никакого влияния, так как не участвовали в сеймах; законодательство было в руках помещиков, шляхты, и последняя систематически ограничивала права мещан в интересах своего помещичьего хозяйства. Все это в конце концов подорвало города и в культурном и в экономическом отношениях, лишило край тех благ, какие при нормальных условиях могла бы дать ему городская жизнь, наполнило города в конце концов пришлым элементом, особенно еврейским, так как евреи лучше, чем другие, умели приспособиться к тому невозможному положению, в какое поставило мещан шляхетское хозяйство Польши. Украинское же население в городах было поставлено в особенно тяжелые условия, так как даже и признанными мещанскими правами мещане-украинцы не могли пользоваться вполне.

Еще более, однако, потерпело крестьянство, народная украинская масса. Старое рабство, так широко развившееся за последние столетия государственной украинской жизни, правда, постепенно исчезало (в XV—XVI вв. исчезло окончательно); но зато, собственно говоря, все крестьянство очутилось в условиях, очень близких к прежнему рабству. Все крестьянство утратило право на землю: крестьяне считались сидящими на земле помещичьей или королевской (в конце концов, это было почти одно и то же, так как все королевские земли раздавались в пожизненное владение шляхте, правившей ими так же, как правили своими имениями и помещики-собственники). Крестьянин был прикован к панскому поместью, где он родился, и лишен был права свободного передвижения: не только крестьянин-домохозяин, но и дети его не могли отойти от своего помещика без его позволения; уходили тайком — но тогда за ними гнались и разыскивали, как дикого зверя, как невольника-беглеца прежних времен. Пан был полным властелином жизни и имущества своего подданного: мог его убить, отнять землю, имущество, наказать его как угодно, ни перед кем за это не отвечал, и даже нельзя было на него жаловаться: сам король не имел права вмешиваться в отношения между помещиком и его подданными (в этом отношении была до последнего времени значительная разница между литовским правом и польским, и присоединение украинских земель к Польше внесло в положение крестьянина значительную перемену к худшему). Только крестьяне королевских имений имели право жаловаться в королевский суд, но эти жалобы были связаны с большими затруднениями; суд находился в сто-

лице, судили в нем те же паны-помещики, а если решение было в пользу крестьян, то шляхтич-державец королевского имения обыкновенно не исполнял приговора суда, и поэтому крестьяне очень мало пользовались этим судом даже в Галиции, а из более отдаленных украинских провинций и вовсе не обращались к нему.

Таким образом, крестьянин был лишен, в конце концов, всяких прав не только политических, но и гражданских, и просто человеческих, и для выхода из этого несказанно тягостного положения ему не оставалось никакого законного пути: не было для него никакого способа улучшить условия своего существования, кроме восстания и — бегства, и этим последним крестьянство, главным образом, и пользовалось для облегчения своего положения.

56. Перемены в экономической жизни и заселение Восточной Украины

Кроме полного бесправия и порабощения крестьянина, к которому привело его польское право уже в первой половине XVI в., вторая половина этого столетия принесла с собой еще чрезвычайно тяжелый экономический гнет, неслыханную эксплуатацию крестьянской рабочей силы. Постепенно развивался спрос на хлеб и другие земледельческие продукты и повышал спрос на крестьянский труд для панских дворов и фольварков. До того времени из Украины на запад вывозили главным образом только меха, мед, воск, рыбу, скот; начиная с XV в. гнали большие гурты волов в Силезию, и вол сделался в Западной Украине меновой единицей: считали на волов, как на червонные золотые. Еще позже явился спрос на дерево в районе сплавных балтийских рек; когда же леса здесь были истреблены, помещики, начиная со второй половины XVI в., принялись рубить леса для вывоза, а еще более жечь на поташ и в самых отдаленных местностях; крестьяне должны были возить лес и поташ к ближайшим сплавным пунктам, иногда за десятки миль. Наконец, в середине, а затем еще более во второй половине XVI в. все более и более начинает захватывать украинские земли вывоз хлеба: опять-таки прежде всего местности, ближайšie к сплавным балтийским рекам — Висле, Сану, Бугу, Неману, так как хлеб, как и лесной материал, шел только в балтийские порты и оттуда вывозился далее на запад, в Англию, Нидерланды, Францию, Испанию. Но по мере того как спрос на хлеб увеличивался

и цены на зерно росли, его начинают подвозить и из более отдаленных местностей к речным пристаням.

Этот вывоз хлеба повлек за собой глубокие изменения в хозяйственной жизни. До того времени не было спроса на хлеб, его сеяли столько лишь, чтобы прокормиться; поэтому помещики не вели большого пахотного хозяйства, не занимали под свои запашки больших пространств и не требовали от крестьян большой издельной работы, предпочитая денежные чинши и различные дани медом, мехами, скотом, овсом для господской конюшни и разным зерном. С участка земли, так называемого лана или волоки (30 моргов, около 15 десятин), давался определенный чинш, определенные дани, и они были сравнительно устойчивы, возрастали медленно; если крестьянский участок разделялся между несколькими членами семьи, разделялись и эти дани между новыми хозяевами, поэтому помещик не имел побуждений умышленно дробить крестьянские хозяйства: они были велики и многолюдны. Когда же явился спрос на хлеб и выгодно стало сеять его на продажу, на вывоз, — все это совершенно изменилось. Помещики увеличивают свои запашки, обрабатывают и засевают все большие и большие участки. Для увеличения своих запашек отбирают от крестьян их земли, переводят с больших участков на меньшие, дробят крестьянские хозяйства. Менее интересуясь чиншами и данями, они заменяют их барщинной работой крестьян на помещичьих запашках, а так как крестьянин обыкновенно меньше ценит свою работу, чем продукты ее — деньги и хлеб, то помещики, пользуясь этим, взамен небольших уступок в данях и деньгах совершенно непропорционально увеличивают барщину. Так как барщина отбывалась с хозяйства, независимо от размеров крестьянского участка, то помещики стараются увеличить число крестьянских хозяйств: отбирая у крестьян земли, присаживали «загородников» и «халупников», не имевших поля совсем или имевших его очень мало и не плативших чинша, а отбывавших панщину «пеню» (самолично, без рабочего скота). Вообще помещики пользовались всякими способами, чтобы увеличить барщину, и она в Западной Украине, откуда главным образом вывозился хлеб, уже со второй половины XVI в. увеличивается чрезвычайно, так что в некоторых местах барщину отбывали уже ежедневно, крестьянин не выходил из барщинного хомута, и жизнь его стала настоящим адом. И это заставляло здешнее крестьянство искать более сносных условий, уходя на восток подальше от этого фольварочного ада.

В результате все эти обстоятельства: уничтожение границы между Галицией и остальной Украиной, развитие помещичьего

хозяйства, прикрепление крестьян в Западной Украине, отбирание у крестьян земель и обложение их непомерной барщиной — гонят огромную колониционную волну из Западной Украины, а также из северо-западного, гуще заселенного Полесья в восточно-украинские просторы, еще недавно (в переписях 1552 года) рисовавшиеся полной пустыней с разбросанными среди нее немногими замками. В последней четверти XVI и затем в первой половине XVII в. вид ее совершенно изменяется: основываются города на недавних татарских дорогах, широко разбрасываются села среди недавних козацких уходов, появляются шляхетские замки и замочки, контингенты помещичьих служащих и дворни. Польское право и польские порядки надвигаются туда, где еще недавно паслись только дикие кони и шумел степной ковыль.

Полстолетия упорной борьбы козачества с ордой не прошло бесследно — она ослабила татар и показала воочию, что с ними бороться можно, можно отстаивать оседлую колонизацию и хозяйственную жизнь. И следом за козаками начинает двигаться земледельческое население, постепенно уходя все дальше и дальше от охранных замков. Правда, татарские набеги продолжались и позже; приходилось хозяйничать с большой осторожностью и оглядкой, принимая все предосторожности, чтобы среди своего хозяйства не попасть в татарский аркан. Путешественник Эрих Ляссота, проезжавший по пути к козакам в 1594 году через брацлавские земли, рассказывает о небольших блокгаузах с бойницами, виденных им здесь: туда укрывались крестьяне, если их внезапно застигала орда, и отстреливались из этих бойниц; ввиду таких случайностей крестьянин отправлялся на полевые работы не иначе, как вооружившись ружьем и саблей, так как татары здесь сновали постоянно и никогда нельзя было чувствовать себя в безопасности от них. И украинские народные песни сохранили память об этой обстановке, когда крестьянин на своем собственном поле мог встретиться с татаринном и очутиться в татарских руках. Но нужда делала людей отважными! Раздраженные неслыханным ростом панщины, согнанные со своих земель, крестьяне из Галиции убегали на Волынь и на Подолию, оттуда на киевское пограничье и в Брацлавщину. Чем далее на юг и восток уходили эти беглецы, тем более легкие условия крестьянской жизни встречали, но в конце концов слухи о вольных, совершенно свободных от помещиков землях манили их в поднепровские и побережские, а затем и заднепровские пустыни. Они поселялись здесь, хозяйничая на военном положении под козацкой защитой и сами каждую минуту готовые отбиваться

вместе с козаками от татарской орды. Зато пахали сколько и где хотели, никого не спрашивая, устраивали себе пасеки и огороды, и поскольку судьба хранила их от аркана и стрелы татарской — жили в достатках и приволье.

Но скоро оказывалось, что напрасна была надежда этих беглецов на то, что хоть здесь, наконец, на краю мира крещеного, в пасти татарской, они не встретятся с помещиками или их агентами, экономами, десятниками, арендаторами и всякой панской челядью, так надоевшей уже на прежних поселениях. Оказывалось, что и здесь они сидят на помещичьей, а не божьей земле, и что здешний помещик только ждет, чтобы они разжились и укоренились, чтобы наложить на них то самое прежнее крепостное ярмо! Мечты оказывались несбыточными, паны и панщина шаг за шагом шли за своими беглецами «до последних земли».

Магнаты, помещики, шляхта, жившие ближе к этим восточным краям или занимавшие здесь должности, сами или через своих служащих очень рано стали замечать, что заброшенные побужские и поднепровские пространства начинают оживать, заселяться, становятся менее пустынными и дикими. Замечали, что сюда двигается народная волна с запада, и не замедлили сообразить, что она со временем может создать большую ценность этим землям. Ввиду этого они начинают заблаговременно выпрашивать от короля пожалованья на эти пустыни, или если уже были у них налицо какие-нибудь хозяева — принуждают их продавать им свои права, а от короля получают подтверждение на владение. Все это были главным образом богатые и могущественные магнаты — гетманы, воеводы, в руках которых сосредоточивалась власть, войско, полки наемного люда, и они каждому осмелившемуся воспротивиться имели полную возможность в этих глухих окраинах досадить так, что тот готов был не только от своей земли, а и от самого себя отречься. И раз такие магнаты предъявляли требование, чтобы владелец свои земли им «продал», тот принужден был отдать за такую цену, какую ему предлагали.

Первыми двигаются сюда местные магнаты, из соседней Волыни; так, напр., один из князей Вишневецких, бывший старостой в Черкассах, принудил наследников князей Глинских продать ему свои права на земли по р. Суле и выпросил себе у короля подтверждение на «пустыню, называемую р. Сула, река Удай и река Солоница», от московской границы до впадения Сулы в Днепр. Так возникли огромные поместья Вишневецких, где затем основаны были города Лубны, Прилуки и много дру-

93. Князь Януш Острожский, старший сын Василия-Константина, державец украинских королевщин (с ним столкнулись козаки в 1591 году)

жавцы, управляя ими бесконтрольно и самовластно через своих агентов и не зная над собой никакой власти, никакого закона, никакого права, как настоящие «королевята», как называл их Хмельницкий.

Захватывая эти земли, они не спешили хозяйничать в них: давали людям время расселиться, обзавестись хозяйством; на первых порах не было даже разговора о податях и чиншах; владельцы довольствовались тем, что продавали здешние леса на поташ, отдавали в аренду рыбные ловли, мосты и гати, корчмы и мельницы, обязывая крестьян, чтобы не мололи где-нибудь у другого помещика, и не забирали в чужих корчмах водку и пиво и сами не варили; потом вводили подать со скота и пчел — десятого вола и десятый улей. Если сравнить с крепостным адом западных земель — это было очень скромно. Но крестьяне, ушедшие так далеко сквозь всевозможные препятствия и опасности и поселившиеся здесь под татарской грозой — лишь бы уйти от панской власти и не быть ничьими крепостными, с большим неудовольствием принимали и эти первые панские требования. Тем более что, проходя по пути различные области Украины,

гих. Большие поместья приобрели себе князья Острожские, Корецкие, Збаражские, Ружинские. Позже начинают выпрашивать у короля и другими способами приобретать поместья и разные польские магнаты — Жолкевские, Казановские, Потоцкие. Мелких помещиков они вытесняли отсюда, и таким образом со временем все эти бывшие пустыни собрались в руках могущественнейших магнатов, владевших ими или как собственностью, или на правах пожизненного владения, как старосты-державцы.

они наглядно убеждались, как вслед за такими скромными требованиями неизбежно появлялись более значительные и в конце концов выростала самая настоящая барщина. Поэтому не раз случалось, что среди крестьян в ответ на такие скромные панские требования начинались волнения, крестьяне оставляли свои хозяйства и брели во все стороны в поисках беспанской земли. А в конце концов, увидев, что помещики и их приспешники следуют за ними всюду, — крестьянство хваталось, как за единственный выход — за козачество.

57. Рост козачества в конце XVI века

Выше уже было отмечено, что как раз в это время, под влиянием мероприятий польского правительства для водворения порядка среди козачества, предпринимавшихся при короле Сигизмунде-Августе, Стефане Батории и Сигизмунде III, слагается у козаков убеждение, что козачество все в полном составе несет службу Польской Короне и за эту свою службу не должно подчиняться никакой власти, кроме своей выборной козацкой старшины, не должно нести никаких обязанностей, кроме военной службы — ни государственных податей, ни каких-либо налогов в пользу помещиков, ни покоряться власти последних или их суду. Наоборот, козаки считали себя вправе собирать в свою пользу с прочего населения все необходимое для своего содержания и военных надобностей, — с мещан и крестьян помещичьих и королевских.

Кое-что из этого правительство признавало, но только за козаками, принятыми на королевскую службу, на государственное жалование и записанных в козацкий реестр. Однако оно все равно жалованья не платило, и реестровые, королевские, козаки вследствие этого постоянно смешивались с остальным козачеством. Начиная с первого (1570), правительство постоянно возобновляло набор козаков (1578, 1583, 1590), но это несколько не помогало. Реестровые и нереестровые одинаково воювали с ордой, и одинаково пользовались ими для своих военных надобностей правительство и его представители. Поэтому козачество не допускало никакой разницы в «правах и свободах» между реестровыми и нереестровыми: кто козак и козацкое дело исполняет, должен быть свободным от всего и подлежать только козацкому суду. Значит, кто отдался под присуд козачий и участвует в козацких походах, — к тому уже никто не должен иметь никакого касательства: ни помещик, ни ста-

роста, ни городские власти. Естественно, что когда сложился такой взгляд, мещане и крестьяне, не желавшие подчиниться претензиям и власти помещиков, начинают «козачиться». Они отдаются во власть козачьей старшины, объявляют себя козаками и отказываются подчиняться помещику и исполнять какие-либо повинности. Если прежде много народа «козаковало», не спеша объявлять себя козаками, так как звание это было отнюдь не почетно, означало человека отпетого, лишенного общественного положения, то теперь наоборот: люди, которых собственно очень мало привлекали военные занятия, которым хотелось только свободно заниматься своим хозяйством, записываются в козаки, чтобы не подчиняться помещикам и старостам. Козаки того времени — это «непослушные» мещане и крестьяне. Мы не имеем подробных переписей местного населения ранее, чем с 1616 года, но эти последние бросают достаточно яркий свет и на предыдущие десятилетия и уясняют нам сущность этого явления. Мы видим, как неизмеримо возросло заселение Восточной Украины с конца XVI в., как оно раздвинулось — к самой московской границе на восток, до самых «диких степей» на юг, какая масса городов, местечек, сел и деревень явилась за последние десятилетия и какое множество основалось в них «непослушного» населения, иначе говоря — козаков. Были города, где на несколько десятков «послушных» дворов жили сотни «непослушных», а все окрестности были заняты козацкими хуторами, не признававшими никакой господской власти, не несшими никаких повинностей.

Это тем сильнее бросается в глаза, что и от «послушных» помещики требовали очень немногого по тем временам; напр., в некоторых местностях от мещан требовалось только, чтобы они несли военную службу (городов и местечек здесь было очень много, чуть ли не больше, чем сел). Казалось, было одинаково нести военную службу под козацким начальством или под командою местной администрации — служба на месте давала даже несомненно меньше хлопот. Но люди, бежавшие сюда, чтобы избавиться от помещичьей власти, не желали иметь дела ни с нею, ни с ее — все равно, тяжелыми или легкими — повинностями, и они записывались в козаки, чтобы не иметь дела с помещиками. Все равно условия быта были таковы, что весь этот край жил на военном положении, каждый должен был быть военным человеком и держать оружие в руках для собственной безопасности. Поэтому домовитые крестьяне и мещане с легким сердцем принимали на себя обязательное участие в козачьих походах и под-

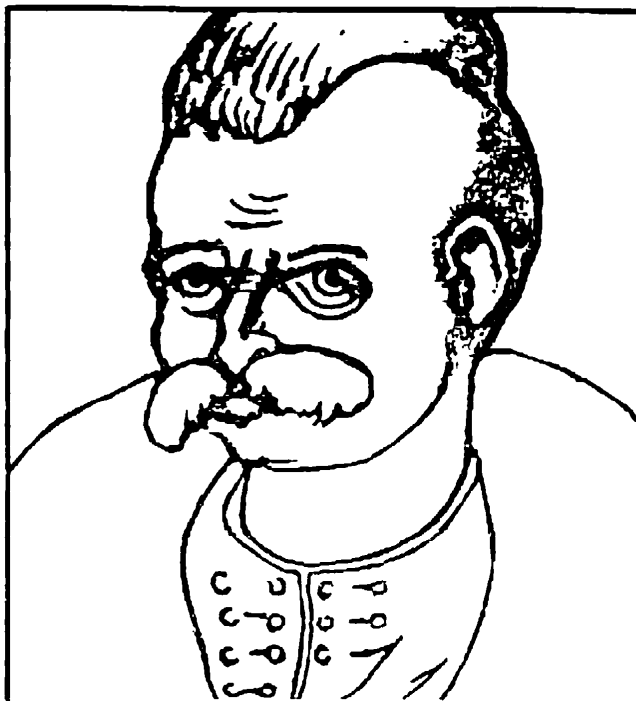

чинялись военной козачьей старшине, чтобы не знать уже над собой никакой другой власти.

Такой оборот народной жизни сообщил козачеству новую силу и значение: оно становилось уже не просто бытовым явлением восточно-украинской жизни, а большой социальной силой, поднимавшейся против всего шляхетского строя Польского государства, обещавшей народным массам избавление от него, а ему самому грозившей разрушением и гибелью.

Но если такой оборот, с одной стороны, благоприятствовал росту козачества, сообщая ему необычайную силу притяжения по отношению к народным массам, то с другой — он приготавливал ему тяжелую борьбу с польской государственностью и шляхетским обществом. Польское правительство, и без того не согласное с тем распространительным толкованием козачьих прав и свобод, какое складывалось среди козачества, тем менее могло примириться с тем употреблением, какое делали из этого толкования украинские народные массы, под покровом козачества уходя вовсе из-под помещичьей власти. Однако воспрепятствовать этому было очень затруднительно, так как такое окозаченное крестьянство и мещанство становится огромной, все растущей силой. Движение масс народных под козачий присуд чрезвычайно усилило козачество. За последнюю четверть XVI и первую четверть XVII в. оно необыкновенно быстро растет и в численности своей и в сознании своей собственной силы и значения.

Рост чисто военного козачества, этих степных искателей приключений, для которых война была промыслом, а добыча источником пропитания, проявляется в частых и больших козацких походах. Козаки не довольствуются пограничной борьбой и мелким степным добычничеством, — захватывают все Черноморье своими сухопутными походами, а затем пускаются и в морские

94. Козацкий атаман Гаврило Голубок, убитый под Бычиной в 1588 г. (рисунок современника)

экскурсии, сперва на соседние крымские и дунайские города, а затем и на более отдаленные окрестности Константинополя и малоазийский берег Черного моря. Известия наши об этих походах бедны, скупы и неполны и мало дают интересных подробностей. Скучно было бы год за годом перечислять эти нападения (тем более что мы и знаем их далеко не все), точно так же и меры, предпринимавшиеся польским правительством для усмирения козачества, чтобы удержать его от новых походов. Если только правительство не отвлекало козаков каким-нибудь своим походом, неизменно получают известия о том, что казаки предпринимают нападения на татар, турецкие города, Молдавию. Напр., когда казаки распущены были домой с московского театра войны, куда их вызвало польское правительство после набора 1578 года, — сейчас получается татарская жалоба, что казаки разгромили на Самаре татарских послов, везших из Москвы деньги хану. К весне казаки собрались на Молдавию, сопровождая какого-то появившегося среди них кандидата на молдавское господарство. Баторий, опасаясь, чтобы из этого не возникло войны с Турцией, приказал задержать козаков; тогда они захватили турецкий город Тягиню (теперешние Бендеры на Днестре), разграбили всю эту местность, забрали турецкие пушки и большую добычу, — говорили, что продали ее затем на ярмарке за 15 тысяч золотых. Войско королевское погналось за ними — они бросили пушки и убежали за Днепр. Чтобы успокоить турок, было поймано несколько десятков козаков, которые затем были объявлены главными виновниками и им на глазах у турецкого посла отрубили головы; приказано также произвести новый набор козаков на королевскую службу, и 600 козаков взято было на службу действительно (1583). Однако мера эта очень мало помогла, и уже в конце того же года казаки сожгли Очаков, причинив большие потери туркам. Король послал к ним своего посла, чтобы отыскать виновных — казаки утопили его в Днепре.

Баторий умер, не успев наказать их за это; казаки же продолжали громить турок и татар. Они получали от Москвы казну за то, что воюют с татарами в ее интересах, а татарскому хану посылали передать, что готовы помогать ему в борьбе с турками, с которыми у него возникли тогда несогласия. Когда татары предприняли весной 1586 года набег на Украину, казаки преградили им дорогу на Днепре, разгромили и принудили возвратиться назад. Затем снова напали на Очаков, взяли замок, влезли ночью на стены по лестницам, перерезали гарнизон и сожгли город. Затем двинулись снова на Молдавию, но господарь получил помощь от турок, и казаки отступили. Вместо

этого они вышли на лодках в море, приплыли к Козлову (теперь Евпатория), взяли на abordаж несколько турецких кораблей, разгромили город, разграбили несколько сот лавок. Подоспел татарский калга¹, произошла битва, но козаки понесли лишь небольшие потери и ушли невредимо. Затем напали на Белгород (теперь Аккерман) и сожгли его. Раздраженный султан приготавлился к большому походу, но козаки преградили дорогу и разгромили татар, пришедших на помощь туркам, ранили самого хана и перебили много татар; после этого и у турок пропала охота к походу, и они возобновили мирные отношения, поставив лишь условие, чтобы среди козаков водворен был порядок.

Правительство снова сделало распоряжение набрать козаков на службу, на этот раз тысячу человек, с тем, чтобы этот полк стоял на Днепре и охранял границы (1590). Одновременно оно велело вывести с Низа своевольных людей и не пускать на Низ и в степи, не продавать им никаких припасов и всех уличенных в добычничестве как можно строже наказывать. Но из этих распоряжений опять ничего не вышло; взятым на службу козакам не платили жалованья, и они продолжали вместе с своевольными промыслять добычничеством и походами на татарские, турецкие и молдавские земли.

Наряду с проявлениями такой военной козацкой энергии еще более важное значение имело распространение козачества на Украине. С тех пор как козачество было оценено как выход из крепостной зависимости, козацкий присуд начинает все более и более распространяться в глубину так называемой «волости», т.е. оседлого заселения Украины. Козачьи отделы под предводительством своих гетманов, полковников и прочих атаманов располагаются среди панских поместий Киевского и Брацлавского воеводств, сначала на пограничье, а затем и в более отдаленных местностях: из разных мест доходят до нас жалобы на них со стороны помещиков, свидетельствующие об этом распространении козачества. Козацкие атаманы собирают контрибуции, разные припасы для нужд войска, устраивают наезды на имения помещиков, оказывающих им сопротивление, а окружающее население «козачится», присоединяется к козакам и не хочет более покоряться своим помещикам, поднимает и бунты против властей и помещиков. Большую известность получило, напр., восстание в Брацлавщине, где брацлавские мещане вместе

---

¹ Калга — старший после хана ханович; следующий после калги носил титул нуредина.

с козаками захватили замок, забрали артиллерию и в течение нескольких лет жили, не зная никаких властей. Подобные случаи чрезвычайно раздражали шляхту, она взывала к правительству об усмирении козачества, бушующего ее подданных. Но правительство, занятое другими делами, не спешило с усмирением, и в течение нескольких лет юго-восточная Украина до самого Полесья находилась, можно сказать, вся целиком в руках козаков, в воле козацких атаманов, а из всевозможных столкновений здешних помещиков и властей с козачеством все сильнее и сильнее разгоралась настоящая война, и козаки уже без церемонии давали чувствовать свою силу и преобладание местному шляхетскому режиму.

58. Козацкие войны 1590-х годов

Предводителем первой большой козацкой войны был козацкий атаман Криштоф Косинский. За свои заслуги он получил от сейма в 1590 году вместе с несколькими другими выдающимися козацкими вождями поместье на р. Роси, но Януш Острожский, бывший белоцерковским старостой, или, точнее, его наместник, захватил эти земли и присоединил к староству, доказывая, что они принадлежали к нему. Косинский, раздраженный этим, собрал козаков и напал на Белую Церковь, разграбил и забрал имущество князя Острожского и его наместника, подстроившего это дело, разгромил также и другие замки Острожских, забрал пушки и засел с ними в Трипольском замке. Король поручил это дело комиссарам — разным местным магнатам, чтобы они своими силами усмирили козаков. Но козаки в повиновении отказали, приготовились к вооруженному сопротивлению, и комиссары не отважились вступить с ними в бой и отступили. Козаки после этого продолжали свои нападения, захватывая замки, находившиеся во владении Острожских и других магнатов, задиравшихся с козаками; завоевали Киев, Переяслав и другие города. Завладев почти всем Киевским воеводством, они перешли затем на Волынь, подчиняя своей власти города, принуждая помещиков признавать власть козацкой администрации над их поместьями и подданными, доставлять припасы войску и не препятствовать желающим отдаваться под власть козацкую и записываться в козаки. Князь Василий-Константин Острожский с сыновьями и другие магнаты, опасаясь, что козачество их разорит вконец, начали готовиться к войне своими средствами: польское правительство не хотело их вы-

ручать, рассерженное противодействием в вопросе об унии, и им приходилось самим о себе заботиться. Они наняли войска в Галиции и в Венгрии, собрали волынскую шляхту, и с этими силами им удалось разбить войско Косинского под местечком Пяткою. Козаки обещали возвратить захваченные пушки и другие артиллерийские снаряды, сместить с гетманства Косинского и оставить панов в покое.

Но возвратившись на Запорожье, козаки сейчас же начали собираться снова с силами и весной 1593 года опять двинулись на волость — на этот раз на Черкассы. Они хотели поспорить с князем Вишневецким, вмешавшимся в предыдущую кампанию и вообще досадившим козакам, в качестве пограничного старосты черкасского, державшего в руках главную козачью артерию. Приступив к Черкассам, Косинский повел осаду, но Вишневецкий подстроил какую-то хитрость, и Косинский и много других козаков были вероломно убиты. После этого козацкое войско отступило, но летом козаки с новым войском приступили к Черкассам, и Вишневецкий, боясь, что козаки в конце концов жестоко отомстят ему, пошел на мировую с ними: заключил с ними договор, обещая впредь предоставлять свободный путь козачеству через свое староство и ничем не стеснять: другими словами, обещал не исполнять законов и распоряжений правительства, направленных против козаков. Так как в его руках собственно сосредоточивалась вся административная власть над всем этим днепровским путем, то после этого козаки сделались настоящими господами всей Восточной Украины. Могущественнейшие магнаты, как, напр., князя Острожские, должны были им покоряться, угождать их птаманам и исполнять их требования, чтобы они оставили их

95. Козачество в изображениях и картинах: «козак Мамай» (тип запорожца), старинная картина

в покое. Конечно, много помещиков кипело негодованием на это господство козачества, разрушавшего все их планы, вносящего дух бунта и непокорности в среду их подданных, выхватывавшего громадные массы «непослушных» из-под панской власти. Но они вынуждены были носить личину покорности и ладить с козачеством, не получая поддержки от правительства, занятого другими делами. Приходилось ждать удобного момента, когда польское войско будет наконец иметь время заняться козаками.

Козачество господствовало, но, слишком внезапно и быстро получив такую небывалую силу, оно не сумело найтись в новых условиях, не сумело упрочить своего положения. Занимаясь разными заграничными походами и добычничеством, козачество не использовало своего господствующего положения в Восточной Украине, чтобы организовать прочно свой козацкий строй, не озабочивалось своими отношениями к правительству, и вследствие этого было вытеснено из «волости» сейчас же, как только правительство направило против него свои силы.

В это время, после смерти Косинского, на первый план среди козацких вождей выступает Григорий Лобода, человек серьезный, опытный воин, но еще без ясной политической программы, вообще очень медленно слагавшейся в козацких головах. Наряду с предводительствуемым им настоящим козачеством — «низовым», запорожским, собираются на брацлавском и волинском пограничье козацкие добровольцы вокруг Семерина Наливайка, острожского мещанина, смелого и удалого атамана. Семья Наливайков известна была в Остроге как ревностные приверженцы своей народности. Брат Семерина, священник Демьян, был выдающимся членом православного острожского кружка; Семерин избрал себе военное, козацкое ремесло. Красавец, мастер на все руки, честолюбивый и гордый, очень молодой — он не хотел подчиняться гетманам низового козачества, и таким образом между этими двумя группами козачества существовала известная неприязнь и даже вражда. Запорожцы припоминали Наливайку, что во время войны Косинского с князьями Острожскими он был в войске Острожского и сражался против козаков. Наливайко оправдывался тем, что война захватила его врасплох, когда он был связан с Острожскими и не мог оставить службу у них; он заявил, что отдает себя на военный суд по этому вопросу, и в конце концов это дело было улажено, но неудовольствие между обоими лагерями сохранилось и позже — оба войска выступают и воюют по своему усмотрению самостоятельно.

В это время западноевропейские правительства, в особенности папа римский и император Рудольф, которому принадлежала завоеванная турками Венгрия, старались организовать большую лигу против турок. Прослышав, что козаки могли бы оказать им большую помощь в борьбе с Турцией, папа со своей стороны, а император со своей задумали завербовать на эту войну козачков, выслав с этой целью на Украину своих агентов с деньгами и подарками. Папский посол, хорватский священник Комулович, не умел войти в непосредственные сношения с козаками: он задумал войти в переговоры с ними через правительственного комиссара, которому козаки совершенно не повиновались, и из этих переговоров ничего не вышло. Но императорский посол Ляссота в 1594 году пробрался в самое Запорожье (он оставил нам очень интересное описание этого путешествия и пребывания в Сечи). Здесь он передал козакам дары императора: знамена с императорским гербом, серебряные трубы и восемь тысяч червонцев, приглашая козачков принять участие в войне с турками. К этому побуждал их также и московский посол, прибывший в это же время с московской «казной», так как император, не зная, кому, собственно, подчиняются козаки, предпринял сношения и с московским правительством, домогаясь, чтобы последнее не препятствовало козакам помогать ему. Агенты императора добивались, чтобы козаки отправились вслед за татарами в Молдавию и не дали им пройти в Венгрию. Козаки хотя были недовольны присланной им незначительной суммой денег, но в помощи не отказали, однако не хотели идти в Молдавию, предпочитая напасть на Перекоп или отправиться в лодках на турецкие города Килию и Бабадаг. Но за что не взялись низовые козаки, взял на себя Наливайко: он двинулся в Молдавию, взял Тягиню, ограбил турок, молдаван, отступил затем назад, когда пришло большое турецкое войско, затем, уже вместе с низовыми, пошел вторично. Козачков насчитывали в этом походе в общем до 12 тысяч, и они жесточайшим образом опустошили Молдавию, сожгли Яссы, и терроризированный этим молдавский господарь отступился от турок и присоединился к императору. Последний был очень обрадован этим, поручал господарю и впредь вести операции против турок сообща с козаками, и козаки вместе с новыми союзниками ходили громить турецкие города: Тягиню, Белгород, Килию.

Польское правительство задумало использовать эти обстоятельства в своих интересах: посадило на молдавском господарстве своего кандидата, Иеремию Могилу, и послало объявить козакам, чтобы они не трогали больше Молдавии, а воевали бы с

татарами. Но козаки к войне с татарами не имели в это время расположения, и когда польское правительство вызвало их из Молдавии, они отправились «на отдых» во внутренние области. Это было осенью 1595 года. Возвратившись на Украину, Наливайко прошел на Волынь и подступил к Луцку во время ярмарки, когда шляхта съезжалась на судебные заседания. Перепуганные мещане и шляхта выехали ему навстречу и заявили готовность заплатить ему выкуп с тем, чтобы он не трогал города, но Наливайко не удовольствовался этою контрибуцией и все-таки разграбил предместья. Затем прошел на Белую Русь, взял Слуцкий замок, забрал оттуда артиллерию, а мещанам велел заплатить большой выкуп (10 тысяч золотых). Оттуда двинулся далее, захватывая, что попадалось по дороге, и собирая добычу и контрибуцию; разгромил Могилев, крупный город в те времена, а когда после всего этого собралось против него литовское войско, Наливайко, обладая большой артиллерией, в полном порядке отступил обратно на Волынь. Одновременно низовое войско, хотя и более скромно, хозяйничало в киевских землях, на Полесье, а когда Наливайко вышел на Волынь, пустилось тоже на Белую Русь. При этом вмешиваясь в различные панские ссоры и наезды, производимые одними панами на других, и наливайковцы и низовцы помогали православным панам, князю Острожскому и другим, сводить счеты с противниками православных, униатскими епископами и их приверженцами, занятыми в это время проведением унии.

59. Война 1596 года

Безнаказанно это козакам не прошло. Польское правительство спокойно смотрело, пока козаки воевали с Острожскими и другими неприятными ему православными панами, но не стерпело, когда козаки начали досаждать лицам, проводившим в это время под покровительством правительства церковную унию. Да и своими погромами волынских и белорусских городов козаки истощили его терпение.

Польское войско в это время как раз было свободно, и в начале 1596 года король дал распоряжение гетману польному (помощнику коронного гетмана, главного начальника польских войск) Станиславу Жолкевскому выступить против козаков и усмирить их. Велел также галицкой и волынской шляхте выступить в поход против козаков, так как польское войско было невелико и сильно ослаблено молдавской кампанией.

Жолкевский ввиду слабости сил решил взять быстротой. Козацкие войска были разбросаны: Наливайко стоял в южной Волини, Лобода — около Белой Церкви, остальное Запорожское войско с артиллерией под предводительством Шаулы находилось на Белой Руси. Жолкевский хотел захватить их, прежде чем они сойдутся, и разгромить каждого в отдельности. Оставив обоз и более тяжелую кавалерию, он бросился с легкой конницей прежде всего на Наливайка и едва не захватил его. Но Наливайко все-таки ускользнул и поспешил к Брацлаву, к своим прежним товарищам. Жолкевский шел по его следам, избивая отставших и захватывая все что удавалось. Наливайко хотя отступал быстро, но в полном порядке, с артиллерией; по пути он вел переговоры с Жолкевским, но вместе с тем переговаривался и с Лободой. Он ждал известий из Брацлава — примут ли его там. Но брацлавцы незадолго перед тем, опасаясь погрома со стороны польского войска, уже покорились и боялись теперь принять Наливайка. Жолкевский едва не захватил его на пути к Брацлаву, но Наливайко задержал польское войско, уничтожив гать на одной переправе, затопил в реке пушки, закопал в землю порох и налегке ускользнул в степи за р. Соб. Туда Жолкевский не посмел за ним идти, и Наливайко, переждавши в «Уманском лесу» (тогда Уманщина была еще пустынею), прошел в Киевское воеводство. Лобода за это время, пока Жолкевский преследовал Наливайка, благополучно соединился с Шаулой; что же касается Наливайка, запорожцы долго колебались, принимать ли его к себе или нет, и Жолкевский старался разъединить их, уверяя Лободу, что главным виновником он считает Наливайка и хочет его уничтожить, а запорожцы пусть только выйдут из волости на Низ, и он их не тронет. Запорожцы, однако, не последовали этим советам: победила идея единства козачества, и они решили принять Наливайка. Шаула соединился с Наливайком под Белой Церковью, и здесь они едва не уничтожили передовое польское войско, двинувшееся сюда под предводительством князя Кирика Ружинского, брата Богдана: он тоже еще недавно был козацким вождем, но теперь пылал жаждой мести козакам за то, что они набунтовали против него и окозачили Паволоцкую волость. Но Жолкевский вовремя подоспел и выручил его из беды. Козацкое войско стало отступать, Жолкевский погнался за ним, и на урочище Острый Камень произошла битва. Козаки составили укрепление из возов («табор»), и полякам не удалось разбить его. Много было убито козацкой старшины: видно, не прятались ни чужими спинами. Самому Шауле пушечное ядро оторвало

руку. Но и поляки понесли большие потери, и Жолкевский не решился далее преследовать козаков, а возвратился под Белую Церковь и послал к королю с просьбой о присылке подкреплений и припасов. И только получив их, в конце апреля начал снова борьбу с козачеством.

За это время козацкие войска собрались под Переяславом, туда же привезли козаки своих жен и детей, чтобы не отдать в руки польского войска. Долго не могли решиться, как быть теперь с женщинами и детьми на руках перед лицом жестокого врага, пролившего уже так много козацкой крови. Одни хотели идти в глубь Заднепровья, на московскую границу, другие советовали остаться под Переяславом и защищаться до последней капли крови; находились и сторонники покорности, советовавшие сдаться Жолкевскому, — но их не слушали. Между тем Жолкевский, пока козаки совещались об этом, думал над тем, как бы ему переправиться за Днепр. На помощь пришли киевские мещане; чтобы расположить к себе Жолкевского, они достали лодки, спрятанные от козаков в воде и в других укромных местах, и приспособили их к переправе. Тогда козаки уставили своими пушками берег, чтобы не дать переправиться, но Жолкевский обманул их: отправил часть лодок под Триполье и делал вид, будто бы хочет перейти Днепр там, а когда козаки отправились туда защищать переправу, он перешел Днепр под Киевом. Тогда козацкое войско решило идти на московскую границу, надеясь, что Жолкевский не отважится идти туда за ними, как не решился идти за Наливайком. Но Жолкевский положил уничтожить козачество. К нему за это время подоспело литовское войско, и он чувствовал теперь себя сильнее козаков; боялся только, чтобы они не переправились за московскую границу или на Дон; с этой целью он возобновил переговоры с козацким войском, а между тем послал часть своей конницы со старостой Струсем, поручив ему напасть на козаков с тыла и задержать их поход в степи. Это поручение отдано было так секретно, что даже сами участники не знали, куда их ведут; не знали ничего и козаки. Они переправлялись тогда через Сулу между рекой Солоницей и Лубнами; остерегались только Жолкевского, а на случай, если бы стража дала знать о приближении его войска, намеревались уничтожить мост на Суле, рассчитывая перейти за московскую границу, пока Жолкевский будет устраивать переправу на месте уничтоженного моста. Этому и опасался Жолкевский и выслал отряд, поручив ему отрезать отступление козакам. Тот незаметно преградил им дорогу за Лубнами, и когда подоспел Жолкевский, напал не-

ожиданно с другой стороны. Это привело в замешательство козачков, они решили остаться на месте, над р. Солоницей, и защищаться здесь.

Место для защиты было удобное, с широким видом на все стороны. С одной стороны оно было защищено непроходимыми болотами Сулы, с других козаки оградилась несколькими рядами возов, валами и окопами. В середине они поставили деревянные срубы, набитые землей, и на них поместили пушки. Лагерь был хорошо укреплен, и взять его приступом было невозможно. Годного к бою козацкого войска было еще около 6 тысяч и, кроме того, столько же народа неспособного, женщин, детей и т.д. Жолкевский задумал измучить козачков осадой, не давая выгонять скота и лошадей на пастьбу, томил пушечной стрельбой, а одновременно вел переговоры, стараясь разъединить козачков: поселить среди них подозрения и несогласия. Эти усилия его не остались без успеха. Застарелая вражда запорожцев и наливайковцев снова ожила среди угнетенного настроения. Начались ссоры, затем кровавые столкновения. На одной раде (общем собрании войска) произошла свалка, и в ней был убит Лобода; но Наливайку не удалось получить булаву: гетманом был избран Кремпский, а низовцы не могли забыть Наливайку убийства Лободы. В козацком лагере вообще приходилось тяжело: скот погибал без корма; ядра польских пушек убивали людей и лошадей, неубранные трупы гнили среди лагеря и при жаркой погоде делали воздух совершенно невозможным. При таких обстоятельствах поддерживать порядок и энергию было очень затруднительно; удивительно, что козаки в таких условиях все еще держались.

Но нелегко было и Жолкевскому. Трудно было добывать припасы для войска, и он убедился, что скорее его войско погибнет от голода, чем осажденные козаки. Солдаты его совершенно выбились из сил от непрерывной сторожевой службы. А над Днепром тем временем собирались новые козацкие полки под предводительством Подвысоцкого и нарочно опустошали Поднепровье, чтобы этим отвлечь Жолкевского от осады. Из Запорожья по Днепру шли новые козацкие полки на помощь козацкому войску под Лубны. Жолкевский старался их удержать, как перед тем Лободу: посылал к ним своих посланцев, уверяя, что ничего не имеет против них, лишь бы не присоединились к бунтовщикам, — но те не слушали. Если бы они подошли к Лубнам — дело Жолкевского было бы проиграно. Но отрезанные от всего света козаки в солоницком лагере не знали, что помощь так близка.

96. Из церковной старины Западной Украины. Лавровский монастырь, где, как говорили, был похоронен князь Лев

Жолкевский решил сделать последнюю попытку, чтобы утратить козаков и принудить к сдаче. Он снова открыл жестокую канонаду, начал делать приготовления как бы к решительному приступу — и вместе с тем уговаривал козаков сдаться, требуя только выдачи главных зачинщиков и обещая полную безопасность остальным. В конце концов козаки не вы-

держали, имея перед глазами своих полуживых жен и детей. После двух дней тяжелой канонады они приняли условия Жолкевского: обещали выдать зачинщиков, пушки и всякие припасы, знамена и другие дары императора Рудольфа. Видя, к чему это клонится, Наливайко хотел бежать; наливайковцы защищали своего атамана, но запорожцы схватили его и выдали полякам. Вместе с ним был выдан Шаула и еще несколько старшин.

Но когда они все это исполнили, Жолкевский потребовал, чтобы каждому шляхтичу было предоставлено забрать своих подданных, какие окажутся среди козаков. На это козаки согласиться не могли, так как они чуть не все поголовно отдавались в таком случае на произвол своих помещиков. Тогда польское войско напало на них, безоружных, неприготовленных, вопреки заключенному уже перемирию, и устроило возмутительную резню. «Так их немилосердно рубили, что на милю или более лежал труп на трупе», — рассказывает современник поляк.

Только часть козаков под предводительством Кремпского отбилась и ушла на Запорожье. Козаки Подвысоцкого и запорожцы также возвратились назад. Жолкевский уже не чувствовал себя в силах осуществить свой план — вконец истребить

козаков. Легче было выместить все на взятых в плен атаманах. В особенности жестоко мучили Наливайка: почти год держали в тюрьме и беспрестанно пытали, допрашивая о сношениях с соседними государствами и разными лицами. Наконец отрубили ему голову, а тело четвертовали. Среди польского общества и среди украинского населения ходили рассказы о необычайных муках, которыми замучили Наливайка: что его посадили на раскаленного железного коня, а на голову положили железную корону — за то, что он, будто бы, назвал себя «царем Наливаем» и хотел быть королем Украины.

60. Упадок национальной украинской жизни и усилия к ее возрождению

Хотя устроенный Жолкевским погром и не уничтожил окончательно козачества, но действительно придавил его и согнал на некоторое время с «волости» на Низ, и это имело немалое значение не только для самого козачества, но и для всей украинской жизни. Это случилось в чрезвычайно тяжелый для Украины момент, когда все украинское общество, в предчувствии удара, занесенного над его головой в виде церковной унии, пришло в движение, ища средств для борьбы и сопротивления. Козачество как раз перед тем дало уже почувствовать свою силу, и с ним уже начали связываться различные национальные и религиозные расчеты — это почувствовали и враги, называя православных «наливайками» и клевета на них, будто бы они состоят в сношениях с Наливайком и другими козацкими бунтовщиками. В действительности этого еще не было, или едва только начиналось, но такой союз действительно рано или поздно должен был осуществиться, так как украинское и белорусское общество искало себе помощи и спасения где только могло, и если бы не солоницкий погром, вероятно, уже в конце XVI в. козачество приняло бы такое участие в общем движении, какое приняло, вследствие нанесенного ему поражения, только четверть века спустя.

Обстоятельства неизбежно вели к этому. Украинское общество решилось бороться на жизнь и на смерть с надвигающею на него угрозой ополячения.

Мы видели, в какие условия поставило украинский народ польское владычество. Оно принесло украинским народным массам порабощение и экономическое разорение, привело к упадку города, преградило украинскому мещанству путь к про-

мышленности и торговле. Украинский землевладельческий класс был единственным, какой государственные законы допускали к участию и к влиянию в политической жизни, но и его польское господство лишило всякой политической роли и значения и свело в действительности его политическое влияние к нулю. Украинские шляхтичи, неорганизованные, разбитые и затопленные с самого начала польским шляхетским потоком в Западной Украине, уже на первых порах были сбиты со всех позиций, отодвинуты и устранены от всего так, что, лишь принаравливаясь к господствующему польскому элементу, ополячиваясь и окатоличиваясь, могли достичь фактического равноправия. И действительно, к началу XVI в. все, что было выдающегося, стремившегося к власти и значению среди украинской шляхты Галиции, Подолии, Холмской земли — за небольшими исключениями — уже ополячилось совершенно, а в XVI в. то же самое начинает повторяться и на Волыни, и на Поднепровье. Хотя грамоты 1569 года обещали местной православной аристократии, что она будет во всем пользоваться равными с католиками правами, но это обещание оказалось пустым звуком; вскоре высшие слои здешнего населения точно так же увидели, что без окатоличения и ополячения им закрыты все пути. И жизнь этих верхних слоев — даже на Волыни, в этом гнезде украинской аристократии — князей и магнатов, действительно начинает быстро ополячиваться, а украинское население вместе с этим окончательно утрачивает и тот единственный класс, какой мог бы иметь некоторое влияние и значение и служить опорой украинской национальной жизни.

В это время, в XV—XVI веках, украинская культурная жизнь под польско-литовским господством приходит в сильнейший упадок. Мы знаем уже, как она тесно связана была с церковной жизнью, — а церковь и православное духовенство привыкли стоять под особенным попечением и покровительством государственной власти. Теперь украинского правительства не стало, а литовское, в особенности польское, правительство держало православную церковь в черном теле и не раз очень больно давало ей чувствовать свою католическую ревность. Поэтому православная церковь приходит постепенно в расстройство и упадок, а вместе с церковью и связанная с нею старая культура. Все меньше становится просвещенных людей среди духовенства, гибнут старые школы, ослабевает литература и художественное творчество. Правда, там, где еще прочно держалась православная аристократия, украинские князья и магнаты, — они могли до некоторой степени поддержать церковную жизнь

и связанную с ней культуру. Но и они беспомощны были перед тем расстройством, какое вносило в украинскую церковную жизнь враждебно настроенное правительство. Великие князья литовские и короли польские присвоили себе «право подаванья», т.е. раздачи церковных должностей: кандидаты в епископы и архимандриты должны были записаться жалованной грамотой короля или великого князя, чтобы занять церковную должность; но, выдавая эти пожалования, короли и великие князья вовсе не заботились, подходят ли кандидаты к этим постам, и раздавали их за «челобитье», попросту говоря — за деньги, смотря по тому, кто больше предлагал или выслужился чем-нибудь перед королем.

Таким образом в епископы и архимандриты попадали люди, не имевшие никакого призвания к духовной жизни, не принимавшие даже посвящения; получив епархию или монастырь, такие люди растрачивали церковное имущество, церковные поместья, обогащая на их счет своих родственников и детей. С этим ничего не могли поделать ни аристократия, ни простой народ, и у них просто пропадало желание делать что-нибудь для своей церкви, когда они видели, что поместья, денежные суммы и драгоценности, жертвуемые на украшение церкви, на содержание ученых людей, на помощь калекам и беднякам, разбрасывались и растрачивались развратниками, пьяницами, раздававшими церковные драгоценности в подарок своим дочерям, любимцам и Бог весть кому.

Благодаря этому королевскому «подаванью» (иначе — патронату) XVI в. стал временем крайнего расстройствa и падения православной украинской церкви. Напрасно украинская аристократия добивалась, чтобы король предоставил ей право

97. Митрополит Иосиф Солтан — один из лучших митрополитов, заботившийся об упорядочении православной церкви (в начале XVI века)

избирать на церковные должности достойных людей — короли не хотели выпустить из своих рук такого выгодного права. А между тем расстройство церковных отношений самым тяжелым образом отражалось на национальной и культурной украинской жизни. Православная церковь была единственным национальным представителем украинской народности, ее национальным знаменем, а вместе с тем главной опорой национальной культуры. И эта национальная культура в таких условиях приходит в упадок и не может соперничать с культурой польской.

Польская культура XIV—XV веков сама по себе также не стояла высоко — она была лишь слабым и отсталым отражением современной немецкой и итальянской культуры. Если она получала перевес над культурой украинской, то потому, прежде всего, что была культурой государственной, официальной, более приспособленной к условиям общественной и государственной жизни Польши, а также и потому еще, что за ней стояла более сильная и близкая, созвучная ей католическо-латинская культура немецкая и итальянская, к которой открывал путь школьный и литературный язык Польши; украинско-византийская же культура в новых условиях польско-литовской государственной жизни была все менее и менее пригодна и просто-таки, кроме церковного употребления, ни к чему не нужна; византийские источники ее давно иссякли, и она повторяла только старые зады, не идя за веком и за потребностями жизни. Это лишало ее возможности соперничать с польско-латинской культурой, в особенности когда последняя стала развиваться интенсивнее. Польская церковная жизнь XVI в. (до самой последней четверти) также пережила период упадка и сильного расстройствa, но зато под влиянием немецкого реформационного, противокатолического движения в Польше возникает светская литература и культура, противокатолическая, чисто шляхетская по духу, и ей украинское общество опять-таки ничего не могло противопоставить. Самостоятельного реформационного, противокатолического движения не создалось на украинской почве. Кто поддавался влиянию реформационных идей, отрываясь от единственной украинской основы — церковной, поддавался тем самым и польской культуре и отрывался от украинской народности. Украинское общество видело и чувствовало, что единственной почвой, на которой в данный момент можно объединить все слои и части украинского народа, остается старая православная религия, с которой неразрывно связано было само понятие украинской или, как тогда говорили (по старой традиции Киевско-

го государства) — русской жизни. Но как же трудно было удержать кого-нибудь на этой церковной почве, разоренной и разбитой польским господством, а в особенности высшие украинские круги, ввиду соблазнов польской шляхетской культуры, как раз начинающей свое блестящее развитие с половины XVI в. — именно в период сильнейшего упадка украинской церкви!

Развитие помещичьего хозяйства, значительный вывоз за границу лесного материала, скота, зерна, достигающий во второй половине XVI в. наибольших своих размеров, обогатили шляхту, привыкшую до того к очень скромному, даже бедному образу жизни. Крупные суммы, переходившие в шляхетские карманы взамен за крепостные дани и повинности, развивали стремление к роскоши, блеску, показному богатству. Не шли они ни на хозяйственные цели, ни на культурные нужды, а тратились на внешний блеск — прежде всего на дорогие убранства, затем на пьяное и сытое разливанное море. Современные описания наполнены жалобами на неслыханные дотоле прихоти в шляхетском быту, на роскошь и погоню за модой. Кое-что, однако, перепадало при этом на более культурные статьи, однако и самый внешний блеск достаточно привлекал малокультурное украинское и белорусское панство, начинающее заимствовать польские обычаи, польский язык, посылать детей в польские или заграничные школы, где они привыкали к новым формам жизни, разрывали с своей верой и традициями и делались поляками.

61. Просветительное движение

Со страхом наблюдали украинские и белорусские патриоты этот ужасающий упадок своей народности, соображая, что с дальнейшим развитием его самые богатые, культурные, ценные элементы общества неизбежно должны были погибнуть для своего народа, отойти от него. Глубокою скорбью наполняло их сознание, что их «Русь» становится предметом пренебрежения и презрения, как некультурная, грубая, темная масса. В разных местах на протяжении XVI в., а в особенности его второй половины, встречаем людей, очевидно, глубоко задумывающихся над способами подъема уровня «русской», т. е. украинской и белорусской жизни — просвещения, школы, книжности. Они идут к этой цели преимущественно старым, церковным путем. Это не удовлетворяет современное общество, нуждающееся в куль-

98. Григорий Ходкевич, основатель
Заблудовской типографии

туре светской, отвечающей потребностям политической и общественной жизни Польско-Литовского государства, но, как уже сказано, — патриоты того времени считали православную стихию той единственной основой, на которой еще можно удержать остатки украинской или белорусской интеллигенции: все, что сходило с этой почвы, пропадало для народной жизни.

На протяжении второй половины XVI в. то здесь, то там выдвигаются небольшие центры такой работы над возрождением культуры, книжности и

просвещения; мы мало о них знаем, не все их знаем, но и то, что знаем, дает нам достаточное понятие, в каком направлении шла эта работа. Так, на украинском пограничье, в Заблудове, в поместьях украинского магната (из киевских бояр) гетмана литовского Григория Ходкевича (собственно, Ходковича) основывается в 1560-х годах типография, и в ней трудятся принятые Ходкевичем первые московские печатники — Иван Федоров и Петр Мстиславец, вынужденные бежать из Москвы от раздраженного этим новшеством московского населения. В 1569 году здесь вышло Учительное евангелие (сборник поучений на евангельские тексты), в 1575 году Псалтырь. Но затем у Ходкевича пропала охота к этому делу, и Иван Федоров, оставив его, перешел во Львов. Другой московский выходец, князь Курбский, бежавший от гнева царя Иоанна Грозного основавшись на Волыни в Ковеле, в то же время (в 1560-х годах) собирал у себя книжных людей, занимался переводами греческих отцов под держивал сношения и переписывался с выдающимися людьми на Украине и Белой Руси, убеждая их крепко держаться своей веры и не соблазняться католической культурой. Третий такой кружок собирается в Слуцке, при дворе князя Юрия Слуцкого, потомка киевских князей Олельковичей; здесь также находили приют книжные люди, а затем, как рассказывает один

современник (1581), здесь была организована типография и школа, но, к сожалению, мы ничего больше о них не знаем.

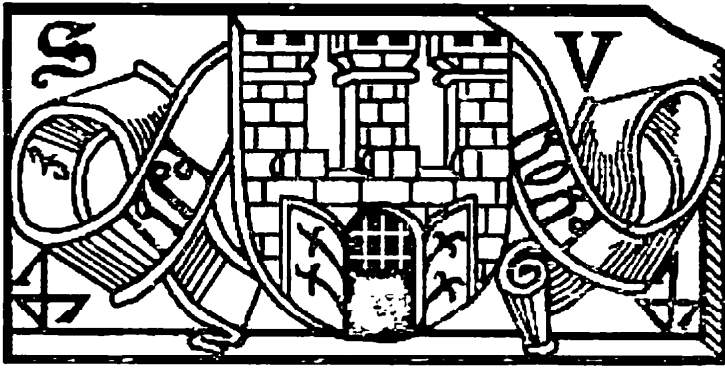
Гораздо более важным и устойчивым центром такой новой культурной работы был Острог на Волыни, княжество князей Острожских. Князья Острожские, потомки киевского княжеского рода, с давних пор отличались своей стойкостью и преданностью своей народности. Не раз встречали мы князей из этого рода в роли ее ревнителей. Князь Константин Иванович Острожский, гетман литовский, считался

99. Князь Юрий Слуцкий,
основатель слуцкой школы

в свое время главным столпом и защитником своей народности и религии (умер в 1530 году). Сын его, Василий-Константин, киевский воевода, владелец огромных поместий, состоявший в родстве с первыми домами Польши и Литвы, не играл выдающейся политической роли, но прославился также как покровитель украинской культурной жизни и защитник православной веры; конечно, принимая во внимание его громадные средства, он мог бы жертвовать на эти цели гораздо больше, но все-таки и то, что он дал, было самым значительным из всего, что вообще получила тогдашняя украинская жизнь от своего магнатства.

Известия наши опять-таки очень скупы и здесь. Можем догадываться, что в Остроге уже с давних пор сосредоточивалось ученое духовенство, вело школу, развивало известную книжную деятельность; в 1570-х годах здесь делаются попытки создать высшую школу, по образцу польских академий. Современники называют ее «триязычным лицеем» (так как учили в ней по-славянски, по-гречески и по-латыни) или «греческой школой», греко-славянской академией. Однако наладить тут как следует высшее преподавание все не удавалось, по недостатку соответственных преподавательских сил: их и в греческих землях трудно

Докоптанъ быхъ на кнѣзю великъ цѣркъ
 а бо украинскѣхъ предержавѣ великаго корз
 ала пѣмкыа гнѣзидиръ-сѣдскыа та нѣ быдѣ
 шаннѣ оукракоу ськыдыша и пѣлтодѣ,
 рѣоль, пѣнѣдѣць пѣдцѣко городоу,
 франкѣ йсконѣши ка побожне дѣмаро
 кенне. дѣсть дѣвѣть дѣлѣ й а лѣто

100. Концовка из изданий Швайпольта Фиоля 1491 года (древнейшие издания печатанные в Кракове для украинских и белорусских земель, пока католическое духовенство не запретило их)

Но все же это была школа высшего типа, и врагам православных, доказывавшим, что на православной почве невозможна наука, невозможно просвещение, — острожская школа служила вполне реальным ответом. С нее начинается поворот к высшему образованию на Украине.

Вокруг школы и вне ее группировались в Остроге ученые люди и создавали своего рода ученое общество; здесь были знаменитые богословы и писатели того времени, как Герасим Смотрицкий и сын его Максим, в монашестве Мелетий, затем Василий, автор выдающегося богословского трактата «О единой истинной православной вере», Филарет Бронский, Клирик Острожский и другие. Первым важным делом этого ученого кружка было издание печатной Библии. К князю Острожскому перешел в 1575 году Иван Федоров из Львова, устроил здесь типографию, и первым делом ее по мысли Острожского должно было послужить именно издание Библии. По тем временам это было предприятие грандиозное: полной Библии почти не было, обращались только отдельные части ее. Острожский отправлял своих людей в разные края — разыскивать греческие тексты и славянские переводы, затем несколько лет тянулась работа над ис-

было отыскать в то время, а неправославных ученых боялись брать, чтобы они не привили школе своего католического духа. Можно было бы, конечно, приготовить постепенно ученых преподавателей из своих воспитанников, посылая их в западные университеты, но до этого как-то не додумывались. Только по временам удавалось залучить греков с высшим западноевропейским образованием (как Кирилл Лукарис, позднейший патриарх или прото-синкелл Никифор).

правлением этого перевода, несколько лет печаталась Библия, и в 1580 году вышло в свет это самое крупное произведение славянского книгопечатания. Позже, в 1580—1590-х годах острожских ученых занимала главным образом оборона православной религии на литературной почве: борьба с новым календарем, который насильно хотело ввести правительство, а православные не принимали, затем борьба с церковной унией — таковы писания Василия, Герасима Смотрицкого, Бронского, Клирика Острожского.

Украинское общество высоко ценило деятельность острожского кружка и острожской школы, но тем более печалилось, видя, как непрочным было ее существование. Сыновья князя Константина были ка-

толики, один только остался православным — Александр, но он умер еще при жизни отца; старший Януш, которому предстояло унаследовать острожские имения, рано перешел в католичество — за что и получил самую высшую должность в государстве: краковское кастиелянство. Мало было надежды, чтобы при нем острожская школа могла не только развиться, но и продолжать свое существование, и действительно, по смерти князя Константина острожский кружок и его учреждения приходят в упадок. То же было и в Слуцке, где со смертью князя Юрия владения князей Слуцких перешли в католические руки и все начинания просветительской работы замерли. И вообще на арис-

Α Δ Ε Λ Φ Ο Τ Η Σ .

Γ Ρ Α Μ Μ Α =
Τ Ι Κ Α Δ Ο Β Ρ Ο Γ Λ Α Γ Ο -
Λ Η Β Α Γ Ο Ε Λ Λ Η Ν Ο Σ Λ Ο Β Ε Ν
σκας γλώσσας. Σοφιστήριον
ήκιστα ὀσμὴ χερσὶν ἑσθλα.

Κολοσιανῶν ἀποστόλου
Ῥώμης πόλεως.

Β Ο Λ Β Ο Β ῶ .

Βιβλιοθήκη **Βρατεσκῆς. Ρῶμης,**

Α Δ Ε Λ Φ Ο Τ Η Σ .

101. Греческо-украинская грамматика 1591 года, составленная во львовской братской школе

тократию надежды было мало: слишком поздно началась эта просветительная работа и слишком бедна была еще она, чтобы удержать и привязать их к своей народности. Дети магнатов и богатой шляхты отправлялись по-прежнему в католические школы, в особенности к иезуитам, основавшим свои школы в конце XVI в. во многих городах — в Вильне, Ярославе, Люблине и др.; в эти школы, как очень умелые воспитатели, иезуиты привлекают именно детей из высших классов и воспитывают их ревностными католиками.

«Не надейтесь на князи» — должно было сказать себе украинское и белорусское население, глядя на все это, и подумать о том, чтобы обеспечить национальную жизнь своими средствами. И во главе этого движения пошло мещанство — на Украине львовское, на Белой Руси виленское.

62. Братства

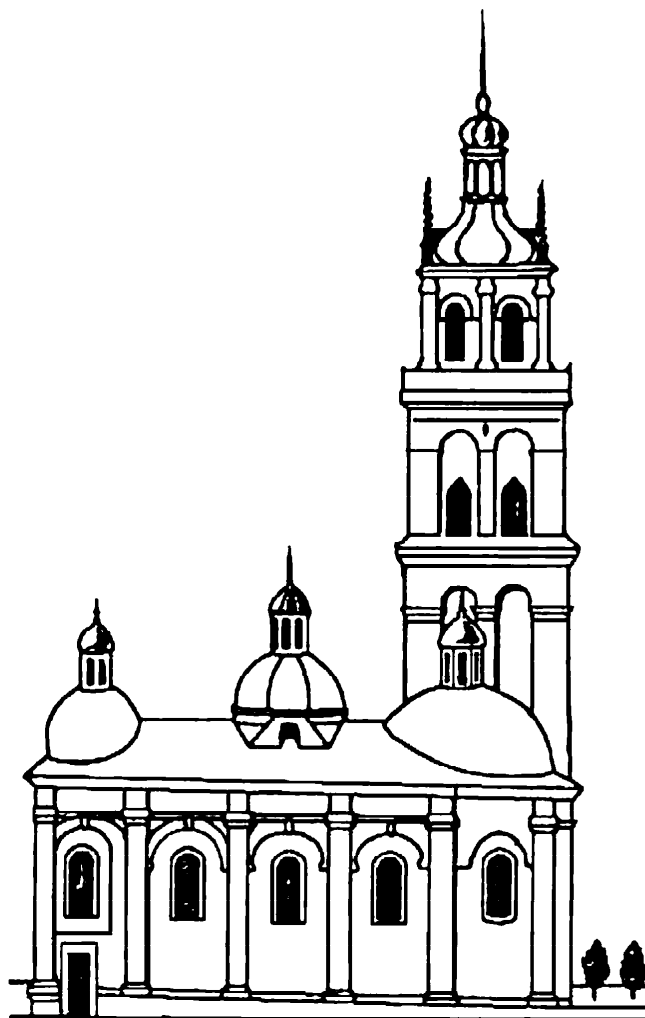
Мы уже знаем, что еще в 1530—1540-х годах украинское и белорусское мещанство, желая располагать легальной формой для своей организации и организации вообще украинских элементов, воспользовалось для этого старой братской организацией. Реформировав ее по образцу ремесленных цеховых братств, оно приспособило таким образом исконную братскую организацию к новому городскому строю, к новой жизни, принесенной польским господством. Содержание в этих новых братствах формально осталось прежнее, старое, небогатое: опека над братской церковью и впавшими в несчастье сочленами. В действительности жизнь братства заполнила защита своих национальных прав: в особенности так было в Львове, где сильнее, чем где-нибудь, украинское мещанство чувствовало над собою чужое владычество, и львовское братство стало главным очагом и органом этой борьбы.

Середину XVI в. здесь заняла борьба за восстановление православной кафедры для Галицко-Львовской епархии, на которую предъявлял претензии католический львовский архиепископ. Позже, в 1570 году, украинские мещане Львова вступают в новую борьбу за равноправие: разные ограничения тем сильнее давали им себя чувствовать, что в продолжение XVI в. украинское мещанство здесь очень выросло и численно, и экономически, и культурно. Но и на этот раз ему удалось добиться только некоторых, довольно незначительных облегчений, и прежнее неравенство в главных чертах продолжало существовать.

После этого львовян охватила борьба за календарь: опять-таки во Львове, более чем где-нибудь, правительство и католическое духовенство силилось принудить православных, чтобы они вместе с католиками приняли новый исправленный календарь. Православные считали это покушением на свою церковную и национальную жизнь и стояли на том, что пока они добровольно не примут нового календаря, никто не может их принудить к этому. Этот инцидент сильно захватил украинское население; доходило до насилий со стороны католических помещиков, духовенства и правительства, до схваток, арестов, наказаний, но в конце концов украинское общество отстояло свою точку зрения и таким образом добилось признания своей автономии в вопросах своей культуры.

Когда в украинском обществе начало распространяться сознание необходимости национальной культурной и просветительской работы для защиты и подъема национальной жизни, эти идеи захватывают также и львовских братчиков. Из их среды выступают наиболее горячие защитники просвещения, школы, литературной работы и прежде всего украинской школы, — школы и школы, как единственного спасения от национальной гибели. Недостаточно заботиться о церкви, доказывали они: церковь без просвещения, а значит без школы — бессильна. И в этом направлении начинается оживленная деятельность среди львовского общества.

Уже в 1570-х годах обратился к содействию Львовского братства Иван Федоров, после того как оставил Заблудов. Но братчи-

102. Церковь львовского братства, строившаяся в конце XVI и начале XVII века

ки, занятые постройкой новой братской церкви вместо сгоревшей, не могли оказать ему сколько-нибудь значительной материальной помощи. Типография, которую Федоров все-таки оборудовал при помощи здешнего духовенства и мещан, вскоре очутилась в залоге у евреев, а сам он, отпечатав только одну книгу — Апостол (1574), перешел к князю Острожскому. Потом он, однако, снова возвратился в Львов, опять пробовал привести в движение свою типографию, но так и умер, не успев в этом (1583). Его типографию начали приторговывать у залогодателей купцы из чужих стран. Но львовские украинцы никак не хотели выпустить ее из своего города, и львовский епископ Гедеон Балабан с братчиками выдали заемные письма залогодателям и выкупили типографию, а для расплаты начали собирать пожертвования со всей Украины, чтобы не упустить из рук этот «скарб особый».

Но братчики, несмотря на недостаток средств, думали тогда не об этой только типографии: им хотелось хорошей школы, они задумывали выстроить братский дом, в котором можно было бы поместить и школу, и типографию, и приют для убогих и калек. Когда в конце 1585 года в Львов приехал антиохийский патриарх Иоаким, братчики обратились к нему с прошением, чтобы он от себя пригласил украинское общество к жертвованиям для основания школы, «для обучения детей всякого звания — чтобы не был их род как бы бессловесным за ненаучением». Патриарх исполнил их просьбу — выдал с этой целью окружное послание, также и епископ Гедеон, горячо призывая всех православных к жертвованиям.

Вместе с тем, ставя себе такие высокие задачи и взывая к христианским и национальным чувствам своих земляков, братчики считали необходимым и свою братскую жизнь поставить соответственно этому на более высокую степень. Они решили упразднить совершенно братские пиры; с этого времени братские собрания должны были служить наставлению в вере и просвещению: покончив с текущими делами, братчики должны были заниматься чтением полезных книг и серьезными разговорами; они должны были следить за жизнью своих членов, делать им указания, а неисправимых и упрямых исключать из своей среды. Весь устав проникнут был духом веры и самоотречения.

Когда братчики предложили этот новый устав на утверждение Иоакиму, патриарх, насмотревшись перед тем на беспорядки в украинской церкви, был чрезвычайно обрадован таким высоким настроением и благими намерениями братчиков. Он

не только одобрил их намерения, но и снабдил их различными поручениями и правами, дотоле неслыханными: братчики должны были следить также и за духовенством, доносить о замеченных беспорядках епископу, а если бы епископ противился и не поступал по закону, — то и ему они не должны повиноваться, как врагу правды. Патриарх постановил также, чтобы все прочие братства повиновались львовскому Успенскому братству.

Это были чрезвычайно широкие права, коренным образом изменявшие все церковные порядки, и пожалованы они были братству без нужды и неосмотрительно, так как неизбежно должны были повлечь за собою недоразумения и столкновения с духовенством. Но так поступил не только Иоаким, а и константинопольский патриарх Иеремия, приехавший два года спустя и утвердивший эти распоряжения. Этими распоряжениями патриархов Львовское братство было поднято на необычайную высоту, действия братства удостоились наивысшего одобрения, и это во всяком случае имело ту положительную сторону, что вызвало оживленное движение среди украинского мещанства. В больших и малых городах население начинает основывать братства или реформировать существующие по образцу Львовского, передавая их под его власть и опеку. Стараются, по примеру львовских мещан, основывать школы и из львовской школы берут себе учителей или отправляют туда своих учеников для дальнейшего образования и приготовления к учительскому званию. Знаем, напр., об основании таких братств, вслед за реформой львовского, не только в Рогатине, Городке, но и в таких совсем маленьких местечках, как Гологоры, Сатанов. Во всех больших городах также основываются братства — в Перемышле, Берестье, Луцке и пр. И главным образом и прежде всего эти братства занимают школы.

Литературная и издательская деятельность при львовском братстве не развилась сколько-нибудь заметно — не хватало для этого средств, какие имел острожский кружок благодаря помощи Острожского. Острожский кружок выделялся своей издательской и литературной деятельностью до начала XVII в., а затем уже, начиная со второго десятилетия XVII в., выдвинулся в этой среде кружок киевский, имевший в своем распоряжении богатую лаврскую казну. Зато Львовская школа пошла очень хорошо, имела своих выдающихся преподавателей и ученых из местных людей и приезжих греков, как архиепископ Арсений, Стефан Куколь, по ученой моде того времени перекрещенный на Византию, брат его Лаврентий, Кирилл Транквиллион-Ставровец-

кий — все выдающиеся ученые и писатели, Иван Борецкий (из Бирчи), впоследствии киевский митрополит, и др. Эти успехи львовской школы, имевшей служить высшей школой, вроде острожской, очень радовали украинское общество и побуждали к основанию в других городах меньших школ, служивших подготовительной ступенью к школе львовской. Так, например, перемышльский епископ и мещане, основывая братство, думали прежде всего об основании школы. «Эта наша земля и повет очень оскудели в науке, а люди из благородного звания (здесьняя мелкая украинская шляхта) очень желают иметь учителя и отдавать своих детей в науку письменную», — писали они львовским братчикам и просили прислать им учителями своих воспитанников — вероятно, перемышлян родом, учившихся в львовской школе.

Вся эта школьная наука как в высших школах, так и в низших, носила сильно выраженный религиозный характер: обучение начинали с церковных книг и целью учения ставили изучение Святого Писания и христианского вероучения. Однако среди украинского общества находились еще люди, которым казалось, что все-таки эти школы слишком отдаляются от православного предания, так как понемногу учат своих учеников и светским предметам, каким обучали в современных католических школах. Не нравилось им также, что для вразумительности церковные книги толковались современным украинским языком. Им казалось, что нужно держаться исключительно церковнославянского языка и предметов вероучения, так как иначе, хотя бы немного отступив от них, ученики неизбежно поддадут соблазнам современной светской мудрости и католической культуры. Среди таких защитников старины в особенности выделялся афонский монах Иван из Вишни (из Перемышльской земли), наиболее выдающийся писатель и публицист того времени. Он спорил с львовскими братчиками и в сочинениях своих выступал против современных новшеств. Но несмотря на его авторитет и пламенное красноречие, его не слушали в этом вопросе: все глубоко были убеждены, что только хорошо поставленная школа, способная выдержать конкуренцию католических школ, приноровленная к жизни, доступная населению — а для этого преподающая на народном языке — может спасти украинскую народность от национальной гибели. Эти идеи особенно горячо проводились в интересной книге «Пересторога», вышедшей из львовских братских кругов — к сожалению, без имени автора.

63. Уния

Успехи братского движения, однако, омрачались тяжкими недоразумениями с духовенством и епископами. Я уже говорил, что чрезвычайно широкие права по отношению к духовенству и епископам, сообщенные львовскому братству патриархами, было весьма опасным и ненужным подарком, так как вовлекали братство в совсем лишнюю борьбу с духовенством и много повлияли на то, что православные епископы начали искать себе защиты у католической иерархии. По издавна заведенному порядку в православной церкви епископы привыкли управлять делами своей епархии как полные хозяева. За последние столетия власть митрополита упала, православных князей не стало, соборы епископов собирались редко, и епископ, выпросив или купив себе епархию у короля, правил ею без всякого контроля, никого не спрашивая, ни на кого не обращая внимания, кроме правительства. А теперь какие-то мещане, которых и за людей не считал шляхтич-епископ (епископы должны были быть из шляхтичей, — такой установился в Польше порядок) — «простые мужики, сапожники, «кожемяки», как отзывались епископы о братчиках, — начинают указывать епископу, как должен он управлять епархией! Как было это стерпеть!?

Как только львовские братчики, исполняя поручение патриарха Иоакима, взялись заводить порядки среди местного духовенства, сейчас же вышла у них из-за этого ссора с владыкой Балабаном — ссора совершенно ненужная! Гедеон Балабан был довольно образованный владыка, с добрыми намерениями, и до сих пор поддерживал просветительные стремления братства, но не мог стерпеть, когда эти «простые хлопцы» начали вмешиваться и указывать ему, что должно быть и чего не должно быть. Балабан сначала ответил им, что патриарх Иоаким к украинской церкви никакого отношения не имеет и его постановления для нее не имеют обязательного значения. Но братчики перенесли дело на решение константинопольского патриарха, а этот последний, наслушавшись сообщений Иоакима о церковных беспорядках на Украине, подтвердил все распоряжения Иоакима, упрекал Гедеона за ссору с братством и угрожал подвергнуть его анафеме, если он будет на будущее время противиться братству. Гедеон не покорился, проклял львовское братство и начал чинить ему всяческие неприятности. А когда патриарх Иеремия, приехав на Украину самолично и разобрав дело на месте, стал еще более решительно на сторону братства и освободил его

из-под власти епископа, то владыка Гедеон был этим так огорчен, что обратился к своему недавнему врагу, архиепископу львовскому, и просил, чтобы тот освободил украинских владык из-под власти патриархов. Так Гедеон стал из всех украинских владык «чиноначальником отступления от патриархов».

Это был очень горький плод необдуманных патриарших распоряжений. Но не только в этом случае оказалась несчастливой рука патриархов в их вмешательствах в дела украинской церкви. Украина вообще давно отвыкла от непосредственных вмешательств патриархов в ее церковные дела. И раньше патриархи очень редко принимали непосредственное участие в этих делах, а за последние столетия их участие прекратилось почти вовсе: к ним посылали лишь за благословением для новопоставленных митрополитов, и только. Митрополит не знал собственно никакой власти над собою, кроме правительства, епископы тоже. А теперь — небывалая вещь — сами патриархи приезжают на Украину: сначала антиохийский (1585), затем константинопольский (1588). Ехали они собственно в Москву просить пожертвований на свои нужды; украинские дела их интересовали мало. Не разбирались они в здешних отношениях и не знали их; но когда к ним обращались в разных вопросах, они распоряжались очень решительно. При этом особенное внимание обращали на мелочи, с которыми украинская церковь продолжала существовать без большого вреда, а патриархи раздували их, поднимали большой шум из-за местных обычаев, казавшихся им непорядками. Например, на Украине посвящали в священники и на иные церковные степени людей дважды женатых: это был местный обычай; в греческой церкви такие постановления считались недозволенными, и патриархи считали таких священников поставленными незаконно, требовали их смещения, угрожали проклятиями владыкам, которые терпели бы таких священников, и т. п. Иеремия, вообще человек горячий, неосторожный, устранил самого митрополита Онисифора Дивочку за то, что тот перед посвящением был дважды женат, хотя, судя по всему, митрополит он был вовсе не дурной. И в других вопросах Иеремия поступал резко, необдуманно, не очень разбираясь в делах; распекал владык, угрожал запрещением, проклятиями. После выезда опять посылал разные распоряжения, менял и переменял, ставил своих наблюдателей (экзархов) над епископами и снова устранял, и не всегда можно было разоб- рать, кого слушать, так как появилась бездна разных греческих пройдох, выманивавших деньги, называясь архиепископами, патриаршими послами и пр. Владыкам, отвыкшим от всякой ду-

ховной власти, все это представлялось невыносимым: и эта греческая неурядица, и братский надзор, под который отдали их патриархи. И чтобы освободиться от всего этого, они решили вступить на путь, на который их давно призывало правительство и католическое духовенство: отложиться от патриархов и признать власть папы.

С самого начала, как только Польша завладела украинскими землями, начиная с Казимира Великого, польское правительство, а после Ягайловой унии и литовское, — стремилось присоединить Украину и Белорусь к католической церкви. Казимир сначала думал просто назначить на место православных католических епископов и таким образом покончить с православною церковью; но галицкое боярство воспротивилось. Казимир был вынужден испросить у патриарха отдельного митрополита для Галиции, и в таком виде православная церковь должна была продолжать свое существование. Поэтому польско-литовское правительство, начиная с Ягайла и Витовта, поставило своей задачей привести православных епископов к подчинению папам и присоединению к католической церкви (церковной унии); для этого старалось выбирать на епископские и особенно на митрополичьи кафедры людей податливых, сговорчивых и требовало, чтобы они являлись на католические соборы и просили папу принять их под свою власть. Некоторые епископы и митрополиты действительно пробовали идти навстречу этим требованиям, но сейчас же убеждались, что

103. Патриарх Иеремия
(старая гравюра)

патриарха отдельного митрополита для Галиции, и в таком виде православная церковь должна была продолжать свое существование. Поэтому польско-литовское правительство, начиная с Ягайла и Витовта, поставило своей задачей привести православных епископов к подчинению папам и присоединению к католической церкви (церковной унии); для этого старалось выбирать на епископские и особенно на митрополичьи кафедры людей податливых, сговорчивых и требовало, чтобы они являлись на католические соборы и просили папу принять их под свою власть. Некоторые епископы и митрополиты действительно пробовали идти навстречу этим требованиям, но сейчас же убеждались, что

104. Флорентийский собор (старая гравюра): папа и митрополит Исидор, по правой стороне православное духовенство (в довольно фантастическом виде)

евский Исидор, и почти все греческие епископы, и император византийский, рассчитывавший этой ценой купить помощь папы и западного мира против турок. Но ни в Греции, ни в Исидоровых епархиях уния не была принята, и сами сторонники Исидора в конце концов принуждены были отказаться от нее. Все старания тогдашнего короля и великого князя Казимира Ягайловича остались без успеха. Потом очень горячо взялся за проведение унии великий князь Александр, но Москва, воспользовавшись этим предлогом «притеснений православной веры», начала так успешно отрывать одну землю за другой от великого князя литовского, что испуганное литовское и польское правительство поспешило оставить всякие попечения об унии.

Так прошло несколько десятков лет; опасения правительства рассеялись, католическая церковь Польши во второй половине XVI в. освободилась от своего неустройства, укрепилась и, видя расстройство и упадок православной церкви, рассчитывала подчинить себе последнюю. Даже среди православных находи-

духовенство и общество не пойдет за ними на этот путь и положение их станет невозможным. Поэтому чаще всего в ответ на все такие требования правительства митрополиты отделялись заявлениями, что они бы всей душой желали осуществить такое соединение церквей, но ничего не могут сделать без согласия патриархов и общего собора: необходимо, чтобы собор решил соединение с католической церковью, а без этого местная иерархия не может сделать никакого решительного шага.

На этом обыкновенно кончались переговоры. В 1439 году на соборе во Флоренции, казалось, уже удалось устранить эти затруднения, так как унию принял и митрополит ки-

лись люди, которым ввиду беспорядков в их церкви казалось, что единственным и самым лучшим исходом будет присоединение ее к католической церкви, так как иначе католическое правительство и впредь будет назначать таких митрополитов и епископов, от которых православной церкви приходилось терпеть лишь позор и неустройства. Сам князь Василий-Константин Устрожский высказывал подобные мысли. Однако он, как и другие, держался все-таки того убеждения, что эту реформу можно провести лишь по соглашению с патриархом и всем православным миром.

*105. Гедеон Балабан,
епископ львовский*

Но епископы, решавшиеся теперь отдаться под власть папы, понимали, что патриархи не согласятся на этот шаг и соединиться с католической церковью значит порвать с патриархами. Они знали также, что православное общество не согласится на такой разрыв. Поэтому решили осуществить свой план тайно, в той надежде, что, когда он будет осуществлен, польское правительство сумеет принудить и низшее духовенство и население последовать за своею иерархией. Первый пошел этим путем Балабан, раздраженный тем, что патриарх так неделикатно принял сторону братства. Он вошел в соглашение с другими епископами, и через несколько месяцев, в 1590 году, их набралось уже четверо: кроме Балабана, еще владыка луцкий Терлецкий, туровский Пелчицкий, холмский Зборовский. Они составили и утвердили своими подписями решение отдаться под власть папы, но вести дело втайне. Постепенно получено было согласие и других епископов. Долее всех колебался митрополит Рогоза; он также был очень огорчен фальшивой грамотой, составленной одним греческим самозванцем и содержащей в себе анафему патриарха Иеремии на Рогозу, и после долгих колебаний также присоединился к заговору епископов. В конце 1594 года они

106. Кирилл Терлецкий,
епископ луцкий

кабря на торжественном заседании перед всем папским двором и кардиналами от имени всех епископов засвидетельствовали свое подчинение и принесли присягу на верность католической церкви; таким образом они были приняты в лоно католической церкви.

64. Борьба с унией

Хотя епископы окружали свои действия тайной, но слухи об их замыслах начали распространяться уже довольно рано. Однако православное общество не особенно было встревожено ими, надеясь, что без него владыки не осуществят своих планов, так как вопрос все равно должен быть перенесен на собор. Острожский и обратился к королю с просьбой, чтобы он позволил православным созвать собор, но король не согласился. Это уже являлось более тревожным симптомом, и Острожский, как признанный глава православных, обратился к ним со своею окружною грамотой, приглашая их ни в каком случае не следовать за владыками-изменниками, непоколебимо держаться православной веры и всеми силами бороться с унией. Эта грамота,

составили декларацию папе и королю, в которой заявляли о своем решении отдаться под власть папы и привести к этому прочее духовенство и свою православную паству, с тем, чтобы церковное устройство и православный обряд в их епархиях остались без изменения, а православные владыки были бы уравнены во всех правах с католическими епископами. Король был этим очень обрадован: обещал владыкам всевозможные милости, защиту и покровительство. Затем в конце 1595 года Терлецкий и новый епископ владимирский Потий самолично отправились в Рим и 23 де-

отпечатанная и разосланная по всему православному украинскому и белорусскому миру, произвела сильное впечатление на своих и на чужих. Балабан, видя, какое негодование поднимается против владык, стал колебаться и в конце концов отступил от унии: заявил, что его имя на декларациях епископов подписано без его ведома. Его примеру последовал также и владыка перемышльский Копыстенский. Но с тем большим упорством решил поддерживать епископов-униатов король. Весьма неблагоприятным обстоятельством были также для православных тогдашние замешательства в константинопольском патриархате, наступившие по смерти Иеремии (умер в 1594 году). Православные украинцы и белорусы не могли отсюда получить никакой поддержки в эту трудную минуту. Они просили прибыть к ним протосинкела Никифора, патриаршего уполномоченного, но и тот был арестован в Молдавии, по приказанию польского же правительства, и посажен в тюрьму. Рассчитывали на казаков, уже с осени 1595 года помогавших громить приверженцев унии на Волыни, и правительство, вероятно, тоже серьезно побаивалось их вмешательства в это дело, но теперь и козаки ничем не могли помочь православной оппозиции: как раз в начале 1596 года, когда православные с напряженным вниманием готовились к решительной схватке с владыками-униатами, Жолкевский двинулся на казаков и заставил их думать о себе.

В конце концов православным удалось освободить из заключения Никифора, и он организовал собор: пригласил нескольких греческих иерархов и принял на себя общее руководство делами. На 6 октября король назначил собор в Берестье для публичного провозглашения унии, и православные также явились туда: духовные и светские, депутаты братств, городов, шляхты, князья и магнаты, оставшиеся еще верными православию — во главе их сам князь Острожский с сыном Александром, волынским воеводой, оставшимся в православии. Одновременно с тем как униатские владыки с католическим духовенством и королевскими комиссарами открыли свои заседания в соборной церкви, — православные, не имея доступа к церквям, так как это была епархия Потия, униата, собрались в одном частном доме и здесь открыли свой собор. Несколько дней эти два собора вели переговоры между собой, приглашая друг друга к себе, и в конце концов тот и другой провели свои совещания самостоятельно.

Униатские владыки провозгласили унию, а все духовенство, отставшее от нее, подвергли проклятиям; православные под ру-

ководством Никифора провозгласили проклятыми и отверженными всех, принимающих унию, и решили просить короля, чтобы он удалил епископов, самовольно принявших унию.

Но король и не думал слушать православных. Наоборот, он и вся католическая партия утверждали, что епископы поступили правильно: их дело — решать в вопросах веры, а низшее духовенство и общество должно им следовать. По этому поводу возникли горячие пререкания и литературная полемика. Православные доказывали, что епископы сами не могут решать подобных вопросов без участия верных, что это дело собора, и владыки-униаты, поступив самовольно, потеряли благодаря этому право на свои епархии. На эту тему вышло с их стороны довольно много серьезных и сильно написанных вещей. В особенности отличалась своей ученостью книга «Апокризис» Филалета (Бронского, одного из близких к князю Острожскому лиц), а высокой силой слова и чувства выдавались сочинения Ивана Вишенского. Несмотря на свое староверство в вопросах просвещения, это был человек с необыкновенным публицистическим талантом, с огненным словом пророка, жгущего своим словом сердца людей. С чрезвычайной силой обличал он епископов, «бежавших к унии»: их неблаговидную жизнь, их панские прихоти и стремление к роскоши и выгодам, ради которых они решили искать милости у короля, их презрение к простому народу, к братчикам, к подданным крестьянам. Когда он говорит о крестьянской нужде, о притеснении крестьян их владельцами, речь его звучит такими сердечными тонами, каких не найдем во всей литературе того времени. Несмотря на то, что его послания не были напечатаны и распространялись только в рукописях, они должны были иметь большое влияние на современное общество.

Православные могли бороться только словом; противники могли отвечать им не только словами, так как имели на своей стороне король и всяческую власть. Король, правительство и католические вельможи держались принципа, что православные во всяком случае должны повиноваться своим «законным» епископам, и силою своей власти принуждали их к этому: они силой отбирали церкви и отдавали их во власть епископам-униатам, помогали последним наказывать непослушных священников, различные духовные должности предоставляли только униатам, а у православных духовных отбирали, и вообще всячески притесняли православных. Этот курс начался еще до объявления унии, а после ее объявления усиливался все более. В особенности усердствовал владыка Потий, человек умный, чрезвычайно энергичный и суровый, не задумывавшийся заключать

непокорных в тюрьмы и подвергать всевозможным наказаниям. По смерти митрополита Рогозы, не проявлявшего большой ревности к унии (о нем говорили, что и умер он с горя, оттого что православные проклинали его), митрополитом сделался Потий (1599) и в течение целых пятнадцати лет теснил православных как только мог. Он внушал правительству и католической шляхте, чтобы презенты (рекомендации к епископу) на духовные должности они давали только униатам, а православных священников силой принуждали к унии, отбирая у них приходы и проч.

*107. Ипатай Потий,
епископ владимирский,
впоследствии митрополит*

Православные защищались как могли. На сеймах они старались добиться удаления епископов-униатов и назначения на церковные должности только православных. Это было нелегко, так как среди сенаторов, заседавших в верхней палате сейма, православных было всего несколько человек, да и те умирали один за другим или переходили на католическую сторону, а в нижней палате, посольской, где заседали шляхетские депутаты, православных также было незначительное меньшинство. Но украинское и белорусское общество действительно проявило огромную энергию — братство, мещане, духовенство, шляхта вели усиленную агитацию и всеми способами старались влиять на шляхетские поветовые сеймики, чтобы на них избирались депутаты надежные и в инструкции для них включались требования прав для православных. В этих целях православные сближались с протестантами, поляками и литвинами, которых также начала притеснять католическая партия, и пользовались каждым случаем, каждым затруднительным положением правительства, чтобы заставить его отступить от унии. Действительно, искреннего уважения достойны были эти остатки православной шляхты, махнувшие рукой на милость короля и всех

*108. Медаль, выбитая папой
в память присоединения
украинских епископов
(епископы перед папой)*

сильных мира сего и из всех сил защищавшие свою церковную самостоятельность — равнозначную в тогдашних понятиях с национальным самоопределением, так как православная церковь, как мы уже знаем, являлась основанием, знаменем всей национальной жизни, и казалось, что с падением православной церкви вконец рухнет и вся национальная жизнь.

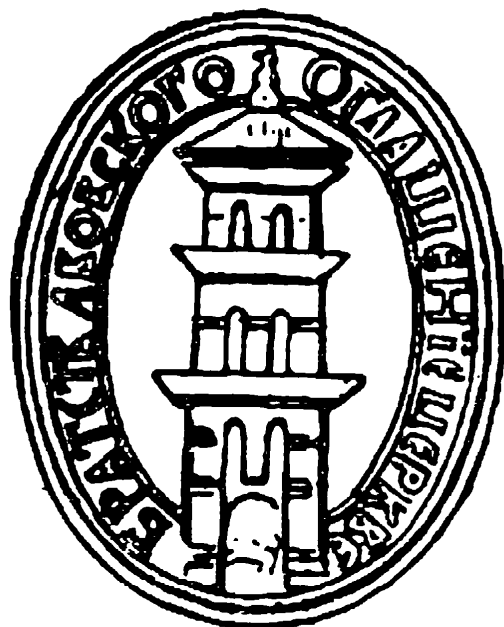
Пользуясь затруднительным положением правительства, православные депутаты одно время (в 1607 году) вырвали у него согласие на узаконение, по которому епископии и всякие духовные должности на будущее время должны были раздаваться только православным. Они примирились уже с мыслью, что отобрать епископии от униатов-епископов им не удастся, и готовы были удовольствоваться обещанием, что в будущем места униатов займут православные. Но король Сигизмунд, верный приверженец католического духовенства, не сдержал слова: дав согласие на этот закон, не исполнял его и продолжал раздавать епископии только униатам, всеми силами поддерживал их, а православных принуждал им подчиняться.

Православные старались себя отстоять. Не признавали владык-униатов своими пастырями, не принимали священников, поставленных униатами. В этом отношении Галиция, более всего подверженная польскому гнету, имела по крайней мере то преимущество, что здешние владыки — львовский и перемышльский — оба остались при православии; хуже всего было на Побужье и в Холмской земле, так как здесь все было в руках помещиков-католиков и епископов-униатов. На Волыни и в Киевской земле опорой против епископов-униатов служили православные магнаты и шляхта. Когда король захотел отобрать от православного архимандрита Никифора Тура Печерскую лавру — богатейший монастырь и вообще сильнейшую православную позицию, то киевский воевода князь Василий-Константин Острожский не пошевелил и пальцем, чтобы исполнить королевский приказ. А когда король послал своего дворянина с поручением отобрать силой Печерский монастырь у Тура и передать митрополиту-униату, Тур с оружием в руках отстоял монастырь, на-

полнив его вооруженным народом, а затем с различными «Наливайками», как жаловались униаты, вооруженною силою защищал Печерские поместья, которые король хотел у него отобрать. Точно так же отстояли православные Жидичинский монастырь — наиболее выдающийся среди волынских монастырей.

Но страх охватывал православных, когда они думали о будущем. Что будет, если король и впредь будет назначать на все духовные должности одних униатов? Если вымрут те епископы и архимандриты, которые еще держались православной веры, и их место займут униаты? Кто будет ставить православных священников? Кто будет освящать церкви? Кто будет защищать православных, когда не станет магнатов и сановников, какие еще остались верными православной вере и своей украинской народности? Король все более значительные должности издавна отдавал только католикам. На законодательство сейма все менее и менее оставалось надежды, так как шляхта все более ополячивалась и окатоличивалась, и все менее и менее православные могли находить своих защитников не только в сенате, но и в посольской палате.

Этот переход украинской аристократии и шляхты в католичество подрезывал в корне все надежды и расчеты православных. Мелетий Смотрицкий (сын Герасима, острожского ректора), известный богослов и писатель, в своей книге «Тренос, или Плач восточной церкви», изданной в 1610 году, в сильных выражениях рисует горе православных ввиду этого явления — измены самых выдающихся православных родов своей вере и народности. Без опеки и защиты со стороны богатых магнатских и княжеских родов не чувствовали себя в безопасности и мещанские общины и их просветительные и национальные организации. Например, берестейское братство король с местным епископом Потием разгромил вконец. В Вильне, центре белорусской церковной и культурной жизни, силой, при помощи войска отбирались у православных церкви — разбивались замки и двери, и церкви передавались униатам. Король случился в это время в Вильне; православные, обступив его на улице, с женами, и

109. Печать Львовского братства 1590-х годов

детьми падали перед ним на колени, молили, чтобы не насилывали их совести, не отнимали у них церквей, но это не прекратило насилий

Отчаяние охватывало православных. И с тем большим вниманием обратили они свои взоры к козачеству, увидев, или, скорее, почувствовав инстинктивно, что с ним приходит на помощь им новая сила, оживавшая понемногу после лубенского погрома и начинавшая в конце первого десятилетия XVII в. снова становиться на ноги. Когда митрополит Потий, ободренный разгромом виленских православных, попробовал сделать то же самое в другой своей митрополичьей столице, Киеве, и послал туда своего наместника, — козачий гетман Тискиневич предостерег последнего, чтобы он не вздумал принуждать местное духовенство к повиновению, так как на случай этого он, гетман, уже отдал козакам приказ: этого наместника, «где бы ни случилось, убить как собаку» (1610). Это произвело впечатление: наместник митрополита Потия не осмелился вмешиваться в местные церковные отношения. Под защитой козаков прибывает в Киев приезжий греческий митрополит Неофит и исполняет функции епископа: освящает церкви, поставляет священников (1612). И снова ни митрополит, ни правительство не осмеливались тронуть его, чтобы не вызвать какого-либо противодействия со стороны козаков. Украинское общество почувствовало, что под козацкой охраной для него находится прочная почва и что там, на далеком краю украинской земли, под прикрытием козацких знамен оно может вести далее свою национальную работу.

КОЗАЦКАЯ ЭПОХА

65. Козачество после лубенского погрома

Тихо стало на Украине после лубенского погрома. Как поется в старой песне:

Питається Дніпро тихого Дунаю:
«Тихий Дунаю! Чом я своїх козаків на тобі не видаю?
Чи твоє дунайське гирло моїх козаків пожерло,
Чи твоя Дунай-вода моїх козаків забрала?»
Промовить тихий Дунай до Дніпра-Славути:
Дніпре-батьку, Славуто! Сам собі я думаю, гадаю,
Чом твоїх козаків у себе не видаю:
Уже чверть года три місяці вибиває,
Як твоїх козаків у мене немає...
Ні, моє дунайське гирло твоїх козаків не пожерло,
Ні, моя дунайська вода твоїх козаків не забрала,
Їх турки не постріляли, не порубали,
До Царя-города в полон не забрали... .
Всі мої квіти луговії, низовії пониділи,
Що твоїх козаків у себе не виділи».

*110. Заставка из «Учительского евангелия»,
напечатанного в 1819 году в Рахманове на Волыни*

Хотя Жолкевскому не удалось окончательно истребить козаков, как он замышлял, однако лубенский погром все-таки придал козачеству. Оно было согнано с «волости»; заставами был прегражден ввоз припасов на Запорожье и сеймовым законом отменены были все права козацкого войска и его организация. А хуже всего было, что среди самого козачества под влиянием этого гнетущего упадка начинается опасное раздвоение, внутренняя борьба: более смелая и решительная часть козачества начинает борьбу с более умеренными, примирительно настроенными элементами, стремившимися задобрить правительство и восстановить прежние отношения. Это было продолжение предыдущего разлада между запорожцами и наливайковцами, но теперь оно выливалось в более резкие формы, чем раньше, так что доходило до кровавых битв между обеими партиями, и одна против другой искала помощи у самого польского правительства, прося, чтобы это последнее от себя назначило им старшего. Поляки радовались этому раздору: пусть друг друга погрызут — покорнее будут. Но смута недолго продолжалась. Славный гетман Самойло Кишка объединил козачество; рядом походов в 1599 году — на море и на Молдавию — он поднял дух козацкого войска, а затем наступили события, принудившие само правительство обратиться к козакам и просить у них помощи

Перед тем козацкие гетманы, правившие войском после лубенского погрома — Василевич, Нечковский, Байбуза, старались расположить правительство к козакам разведочной службой — добывая вести о татарах; Польша ни с кем не воевала и в козачьей помощи не нуждалась. Но весной 1600 года господарь Валахии Михаил напал на польского вассала, господаря молдавского Могилу, желая отнять у него Молдавию. Польское правительство вступилось за Могилу и призвало на помощь козаков. Самойло Кишка, которого народная память знает только как героя козачьего бунта на турецкой каторге и освобождения козаков-невольников из турецкого плена, заслуживает гораздо большей памяти как искусный политик, сумевший оценить значение момента и использовать его для того, чтобы возвратить козачеству отобранное у него после лубенского погрома. Когда польский гетман Замойский послал козакам приглашение к походу в Молдавию, Кишка не обратил внимания на этот призыв; подождал, пока попросил их сам король, после того как осудил их на полное уничтожение и объявил изменниками. Король вынужден был теперь самолично обратиться к этим изменникам. Кишка ответил, что рад служить, однако в поход не спешил. В

польских кругах началась агитация; искали, кого бы послать к козакам, как бы склонить их к походу. В конце концов Кишка дал знать королю, что козаки в поход пойдут только под условием, что с них будет снято осуждение, наложенное на них без вины, возвращены давние права и вольности, и на будущее время чтобы козачество будет обеспечено от всяких притеснений со стороны старост и других чиновников. Однако козаки, заявлял он, пойдут в поход, не ожидая исполнения этих пожеланий, так как полагаются на короля, что он их желания исполнит. И действительно они пошли в поход. Война была непродолжительная; но не успела она окончиться, как началась новая, гораздо более тяжелая — со шведами в Ливонии. Снова польское правительство вынуждено было просить козаков, чтобы они не уклонялись и от этой новой войны. Кишка снова повторил козацкие требования, и сейм на этот раз пошел им навстречу, издав закон, которым отменялось прежнее уничтожение козачества, снималось с него осуждение и, хотя с разными оговорками и ограничениями, возвращались старые права.

Это было очень ценное начало, и Кишка употребил все свое влияние и значение у козаков, чтобы склонить их к этой далекой и неприятной кампании и удержать до конца на театре войны. Действительно, козакам в этой далекой и опустошенной стране приходилось тяжело. Они потеряли много людей, лошадей, всякие припасы (местному населению также приходилось от них достаточно солоно). Сам Кишка погиб, убитый при осаде Фелина. Несколько раз потом переменялись гетманы, будучи не в силах облегчить положение козацкого войска в этих тяжелых условиях войны, но все-таки козаки выдержали до конца, чтобы не уйти «со службы королевской» и не утратить своих прав на разные льготы и свободы на Украине, которых они домогались за цену своей службы. И действительно, вернувшись затем на Украину с этой войны (1603), козацкое войско потребовало, чтобы с ним считались наравне с польским войском и не вводили на Украину польских войск; далее, за свою службу козачество требует полной свободы и прав, подобных тем, какими пользуется шляхта. Оно снова становится господином положения по Поднепровью, как перед лубенским погромом. В современной переписке на каждом шагу встречаемся с жалобами шляхты, что козачество «берет верх», своевольничает и нет для него никакой удержки и обуздания.

Шляхта призывала правительство, чтобы оно усмирило козаков, но обстоятельства не давали для этого возможности. В это время группа магнатов Украины и Польши занялась цареви-

чем Дмитрием, объявившимся на Украине: они рассчитывали извлечь разные выгоды из московской смуты, и сам король разделял эти планы, но, не желая на первых порах мешать в это предприятие Польшу, ставил дело так, что Дмитрия поддерживают эти магнаты частным образом, а военной силою главным образом должны были послужить козаки. Начиная с 1604 года разные агенты с молчаливого разрешения правительства собирали козаков в поход на Московию, увлекая их перспективами московской добычи. Козаки не оставались глухи на эти приглашения. Многотысячные отряды их шли в московские земли и, действительно, возвращались на Украину с богатой добычей, а на их место шли все новые и новые партии. Московская смута, продолжавшаяся с 1604 года почти десять лет, сделала Московское государство добычей разных авантюристов. Один за другим появлялись различные самозванцы, называвшие себя московскими царевичами или царями, и с отрядами польской и литовской шляхты, донских и украинских козаков разоряли московские земли и собирали добычу. Горели московские города; кровавыми следами покрывались московские снега, а на Украину, на Литву и Польшу бочками отвозились московские деньги, возами — дорогие одежды, парчовые кафтаны, собольи шубы.

В конце концов, видя окончательный разгром Москвы, король решил сам идти в поход на Москву в надежде завладеть Московским государством, но польский сейм не захотел ассигновать ему кредитов на это предприятие, и снова, уже от самого короля, разные агенты его отправились созывать козаков в поход на Москву (1609). Охотники находились не сотнями и тысячами, а десятками тысяч. Но чего это стоило! Мы уже знаем, что люди, пристававшие к козакам, считали, что раз они служат королевскую службу, то они уже люди свободные, никому не подчиненные — ни они, ни их семьи, ни хозяйства не знают ни пана, ни какого-либо начальства, кроме козачьей старшины. С каждым новым призывом на королевскую службу нарастали новые массы этого свободного, окозаченного люда.

Не ограничиваясь московскими походами, козаки в это время предпринимали походы на земли татарские, турецкие и молдавские, отправляются в морские экспедиции. Известий о них имеем мало, и лишь случайно слышим, напр., о большом походе 1606 года, когда козаки взяли десять турецких галер со всеми припасами, напали с моря на Варну, завоевали город и забрали добычи более чем на 180 тысяч червонцев. К этому походу относят старую песню:

А в неділю пораненьку
Зібралися громадоньки,
До козацької порадоньки;
Стали ради радувати,
Відкіль Варни діставати:
Ой чи з поля, ой чи з моря,
А чи з річки-невелички?
Біжуть плинуть човенцями,
Поблискують весельцями;
Ударили із гармати,
Стали її добувати,
Стали турки утікати,
Тую річку проклинати:
Бодай річка висихала,
Що нас турків в себе взяла!
Була Варна здавна славна —
Славнішії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній турків забрали.

Затем осенью 1608 года казаки взяли с помощью какой-то хитрости Перекоп, разрушили и сожгли. На следующий год они на 16 чайках отправились на устье Дуная, сожгли и разграбили тамошние города: Измаил, Килию, затем Белгород, но не успели забрать с собой добычу, так как на них в это время напали турки.

Нас интересуют эти упоминания, так как они с своей стороны свидетельствуют о военной энергии козачества, дававшего себя чувствовать соседям и одновременно распространявшего свободные формы общественных отношений на Украине, разби-
вая устои крепостничества и шляхетского режима.

В это именно время, когда само польское правительство старалось извлечь из украинского населения возможно больше козацкой силы, нарастает та огромная масса «непослушных» мещан и крестьян, с которой нас знакомили переписи второго и третьего десятилетий XVII в., и Восточная Украина, поднепровская и заднепровская, козачится чуть ли не поголовно, выходя из повиновения помещикам и королевским старостам, а силы козачества растут непомерно.

66. Козацкий строй

Козацкий строй в это время уже достаточно выработался и определился. Он, впрочем, и не отличался большой сложностью,

но при своей простоте и свободном характере обладал большой силой и могущественно господствовал над душой и телом козацкого братства. В этом проявились удивительные задатки украинского населения к организации — способность простыми средствами, с первобытным, необработанным материалом достигать таких выдающихся результатов.

Главный центр козацкой организации все еще лежит на днепровском Низу, вне пределов досягаемости польской шляхты, властей и войск, и здесь на свободе развивается козацкое устройство. Центром его является Запорожская Сечь (Сич, Сича), переносимая то на тот, то на другой из мелких днепровских островов. Она распоряжается козацкими силами, разбросанными на Запорожье и расселенными на волости. О крепостях или постоянных укреплениях не встречаем известий, упоминаются только валы и засеки. В укромных местах припрятывались пушки и разные военные принадлежности. Козацкая артиллерия была невелика, но отличалась большой исправностью. Упоминается войсковая музыка — войсковые трубачи, сурмачи и довбыши, бившие в котлы и барабаны. Были военные знамена, бережно сохранявшиеся. Была войсковая казна, войсковые конские табуны, войсковые лодки и разные суда, захваченные у турок. Вся численность козацкого войска исчислялась в 1590-х годах в 20 тысяч. Погром 1596 года уменьшил его численность, но с первым десятилетием XVII в. она снова возвращается к прежнему и продолжает затем возрастать. Но большинство козаков проживало и хозяйничало «на волости»; на Низу весной и летом находилось по несколько тысяч козаков, приготавливаясь к походам или занимаясь различными промыслами: рыболовством, охотой, соляным промыслом; вели также торговлю с татарами и турками в определенных пограничных городах. На зиму расходились по разным местам «волости» и мало кто оставался на зимовниках. Несколько сот козаков оставалось на Сечи для охраны артиллерии и военных припасов. Зимовать было нелегко — приходилось жить в куренях, кое-как устроенных из лозы или дерева, и прозимовавшие здесь несколько зим считались особенно испытанными и опытными товарищами

Войско делилось на полки. Официально считалось в начале XVII в. четыре полка и в каждом по 500 душ — столько считалось козаков на службе польского правительства. В действительности и полков этих было больше, и козаков в них бывало неодинаковое число — иногда по несколько тысяч (напр., в Хотинской войне козацье войско имело 11 полков, и в некоторых полках число доходило до 4 тысяч козаков). Полком правил

полковник. Каждый полк имеет свое знамя, своего трубача и довыша. Он делится на сотни, сотни на десятки или иначе курени. Куренями правят атаманы, сотнями сотники. Разные поручения гетмана исполняют эсаулы. Артиллерию заведует обозный, ее местопребыванием считается город Терехтемиров со своим старым монастырем, пожалованным козакам Баторием для приюта увечных и для военных надобностей; но так как он был слишком удален от Запорожья и слишком доступен для польских властей, то обыкновенно артиллерия стояла поближе к Низу, а не в этой официальной козацкой столице. Войсковой канцелярией заведовал писарь. Бумаги от имени войска скреплялись войсковой печатью. В своих письмах войско обычно называет себя «войском Запорожским», но часто употребляет также такие обозначения, как «рыцарство Запорожское», или «рыцарство войска Запорожского»; в полномочии, данном козацким послам для переговоров с императором, войско называет себя «вольным войском Запорожским». Сами себя козаки называли «товарищами», а все войско «товариществом». С польской стороны козаков называли вежливо «молойцами» (молодцами), «панами молодцами».

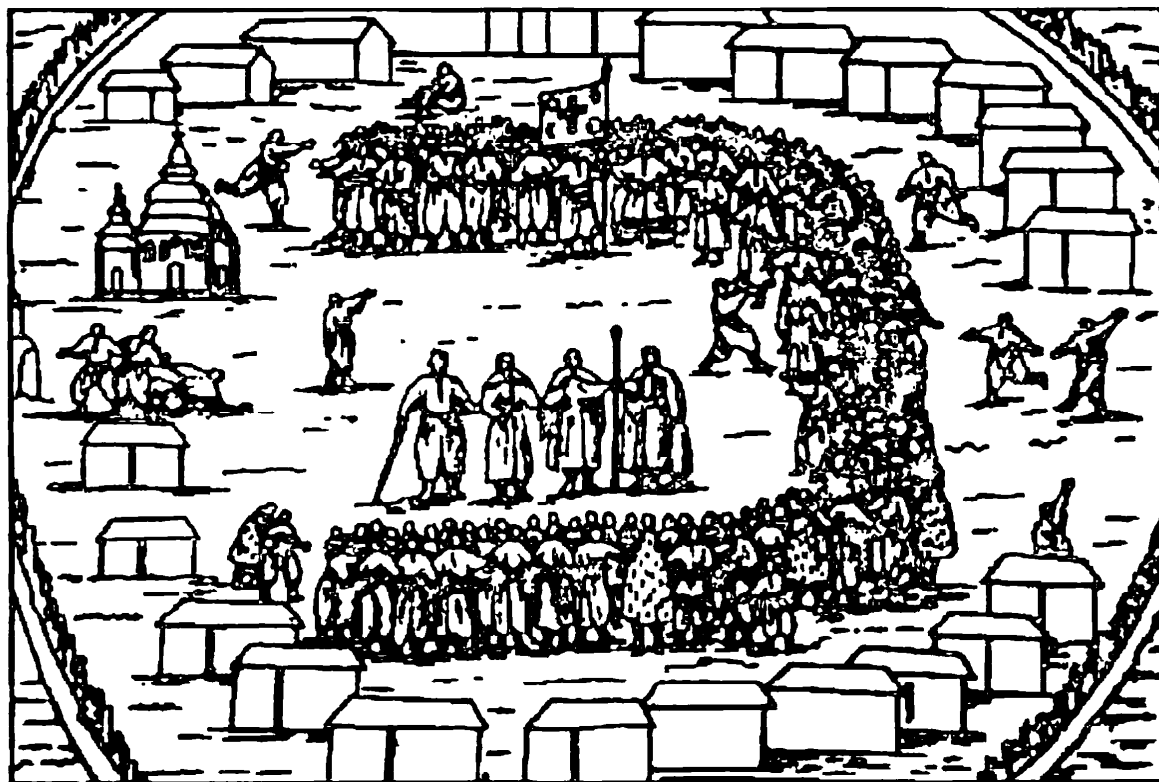
Во главе козацкого войска стоит выборный старшина, которого обыкновенно называют гетманом, — часто и сами они именуют себя так в письмах, не только в адресованных к своим, но и к самому правительству, и даже к королю. Правительство же обычно называет их «старшими»: «старший войска Запорожского» — таково, собственно, официальное название козацкого вождя. Хмельницкий первый получил официальный титул гетмана, и до него этот титул официально принадлежал лишь главнокомандующим польскими и литовскими войсками.

Козаки очень дорожили правом избирать себе старшего: это была основа козацкого самоуправления. Правда, начиная с первой реформы 1570 года, правительство назначало от себя разных начальников над козацким войском, но войско смотрело на них как на комиссаров, назначенных правительством для сношения с козаками, и к управлению войсковыми своими делами их никогда не допускало. Исключительным случаем была просьба козаков во время усобицы после лубенского погрома, чтобы правительство само назначило им старшего. Когда позже (в 1617—1619 годах) правительство хотело действительно от себя назначить козацкого старшего, козаки воспротивились этому решительно и упорно, и допустили только утверждение правительством старшего, избранного козацким войском; однако считали выбор своего гетмана действительным независимо от того,

вердило ли правительство этот выбор или нет, и избирали и свергали своих гетманов, не справляясь с желаниями и видами правительства, как хотело того последнее.

Все важнейшие вопросы обсуждаются всей старшиной или «радой» всего войска. Это соправительство гетмана, старшины и войсковой рады подчеркивается в принятых формулах войсковых атак, где выступает не один гетман, а старшина и войско. Пример такой пространной формулы дает, например, письмо гетмана Кишки к королю в 1600 году, где он в конце подписывается так: «Самийло Кишка гетман, полковники, сотники и все рыцарство вашей королевской милости войска Запорожского».

В действительности роли гетмана и рады и их отношения, конечно, были неодинаковы, зависели от обстоятельств, а главное, от личных качеств гетмана, его таланта и влияния. Чем способнее был гетман, тем меньше значения имеет рада; когда войско начинало на всяком шагу совещаться, особенно где-нибудь в походе — то это значило, что войско не питает доверия к своему вождю, что последний не имеет достаточного влияния, не умеет себя поставить надлежащим образом. Гетман, чувствующий свою силу и уверенный в себе, предоставляет на обсуждение войсковой рады только то, что сам хочет. Вне рады он пра-

111. Козачья рада в Сечи (рисунок XVIII века)

112. Запорожцы (картина XVIII века)

лит абсолютно и самовластно, имеет право над жизнью и смертью каждого, и войско вполне и безгранично повинуетя ему. Это соединение самого широкого козацкого самовластия с таким необыкновенным подчинением и дисциплиной чрезвычайно удивляло посторонних. С одной стороны — грозный гетман, ведущий одним словом войско, по своему усмотрению посылающий людей на смерть и одним движением могущий предать смертной казни каждого, с другой стороны — рада обращающаяся чрезвычайно бесцеремонно с своею старшиной и с самим гетманом, покорно унижающимся перед ней; притом совещающаяся рада проходит беспорядочно, с криком, шумом без каких-либо определенных форм обсуждения и голосования: присутствующие кричат, ссорятся, бросают шапки, под влиянием первого впечатления устраниют гетмана, а гетман кланяется и унижается перед толпой.

Но это переживание прошлого; организация отвердевает и укрепляется по мере того, как увеличивается и разрастается. Власть гетмана растет и окружается внешними формами уважения. Планы устранения гетмана на раде встречаются все реже, и над внешними формами крайней простоты, дававшей верховному своему вождю в знак власти не драгоценную булаву, а простую «вымышину», — создается тот высокий дух рыцарского самоотречения, так поражающий и очаровывавший посторонних. «В

них нет ничего простого, кроме одежды», — замечает француз Боплан, служивший у польского гетмана Конецпольского, неприимимого врага козаков. «Они остроумны и проникательны, предприимчивы и великодушны, не жадны к богатству, но чрезвычайно ценят свою свободу; сильные телом, они легко переносят жар и холод, голод и жажду. На войне выносливы, отважны, храбры и даже легкомысленны — так как не ценят своей жизни. Рослые, проворные, сильные, они обладают хорошим здоровьем и даже мало подвержены болезням; очень редко умирают от болезней, разве только в глубокой старости; большей частью оканчивают жизнь свою на ложе славы — на войне».

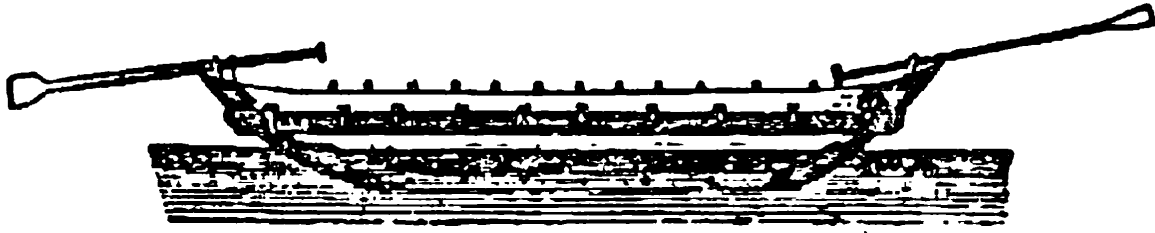
67. Морские походы

Московские смуты, богатая московская добыча, вербовка козаков разными вельможными добычниками для походов в Московию и, наконец — действия самого правительства развили военные силы козачества до небывалых размеров.

По словам Жолкевского, под Смоленск, когда его осаждал король в 1609 году, пришло 30 тысяч козаков и затем еще прибывали новые отряды, а другой очевидец насчитывает всего козачества, бродившего в ту зиму в московских землях, свыше сорока тысяч: «Запорожских козаков в различных местах Московии страшное множество, насчитывали их более чем на 40 тысяч, и все больше их прибывало: чуть ли не со всем кошем вышли из Запорожья, и службу королю служили большую», — говорит он. Что не все козачество находилось тогда в московских землях, само собой разумеется, и эти сорок тысяч «запорожцев» в Московии дают нам только понятие об огромной массе оказавшегося населения Украины того времени.

С концом 1612 года московская смута начала утихать, в 1613 году козачьих и всяких других добычников начинают изгонять из московских земель окончательно. Огромная масса военного козачества, привыкшего за столько лет к непрерывной войне и добычничеству, ищет себе новой арены, бросается в турецкие и молдавские земли, а еще более — на море. Практиковавшиеся и раньше довольно частые морские походы достигают теперь небывалых размеров и неслыханной отваги; 1613—1620 годы — это героический период козацких морских походов, когда козаки на своих убогих чайках шныряли по всему Черному морю, не давая покоя Оттоманской Порте, перед которой дрожал тогдашний европейский мир, и доводя до бешен-

113. Козачья чайка (рисунок Боплана)

ства всемогущих турецких султанов, не чувствовавших себя в безопасности от этой козацкой голи даже в своих константинопольских дворцах. В это время украинское козачество приобрело себе всемирную славу, благодаря своей несравненной отваге и сноровке. Современный турецкий историк, описывая морские походы козаков, говорит: «Можно смело сказать, что во всем свете не найдется людей более смелых, которые менее заботились бы о жизни, меньше боялись смерти; опытные в морском деле люди рассказывают, что эта голь своей ловкостью и отвагой в морских битвах страшнее всякого врага». А Французский посол в Константинополе, бывший свидетелем козацких походов, не находит слов похвалы козачьей храбрости и советует своему правительству не пожалеть каких-нибудь 50 тысяч талеров, чтобы козацким флотом парализовать совершенно турецкие силы и не дать им выйти в Средиземное море, где турки воевали тогда с Испанией.

Поражали в особенности те ничтожные средства, с какими козаки вступали в борьбу с могущественным турецким флотом. Вот что рассказывает упомянутый уже Боплан о морской технике козаков.

Прежде всего высылают они на Запорожье всякие принадлежности, необходимые для похода и для постройки лодок, затем отправляются сами на Запорожье и занимаются постройкой лодок. За одну лодку принимаются человек шестьдесят и изготовляют одну в две недели — так как они мастера на все руки. Основой служит ивовый или липовый челн, длиной в 45 футов; на него набиваются из досок борты так, что получается лодка в шестьдесят футов длины, 10—12 футов ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устраивают два руля, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10—12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся наполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5—6 тысяч козаков могут изготовить от 80 до 100. В каждую лодку садится

50—70 человек. На бортах лодки укрепляются 4—6 небольших пушек. В каждой лодке квадрант (для определения направления пути). В бочках провиант — сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру; впереди атаман с флагом на мачте. Лодки идут так тесно, что почти касаются одна другой. На устье Днепра обыкновенно держат свои галеры турки, чтобы не пропустить козаков, но последние выбирают темную ночь во время новолуния и прокрадываются через камышовые заросли. Если турки заметят их, начинается переполох по всем землям, до самого Константинополя; султан рассылает гонцов по всем прибрежным местностям, предостерегая население, но это помогает мало, так как через 36—40 часов козаки оказываются уже в Анатолии (на малоазиатском побережье). Пристав к берегу, они оставляют около каждой лодки на страже двух козаков и двух помощников («джур»), а сами, вооружившись ружьями, нападают на города, завоевывают их, грабят, жгут, удаляясь от берега на целую милю, и с добычей возвращаются домой.

Если случится им встретить галеры или другие корабли, они поступают так. Чайки их поднимаются над водой только на 2 1/2 фута, поэтому они всегда скорее замечают корабль, чем тот их заметит. Увидя, они опускают мачту, заходят с запада и стоят так до полночи, стараясь только не упустить из виду корабля. В полночь гребут изо всей силы к кораблям, и половина их готовится к бою, чтобы, причалив к кораблю, броситься на abordаж. Неприятель внезапно видит 80—100 лодок вокруг корабля, козаки вдруг наполняют его своими людьми и овладевают. Завладев, забирают деньги и удобоперевозимые вещи, также пушки и все, что не боится воды, а самые корабли вместе с людьми топят.

Если галеры встретят козаков на море днем, тогда положение последних гораздо серьезнее. Турки начинают сильную стрельбу из пушек и разгоняют козаков, как скворцов: одни тонут, другие спасаются бегством. Но если вступают в бой, то держатся крепко; одни стреляют, другие заряжают ружья и после каждого выстрела подают стреляющим; стреляют хорошо, но турецкие пушки все-таки наносят козакам большой урон, так что в такой битве гибнет добрых две трети козаков, редко когда возвращается половина. Зато кто возвращается — приносит богатую добычу: испанские и арабские червонцы, ковры, парчу, различные шелковые материи.

Так рассказывает Боплан. В народных песнях также сохранились рассказы об этих походах. В них изображается и галера

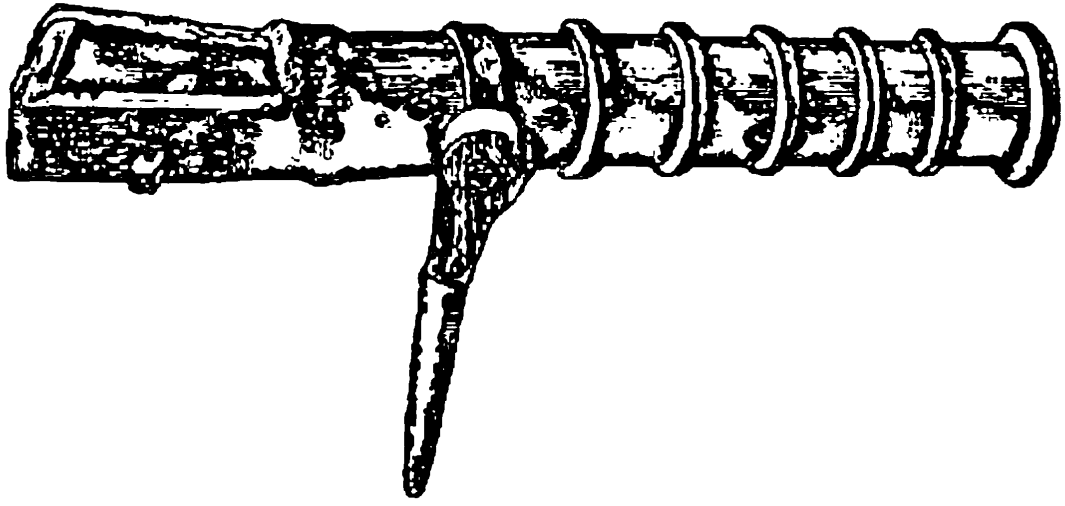
турецкая, на которой работают закованные украинские пленники (в думе про Самойла Кишку):

Із города Козлова до города Трапезонта
Гуляла галера цвіткована-мальована,
Чотирма цвітами процвітана.
Першим цвітом процвітана —
Злато-синіми киндяками побивана;
А другим цвітом процвітана —
Турецькою червоню габою обвивана;
А третім цвітом процвітана —
Християнською кров'ю фарбована;
А четвертим цвітом процвітана —
Невольниками осажена,
Козацькими гарматами обриштована.

Ярко и сильно описывают неизвестные нам по имени старые народные поэты страшные черноморские бури, где погибали без вести не раз целыми десятками козацкие чайки (в думе о буре на Черном море):

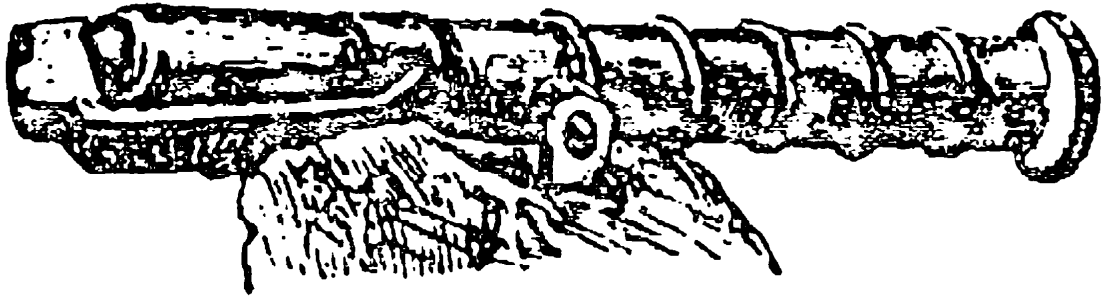
На Чорному морі на білому камені
Ясенький сокіл жалібно квилить — проквіляє,
Смутно себе має, на Чернеє море спільна поглядає,
Що'на Чорному морю недобре ся починає,
Що на небі усі звізди потьмарило,
Половину місяця в хмари вступило.
А із низу буйний вітер повіває,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставає,
Судна козацькі на три часті розбиває.
Одну часть взяло, в землю Агарську занесло,
Другу часть гирло Дунайське пожерло,
А третя — де ся має? — в Чорному морю потопає.

Самым блестящим периодом этих морских походов было именно это время, после московских походов. Ежегодно по несколько раз отправлялось козачество на море, забегая так далеко, как перед тем не отваживалось, и смело набрасываясь на турецкий флот. В 1613 году два раза ходили казаки в море и причинили много вреда в турецких землях, рассказывает Жолкевский. Султан выслал большую эскадру — галеры и лодки в Очаковский порт, чтобы разгромить козаков, когда они будут возвращаться после завоевания нескольких крымских городов; но вышло совсем наоборот: вместо того чтобы туркам громить козаков, они сами ночной порой захватили врасплох неосторожных турок и разгромили их. Весной (1614) казаки опять собрались на море, но на этот раз им не повезло: их разбила буря.

114. Козачья пушка

Но козаки не были этим обескуражены и летом собрались во второй раз: их было около двух тысяч, значит, около сорока чаек. Они переплыли Черное море прямо под Трапезунт и начали опустошать здешнее побережье, усеянное богатыми городами и селами, жившими здесь беззаботно, не зная страха, «так как с тех пор, как турки овладели Малой Азией, никогда не было здесь тревоги», рассказывает тот же Жолкевский. Беглые турки служили козакам проводниками, и они проникали всюду. Напали на Синоп, роскошный город, прозванный «городом влюбленных»; завоевали здешний замок, истребили гарнизон, сожгли большой турецкий арсенал — корабли, галеры, галионы. Прежде чем местное население успело организовать им отпор, они забрали добычу и ушли обратно. Услыхав об этом происшествии, султан впал в страшный гнев, велел повесить великого визиря — едь жены и дочери султана умолили султана, и визирь отделался побоями из собственной десницы падишаха. Турецкие корабли снова отправились в засаду — ловить козаков под Очаковом. Но козаки заранее узнали об этом и разделились на две партии: одни вышли на берег далее на восток от Очакова, рассчитывая на катках перетянуть чайки по земле в Днепр выше Очакова; на них напали татары, и козаки понесли большие потери в людях и в добыче, но все же пробились на Низ. Другая партия пошла напролом через Очаковский лиман; также потеряла много добычи: сами своими руками должны были бросать ее в воду, чтобы облегчить свои чайки, и тоже пробились. Турки поймали только двадцать козаков и отправили их в Константинополь, чтобы было на ком сорвать гнев: когда пришли люди из Трапезунта к султану с жалобами на

115. Козачья пушка

козаков, им выдали этих козачьих пленников, чтобы было кому отомстить за понесенные утраты.

В следующем году (1615) козаки собрались еще в больший поход, на 80 чайках, не более не менее как на самый Константинополь — «окурить мушкетным дымом цареградские стены», как говорилось. Вышли на берег между двумя константинопольскими портами Мизевной и Архиокой и дотла сожгли их. Султан, находясь на охоте под городом, из своей комнаты сам своими глазами видел дым своей столицы от этого козачьего пожара. Страшно разгневанный, он приказал, чтобы немедленно турецкие корабли прогнали козаков. Но козаки не испугались: грабили, сколько хотели, затем забрали добычу и ушли назад. Турецкие корабли догнали их уже около устья Дуная. Заметив погоню, козаки перешли в наступление, напали на турецкие галеры и разгромили турок. Самого турецкого адмирала, раненого, взяли в плен; он давал за себя 30 тысяч выкупа, но так и умер в неволе. Другие турецкие корабли обратились в бегство. Несколько галер козаки захватили, привели их к Очакову и здесь сожгли их на глазах у очаковских турок, издеваясь над ними. Затем напали на Очаков, захватили стада и беспрепятственно возвратились домой.

Когда они вышли в следующем году на море, турки, наученные прошлогодним опытом, уже заблаговременно выслали свои корабли, чтобы не впустить их в море. Корабли преградили им путь у Днепровского лимана, но козаки не испугались, вышли им навстречу и, напав на турецкие корабли, разбили и разгромили их; взяли более десятка турецких галер и до сотни разных мелких судов. Прогнав таким образом турок, козаки направились к крымскому побережью, разорили и разграбили его, взяли и сожгли Кафу — главный рынок украинских невольников; отобрали и отпустили на волю громадное количество пленников, захваченных татарами в наших краях. В Константинополе известие об этом втором погроме турецкого флота произвело страш-

ный переполох; собрали козаков, находившихся в плену, расспрашивали, каким бы образом преградить путь козацким нападением? Неизвестно, какой ответ получили они на свои расспросы, но в конце концов турки не видели иного способа, как идти походом и завладеть всеми пограничными украинскими замками — Каменцем, Черкассами, Каневом, Белою Церковью, расположить здесь турецкие войска и таким образом не допускать казаков до нападений на турецкие земли!

Между тем козаки осенью того же года (1616) отправились в новый поход на море. Было их на этот раз не больше 2000, но поход удался на славу. Они направились снова на малоазиатское побережье. Плыли на Самсун, но ветер отнес их к Трапезунту. Высадившись, прошли по берегу до Трапезунта, взяли этот город, разграбили и сожгли его. На них напала турецкая эскадра, под начальством генуэзского адмирала Цикали-паши; она состояла из шести больших галер и многих малых кораблей, но козаки разгромили их, взяли три галеры и потопили. После этого они узнали, что султан послал корабли под Очаков, чтобы захватить их там. Тогда козаки отправились на беззащитный Константинополь, грабили и своевольничали без удержу и, насмеявшись таким образом над всеми мероприятиями турок, отправились туда, где их меньше всего ожидали — в Азовское море. Из здешних рек прошли в Днепр (вероятно, через Молочную, и оттуда перетасили лодки в Конку) и этим путем возвратились на Запорожье. Турецкий адмирал, простоявши напрасно под Очаковом, выждал, пока козаки разойдутся из Сечи, и чтобы чем-нибудь заявить себя, прошел на своих лодках по Днепру на Запорожье. В Сечи было всего несколько сот козаков, оставшихся здесь на зимовку. Увидя турецкие суда, они ушли из Сечи, и паша мог сорвать гнев на пустом козацком гнезде: захватил несколько пушек, несколько козацких лодок и повез это с триумфом в Константинополь — уверять султана и турецкий двор, что он разорил до основания страшную козацкую Сечь!

68. Польские переговоры с козаками и гетман Сагайдачный

Козаки издевались над турками и распространяли свою славу в тогдашнем мире, — а у поляков от их триумфов сердце было не на месте. После каждого козацкого похода султан давал приказ своим пашам идти на Украину, уничтожить замки, пограничные «паланки», откуда козаки выходили в поход, и вмес-

то них устроить свои крепости и поставить в них турецкие гарнизоны. И действительно, года не проходило, чтобы турецкое войско не отправлялось на украинское пограничье, или по крайней мере не ходили слухи о приготовлениях к такому походу; а польское правительство, истративши все средства на московские походы, не имея чем заплатить за них солдатам, все эти годы лишено было всякого войска. Никто не хотел идти служить, не

116. Петр Сагайдачный — гравюра из книги «Верше»

получив денег за прежнюю службу, и у Желковского бывало по 300—500 человек войска! Поэтому при каждом известии о турецком походе Польшу охватывала паника. Поляки оправдывались перед султаном, что козацкие походы происходят без их согласия, так как их правительство, насколько возможно, уничтожает козачество, но козаки выходят из московских областей. В действительности виноваты были не только козаки: не без греха были разные польские и украинские магнаты, вмешивавшиеся в молдавские дела, предпринимавшие походы туда и этим тоже раздражавшие турок, — но поляки все сваливали на козаков.

Пробовали как-нибудь сдержать их. В 1614 году Жолкевский пригрозил козакам, что сам пойдет на них с войском, если они не перестанут своевольничать, и стал готовиться к походу. Но козаки этих приготовлений не испугались и стали с своей стороны собираться под Переяславом для предстоящей войны. Жолкевскому в действительности не с чем было идти на них, и его угрозы остались пустыми словами. Тогда правительство обратилось за помощью к магнатам. Оно снаряжало к козакам так называемые комиссии, т. е. просило наиболее могущественных украинских магнатов, чтобы в качестве королевских комиссаров совместно с Жолкевским установили козацкие отно-

шения: при этом подразумевалось, что такой магнат не пойдет сам один, а поведет с собой свой дворовый полк, несколько сот человек, и так в общем соберется кое-какое войско. Начиная с 1614 года почти каждое лето снаряжалось такое комиссарское войско против козаков, чтобы установить среди них порядок. Но из этого ничего не выходило. Козаки обыкновенно просили дать им письменную «ординацию» — какие порядки желают установить комиссары; получив ее, они находили в этой ординации разные пункты, на которые не могли согласиться, так как требования комиссаров действительно были таковы, что козаки их никак не могли принять: комиссары требовали, чтобы козаки стерегли границы, чужих краев не трогали, жили на Низу, не выходили на волость и, проживая на волости, во всем повиновались старостам и помещикам, в имениях которых находились. Козаки заявляли, что они еще пошлют своих послов к королю, чтоб он не принуждал их к таким порядкам, и на этом комиссия обыкновенно оканчивалась: комиссары убеждали козаков соблюдать спокойствие, не нападать на чужие края, не своевольничать; козаки обещали и — продолжали поступать по своему усмотрению.

Такова была политика тогдашнего гетмана Петра Сагайдачного: не доводить до войны с Польшей, обещать и по внешности покоряться, — пока обстоятельства не заставят правительство снова обратиться к козацкому войску для своих военных нужд, — а тем временем укреплять козацкое господство на Украине. С титулом гетмана Сагайдачный впервые упоминается при описании морского похода 1616 года, прославленного взятием Кафы — об этом повествуют вирши на смерть Сагайдачного:

за своего гетьманства взявъ в Турцехъ мѣсто Кафу,
ажъ и самъ цесарь турскій былъ въ великомъ страху,
бо му четырнадцать тысячъ тамъ людей збилъ,
катарги едины палилъ, другіи потопилъ,
много тогда зъ неволъ христіянъ свободилъ,
за што го Богъ з воинствомъ его благословилъ¹.

Но гетманом он стал, вероятно, еще раньше, так как уже с 1614 года мы видим в козацкой политике то самое направление, каким отличался Сагайдачный. Может быть, он уже и в эту пору гетманствовал, с разными перерывами, как и позже должен

---

¹ «Верше на жалостный погреб задного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного», 1622.

был уступать булаву разным предводителям козацкой вольницы: наши известия о козацких гетманах за это время вообще очень неполны. В народной памяти его деятельность не оставила следов — если не считать известной песни о том, как Сагайдачный

проміняв жінку на тютюн та люльку — необачний!

Песня эта совершенно не передает действительного характера славного гетмана — подобно тому, как и князя Дм. Вишневецкого превратила в запорожского гуляку. В современном украинском обществе, наоборот, почитали Сагайдачного как глубокого политика, сумевшего привести козаччину на службу общенародным интересам и создать из козацкого войска опору национальной украинской жизни. То, что едва намечалось в 1590-х годах, во время Лободы и Наливайка, гораздо более сознательно и отчетливо выполнил Сагайдачный и открыл этим новую эпоху в истории украинской жизни.

Родом он был из Западной Галиции, из перемышльской земли (из окрестностей Самбора) — вероятно, из какой-нибудь мелкой шляхетской семьи, как намекает на это герб на его изображении. Он является, таким образом представителем галичан, из своей тесной родины двинувшихся тогда на широкую Украину надднепровскую созидать народную украинскую жизнь. Учился Сагайдачный в острожской школе, затем вступил в козацкое войско; «Вирши» называют его участником молдавской и ливонской войны (1600—1601), так что, вероятно, уже в 1590-х годах он был в козацких рядах. Но эта деятельность Сагайдачного нам неизвестна — только в последних годах своей жизни (1616—1622) выдвигается он на первый план современной украинской жизни. До того времени он уже прославился как необыкновенно искусный и удачливый вождь. Вот как отзывался о нем современник поляк Ян Собеский, не раз бывавший с Сагайдачным в походах: «За все время своего предводительствования войском Запорожским он повсюду был покрыт славой подвигов на суше и на море и пользовался неизменным успехом. Несколько раз разгромил он татар в перекопских степях и нагнал страх на Крым. Не менее прославился он своими морскими походами — счастье всегда сопровождало его, он уничтожил несколько больших турецких городов в Европе и Азии, сжег окрестности Константинополя. Вообще это был человек сильный духом, искавший опасности, не дороживший жизнью, первый в битве, последний в отступлении; он был энергичен, деятелен, в лагере бдителен — мало спал и не

117. Герб войска Запорожского —
гравюра из книги «Верше»

поэтому Сагайдачный очень охотно принял участие в ней. Комиссии в это время сильнее и сильнее налегали на козачество, и после козацких нападений на Турцию комиссары опять двинулись с войском на Украину, требуя, чтобы козаки не трогали турок, не бунтовали украинского населения, удалили из своего войска новопривывших людей, не принадлежащих к козачеству, и все войско козацье свели к одной тысяче, а все остальные возвратились в крепостное состояние! Чтобы не доводить до войны, Сагайдачный со старшиной выражали согласие подчиниться этим требованиям, выговорив лишь право просить короля об изменении некоторых особенно тяжелых пунктов. Но все труднее становилось отделяться такими обещаниями, и очень кстати для козачества вышло так, что как раз в то время, когда комиссары принуждали козаков подписывать такую «ординацию», польский король стал приготавливаться к войне с Москвой. Польский сейм не хотел вотировать специальных налогов для этой войны, и вся надежда была на козаков. Чтобы добиться московской короны, предложенной ему во время смуты московскими боярами, королевич Владислав пустился в московские земли с ничтожными силами, и надо было во что бы то ни стало спасти его от катастрофы. Сагайдачный надеялся, что теперь, ввиду московской войны, преданы будут забвению все комиссарские ординации, и начал собирать войско. Под предлогом этих сборов козачество своевольничало на Украине всю зиму и весну 1618 года; только летом Сагайдачный собрался и с 20 тысячами

пьянствовал, как это водилось у козаков; в советах отличался осторожностью, во всяких совещаниях вообще был немногословен; по отношению к козацкому своеволию он был строг и наказывал смертью за провинности».

Впервые Сагайдачный оказал большие услуги правительству в московской войне 1617 года: козацья помощь была тогда крайне необходима, и для козачества эта война случилась очень кстати,

отборного войска двинулся под Москву, где стоял королевич Владислав. По пути козаки разоряли московские земли, захватывали крепости и города и нагнали такого страха, что чудом считалось, если какой-нибудь город устоял перед ними (такова повесть о чудесном избавлении от Сагайдачного гор. Михайлова). Под Москвою Сагайдачный соединился с королевичем, очень обрадовавшимся со всем своим войском этой козачьей помощи, и сейчас же вместе с польским войском произвел ночной штурм на Москву. Но в Москве наперед знали о приступе и успели приготовиться, так что взять Москву не удалось. Однако московское правительство сделалось после этого гораздо более податливым на польские требования, и польские сеймовые комиссары, находившиеся при Владиславе и руководившие переговорами, исполняя желание сейма, чтобы эта война как можно скорее была закончена, воспользовались этой уступчивостью московской стороны и заключили мир с Москвою. Это было очень неприятно Владиславу, и Сагайдачный также настаивал на продолжении войны с Москвой, но нечего было делать: война была прервана. Неудовольствие Сагайдачного было понятно. Обеспечив себя с московской стороны, польское правительство летом 1619 года опять выслало Жолкевского с комиссарами и войском, чтобы установить порядок в козацком войске. Снова были предъявлены требования, чтобы козаки сократили свое войско, не ходили на море, сожгли лодки, и тому подобное. Все это, конечно, было черною неблагодарностью со стороны польского правительства после того, как оно заклиняло козаков спасать королевича и имело их на своей службе двадцать тысяч, а теперь велело участникам последней кампании возвратиться в крепостное состояние, за исключением какой-нибудь одной-двух тысяч. Но что было делать! Жолкевский требовал, угрожая в противном случае войною, а Сагайдачный до войны не хотел доводить.

Войску роздано было за службу 20 тысяч червонцев, и этим оно было немного успокоено. В конце концов решено было, что козаков будет 3000 (а их десять тысяч было собрано и стояло под ружьем во время самых переговоров!). В этом смысле было подписано соглашение, комиссары разошлись. Сагайдачный отправился в Сечь — якобы жечь козацкие чайки. Козаки упрекали Сагайдачного в излишней податливости, и на Низу в конце концов выбран был другой гетман, Бородавка. Но Сагайдачный лишь выжидал, в надежде, что Польше придется рано или поздно поклониться козакам, когда явится в них нужда. А тем временем он занялся предприятием, которое наносило польским

планам более сильный удар, чем все возможные козацьи своеволия.

69. Киев становится центром культурной украинской жизни

В польских кругах знали до сих пор Сагайдачного как смелого и удачливого вождя, на Украине знали о нем еще кое-что другое — его сочувствие нуждам украинской церкви и просвещения, всему тому, что тогда для Украины составляло национальную жизнь. Будучи воспитанником острожской школы — человеком, близким интересам тогдашнего просвещения и книжности, Сагайдачный поддерживал близкие отношения с церковными и учеными киевскими кругами, где тогда было много его ближайших земляков галичан, и там знали, что на Сагайдачного, на его помощь и помощь войска Запорожского можно рассчитывать во всех нуждах украинской народной жизни.

Это был чрезвычайно важный момент в истории украинской жизни. Киев, на несколько столетий погрязший в неизвестности, забвении и все более и более забывавший свое прежнее культурное и национальное значение, — возрождается внезапно к новой жизни.

В XVI в. это была обыкновенная пограничная крепость, где стоял военный гарнизон и под его прикрытием ютилась горсть мещанства и людей всякого звания, и только старые развалины, а среди них несколько уцелевших монастырей — прежде всего знаменитый Печерский, затем Пустынно-Николаевский (теперь так называемый Малый Николай) и Михайловский — напоминали о былой славе Киева. Но и в этих монастырях угасала память о прежнем их культурном значении, книжности и учености. В архимандриты и игумены, как мы знаем, попадали люди, имевшие возможность заплатить хорошее челобитье королю и великому князю и зачастую нисколько не интересовавшиеся церковными и просветительными нуждами, и огромные материальные средства этих монастырей, владевших неисчислимыми поместьями, сложившимися из пожертвований десятков поколений, — расхищались или шли на сытую, пьяную жизнь монахов.

Введение унии принудило украинское общество обратить особенное внимание на те церковные позиции, какие оставались еще в православных руках: необходимо было вырвать их из

влияния правительства и позаботиться о том, чтобы эти позиции были заняты людьми подходящими. Печерский монастырь был самой сильной, самой богатой и значит — самой важной из этих позиций; общество обратило на него особенное внимание после того, как Никифор Тур с оружием в руках защитил его от нападения униатов (гл. 64). По смерти его (1599) избран был игуменом на его место Елисей Плетеницкий, игумен Лещинского монастыря (на Белой Руси), заявивший себя во время Берестейского собора ревностным патриотом и поборником православия. Об этом человеке должна сохраняться благодарная память в украинском народе, ввиду его заслуг для национальной украинской жизни. Он был родом из Галиции, из-под Золочева, из мелкой шляхты; подробностей о его жизни не знаем почти никаких. Когда он получил печерское игуменство, то был еще не старым человеком, имел около 50 лет. Из сохранившихся документов видим, как энергично защищал он монастырские поместья от чужих посягательств; читаем жалобы на него и на прочее монастырское начальство печерских монахов, что они «неизвестно куда девают монастырские деньги»: вероятно, Плетеницкий начал понемногу урезывать расходы на сытую и пьяную жизнь монахов, обращая монастырские средства на культурные нужды. Очевидно, он понял, что здесь, под защитой козацкого войска, которое снова начало входить в силу и уже не раз оказывало помощь киевскому населению в стесненных обстоятельствах церковной и общественной жизни, можно создать новый очаг украинской культурной и национальной жизни, и принялся собирать средства для этого.

На монастырские средства Плетеницкий покупает типографию Балабанов, основанную епископом Гедеоном в имении его Стратине (около Рогатина), когда он поссорился было с львовским братством; позже она лежала заброшенная, пока Плетеницкий «воскресил типографию, припавшую пылью», как говорит похвальное слово ему, и, переведя в Киев, пустил в ход около 1615 года (первая книга вышла из нее в 1616 году). Еще до того принялся он собирать в Киев людей книжных, ученых, из тех же своих галицких краев. В то время, около 1615—1616 годов, мы видим в Киеве уже целый ряд просвещенных и ученых людей из Галиции, как позднейший митрополит Иван Борецкий (Бирецкий, из галицкой Бирчи), Захария Копыстенский — ученый историк церкви, племянник перемышльского епископа, Лаврентий Куколь, по латыни Зизаний, бывший дидаскал (преподаватель) львовской школы, знаменитый автор украинского словаря Берында, работавший у Балабанов при

типографии и перекочевавший, вероятно, вместе с ней в Киев — и много других. Будучи первым лицом в православных киевских кругах, Плетеницкий имел возможность размещать своих ученых земляков не только в Печерском монастыре, а также и на разных других духовных позициях Киева. Вместе с этим кружком единомышленников, пользуясь поддержкой своего земляка и единомышленника Сагайдачного, выступающего в это время во главе козацкого войска, Плетеницкий в этих годах (1615— 1616) полагает основание широкой культурной и организационной работе — как раз в момент, когда Сагайдачный взял в свои руки гетманскую «комишину», может быть уже и не в первый раз.

Одновременно с тем, как налаживалась печерская типография, основывается в Киеве братство. Гальшка Гулевич, богатая киевская шляхтянка, жена мозырского маршала Стефана Лозки, отказала свою усадьбу в Киеве на Подоле, где сосредоточивалась киевская жизнь.

Старый Город стоял тогда почти пустой. Она предназначала ее на просветительные цели: на основание монастыря, при нем школы «для детей шляхетских и мещанских», «гостиницы для странников православной веры». Для осуществления этих планов было основано братство; его «упис» (устав) составлен в конце 1615 года, и в него вписалось «бесчисленно» всякого звания людей из местного духовенства (прежде всего из кружка Плетеницкого, бывшего, несомненно, истинным вдохновителем этого дела), украинской шляхты и мещанства. Записался в это братство и гетман Сагайдачный со всем козацким войском: тем самым войско принимало под свое покровительство новое братство и его культурные начинания и приобретало право выступать всюду его защитником и представителем. Имея такого защитника, киевское украинское общество не особенно обращало внимание на настроения администрации и смело и энергично развернуло свою культурную деятельность, сразу превратившую Киев из глухой трущобы, какой он был до сих пор, в центр национальной украинской жизни.

Новооснованное братство сейчас же приняло в свое заведение фундапию Гулевич и на пожертвованной ею земле основало братский монастырь Богоявления, а при нем немедленно открыло братскую школу. Борецкий, бывший дидакал львовский, сделался первым ректором ее и немедленно отправился во Львов, чтобы заготовить книги и всем необходимым для школы; вероятно, в том же году (1617) открылось и учение. Печерская типография, отложив всякую прочую работу, спеш-

но издала часослов, тогдашнюю первую учебную книгу, «чтобы удовлетворить школьной нужде в православном городе Киеве» — как пишет в предисловии Плетеницкий. Школа была организована по образцу львовской; о ее преподавании в грамоте патриарха Феофана говорится, что здесь учили «грецко-славянскому и латино-польскому письму». Одной из первых книг, купленных для школы, была греческо-славянская грамматика, изданная львовским братством; ее взял Борецкий в долг у львовских братчиков. Благодаря помощи киевских духовных кругов и шляхетства, а также опытным галицким преподавателям, новая киевская школа стала сразу прочно. Из виршей на похороны Сагайдачного, прочитанных учениками школы в 1622 году, видим, что учились в школе главным образом дети киевских мещан, киевских духовных лиц и некоторых украинских помещиков.

Интенсивно работала и новая типография. До этого времени первое место на Украине по своей продуктивности занимала острожская типография: за 1580—1606 годы она издала больше книг, чем все другие украинские типографии вместе. Но когда умер старый князь К Острожский (1608) и Острог перешел в руки его сына католика Януша — типография заглохла. Новая же печерская типография за пятнадцать лет (1616—1630) выпустила больше книг, чем вышло до этого времени их на всей Украине, с Острогом включительно. Она располагала большими средствами и имела хороших, преданных делу руководителей. Для нужд ее была устроена бумажная фабрика, словолитня. Правда, выходили главным образом одни церковные книги, но именно в церковной области главным образом сосредоточивалась тогдашняя украинская национальная жизнь, как мы уже знаем, и на эту сторону тем более налегал ученый киевский кружок.

Организационная деятельность нового братства также давала себя чувствовать. Во враждебных кругах сразу оценили ее: униатский митрополит Рутский (преемник Потия), перечисляя препятствия, какие встречает для своего распространения уния, главным из них считает новое киевское братство, «основанное три года тому». Он указывал правительственным кругам, что это братство основано без разрешения короля, поэтому существует незаконно и может быть закрыто. Но у правительства не поднималась рука: за братством стояли братчики с мушкетами, войско Запорожское во главе с Сагайдачным.

70. Новая иерархия

Киевский кружок послужил первым узлом, связавшим козачество с высшими слоями украинского общества. До сих пор козаки находились в самой тесной связи только с украинским крестьянством, искавшим в козачестве освобождения от крепостного ига, и козачество в своих интересах шло навстречу этому крестьянскому течению, чрезвычайно увеличивавшему и укреплявшему козацкие силы. Другие общественные классы, хотя бы и украинские по национальности, смотрели на козачество с того времени, как оно приобрело свою социальную окраску, скорее враждебно — как на элемент разрушительный. Киевский кружок, начавши свою культурную работу под защитой козачества, считал необходимым разъяснить, что козачество это не какая-нибудь накипь, не общественные подонки, а продолжатели старых военных, рыцарских традиций старой Руси.

«Это ведь то же племя славного народа русского, из семени Иафетова, воевавшее с Греческою империею на Черном море и сухим путем. Это того же поколения войско, что при Олеге, русском монархе, плавало в своих моносилах по морю и по земле (приделав к челнам колеса) и штурмовало Константинополь. Это ведь они при Владимире, святом русском монархе, разоряли Грецию, Македонию, Иллирик. Это ведь их предки вместе с Владимиром крестились, веру христианскую от константинопольской церкви принимали, и по сей день рождаются в этой вере и крестятся и живут», — поясняло киевское духовенство, когда враги обвиняли его в том, что оно при помощи и под защитой козаков восстановило православную иерархию и вообще поддерживает с козаками сношения.

Когда первые шаги, предпринятые под защитой козачества, оказались удачными, киевские круги решили воспользоваться приездом на Украину иерусалимского патриарха Феофана, чтобы под покровительством Сагайдачного осуществить это важнейшее дело — возобновить православную иерархию. В этом действительно чувствовалась неотложная нужда. После смерти львовского епископа Балабана (1607) и перемышльского Копыстенского (1610) на всю Украину (вместе с Белорусью) остался всего-навсего один православный епископ львовский Тисаровский, да и тот получил епископию только обманным способом: обнадежив короля, что он будет униатом, он затем не исполнил обещания. Король не исполнял своих обещаний и сеймового закона, раздавал епископии только униатам, несмотря ни на что, и можно было действительно опасаться, что с те-

чением времени вовсе не станет православных епископов на Украине; да и теперь уже православная церковная жизнь приходила в полное разрушение, а к этому и стремились король и правительство.

Итак, услышав, что патриарх Феофан должен ехать из Москвы обратно, киевские обыватели пригласили его в Киев и здесь, показав основанные уже учреждения и положенные начатки культурной и просветительной работы, просили его, чтобы он восстановил им иерархию — посвятил митрополита и епископов. Общий съезд православных, созванный в Киев на престольный праздник Печерского монастыря — день Успения, выступил тоже с усиленными просьбами по этому вопросу. Патриарх долго не отваживался, «боялся короля и поляков». Тогда Сагайдачный заявил патриарху, что он берет его на свою ответственность и ручается за его безопасность. Несмотря на то, что на Запорожье гетманом был избран Бородавка, среди козаков «на волости» правил всем Сагайдачный, и на его обещание можно было вполне положиться. Местная шляхта поддержала его уверения. Наконец патриарх согласился и в течение осени и зимы 1620 года под большим секретом посвятил в различных местах митрополита и пять епископов — на все епархии украинские и белорусские. Затем под козачьей охраной благополучно выехал из Украины в Молдавию, не послушав поляков, приглашавших его возвращаться через Подолию, где действительно можно было его удобно задержать.

Так были посвящены епископы; но возникал гораздо более сложный вопрос: как получить для них права отправлять епископские функции? Как добиться для них свободного въезда в их епархию, чтобы правительство не препятствовало им исполнять свои обязанности?

Киевское общество и козацкая старшина надеялись, что польское правительство, нуждаясь в помощи козаков, должно будет сделать эту уступку православным.

Польша тогда переживала очень тяжелые минуты. Из-за того, что польские своевольные банды, так называемые лисовчики, помогали императору Фердинанду против трансильванского князя, турецкого вассала, — султан решил начать войну с Польшей. Козаки, бывшие под началом Бородавки, подлили масла в огонь, напав в это время на Константинополь: с неслыханной смелостью они разграбили его окрестности и навели такой страх, что приходилось палками гнать турецких матросов на галеры, отправлявшиеся против козаков; невозможно было дать никакого отпора козакам, и они, опустошив константинопольские

окрестности, отправились дальше добычничать на Черноморском побережье и делали, что хотели. Султан после этого велел турецкому войску двинуться на Польшу, и в конце лета войско это подошло к молдавским границам. Жолкевский с небольшим войском, какое у него было, пошел навстречу турецким полчищам, надеясь соединиться с молдавским войском, но молдаване, увидя малочисленное польское войско, не решились идти против турок с Жолкевским. Последний вынужден был отступить; отступление шло довольно успешно но недалеко от Днестра турки разгромили его, сам Жолкевский был убит, а его помощник, гетман польный Конецпольский, был взят в плен; спаслись немногие.

Таким образом Польша осталась без войска и в паническом страхе ожидала нового турецкого похода на следующий год. Катастрофу, постигшую Жолкевского, объясняли тем, что он не заручился помощью козаков: козаков в этой войне было мало или вовсе не было — своевольные ходили с Бородавкой, а партию Сагайдачного Жолкевский также не постарался привлечь на свою сторону, и она занималась церковными делами, пока поляки воевали с турками. «Жолкевский погиб в Волощине, а Конецпольский взят в плен потому, что начал войну без козаков, так говорил: «Не хочу я с Грицями воевать, пускай идут пахать или свиней пасть», — передает тогдашний украинский летописец современные разговоры. Ввиду этого правительство теперь всеми силами старалось привлечь козаков. Пробовало всякие средства, даже просило патриарха Феофана, чтобы он с своей стороны склонял к этому козаков. В киевских кругах решили, что за цену участия козаков в войне необходимо добиваться признания правительством новых владык. Но король и его советники не хотели уступить в этом. Напрасно на сейме (в начале 1621 года), когда шел вопрос о приготовлениях к войне, лидер украинских депутатов Лаврентий Древинский, известный украинский парламентарист, нападал на правительство, припоминая все неправды, чинимые народу украинскому и белорусскому.

«Начиная от Кракова в Короне как умножается слава божия с помощью этой нововыдуманной унии? Церкви по большим городам запечатаны, церковные имения опустошены, в монастырях вместо монахов запирают скот. Перейдем к Великому княжеству Литовскому — здесь делается то же самое, даже в городах, пограничных с Московским государством. В Могилеве и Орше запечатаны церкви, священники разогнаны. В Пинске сделано то же самое; Лещинский монастырь обращен

в корчму. Вследствие этого дети остаются без крещения, тела мертвых вывозят из городов без церковных обрядов, как падаль; народ живет без браков в нечистоте; не исповедываясь, не причащаясь умирают люди. Неужели это не обида самому Господу?

Неужели не отомстит за это Бог?.. Перейдем к другим обидам и неслыханным притеснениям. Разве это не несправедливость, что делают с народом нашим украинским во Львове, не говоря уже о других городах? Кто греческого закона, не униат, тот не может жить в городе, торговать на локти и кварталы, не может быть принят в цехи. Когда умрет живущий в городе, его тело нельзя пронести по городу с церковной церемонией, нельзя пройти к больному с Господними тайнами. А не притеснения ли в Вильне? Слыхано ли это когда? Когда мертвое тело хотят вывезти через замковые ворота (которыми ходят и ездят все, даже евреи и татары), то ворота запирают, так что православные должны своего покойника выносить другими воротами, которыми вывозят только навоз из города».

«Король будет требовать едва ли не большую половину войска от украинского народа, а как народ этот будет защищать своею грудью государство, если и впредь не будет удовлетворен в своих желаниях и просьбах? Как можем обеспечивать спокойствие от соседей, если не имеем спокойствия внутри?» — спрашивал Древинский.

Но эти голоса не были услышаны. Когда Мелетий Смотрицкий, посвященный в епископа полоцкого, отправился на Белоруссию и начал, с крайней осторожностью, отправлять свои епископские функции, униаты подняли крик, и король, несмотря на всю опасность момента, не замедлил прийти им в помощь: приказал арестовать Борецкого и Смотрицкого и всех новопоставленных владык. Борецкий с другими владыками, находясь под охраной козацкого войска, не очень беспокоился этими распоряжениями об аресте, — но все-таки они не смели отправиться в свои епархии. А в Белоруссии всех, кто оказывал содействие Смотрицкому или обращался к нему как к епископу — хватали, арестовывали, и король собирался ни больше ни меньше как предать их смерти. Правда, до смертной казни не дошло, но все-таки эти люди понесли тяжелые наказания, и Смотрицкий вынужден был спасаться под защиту козаков.

Ввиду этого киевские круги с Сагайдачным решили удерживать козаков от похода, пока король не удовлетворит их требований, — пока не «успокоит православной веры».

71. Хотинская война и конец Сагайдачного

Козаки, послушав патриарших увещаний и всяких обещаний королевских, сейчас же, еще с зимы, начали было готовиться к походу.

Зимой они ходили под Белгород, взяли его, освободили много невольников — тысячи три христиан выпустили на свободу, как говорили на Украине. Затем на волости начали собирать разные припасы — лошадей для артиллерии, порох, свинец и пр.; всякий призыв на королевскую службу был тем приятен козакам, что давал им повод собирать таким образом всякие запасы с некозацкого населения: поэтому они обыкновенно и откликались так охотно на всякий призыв короля.

Борецкий с Сагайдачным решили задержать эту козацкую мобилизацию, пока король не удовлетворит их. В июне была созвана большая козацкая рада — туда королевские посланцы должны были привезти деньги козакам от короля. Туда же поехал Борецкий со множеством духовных. Непосредственно после открытия рады с большим гневом и горечью стал он рассказывать козакам, какие насилия совершаются над их верой; читал письмо из Вильны о неслыханных гонениях на епископов. Затем Сагайдачный прочитал с великим почтением письмо от патриарха: сначала поцеловал его, а прочитавши, положил его себе на голову. Козаки были растроганы, подняли крик, присягали защищать веру не жалея жизни. Но на другой день говорил посол короля, приглашал идти на войну и передал деньги от короля — и козаков снова потянуло в поход. В конце концов решено отправить к королю посольство из Сагайдачного и Иезекииля Курцевича, игумена козацкого Терехтемировского монастыря, недавно посвященного в епископы владимирские; они должны были представить королю необходимость признания новой иерархии — иначе козаки не пойдут на войну.

Но козаки не устояли, когда их стали склонять к походу. В то время как Сагайдачный с Курцевичем ездили в посольстве, козаки с Бородавкою уже двинулись в Молдавию и стали опустошать край. Король отделался от посольства разными общими фразами, ничего верного не обещая, а за это время началась уже война, и Сагайдачный поехал прямо на театр ее к козацкому войску. Но Бородавке это даром не прошло. Когда Сагайдачный прибыл в войско, его сторонники начали возбуждать козаков против Бородавки, упрекая его в том, что он плохо распоряжался в походе, потерял много людей в Молдавии, разославши на разъезды, не приготовил запасов и т. п. Бородавку устранили

от гетманства, судили, присудили к смерти и казнили в козацкой раде под Хотинном, а гетманом снова выбрали Сагайдачного.

Принимая свою гетманскую булаву (уже в последний раз), Сагайдачный решил попытаться козацкими заслугами склонить короля и правительство на сторону украинских желаний. Другого выхода и не было для него: бросить польское войско и вернуть козаков с поля битвы, если король не исполнит козацких желаний, Сагайдачный не решался.

Польское войско перешло Днестр под турецкой крепостью Хотинном, и огромное турецкое войско уже надвигалось и окружало поляков; козаки же еще не подошли, и поляки боялись, чтобы турки не преградили козакам дорогу и таким образом не разъединили их. Прежде всего Сагайдачному нужно было отыскать козаков и привести их к полякам. Это он и исполнил, чрезвычайно искусно маневрируя в виду турецких полчищ, и благополучно провел козаков в польский лагерь, но сам не вышел благополучно, так как в поисках козацкого войска наткнулся на турок, и в перестрелке ему прострелили руку; рана так и не зажила, и на следующий год Сагайдачный скончался от нее.

Козацкого войска было, по польским известиям, около 40 тысяч, при небольшой, но исправной артиллерии. Польского войска было около 35 тысяч (в том числе также 8—10 тысяч регулярных козацких рот). Таким образом, с приходом козаков силы поляков увеличились вдвое. Но не только этот численный прирост ценили поляки: они полагались на козацкую опытность в войне с татарами и турками, на их славную отвагу. Уже из похода козаков к польскому войску, когда козацкие разъезды пробивались сквозь турецкие войска, к полякам доходили рассказы о неслыханной смелости, с какою эти мелкие отряды отбивались от турецких полчищ. И затем, когда козаки стали лагерем около польского лагеря, турецкое войско главную силу и натиск свой направляло на козаков, надеясь, сломив козаков, легко управиться и с поляками. Но козаки не только отбивались от гораздо большего турецкого войска, но переходили сами к наступлению, и не раз громили турок и добирались до их лагеря. Устраивали также ночные вылазки, с неслыханной смелостью заползали в средину турецкого войска и приводили турок в немалый страх. Сильно терпели только от отсутствия фуража, но под железной рукой Сагайдачного держались до конца, в то время как из польского войска шляхтичи из знатных фамилий, соскучившись долгой войной, без зазрения совести прятались в возы, посылавшиеся за провиантом, и так ускользали из лагеря. По-

118. *Петр Сагайдачный*
(*позднейший портрет*
киевской академии)

Немногого и просили козаки.

Хотели, чтобы плата была увеличена с 40 тысяч золотых до 100 тысяч; чтобы возмещены были расходы, понесенные в этой войне; чтобы козаки имели право проживать не только в имениях королевских, но и в духовных и шляхетских, пользуясь своими вольностями, и чтобы была «успокоена православная вера».

Зная чрезвычайную щекотливость шляхты в вопросе о козацких вольностях, козаки выражали свои желания в очень скромной форме. Напрасно! Король думал, что козаки будут ему уже не нужны, и на этот раз не хотел даже тратить милостивых слов. Сказал, что волю свою передаст через комиссаров, а комиссарам поручил возобновить постановления 1619 года, свести козацкое войско к двум, самое большее трем тысячам с тем, чтобы все прочие возвратились в подданство своим помещикам. Что касается веры, заявил, что козакам как до сих пор не было никаких притеснений, так и впредь не будет — т. е. все останется по-старому. А чтобы козаки легче приняли эту

ляки понимали, что держатся только козаками, и когда турецкий султан, потеряв надежду на победу, заключил в конце концов мир с поляками и повел свои войска обратно, поляки признавались, что козакам обязаны спасением Польши от гибели, и до небес восхваляли заслуги козачков и Сагайдачного, их мужество, выдержку, порядок, знакомство с военным делом.

Но когда, полагаясь на эти заслуги и на милостивые обещания короля, Сагайдачный, возвращаясь на Украину с хотинского поля, залитого козацкой кровью, послал королю козацкие петиции, — то услышал совсем другое.

пилюлю, велел пообещать Сагайдачному и прочей старшине подарки — чтобы они успокоили козаков.

Комиссию, однако, нельзя было осуществить, так как нечем было заплатить козакам за службу и не было войска, чтобы послать с комиссарами. Ответ козакам пришлось передать другим путем, — но это не изменило дела: надежды козаков рассеялись!

Сагайдачному король оказывал свое благоволение, посылал ему пособия на лечение и т. п., но это не утешало старого гетмана. Он был удручен, видя, что планы и надежды, которыми он жил, не исполнились. Предчувствуя близкий конец, распорядился своим имуществом, предназначив часть его на киевское братство, другую — на львовское братство, с тем чтобы последнее содержало на доходы от нее «ученого магистра», искусного в греческом языке, «на науку и цвичене деток христианских, на выховане бакалавров учоных, вечными леты». Скончался через несколько дней, 10 апреля 1622 года, оплакиваемый всеми, кто дорожил национальными украинскими интересами. Братские школяры читали похвальные вирши ему, изданные потом отдельной книжкой: прославляли его мужество, любовь к своему народу, к его просвещению, к церкви и ставили в пример козачеству. Эта книжка вместе с тем была похвалой Запорожскому войску и наставлением, чтобы оно шло по следам Сагайдачного и защищало и впредь народные интересы. В том же направлении влияло и киевское духовенство, поддерживая тесные сношения с козаками.

72. Конфликт с правительством

Преемники Сагайдачного на гетманстве со своей стороны искренно желали идти по его стопам. Наряду со своими козацкими нуждами они постоянно напоминали правительству о необходимости успокоить православных, признать православных епископов и устранить униатских. Поддерживали украинскую шляхту, которая со своей стороны на сеймах повторяла жалобы на гонения православных из-за унии, на несправедливости и притеснения, терпимые православными мещанами во Львове, и тому подобное. Но король и правительство горели гневом на православных за их сопротивление униатским епископам, и поддержка, какую оказывали козаки православию, равно как и их неповиновение помещикам и администрации, раздражали их сильнейшим образом.

Козачество в это время держало в руках все южное Поднепровье и слышать не хотело об уменьшении войска и повиновении помещикам: наоборот, козаки говорили, что будет еще больше войска, — будет сто тысяч, и если король не удовлетворит их желанья, беда Польше! Они возобновили свои морские походы, наводя панику на турок: «Служ о четырех козацких лодках на Черном море пугает турок больше, чем весть о чуме», — писал французский посол в Константинополе. Польское правительство пылало негодованием. Магнаты Украины требовали, чтобы оно обязательно усмирило козаков, так как шляхте невозможно хозяйничать, нельзя быть уверенными в своей безопасности на Украине при ежеминутном ожидании народного восстания. Это было время, когда польские магнаты, поделив между собой Восточную Украину и учитывая все возраставшее заселение своих имений, стремились перейти к действительному помещичьему хозяйству — устройству фольварков, введению панцины, даней и повинностей, но козаки, в большом числе проживая в этих имениях, не только сами были «непослушны», но и мещан и крестьян поддерживали в непокорности. Поэтому шляхта добивалась, чтобы козаков было две, самое большее три тысячи и чтобы жили они только в королевских (государственных) имуществвах, а кто живет в частных имениях — во всем повиновался помещику, не отговариваясь никаким козацким присудом.

Но чтобы принудить к этому козаков, необходимо было снова, после всех козацких заслуг под Москвой и Хотинном, устроить им в благодарность такую же резню, какая была устроена под Лубнами. Пока на это не хватало сил. Польскому войску еще и до сих пор не было заплачено за Хотинскую войну, и никто в Польше не хотел служить.

Между тем, видя, что польское правительство, и в особенности король, не хочет идти ни на какие уступки украинским требованиям, украинское общество хваталось за разные планы, в надежде создать международную комбинацию, которая дала бы возможность противостать тенденциям польского правительства, принудить его к уступкам, или отторгнуть Украину от Польши.

Киевское духовенство возвращалось к прежним замыслам украинских заговорщиков XV и XVI веков — искать помощи у Москвы, тем более, что вопрос перешел на действительно религиозную почву — борьбы за веру, а московское правительство держалось правила вмешиваться в польские и литовские дела под этим предлогом всякий раз, как находило это выгодным для себя и располагало соответственными силами. Поэтому, как

только Москва начала оправляться после Смутного времени, к московскому правительству начали обращаться разные лица из Украины, ища помощи в своих церковных делах. В особенности проторили дорожку в московские стороны монахи из Густынского монастыря, основанного незадолго перед тем на Заднепровье в поместьях князей Вишневецких, около Прилук (вблизи тогдашней московской границы), и из его филиальных монастырей Мгарского и Ладинского. Густынским игуменом был тогда печерский старец Исаия Копинский, пользовавшийся большим уважением как великий подвижник и представитель наиболее правоверного православного благочестия, неспособного ни на какие уступки униатам или правительству (за это впоследствии, по смерти Борецкого, он был избран на киевскую митрополию). Пользуясь расположением князей Вишневецких, в особенности княгини Райны Могилянки (сестры Могилы и матери позднейшего врага Украины — князя Яремы), Исаия умножил эти монастыри, образовал из них крупную монастырскую колонию, и именно он со своими густынскими старцами, имея в виду нужды православных, выступал наиболее горячим приверженцем московской протекции. Но в эту сторону оглядывались в своих стесненных обстоятельствах и другие киевские духовные. Летом 1624 года сам митрополит отправил в Москву одного из епископов; описывая тяжкие утеснения, испытываемые православными, он ставил московскому правительству прямой вопрос, примет ли оно Украину и козацкое войско под свою власть, если козаки не устоят в войне с поляками, надвигавшейся уже тогда на Украину. Но Москва тогда только еще становилась на ноги после пережитой смуты и боялась новой войны с Польшей, поэтому московское правительство отвечало митрополиту уклончиво, что, по-видимому, среди самих украинцев эта мысль еще недостаточно укрепилась: козаки больше занимаются морскими походами, чем думают о борьбе с Польшей, — если же на Украине созреет окончательное решение, тогда дайте знать, а царь и патриарх (отец царя) подумают над этим, как бы вас освободить, — такой ответ передали бояре митрополиту.

Времена для православных действительно были очень тяжелые. В Белоруссии продолжались гонения, и еще более обострились, когда в конце 1623 года витебские мещане, до последней степени раздраженные всякими притеснениями и несправедливостями со стороны тамошнего униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, взбунтовались и убили его. На виновных и невиновных посыпались виселицы, тюрьмы, отобрания всяких прав. «Всякое гонение на православных воздвигли, в особенности на

епископов православных — отогнали от престолов, городов и монастырей наших и до крови на святую православную веру поднялись», — писал митрополит в Москву. Епископы укрывались в Киеве, «под крылья христоролюбивого воинства черкасских молодцов» (козаков), и с тревогой ожидали, чем окончится борьба польского правительства с козаками, надвигавшаяся все более грозно: если бы козачество снова было усмирено, как тридцать лет тому назад под Лубнами, епископам пришлось бы действительно бежать за московскую границу.

Но козаки не беспокоились этим, а наоборот, чувствовали прилив большей, чем когда-либо, силы и энергии. С неистощимой предприимчивостью и смелостью вели они морские походы на турецкие земли и были очень обрадованы, когда у них оказался неожиданный союзник против турок в Крыму: хан Махмет-гирей и его брат Шагин-гирей взбунтовались против турецкого султана, решившего их устранить, и призвали на помощь козаков, и эти последние очень охотно принялись им помогать. Когда турецкие корабли летом 1624 года отправились в Крым, чтобы водворить нового хана на место Махмет-гирея, козаки в то же время двинулись на Константинополь и захватили турок совершенно неподготовленными (хотя разные страшные слухи о козаках давно ходили в Константинополе). Целый день совершенно свободно грабили они оба берега Босфора, разоряли расположенные здесь богатые усадьбы, роскошные виллы, а вечером спокойно забрали свою богатую добычу на лодки и ушли в море прежде, чем турки собрались защищаться. Когда же турецкие корабли догнали их, козаки спокойно ожидали нападения (ветер не давал им возможности самим напасть на турок); такое спокойствие и отвага так испугали турок, что они возвратились назад, не решившись атаковать козаков, и последние свободно возвратились восвояси, а две недели спустя еще с большими силами снова отправились в Константинополь. У лимана Днепра им загородил дорогу турецкий флот; было в нем 25 больших галер и 300 меньших суден, но козаки бились с ними несколько дней, пробившись на Черное море и пошли на Константинополь. На этот раз они целых три дня грабили и жгли берега Босфора и спокойно отплыли домой. Встревоженный этими нападениями султан послал в Крым капитан-паше (адмиралу) приказ бросить на произвол судьбы Гиреев и спешить скорее защищать Константинополь, и это распоряжение подоспело очень кстати для капитан-паши, так как ему все одно нечего было делать в Крыму: и там он встретился с козаками. Когда он двинулся в глубину края против не-

покорных ханов, встретился с войском Махмет-гирея, в составе которого находился также и козацкий полк. Он был невелик, но, увидевши такую компанию, турки потеряли всякую охоту биться и начали переговоры; тогда татары с козаками напали на них, разгромили и гнали до Кафы. Взяли и Кафу, а капитан-паша укрылся на корабле и, чтобы освободить из рук Махмета захваченных последним пленников и артиллерию, признал его на ханстве и ни с чем отправился в Константинополь. После такого начала Махмет-гирей и еще более Шагин-гирей, более энергичный и подвижный, подбивавший к сопротивлению своего брата, — стали прилагать старания, чтобы и на будущее время заручиться козацкой помощью. Они были уверены, что турки их не оставят в покое и при первом удобном случае лишат ханства. Поэтому обратились к королю польскому с просьбою повлиять на козаков, чтобы они и впредь помогали им против турок. И сами непосредственно склоняли козаков к тому же. Зимой, как раз под Рождество (24 декабря 1624 года) Шагин-гирей в урочище Карайтебен вел переговоры с козацкой старшиной и заключил союзный договор: козаки должны были помогать крымцам, а крымцы козакам, когда встретится надобность, и ни в коем случае не оставлять.

Козаки полагались на прочность и крепость этого союза с Крымской ордой и надеялись опереться на нем в тяжелую минуту — не только в войнах с Турцией, но и в недалекой, по всему судя, войне с Польшей. Это очень поднимало их настроение, а к тому же еще как раз в это время подоспели обстоятельства, развернувшие пред Украиной еще более широкие перспективы.

73. Украинские планы и война 1625 года

Осенью того же 1624 года приехал в Киев и явился к митрополиту человек, называвшийся Александром Яхией, сыном и законным наследником турецкого султана Магомета III (умершего в 1606 году). Он говорил, что его мать, родом гречанка, тайком увезла его из султанского дворца и воспитала в православной вере; что его как законного претендента на султанский трон ждет с нетерпением весь христианский мир Турции: болгары, сербы, албанцы, греки — все присягнули уже ему, как своему законному государю, и ждут его с готовым войском в 130 тысяч. Но он хотел бы присоединить к этому союзу Украину и Московию, чтобы разом с ними разрушить турецкое царство. Ожидает помощи также и от других врагов Турции, из Западной

119. *Войсковая печать 1620-х годов*

ко вмешательству в украинские дела. Он сам отправился к козакам и вместе с ними и Яхией отправил новое посольство в Москву: поехали запорожские козаки и посол Яхии Марк Македонянин. Они должны были осведомить царя о планах и союзах Яхии и просить для него помощи войском или деньгами. Но этот план удался только отчасти. Царь, правда, заинтересовался этим делом: посланный Яхии был тайно представлен ему среди запорожских послов, и царь переслал через него богатые дары Яхии, но вмешаться сам в его дела или в украинское восстание все-таки не решился.

Таким образом, пока ничего положительного не вышло из этих широких планов украинско-крымско-московского и неизвестно еще какого союза, какие строили украинские политики, киевские и запорожские. Тогдашние переговоры остались интересным отзвуком этих смелых комбинаций, напоминавших собою более ранние мечты Димитрия Вишневецкого и более поздние планы Богдана Хмельницкого.

Между тем, возлагая надежды на разные союзы и планы заграничной помощи, козачество жестоко столкнулось с суровой действительностью войны с Польшей. Московские бояре были правы, что козаки сами еще недостаточно серьезно относятся к своему положению, чтобы вмешиваться Москве. Козацкое войско положило на то, что у него есть под рукой новый союзник в лице крымского хана, и что, вероятно, Польша не захочет иметь дело одновременно и с ним и с козаками, и в этой надежде продолжали отдаваться морским походам, не обращая внимания

Европы: от герцога Тосканского, от Испании и т.п. Трудно сказать, насколько митрополит поверил всему этому сам, но во всяком случае решил, что из всего этого во всяком случае кое-что может выйти. Он отправил Яхию со своими людьми на Запорожье, и тот сейчас же стал вместе с козаками и Шагин-гиреем строить планы войны с Турцией. Митрополит же задумал заинтересовать этим делом Москву и склонить ее

на требования и угрозы польского правительства. Три раза ходили козаки в 1625 году на море с большими силами, и эта морская война затянулась до поздней осени. А между тем польский гетман Конецпольский все порывался усмирить козаков, которые и ему самому, как владельцу огромных королевщин на Украине, стали жестокой помехой, и как раз в это время собрался в поход. Дольше откладывать он не находил возможным, так как Польше грозила война со Швецией, и Конецпольскому пришлось бы выступить из Украины, оставив ее во власти козаков. Препятствием являлся союз козаков с Крымом, но летом 1625 года Конецпольскому удалось подкупить Шагин-гирея и его брата, чтобы они не вмешивались в его войну с козаками. После этого спешно, пока еще козаки не возвратились с моря, Конецпольский двинул свое войско на Украину, а сам с комиссарами поспешил за ним вслед.

Поход этот захватил козаков совсем неподготовленными. Не встречая нигде по дороге козацкого войска, Конецпольский прошел всю Украину до самого Канева: но и здесь было только три тысячи козаков, которые не могли померяться с польским войском, и оборонной рукою отступили к Черкассам навстречу главному войску, которое должно было придти из Запорожья. Этим неожиданным маршем Конецпольский принудил население Украины остаться пассивным зрителем восстания и не дал возможности старшине мобилизовать оседлое козачество «волости». Козацкий гетман Жмайло тратил время на Запорожье, ожидая козаков с моря и переговариваясь с крымским ханом, домогаясь, чтобы он согласно союзному договору помог козакам против поляков, а Конецпольский за это время дождался комиссарских войск, так что его войско сравнилось числом с козацким или даже превзошло его и притом было лучше снаряжено и вооружено, чем неприготовленное к войне козацкое войско. Козаки, однако, решили не поддаваться. Комиссары требовали, чтобы они выдали предводителей морских походов и зачинщиков самоуправств (в этом году произошли волнения в Киеве: там убили одного униатского священника и войта Ходыку за распространение унии), выдали также Яхию и послов, ездивших в Москву; домогались также уменьшения козацкого войска до «прежде установленного количества» и тому подобного, чего козаки не могли принять.

Переговоры были прерваны, и под Крыловым на реке Цыбульнице произошла кровопролитная битва; козаки держались стойко, но в конце концов признали эту позицию невыгодною и ночью отступили на юг к Курукову озеру (около теперешнего

Крюкова). Дорогой расставили свои арьергарды, которые должны были задержать наступление поляков; эти козацкие отряды исполняли свою задачу и гибли до последнего человека. Однако поляки все-таки успели довольно скоро пробиться до главного козацкого войска, прежде чем последнее успело укрепить свой новый лагерь. Но овладеть козацким лагерем поляки не успели и в конце концов, предвидя затяжную войну, снова начали переговоры. После долгих торгов Конецпольскому удалось добиться, что козаки подписали с комиссарами договор, по которому на будущее время козаков должно было быть только 6 тысяч, и пользоваться козацкими правами они могли только в королевщинах; в продолжение 12 недель должен быть составлен реестр этого шеститысячного козацкого войска, и кто не попал в этот реестр, должен был подчиниться своему помещику или другим властям.

Исполнить этого требования козаки не могли, если бы даже хотели. Но Конецпольский и комиссары убедили их, что иначе они не могут закончить своего похода, и не выйдут из Украины, пока не доведут до конца своего поручения. Козацкие старшины могли обнадеживать козаков, что в действительности этой куруковской «комиссии» полякам не удастся осуществить, так как польское войско должно идти на войну с шведами, которая уже и началась — вероятно, будут призваны на службу и козаки, а тогда все куруковские постановления будут преданы забвению.

С помощью старшины новому гетману Михаилу Дорошенку, избранному под Куруковым вместо Жмайла, действительно удалось благополучно, без волнений исполнить то, чего добивались комиссары. Он составил реестр, исключил из войска всех, кто не попал в реестр. Однако всячески оттягивал фактическое выселение козаков из панских имений, надеясь, что от этой неприятности и вообще от всех куруковских постановлений в конце концов удастся отделаться.

74. Война 1630 года

Дорошенко, очень способный человек, талантливый администратор, и старшина, поддерживавшая его, успели своим влиянием на украинское население достигнуть, что оно терпеливо переждало этот тяжелый момент, не доводя до новой войны. Дорошенку удалось даже сдержать выписчиков (так назывались козаки «выписанные» из войска, т.е. не включенные в реестр)

от походов на море, и действительно, кроме небольших выездов, более значительных морских походов за это время не было. К счастью, подспела новая война Махмет-гирея и Шагин-гирея с турками, и козаки принимали в ней деятельное участие, с тайного согласия польского правительства, желавшего поддержать союз с Гиреями против турок. Козаки несколько раз ходили в поход в Крым с своими союзниками, добирались до Кафы и Бахчисарая, в

120. Мелетий Смотрицкий
(уже униатом)

одном из этих походов погиб сам Дорошенко. Это было большим несчастьем, так как его преемники не умели подчинить своему влиянию козачество, как он, не допуская его до конфликта с правительством; но некоторое время все-таки удавалось поддерживать спокойствие. Это было время, когда не только среди козачества, особенно верхних слоев его, но и среди украинского общества, в церковных и светских кругах взяло верх настроение оппортунистическое, склонное к уступкам.

Утомленная бесплодной борьбой, некоторая часть киевского духовенства и украинского общества готова была идти на соглашение с правительством, надеясь этим путем достигнуть более мирных и сносных отношений. Во главе этого умеренного направления стоял Мелетий Смотрицкий, известный украинский писатель и богослов. Обескураженный гонениями, обрушившимися на него после того, как он выступил в качестве архиепископа полоцкого, Смотрицкий удалился — уехал в Грецию, на Восток и по возвращении стал выступать сторонником компромисса, склоняя православных к соглашению с католиками. Затем он даже перешел в унию, когда это соглашение разбилось о сопротивление православных, и, окончательно оттолкнутый православными, скоро умер на Волыни в Дерман-

ском монастыре, который выпросил себе в управление у магнатов католиков.

Но не один Смотрицкий склонялся теперь к соглашению с правительством и католиками. Склонялся к нему и новый архимандрит печерский, знаменитый впоследствии Петр Могила, и сам митрополит Борецкий колебался, пока не убедился в решительном противодействии православных против каких-либо уступок правительству, католичеству и унии. Подавляющее большинство населения решительно стояло на стороне непримиримых, вроде Копинского, и против всяких уступок, и в конце концов принудило епископов оставить всякие переговоры о соглашении. Но уже одно то обстоятельство, что из киевских кругов перестали выходить призывы козаков к более энергичным выступлениям против правительства, — содействовало установлению более мирных отношений, и спокойствие поддерживалось, хотя старшина была крайне раздражена против правительства, не оценившего всего того, что сделало для него козачество — всех его служб и покорности. Заместитель Конецпольского на Украине, Стефан Хмелецкий, со своей стороны поддерживал хорошие отношения с козаками и, насколько от него зависело, старался не причинять им неприятностей; он не очень настаивал на соблюдении куруковских постановлений — и до некоторого времени мир держался.

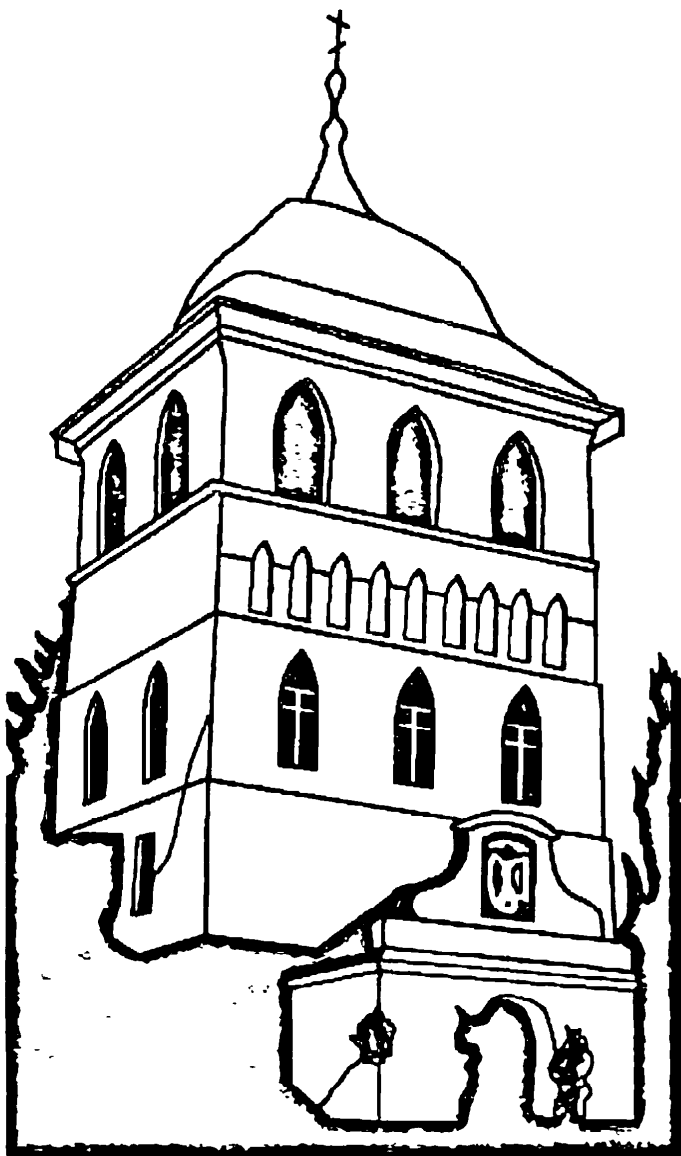
Хуже пошло дело, когда умер Хмелецкий, а на его место со шведской войны возвратился снова на Украину непримиримый враг козаков Конецпольский и с ним, не получившее по обыкновению платы за службу, польское войско (в конце 1629 года). Польские войска были расквартированы на Украине на большом пространстве: говорили, что Конецпольский нарочно разбросал так свое войско, чтобы предотвратить возмущение, и эти польские квартиранты сильно досаждали козакам и прочему украинскому населению. Это вызывало среди последнего сопротивление и бунты, а одновременно Конецпольский настаивал, чтобы во всем исполнялись куруковские постановления, и всякое непослушание сейчас же собирался «гасить хлопской кровью». Козацкий гетман Грицко Черный, признанный правительством, исполняя ли желания Конецпольского или по собственному почину, — послал на Запорожье требование, чтобы тамошние козаки вышли «на волость» и присоединились к реестровому войску «для военной службы». Когда те не повиновались приказу, их выписали из реестра. Тогда запорожцы под предводительством Тараса Федоровича двинулись весной 1630 года на волость. Черного они обманули, уверив, что идут к нему с повин-

ной, затем неожиданно напали, схватили, доставили в войско, осудили на смерть и казнили. Узнав об этом, реестровые бросились бежать к польскому войску, стоявшему в Корсуне. Запорожцы, приступив к Корсуню, пошли на приступ: простые реестровики начали переходить к запорожцам, покидая старшину; корсунские мещане со своей стороны принялись громить поляков; последние были принуждены спасаться бегством.

Так началось восстание. Запорожцы разослали по всей Украине свои универсалы, призывая всех в войско: кто был козаком или хотел им быть, приглашался прибывать на защиту козацких вольностей и «благочестивой» (православной) веры от польских замыслов.

Тревожные слухи о каких-то замыслах поляков против православной веры уже ходили перед тем, в особенности после церковных соборов, собиравшихся летом 1629 года по инициативе правительства. Они вызывали большое недовольствие среди козачества и народа против духовенства, принимавшего в них участие, и против поляков, склонявших его к религиозному соглашению. Теперь эти тревожные слухи о польских кознях против православной церкви начали связываться с чисто козацкими мотивами восстания. Рассказывали, что польское войско было расквартировано по Украине с умыслом, чтобы истребить всех православных, что Грицко Черный присягнул унии и за это его убили, а униаты деньги, собираемые якобы на школы, передали Конецпольскому на наем войска, чтобы истребить православных, и тому подобное. Козацкое вос-

121. Ворота Дерманского монастыря

стание превращалось в войну за веру; собирались выписчики, поднималось крестьянство, разгоняя шляхту и избивая солдат, где успевали их захватить врасплох. На этот раз украинское восстание и его польские усмирители поменялись ролями сравнительно с 1625 годом: не Конецпольский захватил врасплох козаков, а они его, и прежде чем он успел собрать свои войска, которые так неосторожно рассеял, восстание охватило уже всю Восточную Украину и козацкое войско необыкновенно возросло.

Не будучи в силах сразу собрать войска, Конецпольский послал на место восстания своего доверенного человека Самуила Лаща «стражника коронного», известного забияку, а тот начал «успокаивать» население по-своему. Он и среди шляхты пользовался известностью отчаянного разбойника, никому не спускавшего, никого не щадившего со своей бандой: рассказывали, что против него было постановлено 200 приговоров за различные преступления, 37 раз он был лишен чести и шляхетского звания, но пока жил Конецпольский, он выручал его своими экземплями-удостоверениями, что тот находится в военной службе, поэтому исполнение всяких приговоров над ним должно быть приостановлено; когда Конецпольский умер, то шляхта Киевского воеводства, собрав до 12 тысяч людей, отправилась вооруженным походом на имение Лаща и изгнала оттуда всех его людей и семью, чтобы и следа его не осталось.

Такого человека отправил теперь Конецпольский перед собою для усмирения восстания; можно себе представить, что он выделял!

Современник киевлянин, передававший слухи того времени, рассказывает, что Лащ, напав на Лысянку как раз на Пасху, застал людей в церкви и всех их перерезал, начиная со священника и оканчивая женщинами и детьми; говорит также, что поляки вырезали также целиком местечко Дымер. Целиком или не целиком, но эти известия рисуют перед нами тогдашние настроения, — мы можем себе представить, какие чувства носило в себе население по отношению к полякам, и вполне понятно, что если поляки попадали где-нибудь в руки украинского населения, последнее платило им тою же монетой.

Такая мелкая война заняла весь месяц апрель. За это время козаки собрались под Переяславом, приготовились к кампании и покрыли берег Днепра своими заставами. Когда Конецпольский, собрав кое-какое войско, перешел под Киевом Днепр, он наткнулся на такие козацкие силы, что едва не очутился в плену и поскорее возвратился назад. Затем уже с большими предо-

сторожностями переправил снова свое войско и разместил его в укрепленных позициях между берегом Днепра и Переяславом, чтоб не дать отрезать себя козакам. Но благодаря этому его войско, и без того не слишком большое, еще более уменьшилось, и ему просто не с чем было вести борьбу с главным козацким войском, стоявшим под Переяславом: его приступы к козацкому лагерю козаки отражали и громили. Он ожидал подкреплений от короля, но тот также не имел возможности ему помочь, а мелкие отряды, направлявшиеся к польскому войску, не могли пробиться к Переяславу сквозь взбунтовавшуюся Украину. Украинские отряды ходили по всему Поднепровью, разбивали и грабили польские роты и тех поляков, каких расставил Конецпольский над Днепром. Наконец, после двух недель этой переяславской кампании произошла решительная битва. Это та битва, которая на основании позднейших преданий была воспета Шевченком в его «Тарасовой ночи»:

Червоною гадюкою несе Альта вісти,
Щоб летіли крюки з поля ляшків-панків їсти.
Налетіли чорні крюки — вельможних будити;
Зібралось козачество — Богу помолитись.
Закрякали чорні крюки, виймаючи очі;
Заспівали козаченьки пісню тії ночі —
Тії ночі кривавої, що славою стала
Тарасові, козачеству — ляків що приспала.

Современный киевский летописец рассказывает о ней так: Лац, а за ним и Конецпольский, заметив козацкий разъезд, вышли из лагеря, чтобы разгромить его, и, преследуя его, отошли далеко от лагеря. Между тем какие-то два гайдука, перебежав к козакам, сообщили им, что Конецпольского нет в лагере. Тогда козаки напали на лагерь, разгромили его, забрали артиллерию и увезли в свой лагерь. Подоспел Конецпольский, но за него принялись так, что он был принужден просить мира, и таким образом битва прекратилась.

Известия очевидцев подтверждают, что поляки потерпели сиднейшее поражение: лагерь их был разбит, сообщение с Днепром прервано, Конецпольский принужден был помириться с козаками. Последние не считали желательным доводить его до крайности. Был заключен мир на принципе амнистии: и взбунтовавшиеся козаки и те реестровые, какие остались на стороне поляков (было их, как говорят, около 2 тысяч), не должны были укорять одни других. Реестр был увеличен до 8 тысяч и, самое главное — его уже не составляли в действительности, так что оставалось неизвестным, кто именно состоит в козаках — каж-

дый, следовательно, пользовался невозбранно козацкими вольностями.

75. Бескоролье

То обстоятельство, что козачество вышло с честью из переяславской войны и еще более сильной ногой стало на Украине, было очень важно в тогдашних украинских отношениях: приближался момент, когда украинское общество собиралось дать решительное и собственно уже последнее сражение в защиту своих национальных интересов на парламентарной, сеймовой арене. Выступить на ней могла только украинская шляхта — слабые остатки ее, еще державшиеся своей народности; но важно было, чтобы они чувствовали за собой широкие круги украинского общества, реальную козацкую силу, и чтобы польское общество почувствовало это также.

Доживал свои последние дни король Сигизмунд III, этот неутомимый враг украинских народных стремлений, и все на Украине и Белоруссии готовилось к решительной борьбе, которая должна была загореться после его смерти, при выборах нового короля и составлении так называемого *раста conventa*, т. е. тех условий, которые по польской конституции должны быть предложены королю при его выборе, им приняты и подтверждены присягой. Еще при жизни Сигизмунда III украинские депутаты, видя, что ничего не могут поделать с его упорством, говорили униатам: «Видим, что ничего не добьемся, пока жив этот король, но во время бескоролья мы всеми силами восстанем на вас». И когда появились известия, что король угасает, умирает, — украинское общество, шляхта, духовенство, братства, мещане, козацкая старшина — все начали готовиться, чтобы оказать давление на нового короля и поляков, чтобы раз навсегда окончились эти нестерпимые притеснения украинской народности, церкви, культурной и национальной жизни.

Король умер в апреле месяце 1632 года. Хотя у него были сыновья, и старший из них, Владислав, считался несомненным преемником своего отца, однако по польской конституции нужно было все-таки его избрать, и для этого сначала созвать конвокационный сейм, чтобы установить порядок на время бескоролья, затем сейм элекционный — для выбора нового короля и составления *раста conventa*, и, наконец, сейм коронационный для коронации. Конвокационный сейм был созван сейчас же летом того же года, и уже на нем украинские депутаты —

среди них особенно старые парламентаристы: волынский депутат Древинский, брацлавский Кропивницкий и наряду с ними новый деятель Адам Кисель — всеми силами добивались, чтобы украинский вопрос был улажен прежде всего, а без этого чтобы не приступать к выбору короля. Их поддерживали послы от козацкого войска, посланные тогдашним гетманом Петражицким-Кулагой; они тоже добивались разрешения религиозного вопроса, а для козацкого войска — права участия в выборе короля наравне с шляхтой. Это был важный вопрос: дело шло об участии козаков вообще в сеймах, и допущение их к сеймованию дало бы им большое влияние на политическую жизнь. Но шляхта воспротивилась допущению козаков к участию в выборе короля, а козацкие послы как-то не сумели настоять на своем; несмотря на то, что Кулага для более сильного впечатления двинулся с войском на Волынь и здесь дал почувствовать козацкую руку имениям козацких противников, вопрос о православной вере отложен был до элекционного сейма. Это очень не понравилось украинским кругам, и они с тем большей энергиею решили налечь на элекционный сейм, назначенный на осень.

На первом плане стоял вопрос об епископах. Православные хотели добиться того, чтобы старые православные епископства, монастыри и церкви были отобраны от униатов и отданы православным; но так далеко заходить не отваживались даже и самые искренние сторонники удовлетворения православных, — в том числе и сам королевич Владислав. И так ему приходилось идти против польского духовенства и завзятых католиков среди сенаторов и других деятелей Польши. Наконец решено было разделить епископства и все другое население православной церкви между православными и униатами. Постановили оставить две метрополии, православную и униатскую, а епископства разделить пополам: православным предоставить епископства львовское, перемышльское и луцкое на Украине и создать для них одно новое епископство на Белоруссии, а униатам отдать прежнее епископство полоцко-витебское на Белоруссии и три украинских: владимирское, холмское и пинско-туровское; должны были также быть разделены между ними церкви и монастыри — особо назначенными королевскими комиссарами. Православные волей-неволей должны были согласиться на это. И то королевич только благодаря своему исключительному влиянию проводил этот закон, несмотря на сильное сопротивление духовных и многих светских сенаторов, не желавших согласиться на такую уступку без соизволения папы — ну, а папа, конечно, не

дал бы на это согласия. Владислав указывал на необходимость удовлетворить украинское и белорусское население и козаков, имея в виду Москву: с Москвой Владислав собирался воевать, так как перемирие оканчивалось — а если не удовлетворить православных, то козаки не захотят помогать или даже, пожалуй, перейдут на сторону Москвы. Действительно Копинский, тогдашний митрополит, внушал козакам, что они все равно ничего не добьются в Польше, и единственный выход — отдаться под власть московского царя. В конце концов Владиславу удалось склонить многих сенаторов к уступкам православным. Обещано было также издание законов, гарантировавших равноправие православных в городах и т. п., но эти обещания остались на бумаге.

Как ни малы были эти украинские приобретения, все-таки они значили очень много: при тех слабых силах православных украинцев, какими они располагали на сейме, и это было большой победой — последней парламентарной победой, одержанной остатками украинской шляхты, все уменьшавшейся и почти без остатка затем расплывшейся среди польской шляхты.

Украинцы решили ковать железо, пока горячо, и немедленно, на сейме же приступили к выбору митрополита. Самовольно поставленных прежде епископов и митрополита Копинского правительство не хотело признать, и в этом православные должны были уступить.

На митрополию выбрали они Петра Могилу, печерского архимандрита. Он имел среди польской аристократии знакомства и связи, в свое время склонялся к правительственным планам соединения православных и униатов — поэтому поляки с удовольствием были готовы видеть его митрополитом на место Копинского. Украинцы, в особенности козаки, сначала смотрели на него подозрительно, когда он стал печерским архимандритом (1627). Он тогда принялся устраивать в Киеве свою собственную коллегию с латинскими преподаваниями в противовес братской школе; различные православные консерваторы подняли козаков против этой затеи, а те собирались уже избить учителей этой школы и самого Могилу, подозревая в его планах польскую интригу. Могила должен был тогда отступить от своего плана, и в конце концов он присоединил свою школу к братской, взял под свое покровительство последнюю, как старший братчик, и реформировал ее по своему плану — по образцу современных иезуитских коллегий, чтобы она могла выдержать с ними конкуренцию. Эта уступка со стороны Могилы примирила с ним киевлян и козаков, а незаурядная энергия и способно-

сти, какие он выказал в этом деле, как и в других церковных предприятиях, снискали ему уважение в украинском обществе, и оно тоже довольно охотно согласилось на избрание его в митрополиты.

Украинское общество не ошиблось, так как действительно Могила, соединив в своих руках огромные монастырские средства с властью и авторитетом митрополита, сумел использовать их для просветительных и церковных нужд умело и энергично. В его руках оставался Печерский монастырь со своими огромными богатствами, в его управление передан был теперь другой богатейший монастырь Пустынно-Николаевский; Михайловский, где проживали предыдущие митрополиты, также перешел под его влияние. Он продолжал оставаться старшим братчиком и руководителем братства. В его руках объединились все средства, все учреждения православного Киева. И он воспользовался этими небывалыми средствами и авторитетом в интересах православия, оживил и упорядочил запущенную и расстроенную церковную жизнь, высоко поставил братскую коллегия — позднейшую Киевскую академию, носившую затем в честь его имя “Могилянской”; развил оживленную издательскую деятельность, заботился о подъеме просвещения и учености, хотя необходимо заметить, что эта киевская могилянская ученость была достаточно чужда народной украинской жизни, приближаясь более к старым церковнославянским образцам, с одной стороны, и к польско-латинской культуре — с другой. Понятие о народной украинской стихии еще не успело сложиться ясно и определенно, и новая школьная наука и письменность в этом смысле даже пошли назад по сравнению с начатками письменности и литературы на живом народном языке, появившимися перед тем. Но этого тогда не замечали и высоко ценили энергию и рвение нового митрополита.

Свою энергию и ревность к интересам церкви Могила обнаружил сейчас же после своего выбора, занявшись избранием православного епископа для Перемышля, где засел униат Крупецкий и не хотел уступить, как ни старались отделаться от него украинцы. Избрали епископом волынского шляхтича Гулевича-Воютинского, человека очень решительного и энергичного, отвечавшего желанием православных — вырвать из рук униатов это епископство, признанное последним законом за православными. Но резкими выступлениями Гулевича — вооруженными нападениями, какие устраивал он, предводительствуя местной украинской шляхтой, чтобы отобрать церкви и имения своей епархии, — воспользовалась противная сторона, добилась осуж-

дения его, и потом этот приговор был снят с Гулевича за дорожную цену — раздел епархии на православную и униатскую.

Могила был осмотрительнее. Ему тоже предстояло добыть силой свою кафедральную церковь, св. Софию, находившуюся в руках униатов. Но эту операцию произвели люди Могилы без него, а Могила приехал уже по ее окончании. Такие насильственные действия были в обычаях того времени, и захват св. Софии только увеличил среди православных славу Могилы как человека, умеющего постоять сильно за интересы православной церкви. За это ему простили даже суровое обхождение с прежним митрополитом Копинским, не хотевшим добровольно уступить место Могиле, которого он считал польским орудием, и однако принужден был в конце концов покориться.

Киевляне, духовенство, местная украинская шляхта радостно встречали Могилу речами, стихами, орациями школяров. В его лице праздновали они свою первую национальную победу после стольких лет печали, гнета и унижения.

76. Сулима и Павлюк

Новый король пылал жаждой войны, военными замыслами, но польская шляхта неблагоприятно относилась к его планам, поэтому Владислав особенно ценил козаков и заботился о их расположении. Сейчас же после своей коронации начал он войну с Москвой, а козаков еще раньше отправил в пограничные северские земли, принадлежавшие Москве. В поход свой под Смоленск он также призвал козаков. Сейм, однако, не дал ему возможности вести войну по своему желанию, и уже на другой год кампания должна была прекратиться. Владислав надеялся зато, что у него начнется война с Турцией, но и тут польские сенаторы внушили самым категорическим образом Конецпольскому, чтобы он никоим образом не вызывал турок, всеми мерами старался прийти к соглашению с ними, и Конецпольский сообразовывался с этой инструкцией. Решено было построить возле порогов крепость, чтобы преградить козакам путь на Запорожье и положить конец их нападениям на турецкие владения, и Конецпольский поручил известному уже нам инженеру Боплану найти соответствующее место для этой крепости. На этот раз дело не окончилось одними разговорами (как это бывало уже не раз до сих пор): действительно около Кодацкого порога начали строить замок, получивший название Кодака, и уже через несколько месяцев стал там польский гарнизон, к великому неудоволь-

ствию козаков, которых не только не пускали на Запорожье, но еще и чинили им всякие другие неприятности, ставя препятствия в их степных промыслах. Между тем козаки и без того уже были крайне раздражены, так как ничего не получили за последнюю войну, и еще наоборот — пользуясь мирным временем, их стали ограничивать против прежнего, а к этому присоединилась еще такая неприятность в виде Кодака! Козаки ждали только удобного случая, чтобы освободиться от этого нового стеснения и уничтожить ненавистное польское гнездо, забравшееся в глубину их владений.

Такой удобный случай, как казалось, давала козачеству шведская война, нависшая над Польшей в начале 1635 года. Владислав, как и его отец, имел претензии на шведскую корону, так как его отец происходил из шведского королевства и некоторое время считался королем шведским; поэтому он с большим удовольствием ухватился за эту войну. Собираясь воевать со шведами на море и вспомнив про козацкие походы, он решил пустить на шведов козаков: выписал козацких мастеров, чтобы они на Немане соорудили тридцать чаек, и приказал набрать для этого похода сверх реестра полторы тысячи козаков. Все это было исполнено, и козаки показали себя на Балтийском море не хуже, чем на Черном: шведы встретили их чайки выстрелами из пушек, но пушечные ядра не повредили козацким чайкам, козаки бросились на шведский корабль, взяли его на abordаж и навели немалый страх на шведов. Все удивлялись, как они на таких небольших лодках выносили ветер и бурю, а разбросанные ветром лодки их снова собирались в порядке. Но повоювать здесь козакам не пришлось, так как и здесь война не развернулась, и скоро король приказал козакам возвратиться на Украину, а чайки сохранить на случай новой надобности.

122. Козаки (современная гравюра)

Между тем козаки на Украине, не подозревая, что война уже убита в самом начале, надеялись, что Польша втянется в тяжелую войну и не будет иметь возможности очень внимательно следить за козаками. Они решили воспользоваться этим моментом и освободиться от ненавистного Кодака. Тогдашний козацкий гетман, Иван Сулима, неожиданно ночью напал на Кодацкий замок, взял его приступом, коменданта велел расстрелять, гарнизон козаки изрубили, а самый замок разрушили до основания. Это вызвало большое раздражение в Польше. Конецпольский, возвращавшийся уже на Украину с шведской войны, грозил кровавой расправой за такое самоуправство. Реестровые козаки, чтобы не допустить до войны, решили выдать предводителей этого нападения на Кодак, — Сулиму и его ближайших товарищей. Адам Кисель, бывший позже комиссаром по делам козацким, рассказывает, что его предшественник и старший товарищ в этих делах Лукаш Жолкевский (родственник гетмана), кроме того, и деньгами склонял влиятельных козаков отступить от Сулимы. Реестровики схватили Сулиму и его пятерых товарищей и отослали в цепях в Варшаву, где их судили на сейме и присудили к смертной казни. Этот трагический конец козацкого гетмана возбудил всеобщее внимание. Поляки, даже враждебные козакам, сожалели, что такие славные воины гибнут от руки палача, и в особенности Сулима: он был долголетним козацким предводителем, несколько раз был гетманом, бесчисленное количество раз ходил на турок и никогда даже не получил раны в битвах. У него была золотая медаль от папы Павла (бывшего папой во втором десятилетии XVII в.), а получил ее Сулима за то, что, взявши турецкую галеру и на ней много турок, триста из них привел в Рим и подарил папе. Сам король старался как-нибудь спасти его от смерти, но не мог. Уговаривали его принять католичество, обнадеживая, что это спасет его от смерти, и Сулима послушал, но этот шаг не помог ему: его все-таки казнили, тело разрубили и повесили на четырех углах на улицах Варшавы.

Посылая Сулиму и его товарищей на смерть, реестровые просили у короля разных облегчений: чтобы их не притесняли старосты и были им заплачены давно уже задолженные деньги за службу. Король обещал, но по обыкновению нечем было платить: даже Кодацкий замок не на что было возобновить. Но это не мешало приказывать козакам воздерживаться от морских походов и обуздывать своевольных, а исполнять эти приказания становилось все более затруднительным, так как не только выписчики, но и реестровые козаки начинали выходить из повино-

вения, негодуя, что правительство требует от них службы и повиновения, а между тем денег не платит и не дает защиты от притеснений помещиков и старост. Кисель, бывший тогда комиссаром, старался поддерживать порядок, раздавая, по примеру Жолкевского, деньги старшине, чтобы эта последняя сдерживала козацкую «чернь». Тогдашний козацкий гетман Томиленко и войсковой писарь Онушкевич старались сдерживать козаков, сколько могли; но козачество волновалось, особенно правобережное: Черкасский и Чигиринский полки, а главным вождем недовольных выступил сподвижник Сулимы Павлюк Бут.

На некоторое время снова заняли козаков крымские дела. Тогдашний хан Инает-гирей взбунтовался против султана и, как прежде Шагин-гирей, подговаривал козаков идти с ним против турок и их сторонников. Своевольные козаки с Павлюком двинулись в Крым, и это немного отсрочило движение на Украине. Но возвратившись на Запорожье из крымского похода весной 1637 года, Павлюк начал оттуда поднимать козаков. Теперь уже и деньги, привезенные, наконец, королевскими комиссарами, не поправили дела: реестровые предъявляли разные претензии, Павлюк подговаривал их к восстанию на защиту своих прав, иначе грозил, что будет им беда от восставших. Козачью артиллерию павлюковцы захватили и забрали на Запорожье. Томиленко уговаривал их не бунтовать, но сам с репрессиями против них не выступал, и его подозревали, что он и сам сочувствует Павлюку. Под влиянием этих подозрений реестровые сместили его и выбрали старшим Савву Кононовича, переяславского полковника, как более надежного, но эта мера послужила только сигналом к восстанию. Павлюк выслал на волость своих полковников Карпа Скидана и Семена Быховца с воззваниями, призывая козаков и людей всякого сословия подниматься и идти в войско, «а тех изменников, которым пан Жолкевский устраивал обеды, ужины и банкеты, а за то они наших товарищей поывдавали», — не держаться и не защищать их. Козаки поднялись; Кононович и Онушкевич с другими старшинами были схвачены и отвезены к Павлюку, стоявшему под Боровицей за Черкассами; их здесь судили, осудили и казнили.

После этого, однако, Павлюк, вместо того чтобы идти сейчас же на волость, возвратился на Запорожье. Говорили, что он вел переговоры с ханом и донскими козаками и ожидал от них помощи. На волости он оставил своим заместителем Скидана, и тот поднимал восстание и собирал войско; рассылал своих козаков с универсалами, призывая всех, кто только держится благочестивой веры, подниматься на поляков. И действительно, народ

поднимался, громил шляхту и присоединялся к войску, особенно за Днепром, где почти все крестьяне окозачились — «что хлоп, что козак», как доносили проляки. Но Павлюк допустил большую ошибку, все это время пробыв на Запорожье и своевременно не заняв позиции на волости. Повторилось то, что было в 1625 году. Польское войско под начальством польского гетмана Николая Потоцкого двинулось осенью и успело пройти до Черкас, пока подоспел Павлюк из Запорожья.

Это сразу подрезало энергию восстания — оно потухло, не имея среди себя главного козацкого войска. Скидан, стоявший в Корсуне, не решился сам выступить против Потоцкого и отступил под Мошны, куда и призывал всех восставших с волости. Левобережные козаки под предводительством Кизима стояли за Днепром, не решаясь пристать к восстанию, которое принимало такой сомнительный оборот. Павлюк, прибыв под Мошны, с своей стороны приглашал левобережных постоять за христианскую веру и золотые козацкие вольности, но прежде чем они успели присоединиться к его войску, произошла решительная битва между Мошнами и Росью, в Николин день (6 декабря 1637 года). Козаки напали на поляков, расположившихся лагерем около села Кумеек; позиция поляков была очень удобная — к ней нельзя было подступить из-за болот, и поляки, отразив пушечными выстрелами козацкое войско, сами перешли в наступление. Напав на козацкий лагерь, разбили его, — хотя и с большими потерями; большое замешательство среди козаков причинил взрыв пороха на их возах, происшедший от выстрелов. После этого Павлюк с Скиданом и прочей старшиной, захватив также и часть пушек, поспешил под Боровицу и стал здесь собирать войско. Команду над оставленным войском принял Дмитрий Гуня и в порядке повел отступление. Больных и раненых пришлось оставить в Мошнах; польское войско, застав их тут, не пощадило беззащитных и немилосердно их перебило. Гуня тем временем присоединился под Боровицей к Павлюку. Начались переговоры. Потоцкий соглашался мириться не иначе, как под условием выдачи Павлюка, Томиленка и Скидана; Кисель и другие поручились своим словом, что выданные не потерпят ничего дурного, и реестровые не устояли — выдали Павлюка и Томиленка. Скидан с Гуней были в это время в Чигирине; услышав о таком обороте, они удалились оттуда на Запорожье. Временным старшим Потоцкий назначил Иляша Караимовича; козаки вынуждены были подписать обязательство, что они будут исполнять распоряжения Потоцкого, выгонят из Запорожья своевольников и сожгут лодки. Это заявле-

ние подписал, между прочим, и Богдан Хмельницкий в качестве войскового писаря — здесь впервые встречаем мы его среди козачьей старшины.

Усмирив таким образом козаков, Потоцкий поручил реестровым заняться восстановлением порядка на Запорожье, а свою задачу поставил навести страх на население волости: он прошел на Киев, Переяслав, Нежин, наказывая людей, замешанных в восстании, сажал на кол и придумывал другие жестокие наказания; кроме того, чтобы удержать население от новых движений, расставил польское войско по всей Левобережной и Правобережной Украине.

Никли трави жалощами, гнулось древо з туги:
Дознавали наші предки тяжкої наруги.
Кого били-потопили в глибокій Росаві,
А кого судом судили в далекій Варшаві.
Осудили недобитків на великі муки:
Розійшлися по Вкраїні каліки безрукі.
Огласили із Варшави: «Дивітеся люде!
Хто вставатиме на шляхту, то всім теє буде».
Нехай буде, нехай буде, коли божа воля,
Щоб росла в боях кривавих українська доля.
Нехай знають на всім світі, як ми погибали,
І гинучи, свою правду кровлю записали!
Записали — прочитають неписьменні люде,
Що до суду із шляхетством згоди в нас не буде.
Пока Рось зоветься Россю, Дніпро в море ллється,
Поти серце українське з панським не зживеться.

77. Остриянинова война и угнетение козачества

Потоцкий придавил козачество на волости, но на Запорожье придавить его не удалось и на этот раз: там продолжал собираться козацкий люд, присоединяясь к отрядам Кизима и Скидана, отступившим сюда из волости. Когда полк реестровых под предводительством Караимовича явился было сюда для водворения порядка на Запорожье, согласно поручению Потоцкого, Гуня, бывший старшим на Запорожье, не только не подчинился его требованиям, но и сами реестровые из войска Караимовича начали переходить на сторону запорожцев, так что Караимович поскорее ушел обратно на волость.

Запорожье лишь ждало весны, чтобы снова подняться и вознаградить себя за проигранную кампанию, и заблаговременно

разослало своих людей — подымать народ. Старшим на этот раз был выбран Янко Острянин, заслуженный козацкий полковник. Он двинулся на Левобережную Украину, представлявшую в особенности благоприятную почву для восстания. Польское войско старалось преградить ему дорогу, но Острянин удачно обошел его, свернув на север от Кременчуга, и прошел к устью Голтвы, где она впадает в Псел. Здесь около местечка Голтвы разбил он свой лагерь, в очень хорошей позиции, среди яров и оврагов, и прочно укрепился. Польское войско, стоявшее на Украине, бросилось на Острянина и пробовало атаковать козацкий лагерь, но было отбито, а затем козаки, ударив с двух сторон — из лагеря и из засады, разгромили поляков жесточайшим образом, так что целые польские роты погибли, а уцелевшие принуждены были отступить.

Но Острянин в свою очередь, раззадоренный этим успехом, сделал ошибку: вместо того чтобы остаться на такой удобной позиции и организовать восстание, он, не ожидая полков, спешивших к нему, поспешил вдогонку за поляками под Лубны, надеясь перехватить в пути полки, направлявшиеся к нему — Скидана из Черниговщины, Солому из Киевщины, Путивльца и Сикирявого из других местностей. Но этот расчет не оправдался — он разошелся с ними и, приступив к Лубнам, должен был с одними своими силами вступить в бой с поляками. Битва была проиграна, и Острянин после этого начал спешно отступать вверх по Суле в слободские поселения. Между тем полки, спешившие ему на помощь — донцы и запорожцы, отыскивая Острянина, наткнулись на поляков и в конце концов сдались, но ничего этим не выиграли; повторилась солоницкая история: во время переговоров поляки неожиданно напали на козацкий лагерь и перебили этих козаков без остатка. Но к Острянину тем временем прибыла такая масса окозачившегося населения из роменских имений, что он решил снова попытать счастья, пришел к Миргороду и здесь, приготовившись к новой кампании, занял позицию к югу от Лубен, у местечка Лукомья, чтобы прервать сообщения с Поднепровьем. Однако новая битва снова окончилась поражением его, вследствие слишком сложного плана, который на деле не удалось осуществить, и после этой новой неудачи Острянин стал отступать вниз по Суле. Поляки пошли за ним и настигли, прежде чем он успел укрепить свои позиции, у местечка Жовнина; битва опять приняла неблагоприятный для козаков оборот, и Острянин, считая кампанию окончательно проигранной, оставил войско и с частью козаков ушел за московскую границу и поселился там, в теперешней Харьковской губернии. В эти

края двинулось украинское население с того времени, как польские порядки начали заводиться и за Днепром, и в особенности после каждой неудачной войны огромные массы народа уходили туда, за московский рубеж, и поселялись слободами (оттуда и название Слободской Украины), устраиваясь по образцу козацкого строя Украины.

Над оставленным Острянином войском принял команду опять Дмитро Томашевич Гуня, спасший и в прошлой войне козацье войско от гибели и на этот раз удержавший козаков от бегства: он отразил приступ поляков, а затем, прослышав, что подходит сам гетман Потоцкий с новыми силами, отступил к самому Днепру и заложил здесь новый лагерь над старым днепровским руслом, так называемым Старцем, в старых окопах, где козаки когда-то бились с черкасским старостой. Позиция была чрезвычайно удобна, а Гуня еще так основательно ее укрепил, что потом польские инженеры признали, что лагерь козацкий не мог быть взят никоим образом — лишь голодом можно было выморить осажденных, но не взять. Это отступление из Жовни на и оборона на Старце-Днепре вписали имя Гуни в число замечательнейших козацких предводителей.

Потоцкий обложил козацкий лагерь, но скоро увидел, что взять его нельзя, и начал переговоры; Гуня ответил, что он не прочь помириться, но не так, как под Кумейками, а с честью — под условием, чтобы козакам возвращены были все прежние вольности. Он умышленно затягивал переговоры, надеясь, что к нему придут новые силы, а поляки, постояв здесь, потеряют охоту к дальнейшей войне. Потоцкий пробовал обстреливать их позиции — козаки терпеливо сносили бомбардировку. Задумал выманить из лагеря и с этою целью начал разорять и жечь окрестности — козаки жаловались на эти жестокости, но все-таки не выходили. Терпеливо переносили недостаток в пище и припасах, поджидая полковника Филоненка, который должен был привезти им свежие запасы из-за Днепра. Но тут их ждала неудача: Филоненко наткнулся на поляков, преградивших ему дорогу, и хотя сам пробился, но с пустыми руками: весь обоз его попал в руки поляков. Это разрушило все надежды козаков, и теперь они уже серьезно завели переговоры о мире с Потоцким. Но последний тоже учитывал перемену в их положении и не допускал никаких уступок: козаки должны были принять тяжелые условия, поставленные им сеймом после прошлогоднего восстания.

Единственное, что козаки обеспечили себе своей упорной обороной на Старце, была полная амнистия: на этот раз поляки уже

не требовали выдачи зачинщиков — все получили амнистию, кто не погиб в битве или в какой-либо резне, какие устраивали раздраженные польские солдаты.

И на этот раз козачество было сдавлено крепкими тисками. Козацкого войска оставлено всего несколько тысяч: шесть тысяч должно было быть по закону, но и этого числа не держались, так как на вакантные места не вписывали новых, а кроме того, было вписано в реестр много посторонних элементов, поляков, а не козаков. Избрание старшины отменено, всех назначали польские власти, притом полковников выбирали не из козаков, а из польских шляхтичей, и вся высшая старшина была из поляков. Польская шляхта должна была править козачеством. Проживать козакам дозволено только в староствах Черкасском, Корсунском и Чигиринском. Все, не вписанные в реестр, должны были возвратиться в крепостное состояние, в полное повиновение помещикам и старостам.

Козаки попробовали еще просить короля, чтобы он отменил эти тяжелые постановления, но это не помогло нисколько. Еще некоторое время волновалось козачество, там и сям собирались их отряды, но после двух неудачных войн не было энергии для третьей. Потоцкий с войском настороже стоял на Украине, и не было надежды на успех нового восстания. После того как козацкие послы возвратились ни с чем от короля, новые порядки были формально введены, и в конце 1638 года назначена была новая старшина, — вместо старшего польский комиссар, полковники «из родовитых шляхтичей»; из козаков были назначены только два есаула и сотники. В числе последних был и Хмельницкий — в должности сотника чигиринского. Возобновлена была Кодацкая крепость: сам Конецпольский отправился туда с польским войском, и при нем выстроили замок настолько, что там можно было поставить гарнизон; коменданту было приказано никого не пропускать на Запорожье, а кто шел бы туда самовольно — хватать и казнить. На Запорожье должны были находиться по очереди два полка реестровых, чтобы сторожить татар и не позволять собираться на Низу своевольникам. На волости для устрашения населения было расположено польское войско.

На этот раз Польша долгое время не вела никаких войн, не нуждалась ни в своем, ни в козацком войске, и целых десять лет новый порядок, заведенный в 1638 году, мог быть выдержан. Польской шляхте, ревниво сторожившей этот «золотой мир», казалось, что «козацкая гидра» была задавлена навсегда. Теперь, после усмирения «непослушных», могло развиваться во всей

полноте панское хозяйство в Восточной Украине, — крепостные порядки, воспетые в украинской думе:

Зажурилась та й заклопоталась бідна вдова —
Та то не бідна вдова, — то королевська земля:
Що стали жиди великий одкуп давати, —
Стали оден другого на милю оранди становити...
Як іде український козак, то й корчму минає,
А жид вибігає та українського козака за чуб хватає,
Та ще його двома кулаками по потилиці затинає:
«Козаче-левенче! за що я буду ляхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш, та й корчму минаєш?...»
Коло українського козака всю зброю одбирає...
А на Україні козак за жидом пожожає,
Ще його й вельможним паном називає.
А жид до жидівки словами промовляє:
«Хазяйко моя, Рейзю! якої то я на Україні слави заживав,
Що мене козак український ще й вельможним паном
називав!»

Ще ж і тим жидове не сконтентували,
Що три річки в одкуп закупляли:
Одна річка — Каїрочка, друга річка — Гнилобережка,
А третя — за Дніпром, Самарка...
Що мав би чоловік піти та риб'я піймати, —
То ще він до річки не добігає,
Уже він жидові за одкуп найкраще обіщає...
Ще ж і тим жидове не сконтентували —
Де була яка річка велика, мости в одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,
А од пішого по шагу,
А од бідного старця, що він випросить,
То одбирали пшоно та яйця.

78. Восстание Хмельницкого

Такое резкое подавление украинской жизни, однако, само по себе не обещало прочности новым порядкам. Население с неудовольствием подчинялось им, ожидая только первого удобного случая, чтобы с ними покончить. И реестровые козаки, лишённые самоуправления и подчинённые чуждым им и враждебно настроенным начальникам полякам; и козаки-выписчики, исключённые из войска, обязанные наравне с крестьянами нести все тяготы крепостного состояния, подчиняться панским прислужникам и ещё сносить всякие притеснения и надругательства от расквартированных польских солдат; и украинское

крестьянство, искавшее беспанских земель, а теперь со страхом и гневом видевшее, как надвигается на них тяжелое иго панщины; и украинское мещанство, и духовенство, лишившееся помощи и защиты, какую имели в лице козачества. Весь новый порядок держался одним миром в Польше, дававшим ей возможность держать свои войска на Украине, не нуждаясь в помощи козаков.

Первая случившаяся война неминуемо подорвала бы в корне эти новые порядки на Украине, так как для войны необходимо бы было войско, нужны были бы козаки. Это было явление исключительное, что Польше так долго удалось прожить без войны. Шляхта крепко держала в руках короля и не позволяла ему затрагивать соседей. Но в конце концов горючего материала на Украине собралось так много, что он загорелся и без посторонней искры — от одних слухов о королевских планах войны.

Владислав носился с планами войны с Турцией. К этому склоняла его Венецианская республика, воевавшая с турками и обещавшая привлечь к войне и другие государства. Зная нерасположение польской шляхты к каким-либо военным

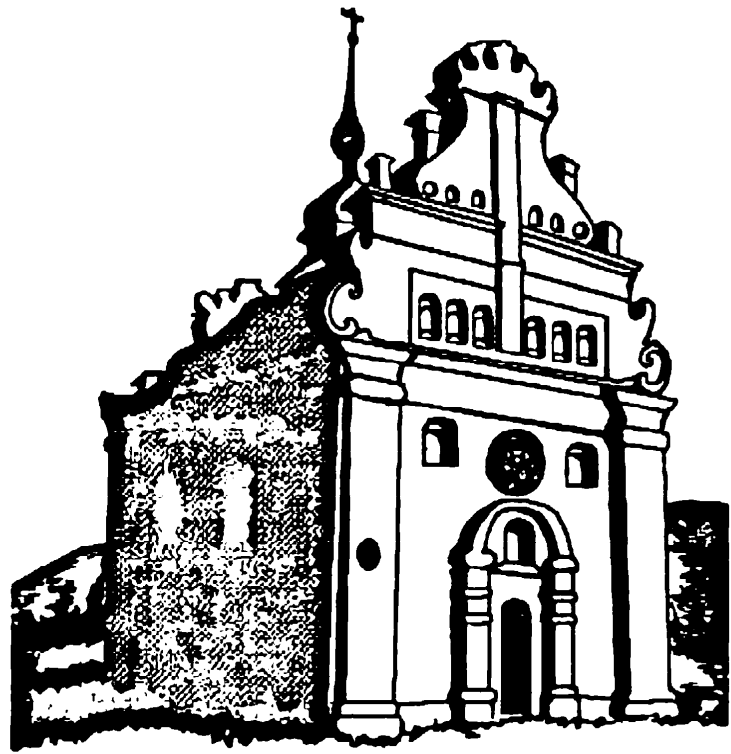

123. Богдан Хмельницкий,
итальянская гравюра XVII века

предприятиям, король задумывал напустить на Турцию козаков, чтобы они понудили ее к войне, и вел тайне переговоры с козачьей старшиной. Но представители польской аристократии, проведав об этом, так решительно воспротивились этим планам, что Владислав вынужден был отказаться от своих замыслов, и козачья старшина с своей стороны затаила в своем кругу этот инцидент. Это было в 1646 году. Однако вскоре после этого произошел случай, раскрывший эти королевские замыслы. Чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому пришлось испы-

тать большую несправедливость: старостинские агенты отняли у него его Субботовское имение, разорили хозяйство, надругались над его семьей, а когда он начал искать суда и управы на эти самоуправства, сам очутился в старостинской тюрьме, из которой его освободили только друзья. Раздраженный и расстроенный, утратив все в жизни, Хмельницкий решил поднять восстание.

Сам будучи участником тайных переговоров с королем, Хмельницкий знал, что король в своих видах желал увеличения козацкого войска и освобождения его от стеснений новой ординации; ввиду этого он надеялся, что король не будет против восстания — козаки все еще слишком верили в силу и значение личной воли королевской, хотя польская конституция очень мало оставляла места этой последней. Рассказывали, что Хмельницкий выкрал у одного из старшин, Барабашенка, оригиналы королевских писем к козакам и бежал с ними в Запорожье в конце 1647 года. Там среди своевольного козачества, а затем и среди реестровиков он стал агитировать в пользу восстания, ссылаясь на королевское сочувствие, а что еще важнее — через своих знакомых татарских мурз вошел в сношения с ханом, склоняя его к участию в войне с Польшею — к отправке с козаками татарских отрядов на Украину. План был не нов, как мы уже знаем, но Хмельницкому удалось то, что не удавалось осуществить ни Жмайлу, ни Павлюку. Хан был раздражен тем, что польское правительство прекратило уплату условленной ежегодной дани; кроме того, в Крыму был голод, нужна была война для пропитания, а пока на Украине царил покойствие, трудно было там чем-нибудь поживиться. Ввиду этого хан обнадежил Хмельницкого своим содействием, обещал послать ему в помощь Тугай-бея, перекопского мурзу, с большой татарской ордой.

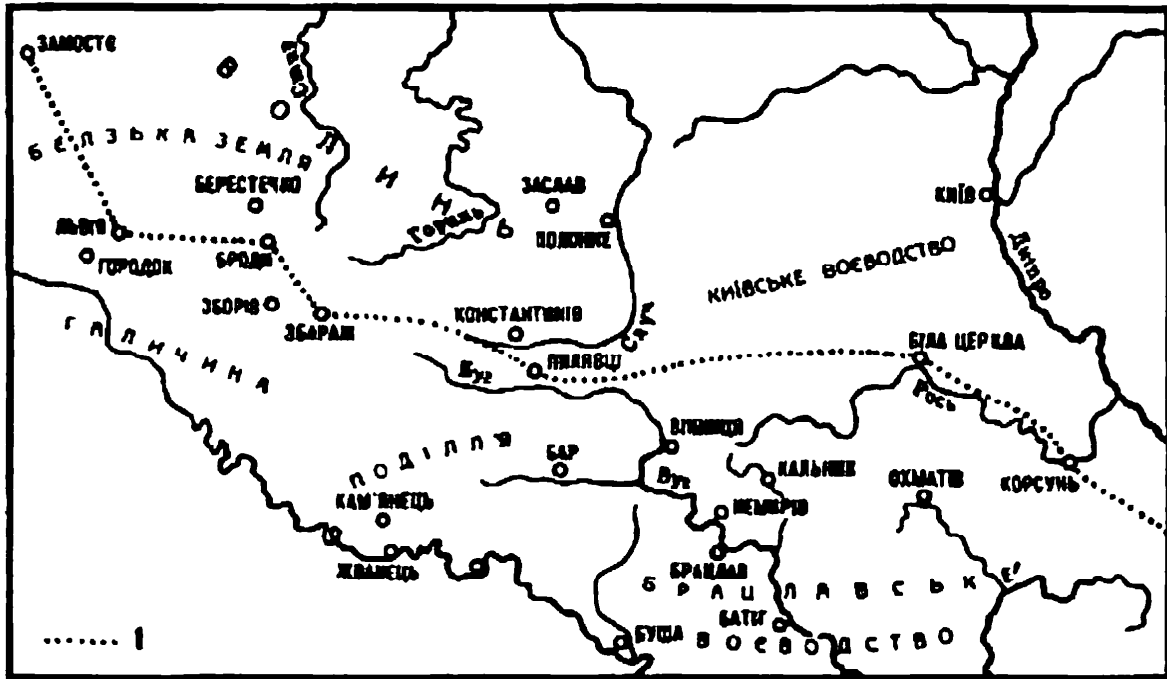

124. Церковь Хмельницкого
в Субботове (рисунок Шевченка)

Когда об этом узнали на Запорожье, дело восстания было решено. Хмельницкий был провозглашен гетманом. По Украине были распространены вести, что к весне будет война, и всякими тайными дорогами охочий люд начал стекаться на Запорожье, чтобы принять участие в долгожданном восстании.

Но слухи об этом скоро дошли и до польских ушей, шляхта встревожилась и начала призывать Николая Потоцкого, чтобы он принял меры к защите Украины (тогда уже он был верховным гетманом, на месте умершего Конецпольского, а польным гетманом — Калиновский). Потоцкий стал готовиться к войне, мобилизовать свои силы; король отговаривал его от военных действий, советуя выпустить козаков на море, чтобы таким образом дать исход накопившейся энергии, но Потоцкий боялся сейма и не хотел слушать королевских советов. Впрочем, писал Хмельницкому, уговаривая его возвратиться на Украину, но Хмельницкий требовал отмены порядков 1638 года и возвращения прежних козачьих вольностей. Этого Потоцкий сам без сейма не мог сделать, и потому продолжал готовиться к войне и весной двинулся на Украину.

Перед собою, вскоре после Пасхи, он отрядил своего сына Стефана с конным войском и с козаками, а остальную часть реестровых отправил Днепром на судах. Сам же с Калиновским, с главным польским войском, медленно двигался за ними, собирая свои роты. Не встречая неприятеля, Стефан Потоцкий неосторожно углубился далеко в степь. Хмельницкий позволил ему пройти далеко на юг, затем напал на него со всеми силами на потоке Желтые Воды, впадающем в Ингулец. Обложив его здесь, он затем принялся за реестровых козаков, двигавшихся по Днепру; среди них было также много людей, склонных к восстанию, и под Каменным Затонам они взбунтовались, перебили старшину, стоявшую на стороне поляков, и присоединились к Хмельницкому. Тогда и татары, до сих пор только присматривавшиеся со стороны, ожидая исхода, присоединились к Хмельницкому и общими силами напали на войско Стефана Потоцкого. Бывшие с последним козаки перешли на сторону Хмельницкого, и оставшееся польское войско было разбито наголову и уничтожено в урочище Княжий Байрак 6 мая 1648 года. После этого Хмельницкий немедля двинулся на волость. Главное польское войско подошло уже было к Чигирину, но, не имея известий от Стефана Потоцкого, оба гетмана обеспокоились и, боясь попасть в беду, повернули назад и по пути уже уничтожали крепости, поселения и всевозможные запасы, чтобы не достались врагу. Прошли уже Корсунь, когда пришло известие, что Хмель-

125. Театр войн Хмельницкого

ницкий приближается с татарами. Гетманы были очень обескуражены этим известием и стали лагерем между Корсунем и Стеблевым, в очень неудобном месте, а затем, увидев огромные силы Хмельницкого, испугались и, бросив лагерь, хотели отступить. Но попали в засаду, и Хмельницкий разгромил вконец и это главное польское войско: все войско, начальствующие лица и оба гетмана попали в руки Хмельницкого, а тот передал их Тугай-бею.

Польша осталась без вождей и без войска перед лицом победоносного козачества. И как раз в это время в довершение несчастий поляков умер король Владислав, которого козаки любили, и ввиду этого при его посредничестве с ними легко было бы столкнуться. Ни Хмельницкий, ни козачество, подымая восстание, не думали еще о каком-нибудь коренном переустройстве украинских отношений. Они хотели добиться отмены ординации 1638 года и возобновления старых козачьих порядков, как писал Хмельницкий из Запорожья Потоцкому, самое большее — чтобы реестровое войско было увеличено до 12 тысяч, как задумывал сам покойный Владислав в сношениях своих с козаками. После Корсунской битвы Хмельницкий выслал своих послов с письмами к королю и к различным выдающимся лицам, оправдываясь в восстании, и, чтобы не раздражать польских сфер, прошел только к Белой Церкви, расположился там и ожидал ответа. Однако, ввиду неопределенности дальнейших отношений, он одновременно поднимал через своих выс-

ланцев окрестную Украину; для этого, впрочем, не требовалось никаких усилий: куда только доходило известие о погроме польских гетманов, поляки и евреи спешили спасаться бегством, окрестное население поднималось, грабило панские поместья, избивало шляхту и евреев, захватывало панские земли и вводило у себя козацкий строй. В это время Хмельницкий мог бы вдоль и поперек перейти не только всю Украину, а и Белорусь, Литву и самую Польшу, и не встретил бы сколько-нибудь серьезного сопротивления; словно возмущенное море, поднялось бы вокруг него угнетенное холопство, крестьянство, чтобы положить конец господству шляхты. И без того лишь под влиянием известий о Хмельницком происходили восстания в самых отдаленных местностях. Но Хмельницкий в то время не интересовался такими перспективами: его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил «маестат Речи Посполитой» (величие Польского государства) и правительство, вместо того чтобы благожелательно уладить козацкий вопрос, приложить все усилия к тому, чтобы задавить козачество.

Он ждал ответа на свои письма, но узнал, что король в гробу, Польша очутилась без власти. Это делало обстоятельства еще более затруднительными для скорого восстановления отношений; Хмельницкий и казаки верили в добрую волю короля и были убеждены, что все зло шло от панов, не повиновавшихся королю, а Польша теперь очутилась именно в руках этих панов. В Варшаве заседал конвокационный сейм, совещался и по вопросу, как быть с козаками, но ничего не сумел сделать для успокоения козацкого восстания. Выслали Адама Киселя и еще нескольких комиссаров для переговоров с Хмельницким и вместе с тем решили собрать новое войско против козаков. Все это не свидетельствовало об искреннем желании уладить отношения с козаками, и Хмельницкий продолжал держаться настороже. Сам он не выступал открыто против Польши, ожидая, что ему привезут комиссары, но тем временем разные козацкие агитаторы расходились во все стороны, расширяя район народного восстания, избивая шляхту и евреев. Все Заднепровье, вся Киевская земля, кроме глубокого Полесья, и почти вся Брацлавщина была уже в руках козацких «загонов», как их называли. Еремия Вишневецкий, владелец огромных заднепровских поместий, жестокий враг козачества, своим восстанием разрушившего всю его «фортуну», — принужден был кружным путем через Полесье бежать из своих заднепровских владений, так как вся остальная Киевская земля была охвачена восстанием. Он перешел на Волынь и там пробовал сдерживать козацкое движение, надвигавше-

еся под предводительством Кривоноса (в песнях называемого Перебийносом).

Хмельницкий также продвигался медленно на Волынь, в ожидании комиссаров. Но прежде чем те пробрались к нему сквозь козацьи загонь, новое польское войско собралось в южной Волыни и начало наступать на Хмельницкого. Тогда и Хмельницкий двинулся против него и послал за татарской ордой. Противники сошлись под Пилявцами, маленьким замком над рекою Пилявкою. Хмельницкий вел переговоры, пока дождался татар, а затем, вызвав поляков на битву, напал со всеми силами козацкими и татарскими. Поляки проиграли битву; и под влиянием разных тревожных слухов, разошедшихся по войску, решили отступить. Но ночью прошел по лагерю слух, что главные вожди уже бежали из лагеря, и это навело такой страх, что все польское войско в паническом ужасе бросилось бежать куда глаза глядят. Козаки, застав утром пустой лагерь, догоняли потом беглецов, избивали, ловили и обогатились добычею, как никогда.

Уцелевшие остатки польского войска собрались в Львове и отдали главное начальствование Вишневецкому. Тот собрал контрибуции с мещан, с церквей, с монастырей, но в конце концов бросил Львов, считая невозможным защищаться здесь, и перешел в Замостье. Хмельницкий между тем постепенно продвигался на запад, ожидая избрания нового короля, который мог бы уладить отношения. Подступал ко Львову и, собственно говоря, имел его в руках, так как он стоял без всякой защиты. Кругом в Галиции также подымалось восстание: крестьяне, мещане вместе с украинской шляхтой восставали и изгоняли поляков. Но Хмельницкий не позаботился поддержать это движение. Поставил две недели под Львовом, обстреливал город, затем заявил, что решил пощадить его из-за львовских украинцев, взял выкуп и двинулся к Замостью. И эту крепость со своими силами он мог бы взять без хлопот, но, очевидно, сам не желал этого, умышленно затягивал осаду и, наконец, дождался здесь известия об избрании нового короля.

Был избран брат Владислава, Ян-Казимир, за которого высказывался также и Хмельницкий. Новый король прислал ему письмо, в котором извещал об избрании, обещал козачеству и православной вере различные льготы, просил прекратить поход и ожидать королевских комиссаров. Хмельницкий ответил, что исполнит королевскую волю — возвращается обратно, и действительно направился с войском к Киеву.

79. Борьба за освобождение Украины

Хмельницкий возвращался в Киев в радостной надежде на скорое и благополучное окончание конфликта; он все еще имел в виду главным образом интересы козачества, из-за которых он и поднял восстание. Украинский народ, крестьянство для него, как и для предводителей предыдущих восстаний, было лишь орудием для осуществления козацких требований, и крестьянин лишь косвенно, путем развития и усиления козачества мог ожидать некоторых облегчений также и своего положения; национальный вопрос в представлениях Хмельницкого не выходил за пределы религиозных интересов, которыми он, вероятно, до сих пор тоже не очень интересовался, так как близких отношений с киевскими кругами у него до сих пор не замечаем. Только теперь, прибыв в Киев, чтобы ожидать здесь королевских комиссаров, Хмельницкий имел возможность в тогдашнем центре национальной украинской жизни войти ближе в здешние планы, взгляды и настроения украинской интеллигенции того времени.

Мы знаем, какие широкие планы строились в Киеве несколько лет тому назад, при митрополите Борецком. Только тогда еще не было силы, на которую можно было бы опереться — козачество еще не было достаточно сильно и сплоченно для этого; теперь под рукой Хмельницкого оно выросло до такого могущества, что с ним можно было отважиться на многое. Иерусалимский патриарх Паисий, случившийся тогда в Киеве, высказывал мысли, далеко выходявшие за пределы козацких ординаций и торгов с польскими комиссарами за козацкие права. Современники говорят, что он величал Хмельницкого князем Руси (Украины), главой независимого украинского государства. Под влиянием этих бесед Хмельницкий сам стал другими глазами смотреть на свое восстание и его задачи. Добиться большего реестра и больших вольностей для козацкого войска — этого было мало, надо было думать обо всем народе, о всей Украине. Эти новые мысли Хмельницкого вырывались у него перед польскими комиссарами, из которых один записал их в своем дневнике.

«Я сделал уже, о чем не думал сперва, теперь добьюсь того, что надумал», — говорил Хмельницкий пред комиссарами. «Освобожу из польской неволи весь русский (украинский) народ! До сих пор воевал я за причиненные мне обиды и несправедливости, теперь буду воевать за нашу православную веру. Поможет в этом мне весь народ, по самый Люблин, по Краков, и я от наро-

да не отступлю, потому что это наша правая рука. А чтобы вы, покорив крестьян, не напали на козаков, у меня их будет двести, триста тысяч».

«За границу войной не пойду, на турка и татарина сабли не подыму! Довольно мне Украины, Подолии и Волыни. А став над Вислой, скажу тем дальшим ляхам: «Сидите и молчите, ляхи!» И дук и князей загоню туда! А если будут за Вислой брыкаться, я найду их и там!»

«Не ступит у меня на Украине нога ни одного князя или шляхтича, а если какой-нибудь захочет есть хлеб с нами — пусть будет послушен войску Запорожскому».

«Я малый и незначительный человек, но по воле Божьей стал единым владельцем и самодержцем русским (украинским)».

Выбираю фразы, в которых яснее отражаются новые мысли, занимавшие Хмельницкого. Не вполне ясно еще и ему самому представлялись эти новые планы, но ясно выступает главнейшее — то, что отметил я выше: убеждение, что надо бороться за весь украинский народ, за всю Украину, за ее освобождение, независимость и самостоятельность. С этой точки зрения вся прошлогодняя война должна была считаться теперь потерянными временем. Был упущен самый благоприятный момент для освобождения украинского народа. Нужно было думать о том, чтобы как-нибудь исправить эту ошибку. И комиссары, приехав в начале 1649 года, застали уже на Украине приготовления к новой войне; Хмельницкий не хотел даже вести с ними переговоров о новых порядках, какие должны быть заведены в козачьем войске. Он понимал, что для того, чтобы говорить об освобождении украинского народа, нужно было потрясти самые основания Польской державы. Но на этот раз ему не повезло так, как в первую войну. Хотя начало было опять очень удачно.

Как только комиссары известили короля о военных замыслах Хмельницкого, было созвано всеобщее шляхетское ополчение, а регулярное польское войско, не ожидая последнего, двинулось против козаков, на южную Волынь. Хмельницкий двинулся против него. Убедившись в превосходстве его сил, польское войско стало отступать и остановилось под хорошо укрепленным замком Збаражем. К польскому войску присоединился Вишневецкий, и ему было передано общее командование. Хмельницкий обложил Збараж и начал томить польское войско непрерывными атаками и канонадами, так что поляки скоро выбились из сил. Призывали короля, умоляя поспешить им на помощь, но королю не с чем было идти, так как шляхетское ополчение едва только собиралось. Наконец, чтобы не дать по-

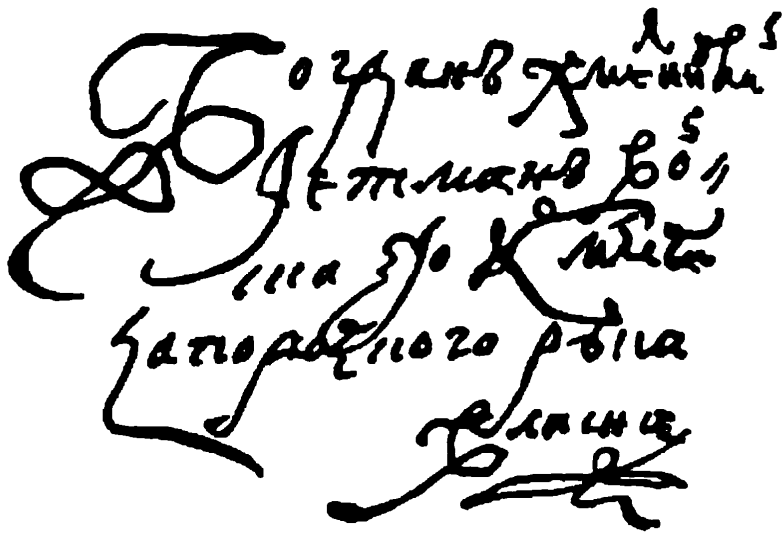
126. Богдан Хмельницкий;
портрет зарисован
в Медведовском монастыре,
в первой половине XIX века

гибнуть войску под Збаражем, он двинулся, не ожидая всех полков, но совершенно неожиданно попал в засаду. Хмельницкий, оставив часть войска под Збаражем, сам с татарами двинулся против короля и преградил ему путь при переправе под Зборовом. В пасмурный дождливый день обложил он короля так, что ему не было никакого выхода. Королевское войско охватила паника: солдаты готовы были уже бежать куда глаза глядят, не хуже чем под Пилявцами; однако в этот критический момент был найден выход. Решили во что бы то ни стало привлечь на свою сторону орду, написали хану, на этот раз самолично предводительствовавшему ордой, обещали ему все, что он захочет, лишь бы отступился от Хмельницкого. И хан изменил. Начал настаивать, чтобы Хмельницкий помирился с королем. Тогда только убедился Хмельницкий, как неосторожно положился он на помощь орды; теперь ему приходилось исполнить желание хана, если он не хотел, чтобы тот не соединился против него с поляками.

Начались переговоры, и в первых числах августа 1649 года был заключен договор. Конечно, при тех условиях, при каких пришлось вести переговоры, нечего и думать было о широких планах освобождения украинского народа, для которых начата была война: приходилось возвращаться к старым вопросам козацкого реестра и прав православной веры. Если рассматривать Зборовский договор с такой более узкой точки зрения, то он был большим шагом вперед. Реестр козацкого войска устанавливался в 40 тысяч, вписанные

127. Титул реестра, с гербом Хмельницкого

128. Подпись Хмельницкого
под реестром 1649 года

в него козаки и их семьи могли жить в королевских и помещичьих имениях воеводств Киевского, Черниговского и Брацлавского, не подчиняясь ни правительственной администрации, ни помещикам. В этих краях не могло быть расквартировано польское войско и даже не могло вхо-

дить туда. Все должности в этих воеводствах, до самых высших включительно, должны были занимать только православные. Козацкий гетман получал на «булаву» староство Чигиринское. Уния подлежала уничтожению повсеместно, киевский митрополит получал место в польском сейме.

Это было очень много в сравнении с тем, о чем думал Хмельницкий год тому назад, после первых погромов польского войска. Но это было ничто в сравнении с новыми планами освобождения украинского народа. Хотя вся Восточная Украина должна была перейти, по новому условию, под власть козацкого гетмана и козацкого войска, однако шляхетское право не уничтожалось, громадное большинство населения, не попавшее в состав реестрового козачества, должно было возвратиться в крепостное состояние. Не того ждало украинское крестьянство, поднимаясь на призывы послов Хмельницкого. Теперь ему пришлось узнать, что подданство и панщина остаются в силе, паны хотят возвращаться на Украину, а Хмельницкий издает указы, чтобы подданные повиновались своим помещикам. Можем себе представить, как это должно было оттолкнуть от него население! А были еще и другие подробности, оказывавшие влияние в том же направлении на настроение масс, как, например, татарский погром после Зборовского договора, когда татары с согласия польского правительства забрали огромное количество невольников в украинских землях, а по Украине прошел слух, что это Хмельницкий позволил орде брать людей. Такое же впечатление должны были производить и смертные казни, которым были подвергнуты разные люди, замешанные в предыдущих восстаниях.

Хмельницкий понимал, что вызванное им народное восстание может обратиться против него самого после такого несчастливого оборота его. Много народа, разочаровавшись в великой войне за освобождение, покидало Украину и уходило на слободы за московскую границу, поселялось в теперешней Харьковской, Воронежской, Курской губерниях. Но то, что оставалось на Украине, кипело гневом и горем, и какой-нибудь отважный человек мог поднять новое восстание —

129. *Войсковая печать Хмельницкого*

не только против польского господства, но и против того, кто позволял возвращаться на Украину этому польскому господству — против самого Хмельницкого.

Хмельницкий долго не решался даже приниматься за составление реестра; затем, взявшись за него, велел приписывать к каждой козачьей семье еще семьи козачьих помощников, затем немало еще козаков приписал просто сверх сорока тысяч, — и все-таки это было только жалкой заплатой на ужасающем разрыве, который открывался перед ним. Если Хмельницкий даже и имел когда-нибудь искреннее желание помириться на Зборовском трактате, он должен был убедиться, что украинский народ и общество не позволят ему успокоиться на этом трактате. С другой стороны, он видел, что и с польской стороны нет искреннего отношения к этому соглашению. Кое-что не было исполнено с самого начала: митрополита в сенат не допустили, унии не хотели отменить, да и в других вопросах, очевидно, ожидали только удобной минуты, чтобы взять назад сделанные уступки. И Хмельницкий со старшиной очень скоро должны были признать, что новая война неизбежна — нужно будет продолжать добиваться того, чего не удалось добиться под Зборовом.

80. Заграничные союзы

Хотя и наученный горьким опытом с ханом, Хмельницкий снова строил свои планы на союзах и помощи заграничных союзников, вместо того чтобы опереться на силы народные, на искренний и нелукавый союз с народом. Он снова настраивал хана против Польши и кроме того, через султана, под власть и защиту которого отдался, хотел принудить хана, чтобы он, по приказанию султана, шел воевать с Польшей. Всеми силами старался понудить к войне с Польшей Москву и также, чтобы соблазнить московских политиков, обещал отдать Украину под царскую руку. Находился в сношениях также с соседями своими, турецкими вассалами: молдавским господарем и князем трансильванским. С молдавским господарем Василием Лупулом он хотел породниться: было условлено, что дочь Лупула выйдет за старшего сына гетмана, Тимоша; а когда Лупул начал оттягивать исполнение этого обещания, Хмельницкий пошел походом на Молдавию, жестоко опустошил край и молдавскую столицу Яссы, так что Лупул должен был откупиться большими суммами и пообещать непременно выдать дочь за Тимоша.

Из этих сношений наибольшее значение для украинской политики в будущем имели переговоры Хмельницкого с Москвой. У козачества там были давние сношения и счеты. Борьба с Крымом велась общими силами всей пограничной Украины, независимо от того, что она была перерезана московской границей. Еще в 1530-х годах крымские ханы жаловались литовскому правительству, что, несмотря на союз Литвы с Крымом и враждебные отношения Москвы с Литвой, борьба с Крымом все-таки ведется сообща украинским козачеством, как находившимся в литовских пределах, так и жившим за московской границей. Позже мы видели аналогичные планы Вишневецкого: соединить оба государства в общей борьбе с Крымом, общим врагом всего пограничья. И затем разные козацкие предводители осуществляли в меньших размерах эту же политику, представляя дело так, что они ведут борьбу с ордой и турками столько же в интересах Москвы, как и в интересах Литвы и Польши. На этом основании они, с одной стороны, претендовали на жалованье от короля, а с другой стороны, требовали «казны» от московского правительства — служили на две стороны, как говорилось в старину. Правда, это не служило препятствием к тому, что на клич польского правительства те же самые козаки без зазрения совести шли воевать московские земли: они смотрели на войну, как на свое ремесло, и продавали свои услуги тому, кто им платил (так по-

ступали предводители военных дружин тогдашней Европы); да и с украинскими землями Польши они находились в тесной связи и зависимости от них, и с польским правительством приходилось им волею или неволею считаться.

На иную почву переводят отношения киевские круги в 1620-х годах. Заводя с московским правительством переговоры о принятии под власть и защиту Москвы козацкого войска со всей Украиной, по крайней мере поднепровской, они таким образом проектировали отторжение украинских земель от Польши и переход под московское владение, как когда-то замыслили украинские заговорщики XV—XVI веков. Несомненно, что и позже такие планы и замыслы возникали и в киевских и в козацких кругах. Хмельницкий, опираясь в самом начале на крымскую помощь, также вслед за тем вступил в переговоры с московским правительством, просил помогать козакам и взять под свою защиту их и «всю Русь» — всю Украину. Московские политики не понимали этого плана иначе, как только так, что украинская Русь, как давнее владение Владимирова рода, должна присоединиться к Московскому царству и признать «царем и самодержцем» московского царя как наследника киевской династии и ее прав. Поэтому Хмельницкий, стараясь попасть им в тон, так и ставил вопрос через своих послов. Вообще он, по давнему козацкому обычаю, хитрил и, стараясь собрать как можно больше союзников для своей борьбы против Польши, говорил каждому то, что ему было приятно слышать — лишь бы его склонить к участию в своих предприятиях. Так и московскому царю он заявлял, что хотел бы иметь его царем и самодержцем, соответственно тому, что диктовали ему московские послы — как следует ставить это предложение. И одновременно отдавался под власть султана, и был принят им как вассал — имеем султанскую грамоту 1650 года, в которой султан извещал Хмельницкого об этом и посылал ему кафтан, знак своего покровительства и верховенства. Сносился Хмельницкий и с трансильванским князем, приглашая стать королем Украины, а позже отдался под охрану шведского короля, — и в то же время заключал условия с польским королем, признавая его своим верховным повелителем.

Хмельницкий имел большой политический и государственный талант, несомненно любил Украину и был предан ее интересам. Но он слишком хитрия и мудрил, больше заботясь, как уже отмечено, о заграничной помощи, чем о развитии сил, выдержки, сознательности и энергии в собственном народе. Хотя уже в киевских разговорах в начале 1649 года он ставил себе целью

освобождение всего украинского народа, — все-таки эти новые мысли и планы не представлялись ему еще вполне ясно; он и позже оставался еще слишком козаком, находился под гораздо более сильным влиянием чисто козацких воззрений и интересов, чем новых общенародных, общеукраинских. Нужно было время, чтобы последние сложились, уяснились и проникли в сознание. А жизнь не ждала, нужно было ковать долю Украины безотлагательно в данный же момент. Нелегко было двигать огромными народными массами, оторванными прямо от плуга, или этой изменчивой, бурной козацкой массой, привыкшей менять гетманов на протяжении нескольких месяцев. Решались слишком важные вопросы, чтобы можно было их вверять минутным настроениям козачьей рады. Железной рукой Хмельницкий правил козачеством, но, не полагаясь на его выдержку, а еще менее — на народные массы, жадно искал помощи за границей.

Несчастьем его и всей Украины было, что самый высокий порыв, когда поставлено было целью настоящее освобождение народа и все силы были направлены к этой цели, закончился Зборовской катастрофой. Неудача эта разочаровала народные массы, лишила их энергии действия, и после этого они уже не откликались так скоро на дальнейшие призывы к восстанию. Это ведь не были люди военного ремесла, в преобладающем большинстве это было земледельческое крестьянство, принявшее участие в восстании, чтобы этим путем освободиться от панского ига и польского господства и сделаться господином своего труда, свободно жить и промышлять о своем благосостоянии, об удовлетворении своих экономических и культурных потребностей. Когда восстание не оправдало этих надежд, эти крестьянские массы отrekliсь от него и стали уходить из беспокойного Правобережья за Днепр, все далее и далее, на степное пограничье, на московскую границу, и Хмельницкому все более и более приходилось рассчитывать на заграничную помощь для своих планов освобождения из польской неволи.

Следя за заграничными сношениями Хмельницкого, польское правительство вскоре после Зборовского мира тоже начало приготовления к войне. Однако первое столкновение произошло довольно неожиданно: козаков задел в Брацлавщине Калиновский и снова был разбит зимой 1560 года под Винницей не хуже, чем под Корсунем. Польское правительство не было еще готово к войне, и теперь Хмельницкому представился очень удобный случай разгромить Польшу снова. Однако он упустил время, добиваясь от хана, чтобы он шел ему на помощь. Хан двинулся

в конце концов, но был очень рассержен тем, что Хмельницкий старался через султана принуждать его к участию в войне, и при первом же удобном случае отомстил Хмельницкому за такие ходы. Когда Хмельницкий сошелся с польским войском под Берестечком (недалеко от Владимира-Волынского), орда в решительной битве покинула козаков, обратилась в бегство, а когда Хмельницкий бросился догонять хана, чтобы вернуть его, тот схватил его и увез с собой. Оставшись без гетмана, полковники

130. Савва Туптало, сотник времен Хмельницкого (отец известного писателя Дмитрия, митрополита ростовского)

не осмеливались взять на себя командование, зная, как Хмельницкий ревнив в таких вопросах. Решили отступить, но при переправе через трясину, находившуюся за лагерем, произошло смятение, козачье войско пошло врассыпную и было страшно разгромлено. Потоцкий двинулся после этого с польским войском через Волынь на Украину, с севера, с Литвы, литовский гетман приступил к Киеву и овладел им. Вырвавшись от хана, Хмельницкий стал собирать войско под Корсунем. Но козачество потеряло охоту к войне после такого погрома, а крестьянство было еще более утомлено и разочаровано всеми этими безрезультатными войнами. Однако и поляки, видя, как упорно, до последней капли крови защищается везде украинское население и с какими трудностями встречается поход, тоже потеряли охоту к продолжению войны. Кисель снова принял роль посредника и довел до нового соглашения, заключенного в середине сентября 1651 года под Белой Церковью.

Этот второй договор был урезанным повторением Зборовского. Число реестрового войска уменьшено до 20 тысяч, и коза-

ки могли проживать и пользоваться козачьими правами только в королевских имениях Киевского воеводства. Об упразднении унии не было уже речи. Шляхта и администрация получили право сейчас же возвратиться в свои поместья и резиденции, и только сбор податей и отправление повинностей откладывалось на несколько месяцев (пока будет составлен реестр). Хмельницкий должен был отправить орду и не входить в сношения с иностранными государствами.

На этот раз Хмельницкий, вероятно, уже с самого начала не придавал этим условиям никакого значения и принял их только для того, чтобы прервать военные действия на некоторое время. К весне 1652 года он уже приглашал орду к походу и пошел с ней, провожая сына Тимоша, отправившегося в Молдавию — жениться на дочери господаря. Хмельницкий, очевидно, предвидел, что поляки Тимоша не пропустят, и так в самом деле вышло. Калиновский загородил Тимошу путь на Подолии и неожиданно наскочил на самого Хмельницкого со всем его войском и татарами. Произошел еще один погром польского войска; сам Калиновский пал в битве, козаки отплатили за Берестечко. Но дальнейшая война потянулась медленно, серая и скучная. Обе стороны, и украинская и польская, не имели силы и энергии, чтобы ударить врага смело и решительно; бесконечная война изнурила и измучила всех. Главное внимание обеих сторон было обращено на экспедицию Тимоша, окончившуюся вмешательством поляков и осадой Тимоша в Сучаве, где он погиб, убитый ядром. Не поспев на помощь к сыну, Хмельницкий сошелся с поляками на Подолии, недалеко от Жванца, и оба войска долго стояли, не имея охоты нападать на противника. Наконец хан еще раз изменил козакам и вошел в соглашение с поляками, выговорив у них, чтобы были возвращены козакам права, признанные Зборовским трактатом.

На этот раз Хмельницкий уже не захотел вступать в переговоры с поляками: он не заботился более о хане, так как имел известия, что в его борьбу с Польшей входит новый союзник, московский царь. После долгих колебаний московское правительство решило принять Украину под царскую руку и начать войну с Польшей.

81. Московское верховенство

Московское правительство имело большое желание вмешаться в козацкую войну, чтобы возместить потери Смутного време-

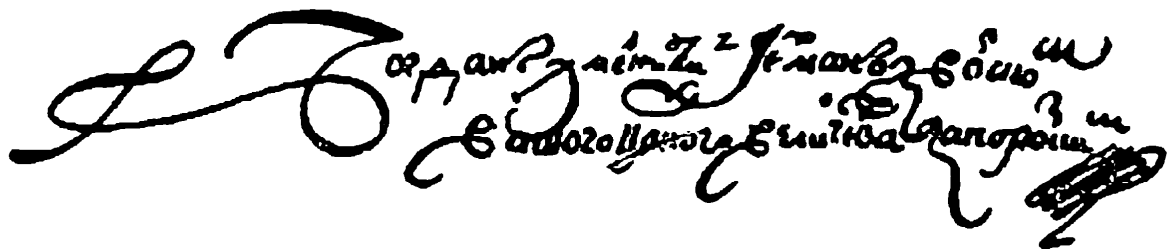
ни, а может быть — и что-нибудь приобрести из украинских земель; однако оно сильно колебалось, боясь риска: так недавно еще жестоко дала себя почувствовать Польша Москве в предыдущих войнах. Но с другой стороны, московские политики должны были считаться и с тем обстоятельством, что, одолев Хмельницкого, поляки первым делом обратили бы крымцев и козачков против Москвы, и даже делали уже попытки в этом направлении. Поэтому вскоре после неудачной войны Хмельницкого с Польшей 1651 года в московских кругах вмешательство в украинские дела было решено принципиально. По старому обычаю поводом должен был послужить религиозный вопрос: Москва должна была взять под свою защиту православное население Польши. Для формы послано было посольство в Польшу с требованием, чтобы козакам возвратили Зборовские права. Когда же польское правительство на это не согласилось, то московский земский собор, созванный для этого осенью 1653 года, постановил, что царю следует «принять под свою высокую руку гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами и землями» и воевать за них с Польшей. Об этом сейчас же послано было известие Хмельницкому — что Москва его желание исполняет, принимает его под свою защиту и весной пошлет войско против Польши. Хмельницкому это вмешательство Москвы в данное время было очень кстати: другого союзника в этот момент у него не было. Турция сама не хотела вмешиваться; хан зарекомендовал себя очень ненадежным союзником; с Молдавией и Трансильванией не налаживалось ничего серьезного. Шведское правительство, враждебное Польше и польской династии, претендовавшей на шведскую корону, издавна, еще с 1620-х годов, старалось войти в более близкие сношения с козаками, но теперь не обнаруживало желания воевать с Польшей, а отделаться от Польши козакам хотелось во что бы то ни стало. Ввиду этого Хмельницкий не заботился уже установлением отношений к Польше и хану, и, получив известие, что на Украину уже отправлены бояре, чтобы принять от него и от всей Украины присягу, он поручил им ехать в Переяслав, куда, оставив театр войны, и сам отправился.

В первых числах января 1654 года он съехался с московскими послами в Переяславе. Московские послы домогались, чтобы на раду созвано было все войско — дабы подданство Москвы было принято общим решением всего войска. К сожалению, об этой раде и сопровождавших ее переговорах мы не имеем никаких более точных известий, кроме реляции, предложенной московскому правительству самим послом боярином

*131. Портрет Хмельницкого 1651 года,
гравированный Гондиусом в Данциге*

Бутурлиным. Он рассказывает, что войско на вопрос Хмельницкого заявило свою волю отдаться под власть царя. Затем прочитана была царская грамота, где царь обещал украинцам быть к ним милостивым и защищать от врагов. После этого послы предложили собравшимся идти в церковь, чтобы принести присягу на верность царю. Но здесь вышло недоразумение. Хмельницкий потребовал, чтобы сперва от царского имени присягнули послы в том, что царь не выдаст Украину Польше, будет защищать ее от врагов и права и вольности украинские будет соблюдать — подобно тому как польские короли присягали при избрании на *pac̄a conventa*. Но бояре заявили, что присягнуть

132. Подпись Хмельницкого из последних годов его гетманства
(уменьшена)

не могут, так как ~~царь~~ московский — самодержец, правит по своей воле и не присягает своим подданным. Это очень озадачило старшину, они долго настаивали на своем и, только чтобы не дать повода к разрыву, в конце концов присягнули. После этого московские послы разослали своих людей по городам и местечкам приводить к присяге Украину, бывшую во власти козацкой.

Уже этот эпизод с присягой был достаточно неприятным разочарованием для Хмельницкого; за ним пошли другие, еще более ощутительные. Когда Хмельницкий после присяги отправил своих послов, чтобы предложить царскому правительству желания войска касательно дальнейших отношений Украины к Москве, то далеко не все эти желания были приняты московским правительством. Важнейшие статьи, на какие оно дало свое согласие, были таковы:

права и вольности всякого звания людей на Украине подтверждаются;

всякие выборные суды козацьи и выборные городские должности должны и впредь отправляться свободно. Гетмана войско избирает свободным выбором и только извещает царя об избрании;

гетман и войско Запорожское могут принимать посольства от иностранных государств, лишь уведомляя царское правительство о том, что могло бы ему причинить вред.

Козацкого войска должно быть 60 тысяч.

Некоторые из перечисленных пунктов — как, например, право сношений с другими державами, давали очень много, так что Украина должна была пользоваться правами отдельного государства, вполне самостоятельного, связанного только особой государя с Москвою. Но, с другой стороны, московское правительство не хотело предоставить полного самоуправления украинскому населению, не хотело позволить, чтобы воеводы и прочие должностные лица избирались самим населением, чтобы все

доходы с Украины собирались ее выборными чиновниками, поступали в местную казну и выдавались на местные нужды. Правда, у самого украинского общества мысли о последовательном проведении принципа автономии только лишь нарастали и определялись, и резко ставить их оно не решалось, чтобы не оттолкнуть от себя Москву и не отнять у нее охоты к войне с Польшей за Украину. Но все-таки эта несговорчивость Москвы в вопросах украинского самоуправления произвела тяжелое впечатление на Украине. Было очевидно, что на место польских правителей Москва желает прислать своих воевод на Украину, и действительно такие воеводы сейчас же прибыли в Киев, выстроили здесь новую крепость, поставили московский гарнизон и расположились здесь как настоящие хозяева, не обращая внимания на гетмана и его власть, и таких воевод московское правительство намерено было затем прислать и в другие украинские города. Оно не было расположено также признавать церковную автономию Украины и старалось подчинить киевского митрополита и епископов власти московского патриарха.

Хмельницкий и старшина увидели, что их планы расходятся совершенно с планами Москвы. Они стремились получить от нее помощь в борьбе с Польшей для освобождения Украины и установления новых свободных отношений. Москва же смотрела на Украину как на новое приобретение свое и стремилась господствовать в ней по образцу других провинций и владений. Войну с Польшей она начала, но имела в виду присоединение белорусских земель, чего добивалась и раньше; Хмельницкого тоже просила выслать козацкое войско в Белоруссию на помощь московскому, и тот исполнил это. В замену московское правительство прислало свое войско на Украину, чтобы оно с Хмельницким двинулось на Волынь и там соединилось с войсками, действовавшими в Белоруссии. Но Хмельницкий сразу потерял всякую охоту к московской помощи, видя как прочно основывалась на Украине Москва, как жадно ловила каждое неосторожное слово, каждое опрометчивое движение, чтобы захватить в свои руки украинскую жизнь. Боялся он, что из совместного похода с московским войском вырастут только новые претензии Москвы на Украину и украинскую жизнь.

Поход свелся на нет. Хмельницкий не двинулся за пределы Киевской земли, так что московское правительство даже выговаривало ему за это уклонение от войны. А он думал теперь, как ему выйти из трудного положения, в котором очутился, войдя в союз с Москвой, и старательно присматривался к новым отно-

шениям, совсем по-новому начинавшим развиваться после тяжелого удара, нанесенного им Польше.

82. Между Москвой и Швецией

Военные действия московских и козацких войск в Белоруссии сначала шли очень удачно. Белорусские города по большей части добровольно сдавались козакам и московскому войску. Козаки заняли белорусские земли, пограничные с Гетманщиной, и устроили здесь еще один полк. Московское войско завладело белорусскими землями по самое Вильно. Такие успехи Москвы в Польше вызвали и у других соседей желание воспользоваться тяжелым положением последней. В Швеции в это время вступил на престол Карл X; он задумал возобновить старую войну с Польшей. Со шведами же издавна стоял в сношениях князь Трансильвании (восточной Венгрии): это был союз протестантских государств против католических Австрии и Польши. Теперь король шведский и князь трансильванский надеялись вконец разбить Польшу. В Польше и Литве они рассчитывали опереться на магнатов-протестантов, сильно терпевших, как и православные, от католической шляхты и правительства. Имели они в виду и Хмельницкого, который издавна поддерживал сношения с Трансильванией и с Швецией, подбивая их против Польши. До сих пор эти старания его не имели особого успеха, и поэтому он вынужден был свое внимание сосредоточить главным образом на Москве. Теперь же, как раз в то время, когда московское правительство так разочаровало украинцев своими первыми шагами в украинских делах, Швеция, а с ней и Трансильвания вступили в решительную борьбу с Польшей, становились союзниками Украины, и Хмельницкий задумывает опереться на них не только для освобождения Украины от Польши, но и для того, чтобы развязать себе руки по отношению к Москве. Он с большой готовностью принял призыв шведского короля к совместной борьбе с Польшей и в ожидании этой общей войны не заботился о московских походах.

Зима 1654—1655 годов прошла в малоэнергичной, оборонительной войне козачества с Польшей: хан соединился с поляками после того, как Хмельницкий присоединился к Московскому государству, и польское войско с татарской ордой двинулось в Брацлавскую землю, оттуда в Киевскую. Хмельницкий с московским войском встретил их недалеко от Белой Церкви под Охматовым; московское войско неблестяще заявило себя в про-

133. Портрет Хмельницкого,
из летописи Величка

Львову и далее под Люблин. Но вместе с ним отправилось и московское войско под предводительством боярина Бутурлина, что очень связывало Хмельницкого: он не мог свободно распоряжаться своими войсками. Разгромив Потоцкого под Городком, он снова имел в руках всю Галицию, но не хотел завоевывать городов, чтобы Москва не вздумала поставить и там своих гарнизонов. С Львова взял только выкуп; во время переговоров с львовскими мещанами Выговский (войсковой писарь и доверенный человек Хмельницкого) прямо уговаривал их не входить в сношение с Бутурлиным и не сдавать города на царское имя. И шведскому королю Хмельницкий пояснял, что он не хотел пускать Москву в Западную Украину и для того не завоевывал там ничего. Шведский король со своей стороны в сношениях с гетманом и старшиной настаивал на полном разрыве с Москвой; он предостерегал их, что московское правительство при своем самодержавном строе «не потерпит у себя вольного народа», не выполнит данных обещаний относительно соблюдения украинских вольностей и поработит козаков.

Хмельницкий сперва старался повлиять на шведского коро-

исшедшей битве; но в решительный момент подоспел полковник Богун со своим полком; и поляки были отражены, а хан оставил после этого польское войско, увидя, что его преследуют неудачи. Хмельницкий оставил поляков в покое. Весной 1655 года он получил известие от шведского короля, что тот собирается в поход на Польшу и просит Хмельницкого, чтобы и он напал на поляков одновременно. Хмельницкий отправился на Подолию, на Каменец, оттуда двинулся к

134. Герб Хмельницкого, там же

ля, чтобы он не доводил до полного разрыва с Москвой и не принуждал к разрыву Украину. Желанием его и старшины, вероятно, было сделать Украину нейтральным государством под протекторатом Москвы и Швеции, а может быть, и Турции, с которой после своего подданства московскому царю Хмельницкий возобновил свои прежние сношения. Но сохранить нейтралитет между Москвой и Швецией было трудно; обстоятельства принуждали выбирать что-нибудь одно. Когда война с Польшей приняла очень благоприятный для шведов оборот и они захватили всю северную Польшу, поляки постарались рассорить Москву со шведами: подавали надежду царю, что выберут его польским королем, и, таким образом, Польша целиком соединится с Московским государством. Под влиянием этих надежд Москва заключила с Польшей перемирие и начала войну со шведами. Это сейчас же поправило положение Польши и было очень неприятно Хмельницкому: он жаловался, что Москва выдает Украину полякам, не исполняет своих обязанностей по отношению к украинцам. В особенности раздражало его то, что переговоры Москвы с поляками ведутся втайне от него, без участия козацких послов, неизвестно в каком смысле, может быть, во вред украинским интересам.

Польский король, заключив перемирие с Москвой, старался возвратить Польше и Украину. Об этом он вел переговоры, пуская в ход всевозможные обещания; обещал уже даже полную автономию Украине, но Хмельницкий не поддавался и очень неохотно поддерживал эти переговоры. Московское правительство настоятельно домогалось, чтобы он порвал свои отношения со Швецией и принял участие в московской войне со шведами. Но Хмельницкий теперь гораздо больше дорожил союзом со

шведами, чем союзом с Москвой: московское правительство все более открывало свои настоящие планы, и Хмельницкого раздражали московские претензии, желание диктовать ему и Украине. Его серьезно беспокоили московские стремления ограничить украинскую автономию, перспектива московских воевод, которых ему собирались прислать в украинские города. Все более останавливался он на мысли разорвать свои отношения с Москвой. Как рассказывал московским боярам Выговский (заранее снискивая их расположение для будущего), на совете старшин осенью 1656 года Хмельницкий, расстроенный жалобами на московские действия, вне себя кричал, что нет иного выхода, как отступить от Москвы и искать себе иной протекции.

Со Швецией и Трансильванией Хмельницкий заключает в 1656 году тесный союз: обещает шведам выступать со своим войском против каждого врага их, хоть бы и против Москвы, и уговаривается относительно раздела польских земель между Украиной, Швецией и Трансильванией. С наступлением 1657 года была начата общими силами Украины, Трансильвании и шведов решительная война с Польшей, вопреки желанию московского правительства. Однако сам Хмельницкий был уже так болен, что не отправился в поход: выслал киевского полковника Ждановича с тремя полками в Галицию. Одновременно двинулся на Варшаву Юрий Ракочи, князь трансильванский, чтобы сойтись со шведским войском. Эта война, если бы увенчалась успехом, должна была положить конец Польше, отдать во власть козачества Западную Украину и освободить гетмана из-под власти и влияния московского правительства. Но кампания не удалась: поляки разбили Ракочи и обрушили на него татар, так что он принужден был помириться с Польшей. Ждановичу тоже не удалось достигнуть никаких особенных успехов, и в особенности опасным симптомом был бунт, происшедший в его войске: козаки, услышав, что старый гетман доживает последние дни, боялись новой смуты по его смерти, говорили, что они не будут воевать с Польшей против царской воли и, встретив в походе московского посла, просили передать царю, что против царской воли они не пойдут. Видя такое настроение в войске, Жданович поскорее прекратил поход и пошел восвояси.

Хмельницкий, и без того уже очень ослабевший, был чрезвычайно расстроен этими обстоятельствами; призвав к себе Ждановича, он так разволновался, что его разбил паралич, отнялся язык, и через шесть дней он умер, — 27 июля 1657 года.

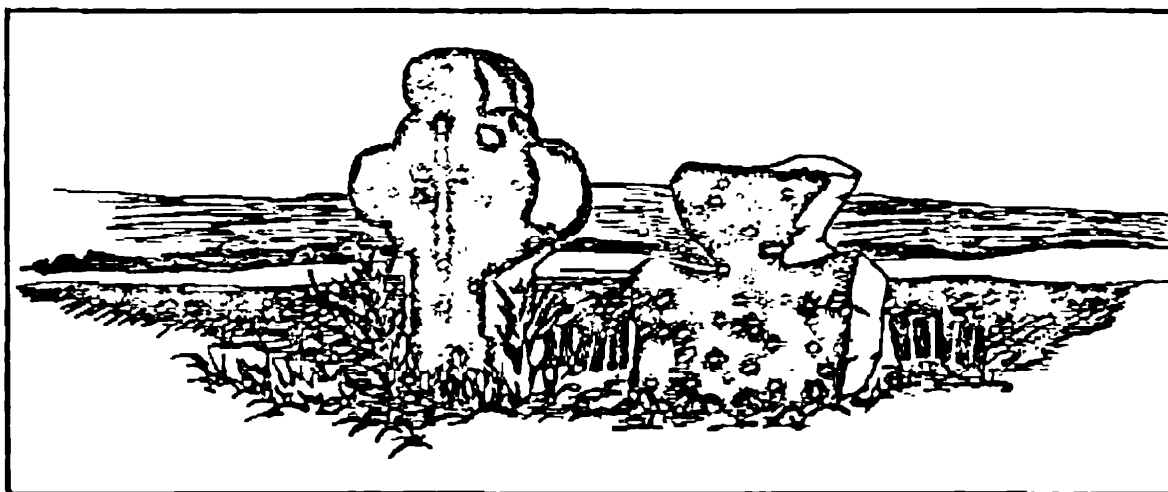
Украина в наиболее решительный момент, когда положена

была на вес вся ее судьба, утратила своего многолетнего руководителя — единственного человека, который мог править ею, и на его место получила больного и неспособного дегенерата — Юрася Хмельницкого, избранного еще при жизни отца на его место гетманом, из-за одного только его великого имени.

Это был один из наиболее трагических моментов в истории Украины.

83. Гетманщина

Большое народное движение, поднятое Хмельницким, сообщило новый строй всей Восточной Украине — Гетманщине. Козацкая военная организация уже в первых десятилетиях XVII в. постепенно оседала и прикреплялась к земле, по мере того как все большее число оседлого и хозяйственного крестьянского и мещанского населения отдавалось под козацкий присуд и записывалось в войско. Разделение козацкого войска на полки переходило в разделение окозаченной территории на полковые округа. Уже в 1630-х годах мы встречаем такие полки, как Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Переяславский и даже Лубенский — хотя Лубенщина была частным владением, а не королевским. Уже в это время полковники, сотники и атаманы являлись не только начальниками своих войсковых отрядов на войне, но сохраняли свое значение и в мирное время, как власти судебные и административные для всего козацкого населения округа, заменяя для него всякую иную власть.

135. Субботовские кресты, рисунок Шевченка (о кресте слева рассказывали, что под ним похоронены кости Богдана, когда поляки выбросили их из церкви)

Восстание Хмельницкого надолго устранило из обширных пространств Восточной Украины, из воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского всякую иную власть — остались только выборные городские магистраты, остались монастырские поместья, в которых продолжали сохраняться старые порядки вотчинного управления, и вне этого было одно только свободное, в значительной степени окозаченное население. Те, кто не присоединялся к козакам, записывались в мещане, безразлично, жили ли они в городах или в селениях, и с них собирались различные доходы в козачью войсковую казну. Козачье население податей не платило и только отбывало военную службу. В этот период непрерывных войн козачьи власти старались иметь этого козачьего населения возможно больше, да и само население находило более безопасным записываться в козаки, чтобы не попасть как-нибудь снова в крепостное состояние.

Число полков при Хмельницком было неодинаково. В реестре 1649—1650 годов на правой стороне Днепра мы видим девять полков: Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Уманский, Брацлавский, Кальницкий и Киевский; по левой стороне семь: Переяславский, Кропивенский, Миргородский, Полтавский, Прилукский, Нежинский и Черниговский. Полки разделялись на сотни тоже неодинаково: в ином козачьем полку не было и десяти сотен, в ином и до двадцати, и число козаков было в них неравное: в реестре 1649 года в одних сотнях видим козаков по двести и по триста, в других только по несколько десятков. Полковник был начальником своего полкового округа; полковая старшина, постепенно слагавшаяся по образцу генеральной — полковой обозный, судья, есаул, писарь — составляли совет при полковнике по всем делам своего полка; сотник управлял своим сотенным округом; козацкими общинами заведовали атаманы. Собственно говоря, с этими военными должностями была связана власть только над козачьим населением, но в действительности к ним перешла общая власть над всем населением; только более значительные города и церковные и частные поместья находились в меньшей от них зависимости, подчиняясь лишь гетману, но помещичьих имений сначала было очень мало, так как огромное большинство их было уничтожено во время народного восстания.

Вообще военный строй хотя в принципе обнимал только козачье сословие, козачье войско, однако уже за десятилетнее правление Хмельницкого принял более общий характер. Это не сразу вошло в сознание, но на практике почувствовалось очень ско-

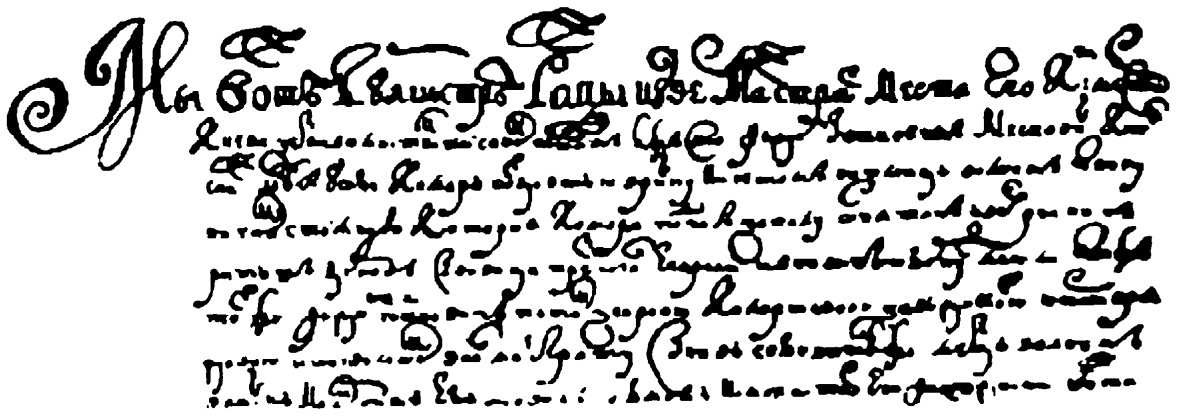
ро. Ведя переговоры с Москвой, Хмельницкий по старой памяти говорил, что войско будет управляться по своим порядкам, а к московскому правительству отойдет то, что ранее составляло прерогативы польского правительства. Но когда московское правительство начало присылать своих воевод, намеревалось собирать доходы с некозачьего населения и править им через своих агентов — козачья старшина, привыкнув за это время править нераздельно, почувствовала, что, собственно, для какого-либо иного управления нет уже места в Гетманщине: оно нарушило бы значение и силу козачества. Гетман сделался повелителем всей страны, главой украинского правительства, и все, что было на Украине, должно было ему повиноваться. Но гетман был главой военной козацкой организации, значит и областные ее представители — полковники — должны были получить значение власти всеобщей, всесословной. Военный штаб гетмана занимает место кабинета министров, украинского правительства. Генеральная старшина: обозный, судья, есаул, писарь, называющиеся генеральными для отличия от таких же полковых чинов, — становятся советом министров при гетмане и решают все дела общегосударственного характера. Рада старшин — генеральной старшины и полковников — и общая войсковая рада всего козачества собираются для важнейших дел и вершат судьбу страны.

Козачья старшина и украинское общество чувствовали необходимость такого автономного всесословного устройства, и военная козачья организация выполняла ее роль; но новый украинский автономный строй не был продуман до конца и не организован планомерно (это пробовали сделать при Гадячской унии с Польшей в 1659 году, но эта конституция не была осуществлена на практике). Поэтому между понятием общеобластного правительства и понятием козацкого устройства, как организации войсковой, оставалась, так сказать, щель, в которую входили посторонние претензии, особенно московские, и вызывали беспорядок, неопределенность, раздражение. Крупным недостатком этого строя было то обстоятельство, что войсковые чины, старшинская рада или войсковая рада, в состав которой входили только казаки, а не все сословия — духовенство, мещане, крестьяне, шляхта, — должны были править всем краем и всеми сословиями. И так как все это были отношения совершенно новые, то тем более они складывались нелегко, вызывали недоразумения и трения. Новый строй был слишком классовым, сословным, связанным с войском, и это затрудняло переход его к новому общенародному, общегосударственному зна-

чению. Старые порядки войскового самоуправления, когда рады, собранные по какому-нибудь поводу каким-нибудь козаком, без церемонии смещали гетмана и старшину — не годились для новых отношений. Власть должна была быть прочной и уверенной в себе, раз на нее возлагалась ответственность за судьбу целого края, особенно в такой решительный момент, в таких тяжелых и сложных обстоятельствах. Хмельницкому удалось, благодаря своим талантам и успехам, высоко поднять гетманскую власть в сравнении с прошлым. Войсковые рады собирались только тогда, когда считал это нужным гетман — изредка, в наиболее важных вопросах, и то больше для формы. Дела обсуждались на раде старшины, которую также созывал гетман, когда считал это нужным. Но эта новая практика вызывала неудовольствие среди некоторой части козачества, особенно на Запорожье, и преемникам Хмельницкого не всегда удавалось поддержать престиж своей власти, а всякое ослабление и шаткость власти гетмана ослабляли сейчас же значение этой центральной власти и всего козацкого строя, как управления и организации общегосударственных.

Не сразу также можно было искоренить старые взгляды, созданные всей предыдущей историей козачества, что центр козацкой жизни и строя — это Запорожье, Сечь, и что оттуда должны исходить и выбор гетмана и общее направление всей украинской политики. Уже в 1620—1630-х годах, когда козачество начинает овладевать «волостью» и здесь создается прочная козацкая организация и управление, — уже тогда Сечь теряет свое значение козачьей столицы, козачьего центра. В новых условиях центром украинской жизни делается гетманская резиденция, где сосредоточивается высшая козачья старшина, где решаются всякого рода дела в войсковом суде и в генеральной войсковой канцелярии. Претензии Сечи на старое значение являлись уже пережитком, анахронизмом. Со времени Хмельницкого Сечь становится прибежищем удальцов-добытчиков, передовой стражей Украины, без сколько-нибудь решающего политического значения. Но когда не стало славного гетмана, сечевики претендуют на то, чтобы от них исходило избрание гетмана и старшины; жалуются, что старшина захватила правление и не желает признавать власти Сечи.

Во всем этом лежали зародыши позднейших смут. Если бы Хмельницкий не умер так рано, и более того, — если бы после его смерти Украина могла прожить спокойно каких-нибудь десятилетия полтора лет, эти зародыши не выросли бы. Украинское общество обнаружило большой организаторский талант и такт.

136. Украинское письмо середины XVII века —
удостоверение киевского магистрата 1638 года

Оно жило чрезвычайно интенсивно и быстро росло в своем политическом самосознании. Если бы оно было предоставлено самому себе и могло спокойно поработать над своим общественным и политическим устройством, над своей конституцией, — оно наверное сумело бы упрочить новый строй и организовать его более последовательно и определенно, сумело бы сгладить разные противоречия и приспособить для новых нужд государственной жизни старые отношения и порядки. Но именно этого оно и не имело — возможности спокойно и свободно потрудиться над выработкой и укреплением новых отношений. Все время Украина жила на военном положении, со всех сторон подстерегали ее другие государства, жадно ловившие малейшее внутреннее раздвоение или смуту на Украине, чтобы раздуть их, чтобы вбить клин в каждую щель и разбить, ослабить с его помощью украинскую силу сопротивления.

Кроме этих слабых сторон политического строя, врагам украинской жизни сослужило службу также и общественное, социальное раздвоение между украинскими народными массами, с одной стороны, и старшинскими кругами, с другой, — между народом и старшинским правительством. Народ поднимал восстание, чтобы освободиться от помещичьей власти; он воспользовался козацким движением, чтобы изгнать шляхту из Украины, завладеть землями, которые разобрала шляхта, и располагать свободно своим трудом и своей судьбой. И больше всего он боялся, чтобы паны не возвратились снова на Украину и не завели вновь своих порядков. Поэтому он ни за что не хотел мириться с поляками и поэтому же недоверчиво смотрел на все, что указывало на поворот к старым, панским порядкам.

Между тем козацкая старшина, имея в своих руках власть и

137. Волынское письмо середины XVII века (Луцк, 1649)

управление и заняв в этом смысле место шляхты, была расположена идти по следам последней и в общественно-экономической сфере: владеть землями, основывать села и заводить подданных. В этой атмосфере она выросла и другого способа материального обеспечения своего не знала и не видела. При первом же удобном случае, — в первом посольстве старшины в Москву в 1654 году, участники этого посольства начали выпрашивать у московского правительства грамоты на разные имения с правом поселять в них подданных. Правда, эти выпрошенные грамоты они боялись даже предъявлять на Украине, зная, как враждебно отнесется к этому население. Но народ украинский уже чувствовал, что новая старшина идет старой дорогой, и враждебно относился к ней, подозревая в ее политике эгоистические, корыстные вождедения.

Ей дуки, кажут, ви дуки!
 За вами всі луги і луки!
 Ніде нашому брату, козаку нетязі, стати
 І коня попасти, —

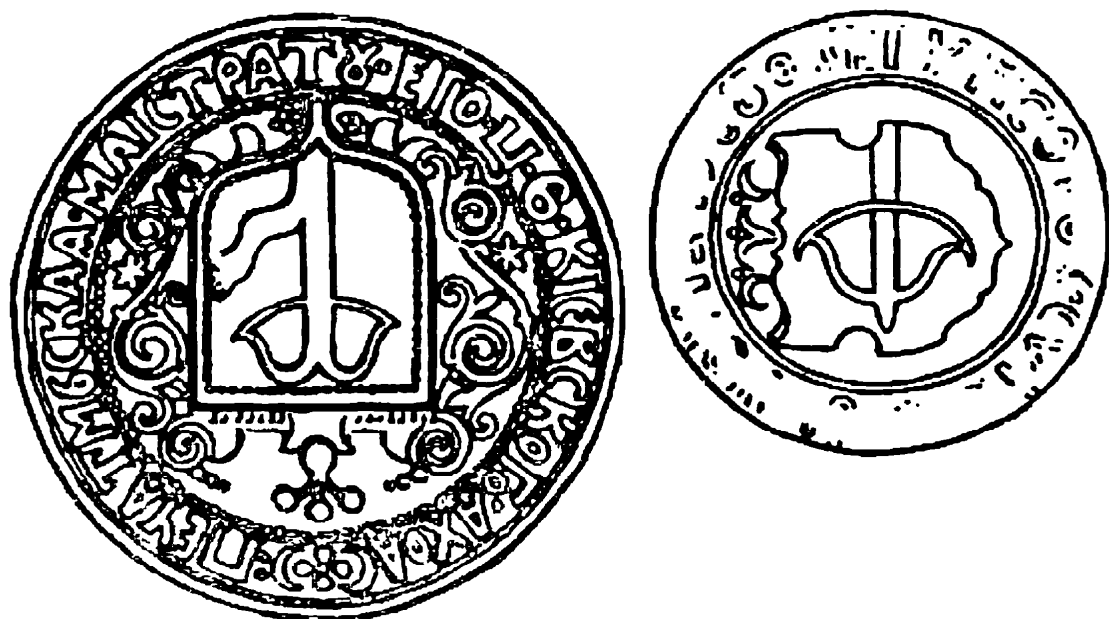
как говорят козаки богачам-полковникам в думе о Ганже-Андыбере, сложенной под впечатлением этого раздвоения. Резко эта вражда обнаружилась позже, но существование ее проявляется уже непосредственно после смерти Хмельницкого и ослабляет позицию старшины и ее политику, — и это опять-таки наносило огромный ущерб политической жизни Украины, так как старшина, независимо от своих классовых интересов, стремилась к эмансипации всей Украины, отстаивая политические интересы всего народа.

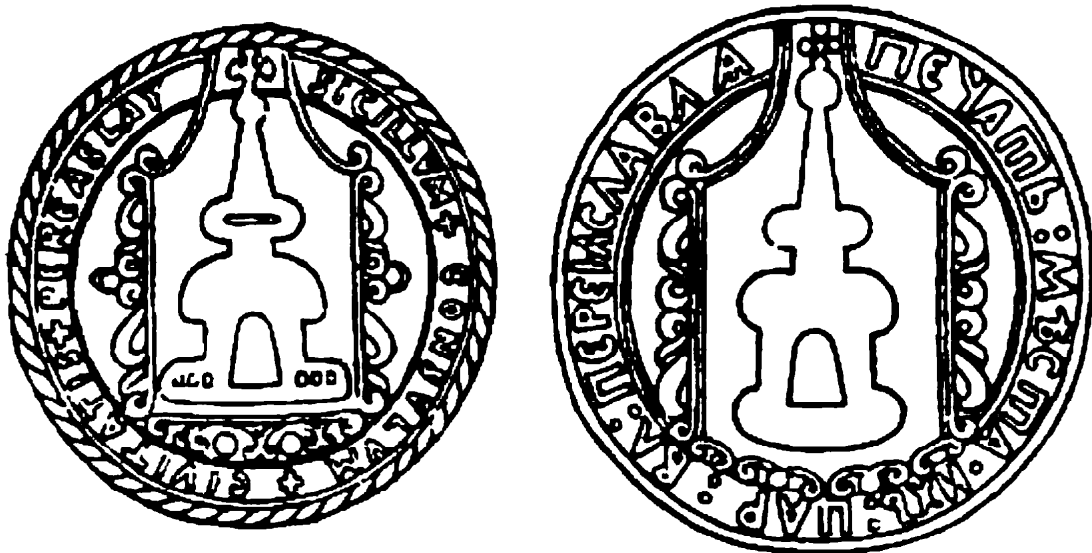
84. Гадячская уния

В трудных условиях тогдашнего политического момента непростительной неосторожностью был выбор сына Богдана, неопытного и безталанного юноши. Старшина не решилась выступить против этого плана перед глазами умирающего Богдана и задумала поправить дело после его смерти. Игнорируя Юрася, они произвели новые выборы и избрали гетманом долголетнего войскового писаря, доверенного человека покойного гетмана Ивана Выговского. Позже ходили рассказы, что он сначала был избран временным гетманом — пока Юрась окончит учение и придет в более зрелый возраст, а затем Выговский самоправно захватил булаву и сделался «совершенным гетманом». Но современные документы не дают никаких указаний в этом смысле: Выговского избрали гетманом сразу, но старшина боялась, чтобы «чернь козацкая», стоя на стороне Юрася, не протестовала против этого выбора, поэтому избрание совершено было не на полной войсковой раде, а на старшинском съезде, и уже потом, когда в Москву пошли доносы об этой неформальности, Выговский повторил свой выбор на полной войсковой раде и был снова избран гетманом.

Новый гетман, конечно, был целой головой выше Юрася, был человек опытный, толковый, бывалый, неплохой политик, при этом, без сомнения — украинский патриот, искренний автономист, единомышленник старшины, вместе с ней горячо желав-

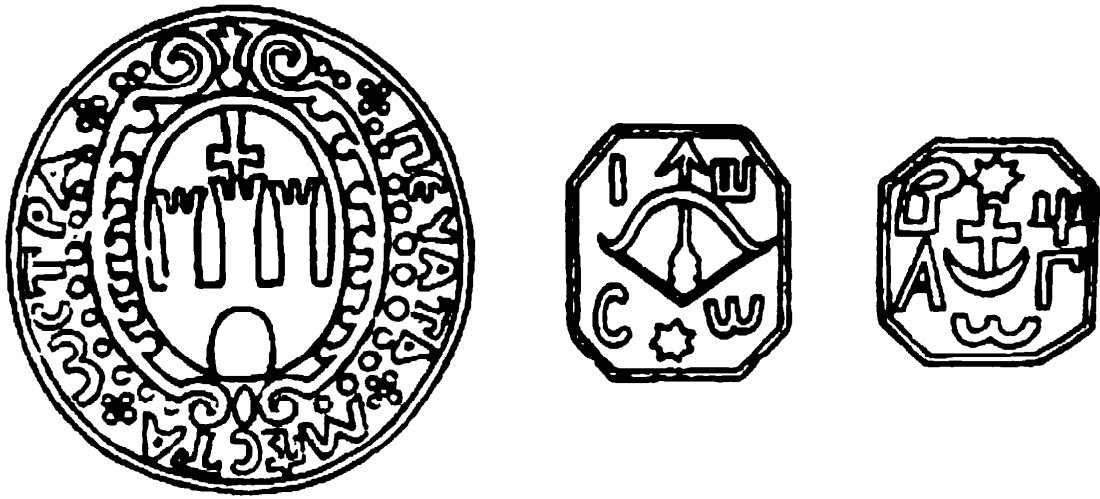
138—139. Печати киевского магистрата: левая более древняя (первой половины XVII века), правая новее (1671 года)

140—141. Печати переяславского магистрата: древняя, польских времен (первой половины XVII века) и более новая (второй половины XVII века)

ший обеспечить свободу и неприкосновенность Украины. Но он не пользовался такой популярностью, как Хмельницкий: был он украинский шляхтич из киевского Полесья, служил в канцеляриях, не имел особенного расположения к военному делу и в войско попал случайно: рассказывали, что Хмельницкий выкупил его у татар, когда он попал в неволю в битве над Желтыми Водами. К тому же и на гетманство Выговский попал не по избранию всей рады, а помимо ее. Все это в тех и без того необычайно тяжелых обстоятельствах еще более усложняло положение нового гетмана.

Сначала Выговский хотел продолжать политику Хмельницкого: держаться по возможности нейтрально между Москвой и Швецией, Крымом и Польшей, чтобы обеспечить спокойствие на Украине, упрочить ее новый строй и порядок и свое собственное положение. Он склонил снова на свою сторону Крымскую орду, перешедшую было на польскую сторону, довел начатые переговоры со шведским королем до очень ценного союзного трактата, по которому шведский король обязывался «признать и провозгласить Запорожское войско, со всеми подвластными ему землями, народом свободным и никому не подвластным», его свободу и права защищать от всех врагов, а специально от Польши добиться признания свободы и независимости «войска Запорожского» (т. е. Восточной Украины) и расширить его власть также и на Западную Украину. Это были очень важные обещания, но давались они уже тогда, когда шведская политика пошла на

142—143. Печати остерские: магистратская, сотника остерского (Як. Шафрана) и атамана городского (Вас. Щупаки)

убыль: шведский король должен был вывести войско из Польши, так как на него напала Дания, и Швеция таким образом не могла служить опорой для Украины. Оставалась Польша и Москва; польское правительство продолжало свои переговоры с гетманом, приглашая возвратиться под власть польского короля и обещая всякие права, вольности и льготы, до автономии Украины включительно. Москва, наоборот, хотела воспользоваться смертью Хмельницкого, чтобы расширить свою непосредственную власть на Украине, взять в свои руки собрание доходов, поставить воевод в других украинских городах (до сих пор воеводы были только в Киеве) и положить конец церковной независимости Украины. Все это были вещи очень неприятные украинской старшине и всему обществу, но Выговский, насколько мог, шел навстречу желаниям Москвы и не протестовал открыто против этих московских планов: не чувствуя себя прочно, он надеялся, что за его покорность московское правительство поддержит его против враждебных ему течений, которые начали проявляться на Украине, но надежды его не оправдались.

Так как Выговского в гетманы привела старшина без полной рады, то этим воспользовались всякие враждебные старшине элементы, в особенности Запорожье, наиболее враждебное новым порядкам, стоявшее за старый демократический войсковой строй, когда войсковая рада правила всем, отнимала и давала булаву, а центром всего была Сечь. Сторону запорожцев держали и соседние левобережные полки Полтавский и Миргородский, ввиду близкого соседства стоявшие в наиболее тесных и близких отношениях с Запорожьем. Там именно и обнаружались враждебные Выговскому и старшине течения, и ими задумал воспользо-

144. Иван Выговский
(рисунок в летописи Величка)

ваться полтавский полковник Мартын Пушкар, чтобы устранить Выговского. Он и его единомышленники жаловались, что старшина посадила Выговского при помощи хитрого маневра, без войскового выбора, без Запорожья, а гетманы должны избираться на Запорожье; что Выговский не козак, а лях, и не мыслит добра войску и народу, а хочет продать Украину полякам. Чтобы положить конец всем этим слухам, Выговский созвал новую раду, куда были приглашены депутаты

от полков, и на этой раде Выговский снова был избран гетманом, и московское правительство после этого признало его правильным и законным гетманом. Но противники Выговского и старшины от этого не успокоились. От Пушкаря и запорожского козьевого Барабаша продолжали идти в Москву гонцы с доносами и жалобами на Выговского — что он неправильно избран и войско не желает иметь его гетманом, так как он изменник, и тому подобное. Выговский надеялся, что московское правительство за его покорность поможет ему усмирить эти враждебные течения, принудит его врагов к послушанию ему как законному гетману и даже в случае надобности поможет усмирить их вооруженной силой. Между тем московское правительство не хотело так резко выступать против людей, рекомендовавших себя наивернейшими приверженцами и слугами Москвы. Она принимала от них послов, посылала к ним увещания, делала им различные уступки, а те на этом основании распространяли слухи, что Москва поддерживает их, а Выговского также не считает настоящим гетманом.

Выговский пришел к убеждению, что Москва не поддерживает его искренно и враждебное движение только увеличивается вследствие ее двуличной политики, и решил сам сломить

врагов. Московское правительство убеждало его не воевать, подождать, не послушают ли его противники московских увещаний. Но дальше ждать Выговскому было нельзя. Весной, призвав на помощь татар, он отправился с войском за Днепр и под Полтавой разгромил пушкаревецев. Сам Пушкарь был убит. Полтава была взята, и здесь посажен был новый полковник, а все предводители вос-

145. Юрась Хмельницкий
(рисунок в летописи Величка)

стания подверглись тяжелым наказаниям. После этого Выговский и его сторонники считали свои отношения к Москве бесповоротно и решительно испорченными. Митрополит Дионисий Балабан, избранный украинцами против воли Москвы, без благословения московского патриарха, удалился теперь в Чигирин. Сторонники украинской автономии начали агитацию среди народа против Москвы и, чтобы отвратить население от московской протекции, говорили, что если Москва возьмет Украину в свои руки, то переведет украинцев в Москву и Сибирь (как это действительно делалось тогда на Белоруссии), заберет украинских священников, а вместо их пришлет из Москвы московских и тому подобное. А европейским дворам разослали манифест, где объяснялись причины разрыва с Москвой и объявлялась война этой последней: «Заявляем и свидетельствуем перед Богом и всеми, что война с поляками, начатая и веденная нами, имела не иную причину и не иную цель, как лишь защиту святой восточной церкви и предками завещанной свободы нашей: преданность ей руководила нами, вместе с покойным вождем нашим, бессмертной памяти Богданом Хмельницким и тогдашним писарем нашим Иваном Выговским. Свои личные корысти мы отодвинули на дальний план перед славою божьей и делом народным. Ради них вопли мы в союз с татарами и с

светлейшей королевой шведской Христиной, а затем с светлейшим Карлом-Густавом, королем шведским. Всем им мы сохранили верность ненарушимо. Не дали мы и полякам никакого повода к нарушению договоров, соблюдая по отношению ко всем нашу присягу, договоры и союзы. Не из других побуждений приняли мы и протекцию великого князя московского, как для того лишь, чтобы сохранить и приумножить для себя и потомства нашего за споспешествованием божьим оружием нашим приобретенную и кровью столько раз возвращенную вольность нашу. Осыпанное обещаниями и обязательствами великого князя московского, войско наше надеялось, что ввиду общности веры и добровольного нашего присоединения великий князь будет для нас справедлив, благожелателен и милостив, будет поступать с нами искренно, не злоумышляя против нашей вольности, но приумножая ее еще более, согласно своим обещаниям. Но надежды эти нас обманули! Министры и вельможи московские побудили этого праводушного, благочестивейшего и всемилостивейшего государя к тому, что в первый же год, как только завершились переговоры между Москвою и Польшею, из видов на польскую корону, решил он нас подавить и поработить и, заняв нас войною со шведами, хотел тем легче это осуществить...».

Главным обвинением против московских политиков здесь выставляется то, что московское правительство изменило Украине, войдя в соглашение с Польшей: другое обвинение — что оно внесло разделение и усобицу в украинскую политическую жизнь, поддерживая разных мятежников. И манифест оканчивается таким заявлением: «Так обнаруживается хитрость и обман тех, кто сперва посредством внутренней междоусобной войны, а затем и открыто своим собственным оружием уготовали нам ярмо неволи, без всякого повода с нашей стороны. Свидетельствуя о своей невинности и призывая на помощь Бога, мы вынуждены для сохранения своей свободы прибегнуть к законной защите, чтобы сбросить с себя это иго, и искать для этого помощи у своих соседей. Таким образом, не на нас падет вина этой разгорающейся войны. Мы были и остаемся верными великому князю (царю) и против воли своей беремся за оружие».

Швеция, которая должна была служить союзником Украины в борьбе с Москвою, теперь уже ничего не значила — она прекратила войну и в 1660-х годах заключила формальный мир с Польшей и Москвою. Поэтому Выговский, чтобы заручиться против Москвы помощью еще других союзников, кроме Крымской орды, решил довести до конца переговоры с Польшей, таянув-

шиеся так долго. Летом 1658 года он пришел к соглашению через своего поверенного Павла Тетерю, переяславского полковника с польским делегатом Станиславом Бенъовским, а 6 (16) сентября подписан был в Гадяче формальный трактат, по которому Украина возвращалась обратно под верховную власть короля, но как особое автономное тело — «Великое княжество Русское». Хотя этот трактат почти не был осуществлен, все-таки он и позднейшие добавления к нему весьма интересны, показывая, чего хотели для Украины тогдашние украинские политики, Выговский и его товарищи.

Восточная Украина (воеводства Киевское, Брацлавское и Черниговское) составляют отдельное государство, с отдельными министрами, казной и монетой, по образцу Великого княжества Литовского; только сейм (законодательная власть) и король будут общими с Польшей и Литвой. Во главе правительства Великого княжества Русского будет стоять гетман, избранный всеми сословиями: сословия Великого княжества Русского будут избирать кандидатов, предлагая королю, и одного из них король утверждает гетманом. Козацкого войска будет 30 тысяч, и кроме того, наемного войска в распоряжении гетмана 10 тысяч. Православная вера должна быть во всем уравнена с католической, митрополит и владыки получают места в сенате. Киевская академия будет уравнена в правах с Краковскою, и еще в каком-нибудь месте Украины должна быть основана одна академия.

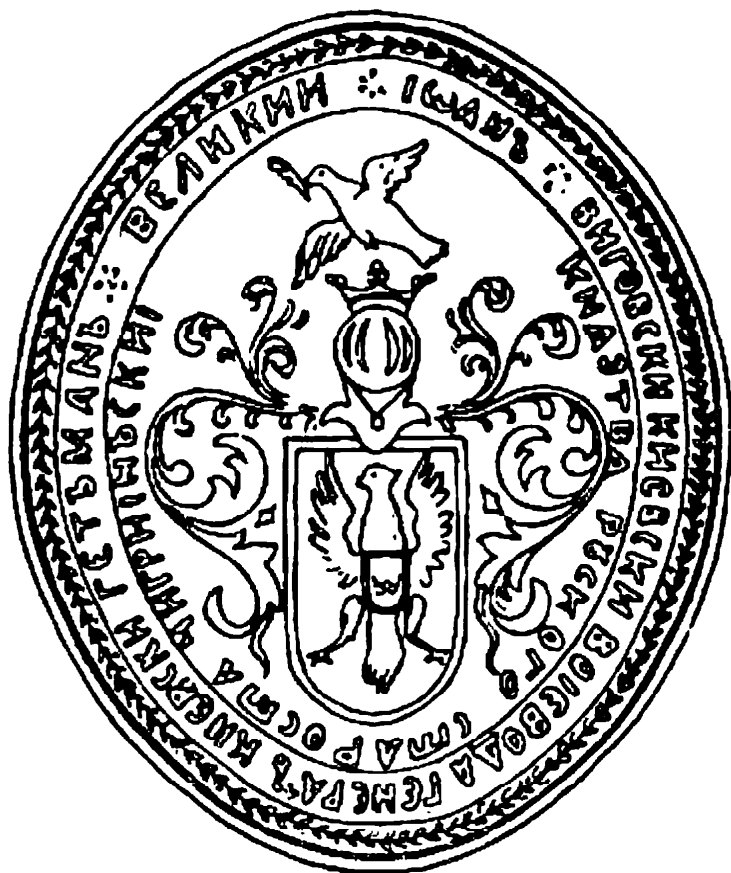
Трактат составлялся спешно, и многое в нем не было продумано и выяснено; кое-что не было принято польскою стороною. Чтобы не расстроить союз, украинская старшина согласилась, и потом на сейм, который должен был утвердить этот трактат, посланы были просьбы, чтобы в Великое княжество Русское включена была не только Восточная, но и Западная Украина — вся этнографическая территория. Выговский спешил с трактатом, чтобы получить помощь от Польши против Москвы.

85. Борьба с Москвой

Война началась. Выговский пытался вытеснить московского воеводу из Киева, но это ему не удалось; после этого московское правительство объявило Выговского изменником и распорядилось избрать нового гетмана. Но узнав о трактате, заключенном Выговским с Польшей, оно было так обескуражено этим фактом, что готово было отступить от своей политики: воеводе Трубецкому поручено было вступить в переговоры с Выгов-

ским, обещать ему полное забвение всего происшедшего и возможные уступки — даже вывести воеводу из Киева, если бы Выговский того потребовал. Но Выговский не верил уже в московскую искренность и не хотел возобновлять отношений.

С наступлением 1659 года он отправился за Днепр, чтобы усмирить своих противников, снова поднявших голову, после того как Москва выступила против Выговского. Когда против него выступило московское войско, он отступил за Днепр, и московское войско начало покорять себе северскую Украину и осадило полковника Гуляницкого в Конотопе. Выговский между тем дождался татар и двинулся с ордою к Конотопу. Московское войско не имело точных сведений о его силах, пошло навстречу и очутилось между двух огней — между козаками и татарами. Произошел небывалый погром: было истреблено все московское войско, двое московских воевод попало в плен. Трубецкой оставил Конотоп и поспешно отступил за границу Украины. Все теперь очутилось в руках Выговского.

146. Печать Выговского «гетмана великого княжества Руского» после Гадячской унии (с изображением голубя с оливковой ветвью — вестью мира)

Но он не сумел воспользоваться этим удобным моментом, не изгнал московских гарнизонов из украинских городов — ушел за Днепр, так как кошевой Сирко с запорожцами — враги Выговского — сделали нападение на Крым, вынудили татар покинуть Выговского, а затем напали на Чигирин, гетманскую столицу. Московская партия на левом берегу Днепра после этого снова подняла голову; слух, что Выговский поддался полякам, вооружал против него население; никто не разбирал, на каких условиях это

произошло: мысль о польском господстве возмущала население, не хотевшее и слышать ничего о Польше. Польское войско, размещенное Выговским в Северщине, вызывало, по старой памяти, такую ненависть, что в здешних полках, преданных Выговскому раньше, теперь началось восстание. Поляков избивали, а с ними погиб и выдающийся единомышленник Выговского, Юрий Немирич, просвещенный украинский шляхтич, которого считали истинным автором Гадячской унии. Затем с левого берега движение это перекинулось и на правый: козаки и здесь заявляли, что не хотят возвращаться под власть Польши. Тогда уманский полковник Михайло Ханенко соединился с запорожцами Сирка и поднял восстание против Выговского. Не хотели терпеть его на гетманстве и домогались восстановления Юрия Хмельницкого как законного гетмана.

В первые дни сентября 1659 года сошлись и стали друг против друга под местечком Германовкой оба войска: Юрий Хмельницкий со своими сторонниками, Выговский со своими. Тут и остальные козаки покинули Выговского и перешли к Хмельницкому: слухи, что Выговский отдает Украину обратно полякам, погубили его дело. С Выговским осталось только его наемное войско и поляки.

Войско собралось на раду и на ней заявило, что не желает подданства Польше, не хочет воевать с Москвой. Слухи, что Выговский восстал против Москвы только для того, чтобы отдать обратно Украину польским панам, убили восстание. Против Выговского на раде поднялось такое раздражение, что он вынужден был удалиться, чтобы его не убили.

Провозгласили гетманом Юрася и послали к Выговскому с требованием передать новому гетману гетманские клейноды. Видя такое настроение, Выговский отдал клейноды и отказался от гетманства.

Старшина— единомышленники Выговского — увидя, с каким раздражением войско выступает против Польши, сообразила, что Гадячской унии в таких обстоятельствах придерживаться невозможно— приходилось возвращаться под власть Москвы. Но ей все-таки хотелось использовать момент, чтобы выторговать от Москвы известные уступки, чтобы она не вмешивалась в украинские дела непосредственно. И в этих видах советовало Юрасю, приняв гетманскую булаву, не спешить входить в сношение с Москвой.

Став с войском над Днепром, под Ржищевым, ожидали, что скажет Москва. Когда Трубецкой прислал к ним приглашение возвратиться под московское владычество на прежних правах и

вольностях, Юрась, по совету старшины, послал Петра Дорошенка, чтобы тот передал Трубецкому условия, на которых они согласны снова поддаться Москве. В этих условиях они добивались, чтобы в будущем на Украине не было московских воевод нигде, кроме Киева; чтобы московское войско, присылаемое на Украину, находилось под властью гетмана; чтобы московское правительство, помимо гетмана, не сносилось ни с кем в войске, не принимало писем, и вообще власть гетмана ни в чем не ограничивалась московским вмешательством; чтобы гетман был волен сноситься с чужими государствами, а переговоры с державами по украинским делам, какие будет вести московское правительство, велись с участием украинских депутатов; чтобы украинское духовенство оставалось под властью константинопольского патриарха, как оно этого желало, избирая митрополитом Дионисия Балабана, и тому подобное.

Трубецкой промолчал, что московское правительство прислало ему статьи совсем иного содержания, и только пригласил гетмана со старшиной прибыть к нему для переговоров. Когда же они действительно явились в Переяслав, — тут только обнаружилось, что их заманили в западню. Трубецкой заявил, что переговариваться собственно не о чем, нужно сначала созвать раду. Рада же была составлена из козаков левобережных полков, враждебно настроенных к старшине; кроме того, Трубецкой привел московское войско, а московские сторонники привели своих козаков. Рада получилась такая, что перед ней старшине Хмельницкого нечего и думать было выступать с какими бы то ни было требованиями относительно украинской автономии — и на это рассчитывал Трубецкой. Он предложил новые статьи, присланные из Москвы. К старым «статьям Богдана Хмельницкого», то есть к тем резолюциям, какие были даны московским правительством на козацкие требования при присоединении к Москве, здесь сделаны были добавления и поправки. Гетман обязывался посылать войско, куда повелит царь, и без воли московского правительства никуда не посылать; сменять гетманов без царского указа воспрещалось, воспрещалось наказывать московских сторонников без московского следствия; людей, близких к Выговскому, велено под страхом смерти не допускать в раду, не давать каких-либо должностей; московские воеводы, кроме Киева, имели быть еще в Переяславе, Нежине, Чернигове, Брацлаве и Умани.

Эти добавления ограничивали и стесняли еще более украинскую автономию. Однако Хмельницкий и старшина, очутившись в руках Трубецкого и имея перед собой враждебную раду и мос-

ковское войско, не решились протестовать. Москва смешала все их расчеты, и они покорились, присягнули, но затаили гнев и негодование, что Москва так их подвела. Но, очевидно, не вникали глубже в условия своего поражения, своей слабости и московской победы — в свое отчуждение от народа, в то, что свою политику они основывали, как старый Хмельницкий, на заграничных союзах, а не на сознательной помощи и участии своего народа. Это осталось неосознанным ими, и они продолжали браться от Москвы к Польше, когда встречались с хитрой, своекорыстной московской политикой, рассчитанной на гибель украинской свободы, — и от Польши к Москве, когда народ поднимался против них, боясь польского владычества. И от каждой такой перемены политического курса новые беды обрушивались на украинский народ, росло отвращение к дальнейшей борьбе и усилиям, вражда к старшине и ее политике, и все теснее суживался вокруг Украины железный обруч польско-московского господства.

Прошло полгода. Отношения московского правительства к Польше расстроились, и оно задумало летом 1660 года поход в Галицию, чтобы оттянуть польские силы из Белоруссии. Московский воевода Шереметев двинулся с левобережными полками на Волынь; Хмельницкий с правобережными полками шел на соединение с ним южной границей, охраняя ее от татар. Но польские гетманы, получив большие силы из Крыма, врезались между Шереметевым и Хмельницким, напали на московское войско и окружили его со всех сторон, так что оно не могло даже снестись с Хмельницким. Продержавшись несколько дней, обескураженный Шереметев стал отступать назад, надеясь таким образом скорее встретиться с Хмельницким, и стал под Чудновым. Но с Хмельницким в это время вели переговоры поляки, убеждая отступить от Москвы и возобновить унию с Польшей. В этом же смысле влиял на него и Выговский, хотевший все-таки спасти Гадячскую унию. Не имея возможности соединиться с Шереметевым и видя перед собою польско-татарские войска, Хмельницкий стал колебаться. Старшина, обиженная поведением московских представителей в предшествовавших переговорах, не противилась соглашению с Польшей. Но поляки также не были дальновиднее московских политиков и, имея в виду трудное тогдашнее положение Украины, уже не соглашались возобновлять Гадячскую унию в таком виде, как она была составлена, а выбросили из нее все, что говорилось о Великом княжестве Русском. На такую обрезанную унию старшина не имела желаний соглашаться, но обстоятельства были не таковы, что-

бы можно было настаивать, и в конце концов старшина согласилась. Шереметев должен был сдаться полякам, выдал оружие, запасы и обещал вывести все московские войска и гарнизоны из Украины. Сорвал сердце на козаках, бывших с ним, — выдал их полякам и татарам, чтобы те не грабили и не брали в неволю московского войска. Этот поступок вызвал по всей Украине чрезвычайное огорчение и раздражение против Москвы.

86. Раздвоение Украины

Московские политики не одумались и теперь и не сочли нужным отступить от своей политики, чтобы привлечь на свою сторону украинское общество: удовлетворить его в сущности скромные желания, чтобы оно не склонялось в сторону Польши. Москва продолжала вести свою линию и ввиду украинской «шатости», наоборот, старалась забрать Украину как можно сильнее в свои руки, ввести своих чиновников, поставить всюду московские гарнизоны, взять все в свое управление. На ее счастье или несчастье поляки ничего не сделали, чтобы воспользоваться разгромом московских сил под Чудновым. Московские гарнизоны не были выведены из Украины. Усмирено было восстание украинского населения, которое, ближе присмотревшись теперь к московским людям, стало после чудновского погрома прогонять их и избивать. Походы, предпринятые затем поляками за Днепр, не только не расположили к ним здешнего населения, но наоборот, оно еще решительнее стало тяготеть к Москве, видя перед собой перспективу польского господства. В конце концов левобережные полковники — родственники Юрася, Яким Сомко, переяславский полковник, и Василь Золотаренко, нежинский — привели Левобережную Украину под московскую власть и стали просить разрешения на выбор нового гетмана на место Хмельницкого, так как каждый из них надеялся за свои заслуги перед Москвой получить гетманское достоинство.

Однако Москва оттягивала выбор, так как рассчитывала вернуть назад под свою власть и правобережные полки с Хмельницким. Тот действительно не знал, на что ему решиться. Окружавшая его старшина не имела желания возвращаться под московскую власть, после того как московское правительство отвергло ее желания относительно обеспечения украинской автономии. Но козаки и весь украинский народ не желали польского владычества. Хмельницкий просил польское правительство прислать побольше войска на Украину, чтобы удержать ее от даль-

нейших колебаний; но Польша не в состоянии была исполнить его просьбы, а те мелкие польские отряды, которые иногда приходили на Украину, только еще более отвращали население от Польши. А еще больше отбивала всякую охоту польская шляхта, равная на Украину в свои имения, выгонявшая оттуда казаков и так раздражавшая население своими претензиями, что Хмельницкий, в конце концов, велел выгонять и не пускать шляхту на Украину. Также не снискивала Хмельницкому расположения населения и Крымская

147. Юрась Хмельницкий
(современная гравюра)

орда, считавшаяся его союзником: татары грабили население, забирали в плен и поговаривали уже, что Украина должна быть, собственно, под властью Крыма. Некоторые из старшин, недовольные ни Москвой, ни Польшей, скупой на уступки и в то же время бессильной защитить своих сторонников, тоже были не прочь признать над собой власть крымского хана, — попробовать еще татарской протекции. Но население и слышать не хотело об этом.

В конце концов Хмельницкий, увидев, как со всех сторон против него поднимается раздражение и вражда, и не находя выхода из такого тяжелого положения, потерял охоту ко всему, и к своему гетманству в том числе. В начале 1663 года он сложил булаву и, чувствуя себя больным и неспособным к жизни, постригся в монахи. На его место гетманом избран был его зять Павел Тетеря, ловкий и хитрый интриган; рассказывали, что он купил себе булаву, раздав большие деньги старшине. Это был решительный сторонник Польши, и после избрания его гетманом московские политики должны были отложить надежду на привлечение на свою сторону правобережного гетмана.

В Левобережной Украине спорили из-за булавы Сомко и Золотаренко и все время созывали рады, так как тот из них, кому не удалось быть избранным, опротестовывал раду и добивался новой. Московское правительство водило их обоих, а между тем выдвигался новый кандидат на булаву и делался все более опасным конкурентом. Это был Иван Брюховецкий, запорожский кошевой. Он выступает как представитель Сечи, противник старшины, в духе Пушкаря и Барабаша. Уже осенью 1659 года, сделавшись кошевым, он принимает небывалый титул «кошевого гетмана». Играя на запорожских амбициях, он пропагандирует мысль, что булава по старым порядкам должна быть в руках Сечи, и запорожцы должны иметь первый голос при выборе гетмана. Вместе с тем в тон Запорожью, где собирался, главным образом, люд неимуций и неродовитый, он выступал против богачей-старшин и противопоставлял им себя как носителя настоящих запорожских традиций и в этом духе агитировал против Сомка и Золотаренка, как старшинских кандидатов. Именно его фигура воспета в славной думе про Ганжу Андыбера в образе «Феська Ганжи Андыбера, гетмана запорожского»: одетый голяком-козаком, шатается он по волости —

Козак-нетяга до города Черкас прибуває,
На козаку нетязі три сіром'язі,
Опанчина рогозова, поясина хмельовая;
На козаку, бідному нетязі, сап'янці — видні п'яти і пальці,
Де ступить, босої ноги слід пише...

Заходит в корчму, где пьют три «ляхи», «дуки-срібляники» (богачи): «Гаврило Довгополенко переяславський, Війтенко ніженський, Золотаренко чернігівський», т. е. Сомко с Золотаренком и прочей старшиной — и здесь козак-нетяга делается предметом их насмешек и издевательств. Но иными глазами начинают смотреть они на него, когда он «почав чересок виймати, увесь стіл червіцями устилати», а затем следует еще больший сюрприз:

Тоді-то козак, бідний нетяга, по кабаку походжає,
Кватирку одчиняє, на бистрії ріки поглядає, добре покликає:
«Ой ріки — каже — ви ріки низовії, поміщниці Дніпровії!
Тепер або мене зодягайте, або до себе приймайте!»
Оттоді оден козак іде, шати дорогії несе,
На його козацькі плечі надіває,
Другий козак іде, жовті сап'янці несе,
На його козацькі ноги надіває,
Третій козак іде, шличок козацький несе,

На його козацьку главу надіває.

Вони йому приношали і до його примовляли:

«Гей Фесько Андигере, батьку козацький, славний лицарє!

Доки тобі тута пустувати?

Час — пора йти Україну батькувати».

Тоді дуки-срібляники стиха словами промовляли:

«Ей, не єсть же се, братці, козак, бідний нетяга,

А єсть се Фесько Ганжа Андигер, гетьман запорозький!

Присунься ти до нас, кажуть, ближче,

Поклонимось ми тобі нижче,

Будем радитися, чи гаразд-добре на славній Україні проживати».

Но Андигер не нуждается в их обществе и заигрываниях. Он велит своим козакам дать им хорошую встряску, чтобы на будущее время не гордились перед беднотой:

«Ей козаки, каже, діти, друзі, молодці, прошу я вас, добре дбайте,

Сих дуків-срібляників за лоб наче волів із-за стола виводжайте,

Перед окнами покладайте, у три березини потягайте,

Щоб вони мене споминали, мене до віку пам'ятали».

В этой прекрасной думе в освещении запорожцев описана борьба за булаву их кошевого с «дуками», городскими полковниками, в которой он победил последних. Но боролся он не по-рыцарски, а доносами в Москву, несправедливо обвиняя противника в измене, а одновременно своей агитацией против старшины он рыл опасную пропасть в украинских отношениях, в интересах московской политики и во вред украинской жизни. Перед московскими кругами он заявлял себя человеком наиболее податливым для московских планов и этим подкапывался под главного противника своего Сомка. Увидев грозящую опасность, Золотаренко в последний момент соединился с Сомком, — но было уже поздно. На последнюю раду, назначенную на июль 1663 года под Нежином, Брюховецкий привел с собой толпы запорожцев и «черни» (простого козачества) из южных полков, державшихся солидарно с Запорожьем. Ввиду этого Сомко также привел с собою козаков и даже артиллерию. Рада с самого начала перешла в свалку; ее прервали, а за это время Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону козаков Сомка: они подняли бунт против своей старшины, и Сомко с прочей старшиной должны были искать убежища в обозе московского боярина, присланного на раду, а последний велел арестовать их как мятежников. После этого рада прошла спокойно, избран был Брюховецкий, московский воевода утвердил избрание, а Сомка, Золотаренка и еще нескольких судили за измену и казнили без всякой вины. Всей вообще старшине партия Брюховецкого после

этого дала почувствовать свою победу: у них отбирали всякие запасы и одежду — «барзо притуга великая на людей значных была», — говорит украинский летописец.

87. Замыслы Дорошенка

Таким образом с избранием Тетери и Брюховецкого Гетманщина разделилась на две части. Правобережная Украина осталась под верховенством Польши, Левобережная — под верховенством Москвы. Это еще более ослабило силы Украины и сделало почти безнадежным дело ее освобождения. Если оно встречалось с такими тяжелыми препятствиями до сих пор, хотя велось еще сравнительно со свежими силами и при том средствами всей Гетманщины, то еще труднее было вести его силами одной Правобережной или Левобережной Украины, — тем более что много энергии уходило на трение обеих частей. К тому же благодаря смутам, апатии, слабости политического сознания и тут и там наверх вышли и захватили в свои руки власть интриганы, честолюбцы, озабоченные не тем, чтобы вывести Украину из этого тяжелого положения, а лишь своими выгодами и честолюбием.

148. Иван Брюховецкий (рисунок в летописи Величка)

Но условия политической жизни были настолько тяжелы и трудны, что, выдвинувшись наверх с помощью интриг, нелегко было удержаться на этих верхах, и, первым выплыв, первым и почувствовал это на себе Тетеря. Получив булаву, он прежде всего начал убеждать короля предпринять поход за Днепр, чтобы завладеть и Левобережной Украиной. Король действительно предпринял эту последнюю попытку, и в конце года сам двинулся с довольно большим войском и с татарами за Днепр; жег и разорял встречные небольшие местечки, а более сильные укрепления обходил, и так дошел до Глухо-

ва, пробовал взять его, но не смог и отступил назад, услышав о приближении московского войска. Украинское население держалось враждебно по отношению к Польше, и большими потерями, без всяких положительных результатов, окончилась эта последняя попытка Польши вернуть себе заднепровскую Украину.

Во время этого похода враждебное Польше движение обнаружилось и в Правобережной Украине (в возбуждении к восстанию обвинен был Выговский и совершенно без-

149. Павел Тетеря (старая гравюра)

законно, на основании одних подозрений, был осужден военным судом на смерть и немедленно расстрелян для устрашения). Когда же московское войско с Брюховецким по следам короля перешло на правый берег, движение это приобрело еще более значительные размеры. Брюховецкий в этот момент мог легко подчинить себе всю Правобережную Украину, но он не позаботился об этом, а московское правительство и того менее, так как его тоже утомили эти бесконечные войны и оно не имело надежды удержать правобережные земли в своих руках. Польские войска, особенно суровый Чарнецкий, сжегший кости Богдана Хмельницкого, жестокими наказаниями старались подавить восстание, но оно разрасталось все более. Затем польское войско совсем ушло, так как понадобилось в других местах, и тогда Тетере пришлось еще хуже. Когда в начале 1665 года один из предводителей восстания, Дрозд, разбил его наголову, Тетеря собрал свое имущество, оставил Украину и вообще сошел с горизонта.

Так Правобережная Украина освободилась от Польши. Но она не имела охоты подчиняться снова Москве после всего того, что испытала. Тогда снова возникли планы — отдаться под по-

кровительство Крыма. Медведевский сотник Опара первый пошел этим путем: он объявил себя гетманом — вассалом хана и принял от него подтверждение на гетманство. Это случилось летом 1665 года. Затем татары устранили его и арестовали, а козакам в гетманы предложили более видную фигуру — Петра Дорошенка. Козаки признали его гетманом (в августе 1665 года). Это был действительно человек известный и уважаемый среди козаков, «з прадіда козак», как он говорил о себе. Полковником он был уже при Хмельницком, но только теперь выступает на первый план и на десять с лишком лет делается центральной фигурой украинской жизни.

Это был человек, несомненно, выдающегося характера, душою и телом преданный освобождению Украины; принимая булаву из ханских рук, он возвращался к старой идее Хмельницкого поставить Украину в нейтральное и независимое положение между Москвой, Польшей и Турцией и обеспечить ей полную независимость и автономию. Не довольствуясь покровительством хана, он по примеру Хмельницкого входит в непосредственные сношения с Турцией, чтобы заручиться ее поддержкой. Дорошенко признал султана своим верховным повелителем, а тот обещал ему помощь в освобождении всей Украины в ее этнографических границах — до Перемышля и Самбора, до Вислы и Немана, до Севска и Путивля. После этого хан получил от султана приказ во всем помогать Дорошенку.

С Польшей Дорошенко старался до времени не обострять отношений, но это не мешало ему прогонять польские отряды, где они еще были на Украине. Он очистил таким образом Брацлавские земли и подчинил их своей власти. Уничтожил также главного сторонника Москвы Дрозда.

Таким образом Правобережная Украина фактически стала свободной и нейтральной. Укрепившись здесь, имея за собой митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского, которого перед тем польское правительство выдержало два года в марьенбургской тюрьме и как раз теперь выпустило, Дорошенко вместе с ним составлял планы освобождения из-под московской власти Левобережной Украины. Заметив, что положение Брюховецкого становится непрочным, Дорошенко и Тукальский завели с ним сношения и стали его возбуждать против Москвы, подавая надежду, что Дорошенко готов отказаться от гетманства и передать его Брюховецкому, лишь бы Гетманщина объединилась снова. Брюховецкий, к тому времени очутившийся действительно в безвыходном положении, положился на помощь Дорошенка и татар и поднял восстание против Москвы.

Подобно Тетере, Брюховецкий, получив булаву, довольно скоро убедился, что одними интригами не так легко удержаться на гетманстве. Всячески подделывался он к Москве, чтобы иметь ее за собой. В 1665 году он лично отправился на поклон в Москву — этого московское правительство добивалось от прежних гетманов, но те всячески уклонялись от этого визита. Брюховецкий, представившись царю, просил, чтобы его женили в Москве на «московской девке», и его там действительно женили на дочери окольного Салтыкова и отпраздновали пышную свадьбу; выпросил себе двор в Москве и обещал держать там своего племянника в качестве заложника. А в конце концов, идя навстречу желаниям московских политиков, подал царю челобитную от себя и от имени старшины, чтобы царь взял непосредственно в свои руки управление Украины, собирал все доходы, для осуществления этой реформы выслал своих воевод на Украину с войском, а также прислал на Украину митрополита из Москвы. За такой подвиг Брюховецкий получил боярский чин и богатые пожалования, — между прочим, целая Шептаковская сотня в Северщине была ему пожалована. Но возвратившись на Украину, он скоро увидел, какое «углие огненное» собрал он на голову свою. Духовенство, старшина и простой народ, даже Запорожье — все поднялось против него. Духовенство было возмущено проектом подчинения его московской иерархии. Старшина страшно раздражена была этими неслыханными нарушениями украинских порядков, а еще больше тем, что Брюховецкий усвоил себе теперь привычку всяких неугодных ему людей отсылать в Москву, для отправки в ссылку. Простой народ Брюховецкий вооружил против себя тем, что, уступив собрание доходов Москве, он, возвратившись на Украину, постарался как можно больше собрать с населения в войсковую казну, пока приедут московские сборщики. По Украине пошел всеобщий ропот на вымогательства гетмана и всякие несправедливости, чинившиеся при этом. Запорожье, увидев все это, само стало выступать против своего недавнего ставленника, а Брюховецкий по старой привычке сейчас же стал наговаривать на запорожцев перед московским правительством, что они изменники. Когда приехали московские переписчики, переписали людей, земли, имущество и стали налагать московские подати и ставить московских сборщиков, раздражение против Брюховецкого и Москвы достигло крайних пределов: о таких высоких податях до тех пор не имели и понятия. Кроме того, сильнейшее неудовольствие на московское правительство поднималось еще и по поводу уступки Польше Правобережной Украины при заключении перемирия 1667 го-

да — московское правительство, дескать, поделилось Украиной с Польшей, не сдержало обещаний, данных при переходе Украины под царскую руку.

Поднималось восстание. Брюховецкий просил у Москвы войска, чтобы наказать всех непослушных как можно суровее: все взбунтовавшиеся города и села он предполагал вырезать, сжечь и уничтожить. Но тут уже и Москва не решилась следовать его советам, и Брюховецкий понял, что если это враждебное движение на Украине будет развиваться, то Москва не захочет его поддерживать, несмотря на все его заискивания.

Тогда-то он и решил с помощью Дорошенка самому стать во главе восстания против Москвы, чтобы таким путем снять с себя народную ненависть. Не подозревал, что Дорошенко хитрил с ним и отплачивал ему его же монетою за старые интриги. Подстрекая Брюховецкого против Москвы, Дорошенко одновременно вел сношения и с московским правительством. Вошел в то же время в соглашение и с Польшей под условием, что польские войска будут выведены из Украины, а Правобережная Украина признает королевскую власть; такого же соглашения хотел достигнуть и с Москвой, — чтобы московское правительство ограничилось подобной же верховной властью над Левобережной Украиной и фактически оставило ее в его исключительной власти. Ничего не зная об этих замыслах Дорошенка, Брюховецкий в начале 1668 года поднял восстание против Москвы. Старшина поддержала его. По всей Украине народ, которому надоели притеснения и самоуправство московских агентов и ратных людей, избивал их и изгонял. Брюховецкий рассылал свои универсалы, приказывая повсюду изгонять москалей, а воеводам советовал уходить из Украины, грозя войной в противном случае.

Московские гарнизоны, испуганные этим восстанием, действительно во многих местах добровольно уходили. Только в Киеве и Чернигове удержались московские отряды. К весне Брюховецкий готовился к войне с московским войском, двинувшимся из-за границы с боярином Ромодановским. На помощь ему пришли татары, а из-за Днепра шел Дорошенко — как думал Брюховецкий, ему на помощь. Но с дороги Дорошенко прислал к Брюховецкому своих посланцев с требованием отказаться от гетманства и отдать клейноды, обещая за то предоставить ему Гадяч в пожизненное владение. Это как громом поразило Брюховецкого. Он хотел сопротивляться, арестовал послов Дорошенка, но скоро подошел сам Дорошенко и стал около Опшны. Тут обнаружилось народное нерасположение к Брюховецкому; не спасло его и восстание против Москвы. Первыми бросили его

татары, затем козаки заявили, что не будут биться с Дорошенком, и бросились грабить обоз Брюховецкого. Схватили его самого и привели к Дорошенку — тот велел приковать его к пушке. При этом жест Дорошенка козаки приняли за приказ покончить с Брюховецким — бросились на него с чрезвычайным остервенением, били ружьями, копьями, «как бешеную собаку», сорвали с него одежду и бросили голого. Дорошенко велел отвезти его в Гадяч и похоронить в церкви, построенной Брюховецким. Затем двинулся против Ромодановского, но тот не решился выступать против него и ушел за границу.

150. Петр Дорошенко (рисунок из летописи Величка)

Таким образом в этот момент, весной 1668 года, вся гетманская Украина очутилась в руках Дорошенка. Счастье послужило ему. Положение его было в высшей степени благоприятное, он мог договариваться с Москвой и обеспечить Украине ее права и вольности. Его план обеспечения автономии Украины под верховенством Москвы и под протекцией Польши и Турции был близок к осуществлению. Но тут стряслась беда — как с Выговским после конотопской победы: Дорошенко вдруг ушел из Левобережной Украины. Рассказывали, что он получил из дому, из Чигирина, известие о своей жене — что она ему измекила, «через плит скочила, с младшим». Оставив наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Многогришного, Дорошенко отправился в Чигирин. И это испортило все дело.

После его отъезда Ромодановский с московским войском опять вступил в Северщину, и все, что тяготело к Москве или боялось сопротивляться ей — стало склоняться на ее сторону. В особенности в Северщине, смежной с московской границей, мало кто мог иметь надежду развязаться с Москвой: по всему видно было, что она не откажется добровольно от здешних земель, поэтому считали более благоразумным покориться, вместо того чтобы бороться и быть покоренными силою. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович, управлявший левобереж-

ными епархиями (так как Тукальского, избранного правобережными, Москва не признала митрополитом), выступил сторонником московского подданства и стал уговаривать и Многогришного, чтобы он поддался Ромодановскому. От Дорошенка не было помощи, и Многогришный, выждав еще некоторое время, в конце концов известил Ромодановского о своем согласии. Затем была созвана рада старшин в Новгород-Северске, и здесь Многогришный был избран гетманом; решено было признать власть московского государя, но обеспечить при этом украинскую автономию. После этого Многогришный принял титул «гетмана северского» и просил Барановича быть посредником между ним и Москвой в дальнейших сношениях, чтобы добиться от Москвы восстановления статей Богдана Хмельницкого, вывода московских воевод и войск из Украины: в таком случае они отдадутся под власть Москвы и разорвут союз с татарами, — иначе будут бороться до крайности, хотя бы пришлось погибнуть или уйти из Украины в Польшу. Все это были хорошие слова, но поздно было говорить их, уже поддавшись. Можно было торговаться с Москвой, держась заодно с Дорошенком. Теперь же московские политики, убедившись в возможности добиться уступок, ничего уже не хотели выпускать и начали тянуть, пока не поставили на своем.

88. Падение Дорошенка

Избрание Многогришного нанесло чувствительный удар Дорошенку. Не знал он, какое положение занять относительно этого факта, и не мирился с ним. Некоторое время игнорировал его вовсе — и это ставило Многогришного в затруднительное положение: он видел, что Дорошенко не хочет признать его, и это вынуждало его быть более уступчивым по отношению к Москве, а эта последняя вела теперь переговоры с обоими, испытывая уступчивость того и другого. Оба некоторое время держались одних требований относительно украинской автономии, но так как положение Многогришного было очень затруднительно, и Северщина, где его признали гетманом, фактически была в московских руках, то Многогришный не мог так твердо стоять на своем; все-таки он выказал много настойчивости и искренней преданности украинским интересам.

Московское правительство имело через своих воевод известия, подтверждавшие, что требования Дорошенка и Многогришного согласуются вполне с желаниями всего украинского насе-

151. Демьян Многогришный (рисунок в летописи Величка)

ления, — что оно также не хочет московских войск, воевод и чиновников, вообще никакой московской администрации. Так доносил самый авторитетный, доверенный представитель московской власти на Украине, киевский воевода Шереметев. Поэтому Многогришный так упорно стоял на своих требованиях. Но московские политики все-таки не хотели отступить от своих планов и предпочитали приводить украинцев под свою власть против их воли, пользуясь каждым тяжелым моментом в украинской жизни, чтобы расширять свое непосредственное участие в украинских делах. Теперь они решили принудить Многогришного к уступкам, и действительно он в конце концов уступил. В марте 1669 года на раде в Глухове были предложены новые московские статьи, долженствовавшие занять место статей Хмельницкого. Многогришный со старшиной и Барановичем и все присутствовавшие на раде усиленно противились вводу московских воевод и решительно не хотели принимать этих статей; так прошло несколько дней, но, наконец, 6 марта их сопротивление было сломлено. Московские воеводы, кроме Киева, вводились еще в Переяславе, Нежине, Чернигове и Остре, но под условием невмешательства в суд и в управление, исключительно в роли комендантов московских гарнизонов. В этом смысле был составлен договор, совершенно в форме международных отношений, как между двумя отдельными государствами, и подписан

152. Михаил Ханенко
(рисунок в летописи Величка)

ставленники, сначала Петр Суховиенко, прозванный Вдовиченком (1668), потом, когда его разгромил Дорошенко, на его место был избран на Запорожье Михаил Ханенко (1670). Эти запорожские гетманы вносили смуту в пограничные полки и причиняли много хлопот Дорошенку — привлекали на свою сторону татар и пробовали подорвать власть Дорошенка и на правом берегу Днепра; начиная с 1669 года он все время вынужден был вести мелкую войну с ними. Когда у Дорошенка испортились отношения с польским правительством, так как оно не хотело принять требования Дорошенка возобновить Гадяцкую унию и признать Правобережную Украину в исключительной власти козацкого войска — в переговоры с польским правительством вступил Ханенко. Он не требовал почти никаких принципиальных уступок, и польское правительство признало его гетманом вместо Дорошенка. Поддерживать его, правда, оно не было в состоянии, и Ханенко большой силы здесь не имел, но все-таки вредил Дорошенку и усложнял и без того затруднительное его положение.

С Многогришным, после утверждения его в гетманстве, Дорошенко, наоборот, примирился и поддерживал с ним отношения, — хотя и жаловался на таких «покутных гетманчиков». Они были единомышленниками в политических вопросах и в отношениях к Москве старались не мешать друг другу. Обоих

был обеими сторонами. После этого Многогришный был утвержден в гетманстве.

Сперва Многогришного признавала только Северщина с Киевом, затем на его сторону перешли также полки Прилукский и Переяславский. Южные полки сперва признавали Дорошенка, но затем из Запорожья стали выходить новые гетманы, запорожские

их очень смущало разделение Украины между Москвой и Польшей, завершённое перемирием 1667 года. В особенности занимал всех вопрос о Киеве, оставленном только на два года за Москвой и по истечении этого срока имевшем отойти к Польше. Москва, в конце концов, Киева не отдала, но на Украине все это время очень волновались и жаловались на Москву, на ее поведение относительно Украины; потом эти жалобы Многогришного на московскую политику послужили его врагам предлогом для его свержения.

Не будучи в состоянии прийти к какому-нибудь прочному соглашению ни с Москвой, ни с Польшей, Дорошенко все сильнее основывал свои надежды на Турции. Мысль о подданстве басурману была так ненавистна народу, что Дорошенко должен был скрывать от него свои отношения к султану. Опустошения, производимые на Украине его союзниками татарами, вызывали большое неудовольствие. Но в данных обстоятельствах Дорошенко не видел иного способа вывести Украину из тех дебрей, в каких она очутилась, и призывал султана исполнить свое обещание: помочь Украине освободиться от Польши. Напоминания эти долгое время оставались без результата. Но в 1671 году султан Магомет IV решил отправиться на Украину и исполнить свое обещание. В конце этого года он объявил Польше войну за то, что она нападает на земли султанского вассала Дорошенка, и весной 1672 года с большой армией двинулся на Украину. Впереди своей армии он отрядил крымского хана, и тот вместе с Дорошенком разогнал отряды польского войска, находившиеся на Украине, и козаков Ханенка. Сам султан осадил Каменец на Подолии; крепость была слабо защищена и скоро сдалась; после этого султан приступил к Львову. Польское правительство не отваживалось бороться с таким сильным противником и поспешило заключить мир: уступило Турции Подолию и обещало платить ежегодную дань; «Украину в прежних границах» признало за Дорошенком и обязалось вывести польские гарнизоны, остававшиеся еще там (Бучацкий трактат 7 октября 1672 года).

Так выполнена была одна половина планов Дорошенка: Украина освободилась от Польши. Казалось, что теперь не трудно будет осуществить и вторую половину: соединить обе половины Украины, под турецким и московским протекторатом, с полным обеспечением автономии Украины. Московское правительство, напуганное турецким походом, готово было пойти на уступки Дорошенку, чтобы он не привел турок на заднепровские земли: ходили слухи, что на следующий год турки обещали прид-

ти и завоевать ему Левобережную Украину. Созванный царем Земский собор постановил принять Дорошенка с Правобережной Украиной под царскую руку, так как Польша отказалась от нее по Бучацкому договору. Само собою разумеется, что при этом необходимо было исполнить требование Дорошенка. А Дорошенко добивался того же, что и в 1668 году: на всей Украине должен быть один гетман и ему должно быть подчинено также и Запорожье; воевод не должно быть нигде — даже и в Киеве; московское правительство будет охранять Украину, но во внутренние дела Украины не будет вмешиваться. Теперь Москва готова была согласиться на эти требования, но такое настроение продолжалось у нее недолго.

Прежде всего за Днепром не было уже единомышленника и союзника Дорошенка — Многогришного.

Он был не в ладах и со старшиной: та смотрела на него свысока, как на «мужицкого сына», и Многогришный, подозревая ее в различных интригах, временами допускал очень резкие выходы против старшин. Это приготовило ему падение: недовольная старшина составила против него заговор и, войдя в соглашение с местным московским гарнизоном, в марте 1672 года схватила его и выслала в Москву, обвиняя в измене и прося разрешения избрать нового гетмана. Хотя Многогришный ни в чем не был виноват, однако московское правительство отдало его на суд и пытки, а затем, отобрав все имущество, сослало его с семьей в Сибирь; там он со своими детьми жил очень долго, — пережил всех врагов, отправивших его туда. Старшине было разрешено избрать нового гетмана, и она произвела выборы за московской границей, под охраной московского войска, боясь восстания украинского населения ввиду такой изменнической и незаконной расправы с Многогришным. Гетманом избрала она Ивана Самойловича (Поповича, как его называли); при избрании выговорила, чтобы гетман не сменял старшину самовольно без войскового суда. В отношениях к Москве были возобновлены глуховские статьи, но из них вычеркнута была и последняя тень политической самостоятельности Украины: постановление, что на съезды по дипломатическим делам, касающимся Украины, должны посылаться украинские делегаты.

С новым гетманом у Дорошенка не было таких хороших отношений, как с Многогришным. Самойлович был чрезвычайно предупредителен к московскому правительству и пользовался его доверием, и боясь, что ему придется отказаться от булавы, если Москва придет к соглашению с Дорошенком, он всеми силами мешал соглашению ее с Дорошенком: советовал не ми-

риться с ним, а действовать оружием и, действительно достиг своей цели.

Соглашение с Дорошенком встретилось еще и с другими затруднениями. Хотя Польша и отказалась от Украины по Бучацкому договору, но в действительности отречься от нее не желала вовсе: не вывела своих гарнизонов из Украины и продолжала поддерживать Ханенка против Дорошенка, а московскому правительству заявила, что если Дорошенко будет принят под московскую власть, то она будет считать это нарушением перемирия. Москва с Польшей не хотела воевать, и это также затормозило соглашение ее с Дорошенком.

Между тем страх перед турками стал проходить. На другой год они не возобновили своего похода. Наоборот, гетман польский Собесский (выбранный потом королем за свои военные успехи) сам начал войну с турками и разбил их под Хотинном. Оказывалось, что турки не так страшны и нечего их бояться, а тем самым — нечего особенно церемониться и с Дорошенком. В глазах украинского народа поход турок 1671 года тоже не принес пользы Дорошенку, а, наоборот, жесточайшим образом повредил. До сих пор Дорошенко скрывал свое подданство Турции, теперь оно обнаружилось. Все, что сопровождало турецкий поход: обращение костелов в мечети на Подолии, рассказы об издевательствах турок над христианскими святынями, насильственное обращение христианских детей в магометанство — все это теперь ставилось в вину Дорошенку, так как он привел турок на Украину. На этом играли враги Дорошенка и восстанавливали против него народ; даже близкие ему люди решительно восставали против его турецкой политики.

Самойлович верно уловил момент, уговаривая Москву не мириться с Дорошенком, а воевать и покорить силой. Москва не желала войны и в конце концов приказала Ромодановскому отправиться с Самойловичем за Днепр, чтобы уладить дело с Дорошенком мирно, без войны. Но Самойлович во что бы то ни стало хотел окончательно доковать Дорошенка, чтобы тот не мог больше соперничать с ним: вместо того чтобы вступить в переговоры с Дорошенком, он с Ромодановским, вступив на правобережную территорию, начал привлекать на свою сторону старшину и население. Свой поход он начал с Канева, и действительно, и население и старшина, видя всеобщее нерасположение к Дорошенку, без сопротивления признавали власть Самойловича. Напрасно Дорошенко звал на помощь турок и татар; хан, как и при Хмельницком, был недоволен, что Дорошенко хочет командовать им через султана, и не спешил с помощью. Почти все оставили До-

рошенка, и он сидел беспомощный на своей Чигиринской горе. Но Самойлович даже не пошел на Чигирин: он совершенно игнорировал Дорошенка. В Каневе и Черкассах он поместил свои войска. Депутаты десяти тогдашних правобережных полков (Каневского, Белоцерковского, Корсунского, Черкасского, Павлоцкого, Кальницкого, Уманского, Брацлавского, Подольского и Торговицкого) признали над собой власть Самойловича и московскую протекцию. По приглашению Самойловича они прибыли в Переяславль и здесь 15 марта 1674 года, по предложению Ромодановского, «вольными и тихими голосами» (как гласит донесение московскому правительству) признали правобережным гетманом Самойловича. Ханенко, прибывший также на эту раду, передал ему и свои знаки гетманского достоинства. Так Самойлович был провозглашен единым гетманом всей Украины.

89. Руина

Дорошенко был так обескуражен этим неожиданным крахом, что потерял всякую энергию к продолжению борьбы. Отправил своего посла Ивана Мазепу поздравить Самойловича; и только укорял его, что он действовал против него, как против врага, не вступив предварительно в переговоры. Готов был сам признать власть Самойловича. Но в это время подоспели посланные от запорожского кошевого Сирка. Этот славный запорожский рыцарь, бывший перед этим сторонником Москвы, теперь сделался заклятым врагом ее, самолично испробовав московскую ссылку. Он советовал Дорошенку не ехать к Самойловичу, не поддаваться и обещал помощь запорожцев, не хотевших подчиняться Самойловичу. Пришло также известие, что Собесский будет избран королем в Польше, а он издавна поддерживал сношения с Дорошенком и советовал ему бросить Турцию и отдаться под протекцию Польши, приблизительно на тех условиях, какие в свое время предлагал Дорошенку. Пришло также и другое известие — что татары идут на помощь Дорошенку. Он решил бороться, но жалкое впечатление производили эти последние усилия его! Дорошенко послал Мазепу в Крым, прося поспешить с помощью. Других гонцов отправил к турецкому визирю с жалобой на бездействие хана; просил скорой помощи, грозя бросить Украину и уйти в Турцию, если не получит подкреплений в самом ближайшем времени. Действительно, дольше держаться было невозможно и нужно было дать роздых несчастному Правобережью. Но пришла турецкая орда,

и при ее помощи Дорошенко стал снова пскорять правобережные города, терроризируя несчастное население, отдавая татарам сопротивлявшихся. Однако как только он возвратился, а Самойлович прислал свое войско, — снова правобережное население отпало от Дорошенка. Самойлович подступил к Чигирину и осадил его. Положение Дорошенка было безвыходное: козаки уходили к Самойловичу; в Чигирине, как передавали, было с Дорошенком всего 5 тысяч козаков, да и из них было много недовольных его турецкой политикой. О Дорошенке говорили, что он заперся в малом замке и в крайности хочет сесть на бочку с порохом и, взорвав ее, покончить с собой. Но в это время пришло известие, что идут турки и татары на помощь. Самойлович бросил все и ушел за Днепр. Дорошенко спасся, но это ему мало помогло. Турки занялись наказанием непокорных на Подолии и в Брацлавщине, и их приход не только не помог Дорошенку, а еще более повредил, так как страх перед турками окончательно рассеялся после этого недостаточно энергичного выступления. Но Самойлович тоже не проявил необходимой энергии, чтобы упрочить свою власть на Правобережье, и так еще один год (1675) прошел в мелкой войне: то Дорошенко предпринимал карательную экспедицию, разорял села, подвергал экзекуциям население, принуждая к покорности, то с той же целью являлись полки Самойловича, и, в довершение всего, появились еще и польские отряды и начали принуждать население к подчинению Польше.

От всех этих походов и притязаний, от «руины» татарской, турецкой, польской, московской и своей украинское население в конце концов потеряло всякое терпение и начало вовсе покидать Правобережную Украину. Уже и раньше после первых козацких войн, всей тя-

153. Иван Самойлович
(рисунок в летописи Величка)

154. Петр Дорошенко (современная фламандская гравюра)

ковскую границу, в Слобожанщину, и это движение продолжалось в течение последующих десятилетий: еще более возросло в 1660-х годах, а теперь, в 1674—1676 годах, дошло до крайних пределов. Приднепровская Киевщина и Брацлавщина опустели совершенно, и даже из более отдаленных местностей население стало передвигаться за Днепр. Дорошенко увидел, что если движение будет таким образом продолжаться, то оно одно уже погубит все его планы — просто не над кем будет гетманствовать. Принимал он всякие меры: рассылал универсалы, увещевал, грозил, удерживал силой, велел не пускать за Днепр, даже разбивал отряды переселенцев и отдавал татарам, чтобы страхом отвлечь население от этого переселения — все напрасно. Уже в 1675 году Самойлович сообщал в Москву, что на Правобережье осталось очень мало населения. Так как в Левобережной Украине свободных земель оставалось очень немного, то население двигалось за московскую границу, в теперешнюю Харьковскую и Воронежскую губернии.

Дорошенко видел, что дело его проиграно бесповоротно, но хотел, по крайней мере, что-нибудь выговорить себе у московско-

жестью падавших, главным образом, на Правобережную Украину, жители последней уходили в большом количестве на Заднепровье, после же того, как проиграно было великое восстание 1648—1649 годов (Хмельницкого), это движение украинского населения за Днепр принимало все более массовые размеры: целые села снимались с места и бросали Правобережную Украину, не желая возвращаться под власть помещиков, не перенося этой вечной военной тревоги, не прекращавшейся и не дававшей надежды на прекращение.

Уходили за Днепр, все далее и далее, за мос-

го правительства — сохранить гетманство хотя бы в какой-нибудь части Украины, и держался до последней возможности, чтобы вырвать эту уступку. Трагическое впечатление производит этот «последний козак» на своей Чигиринской горе, оставленный всеми, среди опустевшего края, с горстью своих наемных козаков «серденят».

Но уже все менее и менее оставалось энергии в нем самом. Самойлович решительно противился всяким уступкам, и московское правительство также стало на ту точку зрения, что единственным гетманом для всей Украины должен остаться Самойлович, а Дорошенко должен отдаться под его «регімент». Переговоры тянулись, московское правительство хотело окончить дело по возможности мирно, чтобы не навлечь турецкого нашествия. Дорошенко напрасно призывал турок спасти его. Сирко, спасая своего союзника, выступил со старой запорожской теорией, что дело надо передать на решение Запорожья: оно должно избирать гетмана, и оно же должно решить и данный вопрос. Дорошенко передал свои клейноды запорожцам, и Сирко собирался созвать общую раду для нового избрания гетмана. Но Самойлович не хотел, конечно, признавать этих запорожских претензий. Весной 1676 года он отправил за Днепр черниговского полковника Борковского, чтобы покончить дело; но Дорошенко не сдался, а Борковский не решился приступить к Чигирину. Тогда под осень отправился сам Самойлович с Ромодановским с большими силами. Дорошенко призывал турок и татар — они не явились. Тогда он решил, что час его пробил и ему следует покориться окончательно, не затягивая этой безнадежной усобицы. Он вышел из Чигиринского замка навстречу передовому полку Самойловича, а затем отправился за Днепр, сложил клейноды перед войском, и они были переданы Самойловичу. Это было в сентябре 1676 года. Политическая роль Дорошенка была окончена. Он выговорил себе только, чтобы ему дали спокойно и свободно доживать свой век, но и этого условия московское правительство не исполнило: выписало его в Москву, не обращая внимания на горькие жалобы Дорошенка и самого Самойловича. В Москве продержали его несколько лет под почетным арестом, затем послали воеводой в Вятку (1679—1682), и уже после этого дали ему поместье Ярополче в Волоколамском уезде — доживать свой век на покое, а на Украину так и не пустили.

Занеміг славний Дорошенко, сидячи в неволі,
Та й умер з нудьги — остигло волочить кайдани!
І забули на Вкраїні славного гетьмана.

Он умер в 1698 году, пережив и своего союзника Сирка, умершего в 1680 году, и противника Самойловича, окончившего свою жизнь в ссылке в Сибири.

90. «Згін» и новое козачество на Правобережье

Сдачей Дорошенка, однако, не был еще разрешен вопрос о Правобережной Украине. Самойлович напрасно рассчитывал сделаться гетманом обеих сторон Днепра. Турция, не поддержав своевременно Дорошенка, не хотела выпускать Правобережной Украины из своих рук, Польша тоже — и так борьба из-за несчастной, почти совершенно опустевшей страны продолжала тянуться без всякой надежды на завершение.

Узнав о капитуляции Дорошенка, турецкое правительство задумало поставить на его место, в качестве своего вассала, Юрася Хмельницкого: во время похода на Украину в 1672 году турки захватили его в плен, привезли в Константинополь и здесь держали в заключении; теперь султан приказал патриарху снять с него монашеский чин и послал с войском на Украину в качестве гетмана. Летом 1677 года турецкое войско пришло с ним к Чигирину. Там находился московский гарнизон; Ромодановский и Самойлович отправились к нему навстречу — тогда турки отступили. Но на следующий год они начали готовиться к новому походу, а от Москвы требовали, чтобы она решительно отказалась от Правобережной Украины. Это очень встревожило московское правительство, и оно действительно намерено было оставить Правобережье, чтобы не накликать войны с Турцией. Но Самойлович не хотел согласиться на это. Тогда Ромодановскому была дана секретная инструкция — на случай нового прихода турок отправиться с Самойловичем к Чигирину, но до войны не доводить, а войти с турками в соглашение, чтобы они не ставили своих крепостей за Днепром, уничтожить Чигирин и забрать оттуда людей. Летом 1678 года турки действительно пришли и осадили Чигирин; чигиринский гарнизон, не зная тайной московской инструкции, стойко защищался, — пока совершенно неожиданно не получил от Ромодановского приказа выйти из Чигирина и уничтожить замок. Заложив мины, гарнизон вышел, и затем взрыв уничтожил Чигиринскую крепость; при этом погибло много турок, спешивших занять замок. Остатки населения насильно переведены были за Днепр.

На Украине всем этим были очень недовольны и высказывали сильные нарекания на Москву, с легким сердцем опустошившую и продавшую врагам страну, население которой вручило себя ее защите. Перегнанных из-за Днепра правобережцев Самойлович проектировал поселить в Слободской Украине с тем, чтобы она отдала была под его гетманскую власть взамен Правобережной Украины. Но московское правительство не соглашалось на такую компенсацию, так как эти слободские украинские земли состояли под непосредственной властью московских приказов. Тогда Самойлович поселил правобережцев на степном пограничье, над рекой Орелью. Эти принудительные перегоны людей с правого берега сохранились в памяти народной под названием «Згона».

155. П. Дорошенко (с портрета в Волоколамском монастыре, где он похоронен)

Пустыней Правобережье оставалось недолго. Новый польский король Ян Собесский, избранный в 1676 году, собирался предпринять войну с Турцией, чтобы вернуть обратно Подолию. В этих видах Польша старалась заручиться поддержкой московского правительства: окончательно уступила Москве Киев, за сумму 200 тысяч рублей, заключила вечный мир в 1680 году и приглашала к совместным действиям против Турции. Но одновременно Москва вела переговоры о мирном трактате с Турцией. Московские бояре запрашивали по этому вопросу Самойловича, и он решительно советовал не доверяться полякам, не вступать с ними в союз, а войти в соглашение с Турцией и при этом выговорить у нее земли от Днепра до Днестра или хотя бы до Буга. Московское правительство приняло этот совет, но хан воспротивился, и в конце концов было решено границей принять Днепр, а

земли между Днепром и Бугом оставить незаселенными. В таком смысле составлен договор между Москвой и Турцией в 1681 году; но при подтверждении его в Константинополе эта статья, оставлявшая земли между Днепром и Бугом незаселенными, была вычеркнута, так как турецкое правительство намеревалось их заселить.

Это, однако, ему очень плохо удавалось. После чигиринских походов 1677—1678 годов турки оставили Правобережную Украину под управлением Юрася Хмельницкого, надеясь, что его славное имя привлечет к нему население, но Юрась, кроме славного имени, ничего другого не имел и не был в состоянии достигнуть ничего положительного в таких тяжелых условиях. В 1681 году турки отозвали его и поручили Украину управлению молдавского воеводы Дуки¹, и тот через посредство своих агентов занялся колонизацией этого края, призывая поселенцев и обещая им долголетние льготы. На эти призывы стали являться поселенцы обратно из-за Днепра, убедившись, что тамошние условия жизни тоже не очень привлекательны. Но Дуку схватили поляки в 1683 году, и на этом кончилась его колонизационная деятельность, а после него турки не сумели достигнуть никаких успехов в заселении этого края, хотя и делали разные попытки.

С гораздо большим успехом вели заселение Правобережной Украины разные колонизаторы, действовавшие по поручению польского правительства. Собесский для своих войн с Турцией нуждался в козацком войске, и разные лица собирали козачков по его поручению. Козаки участвовали в походе Собесского 1683 года, когда он ходил выручать Вену от турок, оказали ему весьма ценные услуги, и он находил очень желательным заселить Приднепровье поселенцами, которые могли бы нести козацкую службу. В 1684 году Собесский определил для козацких поселений земли на юг от р. Роси, обещая поселенцам разные права и льготы, и его распоряжения затем подтвердил сейм (1685). Организацией заселения занялось несколько лиц, принявших звание полковников здешних полков. Искра в Корсуне, Самусь в Богуславе, Абазин на Побужье, а Семен Гурко, прозван-

---

¹ Украинский летописец Величко рассказывает, что Юрась Хмельницкий потом еще раз был прислан на Украину, после Дуки, но кончил плачевно: он замучил одного богатого немировского еврея, и турки приговорили его за это к смерти и удавили в Каменце. Но это довольно сомнительный рассказ — из других источников мы ничего не знаем об этом возвращении Ю. Хмельницкого.

ный Палием, наиболее известный из них, занял окрестности Фастова, между р. Росью и тогдашней границей Гетманщины. К ним массами двинулся народ с правого берега — из Полесья, из Волыни, Подолии, и из левобережных полков, особенно соседних южных: Гадячского, Лубенского, Миргородского. Как раньше население уходило с правого берега на левый, так теперь шло оно назад; местные власти устраивали заставы и караулы, чтобы силой задерживать и возвращать переселенцев, но не могли удержать этого движения. Именно в это время в Левобережной Украине старшина, воспользовавшись наплывом новых поселенцев, начала усиленно вводить разные повинности и налоги с крестьянского населения, стеснять крестьян в землевладении. Недовольное этим население двинулось теперь на призывы Палия и других полковников огромной массой на вольные земли. В каких-нибудь три-четыре года снова появилось значительное козацкое население и козацкое войско на Правобережье. Это было кстати Собесскому, пользовавшемуся козацкой помощью в своих войнах с Турцией; но новое население не было расположено укладываться в рамки польского режима, и уже с 1688 года Палий и другие полковники начинают старания — присоединить восстановленные правобережные полки к Левобережной Гетманщине.

91. В Гетманщине

В то время как Правобережная Украина переживала такие резкие перемены, такие страшные катастрофы, переходила из польских рук в московские, из московских в турецкие, пустела и заселялась, умирала и оживала, стонала под экзекуциями и снова возрождалась при первом дуновении свободы, неумиряющая, как сама жизнь — жизнь Левобережной Украины тихо и постепенно катилась под гору, приближаясь к закату своей политической и общественной свободы. С 1668 года, от восстания Брюховецкого, в продолжение нескольких десятков лет она не переживала никаких смут, никаких сильных потрясений. Келейно и конспиративно убрала старшина неприятного ей «мужичьего сына» и посадила на его место ловкого и осторожного Поповича, — так же точно, спустя пятнадцать лет, келейно покончила она с Поповичем и заменила его Мазепой. Келейно упразднила или позволила московскому правительству упразднить остатки украинских политических прав и покорно исполняла требования московских правителей.

Имея перед собой пример Многогришного, бедствовавшего в Сибири, «скитаясь меж дворов и помирая геледною смертью», как он описывал в своих челобитных, — осторожный Самойлович старательно избегал всего, что могло бы возбудить против него неудовольствие московских правителей. Сыновей своих он выслал в Москву — это служило к их пользе, так как они снискивали здесь расположение московских правителей, которое могло им пригодиться впоследствии, и одновременно свидетельствовало о верности их отца. Сыновей этих Самойлович потом провел в полковники: один был стародубским, другой черниговским; третьим полковником — гадячским — был его племянник; дочь свою Самойлович выдал за боярина Ф. Шереметева и исходатайствовал, чтобы его прислали воеводой в Киев. И Москва ценила службу верного гетмана и его благоразумные советы, не обращала внимания на доносы, которые от времени до времени поступали на него, — и казалось Самойловичу, что он может быть вполне спокоен относительно своей булавы; недругов своих он победил, окружил себя родственниками, обеспечил себя царскою милостью.

Правда, за эту милость Самойловичу приходилось иногда исполнять очень неприятные поручения, а его просьбы, затрагивавшие московскую политику, оставались без удовлетворения; знаем уже, как окончилась его просьба о передаче под его «регімент» слободских полков; таких случаев было немало. Пришлось ему устроить для московского правительства то, чего до сих пор никто не хотел сделать — привести киевскую митрополию в подчинение московского патриарха.

Когда умер Тукальский (1684), московское правительство поручило Самойловичу провести на митрополию такого человека, который принял бы посвящение от московского патриарха и признал его власть. Самойлович нашел такого кандидата в лице своего родственника Гедсона князя Святополка-Четвертинского, епископа луцкого, и обставил дело так, что его избрали митрополитом, обойдя Барановича, которого не любил Самойлович. Последний просил только московское правительство, чтобы оно само уладило дело с царьградским патриархом, из власти которого киевский митрополит должен был перейти под власть патриарха московского. Московское правительство обратилось к патриарху, но тот оказал неожиданное сопротивление: говорил, что не может решать без участия других патриархов. Тогда московские политики поручили это дело турецкому визирю, и тот произвел «давление» на патриархов, так что они должны были дать согласие (Турция в это время заискивала у Москвы, чтобы она

не присоединялась к союзу, который организовал против турок Собеский). Так уничтожена была автономия украинской церкви, и она перешла под власть московской иерархии, а вместе с нею также и вся тогдашняя духовная и культурная жизнь Украины.

Но все эти услуги и заслуги перед московскими правителями, в конце концов, не спасли Самойловича от печального конца. Полагаясь на московское покровительство, этот когда-то «добрый и ко всем людям расположенный и благосклонный» Попович начал забываться.

Он стал править всем самовластно, без совета старшин, обращался с ними свысока, за должности брал взятки, очень зазнался и, как подозревали — задумывал передать после себя булаву сыну и сделать гетманство наследственным в своем роде. Все это вооружило против него старшин, и они ждали только случая, чтобы повести против него интригу, как и против его предшественника. И благоприятный случай совершенно неожиданно представился.

Несмотря на убеждения Самойловича, московское правительство, в конце концов, заключило союз с Польшей против Турции. В 1686 году оно заключило с Польшей вечный мир (при этом доплатило за Киев еще раз 146 тысяч рублей) и обещало воевать с Крымской ордой, чтобы отвлечь ее в тот момент, когда Польша с Австрией и Венецией откроют военные действия против Турции. Самойлович довольно неодобрительно отзывался об этом плане, тем более что при этом от Польши не удалось получить отречения от ее претензий на правый берег Днепра, как этого хотел Самойлович. Но, в конце концов, раз дело было кончено, изменить его было нельзя, и нужно было идти в поход на Крым

156. Митрополит
Иосиф Нелюбович-Тукальский

вместе с московским войском, с которым шел тогдашний руководитель московской политики боярин Вас. Голицын, любимец царевны Софьи — тогдашней правительницы, которая правила именем своих малолетних братьев — царевичей Ивана и Петра.

Зная условия степной войны, Самойлович дал очень дельные советы, как надо было повести этот поход: выступать ранней весной и с большими силами. Но советы эти не были исполнены, поход был снаряжен поздно, когда уже высохла трава; татары выжгли степь, и войскам пришлось возвратиться назад ни с чем. Это очень опечалило Голицына, так как грозило пошатнуть его положение; ему надо было найти, на кого бы сложить вину неудачи. И вот старшина, сообразив все это, на возвратном пути из похода подала Голицыну донос на Самойловича, обвиняя его в том, что он нарочно подстроил все, чтобы поход не удался, так как вообще несочувственно относился к Москве, а в особенности к ее союзу с Польшей и войне с Крымом. Хотя все это было совершенная ложь, царевна с Голицыным, не принимая в расчет заслуг старого гетмана, ухватились за этот донос, чтобы свалить на него вину похода. Голицыну поручено было отставить Самойловича от гетманства, ввиду неудовольствия против него старшины, выслать его с семьей в Москву и избрать на его место нового гетмана. После этого Самойлович был арестован и вместе со старшим сыном выслан без суда в Сибирь; имущество его было конфисковано и разделено пополам — одна половина поступила в царскую казну, другая — в войсковой скарб. Младший сын Самойловича, черниговский полковник, за то, что «бунтовал» — пробовал сопротивляться при аресте — был отдан под суд, приговорен к смерти и бесчеловечно казнен в Севске. Старик Самойлович спустя два года умер в ссылке, в Тобольске.

Между тем при первом известии об аресте Самойловича в козацком войске и по полкам на Украине начались восстания против старшины: в лагере под Кодаком прилукские козаки бросили своего полковника и полкового судью в огонь и засыпали землей; в Гадячском полку убили нескольких старшин; в других грабили старшину, арендаторов и других людей, «приятелей бывшего гетмана». Ввиду этого старшина просила скорейшего избрания гетмана, вместо временно поставленного, «наказного» гетмана Борковского. Очевидно, дело с избранием было улажено заранее — Иваном Мазепой. Он обещал Голицыну 10 тысяч рублей за свое избрание, и под давлением всемогущего тогда Голицына кандидатура Мазепы не встретила никаких препятствий. Перед радой приняты были статьи — старые глу-

ховские (1669) с некоторыми изменениями; утверждены были за старшиной поместья, розданные ей царями и гетманами; решено было, что гетман не может отбирать от старшины должностей без царского указа, чтобы теснее связать Украину с Москвой, решено было принимать меры к развитию смешанных браков между украинским и московским населением и переселений из украинских городов в московские, но в статьи эти последние решения не были включены. После этого Голицын рекомендовал старшине избрать Мазепу, что старшина и исполнила (25 июля 1687).

Новый гетман Иван Степанович Мазепа происходил из украинской шляхты окрестностей Белой Церкви. Он родился около 1640 года, и мальчиком был отослан к королевскому двору; в 1659—1663 годах его посылают уже оттуда с различными поручениями на Украину. Затем он оставил королевский двор (этот шаг связывают с его любовным приключением, воспетым столькими поэтами); поселившись на Украине и вступив в козацкое войско, он стал здесь близким человеком к Дорошенку, затем в 1675 году был схвачен на пути в Крым, куда ехал с поручениями Дорошенка, и очутился на Левобережной Украине; здесь вошел в доверие у гетмана Самойловича и у Москвы и в момент падения Самойловича был генеральным есаулом.

92. Старшина и общество

Смена гетмана не произвела перемены в украинской жизни: Мазепа шел по стопам своего предшественника, тем проторенным путем, которым пошла вся левобережная старшина, жаждавшая покоя и благосостояния после десятилетий тревожной и безуспешной борьбы. Падение Дорошенка послужило для нее уроком — и одновременно показателем новых условий. Это был последний деятель эпохи Хмельницкого, последний представитель великой эпохи украинского освобождения, и те крайние средства, за которые хватался он для его осуществления, и судьба, постигшая его — покинутого всеми, возненавиденного народом, — наводила современников на мысль, что Украине нет выхода из московской зависимости. Считали невозможным бороться с силами Москвы, имея против себя население, враждебно настроенное против старшины по мотивам социальным и подозрительно относившееся к самым чистым политическим побуждениям ее, и такое же враждебное и подозрительное Запорожье. Легче было плыть на московском буксире и пользоваться

милостями московских правителей для собственного благополучия.

Ограничивая политические свободы Украины, добиваясь все новых и новых уступок от старшины в политических вопросах, московское правительство предупредительно шло навстречу ее желаниям и просьбам, касавшимся поместий и имений, и в эту сторону направляли интересы старшины. Создать на Украине владельческий, помещичий класс, закрепить ее крестьянское население — это значило приблизить Украину к такому же помещицкому, рабовладельческому строю Московского государства. Вместе с тем это усиливало вражду между украинским народом и политическими руководителями украинской жизни и все более углубляло разделявшую их пропасть. Парализовало и свободолюбивую народную массу — «род сицев иже свободы хочет», как писал об Украине старик Баранович, — этот народ, не желавший покоряться московским порядкам, как он доказал это восстанием 1669 года. И одновременно, отдавая в неволю старшине народ, отдавало старшину в руки московского правительства. Вершители московской политики хорошо понимали, какое впечатление на старшину будет производить сознание, что ключи к ее экономическому положению лежат в руках Москвы и последняя во всякое время может поднять против нее этот порабощенный народ.

Московское правительство знало, что делало, щедро раздавая поместья старшине за верную службу и утверждая гетманские пожалования: оно налагало этим прочное иго на старшину. Но иго это было сладко, и старшина с удовольствием принимала его и легко шла в нем тем путем, какой указывало ей московское правительство. Она превращалась в помещичий класс, захватывала земли свободные перед тем или считавшиеся войсковыми; закрепощала крестьян и козаков и верно служила московскому правительству за содействие в этого рода делах. И такую же линию ведут гетманы — избранники старшины — Самойлович и Мазепа. Покорно подчиняясь московской власти и исполняя ее волю, они служили интересам старшины, содействовали ей в этом процессе присвоения войсковых земель и закрепощения населения, не соображая или не задумываясь над тем, какой опасный разлад создавал этот новый общественный процесс на Украине, лишая почвы всякую политическую работу, исключая всякую возможность ее. Эпоха Самойловича и Мазепы, охватившая в сумме почти сорок лет — годы, когда решалась судьба свободного строя, созданного великим восстанием 1648—1649 годов, — именно ознаменовалась созданием на развалинах этого

незавершенного свободного строя новой неволи украинского населения, разрушившей затем все остатки и начатки свободного политического строя.

Шло это двумя указанными путями — захватом земель и закрепощением населения.

После великого восстания 1648—1649 годов, по изгнании помещиков, в Левобережной Украине образовалось огромное количество свободных земель, которые население занимало свободной заимкой, сбразую поселения, хутора, обрабатывая столько земли, сколько могло осилить, и создавая совершенно новые экономические отношения и нормы. Но хотя казалось, что весь старый панский строй был «скасован козацкой саблей», — остатки его пережили восстание, и когда пронеслась первая буря, они сейчас начали оживать и разрастаться, заглушая первые всходы нового, еще слабого, неоформленного строя. Остались поместья православных монастырей и церквей, в которых хозяйничали по-старому. Сохранили свои поместья некоторые шляхтичи, присоединившиеся к козацкому войску и выпросившие себе пожалования на свои поместья от царского правительства. По их примеру начали испрашивать себе грамоты на поместья и козацкие старшины.

Заняв место польской шляхты в управлении краем, козацкая старшина, как уже было отмечено, склонна была считать себя привилегированным классом, призванным занять место шляхты в общественно-экономических отношениях.

Старшинские роды принимают шляхетские гербы, отыскивают или сочиняют себе родословные, выводя свой род от различных шляхетских родов Польши и Литвы. Вследствие отсутствия кодификации, нормирующей новые общественные и экономические отношения, они в своей юридической практике — в судах городских и козацких, и в практике административной обращаются к старым сборникам законов — Литовскому статуту, немецкому магдебургскому городскому праву, и из них старые понятия о владельческих правах начинают проникать в новые отношения, пропитывают их и подтачивают самые основы нового строя, и постепенно вводят его в старые колеи. На основе этих старых норм росли и укреплялись права старшины на землю и претензии на крестьянское некозацье население.

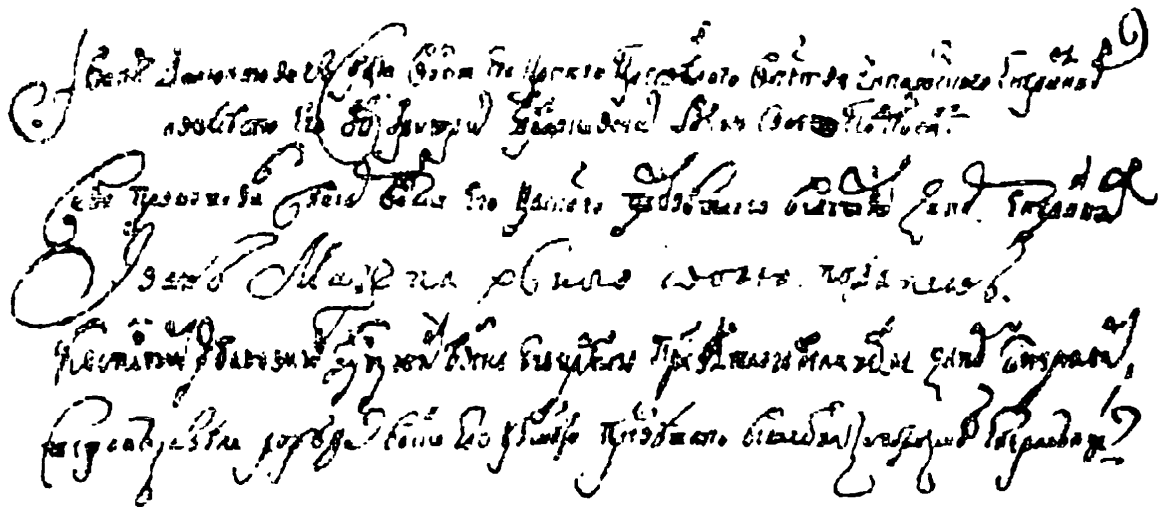
Свободные, незанятые земли старшина присваивала без всяких формальностей, подобно тому как делали это казаки и крестьяне — только заимки свои производила в гораздо больших размерах, рассчитанных не на работу собственных рук, а на крестьянскую, крепостную. Не удовлетворяясь землями пустопо-

рожными, старшины выпрашивают от гетмана, полковников, а то и от царского правительства, земли населенные, на которых жили свободные крестьяне и хозяйничали на своих землях, как на собственных. Неожиданно эти крестьяне со своими землями оказывались в руках «пана» — старшины, и если этому пану удавалось получить пожалование за какую-нибудь заслугу от царского правительства — судьба их решалась навеки: подобно тому, как в польские времена пожалование сейма или короля отдавало земли и их свободных поселенцев во владение польского шляхтича. Мы знаем уже, что в 1687 году за старшиной огулом было утверждено все, что успела она выпросить за это время у гетмана: старшина добивалась тогда, чтобы царское правительство и на будущее время дало свою санкцию на все пожалования, какие будут сделаны гетманом и высшей старшиной, а также на земли купленные; но на такое общее подтверждение будущих приобретений старшины московское правительство не согласилось, предоставляя заинтересованным испрашивать каждый раз отдельное подтверждение, а значит и снискивать расположение московского правительства специальными услугами.

Низшая старшина, не имевшая возможности заявить себя заслугами перед царским правительством, принуждена была обходиться без царских подтверждений, довольствуясь фактическим владением, а также расширяла свои захваты покупкой: «покупала» от крестьян и козаков их земли за бесценно, пользуясь тяжелыми временами или стеснив всячески владельца, даже просто принудив его к продаже — так что формой покупки прикрывалось очень часто полное насилие. Так как козаки собственно не имели права продавать свои земли, то предварительно они

157. Самойлович
(со старого портрета)

158. Подписи генеральной старшины на присяжном листе 1682 года (Домонтовича, Прокоповича, Мазепы и других)

обращались в крестьянское состояние, иногда против их воли. Особенно часто старшина стала прибегать к этим операциям позже, после Мазепы, когда не стало свободных земель.

Благодаря применению всех этих способов, в руках старшины собралась огромная масса земель. Действительно, «не стало бідному козаку-нетязі и коня попасти», — как жаловалась старая дума. А между тем смуты и войны в шестидесятых и семидесятых годах гнали все новые и новые массы населения с правого берега в Гетманщину. Весь этот народ, не находя свободных земель, должен был селиться на землях панских, церковных, старшинских, принимая на себя разные обязанности, дани и работы в пользу своего «пана». Сначала их скромно называют «підсусідками», но затем в полную силу входит обыкновенное «подданство».

Уже при Самойловиче старшина без церемоний начинает говорить о подданских повинностях людей, живших на ее землях, и те повинности, которыми облагались новые поселенцы, начинают переноситься и на старых владельцев, живших на своих землях и доставшихся какому-нибудь «пану» — старшине в составе целого имения — в собственность или владение, связанное с войсковой должностью (такие имения, связанные с какой-нибудь должностью, назывались ранговыми). Для этого уравнения повинностей старшина старается преградить дорогу крестьянам в козачество — совершенно так, как польские помещики перед восстанием Хмельницкого. После восстания 1648 года вольно было записываться в козаки каждому, кто хотел и имел возможность служить на свой счет в войске. Теперь заводится

«компут» (рестр), и лицо, не вписанное в этот компут, не могло сделаться козаком, а оставалось «посполитым», крестьянином. Эти крестьяне облагаются данями и податями, а если они оказывают сопротивление, то их разными способами стараются выжить — устранить с их земель, на которых они чувствовали себя собственниками, а на их место поселяли новопришедших, на условиях, которые им ставились «паном», или без условий — «так, как все»; и так понемногу крестьянское население подводилось под новые крепостные порядки.

Правление Самойловича, когда население неудержимо двигалось из правобережных земель в левобережные, а затем перегонялось и силой, — было именно периодом, когда гетманское правительство начинает со своей стороны также приводить крестьянское население к «обыклову послушенству» их панам. В эти времена «послушенство» это не было еще тяжело: крестьяне должны были помогать при покосе, устраивать запруды для мельниц и тому подобное. Но раз взяв крестьян в свои руки, преградив им заставами дорогу назад на Правобережье, новые помещики повели дело быстро, и уже в универсалах Мазепы первых годов XVIII в. (1701) признается законной панщиной — два дня в неделю и, кроме того, овсяная дань, и это для крестьян, живших на своих землях, не бывших «підсусідками».

Ой горе нам, не Гетьманщина —
Надокучила вража панщина,
Що ходячи поїси, сидячи виспишся!
Як на панщину йду — торбу хліба несу,
А з панщини йду, — ані кришечки,
Обливають мене дрібні слізочки... —

вспоминает песня.

Конечно, эта новая панщина сильно раздражала крестьянство, у которого еще свежи были воспоминания о том, как оно хозяйничало на вольной земле, не зная панов. Горькая злоба поднималась в нем против старшины, так хитро и быстро умевшей захватить все в свои руки. Особенно раздражено было население против гетмана Мазепы, подозревая, что это он, как шляхтич и «поляк», как его называли, решил завести на Украине польские панские порядки. С большим подозрением относилось оно и ко всем мероприятиям и действиям старшины, но не видело в развивавшемся перед его глазами общественном прогрессе руки московского правительства и даже готово было верить, что все это происходит против его воли. С особенной также симпатией относилось оно к вождям правобережного коза-

чества, в особенности к Палию, чтя его как верного представителя свободолюбивого и вольного козачества в противоположность Мазепе.

Мазепа и старшина или не понимали значения этих настроений, или не умели их предотвратить. Зная народное неудовольствие и недоверие, они не доверяли даже козакам и наряду с козацкими полками заводили себе наемные полки, из всякого сброда — так называемых «сердюков» и «компанейцев»; просили также у московского правительства московского войска для Украины. Но не предпринимали ничего, чтобы устранить причины народного неудовольствия, и их отчуждение от народа и простого козачества все усиливалось и дало им себя очень сильно почувствовать позже, когда им пришлось встретиться с московским правительством, на буксире которого они так долго и спокойно плыли.

93. Правление Мазепы

Первые годы гетманства Мазепы являлись как бы продолжением гетманства Самойловича. Продолжалось созидание при помощи московского правительства и гетманского «регимента» помещичьего, старшинского класса, и последний, как и сам гетман, со всяческой точностью держались московского курса. Тогдашние московские смуты грозили разными неожиданностями; в происходившей борьбе партий царя Петра и царевны Софьи трудно было угадать, за кем будущность, кого держаться; но Мазепе посчастливилось благополучно выйти из этих затруднений. Его покровитель князь Голицын пал в следующем же году, после нового, также неудачного похода на Крым; но Мазепа, участвовавший в походе, не только не попал в беду вместе с ним, а, случившись в Москве в момент его надения, приобрел расположение Петра, исходатайствовал возвращение из конфискованного имущества Голицына денег, которые заплатил ему за свое избрание, а для своих родных и близких, для всей своей партии, при оказии нового царствования испросил множество разных пожалований на поместья, пролившихся вешним дождем на старшинские души, располагая их к сугубой верности и «службе великому государю».

Все это делало положение Мазепы очень сильным. Вместе с тем, пользуясь громадными средствами, какие предоставило ему наследство после Самойловича и всякие войсковые доходы, Мазепа очень энергично принялся за церковное строительство, щедро жертвуя на духовные и просветительные цели. Как бы для того,

159. Мазепа (с портрета в алтаре Киевской лавры)

чтобы опровергнуть наговоры врагов, что он человек чужой, окатоличившийся, «лях», Мазепа предпринимает грандиозные для того времени, главным образом церковные постройки, наделяет важнейшие, наиболее чтимые украинские монастыри и церкви богатыми, роскошными строениями, иконами, драгоценной утварью, свидетельствуя на всяком месте перед глазами народа свою набожность, преданность украинской народности и культуре, а вместе с тем — свою славу, могущество, богатство. Даже после того как эта украинская церковь, так щедро одаренная им, вынуждена была, по указу царскому, проклясть его и отречься от него, и всякие воспоминания о Мазепе были старательно сглаживаемы и уничтожаемы, и теперь еще вся Украина полна различных памятни-

ков небывалого гетманского усердия к церкви и ко всему тому, что в те времена подходило под понятие национальной украинской культуры.

Мазепа обновил Печерскую лавру, окружил ее монументальной каменной оградой, и теперь еще удивляющей глаза зрителя, поставил красивые ворота с церквями над ними — так называемые Святые врата и Экономские; недаром его портрет на стене алтаря лаврской церкви сохранялся до самого последнего времени. В Пустынно-Николаевском монастыре соорудил он новую величественную церковь св. Николая (впоследствии, в 1831 году, отобранную у монастыря для военного собора). заново отстроил братскую церковь Богоявления и новое здание для академии. Соорудил величественную церковь Вознесения в Переяславе — упомянутую Шевченком в его знаменитой панораме Украины:

Вечірнєє сонце гай золотило,
Дніпро і поле золотом крило;

Собор Мазепи сяє, біліє,
Батька Богдана могила мріє...
Київським шляхом верби похилі
Требратні давні могили вкрили;
З Трубайлом Альта між осокою
Зійшлись, з'єднались, мов брат з сестрою —
І все те, все те радує очі,
А серце плаче, глянуть не хоче...

Было бы долго перечислять все такие памятники Мазепы на Украине и вне ее. В церкви Гроба Господня в Иерусалиме в большие праздники до сих пор вместо антиминса употребляется серебряная доска, художественно гравированная (вероятно, итальянской работы), пожертвованная «подаянием ясновельможного его милости пана Иова Мазепы, российского гетмана»¹ — как значится на ней.

Без сомнения, духовенство, старшина и вся, так сказать, интеллигенция украинская того времени усердно прославляли такого щедрого и тароватого гетмана, и если бы не позднейшая катастрофа, он остался бы в памяти украинского народа как незабвенный покровитель украинской духовной и культурной жизни. Без сомнения, эти памятники производили сильное впечатление и на народные массы, вызывали удивление перед гетманским могуществом и величием. Однако все это не уменьшало недовольства гетманом, поскольку его считали виновником общественных и экономических явлений, вызывавших недовольство и раздражение среди населения. В этой области Мазепа не выказал достаточной проницательности, хотя разные происшествия настойчиво обращали его внимание на эту сторону — начиная с упомянутых бунтов и восстаний, поднявшихся в войске и на Украине против старшины после свержения Самойловича. Мазепа со старшиной обратились к террору: замешанных в этих беспорядках хватали и подвергали жестоким наказаниям, от палок до смертной казни, в различных тяжелых формах включительно, и после этого «стала в мире тишина и безбоязненно людем тамошним мешканне», как записывает современник Величко. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы старшина не задумывалась над причинами народного недовольства, однако не находила иных способов к его устранению, кроме упразднения аренд, введенных в 1678 году при Самойловиче, с царского соизволе-

---

¹ «Российского» в значении «русского», того, что теперь называется украинским — смешение названий, не вредившее тогда, но давшее себя почувствовать в наше время.

ния, для военных надобностей, а главным образом, для содержания наемного войска, которым окружал себя гетман и старшина, ввиду враждебного настроения крестьянства и рядового козачества. Отдавалось в аренду винокурение, торговля водкой, продажа табака и дегтя, и хотя при этом было оставлено право свободного винокурения для собственного потребления (крестьяне имели право выкуривать ежегодно один котел водки для своего употребления, козаки — по два, а пиво и мед могли варить в неограниченном количестве), но все-таки эти «оранды» вызывали большое неудовольствие в народе. Поэтому решено было теперь изыскать иные источники доходов, а аренды отменить; но так как новых источников не нашли, а подушный налог ввести не решались, чтобы не раздражать население еще сильнее, то в конце концов аренды продолжали существовать и были отменены только некоторые пошлины: без наемного войска и старшина и гетман находили невозможным поддерживать «безбоязненне мешканне» свое.

На этом гетман со старшиной и успокоились, но народ не успокоился, хотя и не отваживался поднять восстание против строя, обставленного компанейскими и московскими полками.

Интересным симптомом тогдашних московских настроений являются попытки восстания, предпринимавшиеся Петриком Иваненком в 1692 — 1696 годах. Это был канцелярист войсковой канцелярии, вынужденный по каким-то причинам укрыться в 1691 году на Запорожье и пытавшийся после этого поднять запорожцев на борьбу с Мазепой за освобождение украинского народа от «новых панов». Сечь, как при Самойловиче, так и при Мазепе, была враждебно настроена к гетманскому и старшинскому правлению и к московскому правительству, на которое опирался новый строй. Кошевой запорожский Гусак жаловался в письмах к Мазепе, что теперь в Гетманщине бедным людям стало хуже, чем при поляках, так как кому и не надо, и тот завел себе подданных, чтобы ему сено и дрова возили, печи топили, чистили конюшни (совершенно те же жалобы, какие раздавались по адресу польского режима перед восстанием Хмельницкого). Петрик, зная настроение Запорожья, надеялся поднять запорожцев и, кроме того, получить помощь от крымского хана. Московское правительство, а с ним и Гетманщина продолжали стоять на военной ноге по отношению к Крыму и Турции, и хан признал Петрика украинским гетманом и обещал помощь для освобождения Украины, — чтобы княжество Киевское и Черниговское со всем войском Запорожским и народом малороссийским, с Слобожанщиной и Правобережьем стало отдельным го-

сударством; Крым будет защищать его от врагов, а за это козаки не будут препятствовать крымцам нападать на московские земли.

Запорожцам Петрик говорил: «Я стою за посполитый народ, за бедных и простых — Богдан Хмельницкий освободил малороссийский народ из лядской неволи, а я хочу освободить его из новой неволи — от москалей и своих панов». Обещал, что весь украинский народ восстанёт с ним:

«Я, пане кошевой, ставлю свою голову, — прикажите меня на части рассечь, если вся Украина, начиная с самой Полтавы, не поклонится тебе; возьми только тысяч шесть орды, да и иди! Думаешь, не помогут нам братья наши «голоколенки» с бедными людьми, которых едва живьем не едят сердюки, арендари (откупщики) да те «дуки», которым цари вольности понадавали? Да они, как только услышат, что ты двинулся с войском из Сечи, то сами этих чертей панов подавят, и мы уже приедем на готовый лад. А гетман сейчас же удерет в Москву, потому что там вся душа его, а здесь, в войске Запорожском, одна только тень».

От этих вестей про Петрика пошли по Украине толки, не на шутку встревожившие гетмана и старшину. Народ похвалялся: когда придет Петрик с Запорожским войском, пристанем к нему, побьем старшину, арендарей и сделаем по-давнему, чтобы все были козаками, а панов не было. Мазепа беспокоился, просил прислать московское войско, так как он опасается, что если двинется сам, то начнется восстание. Но опасения не оправдались. Хотя запорожцы и сами питали те же чувства к Мазепе и старшине, однако не имели большого желания идти с Петриком на Украину; кроме того, им претила мысль сделаться союзниками крымцев. Летом 1692 года Петрик получил помощь от хана и с татарами пошел на Украину. Приглашал и запорожцев идти на освобождение Украины от Москвы, задумавшей вконец поработить украинский народ, — для этого и отдают людей в подданство старшине, «чтобы люди наши в этом тяжелом подданстве замужичели и оплошали и не смогли сопротивляться, когда Москва захочет исполнить свои замыслы: посадить своих воевод и обратить нас в вечное рабство». Но сечевое «товариство» не присоединилось к Петрику, позволило только идти желающим, а таких собралось немного. Воззвания Петрика, разосланные в пограничные украинские города, также не оказали действия: гетманские войска уже стояли на границе, и когда население увидело, с какими слабыми силами идет против них Петрик, оно не осмелилось подняться. Петрик вынужден был воз-

вернуться с самого пограничья, и после этого неудачного начала вера в возможность восстания среди народа упала еще больше. В 1693 и 1696 годах Петрик снова делал попытки поднять Украину, но имел с собой одних татар, и в последний поход его убил один козак, чтобы получить награду, обещанную Мазепой за голову Петрика — тысячу рублей.

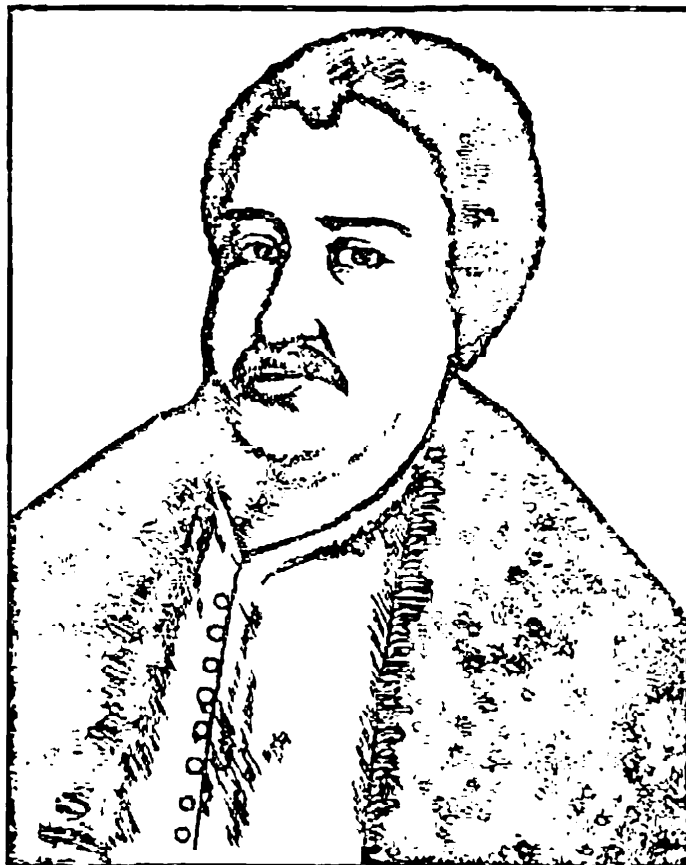
Но настроение от этого не улучшилось. В Сечь продолжала уходить масса всякого бедного, нищего, недовольного населения, — напрасно гетман велел своим «компаниям» стеречь и не пускать туда людей. Продолжали раздаваться из Сечи угрозы, что сечевики пойдут на Украину бить панов и арендарей, и Мазепа признавался перед царем, что «не так страшны запорожцы, как целый украинский посполитый народ», весь проникнутый своевольным духом, не желающий быть под гетманской властью и ежеминутно готовый перейти к запорожцам. Когда в 1702 году гетман хотел двинуть полки против сечевиков, под предводительством нового кошевого Гордиенка угрожавших «найти себе другого пана», — полковники воспротивились этому походу, боясь, чтобы с выходом их полков не поднялось восстание на Украине.

Точно так же уходило население и в другую сторону — за Днепр к Палиевым козакам, с 1689 года начавшим подниматься против соседней шляхты, угрожая «прогнать ляхов за Вислу — чтобы и нога их тут не стала», и действительно быстро расширявшим свою козачью территорию во все стороны, изгоняя помещиков. Поляки пробовали усмирить это козачество, а по окончании войны с Турцией в 1699 году постановили упразднить его совсем. Но Палий с другими полковниками не повиновались, захватили самые важные польские крепости в этой местности — Немиров и Белую Церковь — и не на шутку собирались воевать с Польшей. И это привлекало людей, недовольных порядками в Гетманщине. Палий становился народным героем, и Мазепа уже начинал опасаться его сильнее, чем перед тем Петрика, боясь, что от него может пойти восстание по всей Гетманщине. «У всех одна мысль — идти за Днепр, и из этого может выйти большая беда», писал гетман в Москву. «И козаки и посполитые — все на меня сердиты, все кричат в один голос: вконец пропадем, заедят нас москали».

94. Перед разрывом

Мазепа яркими красками описывал перед московским правительством народное неудовольствие, подымавшееся против

него от этих «легкомысленных и непостоянных людей» за его верную службу московскому правительству. Он хотел, очевидно, подогреть этими сообщениями признательность московского правительства, ввиду неприятностей, падающих на верного гетмана за его верную службу Москве, но это была не очень умная тактика, так как предшествующий опыт показывал, что обыкновенно всякая верная служба московским правительством забывалась, если против гетмана возникало движение в самой Украине и московскому правительству не было расчета поддерживать гетмана. Но, вероятно, Мазепа не очень безнадежно смотрел на положение дел на Украине и полагал, что с московской помощью и своими компанейцами он сможет держаться, не заботясь о настроении народа. Между тем его верная служба московскому правительству действительно налагала на козачество и весь украинский народ бремена неудобноносимые, и в силу этого у народа не только «отпадало сердце к великому государю» — как говорили современники, то есть исчезало всякое доверие и расположение к московскому правительству, но и против гетмана, верного слуги москалей, поднимались раздражение и гнев народный — как это мы видели из предыдущих отзывов.

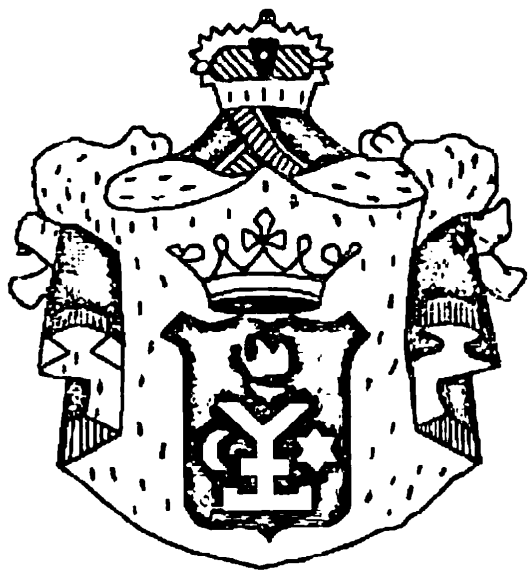

160. Мазепа — с портрета, принадлежащего Бутовичам

Новое московское правительство царя Петра возобновило войну с Турцией и Крымом в 1695 году, и в продолжение четырех лет козацкое войско из года в год должно было ходить в походы по указаниям царя — то на турецкие города, то против татар, а одновременно Украина сильно страдала и от татарских нападений из-за этой войны. Но, как оказалось потом, это еще было не самое худшее. Потом пошло хуже. Окончив войну с Турцией,

царь Петр присоединился к войне Польши со шведами, чтобы открыть Москве дорогу к Балтийскому морю. И снова, начиная с 1700 года, козацкое войско из года в год должно было предпринимать на свой счет, без всякого вознаграждения, далекие походы на север, где множество козаков погибало от непривычного климата, тяжелой судьбы, а кто уцелел, возвращался пеш и гол; к тому же приходилось выносить всякие издевательства и истязания со стороны московских офицеров, распорядившихся козаками, — их ругали, били, калечили, делали с ними что хотели. Кроме военной службы, козаков постоянно употребляли для разных тяжелых работ, при постройке крепостей; в 1706—1707 годах огромное количество их употреблено было для работ при постройке новой крепости в Киеве, на Печерске, так как царь Петр опасался похода шведов на Украину. Козаки должны были работать зимой и летом, под присмотром московских надсмотрщиков, обращавшихся с ними чрезвычайно грубо и жестоко. Кроме того, через Украину постоянно передвигались московские полки и команды, чрезвычайно обременявшие население, забравшие всякие припасы, обходившиеся грубо не только с простым народом, но и со старшиной. Со всех сторон поднимались «плач и стенание» козачества и всего народа, и даже наиболее покорные московскому господству люди начинали заявлять, что так долгие продолжаться не может.

Вот как пишет об этих годах в позднейшем письме Филипп Орлик, войсковой писарь и доверенный человек гетмана: «Началась работа над фортификацией печерской, начались переходы

161. Княжеский герб, приготовленный для Мазепы

через украинские города в главную армию то рекрутов, то всяких начальников — и полковники со старшиной часто приходили к гетману и, жалуясь, рассказывали, что пристава около этой фортификационной работы бьют козаков палками по голове, обрубают шпагами уши и всячески издеваются. Козаки, бросив дома свои, косьбу, жатву, несут тяготы и жар на службе царского величества, а великороссийские люди там дома их грабят, разносят, жгут, над дочерьми и женами их совершают насилия, забирают лошадей, скот и всякое имущество,

старшину бьют смертным боем. Два полковника, миргородский Апостол и прилукский Горленко, как более значительные и более имевшие смелости в сношениях с Мазепою, говорили ему: «Они всех на тя уповают, и не дай Боже тебе смерти, останемся в такой неволе, что нас и куры загребут». А прилукский подтвердил это: «Как мы всегда молимся Богу за душу Хмельницкого, так мы и дети наши из рода в род будем душу и кости твои проклинать, если нас в свое гетманство оставишь в таком рабстве».

162. Войсковая печать Мазепы

Несомненно, все это было тяжело чувствовать самому Мазепе, а кроме того, возникали у него различные тревожные опасения. До сих пор он опирался на московскую помощь; но в конце 1705 года положение Москвы в шведской войне начало сильно ухудшаться. Шведский король, безумно смелый и предприимчивый Карл XII, за это время покончил с другими участниками войны, королями датским и польским. Разгромив партию короля Августа в Польше, он добился избрания своего ставленника, а Августа принудил отречься от польской короны (1706), и так Петр остался один против этого страшного противника, приобретшего славу непобедимого воителя.

Нужно было ожидать шведов и на Украине, а на Москву надежда была невелика. Когда Мазепа завел с Петром речь об угрожающей опасности со стороны шведов, царь решительно предупредил его, чтобы он не надеялся на его помощь: он не может обещать ему московского войска, так как оно нужно ему самому. Со своими же силами Мазепе нечего было и думать о борьбе с Карлом. Очевидно было, что если бы шведы только вошли в покинутую Москвой Украину, там немедленно поднялось бы восстание: население, раздраженное московскими притеснениями, наверно, присоединилось бы к шведам, да и на старшину трудно было положиться.

Нужно помнить, что со шведами связано было воспоминание о прежних трактатах во времена Хмельницкого и Выговского,

когда шведским протекторатом обеспечивалась свобода и независимость Украины. С ними связывались разные надежды, и они так и остались не разбитыми и не опороченными, лишь неисполненными — так как шведы вышли тогда из борьбы с Польшею. Теперь они шли на Украину и старшина чувствовала, что на нее падает обязанность довести до конца дело, не доведенное ее предками, — попытаться при шведской помощи освободить Украину от московской власти, так тяжело и безжалостно тяготевшей в последние годы над украинской жизнью.

С другой стороны, Мазепа не раз имел случай убедиться, что московская милость очень непрочна. В беспокойной голове царя возникали все новые и новые проекты, и среди них очень часто появлялись различные комбинации, касавшиеся Украины. То он задумывал упразднить козацкое войско и ввести на Украине рекрутский набор. То думал образовать из Украины княжество для какого-нибудь нужного человека (например, для английского герцога Мальборо, через которого царь думал вовлечь в свои планы Англию); Петр даже уже выпросил у немецкого императора титул имперского князя для Мазепы, чтобы вознаградить его за потерю гетманства; изготовлена была уже для него и грамота от императора и герб (см. рис. 161). Зная ближе Петра, Мазепа понимал, что если ему действительно встретится какая-нибудь выгодная комбинация с Украиной, то он не пожалеет ни гетманских заслуг, ни его испытанной верности. Нельзя было полагаться на него, нужно было самому промышлять о себе.

К различным большим вопросам присоединился еще один, — именно о Правобережной Украине. Правобережные полковники, замышляя борьбу с поляками, стремились соединиться с Гетманщиной, чтобы заручиться ее помощью. Начиная с 1688 года Палий и другие полковники осаждали Мазепу, чтобы он принял их под свой «регимент», и Мазепа рад был бы взять под свою власть правобережное Поднепровье, но царь воспротивился этому, так как находился в союзе с польским королем и не мог принять под свою протекцию земель, которые Польша считала своими. Тем временем над правобережным козачеством нависла большая гроза: польный гетман Сенявский в 1703 году предпринял поход на южные полки, на территории Брацлавского и Подольского воеводств; здесь козачество было слабее, и Сенявский разгромил здешних полковников и залил кровью здешнее восстание. На Палия напасть он не осмелился, так как последний был сильнее. Но и Палий не чувствовал себя в безопасности после этого и еще усерднее стал просить Мазепу взять его под свою защиту. Однако царь не только не хотел согласиться

на это, а, наоборот, обещал еще полякам своими силами усмирить Палия. Тогда Мазепа, не желая упустить Правобережной Украины, решил поступать, не считаясь с царской волей.

Летом 1704 года Петр поручил ему отправиться в правобережные края — разорять магнатов, державшихся шведской партии. При этой okazji Мазепа решил завладеть Правобережной Украиной. Но он боялся, что Палий может оказаться опасным противником, благодаря своей популярности среди козачества, поэтому он дал делу совершенно неожиданный оборот: пригласив к себе Палия, Мазепа приказал схватить его, а в Белую Церковь на его место послал полковником своего племянника Омельченка. Козаки Палия большей частью находились при войске Мазепы; находившиеся в Белой Церкви хотели защищаться, но белоцерковские мещане, не желая новой усьобицы, сдали город, и Фастовщиной стал править Омельченко. Перед Петром Мазепа обвинил Палия в сношениях со шведской партией, совершенно неосновательно, но все-таки его сослали в Сибирь. Эта катастрофа, постигшая Палия, произвела сильное впечатление в населении; она была воспета в песне, очень распространенной среди народа, долго помнившего Палия и сложившего о нем много различных рассказов и сказок:

Пише, пише та гетьман Мазепа
Та до Палія листи:
«Ой прибудь, прибудь, Палію Семене,
Та на бенкет до мене...»
Ой вже Семен, ой вже Палієнко
На подвір'є виїзжає,
А там його вельможний Мазепа
Вином з медом напуває.
Ой вже Семен, ой вже Палієнко
Меду-вина та й напився
Та своєму вороному коню
Та й на гриву похилився.
Ой як крикнув вельможний Мазепа
Гей на свої сердюки:
«Ой візьміть, візьміть
Палія Семена
Та закуйте йому руки».

Таким образом Мазепа овладел Правобережной Украиной. Это был первый случай, где он осмелился так резко разойтись с царской волей, но на первых порах это расхождение не вызвало осложнений. Мазепа оправдывался, что, пока в Польше в силе остается шведская партия, не следует отдавать полякам право-

бережних земель, — и царь принял это объяснение. Под рукою Мазепы правобережное козачество продолжало расти. Однако, в конце концов, в 1707 году царь велел Мазепе передать правобережные земли полякам. Мазепа не повиновался и под различными предложениями продолжал удерживать правобережную территорию в своих руках, так как очень дорожил ею и надеялся все-таки сохранить ее для Гетманщины.

95. Союз со Швецией

В числе различных доказательств измены Мазепы Кочубей при своем доносе переслал песню, сложенную Мазепой. Как лицу, близкому к гетману, Кочубею можно поверить, что сложил ее действительно Мазепа:

Всі покою щиро прагнуть,
А не в еден гуж тягнуть:
Той направо, той наліво,
А всі браття: то-то диво!
Не маш любви, не маш згоди;
От Жовтої взявши Води,
През незгоду всі пропали
Самі себе звоювали!
Ей, братища, пора знати,
Що не всім нам панувати,
Не всім дано всеє знати
І речами керувати!
На корабель поглядимо:
Много людей полічимо,
Однак стирник сам керуєт,
Весь корабель управуєт.
Пчулка бідна матку маєт
І оное послухаєт.
Жалься, Боже, України,
Що не вкупі маєт сини!
Єден живеєт із погани,
Кличет: «Сюди, отамани!
Ідім матку рятувати.
Не даймо ей погибати».
Другий ляхом за грош служить,
По Вкраїні і той тужит:
«Мати моя, старенькая!
Чом ти вельми слабенькая?
Розно тебе розшарпали,
Гди аж по Дніпр туркам дали.

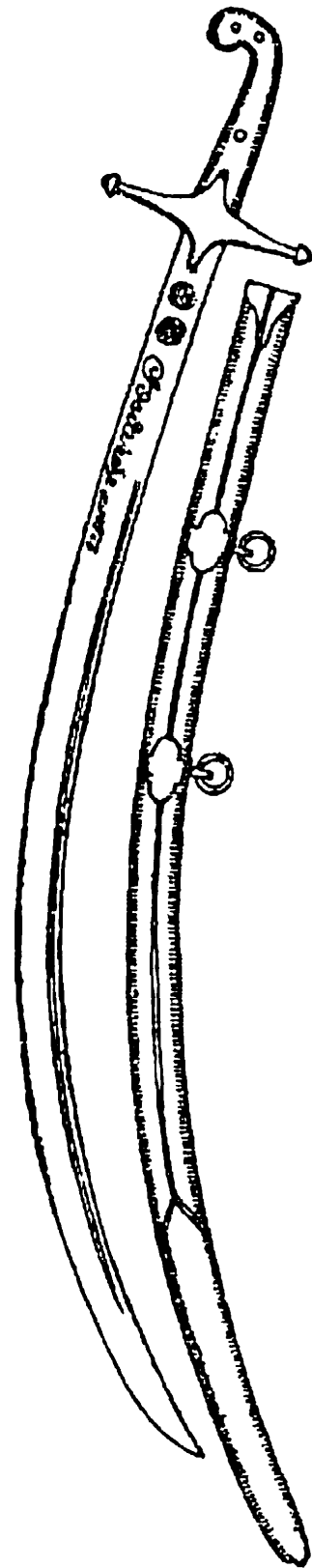

Все то фортель, щоб слабіла
 І аж в кінець сил не міла».
 Третій Москві юж голдуєт
 І ей вірне услугуєт,
 Той на матку нарікаєт
 І недолю проклипаєт:
 «Ліпше було не родити,
 Нежлі в таких бідах жити!
 От всіх сторон ворогують,
 Огнем, мечем руїнують,
 От всіх немаш зичливості,
 Ані слухной учтивості:
 Мужиками називають,
 А подданством дорікають».

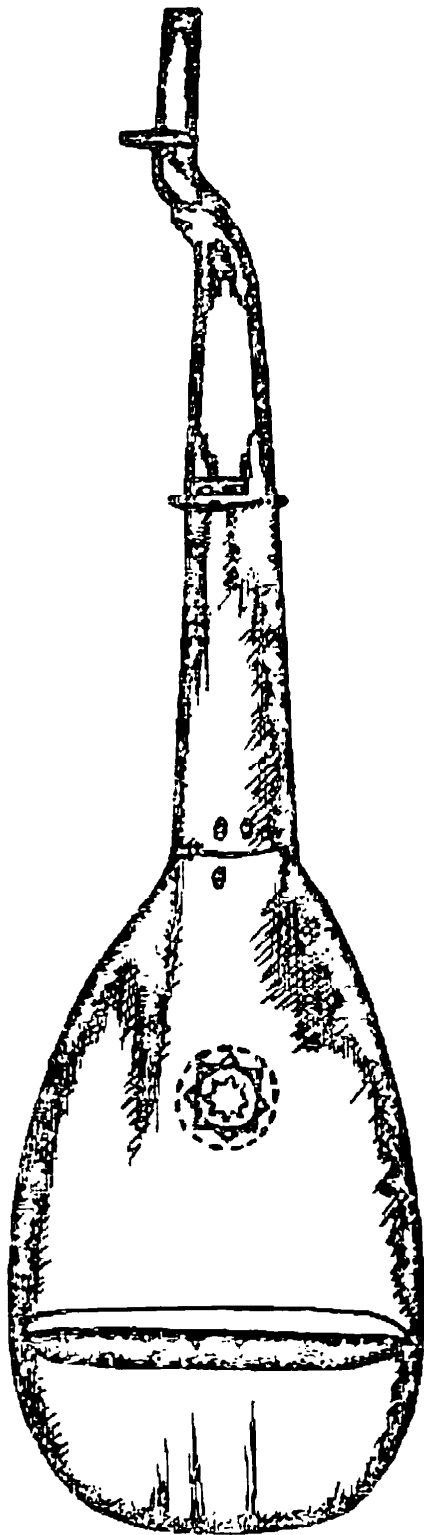
.....
 Ей, панове енерали,
 Чому ж есте так оспали?
 І ви, панство полковники,
 Без жадної політики
 Возьмітєся всі за руки,
 Не допустіть гіркої муки
 Матці своїй більш терпіти!
 Нуте врагов, нуте бити!
 Самопали набивайте,
 Острих шабель добувайте,
 А за віру хоч умріте
 І вольностей бороніте!
 Нехай вічна буде слава,
 Же през шаблю маєм права.

Эта песня до некоторой степени может служить объяснением политики Мазепы. Он хотел создать сильную гетманскую власть, опирающуюся на преданную ей старшину, поднять особу гетмана высоко в глазах общества и народа и заменить разномыслие козацкой демократии единодушием монархии, олицетворенной в лице гетмана. На это и ушли двадцать лет правления Мазепы. Но когда настал решительный момент, старый гетман не отважился смело и открыто призвать Украину к восстанию, как воспето в этой «песне». Он все выжидал и мудрил до последней минуты. Правда, и риск был велик, и опасности он подвергался серьезной.

Тревожно следя за успехами Карла, Мазепа уже довольно

163. *Сабля Мазепы,
 в Черниговском
 музее (с его именем,
 1665 года)*

164. Бандура Мазепы,
там же (с его гербом)

давно обеспечил себя с двух сторон: продолжая вести линию верного московского слуги, поддерживал сношения со шведской партией через своих знакомых, и через них в 1707 году завел переговоры с новым польским королем, поставленным Карлом, — Станиславом Лещинским. Подробностей этих переговоров до сих пор не имеем: Мазепа вел их в большой тайне, не открывая даже своим близким и доверенным лицам, хотя некоторые из них очень настойчиво домогались от гетмана, чтобы он вошел в сношения с Карлом — не знали, что в этом направлении ходы давно предприняты. И эта крайняя осторожность именно более всего и повредила планам Мазепы. Он все боялся чем-нибудь проявить себя до самой последней минуты, ждал, что, может быть, вопрос разрешится сам собою без его участия, и вследствие этой излишней осторожности своими руками уничтожал те шансы, которые могли сослужить ему очень полезную службу. Не решался ничем обнаруживать перед народом свою неприязнь к Москве. Продолжал посылать войска, куда ему велел царь. А когда на Дону, у самой украинской границы, в 1707 году вспыхнуло очень опасное для Москвы восстание донских козаков, под предводительством Булавина, Мазепа не только не поддержал ничем донцев, а еще и помог Москве своими козаками подавить это восстание — как раз в тот момент, когда сам готовился восстать против Москвы.

Правда, зато ему удалось до последней минуты не выдать себя перед Москвой, и царь во всем верил ему. Весной 1708 года войсковой судья Кочубей, раздраженный на Мазепу за романтическую историю с его дочерью, послал со своим родственником полковником Искрой донос царю и раскрыл сношения Мазепы

со шведской партией; но царь не поверил доносу и предал Кочубея и Искру войсковому суду, а тот осудил их на смерть. Все это, однако, не принесло большой пользы замыслам Мазепы. Последний полагал, очевидно, как в свое время Брюховецкий, что украинский народ так уже раздражен московским режимом, что готов пойти на всякий призыв к восстанию. Но оказалось, что, не подготовив почвы для восстания, он своими руками уничтожил все шансы последнего.

Осенью 1708 года Карл был занят военными действиями в литовских землях, на пограничье Украины и Московского государства. Как раз решался дальнейший план шведской войны — будет ли она перенесена в московские земли или на Украину. Если бы Карл двинулся в московские пределы, Мазепа мог бы продолжать оставаться зрителем дальнейшей борьбы и, судя по тому, какая сторона одержала бы верх, мог бы спокойно сообразить, кого держаться. Ввиду этого трудно верить рассказам, будто бы Мазепа призывал Карла на Украину: это было, наоборот, очень некстати ему. Вообще о переговорах Мазепы с самим Карлом до сих пор ничего неизвестно. Знаем, что Карл собирался идти на Смоленск, на московские земли, но затем побоялся, что в опустошенных московских краях нечем будет прокормить войско, и в сентябре повернул на Украину, на Стародуб.

Это известие застало Мазепу совсем неприготовленным. Как раз перед этим, по царскому приказу, он выслал козацкие полки из Украины — в земли литовские (белорусские) и за Днепр, против поляков, а на Украину, в самый центр ее, Петр прислал московское войско, ввиду жалоб Мазепы на ненадежное настроение украинского народа. Теперь, получив известие о движении шведского войска, царь послал наперерез свое войско, перехватившее Стародуб у шведов, а Мазепе приказал послать туда еще и своих козаков, на помощь московскому войску. Вслед за тем и сам царь двинулся на Украину и велел Мазепе явиться к нему лично. Наступил решительный момент, надо было решиться в ту или иную сторону. Собственно говоря, в этот момент Мазепа был уже так обставлен, что не мог и шевельнуться против Москвы. Но он и старшина пылали желанием не упустить случая для освобождения Украины; эта мысль, очевидно, так глубоко засела в их головах, что они уже не замечали, как все складывается против их планов, и решили своим переходом на шведскую сторону усилить ее шансы. Изо дня в день старшина приставала к Мазепе с требованиями, чтобы он послал к Карлу, снесся с ним относительно дальнейшей совместной борьбы с Москвой; и на-

конец Мазепа, с общего совета, начал сношения с Карлом и просил его, по словам Орлика, перейти за Десну, чтобы соединиться с войском Мазепы. А в 20-х числах октября, заняв своим гарнизоном свою Батуринскую резиденцию, с тем козацким войском, какое еще осталось у него, и со старшиной, Мазепа самолично отправился в шведский лагерь, стоявший как раз над Десной. В каком смысле было установлено между ними соглашение, об этом не имеем никаких точных сведений, и только из позднейших актов можем заключить, чего хотели Мазепа и старшина, присоединяясь к шведскому королю: «Украина по обе стороны Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть навеки свободной от всякого чужого владения». Швеция и другие союзные государства «ни с целью освобождения, ни с целью опеки, ни с какими иными видами не должны претендовать на власть над Украиной и войском Запорожским или на какое-нибудь верховенство, не могут собирать каких-нибудь доходов или податей. Не могут захватывать или занимать своими гарнизонами украинских крепостей, какие были бы оружием или трактатами добыты у Москвы. Должны сохранять Украину в целостности и не позволять кому-нибудь другому поработить ее. Должны свято сохранять целостность границ, неприкосновенность свобод, законов, прав и привилегий, чтобы Украина на вечные времена пользовалась свободно своими правами и вольностями безо всякого ущерба».

Это может характеризовать пожелания и стремления Мазепы и его единомышленников в этот момент. Но скоро они должны были убедиться, что ошиблись в расчете.

96. Погром Мазепы

Мазепа вел свою политику в такой тайне, что даже козацкое войско, которое он вел с собой к Карлу, не знало о его замыслах и узнало их только в пути. О союзе Мазепы с Карлом Петр узнал скорее, чем украинское население; прежде чем Мазепа успел поставить в известность о своем союзе со шведами украинское население, Петр наложил уже свою тяжелую руку на Украину, не дав ей и пошевелиться. Московское войско немедленно осадило Батурин, взяло его, благодаря измене одного человека, захватило запасы и сокровища Мазепы, артиллерию и всяческие припасы и учинило жесточайшую расправу с населением: люди были перебиты, город вконец разорен, начальствующие лица подверглись страшным мучениям. В других местах

все заподозренные в союзе с Мазепой и шведами также подверглись суровым наказаниям, но вообще со старшиной велено было обращаться милостиво, чтобы удержать ее на московской стороне. Среди народа распространялись царские грамоты, уверявшие, что Мазепа предался шведам с тем, чтобы подчинить Украину Польше, ввести на Украине унию, а православие искоренить; что он был богоотступник, тайный католик, враг украинского народа, отягощал его незаконными поборами; а от московского правительства обещались украинцам всевозможные льготы и милости. Вместе с тем старшина получила приглашение явиться в Глухов для выбора нового гетмана на место Мазепы.

В свою очередь Мазепа и шведский король в своих грамотах, адресованных к украинскому населению, призывали всех к себе, уверяя, что шведский король не замышляет ничего худого, хочет Украину «защитить от московского тиранского ига», вернуть ей прежние права и вольности, а Москва стремится поработить Украину, и если теперь не приняты будут меры, не минует ее гибель.

Трудно сказать, за кем бы пошел украинский народ и старшина — за царскими ли грамотами или за Мазепиными, если бы имел возможность выбирать между ними. Знаем, что на Москву и на великорусских людей было много жалоб; но не любили и Мазепу, не верили ему и считали его до сих пор вернейшим орудием Москвы. Но теперь не было и возможности выбора. Московское войско вошло в самый центр Украины, подвергая жестоким наказаниям всех приверженцев Мазепы и угрожая карами за всякое проявление сочувствия к шведам и Мазепе. Козацкое войско было с московскими войсками, а с Мазепой находилось всего каких-нибудь четыре тысячи козаков! Украина не отваживалась и пошевеливаться против Москвы.

Старшина покорно прибыла в Глухов. Здесь перед нею с разными церемониями произведено было свержение Мазепы с гетманства, повешена была на виселице его кукла, и он был всенародно проклят; затем приступили к избранию нового гетмана, и по царскому желанию избран был покорный и слабый полковник стародубский Иван Скоропадский. Духовенство послушно предало церковной анафеме гетмана, более чем все предшественники потрудившегося на пользу украинской церкви. Украинская старшина, спеша сбросить с себя подозрение, свидетельствовала свою верность царю и старалась при этом удобном случае и для себя что-нибудь урвать из богатых милостей, изливавшихся на всех верных сторонников Москвы, в виде пожалований поместий, новых и отобранных от мазепинцев. Даже среди стар-

шины, отправившейся с Мазепой к шведскому королю, оказалось немало желавших возвратиться обратно: вернулся полковник лубенский Апостол, генеральный хорунжий Сулима, Галаган и другие. Сам Мазепа стал колебаться и завел переписку с царем, но, в конце концов, не решился положиться на слово Петра, да и шведы бдительно его стерегли.

Что замысел не удался, было очевидно. Но Мазепа еще обманывал себя надеждами, что дело может обратиться в его пользу, поэтому уговорил Карла зимовать на Украине, и этим еще больше обессилил своего союзника: эта зимовка на Украине вконец расстроила и деморализовала шведскую армию. Единственным успехом было присоединение к шведам Запорожской Сечи. Ранее она очень несочувственно относилась к Мазепе как московскому и старшинскому прислужнику — это нам известно. Кошевой Кость Гордиенко, по прозванию Головка, правивший Сечью начиная с 1701 года был большим врагом московского и старшинского владычества и очень резко выступал против Мазепы. Но теперь, когда Мазепа перешел на сторону шведов, Гордиенко стал его сторонником. Прошло, однако, несколько месяцев, пока ему удалось повести за собой сечевое товарищество: запорожская старшина долго колебалась между Мазепой и Скоропадским и только в начале 1709 года решительно склонилась на сторону шведов и отправила своих послов к Мазепе, а в марте месяце кошевой с войском Запорожским сам прибыл в шведский лагерь, приветствуя короля латинской речью. Шведы были очень обрадованы прибытием запорожцев, их военной выправкой и опытом, но и это приобретение не пошло им на пользу, а тем менее запорожцам. Чтобы обеспечить себе сношения с Запорожьем, Карл двинулся еще глубже на Украину и застрял под Полтавой, не сдавшейся ему, а преградившей путь на Запорожье. В Сечь посланы были московские войска, и она была взята благодаря бывшему сечевнику Галагану, отступившему от Мазепы и из всех сил выслуживавшемуся теперь перед царем. Он знал все запорожские тропинки и дорожки и провел московское войско. Запорожцы сдались на уверения Галагана и московских офицеров, но данное им обещание не было сдержано и их жестоко наказали за восстание: «головы обдирали, шеи рубили на плахе, вешали и иной тиранской смерти предавали, много мертвых вырывали из могил, не только товариства (козаков), но и монахов, — головы им рубили, сдирали кожу, вешали». Уцелевшие после этого запорожцы перенесли свой «кип» на татарскую территорию, в Алешки, недалеко от устья Днепра. И там Сечь была 19 лет.

После этого разгрома Сечи в мае месяц спустя та же участь постигла шведскую армию под Полтавой. Остатки шведской армии бежали за Днепр, на турецкую территорию. Но московское войско шло по их следам. Карл и Мазепа с небольшими отрядами солдат и козаков едва успели переправиться через Днепр; остальные вынуждены были сдать московскому войску, догнавшему их у Днепра. Украинская старшина, находившаяся при Мазепе, по большей части принесла покор-

165. Портрет Мазепы
(в летописи Величка)

ность Петру сейчас же после Полтавской битвы. Немногие последовали за Мазепой: генеральный писарь Филипп Орлик, племянник Мазепы Андрей Войнаровский, прилукский полковник Димитрий Горленко, войсковой обозный Иван Ломиковский, генеральный есаул Гр. Герцик, генеральный бунчужный Федор Мирович и другие.

С королем и Мазепой бежали они через степи в Тягин (Бендеры) и основались на несколько лет здесь на турецкой территории. Карл старался втянуть Турцию в войну с Москвой, что ему и удалось. Но Мазепа не дождался этого: разбитый, измученный тревогою, неуверенный в своей жизни (Петр постоянно прилагал старания к тому, чтобы заполучить его в свои руки, и обещал турецкому визирю 300 тысяч талеров за его выдачу) — он разболелся и умер 22 августа 1709 года. Похоронили его в монастыре в Галаце, на Дунае.

97. Попытки Орлика

Старшина, оставшаяся при Мазепе, козаки и сечевики с Гордиенком во главе все-таки не оставляли мысли об освобождении Украины с помощью Швеции и Турции из-под московского владычества: этот план стал задачей их жизни. После долгих

166. Мазепа

(с гравюры конца XVIII века)

переговоров на место Мазепы был избран гетманом Орлик (в апреле 1710 года). При этом были составлены интересные постановления о гетманском правлении. Хотя эти постановления и не осуществились, так как получить правление этим людям никогда не удалось, все-таки они интересны как отражение взглядов и желаний людей, связавших свою судьбу с освобождением Украины. В постановлениях этих много нового, такого, что могло бы быть важным шагом вперед в развитии украинской жизни. Есть здесь и очевидные начатки представительного строя. Указывается, что в по-

следнее время гетманы присвоили себе «самодержавную власть, узаконили самовластие и такое право: «так хочу, так повелеваю» (*sic volo, sic iubeo*). Для предотвращения этого на будущее время эта конституционная хартия устанавливает такие порядки: три раза в год, на Рождество, Пасху и Покров, должны происходить «генеральные рады» в гетманской резиденции для решения важнейших дел; на эти рады должны являться: генеральная старшина, полковники со всей полковой старшиной и сотниками, выборные от полков «генеральные советники» и депутаты от Запорожской Сечи. Если бы в правлении гетмана или в его действиях замечено было что-либо вредное для народного блага, тогда старшина и советники имеют право «выговорить» гетману, а он не должен за это на них гневаться или наказывать. Без воли этой генеральной рады гетман может решать только спешные дела, не терпящие отлагательства, и то по совещании с генеральной старшиной. Никаких тайных сношений и корреспонденции гетман не имеет права вести. Не может также распоряжаться войсковою казною: для этого должен быть избран генеральный подскарбий, а гетман может располагать только доходами, назначенными «на булаву и особу его гетманскую». В обязанность гетману вменялось попечение о том, чтобы людям войсковым и посполитым не чинилось притеснений, не налагались на них чрезмерные тяжести, отчего они бросают свои селе-

ния и уходят «у прочку», искать более легких условий жизни в заграничных краях. Старшине и всяким «войсковым и посполитым урядникам» запрещалось употреблять козаков и не принадлежащих им посполитых для своих хозяйственных работ, отбирать земли или силой принуждать к продаже земель, забирать за какие-либо вины имущество провинившихся или заставлять отрабатывать свои вины.

Все это было хорошо, — но осуществить эти постановления не удалось — не удалось составителям этой хартии возвратиться на Украину и завести эти новые порядки.

Правда, надежды некоторое время были, а был такой момент, когда и осуществление их было близко. Король шведский обещал, что не помирится с Москвой, пока не добьется возвращения Украине ее вольностей. То же самое обещал запорожцам хан крымский. Турция, боясь усиливающегося могущества Московского государства, заключила с Швецией союз осенью 1710 года, разорвала сношения с Москвой и весной открыла военные действия. Орлик со своими козаками и татарами и отрядами польских панов из шведской партии двинулся весной 1711 года на Правобережную Украину, в правобережные полки, с 1704 года признававшие власть московского правительства. Здепние поселения сдавались ему: сдались Умань, Богуслав, Корсунь; генеральный есаул Бутович, высланный из-за Днепра, был Орликом разбит. Но когда последний приступил к Белой Церкви, тут его постигла неудача, много его людей погибло, а татары в это время начали грабить край; сочувствие населения было потеряно, и после этого Орлик вынужден был отступить.

Летом 1711 года двинулся против турок Петр. Понадеявшись на молдавские обещания, он неосторожно углубился на Прут — как шведы на Украину. Здесь его окружили турецкие силы, и он попал в отчаянное положение. Орлик надеялся, что теперь можно будет продиктовать царю свои требования относительно Украины: Петр должен был отказаться от всяких прав на Украину. Но все поправили царские деньги: турецкий визирь был подкуплен, выпустил Петра с его армией на очень легких условиях, а об Украине в договоре упомянуто в таких неясных выражениях, которые каждая сторона могла толковать по своему. Орлик доказывал, что на основании этого договора Москва обязалась отказаться от Украины по обе стороны Днепра, а царские уполномоченные доказывали, что такого обязательства для Москвы не содержится. Турецкое правительство приняло толкование Орлика и объявило новую войну Москве за то, что она не очищала Украины. Но снова все изменили московские

деньги: договор был подтвержден, а пункт об Украине был разъяснен в таком смысле, что царь отказывается от Правобережной Украины (кроме Киева) и Запорожской Сечи, а Левобережная Украина остается под верховенством Москвы. Стоило это царю еще 100 тысяч червонцев, но зато после этого как ни старался Орлик побудить турецкое правительство добиваться от Москвы Левобережной Украины, как они обещали козакам, — все было напрасно. Да и с Правобережной Украиной дело не сладилось, так как, на основе прежних трактатов, на нее заявила претензию Польша.

Однако дело затянулось еще на несколько лет, так как царь не выводил своих войск из Правобережной Украины. Сначала он велел перегнать людей на левый берег, об этом объявлено было еще осенью 1711 года, и затем в продолжение четырех лет московские команды перегоняли население за Днепр. Только в конце 1714 года московские войска сдали Белую Церковь и ушли за Днепр. Орлик с запорожцами в конце 1712 года попробовали захватить Правобережье под свою власть, но силы у них были незначительные, и польское войско под предводительством гетмана Сенявского, отправленное для оккупации Правобережной Украины, разогнало их без большого труда. Москва и Турция пришли в 1713 году к полному соглашению, и Карл вынужден был выехать из Турции. С ним отправился и Орлик с несколькими товарищами по изгнанию; остальные вернулись на Украину. Запорожцы тоже стали проситься обратно, но московское правительство принимало отдельные отряды, а всей Сечи целиком принять не соглашалось, ввиду соглашения с Турцией (1712), и только много позже, когда решена была новая война с Турцией, дало свое согласие на возвращение и восстановление Сечи (1733). Орлик и Гордиенко напрасно отговаривали запорожцев от их намерения. Вообще Орлик в продолжение долгого ряда лет хватался за каждый случай, чтобы найти новых союзников против Москвы, заинтересовать их украинским вопросом — но безуспешно.

УПАДОК КОЗАЧЕСТВА В УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

98. Ограничение гетманского правления

Союз Мазепы с шведским королем имел огромные последствия для украинской жизни. Он дал повод московскому правительству — царю Петру и его приближенным — еще энергичнее взяться за уничтожение украинской автономии. В этом направлении, как мы уже видели, московское правительство шло с самого начала. Сперва оно оставило Украину в полном заведовании гетмана и старшины, но потом все более ограничивало гетманскую власть и украинское самоуправление. Каждую перемену на гетманстве, каждый трудный момент украинской жизни использовало оно для этой цели. Каждый раз заявлялось о подтверждении «статей Богдана Хмельницкого», и Украина якобы оставалась на том же положении, на каком присоединялась к Москве, но в действительности отношения Украины к московскому правительству все более и более отходили от эпохи Богдана Хмельницкого. Правда, от своего намерения завести на Украине московское обложение и московскую администрацию московское правительство отказалось после народного восстания при Брюховецком — лучше сказать, отложило исполнение этого плана на будущее время. Пока Украина оставалась как будто под властью гетмана и козацкой старшины; но, посадив своих воевод во всех значительных городах и поместив там свои гарнизоны, московское правительство связало гетманское правление по рукам и ногам. Все важнейшие дела решались не иначе как с согласия московского правительства. Последнее тщательно следило за всем происходившим на Украине и, раздавая свои пожалования старшине, могло быть уверено, что эти московские приспешники с своей стороны будут следить за всем, чтобы чем-нибудь выслужиться перед Москвой.

И все-таки московское правительство не было довольным этим положением дел и неуклонно стремилось к полному уничтоже-

*167. Мазепа, окруженный
аллегорическими фигурами
(с гравюры архид. Мизгуры
в честь Мазепы, 1706 года)*

нию всякой обособленности Украины и полному уравнению ее с московскими провинциями. Теперь оно задумало воспользоваться для этих целей действиями Мазепы.

Хотя Украина, захваченная врасплох шагом Мазепы, не шевельнулась на призыв гетмана, но московские политики ухватились за этот инцидент. «Измена Мазепы», по их словам, бросила тень на украинцев, ославила изменниками все украинское общество и принудила московское правительство решительно взяться за перестройку украинских отношений, чтобы предупредить подобную «измену» на будущее время.

На первых порах, когда было важно удержать Украину от всякого уклонения в сторону Мазепы и шведов, об этом не говорилось. Как можно скорее был произведен выбор нового гетмана, чтобы противопоставить его Мазепе, но утверждение украинских прав было отложено на последующее время, — до более спокойных отношений. Когда прошло самое тревожное время и шведы были разбиты, — старшина с гетманом Скоропадским во главе стали напоминать царю о подтверждении старых прав. Просили оградить Украину от самовластия московских генералов и всяких властей, во время шведской войны хозяйничавших на Украине самовластно, ссылаясь на военные условия, игнорируя полковников и самого гетмана, не считаясь ни с какими правами и законами. Петр на эти напоминания изъявил свое согласие — старые права подтвердил, но это подтверждение было только пустым звуком: вернуть прежнее значение гетманской власти он не имел в виду. Наоборот, спустя несколько дней после подтверждения (31 июля 1709 года) назначил боярина Измайлова быть при гетмане для ведения с ним всяких дел с

общего совета, ввиду последнего восстания на Украине и запорожского бунта. Измайлову поручено было следить вместе с гетманом за поддержанием спокойствия на Украине и за всем гетманским и старшинским правлением и одновременно следить за самим гетманом и старшиной.

Через год был назначен еще другой такой резидент, и стало их уже два при гетмане. Гетманская резиденция была перенесена из Батурина в Глухов, к самой московской границе, и здесь поставлен гарнизон из двух московских полков, чтобы резиденты могли немедленно арестовать гетмана и старшину, если бы обнаружилось что-либо подозрительное.

Уже одним этим была жестоко подорвана гетманская власть, и гетман лишился своего прежнего значения. Ничего он не мог предпринять без ведома, собственно без разрешения, царских резидентов, и все на Украине понимали, что сила теперь не в гетмане, а в этих резидентах, в царских министрах и разных доверенных людях. Они продолжали распоряжаться на Украине по своему усмотрению. Царское правительство отягощало Украину постоями московских войск, ложившимися тяжким бременем на украинское население, а козачков гнало в далекие края — рыть каналы, строить крепости, в окрестности Петербурга, в Астрахань, на Кавказ, «на линію» — как тогда называли, и там козаки погибали, умирали целыми тысячами, уцелевшие теряли здоровье, средства, амуницию, не получая за это никакого вознаграждения.

У Глухові у городі во всі дзвони дзвонять,
Та вже наших козаченьків на линію гонять.
У Глухові у городі стрільнули з гармати —
Не по однім козаченьку заплакала мати.
У Глухові огні горять, у Полтаві димно.
На могилі гетьман стоїть — геть там його видно.
«Допевняйся, пан-гетьмане, допевняйся плати,
Як не будеш допевнятись, будем утікати».
«Ой ідіте же, панове, до Петра до свата,
Ой там буде вам, панове, велика заплата —
По заступу у рученьки та ще і лопата!»
Сидить козак на могилі, сорочку латає —
Ой кинувся до черешка¹ — копійки не має.
Їхав козак на линію та й вельми обдувся,
Іде козак в линії — як лихо зігнувся!

---

¹ Имел полный пояс (черес) денег.

Полковник Черняк, находившийся при работах на Ладожском канале, в 1722 году так описывает эти козачьи бедствия в своем доношении российскому сенату: «При Ладоге у канальной работы находится большое число больных и умерших козаков, и с каждым разом умножаются тяжелые болезни — более всего укоренилась горячка и опухоль ног, и умирают от этого; однако приставленные офицеры, невзирая на такое тяжелое положение бедных козаков, по повелению господина бригадира» Леонтьева, без всякого внимания безжалостно бьют их при работе палками — хоть и без того они ее не только днем и ночью, а даже и в воскресные и праздничные дни исполняют — без отдыха пригоняют к ней. Боюсь я поэтому, чтобы не погубить здесь козаков, как в прошлом году — тогда их разве только третья часть возвратилась домой, поэтому предупреждаю сенат этим покорнейшим моим писанием и рабски прошу: благоволите не допустить моей команде окончательно погибнуть при канальной работе и чтобы не была она переведена в другие места для других работ — сам Бог видит, нечем ее делать, ибо все козаки очень ослабели в своей силе и едва живы, — но чтобы отпустили их домой по крайней мере в первых числах сентября, не задерживая до глубокой осени, до роскиса и плюскоти».

В народных песнях сохранились еще, хотя слабые, воспоминания об этих канальных работах:

Ой дали хлопцям широкі лопати
Та послали хлопця молодого та канави копати.
Ой летів ворон та із чужих сторон,
Та летячи кряче;
Ой сидить хлопець та над канавою
Та жалісно плаче.
Ой лети ворон та в чужих сторон,
Та летячи вгору крикнув:
«Ще ж бо я хлопець, хлопець молоденький
Ой тутечки не привикнув!
Ой продай же, тату, та вороніі коні,
Та викупи мене, хлопця молодого,
Із темної неволі!»

Орлик, припоминая позже запорожцам эти бедствия, толковал им, что Москва замышляла погубить козачье войско и для этого, умышленно «отправив по несколько тысяч козаков своими указами, одних тяжелыми, непосильными работами замучили, других голодом уморили, а иных гнилой протухлой мукой, смешанной с ящерицами и известкой, потравили»...

Умышленно или не умышленно, но во всяком случае всё это крайне тяжелым бременем ложилось на Украину. Но никто не осмеливался возвысить голос против воли грозного царя. Никто не был уверен в своей жизни, еще менее — в своем положении.

Петр не довольствовался тем, что гетманское управление уже подчинено было стеснительному надзору, но еще и непосредственно вмешивался в управление, назначал от себя полковников и старшин против воли и ведома гетмана. Разные проходимцы, благодаря взяткам и подаркам разным генералам и министрам, получали должности на Украине помимо гетмана и затем не обращали на него никакого внимания. Затем правительство стало раздавать украинские должности не только украинцам, а и великороссам. Петр рекомендовал гетману выдать дочь за какого-нибудь великоросса, и когда Скоропадский, исполняя царскую волю, начал подыскивать для дочери какого-нибудь угодного царю жениха — ему указали на одного из царских приближенных, Петра Толстого, а затем царь, мотивируя это заслугами Скоропадского, от себя дал Толстому Стародубское полковничество, самое крупное из украинских полков. Так положено было начало новой практике, и затем все больше раздавались полковничества великорусским офицерам, комендантам (прежним воеводам), так что перед смертью Петра уже немного и осталось полковников из украинцев.

Вмешиваясь, таким образом, в украинское управление, во все дела, большие и малые, и производя этим большую путаницу, Петр вместе с тем пользовался каждым замеченным беспорядком в гетманском управлении, чтобы указывать на его неисправности, и, якобы в интересах порядка, все сильнее ограничивал власть гетмана и старшины. Скоропадского он потому и выбрал для гетманства, что он был человек старый, слабый и недалекий и им легче было править по своему желанию. Старшина хотела Полуботка, но Петр, как рассказывают, решительно не согласился, заметив, что он слишком умен, — из него может выйти второй Мазепа. А при Скоропадском приобрели большое значение его родственники, и в особенности молодая и красивая гетманша Настасья из рода Марковичей; о ней говорили, что это она, Настя, носит булаву, а Иван (гетман) — «плахту» (женскую одежду). Зять гетмана Чарныш, назначенный генеральным судьей, завел большие беспорядки, взяточничество и беззакония в войсковом суде. Ссылаясь на такие беспорядки в гетманском управлении, Петр в 1722 году приготовил

новый удар украинской автономии. При гетмане организован был совет, так называемая «малороссийская коллегия» из шести великорусских старших офицеров из гарнизонов, стоявших на Украине, с бригадиром Вельяминовым во главе. Эта коллегия должна была надзирать за судьями и принимать жалобы на всякие суды и власти украинские, — даже на верховный войсковой суд и войсковую (гетманскую) канцелярию. Должна была следить, чтобы от старшины не было притеснения козакам и посполитым, и по соглашению с гетманом принимать всякие меры против таких злоупотреблений. Должна была иметь наблюдение за гетманской канцелярией и всякой перепиской, входящей и исходящей, должна была ведать все украинские доходы, принимать их от войтов и других должностных лиц и расходовать на войсковые и всякие иные надобности. А об всех замеченных непорядках должна была доносить непосредственно сенату.

Такое небывалое распоряжение Петр в своем указе объяснял беспорядками гетманского управления, творившимися в канцелярии, в суде, при собирании доходов, и злоупотреблениями старшины, отнимающей земли у козаков и посполитых и незаконно обращающей их в своих крепостных. Напрасно Скоропадский от имени «всех малороссийских людей» слезно молил не верить наговорам обо всех этих беспорядках, не нарушать старых прав и обыкновений. Петр не внимал этим просьбам, а чтобы рекомендовать с лучшей стороны эти новые порядки украинскому населению, разослал по Украине печатный указ, где объяснял, что новая коллегия учреждается для того, чтобы положить конец притеснениям населения старшиной; для большей убедительности к указу была присоединена инструкция коллегии, где действительно упоминалось о старшинских притеснениях.

Это был тяжелый удар и гетману и всей старшине, всему гетманскому правлению. Ясно было, что с этих пор действительное управление переходит в руки новой коллегии или, точнее, ее председателя, а за гетманом и старшиной остается одно пустое имя. Сильно беспокоило старшину также то обстоятельство, что царь, ограничивая ее власть, одновременно стремился восстановить против нее население, обещая суд и управу на старшинские злоупотребления, выводя на свет божий дела о неправильно захваченных землях и незаконно закрепощенных людях, и таким образом указывал дорогу к новой коллегии со всякими жалобами по этим делам.

99. Первое упразднение гетманства. Полуботок

Скоропадский так поражен был всем этим, что заболел и умер. Но смерть его послужила для Петра поводом к новому удару: он решил совсем упразднить гетманскую власть. Получив известие о смерти Скоропадского, он велел исполнять обязанности гетмана полковнику Полуботку с генеральной старшиной, советуясь во всех делах с Вельяминовым. Одновременно с этим он перевел Украину из заведования коллегии иностранных дел в заведование сената, наравне с обыкновенными провинциями России. Старшина через особую депутацию возбудила ходатайство о разрешении избрания нового гетмана на место Скоропадского, но на эту просьбу долго не было ответа, и когда старшина позволила себе напомнить об этом ходатайстве, Петр летом 1723 года ответил, что дело об избрании гетмана отложено на неопределенное время: царское правительство подыскивает в гетманы особенно верного и надежного человека ввиду того, что от времен первого гетмана, Богдана Хмельницкого, и до последнего, Скоропадского, все гетманы оказались изменниками, и надоедать царю с этим вопросом не следует, так как управление Украиной обеспечено и в делах нет замешательства. Другими словами, Петр не только откладывал все это дело, но и запрещал напоминать о нем. Гетманское правление, очевидно, уничтожилось навсегда.

Но то, что наступило после уничтожения гетманства, принуждало украинское общество горько сожалеть о гетманском правлении. Хотя царское правительство ставило дело так, как будто все эти перемены имеют в виду установление лучшего порядка и охрану населения от старшинских притеснений, однако в действительности новые великорусские правители не приносили никакого порядка, ни облегчения населению; наоборот, злоупотребления и всякого рода притеснения населения усиливались еще более, и все сожалели, что некому постоять за народ, за украинские права и вольности — нет головы, нет гетмана.

Глава новой коллегии Вельяминов держал себя настоящим правителем, давал приказания старшине, самовластно всем распоряжался и на самого Полуботка, наказного гетмана, кричал, как на своего подчиненного: «Что твоя служба против моей? Знаешь, что я бригадир и президент, а ты против меня ничто!» Перед старшиной хвалился, что так согнет их, что треснут; а на напоминания о старых украинских правах кричал: «Уже

ваши старины велено отменить и поступать с вами по-новому — я вам указ!» Если так новые правители обращались с наказным гетманом и генеральной старшиной, можно себе представить, как вели себя, чувствуя свою силу, великорусские должностные лица в сношениях с низшей старшиной и простым народом. Коллегия, вопреки существовавшим порядкам, ввела небывалые подати и налоги и совершенно произвольно распоряжалась этими суммами. Полковники из великороссов, полагаясь на то, что правительство всегда возьмет их сторону, допускали еще больше злоупотреблений и самоуправств, чем полковники Украины. Без удержу своевольничали великорусские войска и удручали народ постоями. А козаков продолжали посылать огромными партиями на далекие работы, где они гибли как мухи от тяжелой и непривычной работы, от непривычного климата и пищи. Случалось, что из пятидесяти тысяч отправленных на эти работы погибала на месте третья часть, половина, а остальные возвращались калеками. Насчитывают за пять лет (1721—1725) погибших на этих работах на Ладожском канале, на Кавказе, на Волге до двадцати тысяч козаков.

Полуботок, человек энергичный, проникнутый любовью к своей стране, не мог смотреть на все это равнодушно. Ввиду того, что предлогом для всех этих нарушений старых украинских прав служат украинские беспорядки и злоупотребления, он стремился ввести порядок и законность в украинском управлении и положить конец старшинским злоупотреблениям, на которые ссылался царь Петр. Разослал универсалы, воспрещавшие старшине под страхом строгих наказаний употреблять козаков на свои надобности. Занялся реформой судебных установлений, стараясь предотвратить взяточничество и злоупотребление судей, неправый суд и притеснения народа: распорядился, чтобы в судах сельских, сотенных и полковых судил не один судья или атаман единолично, но с ним заседали несколько ассессоров для контроля. Нормировал апелляции высшему суду на решения низшего. Постарался ввести порядок в производстве высшего войскового суда.

Однако имперское правительство ссылалось на существующие беспорядки и несправедливости, чтобы под их предлогом «Малую Россию к рукам прибрать», как пояснял впоследствии политику Петра один из его ближайших сотрудников, Толстой. Поэтому и реформы Полуботка не только не нашли здесь одобрения, но и вызвали против него сильнейший гнев. Тем более что он вместе с тем совместно со старшиной не переставал так-

же домогаться (еще до упомянутого окончательного царского ответа) разрешения на избрание нового гетмана, жаловался на самоуправства и грубое обращение великороссийских чинов и ссылался на статьи Богдана Хмельницкого против последних нововведений. Когда Вельяминов прислал жалобу на Полуботка, что он противодействует коллегии, Петр решил еще более ограничить украинское самоуправление и вызвал Полуботка в Петербург с прочей главнейшей старшиной. А чтобы на Украине в это время вообще было поменьше старшины и козачества, распорядился вывести козацкое войско на южную границу, якобы для охраны Украины от татар.

В Петербурге Полуботок со старшиной подали царю прошение о возвращении Украине старых прав, ссылаясь на то, что по статьям Богдана Хмельницкого никто не может вмешиваться в козацкий суд, а теперь великороссийская коллегия вмешивается в судебные дела, принимает жалобы на решения и тому подобное. Но одновременно с этим поступило прошение от Стародубского полка о введении московского суда и назначении к ним полковников из великороссиян. Полуботок заявил, что это прошение подстроил Вельяминов, — чтобы ввиду требований старшины правительство могло сослаться на желания украинского населения и на этом основании продолжать отмену старого украинского устройства. Петр, получив оба прошения, отправил на Украину своего доверенного человека Румянцева, чтобы тот на месте произвел опрос, чего хотят козаки и население: сохранения старых украинских порядков, как Полуботок со старшиной, или введения московских порядков, как стародубцы; одновременно с тем поручалось ему со-

168. Гетманша
Настасья Скоропадская

169. Обычный (неверный)
портрет Полуботка

голосов за введение на Украине московских порядков, — особенно, если бы при этом подавалась надежда на возвращение населению земель, захваченных старшиной. Не имея возможности выехать из Петербурга самолично, Полуботок послал своих людей на Украину с инструкциями, как держать себя при опросе о старшинских несправедливостях, который будет вести Румянцев, какие ответы давать на его вопросы и тому подобное. Одновременно с этим, по его желанию, козацкое войско, стоявшее на южной границе над рекой Коломаком, отправило царю свои донесения, в которых жаловалось на различные несправедливости со стороны великорусских правителей, на незаконные поборы, на тяжелые постой московских войск, разоряющие население, и просило снова разрешения избрать гетмана по давним порядкам.

Как видим, во всем этом не было ничего незаконного, но царь Петр страшно рассердился на Полуботка за противодействие его планам. Приказал арестовать его и всю старшину, бывшую с ним в Петербурге, и посадить в тюрьму. Велел арестовать также всех участвовавших в составлении коломацких пунктов и прислать их в Петербург. Не имея оснований для обвинения

брать сведения о несправедливостях, чинимых народу старшиной.

Узнав об этой посылке, Полуботок понял, к чему клонится дело и чем оно может кончиться. Румянцев с Вельяминовым легко могли получить от населения такие ответы, какие им были желательны, особенно в этот момент, когда Украина осталась без своих руководителей — старшин — и не было кому предупредить давления на население. Перед грозным московским начальством население по большей части давало бы такие ответы, какие им подсказывались, и таким образом правительство получило бы много

Полуботка за его политическую деятельность — так как он руководствовался, очевидно, желанием блага своей родине, — против него начали следствие на почве его управления полком и хозяйственных дел — несправедливостей по отношению к населению и козакам, какие тогда водились за каждым из старшины: в скупке козацких земель, незаконном закреплении и тому подобном. Под этим следствием его держали несколько месяцев, и он, не дождавшись его окончания, умер в Петропавловской крепости осенью 1724 года.

Эта смерть Полуботка в тюрьме произвела глубокое впечатление на Украине, особенно среди старшины. Полуботка прославляли как героя-мученика за Украину. Рассказывали, что он смело укорял Петра за нарушение украинских прав, доказывал, что угнетение Украины не приносит ему никакой чести — гораздо больше славы править народом свободным и благодарным, чем угнетать его насильем. Напоминал ему о верности и усердной службе украинцев и укорял царя, что за эту кровавую службу он платит им гневом и ненавистью: «За все это мы вместо благодарности получили только оскорбления и презрение, попали в тяжкую неволю, платим постыдную и нестерпимую дань, принуждены копать валы и каналы, осушать непроходимые болота, унаваживая их трупами наших покойников, которые тысячами гибли от утомления, голода, нездорового климата; все эти бедствия и обиды наши еще увеличились теперь при новых порядках: начальствуют над нами московские чиновники, не знающие наших прав и обычаев и почти безграмотные — знают только, что им все можно делать с нами». Разгневанный Петр вскричал, грозя Полуботку смертью за такую дерзость, и велел посадить в тюрьму. Но узнав, что Полуботок тяжело заболел в заключении, сам пришел к нему, просил простить и лечиться, чтобы отворотить смерть. Однако Полуботок не принял этой запоздалой царской милости и ответил: «За невинные страдания мои и моих земляков будем судиться у общего и нелицеприятного судьи, Бога нашего: скоро станем перед ним, и он рассудит Петра и Павла». И действительно, скоро после этого умер и царь Петр. Так рассказывали на Украине, и в старых украинских домах очень часто можно было встретить портрет Полуботка и под ним слова «из речи, которую держал Полуботок перед царем Петром»: «Вступаясь за отчизну, я не боюсь ни кандалов, ни тюрьмы, и для меня лучше умереть наигоршей смертью, чем смотреть на всеобщую гибель моих земляков». Однако изображенный на этих портретах Полуботок не похож на действительный портрет Павла Полуботка: он представлен здесь

гораздо старше, и поэтому думают, что на этих портретах изображен его отец Леонтий, которого по ошибке смешали с его сыном Павлом.

100. Восстановление гетманства и гетман Апостол

Украина осталась беззащитной в руках коллегии и Вельяминова. Наиболее выдающаяся старшина находилась в заключении в Петербурге, другие испугались царского гнева и наказаний и не осмеливались поднять голоса против всесильного Вельяминова, а разные искатели прислуживались ему, предлагая вводить новые московские порядки на Украине. В Стародубский полк назначен был полковником майор Кокошкин, в Черниговский также великоросс Богданов. Украина была наполнена московскими войсками: в некоторых полках стояло по целому полку, в других по половине и более. Все это войско вопреки всяким правам и обыкновениям содержалось уже второй десяток лет на счет украинского населения, и коллегия вводила все новые налоги и сборы на содержание московских войск. Так, например, в 1722 году она собрала податей на 45 тысяч рублей и 17 тысяч мер муки для московских войск, а в 1724 году уже 140 тысяч рублей и 40 тысяч мер муки. Одновременно с этим гибло и разорялось козачество в тяжелых походах и работах. Так, в 1723 году было выслано 10 тысяч козаков на Каспийское побережье, на реку Сулак, строить крепость Святого Креста; в 1724 году велено было вернуть их, но на их место послан был новый отряд козаков, тоже 10 тысяч, и так далее.

Страшное разорение нависло над Украиной, и население уже не знало, откуда ждать спасения. Но смерть Петра (в начале 1725 года) изменила отношения. Его жена и наследница Екатерина со своим главным споспешником Меншиковым уже не чувствовала себя так сильно и уверенно, как грозный Петр, и считала необходимым сделать некоторые уступки, между прочим, и по отношению к украинцам, тем более что имелась в виду война с Турцией и для войны необходимо было козацкое войско, а петербургские правители опасались, что украинская старшина, раздраженная всем предыдущим, может поднять восстание, уловив удобный момент (союз партии Мазепы с Турцией был в свежей памяти). Ввиду этого Екатерина с Меншиковым проектировали дать разрешение на избрание гетмана, упразднить колле-

гию, вернуть прежние порядки в управлении и снять введенные новые подати. Однако нашлись и решительные сторонники петровской политики, которые решительно восставали против всяких отступлений от последней. Особенно настойчиво ссылались на намерение покойного царя Толстой, указывая, что последний с умыслом не разрешал избрать гетмана и ограничил власть полковников и прочей старшины, «дабы Малую Россию к рукам прибрать», и в этом направлении сделано уже много: подорвано влияние старшины, возбуждено против нее население — «полковники и старшины с подданными пришли в немалую ссору», и никак не следует уничтожать эти результаты петровской политики, возвращая Украину к прежним порядкам. Эти взгляды одержали верх, и все окончилось на мелких облегчениях: выпущены были из заключения арестованные старшины, какие еще там не поумирали, уменьшены были подати, и вместо походов на Сулак установлена денежная плата.

Однако вскоре, весной 1727 года, умерла Екатерина, императором российским стал внук царя Петра, малолетний Петр II, а при нем полновластным правителем сделался Меншиков. Меншиков же, собравший огромные поместья на Украине, столкнулся по делам последних с малороссийской коллегией и стоял за возвращение прежних украинских порядков. Меншиков, впрочем, был вскоре свергнут партией Долгоруких, подчинивших своему влиянию молодого императора, но Долгорукие были вообще противниками петровской политики, желали вернуть все к старине, и, таким образом, эта перемена еще больше укрепила намерения правительства вернуть Украину к старым порядкам.

170. Даниил Апостол
(со старого портрета)

Немедленно Украину перевели снова из заведования сената в ведомство иностранных дел. Уничтожена была малороссийская коллегия, а с нею и установленные ею подати и сборы. Старшин, каких держали еще в Петербурге, отпустили на Украину и наоборот — призвали к ответу Вельяминова за различные злоупотребления и непорядки, на которые жаловалась старшина. И наконец, самое главное, решили произвести выбор нового гетмана. Для этого уже летом 1727 года выслан был на Украину тайный советник Наумов, чтобы произвести избрание гетмана и быть при нем резидентом. В тайной инструкции ему поручено было не допускать избрания в гетманы никого другого, кроме того лица, которое предназначено для этого правительством. Этим лицом был старый миргородский полковник Даниил Апостол.

Однако старшины и не думали противиться царской воле. Они рады были возвращению старых порядков и приняли бы гетманом кого угодно. Апостол к тому же был очень подходящим кандидатом для украинцев и независимо от того, что его указывало петербургское правительство. Это был старый козак, — говорили, что ему было в это время лет семьдесят, а может быть, и больше. Он выросал в те времена, когда украинская сила не была сломлена и люди еще не изверились в возможность добыть для украинского народа свободу и самоопределение. Он был одним из соучастников Мазепы, когда тот договаривался со шведами, но скоро возвратился назад, сообразив, что из союза со шведами ничего не выйдет. Держал себя сдержанно и осторожно и этим, в конце концов, приобрел милость и доверие у правительства, но вместе с тем никогда не служил замыслам, пагубным для Украины, и определенно вел свою линию украинского автономиста. Принадлежал также к той небольшой части старшины, которая не запятнала своих рук притеснением народа. Поэтому украинское общество действительно могло радоваться такому гетману.

Старшина заявила, что охотно принимает в гетманы Апостола, и затем 1 октября в Глухове произошло торжественное избрание. Наумов приехал на площадь к церкви, где стояло козацкое войско и народ; за ним несли гетманские клейноды. Прочитана была царская грамота, в которой предписывалось произвести избрание гетмана, и после этого Наумов спросил собравшихся, кого хотят иметь гетманом. Все единогласно назвали Апостола, и, повторив свой вопрос трижды и получив тот же ответ, Наумов объявил Апостола гетманом. Апостол, как водится, отказывался от этой чести, но когда присутствующие настаивали, при-

нял избрание и принес гетманскую присягу на верность царю. Была великая радость для всех — писал Наумов в рапорте правительству.

Уже из сказанного видно, что полного возвращения к старым украинским порядкам все-таки не было. При избрании гетмана не было и речи о статьях, которые должны были служить основой украинской конституции; не подтверждались царским именем и старые украинские права. В дальнейшем царский резидент Наумов должен был совместно с гетманом ведать всякие дела, рассматривать жалобы на войсковой суд и тому подобное. Этот войсковой суд (генеральный) получал смешанный состав, состоял из трех украинских старшин и трех назначенных правительством великорусских офицеров. Войсковой казной должны были заведовать подскарбии: один украинец, другой великоросс. В военных делах гетман с козацким войском отдан был под власть фельдмаршала российских войск. И хотя Апостолу верили больше, чем кому-либо из украинской старшины, однако после избрания его гетманом для большей верности держали его сына в Петербурге в качестве заложника. Таким образом, политика Петра не прошла безвозвратно и не была вполне оставлена новым правительством.

Но украинцы радовались уже тому, что избавились от вельяминовского режима и возвратились к своей автономной жизни, хотя и урезанной таким образом. Апостол постепенно и понемногу старался укрепить власть и значение гетмана, ослабить влияние и вмешательства в украинские дела российских министров, военных и административных чинов. В то же время он, подобно Полуботку, старался упорядочить производство в судах, и во всем украинском управлении, оградить народ от старшинских злоупотреблений, вывести самоуправство и взяточничество, чтобы не давать повода российскому правительству вмешиваться в украинские дела и ломать украинский строй под видом искоренения злоупотреблений. А в своих отношениях к российскому правительству он, выказывая ему всяческое доброжелательство и преданность, стремился к возвращению прежних прав, подтвержденных статьями Богдана Хмельницкого — восстановлению украинской автономии в возможно широких размерах.

По случаю коронации молодого царя Апостол со старшиной отправился ко двору и пробыл там более полугода, стараясь войти в милость к царю и разным влиятельным при царском дворе людям, чтобы добиться возможного возвращения прежних прав и порядков. Результатом этих хлопот и ходатайств являются

«решительные пункты», принятые царем и его тайным советом в ответ на поданные гетманом прошения в августе 1728 года. Не возвращая Украине всецело статей Хмельницкого, они все-таки кое-что отменяли из петровской политики, признавали кое-какие украинские права хотя бы в общих чертах и подавали надежду на известные уступки в этом смысле и в будущем. Но очень существенные ограничения украинской автономии оставались все-таки и впредь. Так, например, признавалось право свободного избрания гетмана — но не иначе, как с царского на то разрешения. Право избрания старшины оставлено за войском, но на деле оно допускалось только относительно низших должностей: так, сотников должны были избирать сотенные козаки и, избрав нескольких кандидатов, представлять их на утверждение гетману; полковую старшину должна избирать полковая старшина с сотниками и знатными козаками и представлять на утверждение гетмана; но кандидаты в полковники и в генеральную старшину должны представляться на утверждение царю. Суд украинский утверждался по статьям Хмельницкого, но с тем, чтобы и впредь в генеральном суде было три члена украинца, а три великоросса, что вовсе не согласовалось со статьями Хмельницкого; и так далее.

Хуже всего было то, что и это все выпрашивалось, вымаливалось и, как данное из милости, могло быть отобрано во всякое время, как и действительно вскоре было отобрано. Но что же было делать, если не чувствовалось сил бороться, добиваться своих прав. Предшествующие события показали полное отсутствие силы сопротивления в украинском обществе, и Апостол считал своим долгом просить, молить и буквально — бить челом за царскую милость.

На основе решительных пунктов произведено было избрание новых кандидатов на украинские должности и заполнены вакансии в украинском управлении. Затем избрана была комиссия из украинских юристов, которая должна была собрать воедино законы и права украинские и составить таким образом украинский свод законов. Чтобы положить конец расхищению войсковых и козачьих земель, произведена была ревизия прав на землю всей старшины. Преобразованы были на новых основах полковые канцелярии, где собирались дела полкового управления. В 1730 году издана была очень важная инструкция судам, в духе реформы Полуботка: все суды от сельских и сотенных и до войскового включительно должны были производиться коллегиально, и указан был порядок апелляции: из судов сотенных в полковые, а из полковых в генеральный войсковой;

этот генеральный суд отныне должен был служить только апелляционной палатой: вчинать дел в нем нельзя было.

Важным событием было также возвращение запорожцев. Выше было уже упомянуто (гл. 97), что полное отчуждение от Украины, которому они подверглись после своего перехода под покровительство Турции, очень скоро дало себя почувствовать сечевикам, и они начали ходатайство, чтобы российское правительство разрешило им вернуться обратно. Гордиенко и Орлик сдерживали их как могли, но после смерти Гордиенка эти ходатайства о возвращении на Украину стали еще сильнее. Однако российское правительство не считало возможным принять их назад, пока держался мир с Турцией, чтобы не нарушать договора, которым запорожцы были признаны турецкими подданными. Обещало принять их, когда дойдет до войны с Турцией: русским войскам на случай войны важно было иметь запорожцев на своей стороне. Война же стала грозить уже с конца 1720-х годов, и возвращение запорожцев ввиду этого становилось вопросом времени. В 1733 году, когда началось бескоролье в Польше, война с Турцией была принципиально решена, и летом того же года запорожцам была послана царская грамота о принятии их обратно под власть России, но о времени, когда они могут перейти в действительности, обещали уведомить их позже. Однако дольше ждать запорожцам нельзя было, так как хан призывал их в поход на Польшу. Поэтому в начале 1734 года они вышли из Алешек и перешли на Запорожье, на Базавлук. Затем в Лубнах были составлены с запорожскими делегатами условия, на которых запорожцы возвращались под власть России: жить им предоставлялось на старых местах, как жили до 1709 года, и свободно заниматься всякими промыслами; управляться своей выборной старшиной, подчиняясь непосредственно главнокомандующему русскими войсками Украины; вменялась в обязанность охрана границ, а за службу обещано было от российского правительства ежегодно 20 тысяч рублей. После этого запорожцы присягнули на верность царице; было их тогда свыше 7 000 человек.

Так были похоронены последние пережитки воєстания 1708 года. Только неутомимый Орлик, пользуясь новыми смутами: польским бескорольем, борьбой разных партий за польскую корону, в которую вмешалась также и Россия, и русско-турецкой войной, старался еще заинтересовать враждебные России державы украинским вопросом и побудить их вмешаться в украинские отношения, но все его усилия были напрасны.

Эти усилия Орлика и почти одновременно начавшаяся война в Польше, в Крыму и Молдавии вынуждали, однако, русское правительство к осторожности в его отношениях к Украине. Оно сдерживалось и не изменяло резко своей политики, хотя в правительственных кругах давно повеяло другим ветром. Царь Петр II умер в 1730 году, его место заняла тетка его царица Анна, и с ней вернулась тяжелая атмосфера дяди ее Петра I. Когда старый Апостол тяжело заболел — его в 1733 году разбил паралич, — царица не позволила ему передать управления украинской старшине, а поручила править Украиной своему резиденту князю Шаховскому с советом, наполовину состоявшим из украинцев и великороссов. Так приготовлено было новое правительство, имевшее занять место гетмана после его смерти. Зато были сделаны некоторые облегчения в налогах и податях и уменьшено число великорусских полков, расквартированных на Украине.

Апостол скоро умер (в январе 1734 года). Была это тяжелая утрата для Украины того времени. Без сомнения, он искренно желал добра своей родине и умел трудиться для ее блага. Если его покорная и низкопоклонная тактика может неприятно действовать на нынешнего человека, то необходимо помнить, как трудно было ему держаться какой-либо более решительной политики, имея вокруг себя новые поколения украинского общества, воспитанные в московской школе, изверившиеся в возможность для них не только борьбы, а и простого достоинства, и привыкшие основывать все на московской милости, видя вокруг стаи всяких пройдох, ничем не связанных с украинским народом и Украиной, но по милости царских приближенных занявших различные значительные должности и не задававшихся иными целями, кроме обогащения себя лично и своей семьи.

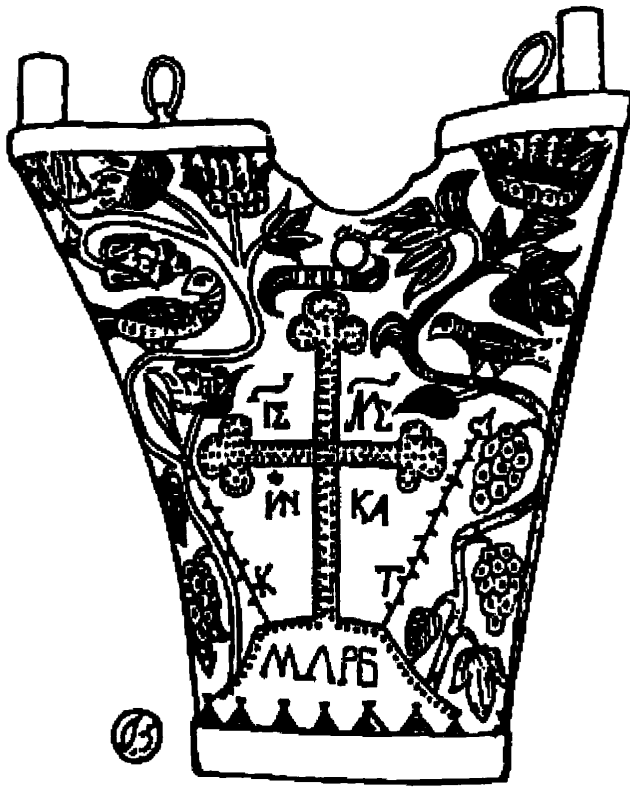
101. Вторая отмена гетманства

Русское правительство воспользовалось смертью Апостола, чтобы снова отменить гетманскую власть. При первом известии об его смерти опубликован был печатный указ, пояснявший, что для избрания «доброго и верного человека для этой знатной должности» нужно основательное рассуждение, и пока отыщется такой верный человек, императрица вводит правление, составленное из шести особ. Царский резидент князь Шаховской с двумя товарищами-великороссами и генеральный обозный Лизогуб с двумя товарищами-старшинами будут с общего совета решать

все дела гетманского управления, по «решительным пунктам» Апостола. «А быть им в заседаниях в равенстве, а заседать по правой стороне великороссийским, а по левой малороссийским». С своей стороны императрица обещает сохранять за украинским народом его права и вольности по статьям Богдана Хмельницкого.

Все это даже выражениями своими сильно напоминало известную уже нам грамоту Петра I, и действительно, упоминания о статьях Хмельницкого и о временном характере вводимого управления писались для виду, а в тайной инструкции князю Шаховскому откровенно объяснялось, что об избрании гетмана упоминается только для того, чтобы не вызвать раздражения и смуты, а на самом деле правительство вовсе не намерено более допускать избрание гетманов. Украина снова была переведена в ведение сената, как обыкновенная имперская провинция, и ее фактическим правителем должен был являться первоприсутствующий новой коллегии, князь Шаховской. Равенство членов, о котором упоминалось в указе, оставалось пустым звуком ввиду тех прав, какими наделен был первоприсутствующий. Князю Шаховскому поручалось секретно присматривать и следить за украинскими членами правления, и если бы за ними обнаружилось что-нибудь подозрительное, то арестовать и на их место по своему усмотрению назначать людей, расположенных к русскому правительству, а вообще в важном случае не обращать внимания ни на какие инструкции, а поступать по своему благоусмотрению.

Таким образом, новый первоприсутствующий в действительности являлся настоящим правителем Украины, точно так же, как прежний президент петровской малороссийской коллегии. Но правительству пришлось еще раз разочароваться в своих правителях и вообще в великороссах, назначаемых на украинские должности. Они самоуправничали, притесняли население, не считались ни с какими законами, полагаясь на доверие правительства. Этим подкапывали они у украинского населения всякое доверие к московскому управлению и московским чиновникам и во все те заманчивые слова о справедливости и защите населения от злоупотреблений, рассыпавшиеся в московских указах о введении новых порядков. Поэтому Шаховскому поручено было озаботиться также и тем, чтобы членами нового правления и генерального суда назначались из великороссов люди достойные, которые могли бы внушить украинскому народу доверие и расположение к московским порядкам. По прежнему примеру рекомендовалось также пояснять простому народу, что

171. Запорожская пороховница
1726 года

преемники; можно себе представить, как должно было себя чувствовать украинское общество под таким управлением. Хотя царское правительство поручало при этом вести свою политику «секретно», «под рукой», «искусным образом», но трудно было рассчитывать на какую-нибудь деликатность в те суровые бироновские времена, когда не жалели и своих, наиболее высокопоставленных и заслуженных людей, не говоря уже об этой подавленной и терроризированной украинской старшине. Само правительство, когда доходило до дела, забывало о всякой деликатности. Киевский митрополит Ванатович вместе с игуменами киевских монастырей был устранен от должности и сослан за то, что не отслужил молебна в царский день. По различным, совершенно неосновательным подозрениям против старшины поручалось обыскивать и забирать бумаги и письма самых выдающихся и ни в чем не заподозренных старшин — в том числе самого Лизогуба, старейшего украинского члена коллегии. Можно себе представить, как обращался и Шаховской и его преемники с рядовым украинским населением! Шаховской считал даже, что правительство еще слишком церемонится с старшиной, и советовал совершенно устранить ее от всякого участия в правлении, назначив просто единоличного намест-

новые порядки вводятся для защиты населения от старшинских притеснений, а на гетманское управление сваливать все беспорядки и беззакония, чтобы население не желало возобновления гетманства. Наконец, для того, чтобы обрусить высшие слои украинского общества, Шаховскому рекомендовалось «секретно под рукой» отводить украинскую старшину от поляков и прочих «заграничных жителей», а побуждать их «искусным образом» к тому, чтобы украинцы женились и роднились с великороссами.

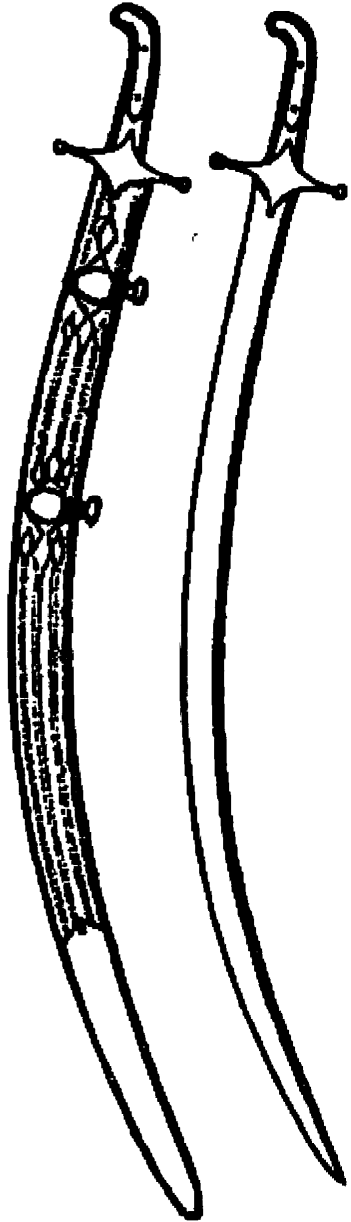
Такие инструкции получал Шаховской и его

ника великоросса (он подразумевал, вероятно, при этом свою почтенную персону). Однако царское правительство не соглашалось на такой резкий образ действий и успокаивало своего слишком горячего представителя, что украинские члены все равно в правлении ничего не значат, а если бы их вовсе устранить от всякого участия, то это могло бы украинский народ привести «в какое сомнение». А как соблюдались при этом утвержденные царским правительством права и привилегии, может показать следующий пример: киевский городской магистрат защищал свои права от самоуправства великороссийских властей, и вот в 1737 году тогдашний правитель Украины (первоприсутствующий коллегии) князь Барятинский, придравшись к какому-то пустяку, арестовал весь киевский магистрат и вместе с ними все грамоты города Киева, а правительству объяснил, что поступил так для того, чтобы магистрат не имел потом на что ссылаться в доказательство своих прав и вольностей.

Кроме этого великорусского правления, в это время над Украиной тяготела также тяжелая рука всякого военного начальства: киевских военных губернаторов (занявших место прежних воевод), командующих российскими войсками, во время затяжной турецкой и крымской кампании и польских войн по своему усмотрению распоряжавшихся на территории соседней Украины и командовавших украинскими полками и всякой старшиной, не справляясь ни с какими правами и статьями. Совершенно обескураженная самовластием своих великорусских правителей, их суровым обхождением, подозрительностью и неразборчивостью в суровых наказаниях, украинская старшина молча покорялась, не осмеливаясь даже поднять голоса о своих правах, об обещанном избрании гетмана и прежних порядках — рада была, если ей кое-как позволяли существовать, и держалась тише воды, ниже травы. Насколько тяжело было это великорусское правление, воспитанное в суровой школе Бирона, показывают позднейшие воспоминания украинцев, когда на место великорусских правителей в 1740 году был назначен англичанин генерал Кейт: этот суровый воин оставил после себя хорошую память тем, что не любил пыток и следственных «пристрастий» и был умерен в наказаниях, обращался с людьми приветливо и ласково. И это уже было в диковинку!

Но если же так тяжело приходилось украинским верхам, то каково же было низам? Тяжело приходилось и от своей старшины, устраненной от всякой политической деятельности и с тем большим старанием принявшей за увеличение своих име-

ний и устройство хозяйства, за обеспечение своего потомства землями и всяким благосостоянием. Подчиняясь имперской политике, исполняя мелкие капризы великорусских правителей и снискивая этой покорностью милость последних, она с тем большей энергией занималась присвоением земель, закрепощала козаков и посполитых, уверенная, что правители будут смотреть сквозь пальцы на эти злоупотребления и не дадут хода делу,

172. Запорожская сабля (коллекция Украинского наукового товариства в Киеве)

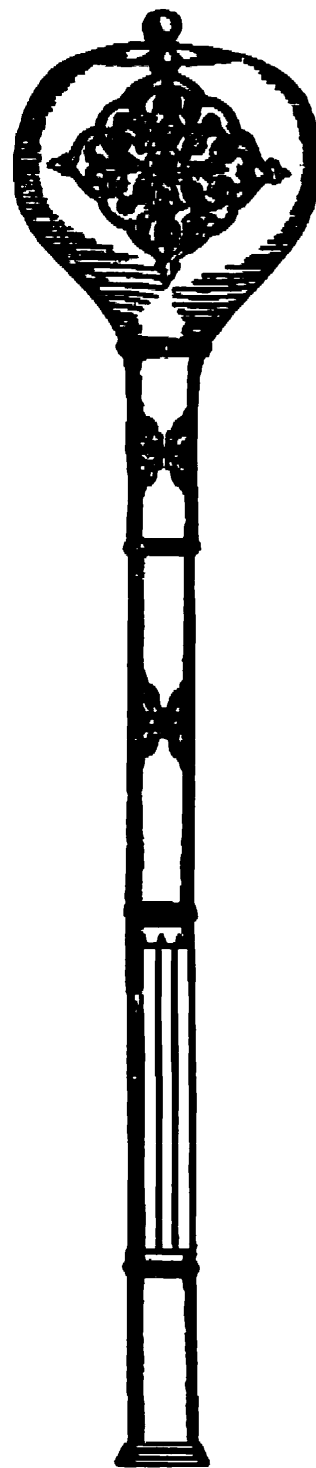
если какой-нибудь обиженный крестьянин или козак начнет жаловаться на свои обиды перед великорусскими властями. Правительство для устрашения старшины умело пускать слухи, что новые порядки вводятся для того, чтобы защитить население от старшинских злоупотреблений; но в действительности у новых великорусских правителей точно так же нельзя было найти никакой управы на старшину: взрощенные среди жестокого крепостного права Великороссии, притом большие взяточники, они в разных возникавших делах обыкновенно принимали сторону помещиков-старшин, а не обиженного населения.

Вместо справедливых и честных людей, которые могли бы расположить население к имперским порядкам, украинцы видели перед собой разных самодуров и взяточников, привыкших к чрезвычайно суровому и жестокому обращению с населением, какого не знало обывкшее к гораздо более мягкому и свободному режиму население Украины. Видели разных проходимцев и мошенников, пугавших людей, доводивших их до тюрем и ссылки страшным «словом и делом», которым доносились в ужасную российскую «тайную канцелярию» всякого рода политические наветы. Известен анекдот, как проезжий великорусский офицер, захавший со своей командой к одному украинскому пану и недовольный сделанным угощением, привязался к хозяину за то, что у того на кафелях печи нарисованы были российские двуглавые

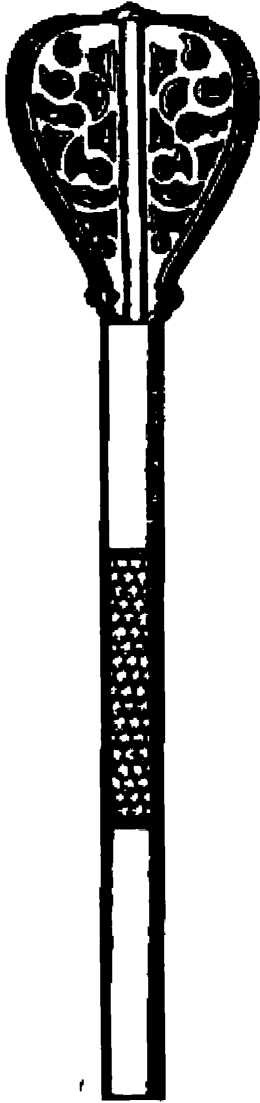

орлы. Без рассуждений арестовав его, он отправил в тайную канцелярию, обвиняя, что тот жжет на своих печах царский герб «неизвестно с каким умыслом». Тайная канцелярия, усмотрев в этом действительно «слово и дело», взялась допрашивать бедного панка, зачем поставил на печах царский герб и жжет его? И хотя тот доказал, что это обыкновенные кафли, купленные на ярмарке, но все-таки, чтобы освободиться из рук страшной канцелярии, должен был пожертвовать добрым табуном коней, рогатым скотом и немалой суммой денег.

Правительство и правительственные сферы, сознавая, что украинцам не могло быть по сердцу то, что они творили с Украиной, были настроены чрезвычайно подозрительно по отношению к украинцам: все прислушивались к слухам о заговорах, изменах и за каждый пустяк готовы были привлекать людей к следствию — тогдашнему следствию, неслыханно суровому, сопровождавшемуся жестокими пытками, какие и оправданного зачастую навсегда лишали здоровья. Страшные предания об этих допросах и следствиях долго ходили по Украине. «Канцелярия не переставала допрашивать, расспрашивать, мучить разными орудиями и, наконец, пекти шиною попадавших ей несчастных людей, — пересказывает эти предания позднейший автор «Истории Руссов, или Малой России». — Дела ее и подвиги значили бы в нынешнее время бред горячки или помешанных умов, а тогда они были самые важные, таинственные и прибыточные. В ней мучились и истязались люди единственно по доносам и всех родов придирам и прицепкам переходивших квартировавших солдат, а паче из беглецов и других бродят, а доносы состояли — «о слове и деле государево», и сие «слово и дело» было для злодеев и бездельников как бы сигнал или лозунг, либо талисман, на их злобу и мщенье, и состояло оно из трех пунктов: касательно жизни, чести и благосостояния государевой особы и его фамилии. Каждый обыватель, хотя бы он был наичестнейший человек и

173. Булава
(Черниговский музей)

174. «Пернач»
Полуботка
(Черниговский
музей)

дознанного поведения, подвергался мучительствам по доносу самого дознанного злодея и бездельника: когда не употчевал кто солдата и всякого бродяги, когда не обдарил или по неосторожности озлобил чем такого, то уже горе тому! Бродяга тотчас идет к городскому или сельскому начальнику и кричит перед ним, что имеет на такого-то именно донести «слово и дело государево» — «куй его и меня!». Начальство, не имея ничего испытывать, но оцепеневши от одного слова доносителя, оковывает в цепи оговоренного, а равно и доносчика, отправляет их под крепчайшею стражею и видом самого ужасного секрета в министерскую канцелярию¹, а там, не входя в исследование о состоянии доносителя и оговоренного, о причинах самого доноса и может ли он быть справедлив, и не входя даже в рассудок, могли оговоренный по расстоянию и способам жительства сделать какое зло государю и его фамилии, которых он никогда не видал и видеть не может, но повинувшись слепо инструкции, определяют доносителя в пытку, и когда он в три разные ее приемы выдержит и утвердит донос свой, то уже оговоренный есть безответен и его мучают и умерщвляют непременно».

К этому присоединялась для козачества тяжелая военная служба в турецких, крымских и польских походах, а для крестьян — хождение с подводами, доставка провианта для войска то даром, то якобы за плату, которой, однако, нельзя было дожидаться.

Москалики-соколики, поїли ви наші волики,
А коли вернетесь здорові — поїсте й останні корови —

записывает автор той же истории Украины на память о том, «как украинские народы хвалили свое гостеприимство московскому войску в турецкую войну». Из записок современника Якова Марковича, генерального подскарбия, узнаем, как целыми десятками тысяч забирались тогда вола из Украины для войска — «с тем, что за них позже будет дана плата»!..

---

¹ Автор смешивает с петербургской тайной канцелярией какое-то другое учреждение.

Население жестоко разорялось этим собиранием скота и провианта, подводной повинностью, нередко лишавшей крестьян последнего рабочего скота, так что возницы возвращались пешком и без всякого вознаграждения.

Ой у неділю рано-пораненьку усі дзвони дзвонять,
Ой там наші, наші чумаченьки вози и воли гонять.
Ой почім тая Молдава славна, що жовтії піски?
Ой у Молдаву гнали по чотири вози, з Молдави пішки.
Ой почім тая Молдава славна, що крутії гори?
Ой у Молдаву йшли чумаки в жупанах, назад та голі.

102. Гетманство Разумовского

Все эти обстоятельства чрезвычайно тяжело отражались на народной жизни. Украина была вконец разорена. Министр Волынский, переезжая через Украину в 1737 году, писал тогдашнему правителю Бирону, что до самого въезда своего в Украину он не предполагал, что она так могла опустеть и такое множество здешнего народа погибло, а теперь столько выгнано на войну, что не осталось даже достаточного количества рабочих рук, чтобы посеять хлеба для пропитания; и хотя думают, прибавляет Волынский, что так много земли осталось незасеяною, благодаря упорству населения, но если рассудить по совести, то и некому работать и нечем — столько волов закуплено и погибло их в подводах, а теперь еще и сверх этого из одного Нежинского полка взято в армию 14 тысяч волов, а сколько из других полков взято, того точно сказать нельзя. Позже, в 1764 году, вспоминая все это, украинская старшина писала в своем прошении к царице: «Во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россия всю тяжесть оныя несколько лет несла содержанием армии на квартирах, поставкою провианта и фуража дачею, а больше насильным взятием в подводы лошадей и быков, не только мужичих, но козачих шляхетских и всякого звания людей, взяты с нея многие и различные поборы, а именно быками и лошадьми до нескольких сот тысяч и прочими нужными для армии вещами, и сие все взимаемо было на счет заплаты, по квитанциям и без квитанций. Таким образом взяты и во время нынешней прусской войны быки и лошади. Сверх того, как в прежние года содержались, так и ныне содержатся от Малой России провиантом и фуражем некоторые полки на счет заплаты. Но за все вышеписанное, кроме некоторой суммы, заплаченной за быков и лошадей, взятых во время турецкой войны,

никогда расчету и уплаты не было, отчего как все генерально обыватели малороссийские почувствовали не малое истощение, так особливо козаки и мужики пришли в крайнее изнеможение и бедность».

Такие условия вызывали сильнейшее неудовольствие, горячие желания возвращения к гетманскому управлению и живейшую радость, когда это возвращение стало возможным. Окончание тяжелой турецкой войны (1740) только несколькими месяцами упредило смерть императрицы Анны. После кратковременного регентства Анны Леопольдовны, осенью 1741 года произошел переворот, свергнувший регента и посадивший на престол дочь Петра I, Елизавету. Это повлекло перемену в политике правительства российского по отношению к Украине. Хотя Елизавета считала себя в политике верной последовательницей своего отца, но в отношениях к Украине личные симпатии склоняли ее к большей снисходительности. Еще будучи великой княжной, лишенной всякого влияния и значения, полюбила она красивого придворного певчего Алексея Разумовского. Он был сыном реестрового козака из села Лемешей (теперешнего Козелецкого уезда Черниговской губернии); обладая хорошим голосом, пел в церковном хоре своего села, затем был отправлен в Петербург, в царский хор. Здесь его заметила царица, приблизила к себе, сделав его управляющим одного имения, а став императрицей, тайно обвенчалась с ним и до самой своей смерти осыпала его милостями, наградив чином фельдмаршала и званием графа Римской империи. Необразованный и не отличавшийся большими способностями, Алексей Разумовский был, однако, человек с природным тактом, притом добрый и искренний; он умел найтись в этом необычном положении, в политику не вмешивался, но остался верен своей украинской родине и снискал ей симпатии царицы. Вначале украинцам были даны только некоторые незначительные облегчения, но в принципе решено было восстановление гетманства и возвращение других украинских порядков. В 1744 году императрица посетила Киев, осматривала его святыни и в ответ на радостные приветствия населения высказывала свое сочувствие и симпатии к украинскому народу. Сочувственное отношение царицы к украинским нуждам было, конечно, известно старшине, и эти обоюдные изъявления симпатий и доверия подготавливали почву для нового направления украинской политики. Уверенные в благосклонном приеме императрицы, генеральные старшины и полковники подали ей петицию о разрешении избрать гетмана, и императрица заявила принципиальное сочувствие свое это-

му желанию, велела прислать специальную депутацию в столицу по случаю бракосочетания наследника престола Петра (с будущей императрицей Екатериной II) и обещала удовлетворить ее пожелания. Когда эта депутация прибыла, ей был оказан благосклонный прием, а на поданное прошение об избрании нового гетмана был обещан благоприятный ответ. Дело затянулось однако, так как лицо, предназначенное правительством в гетманы, не было еще готово для этого поста. Это был младший брат Алексея Разумовского, Кирилл; ему тогда окончилось только двадцать лет (родился в 1724 году). Его воспитывали как знатного барина и для окончания образования послали в это время с гувернерами за границу. Конечно, украинской старшине это было известно, и депутаты ее, сидя в Петербурге, терпеливо ожидали, пока поспеет этот будущий гетман. Наконец в 1746 году его привезли из заграничного путешествия, женили на царской свояченице Екатерине Нарышкиной, наградили всяческими чинами, орденами и титулами (между прочим, он был назначен президентом российской академии наук!), и после всего этого сочли возможным представить украинской старшине в качестве кандидата на гетманство. В 1747 году отдан был сенату указ о восстановлении гетманства, а в конце 1749 года императрица уведомила наконец украинскую депутацию, все еще сидевшую в Петербурге в ожидании ответа, что на Украину посылается полномочный министр императрицы, ее родственник граф Гендриков, для избрания гетмана, и с этим украинские депутаты были отосланы на Украину.

Действительно, в феврале 1750 года прибыл в Глухов этот представитель императрицы с большой помпой. Украинская старшина и всякие военные чины с духовенством заблаговременно ожидали его там. 22 февраля произошло в необычайно торжественной обстановке избрание последнего гетмана.

Впереди шла военная музыка, затем секретарь министерства иностранных дел вез царскую грамоту, которой собранные полки отдавали честь. За ним бунчуковые товарищи, Гамалия с товарищами, несли гетманскую хоругвь, а за ней шел генеральный хорунжий Ханенко с двадцатью бунчуковыми товарищами¹. Затем бунчуковые товарищи Маркович и Ширяй несли на красной подушке гетманскую булаву, и за нею шли генеральные старшины: судья Горленко, подскарбий Скоропадский и писарь

---

¹ Бунчуковые и войсковые товарищи — почетные чины, дававшиеся лицам из заслуженных старшинских родов, не занимавшим действительных должностей.

Везбородко, и при них 24 бунчуковых товарища. Бунчуковые товарищи Лизогуб и Чернолузский несли на бархатной подушке гетманский бунчук, потом шел генеральный бунчуковый Оболонский с бунчуковыми товарищами и прочей старшиной. Бунчуковые товарищи, два Горленка, несли на бархатной подушке гетманскую печать, а за ней шел писарь генерального суда Пиковец с канцеляристами генеральной канцелярии и войскового суда. Наконец, бунчуковый товарищ Мокриевич нес войсковое знамя, и с ним шли войсковые товарищи, а шествие замыкал сам представитель императрицы Гендриков, в карете.

Процессия прошла в церковь, и здесь, после того как прочитана была царская грамота, присутствующему «войску и народу» предложено было избрать себе гетмана.

Конечно, присутствующие без колебания заявили, что хотят гетманом Кирилла Разумовского. Повторив трижды свой вопрос и получив все тот же ответ, царский представитель объявил избранным Разумовского, и затем вся процессия со всеми регалиями отправилась в другую церковь, св. Николая, где было отправлено торжественное богослужение по случаю радостного события. Представителю императрицы за труд и честь генеральная старшина поднесла в подарок 10 тысяч рублей (огромная по тому времени сумма), его товарищам 3 тысячи, а полкам на угощение поставлено было свыше 900 ведер водки.

После этого торжественного избрания к императрице отправлена была депутация с уведомлением об этом; императрица утвердила Разумовского на гетманстве и издала указ, коим повелевала считать гетмана наравне с российскими фельдмаршалами, а затем ему был пожалован наивысший орден, св. Андрея. Великороссийские должности, учрежденные в Гетманщине, были отменены; под власть гетмана отдана была также Запорожская Сечь, и вообще возобновлен украинский строй, какой существовал перед 1722 годом — до заведения малороссийской коллегии, и Украину снова перевели в ведомство министерства иностранных дел. Однако Разумовский, поссорившись с министром, или как его называли — президентом иностранной коллегии, сам потом попросил перевести его в ведомство сената. Так началось правление последнего украинского гетмана, продолжавшееся без малого пятнадцать лет.

Весной 1751 года новый гетман получил от царицы гетманские клейноды и грамоту, по содержанию аналогичную с грамотой, данной Скоропадскому, и отпущен был на Украину. Прибыв в свою столицу, отпраздновал здесь с большой торжественностью свое вступление в должность. Порядок процессии был такой же,

как при избрании, только уже везлись генеральными старшинами на лошадях и в каретах гетманские клейноды, окруженные бунчуковыми и войсковыми товарищами; следовала царская грамота, данная Разумовскому, и ехал он сам, тоже в роскошной карете, запряженной шестью лошадьми, окруженный скороходами и лакеями, в сопровождении бунчуковых товарищей, запорожских козаков и компанейцев. В церкви было объявлено царское утверждение в гетманской должности, затем клейноды были отвезены в гетманскую палату, и здесь гетман угощал обедом старшину и прочие чины. Украинские летописцы с большой обстоятельностью описали все эти церемонии — последний отблеск украинской державности, и сохранили их в своих летописях как последнее радостное событие украинской жизни — перед окончательным уничтожением украинской автономии.

Сам новый гетман был человеком совершенно чужим Украине и ее жизни. Он вырос в Петербурге, был всем связан с петербургским обществом. Его доверенным человеком был Гр. Теплов, бывший его учитель, человек хитрый, «коварник», и тоже совершенно чуждый украинскому строю и жизни. Его позднейшая записка «о беспорядках в Малороссии» дала царице Екатерине материал против украинского гетманского и старшинского управления, для его уничтожения, и на Украине Теплова считали главным виновником уничтожения гетманства. Рассказывали, как еще при первом объезде Украины новым гетманом случилось следующее происшествие: в Чернигове ветер сорвал с Разумовского ленту ордена св. Андрея. Теплов подхватил ее; старая мать Разумовского увидела в этом предзнаменование бед, которые должны были постигнуть ее сына от Теплова, и советовала гетману не держать при себе последнего и не слушать его советов, но гетман не внял ее предостережениям и погиб от этого.

На Украине Разумовский скучал, чаще проживал в Петербурге; держался не как товарищ украинской старшины, а как какой-нибудь владетель божьей милостью и в своей глуховской резиденции завел двор по образцу петербургского двора. В украинские дела не очень вмешивался, и Украиной правила старшина по своей воле, сносясь непосредственно с сенатом и российским правительством. Ввиду влияния и значения Разумовского в правительственных кругах разные великорусские военные и гражданские власти не решались вмешиваться и командовать на Украине по-прежнему. Вечные хлопоты доставляло только Запорожье: постоянно возникали жалобы на сечевиков,

то из-за новой линии крепостей, захватившей старые запорожские земли, то из-за нападений запорожцев на крымские, турецкие и польские владения, и из Петербурга шли напоминания гетману, чтобы он держал Сечь в повиновении, а в действительности это, конечно, было невозможно и приготавлило для Сечи печальный конец. Вне этого украинская жизнь под охраной царской милости к последнему гетману протекала довольно спокойно, старшина имела возможность устроить украинские отношения по своему желанию, и то, что было сделано ею в это время, пережило затем и уничтожение гетманства, а кое в чем дожило и до нашего времени. В этом заключается значение времени последнего украинского гетмана, как бы мало интересен ни был он сам по себе.

103. Строй и общественные отношения Гетманщины

Из предыдущего мы знаем в главных чертах строй украинской Гетманщины, как он сложился в половине XVII в. (см. особенно гл. 83). Войсковое деление на полки и сотни со временем перешло на территорию, стало делением последней на полковые и сотенные округа, а затем, когда уничтожено было польское управление, это козацкое устройство заняло место последнего и стало приобретать характер общего управления. Однако не так легко было этому военному, приспособленному больше к военной мобилизации, чем к административным делам строю перейти в систему такого общего, всеобщего, общеземского управления. Над этим нужно было много поработать, и лучшие представители украинской старшины работали в этом направлении усердно, сознавая нужды и запросы общего управления, — но мы видели, какие трудности встречали они на этом пути со стороны российского правительства, имевшего в виду вовсе уничтожить автономный украинский строй под предлогом его неурядков и поэтому совершенно не желавшего его улучшения. Полуботок погиб из-за своих реформ; Апостол в свое короткое правление успел только кое-что сделать в этом направлении, а затем наступили тяжелые времена великороссийского правления, когда новые правители и всякие посторонние великорусские власти, военные и гражданские, своими вмешательствами и распоряжениями, часто противоречивыми и невозможными, окончательно запутывали украинское управление.

В центральном управлении всей Гетманщины вначале сформировались два высших правительственных учреждения: одно — войсковая или генеральная канцелярия, другое — генеральный суд. Войсковая канцелярия заведовала делами войсковыми и общеадминистративными, во главе ее стоял войсковой (генеральный) писарь. После смерти Апостола она объединилась с правящей коллегией, как высшее управление, под названием генеральной войсковой канцелярии. В войсковом суде судил войсковой судья, сначала единолично, а затем, как уже знаем, этот суд получил характер коллегиальный: явились заседатели, и так образовался позднейший генеральный суд. При выборе Апостола была выделена в особое управление еще войсковая казна («скарб»), которой заведовали два «подскарбия»; счетоводство вела особая «скарбовая канцелярия», а при ней в виде государственного контроля «счетная комиссия». Наконец была еще особая артиллерийская канцелярия под управлением обозного, заведовавшая войсковой артиллерией и определенными на ее содержание именными и доходами.

Войсковая рада перестала собираться уже со времен Самойловича; некоторое воспоминание о ней оставалось только при избрании гетмана, и то лишь в виде простой формы. Все важнейшие дела решала рада старшины, созываемая гетманом; дела текущего управления или не терпевшие отлагательства решались совещанием гетмана с наличной генеральной старшиной и полковниками.

После того как Правобережная Украина отошла к Польше, Гетманщина разделялась на 10 полков: Стародубский, Черниговский, Киевский, Нежинский, Прилукский, Переяславский, Лубенский, Гадячский, Миргородский и Полтавский. Полки и теперь были неодинаковы как по своей величине и населению, так и по числу козаков, значившихся в них. Так, например, в 1723 году в Нежинском полку было 19 сотен и в них без малого 10 тысяч козаков (6566 конных и 3379 пеших), в Киевском 8 сотен и в них неполных 3 тысячи козаков (1657 конных и 1269 пеших). Всего в десяти полках было тогда 114 сотен и около 50 тысяч козаков. В 1735 году правительство выделило для действительной войсковой службы из козаков «выборных», более состоятельных, разделив их пропорционально по полкам, а остальных козаков назначило в «подпоможчики» выбранных; однако позже вышло так, что эти «подпоможчики», наоборот, служили службу на счет более состоятельных выборных.

Высшая власть в полку принадлежала полковнику. Хотя в каждом полку существовали должности, соответствующие долж-

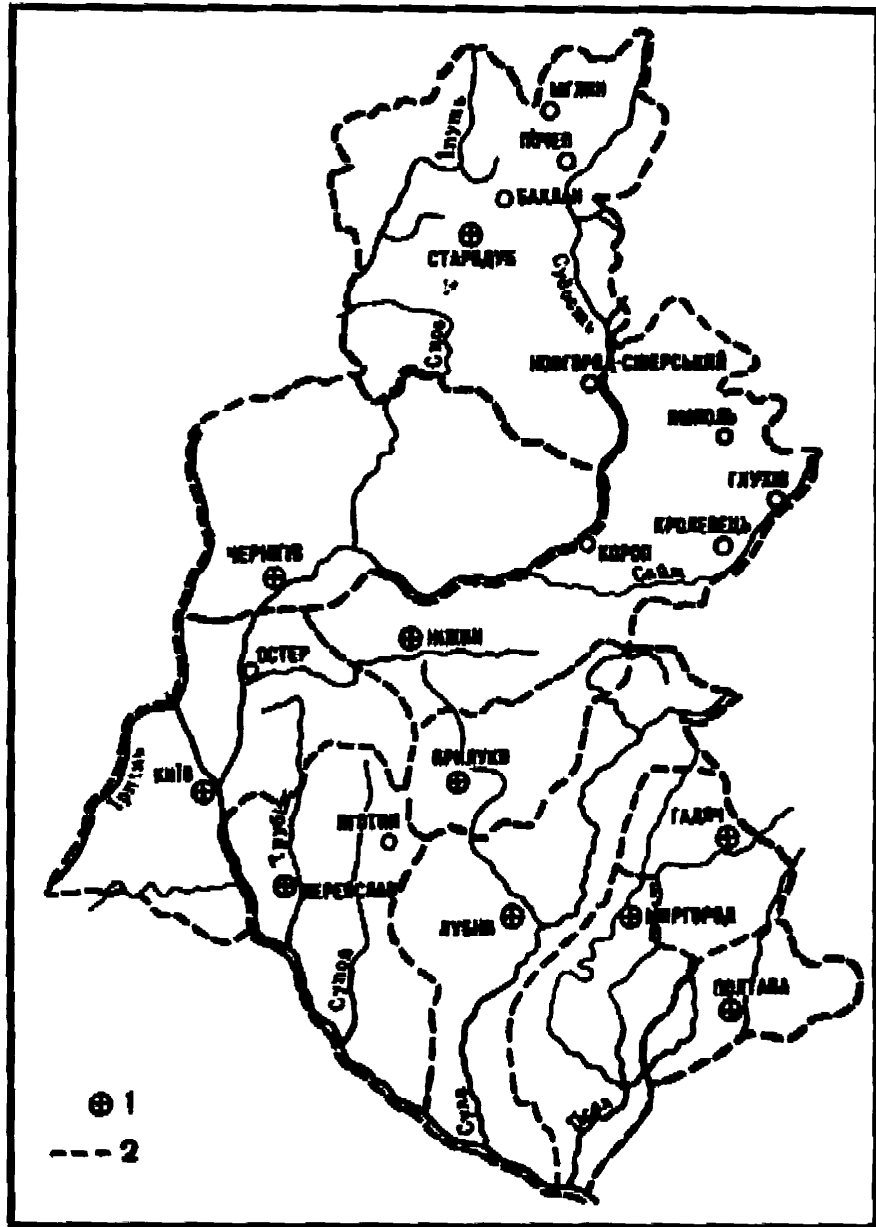
ностям «генеральным» целого войска (обозный, судья, писарь, есаул), но они не имели особого значения в управлении, и вообще в XVIII в. власть и сила полковников чрезвычайно возросли. С того же времени, как московское правительство окончательно взяло в свои руки назначение полковников и воспретило гетману сменять их без царской воли, значение полковников поднялось еще более, и власть гетмана с генеральной старшиной над полковниками в действительности была очень невелика. С другой стороны, в полковом управлении, так же как и в войсковом, утратило всякое значение рядовое козачество. Самоуправление осталось только в козачьих общинах. Даже сотников обыкновенно назначали своей властью полковники, хотя по закону сотника или кандидатов на сотничество должна была избирать сама сотня; впрочем, это право выбора признавалось не за сотенными козаками, а за сотенной старшиной, и если выборы происходили, то производились этой последней.

Таким образом, от козацкого самоуправления не осталось почти ничего, и если вообще и осталось еще какое-нибудь самоуправление в делах, выходящих за пределы сельской или городской общины, то было оно всецело старшинским, — лежало в руках старшинских родов, которые под названием «товарищей бунчуковых», «значковых» и «значных войсковых» составили наследственный привилегированный класс — «шляхетство», как оно себя называло, и все гетманское управление XVIII в. имеет характер аристократический, панский (старшинский).

В полной зависимости от него находились городские общины. Меньшие, так называемые «ратушные», подчинялись непосредственно полковой и даже сотенной администрации; большие, так называемые «магистратские», т. е. имевшие полное магистратское управление по немецкому праву, считались независимыми не только от полковников, но и гетману подчинялись лишь в некоторых делах (таких городов в середине XVIII в. насчитывают десять). Но и ими распоряжаются полковники довольно самовластно. Духовенство, хотя и подчинялось непосредственно синоду через своих владык — в действительности также находилось в сильной зависимости от старшины. О рядовом козачестве и посполитых (панских) подданных нечего и говорить, — они находились в полной власти старшины.

Последнее господство старшины под «регентством» Разумовского вообще развило до крайних границ и утвердило этот старшинский характер Гетманщины, начавший сказываться уже перед тем, с конца XVII в. Стараясь по возможности упорядочить

и завершить общественно-политическое устройство Гетманщины, старшина создала его на своих панских основах и, развивая принципы старшинских прав, разрушала окончательно остатки старого демократического строя. Сильно повлияли при этом на эти стремления старшины также законодательные памятники, унаследованные ею от старого строя и за недостатком своего писаного права превратившиеся в сборники обязательного права.

175. Гетманщина XVIII века, с разделением на полки (с карты, сделанной в 1780-х годах Аф. Шафонским). Кольцо с крестиком означает место полка; --- границы полков.

Выше уже было упомянуто (гл. 92), что обычное украинское право, по которому должен был производиться суд во всех судебных установлениях, не было кодифицировано, и поэтому суды обращались к помощи сборников права, какие были под рукой и сохранялись в городских судах — к магдебургскому праву, а также к Литовскому статуту, и то не в первой редакции, более близкой к местному праву, а в позднейших редакциях 1566 и

1588 годов, глубоко проникнутых влияниями польского шляхетского строя и права. Хотя к этим сборникам обращались по вопросам права гражданского и уголовного, но при общем шляхетском их характере шляхетские принципы, которыми были проникнуты их постановления, приобретали все большую силу, особенно по мере того, как росло значение Литовского статута как источника права Гетманщины.

Когда по возобновлении гетманства в 1727 году, на основании «решительных пунктов», была собрана комиссия украинских юристов, чтобы свести в одно целое украинские законы, эта комиссия, вместо того чтобы заняться записью народного права — того, что считалось справедливым и законным самим народом, — положила в основание своей работы эти же готовые сборники права, употреблявшиеся в судах украинских: Литовский статут и магдебургское право. Из них составила она свой сборник законов, оконченный в 1743 году и названный: «Права, по которым судится малороссийский народ». Хотя этот сборник не был утвержден правительством, но кодификационная работа комиссии укрепила еще более значение статута магдебургского права, и правительство Разумовского главнейшею своею задачею поставило провести в жизнь постановления Литовского статута о судеустройстве и судепроизводстве во всей полноте. Один из ученейших украинских юристов того времени Федор Чуйкевич предложил в 1750 году новому гетману записку под заглавием «Суд и расправа в правах малороссийских» и, указав в ней недостатки и пробелы украинского судеустройства, предложил план реформы его в духе Литовского статута. В таком направлении действительно была проведена реформа в последние годы правления Разумовского. Генеральный суд дополнен был выборными депутатами от полков, по образцу польского трибунала. Суды полковые были превращены в суды городские и должны были отправляться по образцу польских старостинских судов. Для дел гражданских и поземельных заведены поветовые суды подкоморские и земские, из выборных шляхетских (старшинских) судей. Гетманщина была разделена на 20 таких «поветов».

Правда, эта реформа не просуществовала долго, но она характеризует общее направление старшинских стремлений. Приняв за действующее право Литовский статут, старшина при каждом случае проводила в жизнь те принципы сословности и шляхетских привилегий, какими проникнут Литовский статут. Старшина рассматривает себя как шляхетское сословие (этот термин — «малороссийское шляхетство» — с середины

XVIII в. входит все более в употребление в официальном языке). Прилагая к себе постановления Литовского статута о шляхетских правах и привилегиях, старшина претендовала на такие же права в украинском строе и жизни, какими пользовалась шляхта польская. И подобно тому, как реформировался старый войсковой строй Гетманщины, наподобие шляхетского строя Польши, — так же точно проводились понятия о шляхетских привилегиях старшины в право имущественное, в отношения посольства к панам, в положение крестьян — точнее, в крестьянскую бесправность. Из этого очень многое уцелело и по уничтожении гетманства. Так, разные постановления гражданского права, взятые из Литовского статута, еще и до сих пор имеют силу в старой Гетманщине — теперешних губерниях Черниговской и Полтавской, как здешнее местное право; а понятия о шляхетских правах старшины над посольством сильнее всего повлияли на весь общественный уклад Гетманщины.

104. Слобожанщина

Ослабленной, более бледной, так сказать, копией Гетманщины XVIII в. была соседняя украинская Слобожанщина, занимавшая нынешнюю Харьковскую губернию с соседними частями Курской и Воронежской. Мы уже не раз слышали о ней, знаем, что она заселилась украинскими выходцами, которые в тяжелые моменты выходили из украинских земель, находившихся под властью Польши, за московскую границу и селились за линией пограничных крепостей, построенных московским правительством — за так называемой «белгородской чертой», заграждавшей татарам дорогу в московские земли. Оседая здесь на татарских дорогах, наши выходцы брали на себя сторожевую службу и военную оборону этого пограничья, а за это от московского правительства получали разные права и привилегии.

Известия о таких украинских выходцах имеем еще из второй половины XVI в. и затем в первой половине XVII в. Значительная масса таких переселенцев вышла в 1638 году с гетманом Яцком Острянином — одних только козаков было свыше 800 душ, не считая жен и детей. Они поселились в окрестностях Чугуева и организовали здесь особое козацкое войско, но вскоре почему-то не понравилось им тут, они взбунтовались, убили Острянина и ушли обратно за польскую границу. Затем особенно

большое движение началось после того, как народ разочаровался в Хмельницком и его восстании, в особенности после Берестечка, в 1651 году. Украинцы шли большими партиями и меньшими группами, селились слободами, строили города и переносили в эти края козацкое устройство. Так, в 1652 году тысяча козаков с полковником Дзиньковским пришли с семьями и со всем хозяйством и поселились над рекой Сосной, построили город Острогожск и положили начало Острогожскому полку. В это же время другие партии переселенцев поселились над Пслем, построили город Сумы и положили начало Сумскому полку. В 1654 году встречаем первых поселенцев в Харькове, на следующий год они строят здесь город и так далее. Поселение затем продолжалось и позже, в 1660—1680-х годах, и захватило огромное пространство, приблизительно половину Гетманщины, только реже заселенную.

176. Козацкий старшина
(с иконы начала XVIII века)

За свою войсковую службу эти украинские слобожане были освобождены от всяких податей и повинностей, им позволено было жить и управляться «по своим обыкновениям», и по образцу Гетманщины они организовали здесь полки, числом пять — Сумский, Ахтырский, Харьковский, Острогожский и Изюмский. Полки разделялись на сотни и имели такое же устройство, как в Гетманщине, управлялись выборной старшиной, непосредственно подчинявшейся московским приказам; вообще они состояли в большей зависимости от московской администрации, чем полки Гетманщины. Гетманы пробовали склонить московское правительство, чтобы оно отдало слободские полки под гетманское начальство; особенно добивался этого Самойлович, когда Москва отказалась от Правобережной Украины в пользу

Польши. Но московское правительство, наоборот, имело в виду со временем и Гетманщину поставить в подобное же положение, как слободские полки, и потому не внимало этим представлениям. Рано было заведено в Слобожанщине московское право — судили по московскому уложению, тем более что между украинскими поселенцами было с самого начала некоторое количество великорусского населения, и здешняя старшина обрусела еще скорее и легче, чем в Гетманщине. Слобожанщина служила для московских правителей как бы пробным камнем для постепенной отмены козацких порядков, и обыкновенно правительственным реформам в Гетманщине на несколько десятков лет предшествовали подобные реформы в Слобожанщине. Уже в 1732 году в Слободской Украине сделана была попытка вовсе уничтожить старое козацкое устройство: вместо козацких полков были введены драгунские, годные к службе казаки зачислены были в драгуны, остальные переведены были в крестьянское звание; офицеров назначали великороссийских. Однако эти реформы вызвали такое неудовольствие, что императрица Елизавета в 1743 году отменила эти распоряжения и возобновила козацкий строй, но в вопросах административных подчинила все-таки эти полки белгородскому губернатору. Такой порядок продержался еще двадцать лет, до 1763 — 1764 годов, когда слободские козацьи полки были упразднены и на их место уже навсегда введены полки гусарские.

Общественные отношения складывались здесь подобным же образом, как в Гетманщине, только еще скорее подводились под московские образцы. На старых заимках и войсковых землях вырастали старшинские поместья и заселялись подданными; старшина переходила на положение московских помещиков, некозацье сельское население — на положение крепостных. Содействовали этому огромные пожалования московского правительства старшинам, сумевшим особенно заявить свою верность и покорность. Сумский полковник Кондратьев, например, за свою верность получил такие огромные пожалования, что в 1780 году его семья владела 120 тысячами десятин. Когда в 1767 году обсуждался проект нового уложения для России, некоторые слободские депутаты подняли вопрос об отобрании захваченных старшиною войсковых земель и закрепощенного ими населения и о возвращении его в свободное состояние; но этот проект не имел никакого успеха: московские помещичьи и крепостнические порядки успели уже слишком прочно укорениться.

105. Культурная жизнь Восточной Украины — литература и школа

С точки зрения общественной, как видим, Гетманщина и Слобожанщина с их строем все более теряли свою ценность. Народное и козацкое самоуправление отчасти было уничтожено московским правительством, а что в нем не было отменено — приобрело характер старшинского панского самоуправления. Мещанское самоуправление было придавлено, духовенство также. Сельское население — порабощено. Козачество осталось безо всякого участия в управлении, да кроме того, козаков всякими способами лишали козацкого звания, переводили в посполство и также обращали в крепостное состояние. Украинские учреждения были наполнены бесконечными процессами, где так называемые «искавшие козачества» жаловались на незаконно отобранные козацкие права, и невозможность добиться права законным путем не раз приводила их к кровавым бунтам против угнетателей-панов.

Точно так же утрачивала свою ценность Восточная Украина и с точки зрения национальной культуры.

При том преимущественно церковном характере, какой носила украинская культурная жизнь XVII в. и первой половины или, по крайней мере, первой четверти XVIII, огромное значение и влияние имело подчинение украинской церкви власти московского патриарха. До того времени она считалась под властью константинопольского патриарха, а в действительности была вполне автономна и независима, жила своей самостоятельной жизнью, под непосредственными влияниями общества, замещавшего по своему выбору все важнейшие церковные должности. Когда же, благодаря Самойловичу, московскому правительству удалось добиться подчинения киевского митрополита «под благословение московского патриарха» (1685) и константинопольский патриарх под давлением турецкого правительства дал на это свое согласие (1687), — украинскому духовенству очень скоро пришлось почувствовать над собой московское господство, а вместе с тем и издания и школы украинские попали под московскую цензуру, очень подозрительную и неприязненно настроенную.

Уже и раньше в московских кругах недоброжелательно относились и к украинскому духовенству, и к их школе и литературе. Киевскую академию московские власти хотели вовсе закрыть, пользуясь тогдашними политическими смутами, приведшими в упадок и киевскую культурную жизнь и академиче-

ское преподавание; только опасаясь, что это дало бы повод к большим неудовольствиям на Украине, московское правительство в конце концов оставило это намерение. Киевские издания также довольно часто запрещались в Москве, а при патриархе Иоакиме, в 1670—1680-х годах, было возбуждено настоящее гонение на украинские книги. А с тех пор как киевская митрополия перешла под власть московского патриарха и московские власти могли подвергать украинские издания всяческим стеснениям не только у себя в Москве, а и на Украине, — неприязненное отношение московских властей дало себя очень сильно почувствовать самим украинским издательствам. Вначале выдвигались церковные мотивы этого надзора — чтобы не было неправославных мыслей в этих украинских изданиях. Но затем эти стеснения перешли и на почву языка и чисто национальных соображений. В 1720 году издан был указ, воспрещавший печатать Украине иные книги, кроме церковных, и то лишь со старых изданий, причем эти перепечатки старых церковных книг должны были перед печатанием исправляться по образцу великорусских изданий, чтобы в них и следа не было украинского языка — «дабы никакой розни и особого наречия не было». За этим установлен был строгий надзор, в лице особого цензора для исправления украинских книг, и только после такого цензурного исправления книга могла печататься. Так, например, когда в 1726 году хотели в Киеве напечатать акафист св. Варваре, написанный самим митрополитом, то на это было дано разрешение только под тем условием, что акафист этот перед изданием будет переведен «на великорусское наречие». Так бывало и впоследствии, и получить разрешение на издание книги было очень нелегко, а если она имела какие-нибудь украинские особенности — то и вовсе невозможно. Так, в 1769 году Киевская лавра ходатайствовала перед синодом о разрешении напечатать украинский букварь, так как московских букварей на Украине не хотят покупать; но синод разрешения так и не дал. Даже старые церковные книги украинской печати синод велел забирать из церквей и вместо них вводить книги московского письма.

Все это, конечно, должно было сильнейшим образом отразиться на литературном творчестве и издательской деятельности Восточной Украины. Народный элемент в старой украинской письменности XVI — XVII вв. и без того не был силен. Хотя народный язык в интересах общедоступности был введен в религиозные издания еще в XVI в., но, как мы видим, не переводились противники такого употребления простонародного язы-

ка для религиозных целей; да и те, кто стоял за употребление народной речи, все-таки смотрели на нее, как на что-то низшее и менее почтенное по сравнению с «настоящим» языком — славянским. В украинских школах заботились главным образом о том, чтобы научить своих учеников правильно писать по-славянски, и совсем не думали о народном языке, о его чистоте и правильности. Украинские писатели XVII — XVIII вв. щеголяют церковнославянским стилем, а к народному языку обращаются в повседневном употреблении, в частных письмах, шуточных стихотворениях.

То же самое наблюдаем мы и в отношении самого содержания — в выборе литературных тем и публикаций. Украинская школа сформировалась под влиянием религиозной борьбы и все внимание свое обращала на богословское — догматическое и полемическое образование; все прочее служило второстепенным прибавлением — история, литература и еще более науки естественные и математические. Книжность почти исключительно была церковной, религиозной. Сохранившийся рукописный материал доказывает, что люди того времени живо интересовались историей своего края, списывали старые летописи (имеем целый ряд украинских списков старого сборника летописей киевских и галицко-волыньских), составляли хроники более близкого к ним времени и исторические сборники. Но ничего из этого не было напечатано, кроме одного «Синописа» — краткой истории Руси, составленной в Печерской лавре, очень сухо и неполно (история козачества, борьба с Польшей и вся новейшая история Украины пропущены в ней почти целиком). За отсутствием иной книги, а может быть, и благодаря такой своей «серьезности», эта книга издана была несколько раз (первое издание вышло в 1674 году), между тем другие, гораздо более ценные и интересные вещи остались в рукописях. Историческая письменность была вообще довольно богата; до нашего времени сохранились такие интересные произведения, как Львовская летопись о событиях первой половины XVII в., летопись Самовидца о войне Хмельницкого и последующих судьбах козачества до конца XVII в., много летописей и хроник (например, Супрасльская, Густинская, хроника Сафоновича, Боболинского и других), много козацких хроник, как, например, Грабянки, Лизогуба, Лукомского, и интереснейшая, хотя очень часто и фантастичная, повесть Величка. Произведения эти часто отражают в себе очень живо то, чем жило, интересовалось и волновалось тогдашнее украинское общество; но ничего из этого не считали нужным напечатать те духовные книжни-

ки, в руках которых находились издательские средства. Не прошло в печатные издания ничего и из прекрасных исторических украинских песен, слагавшихся в течение XVII в. и создававших постепенно специальную форму — так называемых дум, характерно объединявших в себе свойства книжного языка и стиля с народной поэтической основой. Даже чисто книжные стихи на исторические или бытовые темы не попадали, обыкновенно, в печать — разве только какие-нибудь славословия различным благодетелям, менее всего интересные, писанные из корыстных побуждений. Продолжали печататься книги почти исключительно богослужебные и религиозного содержания; но религиозная борьба во второй половине XVII в. ослабела; интересы чисто церковные утратили среди широкой публики свое прежнее центральное значение, а вместе с тем и эта религиозная книжность все менее могла интересовать и захватывать читателя. Обществу хотелось чего-нибудь более живого, свежего, близкого к текущей жизни и ее интересам, а этого книга не давала. Препятствием служило, с одной стороны, то обстоятельство, что все украинские типографии того времени находились в церковных руках, а с другой — еще более то, что московская власть, как мы видели, своими запрещениями вовсе исключила из круга печатной украинской литературы темы более живые и современные.

Правда, запуганные подозрительностью и суровостью московских властей, украинские литературные круги просто-таки боялись затрагивать темы, связанные с современной жизнью и ее политикой. Но все-таки из рукописного наследия тех времен, от первой половины XVIII в., мы имеем исторические сочинения и стихотворные произведения на бытовые темы, и в области школьной драмы получались иногда вещи сравнительно живые и интересные. Таковы, например, бытовые вирши Климентия Зиновия, анонимная драма «Милость Божія Украину отъ неудобноносимыхъ обидъ людскихъ черезъ Богдана Зеновія Хмельницкаго свободившая», написанная в 1728 году по случаю возобновления гетманства. Она не только пробуждала память об эпохе Хмельницкого, но и затрагивала различные вопросы из современных отношений Украины к России. Драма Георгия Конисского «Воскресение мертвых» (1747) затрагивала общественные вопросы — положение крестьян, подданных и тому подобное. Были шуточные интермедии — бытовые, народные, комические сценки, написанные народным языком, вставлявшиеся в антрактах школьных драм для развлечения публики. До наших времен дошли в рукописях такие сценки, на-

писанные Митрофаном Довгалевским в 1730-х и тем же Ко-
нисским в 1740-х годах, действительно довольно живые и ин-
тересные: они выводят с комической стороны различные типы
современной Украины и представителей разных народностей.
Позднейшие ценители ставили очень высоко эти интермедии,
приравнивали их к произведениям мировых комиков, Плавта
и Мольера, но ничего из этого не могло теперь пройти в печат-
ную книгу, сквозь теснины московской цензуры. Литературное
украинское творчество терялось в рукописном употреблении, и
вообще издательское дело на Украине прозябало и замирало,
подавленное цензурными стеснениями и конкуренцией велико-
русских издательств, и украинская книжность все более утра-
чивала влияние и значение по сравнению с новыми великорус-
скими влияниями.

То же самое происходило в области школьного образования,
под воздействием тех же причин. Главным очагом тогдашне-
го просвещения и вообще культурного украинского движения
служила Киевская академия. После своего упадка в 1660 году,
когда московское правительство едва не закрыло ее, она нано-
во организовалась, расширила свою программу по образцу
католических, главным образом иезуитских академий, и в
1694 году получила от московского правительства признание
титула и прав академий. Эта эпоха — правление Мазепы, щед-
рого покровителя украинской культурной жизни (как тогда по-
нимали эту культуру) — была временем наибольшего разви-
тия Киевской академии. Из нее вышло много людей, которые
стали в первых рядах литературной, церковной и политической
жизни тогдашней Украины и Московского государства. Затем
почти до самой половины XVIII в. академия оставалась высшей
школой для современного украинского общества — не только
духовного, а и светского. Гетман Апостол, подтверждая за акаде-
мией ее имения, называет ее «школой всему обществу благопот-
ребною, где сыны малороссийские в науках свободных имеют на-
ставление». Действительно, просматривая реестр учеников ака-
демии того времени (1727), мы видим среди них представите-
лей почти всех выдающихся старшинских семейств; обыкновен-
но молодежи из светских семей в академии бывает больше, чем
из духовных, и выходя из нее, она отдавалась различным от-
раслям общественной деятельности. Ввиду этого Киевская
академия очень ценилась, и по образцу ее основаны были высшие
школы в других городах, в великорусских (начиная с мос-
ковской Славяно-греко-латинской академии, основанной и
руководимой киевскими воспитанниками) и на Украине, где

по образцу Киевской академии основаны были коллегии и семинарии в Чернигове, Переяславе, Харькове, Полтаве.

Тридцатые и сороковые года XVIII в. были временем последнего расцвета Киевской академии. Тогдашний митрополит Рафаил Заборовский (1731—1747) был очень усердным покровителем академии. Он очень много ею занимался, много потрудился для ее благосостояния и процветания, построил новые здания бурсы, церкви, так что ее потом в честь его называли «академией могиляно-зборовской». Среди тогдашних ее профессоров мы видим таких выдающихся свои-

ми талантами и деятельностью людей, как Митрофан Довгалевский, Георгий Конисский, Михаил Козачинский; среди воспитанников этих годов — целый ряд позднейших деятелей, в том числе украинец Григорий Сковорода и великоросс М. Ломоносов. Учеников было очень много, свыше тысячи (в 1742 году — 1243 человека, в 1751 году — 1193 человека и в 1765 году — 1059 человек).

Но вслед за этим последним расцветом наступал уже упадок. Являясь высшей школой для светского общества, академия носила строго богословский характер в своей программе; притом ее преподавание опиралось на старых схоластических методах, устаревших и неинтересных для данного времени, и не следовало за успехами современной европейской науки. Реального знания она не давала; литературная подготовка, основанная на устаревших образцах, менее всего пригодна была для того времени. И с появлением в России, в Петербурге и Москве пер-

177. Академия и студенты (с гравюры в честь ректора академии Калачинского, в начале XVIII века)

вых светских школ Киевская академия и другие, по образцу ее основанные, школы не выдерживают конкуренции с ними. Более состоятельная часть украинского общества, старшинские семьи начинают посылать своих детей в столичные школы или в заграничные немецкие университеты. А Киевская академия с прочими коллегиями все более замыкаются в духовном кругу, приготавливая кандидатов на духовные должности, и уже более не имеют широкого культурного значения. Украинское общество, заботясь о нуждах просвещения, выдвигает проекты основания университетов. В числе различных пожеланий, предъявленных новой императрице Екатерине II, был выставлен также проект преобразования Киевской академии в университет с богословским факультетом; проект открытия другого университета, без богословского факультета, в Батурине, а в прочих городах светских гимназий. Но русское правительство, очевидно, не сочувствовало этим планам, и только с основанием Харьковского университета, на средства местного дворянства, в начале XIX в. получила Украина первую светскую высшую школу.

106. Национальная жизнь Восточной Украины

Указанные политические и культурные условия неизбежно вели украинскую жизнь к полному падению, и это было тем тяжелее, что Восточная Украина, а в особенности Гетманщина, сравнительно с другими украинскими землями была поставлена в лучшие условия — ей все же предоставлялась возможность кое-какого развития и самоуправления. Но под суровым и подозрительным оком новых вершителей судеб Украины и здесь замирала всякая общественная жизнь, закрывались пути к какой бы то ни было общественной деятельности, и люди все более замыкались в тесном кругу своих личных и семейных интересов, утрачивая самую склонность, самый инстинкт общественности, общественной деятельности. На развалинах широкой и бурной жизни козачества, на руинах автономии, самоуправления и самостоятельности все более развивалась забота об обогащении и обеспечении своей семьи, о собирании возможно обширных земельных имуществ, денежных средств и доходов. Козацкие внуки, потомки восставших под предводительством Богдана Хмельницкого для разрушения шляхетского господства над Украиной, против магнатов-королеват, теперь сами превратились

в подобных же магнатов, правдами и неправдами собрав большие поместья и населив их бесправными крепостными. Убедившись в невозможности борьбы с московской политикой и махнув рукой на интересы украинской государственности, они с удвоенной энергией занялись упрочением за собой имущественных и классовых привилегий, обеспечением приобретенных поместий и помещичьих прав, чтобы сравняться с шляхетством великороссийским, открыть себе дорогу к высшим должностям, войти в состав имперской аристократии. Подобно тому как украинская аристократия двести-триста лет тому назад всеми силами приспособлялась к порядкам и условиям Польского государства, в которое ее забросила судьба, и не только старалась изучить польское право, польский язык, но и сама ополячивалась, окатоличивалась, усиленно уподобляясь государственной народности, — так теперь эта новая украинская аристократия с таким же рвением и поспешностью шла навстречу обрусительным планам российского правительства: не только приспособлялась к новым порядкам, но и принимала культуру нового государства, великорусский язык делопроизводства, литературы и всего обихода.

Этому не препятствовало, что великорусская культура сама стояла еще очень низко. Не так давно, во времена Дорошенка и Мазепы, украинцы были пионерами просвещения в Москве и насаждали там приобретения украинской культурной жизни; в правление Петра почти все высшие духовные должности в московских землях занимали киевские воспитанники, духовные из украинцев; они даже пробовали ввести в московских школах украинское произношение; заставляли своих московских учеников подлаживаться под украинский язык. Но как и раньше, в XV—XVI вв., решающим в этом деле был не высокий или низкий уровень культуры, а перевес государственный. Оторванная от народа, не чувствовавшая под собой твердой почвы, украинская старшинская интеллигенция колебалась в политике, колебалась в культурной национальной жизни и с легким сердцем принимала чужие обычаи, чужой язык, чужую культуру, к которой понуждали ее вершители судеб Украины. Смотрела на великороссов, как на варваров, на полудиких некультурных людей, но принимала великорусский язык и обычаи. Начиная уже с петровских времен великорусский язык входит в широкое употребление не только в сношениях с российскими властями, но влияет и на язык внутреннего украинского делопроизводства, входит и в частную жизнь и в литературу Украины.

До этого народный язык отступал на второй план перед языком церковнославянским и смешанным книжным языком украинско-славянско-польским. Теперь новая цензура не только исключила совсем из печати народный язык, но и ко всяким невеликорусским элементам церковнославянского и книжного языка относилась чрезвычайно подозрительно, требуя, чтобы не было никаких отступлений от языка, принятого в московских изданиях — никаких следов украинства. Под давлением ее старый книжный украинский язык выходит из употребления, а его место занимает язык великорусский. По мере того как культурная жизнь обновленной России понемногу растет, с середины XVIII в. великорусский язык и культура овладевают все сильнее и глубже украинским обществом. Украинцы пишут по-великорусски, принимают участие в великорусской литературе, и много их становится даже в первые ряды нового великорусского литературного движения, занимает в нем выдающееся и почетное положение, но ничего не делает для культурной жизни украинской, для литературы и культуры Украины.

Такими неустойчивыми оказались гетманцы, потомки борцов за волю и самостоятельность Украины! Но при всем том нельзя все-таки сказать, что существование украинской автономии, хотя бы и в такой вылинявшей, урезанной и обруселой форме, было безразличным с точки зрения национальной украинской жизни. Под напудренными французскими париками и модными вышитыми камзолами нового поколения украинского общества, под его великорусским языком и политической угодливостью сохранялся своеобразный украинский патриотизм, способный вылиться со временем в иные, более живые и симпатичные формы. Новый правитель Украины, занявший место гетмана Разумовского, Румянцев, с удивлением замечал о представителях современного украинского общества, что они «при всех их науках и в чужих сторонах обращениях» остались козаками и сохранили горячую любовь «к своей собственной нации» и «сладкой отчизне», как они ее называли. Несмотря на свое подчинение великорусской культуре, они были очень высокого мнения об украинском народе.

«Эта небольшая частица людей иначе не отзывается, как только, что они из всего света отличные люди и что нет их сильнее, нет их храбрее, нет их умнее и нигде нет ничего хорошего, ничего полезного, ничего прямо свободного, что б им годиться могло, и все, что у них есть — то лучше всего», — жаловался на украинский дух тот же Румянцев в письмах к императрице. Действи-

тельно, при составлении «наказов» для комиссии 1767 года, которая должна была выработать новые законы для России, с неожиданной силой во всех слоях украинского населения обнаружилась горячая привязанность к украинской автономии и самоуправлению, к старым правам и привилегиям — желание возобновить их при первой возможности.

Нет сомнения, что существование украинских автономных форм, хотя бы и сильно уже ограниченных и разрушенных, все-таки поддерживало в украинском обществе и чувство своей самостоятельности и украинский патриотизм — «республиканские мысли», как их называл Румянцев. С этой точки зрения сохранение Гетманщины при прежних порядках и правах было все-таки важно и желательно. Украинское общество не было воспитано политически, национальное чувство в нем было слабо, народные элементы в культуре были представлены мало; ввиду этого сохранение хотя бы внешних форм политической отдельности — даже тех, какие еще оставались, было важно для сохранения и углубления национального чувства. Можно наверное сказать, что если бы эти формы украинской автономии не были уничтожены до конца, а продолжали сохраняться, они не дали бы окончательно потонуть в российском море украинскому обществу — его высшим, интеллигентным слоям, как это произошло после уничтожения украинской автономии.

Новые политические и культурные европейские течения со временем неизбежно влили бы иное содержание в жизнь украинского общества, привили бы ему новые интересы, указали бы новые отношения к народу и народной жизни. И если бы формы национальной жизни не были уничтожены так, как это произошло с полным упразднением старых украинских порядков, а уцелели, то новое культурное, прогрессивное движение на украинском национальном основании могло бы развернуться при первых благоприятных условиях сразу среди всего украинского общества, и не приходилось бы начинать создание национальной жизни заново на пустом месте, как это пришлось впоследствии деятелям украинского возрождения XIX века.

С точки зрения национальной жизни, были ценны даже те разрушенные остатки украинской автономии, какие держались в середине XVIII в., и поэтому мы подробнее остановились на их истории. Как ни были они ослаблены, разбиты, мало ярки с национальной точки зрения — все-таки память о них имела огромное значение в позднейшем украинском возрождении.

107. Упадок украинской жизни в Западной Украине

Ограничения украинской жизни в Гетманщине и ее упадок тяжело отразились на всей Украине, так как именно в Гетманщину, в Киев, перешла культурная жизнь еще в середине XVII в. Его просветительными и культурными средствами питалась и Западная Украина, и она болезненно почувствовала свое отделение, когда польско-российская граница прошла по живому телу украинской жизни в 1667 году, отделив Западную Украину от Восточной и Киева. Поэтому такое негодование и скорбь поднялись тогда среди украинского общества против Москвы, что она изменила Украине и поделилась ею с Польшей. Украинцы всячески старались сохранить единство и целостность своей культурной и национальной жизни, но это становилось все более трудным. Разделенные политическими границами обе главные части Украины все более расходились, идя разными путями. Западная оставалась под влияниями польской жизни, восточная подпадала под влияние великорусское. Подчинение киевской митрополии власти московского патриарха, совершенное против воли и желания украинского духовенства и общества, ослабило иерархическую связь и облегчило введение унии в Западной Украине, а это последнее разорвало связь церковную. Обрусение украинской школы и книжности в Восточной Украине отчуждало от нее Западную Украину. А так как в это время собственные источники национальной культуры ослабели и ис-

178. Киевские школьники (с гравюры в честь Заборовского, в 1739 году)

сыкли в Западной Украине, то с отчуждением ее от Восточной Украины все сильнее падает в ней национальная украинская жизнь.

Мы видели, что с концом XVI в. культурным центром Западной Украины делается Львов со своим братством, собравшим вокруг себя и организовав-

шим не только львовское украинское мещанство, но и вообще украинские элементы восточной Галиции. Однако эти элементы ополячивались и слабели, слабело и львовское мещанство. Все его старания добиться равноправия, возможности более свободного существования и развития остались безуспешными. Польское мещанское управление систематически устраняло украинцев от всего, не давало никакой возможности не только национальной, но и экономической жизни, и все жалобы украинцев правительству не приносили никакого облегчения. К тому же самый Львов в XVII в. все более падал экономически, благодаря неразумной экономической политике Польши, и вместе с тем беднела и слабела украинская мещанская община. Положение казалось безвыходным, и поэтому более энергичные и подвижные элементы уходили из Львова и вообще из Галиции на восток, когда там под эгидой козачества началось новое национальное движение. Мы видели уже, что киевское национальное культурное движение второго и третьего десятилетия XVII в. все опиралось на львовские силы, создавалось львовскими, вообще галицкими руками. Они сделали Киев центром украинской жизни, зато Львов, вообще Галиция, покинутые наиболее энергичными, деятельными людьми, падают все больше. Львовское братство теряет свое прежнее значение; падает его украшение и гордость, школа, в средних десятилетиях XVII в.; проявляет себя братство, главным образом, печатанием церковных, богослужебных книг, которыми пользовалась вся Западная Украина — это приносило братству доход, и поэтому оно очень внимательно относится к этому издательству, заботливо охраняет свою типографскую монополию на печатание церковных книг во Львове и не позволяет основывать там другие украинские типографии.

Во второй половине XVII в. украинская национальная жизнь в Западной Украине падает еще больше. Восстание Хмельницкого, открывшее новую эпоху в жизни Восточной Украины, в Западной было началом еще большего, окончательного ослабления ее. В 1648 году Западная Украина — Волынь, Подолия и Галиция — поднялись, надеясь освободиться от польского правления с помощью козачества; мещанство, крестьяне, мелкая украинская шляхта поднимались, присоединялись к козакам, громили и прогоняли поляков, устанавливая свое украинское управление. В Сокале, Тернополе, Рогатине, Толмаче, Заболотове, Янове под Львовом, в Городке, Яворове, Дрогобыче, в окрестностях Калуша на Подгорье развиваются более или менее значительные восстания, охватывавшие иногда довольно боль-

*179. Николай Красовский,
старшина Львовского
братства в последних
десятилетиях XVII века
(портрет с его гроба)*

шие пространства. Шляхта и мещанская старшина становились во главе окрестных крестьян, организовывали их в военные отряды и громили шляхетские замки. Но Хмельницкий, занятый козацкими делами, не поддержал тогда энергичного этого движения, оставил на произвол судьбы Западную Украину, и здешнее движение погасло. Более сильно замешанные в этих движениях лица и вообще более энергичные и смелые люди ушли в козацкую среду на восток, а что осталось — должно было еще ниже склонить голову пе-

ред польским господством, которое теперь еще с большей подозрительностью и решительностью старалось подавить украинский элемент, после того как он обнаружил свои настроения во время восстания Хмельницкого. Чрезвычайно скоро ополячиваются остатки православной шляхты не только в Галиции и Подолии, но даже и на Волыни и в тех частях киевского Полесья, которые не были захвачены козацким строем. На здешних сеймиках все реже и слабее поднимаются голоса в защиту православной веры и украинского народа и совсем замолкают в последней четверти XVII века. Оставшись без помощи и поддержки шляхты, падают и мещанские братства, тем более что вообще мещанство совершенно слабеет и разлагается под тяжелой рукой всевластной шляхты.

Правительство со своей стороны прилагало старания к тому, чтобы ослабить связи местного украинского населения с Восточной Украиной и другими православными краями. В 1676 году сейм под угрозой смерти и конфискации имущества воспретил православным выезжать за границу и приезжать из-за границы, входить в сношения с патриархами и передавать на их решение религиозные вопросы. Братствам велено было во всем подчиняться местным епископам, а в случае разногласия передавать дела на решение не патриархов, а местных польских судов. Одновременно правительство не оставляло стараний привлечь к унии православных епископов и прочее высшее духовенство.

Споспешником польского правительства в этом деле сделался епископ львовский Иосиф Шумлянский. Он перешел в молодости в унию; затем, чтобы сделаться епископом львовским, возвратился снова к православию, но, получив епископство, повел переговоры с другими духовными лицами о переходе на унию. Его планы нашли отклик. В соглашении приняли участие Иннокентий Винницкий, который никак не мог получить епископства перемышльского, Варлаам Шептицкий, желавший быть епископом холмским; сам Шумлянский хотел получить заведование митрополичьими именьями, после того как польское правительство заставило удалиться митрополита Тукальского, продержав его несколько лет в заключении без всяких оснований. Прослышав об этом заговоре, король задумал провести соединение православных с унией на соборе и на 1680 год назначил для этого собор во Львове, пригласив туда православных и униатов. Но Шумлянский с товарищами, наученные опытом Брестской унии, не хотели вести дело открыто: они на собор не явились и делали вид, что совсем не причастны к этим замыслам правительства. Луцкие братчики заявили протест перед королем против соборного обсуждения этого вопроса без участия патриархов, и из собора ничего не вышло; Шумлянский же не замедлил объяснить королю и правительственным кругам, что дело нужно вести тайно, назначая епископами людей, склонных к унию, по возможности стирать всякие границы между унией и православием, а одновременно предоставлять всякие льготы и привилегии униатскому духовенству.

Польское правительство приняло этот коварный план и затем в точности повело такую линию, какую советовал Шумлянский: раздавало православные епископства людям, обещавшим принять унию, права митрополита предоставило Шумлянскому, отбирало именья заграничных православных епископов и монастырей и передавало Шумлянскому и другим своим сторонникам. Православных ограничивало во всем, и если признавались какие-нибудь права, то лишь за униатами — например, в 1699 году сеймом был издан закон, что только униаты могут занимать городские должности, а в Каменце, который тогда возвратился к Польше из-под власти турок, евреи и православные лишены были вовсе права жительства. Открыто с унией правительство не выступало, епископы тоже, но от себя раздавали всякие влиятельные позиции людям, склонным к унию. Таким образом в течение десяти с лишком лет они подтачивали в самом корне православную жизнь, и наконец в 1700 году Шумлянский счел униатское дело уже настолько созревшим, что ре-

180. Иосиф Шумлянский

разрубил двери братской церкви и отслужил здесь униатскую обедню. Однако братчики все-таки не хотели принять унию, на насилия Шумлянского жаловались королю, и тот подтвердил права братства, но, в конце концов, устоять против натиска поляков и своего епископа братчики не были в состоянии. В 1704 году, когда шведы осадили Львов и потребовали контрибуцию, польская администрация львиную часть этой контрибуции возложила на братство, братчикам пришлось отдать все деньги и драгоценности, на 120 тысяч злотых. Они остались без всего, а Шумлянский, чтобы подорвать единственный источник их доходов — продажу церковных книг, основал при своей кафедральной церкви свою типографию для конкуренции. Этого последнего удара братчики не выдержали и в 1708 году покорились Шумлянскому: приняли унию. Уния получила господство в львовской и подольской епархиях. Только Великий скит в Маняве на карпатском подгорье (за Станиславом, в теперешнем Богородчанском повете), основанный в начале XVII в. (в 1611 году) афонским монахом Иовом Княгиницким, другом Вишенского, остался при православии до самого конца Польши (закрыло его уже австрийское правительство в 1785 году).

шил провозгласить унию в своей епархии. Он открыто повторил присягу на унию, которую пронес двадцать лет назад втайне, и начал в своей епархии — в Галичине и Подолии — вводить унию явно. И действительно, православие настолько уже было подкопано, что духовенство и не подумало противиться унии. Львовское братство пробовало сопротивляться, но Шумлянский напал с польской военной командой, силою

Несколькими годами раньше, в 1691 году, провозгласил унию в своей перемышльской епархии Ин. Винницкий и начал принуждать к унии здешнее духовенство, на непокорных жаловался светским властям, прося принудить их к послушанию своему законному пастырю. Число таких непокорных, благодаря этим репрессиям, уменьшалось из года в год, и в 1761 году преемник Винницкого мог уже похвалиться, что в его епархии нет ни одной православной церкви.

Немного позже, в 1711 году, попала в униатские руки волынская епархия (луцкая), и здесь также начали силой обращать духовенство в унию. В первой половине XVIII в. вся Западная Украина была уже обращена в унию, и униатское духовенство стало распространять ее и в киевских землях, но здесь дело шло не так легко, вследствие тревожных условий здешней жизни, поддерживавших силу сопротивления православных. Но прежде чем перейти к условиям надднепровского Правобережья, бросим взгляд еще на закарпатскую Украину — на венгерскую Русь, где одновременно с религиозной борьбой в Галиции шла такая же борьба за унию и против нее.

108. Закарпатские земли

Издавна отделенные политически от предкарпатской Руси, закарпатские украинские земли жили своей особой жизнью, о которой до нас доходят только слабые известия. Сама жизнь была довольно глуха и малозаметна в этих карпатских делях, и у нас нет даже известий о том, как развивалось заселение этих горных стран. Долгое время там появлялись только пастухи, пасшие скот летом, затем стали появляться постоянные поселения. Думают, что такая постоянная колонизация здесь начала распространяться лишь в XI — XII вв., хотя угры помнили, что, придя в эти края в конце IX в., они уже застали русинов-украинцев в Карпатских горах. Прилегая к украинскому расселению на север от Карпат, украинские закарпатские поселения должны были находиться в тесной связи с галицкими поселениями по другую сторону Карпат, но об этом мы знаем очень мало или же и вовсе ничего. Видим, что за эти горные страны долго шла борьба между Галицией и Венгрией. Короли венгерские, расширив свою власть на юг от Карпатского хребта, хотели захватить и северные части последнего и временами, хотя ненадолго, им это удавалось — в конце XII и в начале XIII веков. Наоборот, когда Венгрия пришла в упадок в конце

ХІІІ в., галицкіе князья пробовали захватить себе закарпатскіе области. Наконец, после того как венгерскому королю Людовику и его семье не удалось присоединить Галицию к Венгрии в 1370-х годах, с 1380-х годов установилась на долгие времена та галицко-венгерская граница, которая удержалась и до наших времен.

Представляла ли эта закарпатская Украина когда-нибудь одну цельную политическую область, мы не знаем; некоторые намеки на это встречаются в старых известиях, но с ранних пор, уже с ХІІ — ХІІІ вв., мы видим эти закарпатскіе земли разделенными на столицы или комитаты, большіе округа, на которые подразделялась вся Венгрия, и они разрезывали по речным долинам закарпатскіе украинскіе поселения на несколько округов. Большіе части украинского расселения приходятся на следующие пять столиц: Шаришскую, Землинскую, Ужскую (Унгварскую), Бережскую и Марамарошскую. Это деление на столицы еще более раздробило и без того разбросанную и разъединенную пограничными условиями украинскую закарпатскую территорию, так как, раздробив ее на части, связало последние с соседними неукраинскими территориями: венгерскими, словацкими, румынскими. Мы почти не встречаем фактов, где бы эта закарпатская Украина выступала как целое. Нелегко было, правда, ей и проявлять себя, так как здесь, как и в соседней Галиции ХVІ—ХVІІ вв., украинское население представлено было только поработленным и обремененным различными повинностями крестьянством, темным и бедным духовенством, а отголоски народных движений других областей Украины доходили сюда еще слабее, чем куда-либо. С давнего времени в роли привилегированного населения являются и здесь чуждые элементы: венгры, немцы, католическое духовенство; украинское население очутилось в роли крепостных, даже сельское духовенство было из крепостных же, и сельскій священник должен был отбывать барщину: его отрывали от алтаря для какой-нибудь работы и подвергали телесным наказаниям, как всякого другого крепостного. Все, что подымалось над этим серым уровнем, раньше или позже отрывалось обыкновенно от своего народа и переходило в ряды господствующей венгерской народности.

Единственным проявлением национальной жизни и вместе с тем единственной организованной связью и здесь, как и в соседней Галиции, являлась православная религія. Однако долгое время закарпатскіе украинскіе земли не имели своей организованной православной иерархии, находясь, по всей вероят-

ности, под властью перемышльских владык, простиравших не раз и позже свое влияние на закарпатские земли. Известий о местной церковной жизни из древнейших столетий мы также имеем очень мало: они делаются более обильными только с времен унии и вызванной ею борьбы, и тогда впервые можем несколько ближе присмотреться к местным отношениям. Судя по сохранившимся памятникам письменности XVII—XVIII вв., закарпатские земли жили одной общей духовной жизнью с соседними галицкими землями: те же произведения и рукописи распространялись здесь и там, и такая общность должна была, конечно, существовать между ними и ранее. Религиозными центрами закарпатских украинских областей главным образом выступают два монастыря: св. Николая на Чернечьей горе в Мукачеве, в Бережской столице, и св. Михаила в Грушеве, в Марамарошской столице. Основателем Мукачевского монастыря считали кн. Федора Кориатовича. После того как Витовт отобрал у него Подолию, он поселился в Венгрии, получил во владение Мукачево, был наместником бережским и в позднейшей традиции венгерцев и украинцев в качестве выдающейся исторической личности остался не только в роли основателя различных национальных институций, а и виновника самого украинского расселения: от него и приведенной им дружины выводилось позже украинское закарпатское население. Но не только это расселение, а и Мукачевский монастырь в действительности, кажется, был старше: существовал «со времен незапамятных»; только впоследствии его стали выводить от Кориатовича и его фундации 1360 года. Точно так же неизвестно начало без сомнения, тоже очень старого, Грушевского монастыря; его историю ведут еще от дотатарских времен; в конце XIV в. он получил от патриарха ставропигиальные права, и его игумены, за отсутствием местного епископа, имели верховную власть над церквями и духовенством в столицах Марамарошской и Угочской.

Епископы появляются в закарпатских украинских землях в конце XV в. в Мукачевском монастыре. Первое такое известие мы имеем от 1400-х годов, но организовалась мукачевская епархия, кажется, много позже, со второй половины XVI в. Существование ее было, однако, очень затруднительно, так как те монастырские поместья, с которых должны были получать доходы эти епископы, были разграблены во время смут XVII в., и единственный доход их составляла плата от посвящаемых лиц и годовые взносы от приходского духовенства. Епархия охватывала все закарпатское подгорье; в XVII в. здесь

насчитывали 200 тысяч православных и около 400 священников; однако это духовенство распространялось очень неравномерно: были села бесприходные и были такие, где оказывалось по нескольку священников. За отсутствием сколько-нибудь порядочных школ духовенство было невежественное, пополнялось различными заехими людьми из Галиции и Молдавии. Просветительное движение конца XVI в., по-видимому, не захватило закарпатской Украины. Есть упоминания о типографии в Грушевском монастыре, но до сих пор нет никаких более определенных данных о ней. Как доносило католическое духовенство в середине XVII в., когда здесь начала вводиться уния — население в вопросах веры было совершенно невежественно, поэтому католики надеялись, что народ слепо, даже не сознавая того, примет унию, если удастся склонить к унии владыку и высшее духовенство. Это было в значительной мере справедливо: даже позже, в XVIII в., во время последнего движения против унии, в 1760 году, крестьяне говорили, что они до сих пор не знали, что их держат в унии, но узнав, что это плохая вера, они решили сейчас же возвратиться к истинной, прежней своей вере. Это была единственная святыня в их темном, почти нечеловеческом, рабском существовании, и они держались ее изо всей силы и чрезвычайно враждебно встречали всякие покушения на их религию. «Имя унии им ненавистнее змеи — они думают, что за ней скрывается Бог знает что, и хотя бессознательно, вслед за своим епископом, принимают униатские догматы, но имя с отвращением отвергают», — писал тогда марамарошский наместник, и эти слова дают нам возможность понять предшествующую борьбу этого бедного слепого народа за свою веру.

Первый взрыв борьбы известен нам из второго десятилетия XVII в. Один из местных магнатов, Гомонай, принялся вводить унию в своих поместьях, где было до 70 приходов, и пригласил для этого униатского владыку перемышльского Крупецкого. Созванные из имений Гомоная священники и монахи под давлением своего помещика согласились принять унию; но крестьяне взбунтовались, взяли за вилы и дубины, ранили самого Крупецкого, едва не убили его, и таким образом положили конец замыслам Гомоная. Но старания, направленные на распространение унии, не прекратились и после этого: местные католические помещики и католическое духовенство не переставали склонять к унии православных епископов и духовных, обещая, что с унией они получают права католического духовенства, церковный причт будет освобожден от податей и барщины. Это

был большой соблазн для такого забитого духовенства и для епископов в их стесненных материальных условиях, и они решаются проводить унию тайком от народа. В 1640-х годах таких сочувствующих унии духовных лиц собралось довольно много, и в 1649 году они приняли в Ужгороде формальное решение по этому вопросу, а в 1652 году этот последний был передан на одобрение и утверждение папской курии.

Однако и после этого утверждение унии не пошло так легко. С одной стороны, среди духовенства оставалось немало лиц, не сочувствующих унии, предпочитавших держаться прежней веры вместе с народом; с другой стороны — вся вторая половина XVII в. в восточной Венгрии прошла в жестоких смутах, и партия, противная Австрии, держась протестантства, с своей стороны препятствовала и тормозила усилия католиков, направленные на утверждение унии. В результате было обыкновенно по два епископа одновременно — православный и униатский, и духовенство колебалось то в ту, то в другую сторону. Мукачевский монастырь долго находился еще в руках православных, и на его церкви читалась надпись об ее обновлении руками православных при помощи молдавских воевод:

Феодор Коріатович князем бил,
За отпущеніє гріхов монастир зробил,
Древяна церква от віку зоставала,
А теразнейшого року 1661 каменная стала,
През Константина воеводу молдавского
З Неделею на имя госпожею его.
Владикою на той час Іоанникій зоставал,
Зо Мстичова (свого именія) о том ся пильно старал.
Року 1661 мая 13.

Только с 1680 года, когда господство Австрии упрочилось в восточной Венгрии, при помощи австрийского правительства стала утверждаться и уния в западной части угорской Украины, в столицах Берехской, Ужской и далее на запад. Распространялась она, впрочем, не столько мирными средствами, как насильем, при помощи военных команд и различных тяжелых наказаний, налагаемых на возвращавшихся к православию. «Ужаснитесь со мною сущии люде верные, что те Римчики творят!» — пишет горячо, хотя и нескладно свое негодование какое-то духовное лицо из-под Мукачева, также возвратившееся из унии к старой вере, в летописи своей в 1690-х годах. «Зачем волокут, тянут силой нашу церковь? Рады были бы моею скорой гибели, просят, молят меня обратиться — на что? на унию их? Фе,

плюю на нее, не хочет ее ни одежда моя, ни кость, ни прах одежды моей! Не нужно мне Бога их!» В конце концов в XVIII в. уния здесь упрочилась окончательно, и западная часть украинского Закарпатья находилась в руках униатских мукачевских епископов. Но в Марамароше, по соседству с православной Молдавией, держались православные епископы — до 1735 года, и даже позже здешние священники посвящались православными епископами, молдавскими и сербскими. А в 1760 году неожиданно прорвалось последнее движение против унии среди украинского и молдавского населения в Марамароше и Угоче. Среди православных стали распространяться известия о том, что австрийское правительство не принуждает к унии: каждый по своему желанию может оставаться православным или униатом; распространялись темные слухи об особом покровительстве над православными со стороны «восточных владетелей»: тем, кто будет держаться православной веры, обещалось освобождение от крепостной зависимости. Письма и слухи в этом смысле имели большое влияние на население: люди не хотели больше держаться унии, возвращались к прежней вере, отправляли духовных кандидатов для посвящения к православным епископам, не только из Марамароша, а и из западных столиц. Духовенство, разочаровавшись в своих надеждах на то, что уния существенно улучшит их положение, наоборот — очутившись в тяжелой и унижающей зависимости от католического духовенства, также не дорожило унией.

Все это очень сильно обеспокоило австрийское правительство, и оно приняло меры к выяснению причины такого упорного отвращения населения к унии. Как на причины его, униатское духовенство и австрийские агенты указывали на невежество духовенства и на его тяжелое материальное положение. Ввиду этого императрица Мария-Терезия, когда противоуниатское движение было подавлено различными способами, все-таки серьезно принялась за улучшение положения униатской церкви в Венгрии, просвещения и материального обеспечения ее духовенства, и эти старания имели впоследствии немалое значение в истории украинского возрождения.

109. Правобережная Украина

В Правобережной Украине, то есть в южной части Киевского воеводства и смежных частях Брацлавского, как мы уже знаем (гл. 90 и 94), после непродолжительного оживления козаче-

отва при Палии и других правобережных полковниках со второго десятилетия XVIII в. снова начало распространяться господство польской шляхты со всеми атрибутами крепостной зависимости.

Когда в 1714 году русское правительство вывело за Днепр украинское население из Правобережья и передало последнее полякам, сюда немедленно устремились потомки шляхтичей, бежавших из этих местностей во времена движения Хмельницкого, и другие лица, за бесценок купившие у прежних владельцев их права на здешние поместья. Сами они или их служащие и факторы начали устраивать слободы в этих киевских, брацлавских, подольских пустынях и привлекать население обещаниями свободы от всяких податей и обязанностей, на пятнадцать, двадцать и более лет. Отправляли также своих агентов в более населенные области, чтобы сманивать людей в новые слободы, и такие посланцы, так называемые «выкотцы», действительно привлекали множество беглецов на украинское приволье. Снова началось повальное бегство крестьян, как полтора-два десятилетия тому назад, из Полесья, Волыни и из более отдаленных областей, и через несколько лет правобережные пустыни снова покрылись селами и хуторами, а среди них поднялись панские дворы, замки, города и местечки, и католические костелы и кляшторы (монастыри). Начали появляться панские фольварки, а когда истек срок обещанных льгот, помещики стали привлекать крестьян к барщине, к различным работам, чиншам и поборам.

Однако приходилось все это делать с оглядкой, чтобы не перетянуть струну, так как жизнь была тревожна и опасна, и вплоть до того времени, пока начало вводить свои порядки русское правительство, польская шляхта не могла основаться в здешнем крае вполне прочно.

Козачества, после неосторожного опыта, сделанного Собесским, польское правительство уже не решалось возвращать к жизни. Правда, население не забывало о нем. По смерти Палии, возвращенного из Сибири Петром, после свержения Мазепы, местное население возлагало свои надежды на его зятя, полковника Танского; ему Палий перед своей смертью передал Белоцерковский полк, и в его доме доживала свои дни вдова Палии, когда-то деятельная и энергичная помощница своего мужа в его колонизаторской деятельности. После того как Белую Церковь пришлось отдать полякам, Танский получил Киевский полк, и правобережное население, имея его в ближайшем соседстве, до самой его смерти надеялось, что Танский рано или поздно освободит их от

Польши и возобновит козачество. Но эти надежды не осуществились. Небольшие козацкие отряды содержались при магнатских и старостинских резиденциях — набирались из крепостных селян, за эту службу освобождавшихся от барщины; но эти козацкие контингенты не имели значения в местной жизни: слишком слабы они были и всецело зависели от панской воли, для того чтобы иметь самостоятельное значение. Не раз случалось, что эти казаки присоединялись к местным движениям, но последние обыкновенно исходили не от них и не от местного населения, а выходили из-за русской, отчасти также молдавской границы, а еще больше из Запорожья, когда оно в 1730-х годах, возвратившись на Украину, придвинулось к границам польской Украины. Память о козацких вольностях и беспанской жизни была здесь еще слишком свежа, и усилия шляхты, направленные к возвращению крепостного строя, возбуждали сильнейшее раздражение и среди местного населения, и в соседних украинских областях. Но недоставало такой организованной формы для народной оппозиции, какую представляло прежнее козачество, хотя почва для всевозможных народных движений была теперь еще более благодарная, так как польская государственная организация за последние десятилетия ослабела еще больше и правительство утратило всякую силу и значение, Украина была предоставлена местной шляхте, точнее — магнатам, владевшим здешними староствами и громадными собственными поместьями, а магнаты эти, хотя и обладали огромными средствами, очень мало занимались своими украинскими владениями, и прежде всего — недоставало единства и согласия им самим.

Поэтому в течение почти всего XVIII в., за время польского владения, до времен русского и австрийского господства, на Украине не переводятся различные народные движения, то более мелкие и распыленные, в виде разбойничьих банд, то более значительные, превращавшиеся в настоящие народные восстания и охватывавшие большие территории, так что только с помощью чужих войск полякам удавалось подавлять эти движения. Впрочем, не только такие большие восстания, а и те разбойничьи отряды, шнырявшие, главным образом, на пограничьях — русском, молдавском, венгерском, пользовались полным народным сочувствием и находили среди народа помощь и поддержку. Нападения их направлены были, главным образом, на панов-помещиков и на евреев, ненавистных народу в роли панских приспешников, факторов, арендаторов разных помещичьих доходов и монополий. Поэтому народ смотрел на этих раз-

бойников как на своих защитников и мстителей, и несомненно, что так смотрели на себя и сами разбойники. Они воспевались в песнях, восхвалялись в рассказах как народные герои, наделялись различными легендарными сверхчеловеческими свойствами или изображались борцами против угнетения народа. Галицкая Гуцульщина и соседние местности до сих пор еще полны рассказов об «опришках», гнездившихся в Карпатах, на границе Молдавии, Венгрии, Польши, в области Прута и Черемоша, и грабивших помещиков, арендаторов, торговцев и проезжих купцов. Самым знаменитым предводителем здешних «опришков» был Олекса Довбуш, сын бедного батрака из Печенижина. Он известен по документам как предводитель «опришков» с 1738 года до 1745, когда он погиб от пули, пущенной из засады в Космаче. Популярная народная песня воспела это событие с некоторыми украшениями, представив дело так, что Довбуш погиб от руки ревнивого мужа, у которого соблазнил жену.

Ой поїд гай зелененький
Ходить Довбуш молоденький,
На ніженьку налягає,
Топірцем ся підпирає,
Та й на хлопці покликає:
«Ой ви, хлопці, ви молодці!
А сходіться разом д'купці,
Бо будемо раду мати,
Де підемо розбивати.
Щоби Кути не минути,
До Косова повернути,
Та вставайте всі раненько,
Убирайтеся борзенько
У постолі скирянії,
У волоки шовковії,
Бо зайдемо та до Дзвінки —
До Штефанової жінки».
«Ой Довбушу, та пане наш,
Там пригода буде у нас!»
«Йно на мене уважайте —
По дві кулі набивайте,
Станьте, хлопці, під ворота,
А я піду під віконце —
Чи спить моє любе серце?»

В соседней с Галицией Подолии ватаги «левенцев» и «дейноков» держались преимущественно над Днестром, скрываясь в опасные минуты за Днестр, на молдавскую территорию. В

брацлавские земли и южные части Киевского воеводства навывались разбойничьи отряды из окрестностей Киева, из-за Днепра, а еще более из Запорожья. Чаще всего их называли гайдамаками (название неясного происхождения и значения, производят его из турецкого языка, в значении «бунтовщика», «своевольника»). Их отряды собирались обыкновенно за российской границей или в запорожских степях. Российская граница около Киева врезывалась углом в Правобережную Украину; здесь было много церковных и монастырских сел в заведении монахов, и в этих монастырских имениях, в пасеках и хуторах, также как и в южных монастырях, на границе Запорожья, находили себе убежище, поддержку и помощь гайдамаки, готовились к походам, отправлялись отсюда и затем сюда же возвращались из походов. Здешние монахи, мещане и даже русские офицеры пограничных команд тоже смотрели на гайдамаков, как на борцов против польского гнета, мстителей за украинский народ и православную веру и считали добрым делом всячески им если не помогать, то по крайней мере не мешать. На Правобережной Украине, когда гайдамаки появлялись здесь, к ним присоединялись местные люди, часто выходившие затем с ними за границу; другие старались помогать им чем возможно, облегчая их действия против панов-поляков. Благодаря этому гайдамаки имели возможность проникать очень глубоко в правобережные земли, собирали вокруг себя много народа и жестоко истребляли шляхетские дворы и хозяйство, подрывая польское господство и престиж в крае. А по временам вокруг них поднимались целые восстания, охватывавшие весь край.

110. Гайдаматчина

Первый раз значительное восстание на Правобережье поднялось в 1734 году во время польского бескоролья. Польша разделилась на две партии, одна хотела видеть на престоле сына умершего короля, курфюрста саксонского Августа III, другая — старого Лещинского, которого в свое время поддерживал еще Карл шведский, но не смог тогда посадить на польском престоле. Россия поддерживала и на этот раз курфюрста саксонского, поэтому его сторонники просили русское правительство прислать свои войска в помощь. Московская армия отправилась выгонять Лещинского из Польши и осадила Данциг, где он засел. Одновременно с этим в конце 1733 года москов-

ские и козацкие войска были введены также в правобережные украинские земли — громить шляхту, заключившую военный союз, «конфедерацию», в интересах Станислава. Эти конфедераты занимались, главным образом, тем, что громили шляхту враждебной партии, а козацкие и московские войска начали громить их самих. Среди этой смуты и анархии гайдацкие отряды хозяйничали как хотели, а под шум их нападений начали подниматься и крестьянские массы, надеясь, что теперь им, наконец, удастся выгнать из Украины шляхту, как при Хмельницком. Приход козацких и московских войск население поняло в том смысле, что эти войска займутся изгнанием поляков и освобождением украинского населения; ходили слухи о царициных грамотах, призывавших население к восстанию против поляков и евреев; рассказывали о давно умершем полковнике Самусе, товарище Палия, и о зяте Палия Танском, якобы присланных с целью организовать новое козацкое движение.

Особенно сильное восстание разгорелось в Брацлавском воеводстве. Присланный сюда русский полковник занял Умань и разослал воззвание к сторонникам саксонской партии, приглашая их присоединиться к нему и присылать своих дворовых козаков и всяких других людей и общими силами действовать против сторонников Станислава. Получив такое воззвание, начальник дворовых козаков князя Любомирского Верлан стал распространять среди населения слух, что царица Анна прислала указ, призывающий население подниматься, избивать поляков и евреев и записываться в козаки — для этого и московское войско с козацким идет на Украину; а когда Украина будет очищена и заведется в ней козацкое устройство, тогда ее отберут из-под власти Польши и присоединят к Гетманщине. Эти слухи производили чрезвычайное впечатление. Народ поднимался, все записывались в козаки, заводили у себя козацкое устройство, организовывались в десятки и сотни. Верлан принял титул полковника и назначал от себя сотников и прочую старшину. Много народа присоединилось к нему, особенно дворовых козаков и валахов, из которых здешние паны набирали свои дворовые отряды. Собрав значительные силы, Верлан начал с ними производить экспедиции — сначала в Брацлавском воеводстве: разрушал польские и еврейские усадьбы, поднимал население и велел присягать на подданство царице.

Затем из брацлавских земель перешел в соседнюю Подолию, здесь занимался тем же, потом перешел на Волынь, разгромил в нескольких стычках небольшие польские отряды, и его разъез-

ды начали проникать уже в окрестности Каменца и Львова, взяли Жванец и Броды.

Но в этот момент рушилась политическая комбинация благоприятствовавшая развитию восстания. Московские войска летом 1734 года взяли Данциг, Станислав бежал за границу, его сторонники признали Августа Саксонского, и первым их делом было обратиться к русским войскам с просьбой не громить их, а помочь обуздать крестьян. Русские агенты не нуждались более в поддержке украинского населения, и русские войска, несколько месяцев перед тем призывавшие его к восстанию, теперь начали вместе с помещиками «успокаивать» крестьян — ловили, отдавали под суд, а сопротивлявшихся избивали. С помощью русских команд помещикам удалось очень скоро привести своих подданных к послушанию. Увидев, что надежды на Москву напрасны, крестьяне и козаки по большей части подчинялись своим помещикам; однако немало находилось и таких, которые не хотели возвращаться в крепостную неволю и вместе с предводителями восстания уходили в Запорожье или за молдавскую границу, а затем снова приходили с гайдамаками громить поляков.

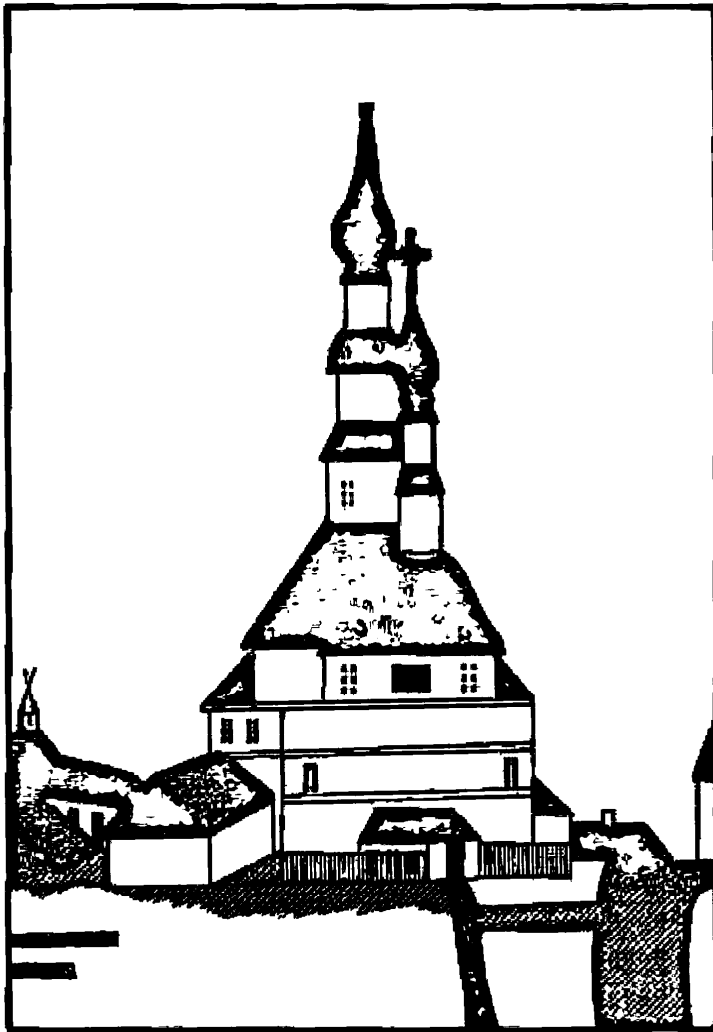
За время этого восстания много набралось такого воинственного люда, и в последующие годы они не раз производили нападения из-за границы, а особенно из Запорожья и запорожских зимовников на Правобережную Украину, на панские дворы и замки. Так, в 1735 и 1736 годах навели большой страх на поляков нападения гайдамацких предводителей Гривы, Медведя, Харька и Гната Голого — они овладевали городами, местечками и панскими замками, чинили расправу над разными ренегатами, которые, покаявшись в прежнем восстании, пошли на службу к панам и стали их приспешниками в борьбе с гайдамаками. Особенно сильное впечатление произвела гайдамацкая расправа над одним из таких изменников Саввою Чалым — она была воспета в песне, чрезвычайно распространившейся по всей Украине и сделавшей этого малозаметного человека популярной фигурой. Этот Савва был по происхождению мещанин из местечка Комаргорода, служил в козацком отряде у князя Любомирского, был сотником его козаков; во время восстания он присоединился к Верлану и бежал вместе с другими предводителями, когда русское войско подавило восстание. Затем он принес повинную, его сделали полковником над отрядом, составленным из таких же козаков, возвратившихся в панскую службу, — их умышленно посылали против гайдамаков, и они усердно преследовали их. Тогда гайдамаки решили наказать изменника — в 1741 году

Гнат Голый напал как раз в самое Рождество на Чалого в его имении, убил и забрал его имущество. Это событие и было описано в песне:

Ой був Сава в Немирові в ляхів на обіді
І не знав не відав о своєї біді.
Ой п'є Сава і гуляє, ляхом вирубає,
А до його — щодо Сави — гонец приїжджає.
«А що ти тут, малий хлопку, чи все гаразд дома?»
«Протоптана, пане, стежка до вашого двора.
Та все гаразд, та все гаразд — усе хорошенько,
Виглядають гайдамаки з-за гори частенько...»
«Отто лихо, виглядають! Я їх не боюся,
Хіба ж нема в мене війська? Я не забарюся.
Сідлай, хлопку, сідлай, малий, коня вороного,
Поїдемо ми додому, хоча нас немного».
Їде Сава з Немирова на воронім коню,
Питається челядоньки: чи все гаразд дома?
«Гаразд, гаразд, пане Саво, ще лучче з тобою,
Як тебе ми побачили на воронім коню!»
Ой сів Сава кінець стола та листоньки пише,
А Савиха на ліжоньку дитину колише.
«Піди, дівко, у пивницю, уточи горілки,
Ой нехай же я нап'юся за здоров'є жінки!
Піди, дівко, у пивницю та принеси пива,
Ой нехай же я нап'юся та за свого сина».
Ой не вспіла челядонька з стіни ключі зняти,
Став Гнат Голий з кравчиною ворота ламати.
Як відсуне та пан Сава віконце від ринку,
А вже тії гайдамаки блукають по сінку.
Тільки ж тая челядонька на поріг ступає,
А Микитка пану Саві чолом оддає:
«Здоров, здоров, пане Саво, як ся собі маєш?
Добрих гостей собі маєш, як їх привітаєш,
Ой чи медом, ой чи пивом, ой чи горілкою?
Попрощайся з своїм сином, з своєю жінкою!»
«Ой чим мені вас, панове, ой чим привітати?
Дарував мні Господь сина — буду в куми брати».
«Не того прийшли до тебе, та щоб кумувати,
А того прийшли до тебе, щоб головку зняти!
Було б той, пане Саво, гард¹ не руйнувати,
Коли хотів запорожців в куми собі брати!».

---

¹ Запорожское укрепление.

181. Мошногорский монастырь
(со старого рисунка)

Приведенное в движение восстанием 1734 года, гайдамачество продолжало беспокоить польскую шляхту на Правобережье и позже, в 1740 и в 1750 годах. Появилось много людей, для которых эти гайдамацкие походы сделались своего рода ремеслом, и они им занимались из года в год. Ни местная шляхта, ни незначительное коронное войско не были в силах положить предел этим набегам. Крестьяне, взволнованные слухами, распространявшимися во время последнего восстания, поддерживали гайдамаков и помогали, чем могли; более сме-

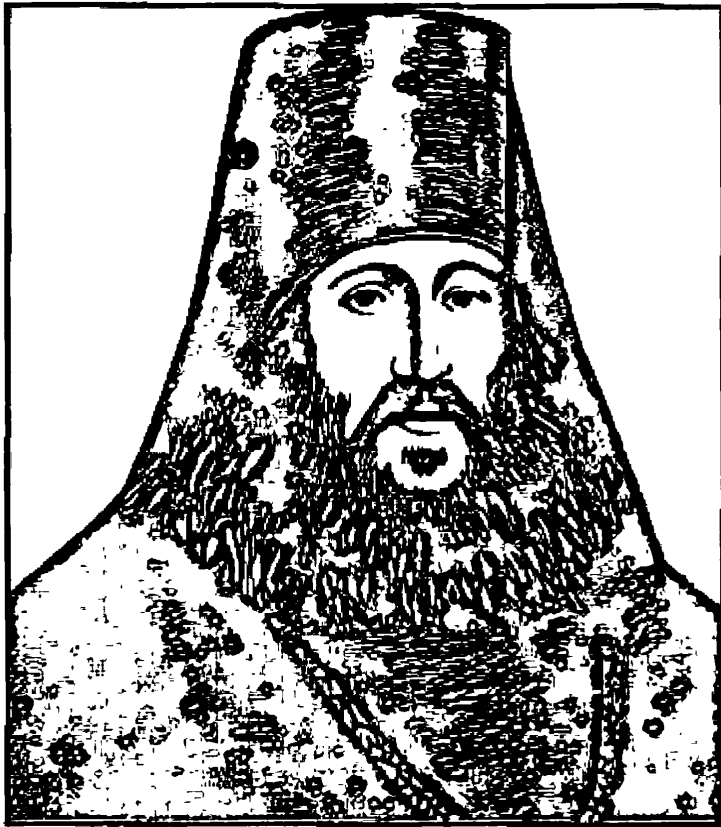
лые из крестьян, раз пристав к гайдамакам, часто продолжали затем всю жизнь это занятие. К тому же явился новый повод для всякого рода волнений, когда и на Поднепровье начались попытки распространения унии, после того как удалось покончить с православием в Западной Украине (см. гл. 107). Гайдамацкие предводители охотно вмешивались в борьбу украинских общин с униатскими священниками, которым раздавали приходы польские помещики; они поддерживали православных, и наоборот — православное духовенство, местное и за русской границей, поднепровские монастыри, крепко державшиеся православия, — все они считали богоугодным делом помогать гайдамакам как защитникам «благочестивой», как ее называли — православной, веры. И нет сомнения, что хотя для гайдамаков очень часто ближайшей целью являлось хищничество, но и они, подобно козачеству XVI—XVII веков, имели большое влияние на общественные и национальные отношения: не давали возмож-

ности отвердевать и укрепляться польскому шляхетскому господству, заводить такие же крепостные порядки, какие существовали в Западной Украине, и подавить «благочестивую веру» — единственную организованную форму национальной жизни — так, как она была задавлена в Западной Украине. Таким образом, симпатия украинского населения к гайдамакам не была лишена основания, несмотря на все разбойничьи свойства, какими проявляли себя сплошь да рядом гайдамацкие предводители. Полякам это осталось непонятным, как может украинское общество, старое и современное, видеть в гайдамаках что-нибудь большее, чем обыкновенных разбойников. Галицкие враги украинства прозвали за это теперешних украинцев гайдамаками, упрекая их в сочувствии старому гайдамачеству. Но это не смутило галицких украинцев, и они ответили на это прозвище песней: «Ми гайдамаки, ми всі однакі...»

После восстания 1734 года гайдамачество, постоянно приобретаемая в силу слабого сопротивления все больший размах, достигло особенной силы в 1750 году. Почти целый год Брацлавское воеводство, восточная Подолия и Киевское воеводство, почти все, до самых границ Полесья, находились в руках гайдамацких отрядов и крестьянского восстания: было взято и уничтожено много городов, местечек и панских замков — даже такие большие тогдашние города, как Умань, Винница, Летичев, Радомысль, попали в руки гайдамаков. Но гайдамацкие отряды и крестьянское движение не организовались в какую-либо прочную организацию, не создали себе определенных центров на Правобережье и, пошумев целый год, это гайдамацко-крестьянское движение стало слабеть и гаснуть само собою, хотя ни со стороны шляхты, ни со стороны правительства мы за это время не видим никаких энергичных и организованных мероприятий против него. Гайдамацкие ватаги удалились; крестьянство, не видя никаких реальных последствий своего восстания, стало упокаиваться, и в последующие годы снова видим те же разрозненные гайдамацкие нападения и походы, какие происходили в прежние годы.

111. Колиивщина

После этого движения 1750 года гайдамацкая волна поднимается снова в 1760-х годах, и при этом большее, чем когда-либо, значение в этом гайдамацко-крестьянском движении получает религиозный вопрос. Незадолго до этого униатские мит-

182. *Мелхиседек Значко-Яворский*

рополиты основались в Радомысле, завели здесь свою консисторию и очень усердно принялись за распространение унии в Киевском воеводстве. Переяславские епископы, которым подчинялись православные приходы Киевского воеводства, не могли успешно бороться с унией из-за границы, но у них нашелся на месте очень энергичный и умелый помощник: Мелхиседек Значко-Яворский, с 1753 года управлявший, в качестве игумена, Мотронинским мо-

настырем около Жаботина. Ему было поручено заведование православными приходами южной части Киевского воеводства, и он очень энергично принялся за организацию православных общин, убеждая их крепко держаться православия, не принимать униатских священников, а только православных, посвященных или принятых переяславским епископом. Мотронин монастырь и соседние — Жаботинский, Мошногорский, Медведовский, Лебединский и др. — служили убежищем и опорой для православных. Так развивается в 1760 году упорная борьба унии с православием. Униатское духовенство при помощи польских команд силой принуждало местных священников и население к унии. Но население не хотело принимать униатских священников, принуждало их переходить в православие или прогоняло, а на их место находило православных священников. Униатские власти старались прекратить это сопротивление террором, при помощи помещиков и администрации: непослушных хватили, сажали в тюрьмы и подвергали всяческим наказаниям. Против этих польско-униатских притеснений православные просили помощи и защиты российского правительства, издавна взявшего на себя роль защитника православных в Польше. Мелхиседек ездил по этому делу к императрице и получил раз-

личные обещания; русскому послу в Варшаве приказано было предстать перед польским правительством в защиту гонимых православных. Предстательство это, однако, не принесло особенных улучшений в положении последних, между тем слухи о вмешательстве русского правительства вызвали сильное движение среди населения; с удвоенною энергией начали изгонять униатских священников или принуждать к переходу в православие. Униатское духовенство начало применять еще более острые формы принуждений и наказаний. При этом происходили сцены отвратительного насилия, вроде, например, воспетого Шевченком убийства ктитора в Млиеве. Этот факт описан им на основании устных преданий и поэтому подвергся значительным изменениям; современный рассказ, записанный непосредственно после события, рассказывает, что этот млиевский ктитор Даниил Кушмир, человек благочестивый и безупречный, был подвергнут мучительной казни за то, что осмелился спрятать церковную дароносицу по приказанию односельчан, не желавших допустить в свою церковь священника-униата. Хотя Даниил дароносицу принял и спрятал с всяческим благоговением, но на него выдуманно было, что будто бы он ходил с ней в корчму и пил из нее водку, и за это ему сначала сожгли живому руки, обмотав паклей и соломой, а затем отрубили голову и прибили на столбе на глазах народа, согнанного силой на это позорище (1766).

183. Иван Гонта

О тюремных заключениях, тяжелых побоях и разных других насилиях нечего и говорить. Все это чрезвычайно взволновало народ; в разных местностях происходили движения, в которых принимали участие и запорожцы, и гайдамацкие отряды, и наконец весной 1768 года вспыхнуло общее восстание, извест-

ное под названием Колиивщины. Поводом к этому послужил, как и в 1734 году, приход русских войск. Когда в Баре, на Подолии, в начале 1768 года началось восстание шляхты против польского правительства ввиду сделанных им уступок России, последнее просило русское правительство своими войсками подавить это восстание, и русские войска были введены на территорию Правобережной Украины. Когда известия об этом распространились среди населения, последнее поняло этот шаг в том смысле, что русское правительство посылает свое войско для освобождения Украины от Польши. Снова появились слухи о царицыных грамотах, затем показывались также копии такой «Золотой грамоты», повелевавшей истреблять поляков и евреев и самое имя их уничтожить за притеснения, учиненные ими православной вере. Эти тексты были подложны, но им верило не только население, но и сами руководители восстания.

Во главе восстания стал Максим Зализняк, запорожец, проживавший долгое время в монастырях — сперва в Жаботинском, затем в Мотронинском. Сюда являлись также и другие запорожцы, и среди них был организован план восстания. В конце апреля 1768 года Зализняк, собравши отряд единомышленников, вышел из Мотронинского леса в Медведовку и, призывая народ к восстанию и принимая в свой полк всякий охочий люд, двинулся на Жаботин, Смелу, Черкасы, Корсунь, Богуслав, Лысянку в окрестности Умани, разоряя по пути польские дворы, помогая крестьянам прогонять и громить униатских священников, поляков и евреев. В окрестностях Умани пристал к нему сотник дворовых козаков Потоцкого Иван Гонта, распорядившийся обороной Умани; это был человек выдающийся, осыпанный милостями своего владельца, но когда вспыхнуло восстание, он решил присоединиться к гайдамакам, вошел в сношения с Зализняком, и когда тот приступил к Умани, Гонта, выйдя навстречу, соединился с ним. Вместе с Гонтой и другими козачьими отрядами Зализняк взял Умань, где укрылась окрестная шляхта, и учинил погром, разукрашенный в рассказах современников поляков чрезвычайно яркими красками и сильно преувеличенный: в действительности такой грандиозной резни не было вовсе. Другие гайдамацкие предводители в это время громили шляхту и униатов в других местностях Киевского воеводства. Семен Неживый, из-под Мошен, со своим отрядом громил поляков и униатов в окрестностях Черкасс, Иван Бондаренко — на Полесье, в окрестностях Радомысля; Яков Швачка действовал ближе к русской границе, в окрестностях Василько-

и Белой Церкви. Он прославился среди других предводителей своей жестокостью; главной квартирой его был Фастов; туда к нему приводили пойманных поляков и евреев, и он чинил над ними суд и расправу: следственная комиссия насчитала таких убитых до 700 душ. Народная песня так воспела его кровавое дело:

Ой хвалився та батько Швачка,
Та до Фастова йдучи —
«Ой будемо драти, панове молодці,
З китайки онучі».
Та ходить Швачка та по Фастові
Та у жовтих чоботях —
Ой вивішав жидів, ой вивішав ляхів
Та на панських воротах.

Восстание, однако, на этот раз не было продолжительным. Повторилась та же история, что и в 1734 году. С началом июня барская конфедерация была усмирена, и поляки обратились к русскому правительству с просьбой содействовать в подавлении гайдамацких движений. Императрица Екатерина, обеспокоенная слухами о ее грамотах, вызвавших восстание, издала манифест, отрекаясь и от этих подложных грамот и от гайдамаков, а своим войскам велела заняться истреблением гайдамачества. Гайдамаки, считая русские войска своими союзниками, не остерегались их, поэтому русским командам удалось без труда захватить их предводителей и разогнать их отряды. Один из начальников русских отрядов, придя к Умани, пригласил к себе Гонту и Зализняка и арестовал их, когда те к нему явились; то же произошло с Неживым и Бондаренком. Захваченных российских подданных отсылали на суд

184. Максим Зализняк

в Киев, польских передавали польской администрации, чинившей жестокий суд на месте, присуждая к смертной казни и различным телесным наказаниям. Так предан был мучительной казни Гонта и много других; современники поляки рассказывают ужасы о regimentаре Стемповском, о том, как он избивал и увечил людей. Избежавших казни на месте судили затем военным судом в м. Кодне и присуждали к различным наказаниям, чаще всего к смертной казни.

Ой зв'язали та попаровали,
Ой як голубців в парці,
Ой засмугалась уся Україна,
А як сонечко в хмарці —

вспоминает песня печальный конец последнего большого восстания на Правобережье.

Польская шляхта, правда, и впоследствии пугалась известий о гайдамаках, о сыне Гонты, приготовляющем новую резню; в особенности большой переполох возник на Волыни в 1788 году. Но восстания не было. Запорожье было в это время уже уничтожено, украинская жизнь Гетманщины придавлена, — присмирела под панской рукой Правобережная Украина.

112. Окончательная отмена гетманства

Упразднение гетманского управления и всего украинского строя решено было правительством Екатерины II с самого начала. Вступая в царство после короткого правления своего мужа (1762), она в инструкции своей сенату поставила своей задачей введение однообразного устройства и законодательства во всех областях, сохранивших еще свои законы и свой строй — на Украине, в балтийских провинциях и Финляндии. Она признавала необходимым привести все старания к тому, «чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б какая персона была произведена в оное достоинство».

Однако Кирилл Разумовский был одним из ближайших и вернейших приверженцев новой императрицы, она многим была ему обязана, и ее политические планы должны были до известной степени считаться с этими личными отношениями. Но случился факт, ввиду которого Екатерина сочла возможным поднять руку и на этого своего верного друга.

В конце 1763 года ей донесли из Киева, что среди украинской старшины собираются подписи на петиции императрице

об оставлении гетманства в роде Разумовского, как особенно верном Российской империи, а на примере указывалось на Хмельницкого, передавшего после себя булаву своему сыну. Действительно ли старшина надеялся этим путем обеспечить сохранение гетманства или только чинила видимость своего гетманства, задумавшего сделать гетманство наследственным в своем роде, — трудно сказать. На Украине рассказывают потом, что все это дело затеял Теплов: он уговорил Разумовского, чтобы тот склонил старшину к такому податейству, а за-

185. Андрей Безбородько, генеральный писарь 1741—1762 годов, вершитель украинских дел того времени

тем все это обратил против Разумовского. Во всяком случае Разумовский приглашал старшину подписывать эту петицию, и на него обрушились ее последствия. Правда, петиция не была даже подана императрице, так как генеральная старшина побоялась ее подписывать: подписали только полковники, и поэтому план был оставлен. Но императрица воспользовалась этим инцидентом как предлогом, чтобы покончить с гетманством; к тому же в это время подоспела записка Теплова об украинских беспорядках. Весьма вероятно, что правительство само поручило ему составить такую записку, как позже то же было сделано и при упразднении Запорожья. В записке этой был собран обвинительный материал против украинской автономии — о старшинских беспорядках и злоупотреблениях, а вместе с тем проводилась

мысль, что украинцы такие же «россияне», как и великороссы, и только благодаря нерадению киевских князей отделились, и их можно без церемонии снова уравнивать во всем с прочими подданными России.

Воспользовавшись всем этим, Екатерина заявила Разумовскому, что не находит для него возможным оставаться на гетманстве и советует добровольно отказаться от этого поста. Однако Разумовскому вовсе не хотелось этого, и он все откладывал. Тогда Екатерина дала ему понять, что дальнейшее упорство, кроме потери булавы, может навлечь на него большие неприятности, и после этого Разумовский покорился: подал прошение, в котором просил освободить его «от столь тяжелой и опасной должности» и взамен оказать милость к его «многочисленной фамилии». Эта просьба, конечно, немедленно была исполнена. 10 ноября 1764 года был издан манифест к «малороссийскому народу» об увольнении Разумовского от гетманства, причем об избрании нового гетмана уже не упоминалось: императрица упоминала только, что она предполагает какие-то реформы для блага малороссийского народа, а пока для управления Украиной учреждает малороссийскую коллегию, президентом которой и генерал-губернатором Малой России назначается граф Румянцев. Разумовскому за его покорность была пожалована необычайная пенсия, 60 тыс. рублей в год, и огромные поместья, предназначенные на содержание гетмана: Гадячский Ключ и Быковская волость. Это подало надежду и генеральным старшинам и полковникам, что с упразднением гетманского правления будут и им розданы в собственность так называемые ранговые поместья — приписанные к их должностям, как Разумовскому даны были гетманские поместья. В этих расчетах они не очень и напоминали об избрании нового гетмана (так замечает автор «Истории Руссов») — но надежды эти не оправдались. А Разумовский жил потом очень долго, целых сорок лет после своего отречения, и хотя сам по себе гетманом был довольно неудачным, но с точки зрения поддержания автономных традиций приходится пожалеть, что ему не удалось удержать булаву до самой смерти — до начала XIX в.

Новая малороссийская коллегия должна была состоять из четырех членов украинских и четырех великорусских, и кроме того, были президент и прокурор из великороссов. Заседать им велено было попеременно, по старшинству, а не так, как было при императрице Анне, когда великороссам велено сидеть по правую руку, а украинцам по левую, — так как это «утверждало в малороссианах развратное мнение, по коему по-

...и называют себя народом
...вдешняго совсем отлич-
...ным». Однако вся эта кол-
...очия не имела большого
...значения, учреждена была
...просто для формы, а насто-
...ющим правителем ее был
Румянцев, которому импе-
...рица поручила осуще-
...ствление своей программы:
привести к полному упразд-
...нению украинских поряд-
...ков и замене их законами
и порядками общеимпер-
...скими.

В своей инструкции Ру-
...мянцеву Екатерина указы-
...вала различные стороны
украинской жизни, на ко-
...торые Румянцев должен
был обратить особое внима-
...ние. Ему поручалось произ-
...вести перепись на Украине,
чтобы выяснить ее платеж-
...ные силы и реформировать
ее обложение, так чтобы
имперская казна могла
иметь с нее доходы. Отме-

...чены были различные неприятные правительству особенности
украинского строя, в особенности — отсутствие полного закреп-
...ощения крестьян на Украине, вследствие чего крестьяне мог-
...ли переходить от одного помещика к другому, такую свободу,
давно уже исчезнувшую в России, Екатерина не находила воз-
...можным терпеть на Украине и поручала Румянцеву положить
ей конец. Более же всего она обращала его внимание на укра-
...инскую «внутреннюю ненависть» к великорусскому народу, рас-
...пространенную в особенности среди старшины, и приказывала
тщательно следить за ней и всякими способами развивать до-
...верие и симпатию к российскому правительству среди просто-
...го народа, чтобы старшина не могла найти опоры у этого по-
...следнего. Для этого она рекомендовала вести дела так, чтобы
можно было народу указывать на выгоды от новых порядков
— что они избавляют население от старшинских и помещичь-

186. Тылы Гетманщины
(с рисунков XVIII века): полномочник

188. Сотник

их несправедливостей и под имперским правлением ему лучше, чем под гетманским. Это была все та же старая политика — вооружать народ против старшины, но трудно было убедить народ в выгодах новых порядков, если в ряду их первенствующие места должны были занять упразднение остатков крестьянской свободы, сохранившихся еще на Украине, признание за старшиною во всей полноте прав российского дворянства и насаждение на Украине московских порядков с их жестоким крепостничеством и полным народным бесправием. «Генеральная перепись» Украины, составленная Румянцевым, осталась важным источником для изучения старой жизни Гетманщины, но несколько не облегчила положения народа. Румянцев, получив большие поместья на Украине, стал сам смотреть на крестьянские отношения глазами

украинского пана, и украинское крестьянство никаких облегчений своей участи не видело ни от него, ни от других великорусских правителей. Наоборот, все те крепостные порядки, какие старшина потихоньку до сих пор вводила в своих поместьях (опять-таки при благосклонной помощи русских властей), были теперь расширены, оформлены, окончательно утверждены и припечатаны властью правительства, имперскими законами; и положение украинского крестьянства при новых российских порядках под управлением новых властей, воспитанных на крепостных порядках России, ухудшилось очень ощутительно.

Легче было Румянцеву исполнять приказания императрицы в деле наблюдения за старшиной и всякой «внутренней ненавистью», или, как это позже называлось, украинским сепаратизмом. Тут Румянцев проявил такое рвение, что даже самой

императрице приходи-
лось его успокаивать и
сдерживать от напрас-
ной горячности. В осо-
бенности раздражили
его выборы в комис-
сию уложения в 1767
году, когда Екатерина
приказала из всех гу-
берний и областей, в
том числе и от Укра-
ины, выслать выборных
депутатов от всех со-
словий, снабдив их пи-
санным наказом, кото-
рый должен был зак-
лючать в себе пожела-
ния избирателей отно-
сительно новых зако-
нов для России. При
этом все украинское
население, не только
мещанина, а и козаки,
казаки, духовенство —
все изъявляли жела-
ние, чтобы Украине
возвращены были пре-
жние ее права и поряд-
ки, по статьям Богда-
на Хмельницкого, что-
бы снова был избран

188. Мещанка

судман и т. п. Это очень раздражало Румянцева. Он и сам и
через разсланных на места офицеров старался повлиять на
общество, чтобы оно не выступало с такими пожеланиями, вы-
бирало бы людей «умеренных», подвергал даже цензуре наказы,
отменял те из них, где автономные стремления проявлялись
особенно сильно, и в конце концов без церемонии отдавал под
суд наиболее горячих автономистов. В Нежинском полку мест-
ное «шляхетство» (старшина) избрало депутатом человека
«умеренного» (некоего Селецкого), и когда последний не захо-
тел принять инструкции, написанной в автономном духе, с тре-
бованием возобновления гетманства и украинских порядков,
старшина выбрала другого депутата. За это Румянцев предал

военному суду всех составлявших наказ и участвовавших в отмене выбора Селецкого, и суд присудил за это не более не менее как 33 человека к смертной казни! При конфирмации наказание это было смягчено и заменено восьмимесячной тюрьмой — все-таки!

Несмотря на все эти мероприятия Румянцева и суровые наказания, которыми он грозил, украинское общество, как уже сказано, все-таки единодушно во всех наказах провело эту основную ноту — требование украинской автономии. Оно, очевидно, считало момент решающим и вменило себе в обязанность заявить свое основное требование, не считаясь ни с гневом всесильного наместника, ни с его наказаниями. Правда, из проекта нового уложения ничего не вышло, и эти выборы в комиссию уложения и наказы депутатам дали только чрезвычайно выразительную иллюстрацию стремлений и желаний тогдашнего украинского общества, а вместе с тем и характерную картину украинских отношений под правлением нового наместника. Необходимо отметить, однако, что сама императрица принимала гораздо спокойнее эти проявления украинских настроений, чем не в меру горячий ее наместник. В ответ на гневные жалобы Румянцева на украинское «коварство и своеволие» она советовала ему не придавать всему этому большого значения. Она надеялась, что со временем «желание к чинам, а особливо к жалованию» возьмут верх над «умоначертаниями старых времен», что все эти требования автономии и обособленности не устоят перед натиском правительственной политики и тех классовых выгод, какие она раскроет перед покорными и послушными. И Екатерина действительно не ошиблась.

Подобно тому как в Гетманщине, такое же стремление к восстановлению старых козацких порядков проявилось и в соседней Слободской Украине. В то самое время, как было упразднено гетманство в Гетманщине (1763—1764), в Слободской Украине упразднено было полковое козацкое устройство, образована была Слободская губерния по образцу других российских губерний, полки козацки заменены были гусарскими, а козаки вместо прежней службы обложены были подушным сбором, как крестьяне. Козачество было этим очень недоволено, и здесь при выборах в комиссию уложения тоже раздавались протесты против нововведений и пожелания о возвращении старых порядков. Но эти пожелания остались без успеха здесь точно так же, как и в Гетманщине — да и выступали они здесь гораздо слабее, чем там.

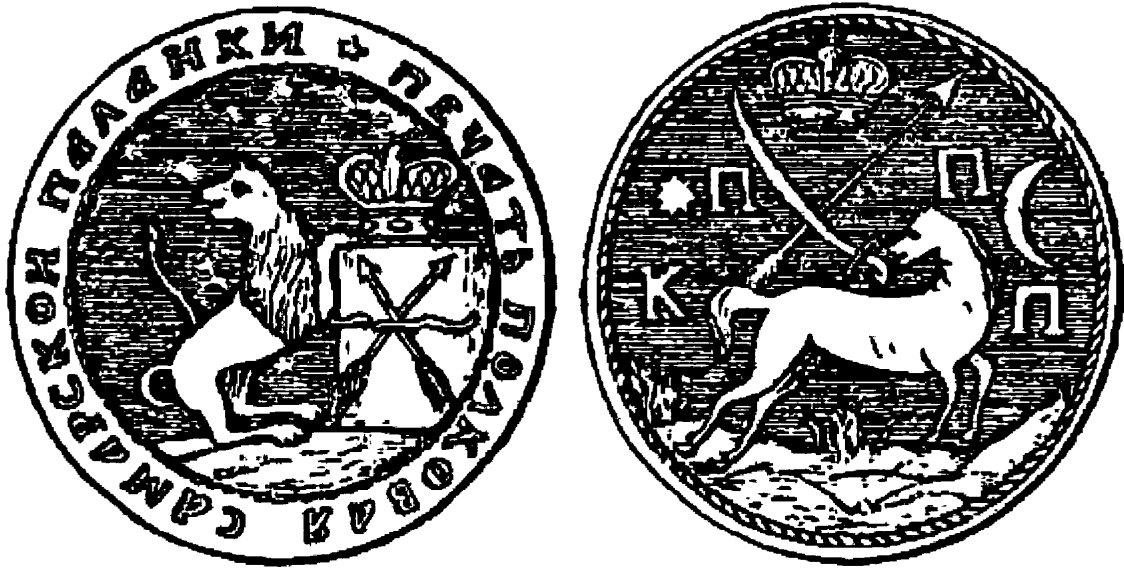

113. Уничтожение Сечи

Сильное впечатление произвело также, как проявление нового направления правительственной политики, уничтожение Запорожской Сечи.

Правда, последняя Сечь, перенесенная в тридцатых годах на старые места, была уже только слабой тенью старой Сечи. Выпросив у русского правительства разрешение вернуться, она должна была покорно выполнять требования российских властей, желавших распоряжаться сечевиками по своему произволу, как и городскими козаками, и сечевая старшина, видя, что сопротивление неуместно, старалась исполнять распоряжения правительства и его представителей. Запорожцы выносили тяжелые походы, гибли в войнах с Турцией и Крымом, исполняли различные поручения, какие возлагало на них российское правительство. В первой турецкой войне, в 1730-х годах, и во второй, начавшейся в 1768 году, войско Запорожское принимало участие в военных действиях, высылало по несколько тысяч сечевиков в походы с российской армией, удачно вело партизанскую войну, боролось на своих чайках с турецким флотом, несло сторожевую и всякую иную службу и получало похвальные грамоты от императрицы. Но все это не спасало Запорожья от неудовольствий и выговоров правительства. Причиной служили столкновения запорожской вольницы с Турцией, Крымом и Польшей в те периоды, когда Россия находилась в мире с этими государствами; возникали пререкания и жалобы, а запорожская старшина при всем своем желании не могла предупредить своевольных нападений запорожских отрядов. Вторая, еще более важная причина неудовольствий лежала в спорах из-за запорожских владений.

Уже «линия» — укрепления, сооружавшиеся на украинском пограничье со степью в 1720-х и 1730-х годах, захватила старые «запорожские вольности» — запорожские земли. Начиная с 1730-х годов российское правительство устраивало вдоль этой линии села и города и, между прочим, поселило здесь довольно много выходцев-сербов. Первое поселение их образовано было в 1732 году, затем снова в 1751—1752 годах. Эта «Новая Сербия», как называли ее, захватила весь северный край запорожских владений; организована она была по-военному — в полки и роты, пешие и конные, гусарские, и сильно стеснила запорожцев. Затем в 1750-х годах правительство начало основывать здесь козачьи и пикинерские слободы, заселяя их различным пришлым сбродом — начиная с окрестности вновь выстроен-

189—190. Печати запорожских паланок: Самарской и Кодацкой

ной тогда крепости св. Елисаветы (Елисаветграда), далее на восток, и при этом снова под эти слободы были заняты запорожские земли. Конечно, все это очень раздражало запорожцев, и они не могли равнодушно смотреть на то, как в их извечные степи врываются непрошеные гости, захватывают их замки и уходы, рыбные и звериные ловли, и знать не хотят ни Сечи ни ее власти. Запорожская старшина пробовала доказывать перед российским правительством свои права при помощи документов, пыталась уничтожить ненавистные слободы вооруженной силой — однако все это нисколько не помогало, только российское правительство все более неблагоприятно стало относиться к Запорожью, видя в нем препятствие в заселении этой степной «Новой России», как ее называли впоследствии. Особенно обострились отношения при Екатерине, когда одновременно с уничтожением гетманства и учреждением Слободской губернии вышел указ об образовании Новороссийской губернии из этой пограничной линии с присоединением к ней соседних частей Гетманщины и смежных запорожских земель. Запорожцы не позволяли проводить границы новой губернии через свои земли, препятствовали заселению слобод, разгоняли и переманивали к себе поселенцев. Это все сильно раздражало Екатерину, носившуюся с планами заселения степей, владychества на берегах Черного моря, присоединения к Российской империи земель балканских и даже самого Константинополя.

Правда, Запорожье в последние десятилетия перед своим уничтожением сильно изменило свой вид. Последний запорож-

ский кошевой Петр (Калнишевский, занимавший этот пост с 1762 года, а с 1765 года бессменно остававшийся им) кошевым до конца Сечи, был человек очень умный и осторожный. Считаясь с обстоятельствами, он всячески удерживал запорожцев от столкновений с российскими властями, заботился о заселении запорожских степей земледельческим населением, завел большое хозяйство, привлек массу поселенцев. В запорожских степях появились большие запорожские слободы и церкви — не только в самой Сечи, но и по другим населенным местам. Таким образом, аргументы противников Запорожья, что в руках сечевиков черноморские пространства лежат дикой нетронутой степью, никому не приносящей пользы, — теряли свою цену. Экономическая политика Калнишевского показывала, что и в руках сечевиков эти пространства могут заселиться и культивироваться. Но правительству хотелось забрать этот край в свое непосредственное распоряжение. С другой стороны, с корнем уничтожая старое козацкое устройство на Украине, трудно было терпеть такой очаг свободы, каким была автономная сечевая община — как ни притихла, ни присмирела она сравнительно с Сечью времен Гордиенка!

Все это очень обострило отношения правительства к Запорожью в конце 1760-х годов, а к этому еще присоединилась война с Турцией, поводом которой послужило якобы нападение запорожцев на пограничный турецкий город Балту. В Ко-

*Рис. 191. Кошевой банатских козаков
(из брошюры 1789 года)*

192. Печать Черноморского
войска (1792)

лиивщине запорожцы тоже были сильно замешаны, и русское правительство, помогая польской шляхте подавить гайдамацкое восстание, последовательно должно было придавить и Сечь, из которой выходили гайдамацкие отряды в польскую Украину. Одновременно шли жалобы на запорожцев от русских властей на все те неприятности, какие чинили сечевики Новороссийской губернии, прогоняя и сманивая поселенцев в свои слободы. Российское правительство решило уничтожить Сечь. Однако оно боялось какого-нибудь опасного движения

и поэтому повело дело в большом секрете, исподволь, чтобы захватить запорожцев неприготовленными. По окончании турецкой войны, в 1775 году секретно были разсланы военные команды в запорожские степи, чтобы отобрать оружие у запорожцев, находившихся на промыслах, а летом генерал Текели с большим войском вошел в запорожские земли под личной благоприятеля, занял войсками запорожские «паланки» (округа) и неожиданно осадил Сечь. Выстроив перед ней свою артиллерию, он 5 июня известил сечевиков, что Сечь не должна дальше существовать, запорожцы должны сдаться, покинуть Сечь и разойтись, если не хотят, чтобы русские войска обратили против них свое оружие. Такая неожиданность обескуражила запорожцев; они не знали, что предпринять. Многие ни за что не хотели сдаваться и рвались биться с московским войском. Но Калнишевский со старшиной и сечевое духовенство стали их уговаривать покориться, потому что московской силы им все равно не одолеть.

Запорожцы сдались. Сечь была разрушена, и 3 августа царский указ возвестил ее конец «с уничтожением самого имени запорожских козаков». В указе пространно излагались причины такого неожиданного распоряжения, но при этом его составители не позаботились устранить противоречия в этой мотивировке.

С одной стороны, выставлялось соображение, что запорожцы, уклоняясь от хозяйственных занятий и семейной жизни, задер-

живают свой край в диком состоянии, не позволяя развиваться в нем хозяйству и торговле; с другой стороны, в вину запорожцам ставилось, что в последнее время они стали отступать от прежних своих обычаев: заводят свое хозяйство, поселили в своих краях до пятидесяти тысяч земледельческого населения. Они обвинялись в том, что, заводя свое собственное земледелие, ослабляют свою зависимость от Российского государства, так как могут пропитаться продуктами собственного хозяйства и стать вполне независимыми «под собственным своим неистовым правлением».

Еще более удивительным являлось то обстоятельство, что старшины, уговаривавшие запорожцев не сопротивляться, а покориться царской воле, были арестованы и разосланы по монастырям в тяжелое заточение. О них долго даже ничего не было известно: считали их погибшими. Затем выяснилось, что Калкишевского отправили в Соловецкий монастырь и он прожил там еще целых двадцать пять лет, в одиночной келии-тюрьме, не видя человеческого лица. Богомольцы, видевшие его в первые годы XIX века, рассказывали, что его выпускали из одиночного заключения лишь три раза в год в монастырскую трапезную: на Рождество, Пасху и Преображение. Он расспрашивал богомольцев, кто теперь царем и все ли хорошо в России. Но стража не позволяла ему много говорить. Он высох от старости, был совершенно седой, одет по-козацки в синий жупан с двумя рядами мелких пуговиц. Умер в 1803 году на 112 году жизни. Раньше его, в 1790 году умерли войсковый писарь Глоба, сосланный в один из северных монастырей, и судья Павел Головатый, заточенный в Сибири, в тобольском монастыре.

«Та встань, батьку, ой встань, Петре, кличуть тебе люде —
Ой як підеш на Вкраїну, по-прежньому буде.
Ой піди ж ти до столиці прохати цариці,
Чи не вступить царство землі по перші границі?
Чи не верне степи й поля, всі клейноди наші?»
«Ой царице, наша мати, змилуйся над нами,
Оддай же нам наші землі з темними лугами!»
«Не на те ж я, запорожці, москаля заслала,
Ой щоб твої луги й землі назад повертала!
Не на те я, запорожці, Січ разруйнувала,
Щоб назад вам степи й луги й клейноди вертала!»
Текла річка із-під саду та й упала в кручі —
Заплакав же пан кошовий, від цариці йдучи.
Текла річка невеличка, заросла лозами —
Заплакав же наш кошовий дрібними сльозами.

«Ой великий світ, царице, і всім ти владаєш,
А вже ж ти нас, запорожців, з місця споміщаєш,
Та вже ж ти тих вражих панів та все награждаєш».
Та летить крячок та на той бочок, та летячи кряче —
Та усе військо Запорозьке на Кальниша плаче,
Та летить крячок та на той бочок — де ваявся шуліка! —
Ой не буде в Січі города однині й довіка!

Действительно, огромные имения были розданы в запорожских владениях разным лицам. Сечевикам же предстояло быть поверстанными в пикинеры или в мецане и крестьяне. Потемкин доносил императрице, что все это уже улажено: одни запорожцы поселились в городах и селах, другие записались в пикинеры, и из них набрано два полка; из конфискованного старшинского имущества образован капитал для помощи поселенцам и пр. В действительности было иначе. Большинство запорожцев не желало превращаться ни в пикинеров, ни в земледельцев и решило идти по стопам их предшественников из первой Сечи — переселиться в Турцию. Старый запорожец Микита Корж рассказывал позже, как сечевики ухитрились тогда «москаля в шоры убрать». Так как Запорозье, все дороги и границы были заняты московскими войсками, то запорожцы стали проситься у Текели на заработки на Тилигул. Получали паспорта на 50 человек, а набирали с собой по несколько сот и уходили за границу. Таким путем скоро большая половина запорожцев ушла на турецкую территорию, так что летом 1776 года этих запорожцев на Тилигуле и под Хаджибеем собралось до 7000 и они начали селиться здесь под Очаковом.

Ей оступили прокляті драгуни усі степи й усі плавні.
А вже ж уступили та дві дивізії та в покровські базари —
А вже ж славні запорожці п'яти показали:
«Ой ходімо, браття, турчина просити,
Чи не дасть нам землі віка дожити».
Пішли наші славні запорожці не з добра, а з печалі —
Ой як утікали, то все забирали — і з церков ікони,
Тільки покидали золотую зброю та вороні коні.
Ой пустилися наші запорожці через море дубами,
Ой як оглянутьсся до славної Січі — умиваються сльозами.
Прийшли до турка та й вклонилися низько:
«Ой дай же нам землю та й коло границі близько».
«Ой рад же ж я, запорожці, вашу волю вчинити,
Коли ж все будете, славні запорожці, мені зміну робити!»
«Ми не будем, турецький царю, тобі зміни робити,

Бо нас присягає усіх сорок тисяч тобі вірно служити!»
«Дарую вам землю, ще й обидва лимани
[Днепровский и Днестровский],
Ловіть, хлопці, рибу та справляйте жупани!»¹

Когда узнали об этом в Петербурге, там это вызвало большой переполох; к запорожцам стали посылать разных агентов, уговаривая их возвратиться, а одновременно требовали от турецкого правительства выдачи запорожцев. Но и запорожцы не хотели возвращаться, и турки не желали их выдавать.

Ой пише москаль та й до кошового — «а йдіте до мене жити,
Ой я дам землю та по-прежньому — а по Дністер границу».
«Ой брешеш, брешеш ти, вражий москалю, — а ти хочеш обманити:
Ой як підемо ми у твою землю, ти будеш лоби голити» [в солдаты].

Чтобы Россия оставила запорожцев в покое, султан велел отвести им земли для поселения у Дунайских гирл; но запорожцы не очень спешили уходить туда и еще несколько лет жили около «обоих лиманов». В 1778 году они были формально приняты под турецкую власть, им позволили заложить Сечь, жить и промыслять свободно, с обязанностью служить султану пешей и конной службой. Но так как российское правительство добивалось, чтобы их не держали возле российской границы, то султан велел силой перевести их за Дунай. Это очень не понравилось запорожцам, и некоторые стали возвращаться в Россию. Потемкин, чтобы удержать сечевиков и других людей от побегов за границу, решил возобновить Запорожское войско под названием «Черноморского войска» и в 1783 году поручил Антону Головатому, Чепиге и другим запорожским старшинам призывать охотников в новое войско. К этому войску присоединилась теперь и часть ушедших за границу запорожцев.

Другие обратились к императору Иосифу II с просьбой принять их под свою власть; их приняли, разрешили основать Сечь в австрийских владениях, в Банате, низовьях Тиссы, и в 1785 году восемь тысяч запорожцев перешло туда; однако долго они там не оставались и скоро снова снялись с места; куда направились они на этот раз, об этом не имеем известий: можно догадываться, что одни возвратились в Турцию, другие ушли в Россию. В Турции запорожцев поселили сначала в Сейменах, затем позволили заложить кош на Дунайском устье, около

---

¹ Выбираю из разных песен — их очень много об этих событиях, а об уничтожении Гетманщины почти ничего нет!

м. Дунавца, где раньше жили великороссийские переселенцы — казаки-некрасовцы, которых запорожцы теперь прогнали отсюда. В России же после окончания турецкой войны, в которой новое Черноморское войско оказало России большие услуги, — в 1792 году для поселения было отведено устье Кубани и земли между Кубанью и Азовским морем. Запорожцам было разрешено возобновить прежнее сечевое устройство — войсковое управление, кош, курени, числом сорок; пожалованы были новые клейноды, позволено судиться своим судом, свободно и безданно промышлять всякими промыслами. Всего в этом Черноморском войске насчитывалось тогда 17 тысяч козаков, и они положили начало украинскому заселению кубанских земель. Первым черноморским кошевым был Харько (Захар) Чепига.

Задунайская Сечь держалась до 1828 года. Жилось ей в Турции в общем недурно, только запорожцев мучила совесть ввиду того, что им приходится помогать басурману против христиан:

Ой наробили та славні запорожці та великого жалю:
Що не знали, кому поклониться — та которому царю.
Ой поклонилися турецькому — під ним добре жити,
А за все добре, за одно недобре — що брат на брата бити.

С другой стороны, русские власти не переставали соблазнять этих дунайских запорожцев возвратиться в Россию — через разных родственников, знакомых и т. п. От времени до времени большие или меньшие партии этих дунайских запорожцев действительно переходили в Россию — но это все были сравнительно небольшие отряды. Лишь в 1828 году, когда началась война Турции с Россией, тогдашний кошевой Осип Гладкий задумал перевести задунайцев в Россию целиком; он распустил слухи, что турки хотят переселить запорожцев как можно дальше от российской границы — в Египет. Ввиду этого он подговаривал запорожцев к возвращению в Россию, но так как не все соглашались на это, то Гладкий, не открывая своего намерения, вышел с войском якобы в поход против русских войск и только на российской границе открыл запорожцам, что идет отдаться на сторону России. Возвратиться было невозможно. Прибыв к российскому войску, Гладкий явился к императору и заявил, что отдается под его власть. После этого он со своим полком принимал участие в кампании против турок, а после войны выбрал для поселения своего войска Азовское побережье, между Бердянском и Мариуполем, и здесь это небольшое

«Азовское войско» жило до 1860 года, когда его переселили на Кубань.

Эта измена Гладкого навлекла большие бедствия на запорожцев, оставшихся на Дунае. Турецкое правительство упразднило войско, разрушило кош и расселило задунайцев по разным местам. Говорили, что при этом много их было убито. Горько проклинали дунайцы Гладкого.

114. Конец Гетманщины

Уничтожив Запорожскую Сечь, правительство приступило к окончательной ликвидации Гетманщины. Осенью 1780 года царским указом было объявлено, что в Гетманщине будет введено такое же губернское управление, как и в России. Уже раньше, при формировании Новороссийской, а затем Азовской губерний, в состав их был включен соседний Полтавский полк и часть Миргородского. Теперь же вся Гетманщина должна была реформироваться в российские губернии, и Румянцеву было поручено разработать план этой реформы. На следующий год были уничтожены малороссийская коллегия, генеральный суд, центральные войсковые и полковые управления; Гетманщина была разделена на три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское; назначены наместники и учреждены суды и палаты по российскому образцу: на место войскового суда палаты уголовная и гражданская; в каждой губернии вместо прежних судов городских и земских — суды уездные; вместо войскового скарба — казенные палаты; для дел городских — губернские магистраты и т. д. Малороссийская коллегия и войсковой суд оставлены были временно только для окончания незаконченных дел; полковые канцелярии оставлены для военных нужд полка впредь до реформы полкового устройства; так-

же разные учреждения, которые замещались выборными дворянскими депутатами, должны были еще ждать дальнейших распоряжений касательно «разбора дворянских прав» украинской старшины.

Дальнейшие распоряжения только довершили это переустройство украинских порядков по имперскому образцу. В 1783 году отменена была козачья служба и козачьи полки: они заменены были карабинерскими полками, как раньше слободские

193. Печать
кошевого дунайских
козаков (1801)

194. Козацкое знамя домонтовской сотни 1762 года
(Черниговский музей)

полки были заменены гусарскими. Полковники были освобождены от службы с производством в бригадирский чин; прочей старшине предоставлено по ее желанию — служить в новых регулярных полках или отказаться от службы; козаки сохранялись как особый разряд военно-служебного свободного крестьянства, из которого комплектовались эти новые полки. Все прочее крестьянство приравнивалось к крестьянству империи. Уже перед тем, в 1763 году, российское правительство издало указ против свободного перехода крестьян, находя его вредным для их благосостояния — так как вследствие этих переходов крестьяне не могут вести успешно своего хозяйства; ввиду этого на будущее время воспрещалось переходить от одного помещика к другому без письменного согласия своего помещика. Этим указом помещики воспользовались для того, чтобы укрепить и увеличить свою власть над крестьянами, а крестьяне, обеспокоенные этими мерами к окончательному закрепощению, еще в большем числе начали переходить и уезжать от своих помещиков. Тогда указом 1783 года, при введении нового обложения на Украине, крестьянам было уже совершенно запрещено выходить из того поместья, где их застала ревизия, — чтобы не было пута-

мицы в казенных сборах. Этим завершилось закрепощение украинского крестьянства; оно было подведено под «общие государственные постановления» — под те законы, на которые опиралось тогдашнее крепостное состояние в империи.

В том же году украинские города были уравнены с московскими городами, а старшина украинская — с московским дворянством. Указано, какие войсковые чины и должности дают права дворянства, и таким образом старшина резко отделена была от рядового козачества, в качестве особого сословия. Наконец, всякого рода ограничения церковной автономии завершены были в 1786 году отобранием монастырских и епископских поместий; для монастырей введены были штаты: было указано, сколько монахов должно быть в каждом и какое содержание назначается ему из государственного казначейства, а монастырские поместья отобраны были в казну.

Молча приняло украинское общество это окончательное упразднение старого строя. Некоторые стороны новой реформы — как признание дворянских прав или окончательное закрепощение крестьян — могли даже нравиться старшине; многие жадно ожидали при этом упразднении разных наград и пожалований всем правительственно-послушным и старались попасть на открывшиеся новым строем должности, стремились к чинам и богатому жалованью, как предвидела императрица. И эта старшинская аристократия понемногу забывала свою старую Гетманщину, утешаясь достатками, богатством, какое приносил им обеспеченный новыми порядками крепостной труд, или же, вздыхая по старине, тем не менее старательно заботилась о служебной карьере в новых условиях, у нового начальства. И действительно, как рассчитывала Екатерина, среди этой погони за карьерой испарялись старые стремления к вольности, к политическим правам.

Только украинский народ не находил себе утешения в своем крепостном рабстве. Правительство обещало ему с новыми порядками свободу от старшинских беззаконий, от «малых тиранов» — помещиков, а на деле эти новые порядки упрочили с небывалой до того силой безграничную власть помещиков над крестьянином, из которой не было уже ему ни выхода, ни просвета. И свое глубокое разочарование народ излил в известной песне о царстве неправды:

Нема в світі правди, правди не зіскати,
Бо тепер неправда стала правдувати.
Уже тепер правда в панів у темниці,
А щира неправда з панями в світлиці!

Уже тепер правда в панів у порога,
А щира неправда сидить кінець стола!
Уже тепер правду ногами топтають,
А щирю неправду медом напувають.
Десь ти, правдо, вмерла чи ти заключена,
Що тепер неправда увесь світ зажерла!
Тільки в світі правди що рідная мати.
Де би ми її могли в світі одіскати?
Ой орлице-мати! Де ж тебе нам взяти?
Тебе ні купити, ані заслужити!
Коли б тебе, правдо, в світі увидіти,
Орловими крильми раді б ми летіти!
Ох як же тим діткам без матері бути?
Та щодня заплачуть, не можуть забути!
Вже ж бо кінець віку отже приближився:
Хоч рідного брата тепер стережися.
І з ним на суд стати — правди не зіскати,
Тільки сріблом-златом панів насищати.
Хто по правді судить, то того карають,
А хто не по правді, того поважають.

УКРАИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

115. Присоединение Галиции и Буковины к Австрии

Одновременно с тем, как окончательно разрушались украинские порядки по левой стороне Днепра и на Запорожье во второй половине XVIII века, большие перемены происходили также и на Правобережье и в Западной Украине, создавая новые условия и новые основы украинской жизни. Падала Польша: едва успела она подавить последние народные движения на Правобережье и нанести последние удары национальной жизни введением унии в Западной Украине, как настал неожиданный конец государственной жизни самой Польши. В течение нескольких лет разбирали ее соседние державы, и напрасно силилась потом польская шляхта вырвать из их рук и восстановить свою прежнюю государственность.

Не в пользу пошли полякам их огромные приобретения в землях украинских, белорусских и литовских: завоевания и усилия, направленные на сохранение этих земель, обессилили вконец Польшу, она ослабела и сделалась добычей соседних более сплоченных, более прочно организованных государств. Польская шляхта, захватив в свои руки правление, поработила нешляхетское население, лишила всякого значения и самую королевскую власть, отняла все ресурсы у правительства, чтобы лишить его возможности, упрочив свое положение, предпринять какие-нибудь меры к ограничению шляхетских привилегий. Польское государство не располагало ни денежными средствами, ни войском, ни властью. Всю силу захватили крупные землевладельцы-магнаты, но их попечения направлены были не на государственные или общественные интересы, а на обеспечение своего могущества, богатства, карьеры, и в последнее время представители этой аристократии очень часто не брезгали деньгами иностранных правительств, продавая им свое влияние на дела Польши и направляя ее политику в интересах соседей, а не ее самой.

*195. Георгий Конисский,
архиепископ белорусский,
глава православной церкви
в Польше в эпоху разделения*

Уже движение Хмельницкого нанесло Польше роковой удар, от которого она не имела силы оправиться. С начала XVIII в. Польшей правят уже не ее собственные правители, а иностранные правительства. Они тормозят проведение в Польше всяких реформ, которые могли бы усилить ее; вмешиваются при всяком удобном случае в ее внутренние дела, поднимают через подкупленных магнатов восстания (конфедерации) и распоряжаются совершенно бесцеремонно ее внутренней и внешней политикой. А при этом время от времени возникают зловецкие проекты о полном разделе этого большого, но

бессильного, безалаберного, на живую нитку сшитого государства, как это мы видели уже во времена Хмельницкого.

По смерти короля польского Августа III (1763) императрица Екатерина, по соглашению со своими единомышленниками в Польше, ввела свои войска, провела на польский престол своего фаворита Станислава Августа Понятовского и рассчитывала его именем править Польшей по своему усмотрению. Повод к вмешательствам в дела последней давал по-прежнему вопрос о положении православной религии в Польше: русское правительство издавна считало себя покровителем православных Польши, и местное православное духовенство обращалось к его помощи и защите в своих злоключениях. Польское правительство стремилось освободиться от этих влияний России и думало воспользоваться тем, что Россия с 1768 года запуталась в войну с Турцией, а сторону Турции стала поддерживать довольно

определенно Австрия, не желавшая нового расширения владений России по линии турецких границ. Россия ставила своей задачей утверждение своего господства в Крыму и Молдавии и требовала, чтобы Турция отказалась от верховной власти над этими провинциями; Австрия не хотела этого допустить, так как сама имела виды на молдавские земли. Польское правительство надеялось воспользоваться этим расхождением, но совершенно неожиданный оборот дал всему этому прусский король: он задумал использовать в своих интересах это обострение отношений между Россией и Польшей и выступил с проектом, по которому Россия вместо Турции должна была расширить свои владения на счет Польши, а при этом и Пруссия с Австрией имели получить пограничные польские провинции. Императрица Екатерина не была особенно расположена к этим планам, так как вообще не желала делиться Польшей, рассчитывая удерживать ее под своим влиянием целиком. Но когда Австрия начала решительно склоняться в сторону Турции, Екатерина дала свое согласие на планы Пруссии, чтобы удержать на своей стороне эту последнюю. Начались переговоры по этому вопросу, и наконец состоялось соглашение, по которому Россия действительно отказалась от своих претензий на Молдавию (однако Крым Турция должна была признать независимым, и в 1783 году он был безо всякой войны присоединен к России, с согласия Австрии). Вместо Молдавии Россия взяла себе от Польши пограничные белорусские земли, Австрия — Галицию, Пруссия — земли прибалтийские Польши. На этих условиях в августе 1772 года состоялось формальное соглашение, и высланные войска без боя заняли разобранные провинции, а польский сейм и правительство, частью запуганные, частью закупленные, должны были дать согласие на эту комбинацию и уступить захваченные земли.

Австрия таким образом получила целиком Русское воеводство, почти все Белзское, соседние части Подольского и Волынского и Холмской земли. Она ссылалась на то, что эти земли — прежнее княжество Галицко-Волынское, бывшее владением венгерских королей. Мы знаем, что эта зависимость от Венгрии в молодые годы Даниила Галицкого (см. гл. 36) в действительности была очень кратковременна, но с того времени венгерские короли титуловали себя «королями Галиции и Володимирии», а так как с XVI в. венгерская корона перешла к австрийской династии, то теперь императрица Мария-Терезия заявила претензию на эту старую будто бы венгерскую провинцию, «округлила» при этом украинские земли еще соседними польскими и

все это присоединила не к Венгрии, а непосредственно к своим австрийским землям. А завладев таким образом поречьем верхнего Прута (Покутьем), императрица, а еще более ее сын Иосиф II решили присоединить к этому и соседнюю часть Молдавии: побывав в 1773 году в Трансильвании, Иосиф пришел к убеждению, что Австрии необходимо завладеть северной Молдавией для того, чтобы обеспечить сообщение Галиции с Трансильванией, и решил занять эту территорию. В 1774 году австрийское войско перешло молдавскую границу и заняло Черновцы, Серет, Сучаву — теперешнюю Буковину.

И в этом случае австрийское правительство в свое оправдание ссылалось на то, что занятая территория тоже принадлежала некогда к Галиции. Действительно, в XIII веке земли по среднему Пруту точно так же, как и по среднему Днестру, стояли в зависимости от Галицкого княжества — это так называемое Понизье; затем оно перешло под непосредственную власть татар, а когда в половине XIV в. организовалось воеводство Молдавское, то воеводы молдавские завладели также и землями между Серетом и Днестром — так называемым Покутьем и землею Шипинскою. Позже, как мы уже знаем, из-за этих земель не раз происходила борьба между Польшей и Молдавией (гл. 49), пока они не размежевались окончательно: польская граница прошла по Куты и Снятии, и таким образом территория с украинским населением между Днестром и Серетом, теперешняя северная Буковина, осталась за молдавскими воеводами, до самого 1774 года, когда ее заняли австрийские войска. Заселена она была украинскими крестьянами — земледельцами и овцеводами, жившими на землях воеводских, боярских, монастырских; повинности их были сравнительно невелики, и поэтому сюда наплывало население из Галиции. Эта северная украинская Буковина составляла Черновецкий округ; но вместе с ней захвачен был также Сучавский округ, преимущественно румынский, и подобно тому как новая Галиция под австрийским владением механически составлена была из украинских и польских земель, так и новая Буковина носила характер украинско-румынский: северная часть — украинская, южная — румынская.

Молдавский господарь был очень раздражен австрийским захватом и резко протестовал против него, но турецкий султан, его сюзерен, не поддержал его и в 1775 году дал формальное согласие на уступку Австрии северо-западной части Молдавии. Назначены были комиссары; они отмежевали оккупированный Австриею край, и он получил официальное название Букови-

ны, которым был обязан своим огромным буковым лесам. Некоторое время эта новая провинция находилась под военным управлением, затем в 1786 году присоединена была к Галиции и так в соединении с Галицией оставалась до самого 1849 года, когда была окончательно выделена в отдельную имперскую провинцию.

116. Конец Польши и присоединение Правобережной Украины к России

В Польше после страшного удара, нанесенного ей в 1772 году, наступило отрезвление и образовалась сильная партия реформы, стремившаяся оздоровить государственный строй Польши. Но эти благие намерения пришли слишком поздно. Соседние государства не хотели возрождения Польши. В особенности недовольно было русское правительство тем, что польское общество хочет перестраивать свои отношения без его согласия и участия. Но Россия была занята на юге — Крымом, затем Турцией, начавшей в 1787 году новую войну из-за присоединения к России Крыма. Польская партия реформы рассчитывала на поддержку Пруссии и сочувствие Австрии и надеялась обойтись без России. Но она ошиблась в своих расчетах. В мае 1791 года была провозглашена в Польше новая конституция, а уже в конце этого года Россия счастливо закончила турецкую войну, упрочившую за ней обладание Крымом и всем северным берегом Черного моря, и могла двинуть свои войска из Турции в Польшу. Тогда магнаты, противники реформы, подняли восстание — устроили так называемую тарговицкую конфедерацию и отделились под покровительство России. Российские войска заняли Варшаву. Был созван новый сейм, давлением России отменивший конституцию 1791 года и восстановивший старый строй.

Пруссия отреклась от Польши и присоединилась к России. При сейм оказии она снова заняла значительную территорию на западной границе Польши. Россия завладела Киевским воеводством, Подолией, значительной частью Волыни, белорусскими землями — до линии, проведенной от курляндской границы к границе австрийской. Сейм покорно утвердил уступку России и этих земель. Как некогда, двести лет тому назад, на люблинском сейме польские правители решали судьбу украинских земель: присоединяли их, не справляясь с их желаниями, и затем принуждали украинских магнатов присягать Польше, под стра-

хом конфискаций и лишения должностей, — так теперь пришлось выпить эту же чашу полякам.

Но и эта совсем уже урезанная Польша не выжила долго. Против короля и правительства, за их податливость перед заграничными давлениями, в 1794 году поднялось восстание, ставившее своей целью возвращение захваченных земель и освобождение Польши из-под опеки России и Пруссии. Русские и прусские войска разгромили повстанцев; русские взяли Варшаву и Вильну. Польше положен был конец. Россия присоединила остальные белорусские и украинские земли, какие еще остались за Польшей (кроме Холмщины и Подляшья), прочие провинции разобрали между собою Австрия и Пруссия. Затем в последний раз польские земли подверглись переделу в 1815 году, и таким образом установилось теперешнее распределение их между Россией, Австрией и Пруссией. Белорусские земли целиком остались под владычеством России, украинские были разделены между Россией и Австрией, литовские — между Россией и Пруссией, польские — между Россией, Австрией и Пруссией.

Итак, в конце XVIII в. украинские земли очутились под властью двух великих держав — России и Австрии, — государств, прочно централизованных и бюрократических, с сильной центральной властью, с развитым чиновничьим управлением, с всемогущей полицией и армией и безо всякого почти общественного самоуправления. Всякая политическая обособленность украинских земель была уничтожена, самоуправление или отменено вовсе, или сведено к размерам самым ничтожным, да и в этих тесных пределах им почти не могли бы пользоваться украинские элементы, так как украинскими остались одни низы общества: темное крестьянство, несознательное, обобранное и лишенное всяких прав, почти такое же убогое мещанство и невежественное и темное сельское духовенство. Напрасны были все великие порывы, жертвы и подвиги, положенные на освобождение украинского народа, потоки крови своей и чужой, пролитой для обеспечения вольности Украины.

«Польша впала — та и нас задавила», — говорил Шевченко. Польское государство пало, но доля украинцев не улучшилась от этого — в особенности в украинских землях, отошедших к России. В землях, перешедших под владычество Австрии, новое австрийское правительство все-таки старалось содействовать улучшению положения украинских крепостных: ограничить безграничную власть над ними польских помещиков, доставить больше средств к просвещению крестьянству, мещанству и в особенности духовенству — как более культурному классу украин-

ского населения. Благодаря этому переход Галиции под власть Австрии послужил началом возрождения украинской жизни в Западной Украине. Но в землях, отошедших от Польши к России, украинскому народу не стало легче нисколько. Наоборот, сильная рука новой российской администрации сообщила господству польского помещика над украинским клопом еще большую силу и уверенность, какой оно не могло иметь в беспильном, расшатанном шляхетской анархией Польском государстве. Обыкновенно польский помещик держал на жаловании всю низшую администрацию, с которой ему приходилось иметь дело по делам с крестьянами, и мог быть уверен, что всякое злоупотребление администрация ему покроет и во всем будет держать его сторону. Власть помещика над крестьянином под новым владычеством достигла здесь такой силы и незыблемости, какой никогда не имела в польские времена. Тогда гайдамацкие набеги и крестьянские восстания задерживали развитие помещичьей власти; теперь под охраной российских военных команд и полиции польский помещик ничем не рисковал, ничего не боялся и мог эксплуатировать крепостные руки сколько угодно. Лишь в 1848 году, ввиду тогдашних волнений в Галиции, российское правительство решилось облегчить кое в чем крепостные повинности украинского крестьянина: велено было списывать «инвентари» (т. е. делать опись повинностей, которые должны были отрабатывать крестьяне на помещика); но помещики при помощи низших чиновников сводили на нет и эти небольшие мероприятия по облегчению участи крестьян. Духовная же сторона украинской жизни осталась и после этого надолго во тьме и сени смертной.

196. Григорий Сковорода,
последний представитель
старой украинской школы

Такою же, если еще не более безотрадною, была и национальная украинская жизнь. Даже память о славном прошлом великой народной борьбы ослабела и померкла. В народе сохранились лишь песни и предания, вымиравшие понемногу в тесном кругу певцов-кобзарей. Печатное слово не закрепило даже тех книжных или поэтических произведений, в которых изображены были порывы и стремления украинской жизни к своему освобождению, и среди высших, более просвещенных слоев было все меньше людей, которым сколько-нибудь ясно представлялось прошлое Украины и задачи, поставленные им и, как неплатный долг, тяготевшие над современными поколениями украинских эпигонов. В Западной Украине все покрыла Польша: польское или ополяченное дворянство, такое же ополяченное, более богатое мещанство и даже высшее духовенство (униатское) было вполне ополячено и польскими глазами смотрело на прошлое и настоящее своего народа. А в Восточной Украине, заднепровской, также обрусело все, что возвышалось над серой народной массой. Старый книжный язык умер, обрусел. Народное слово жило только среди простого народа да на линии соприкосновения народной жизни с церковной книжностью — среди низшего духовенства, священников, дьячков, учителей, едва заметно и видимо. Народная масса, задавленная крепостным рабством, лежала мертвой и неподвижной глыбой; казалось, что ей уже и не суждено возродиться — казалось, конец Украине и украинской жизни, как грустно пел наш великий поэт на развалинах Чигирина:

Заснула Вкраїна,
Бур'яном укрилась, цвіллю зацвіла,
В калюжі, в болоті серце прогноїла
І в дупло холодне гадюк напустила,
А дітям надію в степу оддала.
А надію... вітер по полю розвіяв,
Хвиля морем рознесла.

Но заметно было, что под этим пеплом прошлого, под плесенью современного еще лежат здоровые и сильные зерна народной жизни и — даже начинают тихо и незаметно прорасти.

117. Начатки возрождения в Западной Украине

Во времена наибольшего, как казалось — окончательного, падения украинской жизни, в конце XVIII в., начинали уже про-

бываться первые всходы новой жизни. В Западной Украине они всходили на церковной почве.

В свое время введение унии, по-видимому, окончательно придавило остатки украинской жизни. Унию принимали по малодушию, склоняясь перед угрозами и давлением администрации и шляхты: более упорные принуждались силой. Но затем вырастали новые поколения людей, бывших униатами не вследствие измены своей или малодушия, а потому только, что они родились в унии и для них уния сделалась уже верой народной, украинской. Вводящие унию в тех видах, чтобы она послужила средством к ополячению и окатоличению украинских масс, должны были убедиться в полной ошибочности своих надежд. Так как униатское духовенство и вообще уния не была уравнена в правах с католичеством и осталась низшею, крестьянской церковью, она неизбежно сделалась атрибутом местной украинской жизни и скоро стала для Западной Украины такой же национальной церковью, какой была до этого православная. И когда австрийское правительство, завладев Галицией, приложило старания к тому, чтобы поднять униатское духовенство из темноты и унижения, в каких оно его застало, то эти мероприятия оказали большое влияние на пробуждение национальной жизни. Австрийское правительство, ввиду глубокого порабощения польской шляхтой украинского населения, изыскивало способы поднять последнее в общественном и культурном отношении. При Марии-Терезии и Иосифе II ограничена была власть помещиков, заведены школы с «местным языком» (украинским) для крестьян и мещан, высшие учебные заведения для духовенства, весьма невежественного и убогого. Начались эти старания с закарпатских украинских земель, как вследствие тех движений против унии, которые так обеспокоили правительство (см. гл. 108). Мукачевская епархия была освобождена от подчинения католическому епископу, основан был лицей в Мукачево для приготовления к духовному званию, улучшено материальное положение духовенства. Новый епископ Андрей Бачинский (1772—1809) с своей стороны деятельно занялся просвещением духовенства; здесь, в Мукачево, вокруг него постепенно собралась группа просвещенных по тому времени людей, из которых вышел впоследствии ряд профессор-русин новооснованного Львовского университета и много других заметных деятелей. После присоединения Галиции заботы правительства распространились и на нее. Сейчас же после присоединения Галиции Мария-Терезия основала в Вене духовную семинарию для униатов; это было оконце в Европу

для галицкого украинского общества и действительно имело немалое значение в его дальнейшей жизни. Затем была учреждена семинария во Львове, а при основании Львовского университета в 1784 году по некоторым предметам введено было преподавание на украинском языке; был основан также при университете особый лицей, где бы украинские слушатели готовились к университетским занятиям. Много сделано было также и для подъема благосостояния духовенства; из имущества закрытых монастырей был учрежден «религиозный фонд» для улучшения положения духовенства. Точно так же и на Буковине в недолгий период военного управления положены были ценные начатки новой светской школы, и здешний религиозный фонд, владевший пятой частью всей Буковины (прежними монастырскими и епархиальными имениями), давал огромные средства на культурные цели. Беда была только в том, что в общественных и национальных отношениях этой далекой провинции австрийское правительство разбиралось очень слабо, и как не умело найти настоящей точки в крестьянских отношениях, без конца запутывая дело своими противоречивыми решениями, так и в культурных вопросах очень долго совсем не умело разглядеть украинского элемента; считая румынский язык «местным языком» всей Буковины без различия.

В Галиции оно разбиралось все-таки лучше, но и здесь правительственные мероприятия, направленные к поднятию украинского народа, потом были заглушены влияниями польской шляхты, да и предпринимались сплошь да рядом без надлежащего знания местных условий. Для украинских высших школ и кафедр не нашлось людей, которые бы сумели уловить течения народной жизни, на которых могло бы опереться новое просветительное движение. Наука велась на мертвом языке, преподавались предметы, далекие от жизни, поэтому и эти первые попытки просвещения «на местном языке» не принесли такой пользы, какую могли бы принести. Потом эти университетские преподавания и весь русинский лицей были упразднены, когда из новых гимназий стали выходить украинцы, достаточно подготовленные к слушанию общих курсов. С общей реакцией, начавшейся в Австрии по смерти императора Иосифа (1790), польская шляхта, приобретя влияние и в придворных сферах и среди местной администрации, начинает пугать их рассказами о тяготении галицких украинцев к России и православию и таким образом отвращает правительство от дальнейших мероприятий в интересах украинского населения. Под влиянием поляков вместо украинского языка вводится язык польский —

сперва в школах высших типов, а затем и в сельских начальных. Ввиду протестов и представлений униатского духовенства сельским обществам позволено было только основывать свои частные школы с украинским языком, и при этом администрация еще рекомендовала духовенству не особенно склонять крестьян к устройству таких частных школ — чтобы не создавать лишних расходов. Нужно сказать, впрочем, что и само духовенство еще не оценивало всего значения народной стихии в образовании и не использовало тех возможностей, какие открывали ему правительственные мероприятия; набираясь кое-какой культуры, новая интеллигенция, почти исключительно духовная, теряла прежнюю связь с народом, бросала народный язык, не умея применить его к культурному обиходу, в письменности придерживалась старого книжного языка, выродившегося, мертвого и не способного уже к развитию, и, не умея найти национальной почвы для культурного развития, шла за польским элементом, как более культурным.

Однако, несмотря на все ошибки и неумелость правительства и своего собственного общества, сводившие иногда на нет даже самые лучшие намерения, в результате всех стараний получалось все-таки некоторое улучшение. Прежде всего было важно уже то, что исчезло чувство безысходности, охватившее украинское население в эпоху упадка, в XVIII в.; мероприятия австрийского правительства открыли некоторый просвет, разбудили надежды на лучшее будущее и вызвали энергию борьбы за лучшую долю. Уже в начале XIX в. среди нового униатского духовенства, воспитанного в более благоприятных культурных и материальных условиях, появляются просвещенные люди, имеющие в виду не только интересы своей церкви, но и интересы народного просвещения, экономического подъема, развития национальной культуры.

Польские выступления против украинских интересов вызвали на борьбу народные права; надежда на поддержку австрийского правительства окрыляла стремления украинства. Проекты введения польского языка в народных школах вызывают первое сознательное выступление галицкого духовенства в защиту народного языка: митрополит Левицкий под влиянием каноника Могильницкого — самого выдающегося представителя нового духовенства — обратился к правительству с ходатайством, чтобы в народных школах обучение велось на украинском языке. Когда же школьная комиссия постановила известное нам решение, что для украинского обучения сельские общества могут основывать свои особые школы, — митрополит выс-

197. Каноник Иван Могильницкий

тупил с протестом против такого отношения к украинскому языку; а Могильницкий приготовил записку в защиту его пригодности и равноправия. Затем он более подробно развил свои мысли в особом трактате: «Ведомость о русском языке» (в Галиции украинский язык по традиции продолжает называться «русским»); это был первый ученый трактат в защиту украинского языка. Одновременно

Могильницкий занимался просветительной работой. Им организовано было первое просветительное общество в Перемышле — оно, однако, угасло, встретив всяческие препятствия со стороны польского духовенства и ополченных униатских монахов-базилиан. Более успешны были его труды по устройству народных украинских школ вместо ополченных правительственных; в короткое время явились сотни начальных приходских школ и несколько так называемых тривиальных (высшего типа); для приготовления учителей учреждена была учительская семинария в Перемышле; началось составление украинских учебников для этих школ, а вместе с этим возник вопрос об отношениях народного языка к книжному: держаться ли в преподавании старого книжного языка или приближаться к живому народному. По этому вопросу в 1830-х годах возникает полемика между защитниками народной речи и книжного языка, или, собственно, нескольких книжных языков: старого украинского, церковнославянского и российского: спор этот имел большое значение в дальнейшем развитии национального самосознания в этой части Украины.

Так поднималась понемногу новая жизнь на забитой, брошенной украинской ниве в Западной Украине. Скромны и не

блестящи были первые проявления ее, но в тех частях Украины, которые перешли от Польши к России, даже и этим нельзя было похвалиться: украинский элемент не получил здесь никакой выгоды от того, что наконец «Польша пала». Как уже было отмечено, господство польского дворянства над украинским народом стало еще более сильным, еще более тяжелым, и со стороны правительства долго не делалось даже таких попыток облегчить положение крестьян, какие делало австрийское правительство. Правительство больше всего боялось какого-нибудь движения, какого-то сознания среди крестьян и готово было глушить всякий голос протеста или недовольства против польского помещичьего господства. Те люди, которые старались обратить внимание правительства на такую диковину, что, мол, «единоверные и единокровные», освобожденные Россией от польского господства украинские крестьяне и дальше томятся в лютой польской неволе, гибнут по тюрьмах и каторгах. Польское просвещение и культура господствовали повсюду в высших слоях общества, — все это было польское, а с другой стороны, новые школы, заводимые русской администрацией, новое управление, церковь и духовенство под русским господством служили орудием обрусения: русское преподавание введено во всех духовных школах, и даже в церкви богослужебные тексты велено было произносить на русский лад. Таким образом, украинская жизнь, угнетавшаяся до сих пор польским элементом, теперь очутилась между двух огней — ополячением и обрусением, и русские руки искореняли теперь украинство даже там, куда до сих пор не проникали руки польские. Поэтому украинство и под новым господством продолжало угасать, и первые проявления его в России обнаруживаются не здесь, а в Украине заднепровской — в старой Гетманщине и Слобожанщине, на развалинах старой козацкой автономии.

118. Начатки возрождения в Восточной Украине

Хотя высшие украинские слои нашли разные хорошие стороны в новых крепостных и чиновничьих порядках, введенных правительством, и изо всей силы выслуживались перед новыми господами положения, однако среди этих высших слоев украинского общества — потомков козацкой старшины и духовенства, несмотря на их вольное и невольное обрусение, не уга-

198. *Василий Капнист*

секретных бумаг прусского государственного архива стало известным, что в 1791 году, когда испортились отношения между Россией и Пруссией, к тогдашнему прусскому министру Герцбергу явился украинец Капнист, потомок известного украинского рода, сын заслуженного миргородского полковника. Он объяснил Герцбергу, что его прислали земляки, пришедшие в отчаяние от «тирании российского правительства и князя Потемкина». «Козацкое войско, — говорил он, — очень огорчено тем, что у него отобрали старые права и вольности и обратили его в регулярные полки; оно мечтает возвратить себе эти старые порядки и вольности, старое козацкое устройство» (*ancienne constitution des Cosaques*). По поручению земляков Капнист спрашивал министра, могут ли они надеяться на помощь Пруссии, если восстанут против «русского ига». Но министр дал уклончивый ответ, не предполагая, чтобы у Пруссии действительно могла возникнуть война с Россией. Поэтому Капнист уехал, сказав, что на будущее время, если прусское правительство того пожелает, оно может войти в сношения с украинцами через его брата, путешествовавшего тогда по Европе.

сала любовь к украинской жизни, языку, истории — известный украинский патриотизм. С сожалением вспоминали прошлую козацкую славу, украинскую независимость, автономию Гетманщины, жаловались на уничтожение старых порядков и прав. Обыкновенно это неудовольствие тщательно скрывали, считая безнадежными всякий протест и борьбу. Только некоторые более смелые возвращались к старым планам искать помощи за границей для возвращения прежних прав Украины. Недавно из

Одно время казалось, что старые порядки возвращаются. Когда после смерти Екатерины II (1796) взошел на престол ее сын Павел, он отменил многое из сделанного ею и возвратился к старым порядкам, не одобряя вообще политики правительства Екатерины. Между прочим, и на Украине восстановлено было кое-что из того устройства, какое существовало до уничтожения гетманства: восстановлен генеральный суд и другие учреждения, введенные при Разумовском. Говорили, что к этому побудил императора Александр Безбородко, министр и доверенный человек царя Павла, украинский патриот — бывший киевский полковник при старом украинском строе. Может быть, если бы это направление русской политики продержалось дольше, возобновление старого гетманского строя пошло бы еще дальше; но в 1801 году Павла убили, а его преемник Александр I решил идти по следам своей бабки Екатерины II и возвратился к установлениям, какие были заведены ею на Украине в 1780-х годах.

Затем возникали надежды на возобновление козачества и даже гетманства в 1812 и потом в 1831 году, когда русское правительство для усиления своих военных сил обратилось к комплектованию козацких полков на Украине, и для привлечения добровольцев в эти полки местная администрация подавала надежды на разные облегчения в будущем. О тогдашнем генерал-губернаторе Репнине говорили, что он рассчитывает стать гетманом, так как был в родстве с Разумовскими. Но окончились такие слухи и надежды весьма печально, так как правительство, недовольное этими слухами, распорядилось выслать козаков-добровольцев на Кавказ и там поселило.

Все эти надежды и сожаления, хотя они не были ни особенно глубоки, ни особенно серьезны, — все-таки поддерживали в высших, более просвещенных слоях сознание своей обособленности от русского общества, связи с историческим прошлым Украины и современной народной жизнью.

Обруселые службисты, проливавшие свою кровь за российское отечество и изо всех сил, не за страх, а за совесть создававшие новые российские порядки на Украине, распространявшие русский язык и культуру, выступавшие на литературной арене в качестве русских писателей и в своем обиходе вполне усвоившие русский язык — в то же время с глубокой любовью собирали память об украинской старине, записывали украинские стихотворения и песни, выражения и поговорки, а в своих записках и письмах, не предназначенных для публики, прославляли былую украинскую свободу, хвалили прежних борцов за украин-

ские вольности¹. На почве этого раздвоения национальной души украинской интеллигенции потом начинают вырастать более серьезные проявления национального чувства — главным образом на почве привязанности к украинскому слову, устному и писанному, как наиболее живому и заметному проявлению украинской жизни.

Употребление народного языка в литературе Восточной Украины не прекращалось никогда, хотя он и не имел доступа в печать и школу. Наоборот, после того как цензурные запрещения убили украинский книжный язык — смешанный украинско-славянский, — чистый украинский язык занял даже более сильную позицию как единственный местный язык. Кто хотел придать украинскую окраску своему произведению, обращался к нему. И все ценившие украинские особенности жизни с особенной любовью обращались к литературным обработкам народного языка и высоко ценили их, несмотря на то, что настоящим книжным языком, органом культурной жизни считался русский. С другой стороны, эти литературные обработки народного языка приучали к большему уважению к живому языку, а живое украинское слово — язык, песня, предания о прошлом, сохранившиеся в устах простого народа, — восстанавливали связи с народом в дворянских слоях, оторванных от него историей последнего столетия, разошедшихся с народом благодаря своей классовой политике и, как казалось, отказавшихся от своего народа окончательно. И так на этом новом народничестве украинской интеллигенции выросло новое украинское возрождение.

Перелицованная «Энеида» Котляревского, напечатанная без ведома ее автора в 1798 году, была первой книгой, чрезвычайно высоко поставившей в глазах украинского общества народное украинское слово, а вместе с тем своими образами былой козацкой славы и современной тяжелой крестьянской жизни живо заинтересовавшей народной жизнью украинское общество. Само по себе очень было важно появление книги на народном языке — напечатанной, т. е. могущей найти широкое распространение среди тогдашней украинской интеллигенции. Из старой переписки знаем, как трудно было разыскивать любителям ук-

---

¹ Действительно, довольно неожиданными кажутся такие отзывы о старой украинской «конституции», о былом счастье украинской автономии, о Мазепе, как украинском герое, и т. п. — какие мы находим, напр., в записках и письмах офицера русской службы Мартоса или в знаменитой «Истории Руссов».

199. *Иван Котляревский —
портрет 1818 года*

шедшихся издания, составила эпоху, и не только в истории украинской литературы, но и в истории украинского сознания. Но кроме самой формальной стороны — печатного литературного произведения на народном языке, притом очень легком, свободном, культурном, чрезвычайно привлекательном для украинского читателя, — книжка обладала действительно драгоценным содержанием. Из-за шутливой формы талантливой пародии, описывавшей приключения запорожских скитальцев, выдвигались иные образы и воспоминания; как раз тогда запорожцы кочевали по далеким краям, не находя себе пристанища — и горькие думы должны были навевать воспоминания, вызываемые этим беспечным повествованием о троянских «бурлаках»! Из-за веселых и иногда грубоватых шуток и насмешек поднимались образы «вечной памяти Гетманщины». Выступала народная жизнь, изображенная с большой любовью и знанием, и пробуждала любовь и сочувствие к ней. Неудивительно, что позднейшие писатели украинского возрождения, Шевченко в том числе, склонились перед автором «Энеиды» и признали его отцом новой украинской литературы.

раинского слова старые украинские произведения, даже наиболее известные и популярные (напр., киевские академические интермедии), и часто самые интересные произведения старой украинской литературы, не имея возможности появиться в печати, оставались в одной-двух рукописях безо всякого распространения (напр., чрезвычайно интересная историческая повесть Величка известна в одной авторской рукописи и в одной копии). «Энеида», выдержавшая в продолжение одного десятилетия три быстро разо-

200. Шевченко в молодости,
автопортрет 1843 г

Но «Энеида» не осталась одинокой; следом за ней шли другие талантливые произведения, поддерживавшие и укрепившие первые впечатления, произведенные «Энеидой» — культурное значение украинского языка и украинского народного элемента. То, что в «Энеиде» надо было чувствовать за внешней юмористической формой, в других произведениях выступало вполне открыто и без недомолвок. Такое значение имели пьесы самого Котляревского — в особенности его знаменитая «Наталка Полтавка», стихотворения Гулака-Артемовского,

повести Квитки — произведения второго, третьего и четвертого десятилетий XIX в. Наряду с ними огромное значение имели первые сборники украинских песен, начавшие выходить со второго десятилетия (Цертелева, Максимовича, Срезневского). Эти сборники, изданные и некоторые еще неизданные, распространявшиеся в рукописях, впервые открыли чрезвычайное богатство украинского народного песнетворчества и необычайно подняли значение украинского слова, так как именно в это время начало обращать на себя внимание народное творчество вообще и получало чрезвычайно высокую оценку среди ценителей литературы. Появляются также важные для развития украинского сознания труды по украиноведению, в особенности по украинской истории. Безымянная «История Руссов, или Малой России» — история Украины, доведенная до конца Гетманщины, автором которой долго считали Георгия Конисского (а теперь считают Гр. Полетику или его и его сына), живо и талантливо написанная (хотя очень часто вполне фантастическая — особенно в рассказе о событиях XVII в. и более ранних), полу-

Имела широкое распространение среди украинской интеллигенции, в особенности во втором и третьем десятилетии XIX в., благодаря своему горячему патриотическому чувству, которым была проникнута, и производила сильное впечатление. Напечатана она была гораздо позже, в конце 1840-х годов, но еще раньше распространялась в рукописях и оказала большое влияние на развитие украинской литературы, надолго наполнив ее своими фантастическими, но с большим патриотическим подъемом продуманными фигурами и событиями. Вслед за ней проявилась солидная, хотя и достаточно суховатая история козацкой Украины Бантыша-Каменского, выдержавшая в течение короткого времени три издания — факт также характерный для тогдашних интересов украинской интеллигенции. Появляются и здесь первые предвестники споров о значении украинского народного элемента, о народном языке, поэзии — отзвуки новых идей о значении народности вообще и влиянии славянского возрождения, и эти идеи, переносясь на украинскую почву, давали новое истолкование и новую оценку, сообщали новое значение стихийным и малосознательным до сих пор влечениям к своему родному.

119. Идеи народности.

Начатки сознательного демократизма

В XVIII в. в Западной Европе начало нарастать так называемое романтическое народничество: от переделок тем античной литературы и подражаний им писатели обращаются к своим, местным традициям; начинают тщательно собираться народные предания, и народное творчество привлекает особенное внимание. Раньше к нему не относились серьезно, его произведения считались грубыми, не удовлетворяющими просвещенного вкуса, теперь же начинают высоко ценить их своеобразную красоту. Это направление, в особенности из Англии и Германии, распространилось среди западных славян, вызвало и там интерес к народному творчеству, к простонародному слову. Затем такой же интерес, вместе с влияниями первых славянских сборников и исследований народного творчества, начинает расширяться и в России, среди великорусского общества и обруселого украинского.

Для российских украинцев, как и для галицких, поворот этот имел большое значение. До сих пор они в своем народе видели только темную массу, лишенную всяких культурных средств,

осужденную пользоваться крохами просвещения своих более культурных соседей. Поэтому они и не видели никакого будущего перед своим народом, смотрели на украинский язык, быт и нравы как на пережитки старины, может быть, и интересные и дорогие для земляков, но в сущности лишённые всякого значения и в конце концов все-таки осужденные на вымирание.

Автор первой украинской грамматики в России, Павловский, в начале XIX в. называет украинский язык «ни живым, ни мертвым, исчезающим наречием» и свою грамматику мотивирует желанием сохранить формы языка, пока он еще не вымер окончательно. Теперь взгляды на народное слово и творчество резко изменяются. В украинском народе, в его народной словесности обнаруживается неоценённое сокровище, возмещающее недостаток книжной литературы и свидетельствующее о великом духовном богатстве и жизненной силе создавшего его народа. «Знаете ли, — пишет один из первых собирателей, Цертелев, в своей статье, — что сию безыскусственную поэзию предпочитаю я большей части наших (русских) романов, баллад, и даже многим романтическим нашим поэмам». Благодаря оригинальным своим особенностям, красоте и богатству украинский быт, предания, история начинают обращать внимание посторонних: великороссов, поляков, немцев, и это подымает в глазах самих украинцев значение их народной стихии. В новых направлениях романтического народничества их собственная малознательная привязанность к своему прошлому и современному народному быту находит новое объяснение и освещение и с удвоенною энергией обращает их к изучению народа и его прошлого. Народнические теории и примеры национального пробуждения, начинавшегося тогда у других отсталых славянских народов, указывали пути и направления, каких следовало держаться украинцам. Опыты литературной обработки украинских тем на украинском языке приобретали новое значение и ценность как первые проблески возрождения украинской жизни.

После появления талантливых последователей Котляревского, еще перед выступлением Шевченка, литературная сторона этого возрождения всем близким к нему людям представлялась совершенно обеспеченной. Один из молодых членов харьковского кружка, Срезневский, в своем открытом письме в 1834 году твердо заявляет, что «язык украинский, или, как хотят иные его называть, — малороссийский, это не наречие, а отдельный самостоятельный язык, один из богатейших славян-

ских языков, и его литературная будущность не вызывает никаких сомнений». Глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревский, богатый фантазией Артемовский, всегда шуточный и приятный Основьяненко и некоторые другие не останутся сами: «Язык Хмельницкого, Пушкаря, Дорошенка, Палия, Кочубея, Апостола должен, по крайней мере, передать потомству славу этих великих людей Украины».

Но литературной стороной дело не закончилось! Вместе с тем, как уже было замечено, должны были решительно измениться отношения к народным массам, к их нуждам и интересам. Предыдущее столетие характеризовалось между прочим тем, что новорожденное украинское старшинское «шляхетство» ревностно трудилось над сообщением себе аристократического облика, который должен был возможно ярче оттенить обособленность этой новой аристократии от народа, из которого она вышла. Экономическая борьба вырыла глубокую пропасть между народом и этою новою аристократией, захватывавшею земли и закрепощавшею крестьянство, а культурное обособление довершало их глубокое отчуждение и вражду. Украинский народ резко раскололся на темную народную массу, закрепощенную и лишенную всякой возможности развития и прогресса, и на это панство, называвшее себя украинцами («малороссиянами»), но совершенно оторванное от украинской народной почвы и в своем полном отчуждении от народа не видевшее иного пути, как все теснее сливаться с культурной и национальной великорусской жизнью. Но теперь интерес к украинскому слову и украинской народной поэзии научил интеллигенцию другими глазами смотреть на украинский народ. Эти серые простые крестьяне, крепостные мужики, на которых украинское панство, помазавшись великорусской культурой, до сих пор смотрело очень свысока, оказывалось, обладали драгоценными сокровищами поэзии, являлись творцами произведений, которым знатоки отводили место наряду с высочайшими образцами европейского поэтического творчества. В устах крестьянина уцелела память об украинском прошлом, о козацкой славе, забытой интеллигенцией, и самый язык, в освещении новых взглядов на народную жизнь, являвшийся драгоценным сокровищем, — им тоже обладало только крестьянство. В глазах нового поколения украинской интеллигенции украинский серый люд таким образом стал истинным носителем красоты и правды жизни, к которому надлежало всячески приблизиться, чтобы позаимствоваться от него красотой и правдой, заключенной не только в произведениях народной словесности, но и в самой народной

201. Николай Костомаров

жизни, и в этой последней найти истинное содержание для литературного творчества. А приближаясь к народу, украинская интеллигенция заимствовала не только памятниками народного творчества, но и находила понимание народной жизни, крестьянской души, мужицких печалей и нужд.

Котляревский в «Наталке Полтавке», Квитка в своих повестях и другие менее заметные писатели в своих произведениях ставят себе задачей открыть благородное содержание мужицкой души, показать, что в тяжелых условиях сельской жизни, под сермяжной оболочкой живут высокие, чистые, человеческие стремления, роднящие украинского мужика с его культурнейшим современником.

Украинская литература проникается демократизмом: будит интерес высших интеллигентских слоев к условиям крестьянской жизни, ставит своею задачей защиту человеческих прав крестьянина-крепостного и постепенно приходит к пониманию экономических и социальных нужд и тех общественно-политических мер, которые могли бы привести к улучшению общественного положения закрепощенных, темных, обездоленных народных украинских масс. Этот вопрос о поднятии украинских масс до уровня человеческих отношений становится центральным и главным вопросом украинского возрождения, ввиду того, что высшие слои сошли с национальной украинской почвы и вся надежда украинской жизни лежала на сельских массах, на перспективах их освобождения и духовного развития.

120. Украинские кружки в российской Украине в 1830—1840-х годах

Интерес к украинскому языку и народному быту, народной словесности и преданиям прошлого, симпатии к украинскому

народу и его этнографическим особенностям постепенно объединяют людей, проникнутых этими интересами и симпатиями, в первые украинские кружки с литературными и народническими интересами. Наиболее заметный кружок, первая украинская «громада», получившая известное значение в литературе и жизни украинской, в российской Украине образовалась в Харькове в десятых — тридцатых годах. Харьков являлся тогда самым крупным духовным центром Украины: на средства местного дворянства, потомков слободской старшины, здесь основан был университет, затем женский институт, организовался театр, развилась довольно оживленная для того времени литературная деятельность, выходили журналы и литературные сборники. Правда, и эти харьковские школы, и эта литература — вся эта культурная жизнь была великорусская, а украинская струя проявлялась в ней довольно скромно — украинскими стихотворениями и статьями в великорусских журналах или украинскими книжечками, появлявшимися изредка, с промежутками в несколько лет. Но среди них появлялись вещи талантливые, серьезные; занимались украинской литературой люди выдающиеся в местной жизни, уважаемые, и занимались серьезно, с сознанием того, что они не забавляются, а делают дело серьезное. Профессор Харьковского университета Гулак-Артемовский пишет чудные стихотворения, переводит и перерабатывает разные произведения чужих литератур на украинский язык. Квитка, потомок местного старшинского рода, человек очень уважаемый в харьковском обществе, дает театральные пьесы и первые повести из народной жизни, изображая в них высокие движения души украинского сельского люда; известный впоследствии филолог Срезневский выпускает сборники украинских исторических песен — род поэтической украинской истории, производившей в свое время сильное впечатление на общество. Позже выступает на литературное поле поэт и этнограф, тоже профессор Харьковского университета, Амвросий Метлинский и молодой воспитанник того же университета, знаменитый потом историк Костомаров (также слобожанин по происхождению — из старого Острожского полка). В руках харьковского кружка украинская литература приобретает характер важнейшего народного дела. Члены его находились под влияниями романтического народничества и славянского возрождения. В украинской литературе они видели нового члена славянской семьи, богато одаренного природой, лишенного только благоприятных условий, чтобы соответственно проявить себя.

Значительные украинские кружки существовали также в столицах, в Москве и Петербурге; там проживал в конце 1830-х годов талантливый поэт Гребинка и молодой Шевченко, который с конца 1830-х годов начинает обращать на себя внимание своими стихами. Появление его первого «Кобзаря» в 1840 году, а затем «Гайдамаков» было настоящей эпохой украинской жизни. Справедливо заметил русский критик, что украинская литература, имея в рядах своих Шевченка, уже не нуждалась в какой-либо рекомендации, в каких-либо доказательствах своего права на существование. Это было большим счастьем для молодой украинской литературы, что в ней так скоро — через каких-нибудь сорок лет после появления ее первой ласточки, «Энеиды» Котляревского, — появился такой гениальный поэт, как Шевченко. С появлением его можно было сказать, что украинское возрождение со стороны литературной обеспечено.

Но Шевченко сыграл громадную роль также и в идейном развитии украинского общества. С этой стороны большое значение в истории украинской жизни имел киевский кружок, собравшийся здесь с 1840-х годов, когда возле новооткрытого Киевского университета сгруппировались такие выдающиеся силы, как Максимович, Костомаров, Кулиш — тогда еще молодой этнограф, полный юношеского пыла, и историк права Гулак, и много талантливой молодежи, а к ним в 1845 году присоединился и Шевченко, переехавший в Киев на должность при Киевском университете. Сошлись самые крупные люди тогдашней Украины — самые выдающиеся по таланту и смелым планам возрождения своего народа.

Шевченко, Костомаров, Кулиш, Гулак и некоторые из более молодых украинцев близко сошлись и, часто собираясь, обменивались мыслями о прошлом Украины, жалких результатах ее борьбы за освобождение, о горьком положении своего закрепощенного народа и средствах его освобождения. Костомаров работал тогда над историей козачества и делился с товарищами своими мыслями о прошлом. Шевченко уже в своих юношеских стихотворениях первый из украинских поэтов обратился к козацкому и гайдамацкому прошлому, ценя в нем борьбу за волю и право народа, в духе преданий, окружавших его в детстве. Теперь по поручению киевской археографической комиссии он путешествовал по Украине, зарисовывая памятники украинской старины, и они с новой силой будили в его душе память украинского прошлого. Из-за блеска гетманских клейнодов, из-за войн и битв вставал перед ним истинный герой

украинской истории: серый народ, столько раз поднимавшийся для того, чтобы завоевать ту землю, на которой трудился, и право распоряжаться своим трудом. С небывалой до него и после него силой Шевченко в своих поэзиях этого (1845) года выступал против неправды и неволи, снова воцарившейся на Украине, и малодушным потомкам напоминал забытую правду украинской истории:

Схаменіться! Будьте люде,
Бо лихо вам буде.
Розкуються незабаром
Заковані люде,
Настане суд, заговорять
І Дніпро і гори!
І потече сторіками
Кров у синє море
Дітей ваших...
Ви — розбійники неситі,
Голодні ворони,
По якому правдивому,
Святому закону
І землю, всім даною,
І сердешним людом
'Торгуете? Стережіться ж,
Бо лихо вам буде,
Тяжке лихо!..

С другой стороны, его кружок живо интересовался современными прогрессивными течениями — разумеется, западными, потому что в России в то время все замерло. В нем были люди, хорошо знакомые с современным французским революционным движением, с социалистическими теориями, с попытками некоторых французских священников обновить христианство в духе демократическом и социалистическом.

Интересовался и славянским возрождением, поднимавшим из векового сна один за другим забытые, казалось — навсегда погребенные славянские народы. Развивалась новая культурная жизнь у поляков и чехов, пробуждались хорваты, сербы, болгары, словаки, словенцы.

І о диво! трупи встали і очі розкрили,
І брат з братом обнялися і проговорили
Слово тихої любові навіки і віки —

описывал это славянское воскресение мертвых Шевченко, сам необычайно проникнутый мечтами о возрождении и освобождении славянства.

202. Антон Могильницкий

ния, что существовало также отдельное «Малороссийское общество», которое имело целью добиваться политической самостоятельности для Украины.

Такие мысли и планы развивались также в масонских ложах, тайных кружках, которые по западному образцу распространялись в то время в России и на Украине — среди их членов были и сознательные украинцы (например Котляревский). Сведения о тогдашних обществах и их целях доходили до Шевченка и его товарищей, и они по их образцу задумали основать тайное политическое общество для освобождения украинского народа.

121. Кирилло-Мефодиевское братство

Круг людей, объединивших лучших, талантливейших украинских граждан, назвался товариществом св. Кирилла и Мефодия, по имени славянских просветителей, коротко — братством (так упоминает его Шевченко в одном из писем). Целью его было освобождение славянских народов, в том числе и украинского, и создание славянской федерации. Каждый славянский народ имел бы право создать самостоятельную демократическую республику, общими делами которой правил бы общий сла-

Большой интерес кружок проявлял к революционной польской и великорусской литературе, как современной, так и предшествующей.

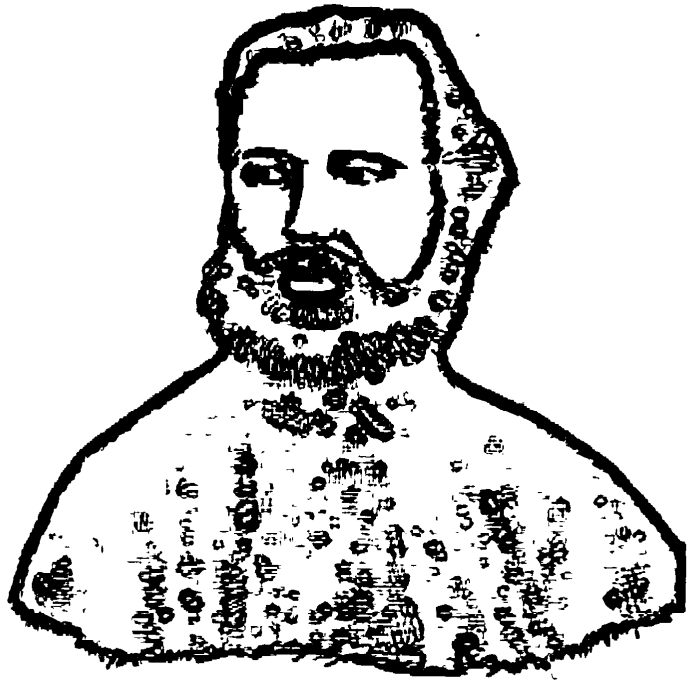
В 1820-х годах, в период прогрессивного русского движения того времени, которое привело к восстанию 1825 года (так называемых «декабристов»), на Украине существовало тайное общество «Соединенных славян», которое ставило перед собой цель объединить славянские народы в свободный союз (федерацию). Имеются сведе-

влянский собор, куда все славянские народы представляли бы своих депутатов. Братчики предполагали, что Киев будет центром этой славянской федерации и представители славянских народов откроют свой собор там, где когда-то собиралось свободное киевское вече, чтобы под звуки софийского колокола возвестить миру правду, свободу и равенство.

Это была дань, которую братчики отдавали идеям славянского возрождения и освобождения,

славянскому романтизму и которая была близка с идеями упомянутых «Соединенных славян» 1820-х годов. Для украинской жизни, для политического развития украинского общества гораздо большее значение имело то социальное и политическое содержание, которое братчики вкладывали в эти славянские рамки, и те истоки, которые они находили в украинской старине, в украинских традициях, могущих стать основой свободы, равенства, народовластия, на которые опирался бы новый строй Украины и всего славянства.

В этом братство не имело единого мнения. В нем были такие люди, как Шевченко, — настроенные враждебно ко всему, что угнетало украинский народ: к царскому деспотизму, помещичьей власти, всякому социальному и духовному насилию и несправедливости, готовые добиваться коренного уничтожения всего этого и обновления жизни до самых основ, вплоть до применения насилия, восстания и переворота. Но гораздо больше было умеренных украинских патриотов, романтиков национальности, гуманно настроенных по отношению к народным массам, но противников резкой насильственной тактики — они исповедовали культурологические методы работы: через просветительские общества, издание и распространение среди народа популярных книг, убеждение помещиков в необходимости народного образования и общего улучшения сельской жизни. По этому

203. *Исидор Воробкевич*

поводу возникали горячие дебаты, острые споры, в процессе которых сглаживались наиболее резкие противоречия и выработывалась приемлемая программа политической работы. В поэзиях Шевченка 1845 года, особенно в его «Послании к землякам», мы находим отголоски горячих споров с национальными романтиками, которые идеализировали современную народную жизнь и былую славу Украины, соблазнялись «современными огнями», славянофильством и западноевропейскими теориями. И не видели того, что было главным для Шевченка, — страшной несправедливости по отношению к народу, социального горя, исторических грехов украинских помещиков перед своим народом:

І Коллара читаєте з усієї сили,
І Шафарика, і Ганка, і в слов'янофіли
Так і претесь... І всі мови слов'янського люду —
Всі маєте, а свої дастьбі... Колись будем
І по-своєму глаголать, як німець покаже
Та до того й історію нашу нам розкаже.

Это «славянофилам», а вот что романтикам украинской народности:

Заговорили
Так, що й німець не второпа, учитель великий,
А не те, що прості люде. А гвалту! а крику!
«І гармонія, і сила, музика, та й годі.
А історія... Поема вольного народа!
Що ті римляне убогі! Чортзна-що — не Брути!
У нас Брути! І Коклеси! Славні, незабуті!
У нас воля виростила, Дніпром умивалась,
У голови гори слава, стеном укривалась!»
Кров'ю вона умивалась, а спала на купах,
На козацьких вольних трупах, окрадених трупах!
Подивіться лишень добре, прочитайте знову
Тую славу. Та читайте од слова до слова...
Все розберіть... та й спитайте тойді себе: що ми?..
Чиї сини? яких батьків? Ким? за що закуті?..
То й побачите, що ось що ваші славні Брути:
Раби, подножки, грязь Москви,
Варшавське сміття — ваші пани,
Ясновельможні гетьмани.

В этих протестах очевидны и крайности, в которые Шевченко впадал, показывая как главное историческую неволю Украины и современную несправедливость по отношению к крестьянству. Его голос не был одиноким, среди младших членов кружка

были такие же люди, для которых центром всего была несправедливость по отношению к крестьянству и которые не могли простить ее ни царизму, ни помещичьей интеллигенции, невзирая на весь ее малороссийский патриотизм.

Исторические традиционные ценности украинской жизни особенно подчеркивал в братстве Костомаров, наибольший авторитет в этой области. Исключительный интерес в этом смысле представляет подготовленная им агитационная брошюра (захваченная жандармами и поэтому не распространенная): «Книга битія українського народу». В ней очень оригинально смешивается украинская идеализация своего прошлого — освободительных устремлений народных и козацких — с славянофильской идеализацией славянства в противопоставлении германо-латинскому миру и с горячим революционным протестом против царизма, помещичества и всякой социальной несправедливости. Украинская народная стихия представляется самым точным выражением истинного славянства, не испорченного германо-латинскими влияниями, которые сказались на Польше и западном славянском мире, и византийско-татарскими, искалечившими великорусскую жизнь (прививши ей царизм и казенное православие). Украинское народное движение XVI—XVII в. сбросило с себя всякие внешние вредные влияния: братства вернули религиозную жизнь Украины к чистому апостольскому христианству, а казаччина — к старым славянским основам демократии: свободе, равенству, братству. Украина, пишет Костомаров, не любила ни царя — как Московия, ни помещика — как Польша, и создала у себя козачество, то есть братство: «вступая туда, каждый становился братом других, кем бы он ни был до этого, помещиком или холопом, был бы только христианином, и все козаки были равны между собою: старшина выбиралась на совете и должна была служить всем по слову Христову, принимая должность как повинность, и не было среди казаков никакого господского высокомерия и чинов.

Козачество росло изо дня в день, со временем все люди на Украине стали бы козаками, то есть свободными и равными, и не было бы на Украине ни царя, ни помещика, кроме Бога единого, и по примеру Украины это случилось бы и в Польше, и в других славянских землях». Но польские помещики, увидевшие, как возрастает козачество — что скоро все станут козаками, то есть вольными, прибегли ко всевозможному насилию. Козачество восстало и в борьбе против Польши обратилось за помощью к Москве. Но Москва и Польша поделили Украину

204. Осип Федькович
(в буковинском гуцульском
костюме)

и услышат они зов, поднимется Славянщина, и не останется в ней ни царя, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни помещика, ни боярина, ни мужика, ни холопа, ни в Великой России, ни в Польше, ни на Украине, ни в Чехии, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар. И Украина будет независимой республикой в славянском союзе. Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: «Вот камень, отброшенный зодчим — а он лег в основу всего».

Осуществлять это великое дело и взялось братство. Один из его молодых членов, В. Белозерский, писал:

«Ни политическая самостоятельность, ни свободное выражение мыслей и чувств, ни сам язык не находят защиты у закона. Все осуждено на уничтожение, все душится самоволием. В таком страшном положении пребывает наша свет-Украина, что заслужила вечное уважение своими горькими страданиями за правду. Присоединенная на основе своих собственных прав, она

между собой и вместе уничтожили украинское козачество и задушили украинскую свободу.

«И пропала Украина — но это только кажется. Не пропала она, потому что не хотела знать ни царя, ни помещика, и хоть был царь над ней, но чужой, были помещики, но чужие, а хотя бы и украинской крови были эти выродки, однако они не поганят своими подлыми устами украинского языка и не называют себя украинцами. А истинный украинец, будь он простого рода или господского, не должен любить ни царя, ни помещика, а должен любить одного Бога».

«Украина встанет из своей могилы и вззовет снова к братьям-славянам,

терпит множество обид. Права ее забыты, и теперь не как сестра единоверного народа, а как невольница вынуждена она сносить все, что только есть обидного в жизни. Ее доля, ее будущность взвешивается Богом, но если надолго задержатся теперешние порядки, когда ничто украинское не уважается, когда на нас налагается чужое ярмо, и мы, Боже, как чужаки в своей старой отчизне, в своей собственной вотчине, то Украина потеряет свой вековечный народный образ. И мы заслужим это, если будем равнодушны и будем спо-

205. Владимир Антонович

койно наблюдать, как на наших глазах убивают наибольший дар божий — жизнь народа с его духом, идеей и целью, к которой она должна стремиться. Как верные сыны своей родины, воодушевленные желанием всякого добра ей, мы должны идти к осуществлению в ней божьей правды, царства свободы, братской любви и народного благосостояния. Однако ясно, что отдельное существование ее (Украины) невозможно: она будет меж несколькими огнями, будет под давлением и может подвергнуться худшим испытаниям, нежели те, которые перетерпели поляки. Единственное средство утвердить свои права, принятое разумом и поддержанное сердцем, состоит в объединении славянских племен в одну семью, под охраной закона, любви и свободы каждого».

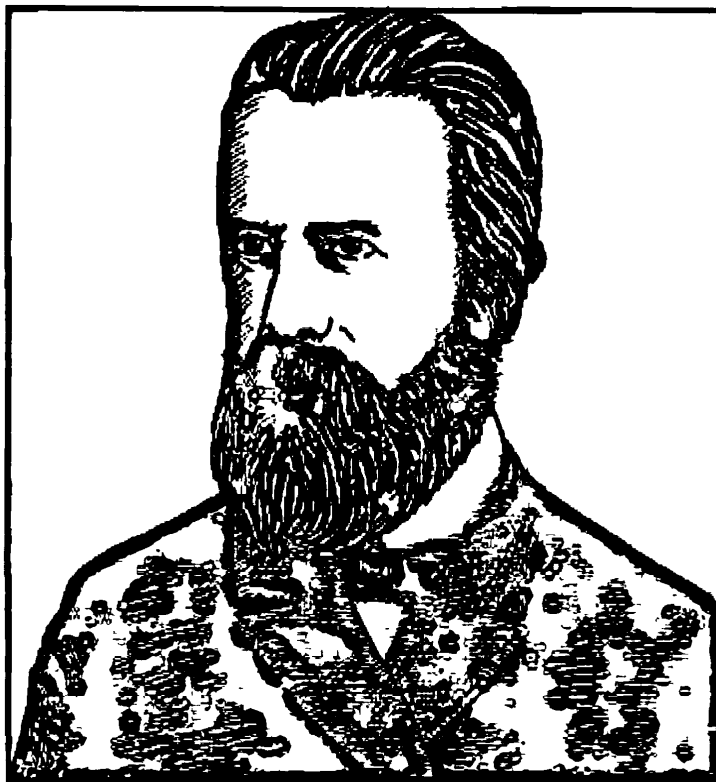
«Исходя из того, что целью братства будет возвращение славянским народам их самостоятельности и моральной свободы, каждый член обязан заботиться о распространении правильных идей о свободе, основанной на христианской проповеди и народном праве. Имея в виду, что эта свобода может быть достигнута нами и другими поработченными народами только при условии объединения славян в одну державу, базирующуюся на уважении каждой народности, — члены обязаны распространять све-

дения о славянах и праве каждого их племени на самостоятельность, пробуждать любовь к славянам и их народности и искоренять всяческие недоразумения между племенами, но распространять знания, которые пробуждают сознание народности и братства».

Вместе с вполне ясными политическими, социальными и национальными взглядами видим у членов кружка все-таки очень много пустой фразеологии на моральные и религиозные темы — они не могли так просто избавиться от этого наследия своего времени. Тем не менее в уставе братства, в «правилах» для его членов, в обращениях к украинцам и соседним народам — великороссам и полякам, находим много ценного и важного для того времени: требование освобождения крестьян, уничтожения всякого неравенства, сословных различий, классовых привилегий, горячий протест против деспотического российского строя, против эксплуатации народных трудящихся масс, — что производило сильное впечатление в те глухие времена. Братство формировалось постепенно на протяжении 1846 — и начала 1847 года, завоевывало себе сторонников среди лучших людей тогдашнего общества; один из участников рассказывает, что до провала братства в нем было до сотни членов.

Выйти из этой подготовительной стадии и перейти к активной работе Кирилло-Мефодиевское братство не успело, так как было раскрыто еще в момент своего образования: на Рождество 1846 года были подслушаны разговоры братчиков студентом, который подал на них донос; в марте и апреле у братчиков произвели обыск и арест. Когда выяснилось, что братство раскрыто в момент формирования, жандармерия осталась весьма довольна таким доказательством своей бдительности, и это повлияло на то, что наказания для братчиков были запланированы небольшие в сравнении с тем грандиозным значением, которое приписывала администрация этой украинской организации. Прдержав кого больше, кого меньше в крепостях, братчиков разослали по далеким от Украины местам, лишив возможности работать так, как им хотелось. Наиболее тяжелая кара постигла Шевченка: его отдали в солдаты и выслали в закаспийскую пустыню, запретив писать и рисовать. Эта страшная ссылка и тяжелая солдатская жизнь надломили его творческую натуру в самом расцвете и разбили поэта физически. Тяжко сказались эти карательные меры на творческой работе также и других братчиков, представлявших лучшие украинские силы того времени. На украинскую мысль, на украинское слово начались невиданные дотоле гонения. Запрещались и уничтожались изданные

перед тем книги, даже такие слова, как *Украина*, *Малороссия*, *Гетманщина*, считались преступными. Украинское движение притихло. Но идеи кирилло-мефодиевских братчиков оставили глубокий след, они жили дальше и пробуждали политическую и социальную украинскую мысль. Особенно поэзии Шевченка, которые распространялись в рукописях, пересказывались по памяти, оказывали огромное влияние. От Кирилло-Мефодиевского братства ведет свою историю все новое украинское политическое движение.

206. Михаил Драгоманов

122. Галицкое возрождение и 1848 год

В Галиции первый кружок, который довольно сознательно стал на национальной почве, известен нам в Перемышле, среди местного духовенства, в конце второго десятилетия XIX в. Здесь было основано упомянутое уже общество для распространения просвещения в народе; из кругов здешнего духовенства вышла первая известная записка в защиту равноправия и культурной ценности украинского языка, когда возник вопрос об обучении в школах на украинском языке; отсюда вышла известная нам организация украинских школ. Однако этот перемышльский кружок еще не имел вполне ясного понятия о значении народной украинской стихии и стоял на распутье между нею и книжным славяно-российским языком. Потому что книжная украинская традиция не была в Галиции задавлена чужими запретами и мероприятиями, как на Украине российской; она была здесь сильнее и становилась препятствием для перехода к живому народному языку. В 1820-х годах этот вопрос еще не ставился остро; авторы первых грамматик из перемышльского

207. Николай Лысенко

кружка склоняются к народному языку, но считают необходимым «очищать» его от простонародной грубости и приближать к старому книжному и церковному языку. Затем в 1830-х годах обнаруживаются уже два определенных течения: против защитников книжной традиции выступают сторонники живого народного языка, горячо отстаивая его от книжных искажений и требуя для него литературной и грамматической обработки. Здесь сказывались уже влияния славянского возрождения, и еще более — литературных опытов на чистом народном языке Восточной Украины, какими не могла до сих пор похвалиться Галиция вследствие того, что здесь книжная украинская

традиция не была разорвана и своим существованием задержала литературное употребление народного языка. Против автора первой печатной венгерско-украинской грамматики Михаила Лучкая, из венгерской Украины, склонявшегося к книжному церковному языку, и автора первой печатной галицкой грамматики Иосифа Левицкого, стремившегося не только держаться старого украинского книжного языка, но приблизиться к книжному великорусскому — в роли защитника народного языка довольно решительно выступил Иосиф Лозинский. Затем еще более решительно становится на украинскую народную почву кружок молодых богословов, собравшийся в львовской семинарии в 1830-х годах.

Эта украинская молодежь находилась уже под непосредственным влиянием возрожденной украинской литературы России 1820—1830-х годов и под воздействием современного славянского возрождения и современной польской революционной аги-

тации. Ее интересы развивались в направлении прогрессивном и народническом, в духе романтического народничества российской Украины. Она также интересуется историей и этнографией своего народа, собирает песни и предания и пробует свои силы в литературной работе, приближаясь к украинским образцам, живо сознавая единство украинского народа по обе стороны российско-австрийской границы. Симпатичный поэт Маркиан Шашкевич является первым народным поэтом Галиции, и позднее украинское национальное («народовецкое») движение Галиции признало его своим первоначальником и патроном. На долю Якова Головацкого выпало быть первым патентованным ученым галицкой Украины — профессором украинского языка на вновь основанной кафедре Львовского университета. Третий член этой «руської трійці» Иван Вагилевич занимался историей, этнографией, словесностью — всем понемногу. Но деятельность этого кружка не развивалась беспрепятственно. За последние десятилетия отношение официальных кругов к украинскому вопросу успело решительно измениться. Австрийские власти, имевшие довольно забот с тогдашними польскими революционными течениями, боялись новых хлопот еще и с украинским движением. В духовных униатских кругах, которым передана была цензура украинских книг, также господствовало реакционное направление, неприязненно и подозрительно относившееся к народному элементу в литературе. Книги даже самого цензурного содержания — религиозно-нравственные сочинения, хвалебные оды в честь австрийского дома — запрещались только потому, что язык их был не чисто славянский или вместо славянского печатались гражданским шрифтом. Начинания «руської трійці» были приняты здесь подозрительно и враждебно. Первый альманах «Зоря», приготовленный для печати кружком Шашкевича в 1834 году, эта духовная цензура запретила. Составлен был еще более осторожный новый сборник, состоявший из народных песен и преданий, собственных стихотворений и научных статей членов кружка. Этот второй сборник под названием «Русалка Дністрова» напечатан был уже в Пеште, в Венгрии, чтобы обойти галицкую цензуру. Но и это не помогло: когда книга прибыла во Львов, цензура арестовала ее целиком, и только в 1848 году удалось освободить ее из-под ареста. На авторов обрушились различные неприятности. Слабый здоровьем Шашкевич не выдержал их и умер в бедности приходским священником в бедном, глухом селе; Вагилевич искал заработка у польской аристократии. Галицкие реакционеры могли считать, что вконец задавили украинское движение.

Но налетел бурный 1848 год, и сейчас изменил все. Европейская революция нашла сильный отклик в австрийских землях, вызвав более или менее значительные движения; в Галиции поляки начали готовить восстание для восстановления Польши. Австрийское правительство тогда снова вспомнило галицких украинцев и пошло им навстречу, ища их поддержки, чтобы ослабить польское движение. На очередь ставятся такие вопросы, как разделение Галиции (механически и совершенно случайно связанной из украинских и польских земель) на части украинскую и польскую; как введение в украинской Галиции украинского языка в высших и низших школах; как освобождение украинского крестьянства из-под власти польских панов, — все то, над чем задумывалось еще в 1770—1780-х годах правительство Марии-Терезии и Иосифа II, а затем так основательно забыло, подпав под влияние польской шляхты и своих собственных реакционеров. Галицкие украинцы подняли голову и зашевелились. Планы польских революционеров о восстановлении Польши им вовсе не улыбались, и только небольшая часть молодежи, в особенности украинской интеллигенции, пошла с поляками на их призыв «за нашу и вашу волю». Большинство ее начало организовывать украинское население в защиту своих национальных интересов вразрез с поляками, пользуясь сочувствием и поддержкою австрийской администрации: прославленного галицкого наместника Стадиона, о котором поляки потом говорили, что это он выдумал галицких русинов-украинцев, а раньше их вовсе не было. Основано было политическое общество «Головна Рада», своего рода украинское национальное правительство, имевшее выяснить и представить центральному правительству политические и национальные нужды украинцев, а в качестве органа его начала выходить газета «Зоря Галицька». В противовес польским революционным отрядам организована была украинская гвардия, украинские батальоны стрелков. Осенью 1848 года был созван «Собор руських учених» — конгресс сторонников культурного и национального развития галицкой Украины с целью выяснить культурные и национальные нужды и выработать программу дальнейшей деятельности для развития украинского народа.

Этот «Собор» решительно стал на национальную украинскую почву, вполне определенно отделяя украинскую народность, с одной стороны, от польской, а с другой — от великорусской, с которой смешивали ее различные сторонники книжного «славяно-российского языка», не умея отличить его от народного

украинского. «Собор» считал необходимым, чтобы была выработана однообразная грамматика и однообразное правописание, согласное с свойствами украинского языка и независимое от грамматики и правописания польского и русского, для всего «русского народа в Австрии и России» («русским» галицкие украинцы продолжали называть свой украинский народ и язык). Далее «Собор» решил, что в галицких школах необходимо должен быть введен украинский язык, а для развития украинской литературы было основано просветительное общество, по образцу польской «Матицы». Он поддерживал требование, чтобы украинская часть Галиции была отделена от польской, и ряд других подобных мероприятий. Это был очень важный момент в галицкой жизни, и недаром Антон Могильницкий — наиболее крупная литературная сила этого времени — обращался к «Собору» с патетическими, хотя по теперешней оценке довольно нескладными стихами:

Як орли смілі в гору ся взбиваймо,
Минаймо здаля принади і сіти,
Скрізь густі хмари світла добиваймо,
Щоб раз зажжене не далось згасити.
А хоть не раз ще густо тьми залива
Примрачить світла лице нам любезне —
Вийде наверх, як на воді олива,
Пред тхом правди ложка гуц ісчезне.

Правительство шло навстречу украинским пожеланиям. Оно обещало ввести украинский язык во всех учебных заведениях, в гимназиях и университете, серьезно думало о разделении Галиции, и в 1850 году действительно был издан закон, разделявший Галицию на национальные территории, однако он не получил осуществления. Зато большое значение имело и произвело глубокое, бодрящее впечатление на украинское общество провозглашенное в 1848 году упразднение крепостного права и освобождение крестьян из-под власти помещиков.

123. 1848 год в Буковине и венгерской Украине и реакция 1850-х годов

В других украинских землях, находившихся во владении Австрии — в Буковине и венгерской Украине, события 1848 года отражались иначе, хотя также глубоко затронули местную жизнь. В Буковине — наиболее глухой из австрийских провинций —

вопросы, выдвинутые этими событиями, вызвали первые серьезные проявления национального сознания в местном украинском населении и первые расхождения интересов украинской и румынской народностей, которые правительство до сих пор обыкновенно смешивало в одну местную православную народность. Румынские депутаты в парламенте добивались отделения Буковины от Галиции и объединения ее с румынскими территориями Венгрии; буковинские украинцы выступили против этого требования, отстаивая свои связи с Галицией и вместо того выставляя пожелание, чтобы Буковина была разделена на национальные территории — украинскую и румынскую, а румыны этого не хотели. Вообще украинское движение в Буковине было еще очень слабо; среди украинцев мало было сознательных элементов, и возникшее тогда крестьянское движение против румын-помещиков носило вполне стихийный, несознательный характер.

Глубокие потрясения, отразившиеся на всей дальнейшей жизни, пришлось испытать в 1848 году Украине венгерской. Восстание, поднятое для освобождения Венгрии от австрийского владычества, было подавлено с помощью военных сил, присланных австрийскому императору Россией; австрийское правительство, чтобы ослабить венгров, готово было поддержать народности Венгрии, подавленные до тех пор венгерским господством; в их числе были и украинцы. Среди них нашелся тогда смелый и решительный человек, который мог бы открыть новую эпоху в жизни венгерской Украины, если бы остался на национальной почве. Это был Адольф Добрянский; во время венгерского восстания он бежал из Венгрии, проживал в Галиции и возвратился оттуда с российской армией как императорский австрийский комиссар при российской армии. Под его влиянием украинцы Венгрии решили выступить со своими национальными нуждами, отправили депутацию к императору и просили выделить украинские земли в особые стóлицы и в них на всякие должности назначать украинцев, ввести украинский язык в управлении и школе, основать в Унгваре украинскую академию и т. д. Просьбы эти были приняты благосклонно, и император обещал их исполнить. Добрянский назначен был наместником (наджупаном) четырех стóлиц, где главным образом жило украинское население, и начал вводить местный язык в делопроизводство; на том же языке должны были обучать в унгварской гимназии. Все это обещало хорошие результаты, но все испортило русофильство Добрянского; он был сторонником единства русского народа и вместо украинского языка

(ruthenische Sprache) вводил русский, распространял русские влияния. Поэтому венгерская аристократия, снова приобретши влияние в государственных делах, — под впечатлением русской оккупации, уничтожившей все ее планы, прежде всего обратилась против Добрянского. Скоро его отстранили от всего, и все, что отзывалось русофильством в украинских землях, окружено было самым подозрительным надзором. Между тем под влиянием Добрянского вся здешняя интеллигенция прониклась русофильством и теперь под усиленным надзором венгерской администрации отказалась почти от всякой деятельности. На народной украинской почве работать она не хотела, на русской не смела; и так после бурного движения 1848 года наступает здесь надолго, по настоящее время, полный застой — хуже, чем где-нибудь на другой украинской территории.

208. Иван Карпенко-Карый
(Тобилевич)

Не столь долгая и затяжная, но все-таки сильная реакция после полного упований движения 1848 года наступила в Буковине и даже в Галиции. Союз здешнего украинского общества с правительством имел свои невыгодные стороны. Добрые намерения австрийских правителей помочь развитию украинского народа в большинстве случаев не осуществились и здесь. Подавив революционное движение 1848 года, правительство вообще бросило свои планы реформ. Между тем украинское общество все надежды свои основывало на этих реформах и мерах правительства, и когда увидело, что правительство оставило попечения об украинском населении, оно остановилось в беспомощности, не зная, что предпринять.

Вследствие того, что украинское движение опиралось на союз с правительством и его поддержке, руководящую роль по-

лучили элементы консервативные: церковные и чиновничьи. В Галиции тон задавала митрополичья консистория, «святой Юр», как ее называли по кафедральной церкви, где жил митрополит и консисторские каноники. Тогдашняя украинская интеллигенция в Галиции состояла почти из одних священников, и они, вполне понятно, смотрели на митрополита и его консисторию как на своих признанных руководителей. А эти руководители неприязненно и подозрительно относились ко всякому проявлению сколько-нибудь живого и прогрессивного движения вообще и народного украинского в частности. Снова выступают сторонники книжного славяно-русского языка, враждебные украинскому элементу в языке и культуре, как просто-народному и «необразованному». Всякие более смелые стремления и планы 1848 года затихали и забывались среди общей реакции, и снова подняли голову польско-шляхетские элементы. Они фактически захватили в свои руки галицкую администрацию. Под руководством тогдашнего наместника графа Голуховского Галиция очутилась в польских руках, и польские правители постепенно старались снова расхолодить правительство в отношениях к украинскому элементу, аттестуя перед ним галицких украинцев как элемент, тяготеющий к России и православию.

Таким образом, и в Галиции многообещающее движение 1848 года в действительности послужило не началом новой эпохи развития, а порогом к темной полосе реакции, и только позже украинское общество имело возможность возвратиться к тем требованиям и задачам, которые ставились в 1848 году и тогда были так близки к осуществлению.

124. Новое движение в российской Украине

Таким образом, и в России после разгрома Кирилло-Мефодиевского братства, и в Австрии после поражения революции 1848 года конец 40-х и 50-е годы стали временем глухой реакции, затишья и оскуднения украинской жизни. Но в России эта реакция как наступила раньше, так и окончилась раньше. После неудачной Крымской войны начались новые веяния; правительство принялось реформировать старые изжитые формы жизни, обнаружившие свою полную непригодность в последнем испытании. На очереди стало освобождение крестьян, освобождение всего населения от пут старого режима; общество пришло

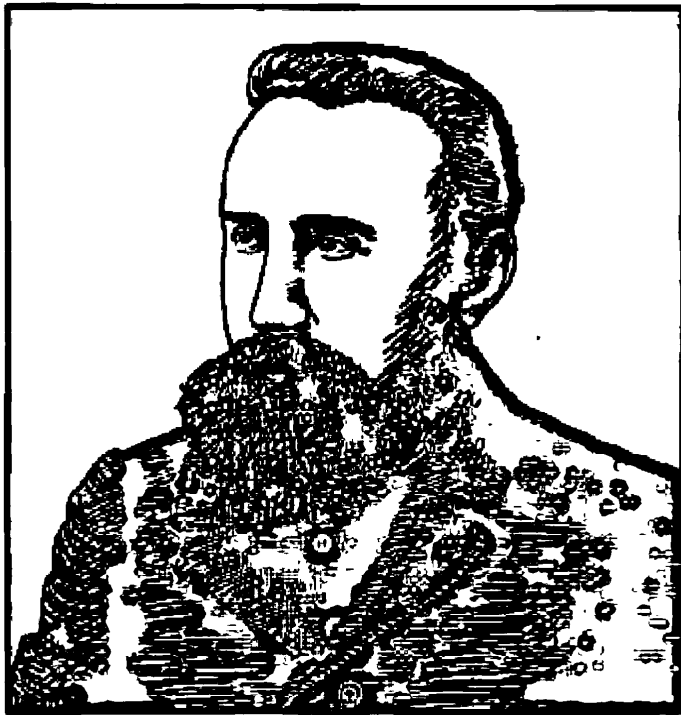
и движение, рвалось к новой жизни, и в этом общем возрождении ожили и придавленные украинские стремления. Кирилло-мефодиевцы, возвратившись из ссылки, обратились в Петербург и принялись снова за прерванные планы украинского возрождения. Особенно живую издательскую и организационную деятельность в это время проявил П. Кулиш, раньше других возвращенный из ссылки. Начав с издания этнографических материалов, собранных еще до ссылки, он затем принимается за издание украинских писателей, открывает новую звезду украинского слова — Марию Маркович (Марко Вовчок), собирает материалы для альманаха «Хата», выдержавшего два издания сразу (1860), наконец со своим шурином Белозерским приступает к изданию украинского ежемесячного журнала «Основа».

209. Иван Франко

Журнал этот, выходивший неполные два года, 1861—1862, на украинском и русском языках, имел чрезвычайно большое значение, впервые объединив сознательных украинцев в России в общих прогрессивных стремлениях.

Правда, смелые политические идеи Кирилло-Мефодиевского братства уже не зазвучали в новом органе. Трудно сказать, тяжелый ли опыт жизни и наказания, упавшие на головы членов братства, повлияли на склад их мыслей, или они считали неудобным останавливать внимание общества на таких далеких вопросах, которые к тому же в подцензурном журнале можно было рассматривать только в очень общих чертах, тогда как на очереди стояли вопросы такие близкие и для украинства существенные; как дело освобождения крестьян, организация новой общественной, экономической и культурной жизни крестьянства — т. е. это было осуществление социальной программы братства, хотя бы частично. Кружок «Основы», начав-

210. Борис Гринченко

шей выходить как раз перед освобождением крестьян, посвящал особенное внимание указанным вопросам. Затем вслед за освобождением выдвинулся вопрос о народном образовании: украинская интеллигенция, особенно молодежь, принялась организовывать воскресные школы в городах, составлять украинские книги для школ и народного образования и собирать деньги для их издания. Одновременно с этим, совершен-

но неизбежно, возникли споры об украинском языке, о пригодности его к школьному и книжному, вообще к культурному употреблению. Приходилось защищать его от нападения чужих «общероссов» и своих «тоже малороссов», доказывавших, что украинцам совершенно излишне трудиться над развитием своего языка, ввиду того, что они могут пользоваться «общерусским», т. е. великорусским языком. И одновременно приходилось отстаивать самостоятельность украинских стремлений и от поляков, стремившихся втянуть украинцев в свои планы и интересы исторической Польши и рассматривавших Украину как свое историческое достояние. Костомаров энергично оборонял исторические права украинского народа, обосновывал с исторической точки зрения федеративный принцип, объяснял демократические традиции украинской истории. Он и Кулиш выступали главными защитниками украинской идеи в то время.

Перед этим живым делом отошли на дальний план старые мечты об объединении всех славян. Наоборот, крестьянский вопрос, занимавший также прогрессивное русское общество, сблизил с ним украинцев, которые раньше ближе стояли к русским консерваторам-славянофилам, а со стороны русских прогрессистов встречавших неприязненное и презрительное отношение (так, крупнейший представитель тогдашней русской прогрессивной интеллигенции Белинский в 1840 году весьма

прорывно отнесся к произведениям Квитки, Шевченка, к деятельности Кирилло-Мефодиевского братства). Теперь прогрессивные представители русского общества в целом ряде вопросов почувствовали себя союзниками и единомышленниками украинцев и с своей стороны не раз выступали в защиту украинских нужд. Так, петербургский комитет грамотности в 1862 году обратился к правительству с ходатайством о введении в народных школах Украины преподавания на украинском языке, а между рекомендованными комитетом книгами для народного чтения было даже больше украинских, чем русских. Русские писатели проявляли значительный интерес к украинской литературе и даже галицким сторонникам книжного славяно-русского языка давали советы бросить мертвый язык и держаться живого народного украинского языка.

Это живое и плодотворное украинское движение, однако, скоро встретило новые препятствия со стороны правительства. Хотя украинцы стояли в совершенно враждебных отношениях с помещиками-поляками, выступавшими с доносами против народных украинских стремлений и против своих людей, переходивших на сторону украинского движения (напр., против кружка Антоновича и др.), однако враги украинства представляли последнее продуктом польской интриги, и правительство поверило наговорам, что украинцы будто бы стоят в союзе с поляками. Под впечатлением вспыхнувшего в это время польского восстания (1863) репрессии и запрещения обрушились на украинское слово и на всякие украинские начинания. «Основа» сама

211. *Леся Украинка*
(Л. Косач-Квитка)

прекратилась в конце 1862 года, другие издания подверглись приостановкам и запрещениям. Запрещались украинские книжки для школы и народного чтения. Украинские деятели подвергались арестам и ссылкам.

Наконец вышло распоряжение министра внутренних дел (Валуева), направленное против украинского слова вообще. Он сослался на то, что «большинство малороссиян весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может», — вызывают украинское движение в своих интересах поляки; поэтому министр в будущем поручает цензуре пропускать только беллетристику, а книг научных и предназначенных для народа не разрешать к печатанию. Напрасно тогдашний министр просвещения (Головин) указывал, что нельзя запрещать книг независимо от их содержания, за самый только язык, на котором они написаны. Запрещение все-таки осталось в силе, а к нему присоединился и синод, запретив Св. Писание на украинском языке, а цензура, подделываясь под настроения министерства, перестала пропускать и беллетристику. Начавшееся украинское движение таким образом было сразу приостановлено и придавлено, как раз когда стало получать силу. Но в результате это привело только к тому, что начавшееся движение перебрасывается в Галицию: в первый раз за столько веков начинается возвратное культурное движение из Восточной Украины на запад, в Галицию, между тем как раньше, под давлением польского господства, более живые элементы из Западной Украины отливали на восток. Теперь условия украинского движения на востоке стали тяжелее, чем в Галиции под австрийским господством, и начинается движение с востока на запад.

125. Народничество и москвофильство в Галиции и на Буковине

В Галиции среди украинского, или, как здесь его называли, «русского», общества после десятилетнего застоя новое движение начинается в 1859 году. Проект введения латинского алфавита в галицкой письменности, предложенный наместником Голуховским, был последней каплей, переполнившей чашу унижения галицких русинов. Поляки в это время захватили уже вполне в свои руки управление Галицией, став между краем и центральным правительством, и теперь этот проект введения латинского «абecedла» открывал перед галицким обществом

перспективу полного ополячения всей галицкой жизни. С большим единодушием выступали галицкие украинцы против этого проекта и своим единодушным протестом успели предотвратить эту «реформу». Но этот успех был только эпизодом — возникал вопрос, как противостать новому натиску колонизации, угрожавшему окончательно затопить галицкую Украину? Консервативные элементы галицкого общества, священники и чиновники, чувствовали свое бессилие разбудить народную жизнь. До сих пор они возлагали все надежды на австрийское правительство. Теперь, когда оказалось, что оно отдало Галицию в жертву полякам и ничего не хочет сделать для украинцев против воли поляков, надежды этих консервативных элементов обращаются к России.

Такое русофильское направление подготовлялось уже раньше старым славяно-российским языком, довольно близким к русийскому книжному языку XVIII в., и традициями покровительства, оказывавшегося Россией православным в старой Польше. Затем влияли сношения с некоторыми русскими славнофилами (в особенности с Погодиным), поддерживавшими со своей стороны такое русофильское направление в Галиции. Польное впечатление произвел также финал венгерского восстания, когда Россия своими войсками помогла Австрии подавить это восстание; Россия осталась в памяти галичан как олицетворение державного могущества, безграничной политической мощи, и вообще Россия николаевских времен, придавившая так сильно Польшу после восстания 1831 года, рисовалась галичанам как идеальное царство справедливости и порядка. Австрию же в конце 1850-х годов постигли крупные неудачи в Италии, затем в 1860-х годах разгромила ее Пруссия; казалось, что приходит конец самому ее существованию. И когда к этому же времени австрийское правительство вполне перешло на польскую сторону и отдало Галицию в полное распоряжение польской шляхты — консервативные элементы русинского галицкого общества все надежды своего спасения перенесли на Россию.

Они надеялись, что российский государь в самом скором времени отымет Галицию от Австрии, как отторженную часть своего наследия, и в этих надеждах проповедовали возможное сближение с культурой и языком официальной России. Под впечатлениями погрома австрийских войск под Кениггрецом в 1865 году львовская газета «Слово» — орган этих консерваторов («москвофилов», как их называли) — выступила открыто с таким новым политическим исповедованием: доказывала, что

галицкие русины один народ с великороссами, а украинский язык — только разновидность «русского языка», отличающаяся лишь выговором; зная правила произношения великорусского языка, галицкий русин может «в один час» научиться говорить на нем; и нет, собственно, никаких русинов — есть один только «русский народ», от Карпат до Камчатки; поэтому нечего хлопотать над созданием народной украинской литературы, раз есть готовая русская, т. е. великорусская литература.

Таким образом, из консервативно-реакционных течений галицкой жизни 1850-х годов, под впечатлением полного равнодушия австрийского правительства к галицким украинцам, начало в 1860-х годах создаваться галицкое москвофильство, близкое по духу, как видим, тому «большинству малороссов» России, на которых ссылался в 1863 году Валуев, говоря, что они не знают ни украинской народности, ни языка, а только один русский народ и язык, — это москвофильство охватило почти всю тогдашнюю «интеллигенцию» Галиции, Буковины и закарпатской Украины, наиболее подпавшей мечтам о всесильной России после разгрома венгров российскими войсками. В Галиции в этом направлении пошло немало людей, которые в 1848 году вполне решительно стояли на украинской почве — среди них сам Яков Головацкий, который на первых своих лекциях украинского языка на вновь основанной кафедре Львовского университета величал этот язык, а теперь также присоединялся к числу приверженцев единого русского языка и позже перешел в Россию. Конечно, легче было ждать всяких благодатей от России и тем временем бездействовать, не ссорясь с поляками (как действительно и поступало большинство этих галицких москвофилов), чем работать над пробуждением украинского народа и созданием культурных и всяких других основ для его новой жизни.

Но именно этим другим путем пошли более энергичные элементы тогдашней галицкой молодежи, а с ней и некоторые представители старших поколений. Они чувствовали себя более близкими демократическому народническому украинскому движению, как раз тогда оживавшему в России, чем той официальной России николаевских времен, о которой мечтали священники и чиновники москвофилы и которая в это время так ярко обнаружила перед самим русским обществом свою несостоятельность и уступила место более прогрессивным направлениям нового царствования Александра II. Проявления тогдашнего украинского возрождения в России наполняли галицкие кружки молодежи радостью и надеждой. Жадно ловила она

милкие слова Шевченка. «Кобзарь» становится для нее священной книгой, Украина — святой землей. С новой силой захватывают ее влияния украинского романтизма, традиции козацества; у молодежи входит в моду одеваться «по-козацки». С юношеским пылом изгоняет эта молодежь из употребления галицкой интеллигенции польский язык. Она старается как можно больше приблизиться к украинскому языку и украинской жизни и своими изданиями («Вечерниці» 1863, «Мета» 1863—1865, «Нива» 1865, «Русалка» 1866, «Правда» с 1867 г.) пробуждает в обществе любовь и привязанность к своему народу. Наряду с наивными и анахронистическими пережитками романтического народничества в галицкую жизнь входила живая, прогрессивная струя интересов к народным массам и горячих желаний поднять ее культурный, экономический и политический уровень.

Это новое «народовецкое» движение, как его называли, наряду с Галицией охватывает и Буковину и создает здесь первые начатки национальной жизни, какой не знала до этого времени эта маленькая окраина, отрезанная политическими, а затем и религиозными и культурными границами от соседней Галиции. Хотя и связанная с Галицией в административном отношении, в последнее время она жила особняком, не затронутая и не разбуженная малоподвижной галицкой жизнью. Только галицкое народовство 1860-х годов находит более живой отголосок на Буковине. Здесь выступает несколько талантливых и полных энергии писателей — как братья Воробкевичи, в особенности Исидор, популярный поэт, затем Осип Федькович — наиболее выдающийся талант, какой к тому времени дала австрийская Украина; в своих рассказах и стихотворениях он раскрыл перед своими читателями чарующую панораму Карпат и связанных с ними преданий, легенд и картин яркого, красочного гуцульского быта. За отсутствием местных органов, местного литературного движения эти буковинские писатели присоединяются к галицкому движению, принимают участие в галицких народовецких изданиях и при слабых вообще литературных галицких ресурсах этого времени приобретают большое значение в развитии первых начатков нового украинского движения в Галиции. В самой Буковине народная украинская жизнь начала развиваться значительно позже; здесьнее общество «Руська Бесіда», служившее центром литературной и общественной жизни, основанное в 1869 году, долго носило характер русофильский, и только в 1880-х годах окончательно одерживают в нем верх народовцы.

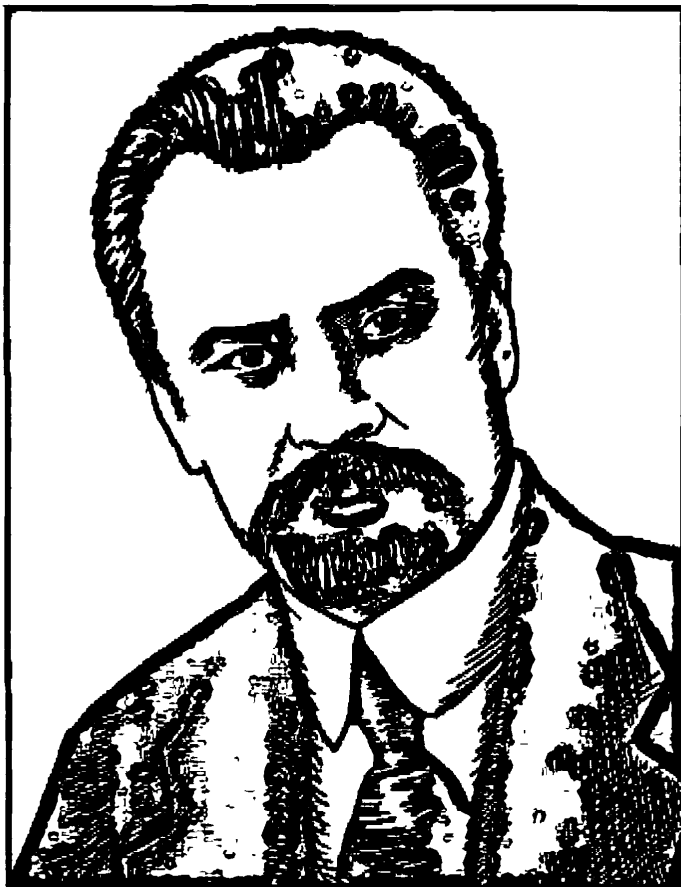
Но неизмеримо большее еще значение, чем эта моральная помощь первых вестников буковинского возрождения, имела для народовецкого движения в Галиции и вообще в австрийской Украине помощь и участие украинцев из России. Когда административные репрессии задержали развитие украинской жизни в России, многие украинские писатели начинают направлять свои произведения в сборники и журналы, начавшие издаваться галицкими украинцами. Из старших писателей в особенности Кулиш, из младших Марко Вовчок, Антонович и в особенности Конисский и Левицкий-Нечуй поддерживают украинские издания Галиции своими произведениями. Когда с 1867 года после нескольких недолговечных изданий во Львове удалось поставить более прочно журнал «Правда», выходявший более десяти лет, — украинцы из России принимали в нем деятельное участие, и он носил до известной степени характер всеукраинского органа, так как в России нельзя было издавать ни украинских газет, ни журналов.

Эта помощь украинцев из России имела огромное значение для австрийских украинцев. Украинское народовецкое движение Галиции поднято было молодежью. Почти все старшее поколение относилось к нему несочувственно и более или менее решительно тяготело в сторону москвофильства. В руках москвофилов находились все национальные организации и в Галиции и на Буковине, не говоря уже о закарпатской Украине, а народовство конца 1860-х и затем 1870-х годов представлено было небольшими лишь кружками, бедными и материальными средствами и культурными силами. Ввиду этого для народовцев чрезвычайное значение получало то, что они чувствовали за собой Украину, — беспредельную могучую Украину, породившую народных борцов козацкой эпохи и новых деятелей украинского возрождения, и среди сотрудников своих органов и изданий видели ее представителей. С другой стороны, участие российских украинцев поддерживало и развивало демократическое и прогрессивное направление галицкого украинства — это также много значило, принимая во внимание преобладание церковных и консервативных элементов в галицком обществе. Для российских же украинцев в их тогдашнем угнетенном состоянии среди всяких репрессий и запрещений Галиция явилась как бы окном в свободное будущее украинского развития и обеспечивало последнее на случай всяких возможных притеснений в России.

126. Киевская громада и указ 1876 года

С началом 1870-х годов цензура для украинских книг в России стала несколько снисходительнее, и репрессии до некоторой степени ослабели; снова явилась некоторая возможность литературной и научной деятельности. Центром украинского движения становится Киев, где за последние десятки лет, после разгрома кирилло-мефодиевцев, выросли новые культурные силы из воспитанников здешнего университета. Деятельность этой киевской громады, в отличие от петербургской, направлена была главным образом не на общественные вопросы, а в сторону научную: на обоснование украинства исследованиями прошлой и современной жизни украинского народа. В этом направлении работали такие выдающиеся ученые, как историки Антонович и Драгоманов, этнографы Чубинский и Рудченко, филологи Житецкий и Михальчук и др. Им удалось получить разрешение на основание здесь, в Киеве, отдела географического общества (1872), и он сделался центром, вокруг которого стали сосредоточиваться культурные украинские силы.

Просуществовал он недолго, но для пробуждения украинских научных интересов и вообще украинского сознания в местном гражданстве сделал много. Российский археологический съезд, состоявшийся в то время (1874) в Киеве и разбудивший в публике большой интерес, проведен был преимущественно местными украинскими силами и представил обществу разные принципиальные моменты украиноведения, поставив ребром вопросы древности, историчности разных сторон украинской жизни. Это был настоящий праздник украиноведения.

212. Владимир Винниченко

Наряду с этим оживает и украинская литература. В конце 1860-х и в 1870-х годах появляются талантливые писатели и поэты — такие как Руданский, Нечуй-Левицкий, Мирный, Конисский, Михаил Старицкий. Нечуй-Левицкий, Мирный, Конисский закладывают фундамент социального украинского романа, разворачивают широкую панораму народной украинской жизни в новых, раскрепощенных условиях — на месте старой крепостной, изображенной Шевченком и Вовчком.

Николай Лысенко закладывал основы украинской музыки своими сборниками песен, композициями и чудесными концертами. Первые представления его опер — «Чорноморців» и «Різдвяної ночі» — произвели глубокое впечатление, став новой страницей в истории украинской культуры. Постепенно поднимается украинский театр и, несмотря на все препятствия со стороны цензуры и администрации, чрезвычайно оживляет общество, его интеллигентские и полунинтеллигентские слои.

Наряду с блестящими успехами в области высшей украинской культуры — науки, литературы и искусства — очевидно проигрывало все то, что делалось в области социальной и политической. Киевское общество заново связало прерванную правительством нить народнических предприятий и внесло ценные вклады в народную популярную литературу. Она базировалась на почве кирилло-мефодиевской идеологии и развивала ее программу. Но современное социально-политическое, революционное движение, которое разрасталось в среде русской молодежи и в значительной мере захватывало украинскую молодежь, встречалось с довольно решительной оппозицией киевского общества. Его отпугивал российский государственный централизм этих революционных групп, невнимательное отношение к национальному вопросу вообще и особенно украинскому, а также склонность к терроризму и неразборчивой тактике. Некоторые из лидеров киевского общества сознательно и последовательно обращали внимание украинской общественности, и особенно молодежи, на культурную сторону украинского дела, пренебрегая политической, чтобы отвлечь украинцев от участия в российских революционных движениях, чем вызывали неудовольствие самих же украинцев таким односторонним «культурничеством».

Таким односторонним культурником, и то в очень тесных рамках (так называемого «домашнего употребления»), отрекаясь от высших проявлений культуры, выступал под старость заслуженный кирилло-мефодиевец Костомаров. В киевском обществе наиболее яркими представителями идейного разлома

1870—1880-х годов стали духовные вожди его Антонович и Драгоманов, товарищи и сотрудники (их общим делом было издание «Исторических песен украинского народа», 1874—1875 годов, на русском языке, важнейшее дело киевского научного общества) — позднее идейные антагонисты. Антонович был наиболее авторитетным и уважаемым представителем своего направления, решительно отмежевался он от российских революционно-социалистических течений и выдвинул на первый план потребности национального самосознания украинского народа и возможно большего национального отмежевания. Как авторитетный историк Украины он имел большое влияние. Драгоманов же в то время, то есть в 1870-е годы, еще не очень решительный в национальных украинских притязаниях, признавая, например, общее и для украинцев универсальное значение великорусской литературы и культуры, настойчиво выступал против переоценки национальной стороны украинского вопроса: признавал национальность только формой, в которую должно быть влито общеевропейское прогрессивное и социалистическое демократическое содержание («космополитизм в целях, национализм в формах и методах»). По его мнению, украинское движение должно было идти от низов, от удовлетворения своей «плебейской» публики, опираться на социалистические задачи, на интересы народных масс и с ростом их — как «плебейская нация» — ставить перед собой все более высокие культурные цели. Украинство, на его взгляд, должно было быть социалистическим, не иначе, и с этой точки зрения он настаивал на общности с социалистическими российскими течениями — хотя решительно выступал и против терроризма и всякой неразборчивости в средствах (его лозунг: «Для чистого дела нужны чистые руки!»), и против централизма и государственной недальновидности («якобинства») российских социалистов (против этого направлено главное его классическое произведение «Историческая Польша и великорусская демократия» (1881) — против польских и российских революционных претензий на Украину.

Эти мысли, проводимые Драгомановым с воодушевлением и талантом в позднейших работах, 1880-х и 1890-х годов, имели большое влияние на дальнейшее развитие украинской политической мысли. Но в тот период, в 1870—1880-х годах, киевские круги отдавали предпочтение более умеренным культурническим течениям.

Несмотря на это, деятельность киевских граждан послужила поводом правительству к новым мерам против украинства. Свою

роль здесь сыграли черниговские помещики Ригельман и его свояк Юзефович, который выполнял миссию охранителя российских государственных интересов на Украине. Поссорившись с лидерами киевского общества, Юзефович регулярно посылал правительству донесения, пугая его успехами украинского «сепаратизма» (как это тогда называлось), доказывая, что украинцы развивают свой язык и литературу для того, чтобы отделиться от России. В начале 1875 года была направлена специальная комиссия по этому делу, в которую включили и Юзефовича. Он представил этой комиссии украинство как польско-австрийскую интригу, имеющую целью оторвать Украину от России. Представители цензуры со своей стороны подтверждали, что украинское писательство имеет тайные цели — отделение Украины от России. Причем особенную опасность уже тогда видели в украинстве галицком, не связанном цензурными российскими ограничениями и настроенном резко и враждебно к российскому правлению из-за его запретительных мер по отношению к украинству.

Комиссия решила внимательнейшим образом следить за галицкими изданиями, не допуская в Россию ничего такого, что могло бы влиять на развитие украинской жизни, поддерживать деньгами и другими способами москвофильские издания, москвофильское движение в Австрии и предпринять все возможное, чтобы задуть украинское движение в России. Было закрыто киевское отделение географического общества, а весной 1876 года вышел указ против украинского слова вообще: на украинском языке разрешено было печатать только исторические памятники, из новой литературы — беллетристические произведения (стихи, рассказы, пьесы), да и то русским правописанием и под строжайшим надзором; украинские концерты, представления, чтения запрещены были совсем.

Уже сами по себе эти запреты были тяжелы, а к тому еще цензура проявляла чрезмерное усердие, и какое-то время украинские книги не пропускаясь совсем — разве что случайно, по недосмотру. Доходило до курьезов: вычеркивали украинские слова из рассказов, написанных по-русски, требовали, чтобы на концертах украинские песни исполнялись в русских или французских переводах и т. д. Вскоре, однако, само начальство киевское и харьковское обратилось к правительству с тем, что введенные порядки слишком жестки и без нужды дразнят общественность. После этого обращения были сделаны кое-какие послабления, например разрешены украинские концерты и представления, хотя и с ограничениями; несколько ослаблена была книжная цензу-

ра; пропущены, хоть и с немилосердными сокращениями, несколько литературных альманахов («Луна», «Рада», «Нива»), которые заменили собой литературный журнал, не разрешенный ни в коем случае. Принципиальные же запреты и ограничения остались в силе.

127. Украинская работа на галицкой почве в России в 1880-х годах

Несмотря на определенные послабления, какая-либо литературная или общественная работа оставалась невозможной, и меры 1876 года имели те последствия, что наиболее сознательные и энергичные украинцы из России в 1880-х годах, даже более, чем в годах 1860-х, переносят свою работу в Галицию. В смысле государственных или нейтралистских интересов это был результат, хуже которого трудно было придумать. Зато для формирования направленности и характера украинства он имел большое значение.

Еще до указа 1876 года несколько предприимчивых украинцев из России взялись основать во Львове институт для развития украинской литературы и науки, чтобы он мог работать свободно, не испытывая цензурных притеснений, в интересах всей Украины. Так возникло Товарищество имени Шевченка, основанное во Львове в 1873 году. На собранные деньги при нем была организована типография для украинских изданий, но денег собрали мало, поэтому еще много времени прошло, пока типографию выкупили и Товарищество смогло начать работу по изданию собственных книг, — это случилось лишь в конце 1880-х годов. После указа 1876 года Михаил Драгоманов с несколькими младшими товарищами — группой талантливых

213. Большой Государственный герб УНР, принятый Центральной Радой 22 марта 1918 г.

214. *Малый Государственный герб
УНР*

и энергичных людей — из-за правительственных преследований выехав за границу, чтобы наладить свободные от цензуры, посвященные украинским политическим и национальным вопросам издания, завязали тесные отношения с галицкой общественностью, хотя осели в конце концов не в Галиции, как предполагали, а в Женеве, поскольку австрийская цензура тогда тоже была по-своему нелегкой. Некоторые украинцы, как-то Кулиш, затем Конисский, Нечуй и др., приезжали и обретались долгое время непосредственно в Галиции, развивали здесь более

или менее оживленную литературную и политическую деятельность, имели серьезное влияние на развитие и направление галицкого украинства и также были посредниками в завязывании тесных сношений австрийской Украины с российской.

Влияния этих украинцев в Галиции имели разные направления. Например, Драгоманов и его единомышленники действовали в направлении пробуждения украинской общественности Галиции к просвещению народных масс и организации борьбы за свои права, а Кулиш, Антонович, Конисский — старались создать благоприятные условия для развития украинской жизни, находя взаимопонимание с влиятельными польскими шляхетскими кругами.

Но в конце концов весь этот приток духовных сил, а иной раз и материальных средств из российской Украины заметно укрепил украинскую жизнь Галиции и много содействовал ее развитию. На протяжении 1870-х и 1880-х годов украинские народники интенсивно растут в числе и силе. Начав с работы литературной и просветительской — издания популярных книг и устройства читален, они переходят к политической деятельности, из малочисленных и малозначительных кружков создают сильную партию, которая, благодаря своей энергичности и духовной силе, оттесняет на второй план старых консерваторов и новых москвофилов и задает тон жизни галицких укра-

инцев. К ней начинает примыкать все более живое, и вскоре народники начинают играть ведущую роль в Галиции и на Буковине, несмотря на то что москвофильская партия получала из России более серьезную помощь, чем народники от украинцев.

С другой стороны, для российской Украины Галиция с этого времени становится окном в мир, которое не давало ей заснуть во тьме тогдашних запретов и утеснений. Лишенные возможности сколько-нибудь свободно обсуждать вопросы украинской политики, задачи и проблемы ее, российские украинцы пользовались галицкими изданиями, которые хоть и были запрещены в России, но достаточно широко распространялись в российской Украине. На галицкой почве, в галицких условиях, в галицких изданиях ставились, испытывались и решались различные проблемы социальные, политические, национальные. Это привлекало к галицким отношениям внимание наиболее сознательных российских украинцев. Не имея возможности у себя дома заниматься политическими и национальными делами широко и открыто, они буквально жили галицкими событиями, особенно начиная с 1890-х годов, когда в среде украинцев-народников началась борьба между более умеренным и более радикальным направлением. Это расширяло узкий круг культурных интересов, оставленных российским украинцам суровым и подозрительным режимом, уберегая их от полной односторонности.

Убогими возможностями культурнической украинской работы, которую разрешала в то время российская внутренняя политика, не мог удовлетвориться и самый убежденный культурник, сколько-нибудь серьезно относившийся к украинскому движению. Границы дозволенного были тесны даже для сторонников легальности. После того как был закрыт киевский отдел географического общества, российские украинцы долго оставались не только без орга-

215. Большая Государственная печать УНР

на, но и без какой-либо публичной ячейки. Историческое товарищество, основанное в Киеве, лишь время от времени попадало под влияние украинских ученых, оживлялось и проникалось гражданским интересом. Но в начале 1880-х годов был налажен выпуск исторического ежемесячника «Киевская старина» (1882—1895), и хотя его инициаторы братья Лебединцевы были далеки от современного украинского движения, были только украинскими антиквариями в старом стиле, с очень неглубоким украинским патриотизмом, все же их украинофильство собрало вокруг издания научные и культурные украинские силы; со смертью же первого издателя ежемесячник превратился в орган киевской «старой громады» (1888). Журнал работал по достаточно широкой программе (на русском языке): занимался и этнографией, и языком, и литературой; позже, с 1890-х годов, он временами приобретал и общественную окраску, содержал украинскую беллетристику и литературную критику, исполняя роль литературного органа, который никак не хотела разрешить российская администрация, так же как и политическую или популярную прессу.

Двадцатилетие, последовавшее за указом 1876 года, было временем если не наиболее тяжких, то наиболее обидных цензурных и административных притеснений украинства в России — потому особенно болезненных, что общественная и культурная сила украинства неустанно нарастала, под влиянием общего развития жизни, культурных и социальных европейских течений рвалась идти бок о бок с жизнью великорусской, польской и своею зарубежной — и на каждом шагу встречала крепкую стену правительственных запретов и репрессий. Цензура и администрация, когда не удавалось, как хотелось, совсем изгнать из писательского и культурного употребления украинское слово, старались хотя бы ограничить его рамками чистой этнографии и не дать превратиться в орудие культуры. Поэтому решительно не допускали его употребления в школе, в церкви, в органах управления и всеми силами не допускали его в высшие сферы культурной жизни. Не разрешались никакие научные издания на украинском языке. Беллетристику и театр старались ограничить изображением сельской жизни, и то лишенной каких-либо прогрессивных социальных и национальных идей. Повести и драмы из жизни интеллигенции считались вовсе недопустимыми — их цензура не пропускала. Цензорам было приказано вообще не пропускать произведений значительных, интересных, которые могли бы продемонстрировать достижения украинской литературы, и всячески следить, чтобы украинских

книг проходило как можно меньше, употребляя к тому всяческие придирки, а то и просто запрещая «из государственных интересов». И цензоры старались. Но чтобы кто-нибудь из них что-нибудь не просмотрел, не упустил, для украинских книг специально завели двойную цензуру: книга, пропущенная местным цензором, должна была отправиться на рассмотрение в Петербург, в главное управление по делам печати. Таким образом, украинские книги практически уничтожались, и проходила посредственность, а все наиболее ценное пропадало для Украины, частично уходя за границу, а частично — оставаясь лежать в цензурных архивах.

С подобными трудностями встречался и украинский театр, который из-за недостатка украинской книги и преград на пути ее распространения имел огромное значение в это время — был главным и единственным способом национального просвещения широкой публики. Успех он имел огромный, невероятный. Начавшись с одной, украинские труппы постепенно множились, становились распространенным явлением, и несмотря на убогость репертуара и невысокий уровень большинства пьес (театральная цензура была еще более суровой, нежели книжная), они поддерживали память о народном слове и любовь к нему среди утратившего связь со своими корнями городского денационализованного населения. Приезд украинской труппы в город становился своего рода национальным праздником, собирал распыленную, растерянную и неорганизованную украинскую публику, давал ей национальный импульс. Бедность репертуара искупалась богатством и красотой этнографического и исторического украинского быта, который, даже при условии исключения национальных, социальных и политических акцентов, представлял большую ценность для зрителей, а также и выдающейся талантливостью артистической братии. Украинская сцена представила сразу плеяду перворазрядных сценических талантов, сумевших придать блеск и правдивость даже весьма примитивным пьесам. Такими были Марко Кропивницкий, Мария Зиньковецкая, три брата Тобилевичи — Иван, Афанасий и Николай (на сцене Карпенко-Карый, Саксаганский и Садовский), Затыркевич и другие. Как талантливые организаторы театрального дела потрудились Старицкий, Кропивницкий, Тобилевичи. Они подняли украинский театр достаточно высоко, дав ему определенные стиль и шкелу, которые, зарождаясь в этнографических истоках, по-своему стилизовали и окрашивали более общие типы и ситуации.

Но эта творческая работа происходила в обстоятельствах со-

вершено невероятных. Администрация и цензура систематически ее затрудняли. Что сказать, например, о таких требованиях: чтобы чисто украинских спектаклей не было, чтобы вместе с украинской ставилась русская пьеса с тем же числом актов — и труппа должна была отчитать в пустом театре русскую драму в пяти действиях и только потом приступить к украинскому спектаклю, и т. д. А на протяжении многих лет, хотя украинский театр не был запрещен, для него был закрыт въезд в Киевское генерал-губернаторство (куда входили в то время пять губерний) — и это только за то, что орация, устроенная в Киеве труппе Кропивницкого, показалась генерал-губернатору слишком горячей.

В этих тесных рамках не могло, повторяю, существовать даже очень скромное культурное украинское творчество, несмотря на все старания сторонников культурнического направления. Организованное украинство в России находилось в эти десятилетия под их влиянием. Наиболее талантливый и энергичный проповедник активной социально-политической деятельности, Драгоманов, после указа 1876 года выехал за рубеж с несколькими младшими товарищами и развил там публицистическую деятельность в своих собственных и разных европейских изданиях (сборники «Громада», «Вільне слово» и др.). Такова была воля самого киевского общества, оно обещало Драгоманову материальную помощь и в занятиях, и в изданиях, а также и свое сотрудничество. Но вскоре взаимопонимание нарушилось, обнаружилось разное понимание тактических задач эмигрантами и киевским обществом. Оно, освободившись от наиболее решительных сторонников активной политической борьбы, углубилось в культурничество, стало искать легальных путей к нему и осудило резкую тактику, которую вел против русского правительства в зарубежных изданиях Драгоманов. Но программа общества оставалась бесплодной. Российское правительство ни на какие уступки не шло, все прошения, петиции, меры «через людей», к которым прибегали некоторые члены общества, «чтобы примирить с собой российское правительство», ни к чему не приводили. Литература оседала в цензурных архивах, попытки наладить выпуск если не газеты, если не журнала, то какого-нибудь полупериодического сборника, разбивались о цензурные «чистки». Все было бесполезно, а этнографические, языковые или исторические студии не могли охватить всего общества!

Наиболее энергичные общественные элементы оставляли украинство, поскольку оно казалось им каким-то устаревшим

романтизмом. Шли в российские партии, где была хотя бы видимость живой деятельности, смелые задачи и ощущение риска, который всегда привлекает смелых и которого не было в культурнических кружках российского украинства. Обреченность украинской работы в России определяла цену галицкой украинской организации: в галицких условиях, хотя бы опосредственно, через органы прессы, через личные связи, можно было участвовать в обсуждении принципиальных политических и социальных вопросов, в политической и общественной работе, хотя галицкая работа в то время, в 1880—1890-х годах, еще имела местнический характер, духом и содержанием своим далеко отходя от интересов российской Украины.

128. Политическое движение в австрийской Украине и его национальный подъем в 1890—1900-х годах

1890—1895-е годы были поворотными для украинской жизни Галиции. В восьмидесятые годы, как я уже сказал, народническое движение значительно распространилось в галицком обществе, овладело им и, как обычно бывает в таких условиях, привлекло к себе много людей нейтральных, которые принимают победившее направление, даже если по своему содержанию оно им совершенно чуждо. Поэтому вместе с тем, как народническое движение проявляло себя все больше как политическая партия и пробивало себе дорогу в широкие народные массы, в самой среде его обозначился определенный разлом из-за неоднородности элементов, оказавшихся под общей фирмой украинского народничества.

Элементы более прогрессивные стремились идти в тесном союзе с прогрессивными элементами российской Украины и вместе с ними — с прогрессивными европейскими направлениями: хотели на украинской национальной почве перестроить общественные, политические и экономические отношения в духе настоящего демократизма и социализма. Элементы более умеренные и консервативные, священники, чиновники и другие представители буржуазных классов (среди украинцев весьма немногочисленных), приняв национальную форму — народный язык и до определенной степени украинские национальные традиции, хотели под этим тонким слоем спрятать прежнее содержание жизни. Их волновала роль украинской националь-

ной церкви (униатской в Галиции) и религиозная правоверность сограждан, а в социально-политических отношениях они были или решительными консерваторами, или очень и очень умеренными демократами. На этой почве в Галиции разгорается весьма серьезная борьба, которая велась при живом участии и даже под сильным влиянием российских украинцев. Особенно Драгоманов, который хоть и не жил в Галиции, но через кружки своих единомышленников, наиболее энергичных и способных молодых галичан, вел галицкое общество в прогрессивном направлении, и влияние его на молодежь и крестьянство все более возрастало.

Все разрешилось в тот момент, когда наиболее консервативная часть народников, не без влияния и участия некоторых российских украинцев, разорвала политический союз с москвофилами, с которыми вместе обычно выступала в галицком сейме и австрийском парламенте против поляков и правительства. Она нашла взаимопонимание с правительством, или, лучше сказать, с его галицким наместником (графом Бадени), и надеялась получить его поддержку, как в 1848 году. Но тогда правительство противостояло польской шляхте, а теперь было с ней связано. Да и не тем уже было галицкое общество! Наиболее прогрессивная часть галицких украинцев уже до того отошла от консервативных народников и стала формироваться в отдельную партию под именем «радикалов». Когда же был провозглашен новый союз народников с правительством, эти радикалы решительно выступили и повели сильную агитацию против «соглашательской» политики народников. Позиция их была глубоко справедливой, ибо на деле этот союз с правительством представлял бы собой союз украинцев с правящей польской шляхтой Галиции, а в сущности даже и не союз, а отступление от борьбы с господством польской шляхты в обмен на некоторые национальные уступки, слишком мелкие в таком принципиальном деле (одна украинская гимназия, одна украинская кафедра в университете и тому подобное). В конце концов руководители народников, разобравшись, куда ведет их этот союз, и уступая общественному мнению, разорвали это «соглашение», и верность ему сохранила лишь небольшая консервативно-клерикальная группа. Преобладающее большинство народников, еще более убедившись на этом примере в неразрывной связи правительства с польской шляхтой, решило создать решительную оппозицию и польскому владычеству, и центральному правительству, которое отдавало Галицию на растерзание полякам за то, что они поддерживали правительство в парламенте.

По примеру радикалов, все свои планы основавших на социальном и политическом просвещении крестьянства и его организации, народники тоже решили идти в народ, просвещать его политически — поднимать на борьбу за свои права и привлекать к участию в политической жизни и политической борьбе. С этой точки зрения влияние радикалов на галицкую жизнь имело большое значение, поскольку мешало народникам сдвигаться вправо, куда их перетягивали консервативные и клерикальные элементы, и вынуждало держаться хотя бы средней линии между консервативным и радикальным направлениями. В 1900 году народники даже решили формально слиться в одну партию с радикалами, приняв прогрессивные и социальные требования радикальной программы, и переименовали эту объединенную партию в «национально-демократическую». Разумеется, само по себе принятие радикальной программы не сделало этих народников настоящими сторонниками прогрессивного движения; правые элементы не утратили своего влияния на них и продолжали вовлекать в соглашательство с правительством и польскими правителями Галиции. Но все же более левые элементы галицкого украинства удерживали народников от слишком резкого и открытого марша вправо, куда их влекло правое крыло.

В конечном счете, как это обычно бывает, борьба и конкуренция направлений оживили галицкую жизнь в девяностых — девятисотых годах. Национальное и политическое сознание вышло из интеллигентских кругов, охватило широкие народные массы, научило их стоять на страже своих прав, бороться за свои экономические, культурные и национальные интересы, добиваться их соблюдения, объединяясь и организуясь. Путь оппозиции, по которому устремились прогрессивные украинские течения, в противоположность более раннему правительственному народничеству 1848—1850-х годов, отучил галицких украинцев от ожидания каких-либо благодеяний от правительства или чего-то еще, научил строить свою судьбу собственными руками и идти напролом, не обращая внимания на то, какое впечатление производят их действия на сильных и власть имущих. Все то, чего галицкое украинство добилось на протяжении последних десятилетий, было завоевано собственными силами в борьбе со всевозможными препятствиями, которые воздвигало польское владычество, располагающее огромными возможностями. Имея своим сторонником центральное правительство, держа в своих руках все государственное управление Галиции и краевое самоуправление, распоряжаясь огромной земельной собственностью,

всевозможными денежными и культурными средствами, поляки изо всех сил боролись с украинским движением, но все-таки не смогли остановить грандиозный поход украинской народной массы.

Действительно, за последнее десятилетие осуществлено было многое. В области национальной культуры прежде всего необходимо отметить создание украинской науки, о которой только с этого времени можно говорить серьезно, — той организованной работы, которую начали ученые, сгруппировавшиеся в 1890-х годах около львовского Товарищества имени Шевченка, в 1892 году преобразованного в научное общество, а в 1898 году реформированного по образцу академий наук. Его издания скоро обратили на себя внимание исследователей, и украинская наука приобрела себе право гражданства в ученом мире. Несмотря на весьма скудные ассигнования из государственных и местных средств, общество развило широкую издательскую и организационную деятельность, о которой четверть века перед тем никто не посмел бы думать.

Одновременно с этим выдвинуто было требование украинского университета. Правительство обещало его еще в 1848 году, но затем забыло об этом, как и о других обещаниях; в Львовском же университете окончательно утвердились поляки, и украинцам осталось лишь несколько кафедр с преподаванием на украинском языке. Ввиду этого украинцы в конце 1890-х годов выступили с требованием основания другого, отдельного украинского университета; в 1900-х годах этот вопрос стал чрезвычайно остро, постоянно вызывая сильные волнения в университете, на которые чутко откликались широкие круги украинского общества и даже народные массы; требование украинского университета сделалось очередным вопросом украинской политики, а открытие его вопросом недалекого будущего.

В области литературной необходимо отметить развитие изящной литературы, благодаря целому ряду свежих, оригинальных талантов, именно в этот момент расцвета политических и общественных интересов, в конце 1890-х годов, выступивших на довольно тощей до этого времени галицко-буковинской почве. Один Иван Франко, талантливый поэт, новеллист и публицист, являлся действительно выдающимся галицким талантом в 1880—1890-х годах. Теперь около новооснованного ежемесячного журнала «Литературно-науковий вістник» и украинского издательского общества «Українсько-руська видавничка спілка» выступил ряд новых свежих талантов во главе с Василием Стефани-

дом и Ольгой Кобылянской и сообщил местной украинской жизни небывалую перед тем содержательность.

В области просвещения и организации народа нужно отметить широкое развитие читален «Просвіти» и гимнастических обществ «Січей» и «Соколів», оказавших чрезвычайное влияние на жизнь народных масс, разбудивших жажду знания, просвещения, инстинкты организации и солидарности.

Затем в последние годы, ввиду тех трудностей, с которыми встречалось основание новых украинских средних школ (их приходилось просто-таки выпрашивать и вымалывать у польских правящих сфер, собственно, выторговывать за цену существенных уступок в других сферах украинской жизни), галицкие украинцы взялись за основание частных средних школ и в последнее десятилетие перед войной развили довольно широко свою свободную школу.

Наконец, в эти же годы обращено большое внимание на экономическую сторону — на основание ссудо-сберегательных касс, коопераций, сельскохозяйственных обществ, чтобы по возможности освободить украинское население от дорогого посредничества и зависимости от чужих финансовых и сельскохозяйственных организаций.

Все это сильно подняло самочувствие украинского общества Галиции и сделало для него возможным дальнейшее расширение национальных прав не ценою уступок перед господствующими кругами и правительством, что входило в политику «старших» поколений, а организованной борьбой, вынуждая серьезно считаться с национальными требованиями украинцев независимо от того, будут ли согласны на какие-нибудь уступки польские правящие сферы Галиции. А самое важное, — что даже независимо от отношений к нему правительства украинское общество в самом себе открыло силы и средства для своего национального развития, и в момент наибольшего развития общественно-политического движения в украинском обществе и в украинском народе оно находило в себе средства культурного и национального движения и энергию национального творчества.

С этой точки зрения российская Украина значительно отстает от Галиции как в смысле более слабой самодеятельности, так и еще больше в смысле крайне неблагоприятных внешних условий, хотя и здесь последнее десятилетие отмечено очень значительным движением украинской жизни.

129. Первое раскрепощение российской Украины

В России в 1890-х годах тоже понемногу ослабевали цензурные притеснения украинского слова и стала возможной более живая литературная и издательская работа. «Благотворительное общество для издания дешевых книг», основанное в Петербурге, где меньше ощущалось «усердие» местных цензурных комитетов, достаточно энергично принялось за издание популярных книжек для народа из разных областей знании. В Киеве издательский кружок «Вік» взялся издавать украинскую беллетристику. Обозначился ряд авторов — Коцюбинский, Гринченко, Самийленко, Крымский, которые внесли новые темы, новые краски в украинскую литературную жизнь и придали новый блеск и силу литературному языку. Заметно развился театр. Его репертуар за это время обогатился рядом ценных пьес, преимущественно произведениями Карпенка-Карого (Тобилевича), умевшего в рамках дозволенного цензурой расширить круг тем, введя в них некоторые социальные мотивы из современной

216. Гетман П. Скоропадский

народной жизни. Достоинно поддерживал славу украинской музыки Николай Лысенко. Наконец — уже в начале девятисотых годов — появляются первые опыты украинского стиля в пластике (важнейшее и значительнейшее творение своего времени — дом полтавского земства, работа выдающегося украинского художника и архитектора Василия Кричевского).

Еще более важное значение имело оживление национальное и политическое, которое обозначается в украинском обществе уже с 1890-х годов и становится весьма заметным в 1900-х годах.

Запреты украинского языка на археологических съездах 1899 и 1903 годов вновь возбудили споры о культурной правомочности украинского языка, о рамках и задачах украинской культуры. Успехи культурного и национального движения, одоланные на галицкой почве с участием российских украинцев, высоко поднимали уровень их борьбы и в России. Украинство ставит своей целью объять национальную жизнь во всей полноте. Вместе с тем наравне с партийной борьбой в Галиции появляются зачатки партийного группирования в российской Украине, борьбы и полемики различных общественных и политических течений.

217. Симон Петлюра — Глава Директории, Главный атаман Войска УНР

Идеи Драгоманова и галицкое радикальное движение находят отклик, особенно у представителей младшего поколения, уже с 1890-х годов. В отношении культурничества и лояльности старших нарастает все более ощутимая оппозиция. «Украинофильство» приобретает в ее устах оттенок укоризны — этим словом обозначают поверхностное, не продуманное до конца отношение к украинским национальным потребностям, непонимание политических и социальных задач, вытекающих из национального постулата, сужение национальных задач и оппортунизм в отношении к правительству. На этой почве «украинцы» все резче и резче отмежевываются от «украинофилов», несмотря на всю свою неоднородность. В 1897 году сделана первая попытка организовать эти «украинские» элементы во всей Украине на почве борьбы за украинские национальные права. Элементы были слишком разнородны, чтобы объединиться в общей программе или в общей активной политике, но, начиная с этого времени, новая организационная связь между ними не

прерывается до нынешней революции. Попытка придать форму партийной организации, как «демократической» (1904), потом «радикально-демократической» (1905) украинской партии, не удалась по причине неоднородности объединенных в этой организации граждан. Она вернулась к роли межпартийной организации, собранной на платформе автономии Украины в федеративной Российской державе и названной впоследствии Товариществом украинских прогрессистов (ТУП). Не более успешными были попытки объединения и более радикальных с политической или социальной точки зрения элементов — начиная от весьма хаотичной Революционной украинской партии (1900), которая объединила определенные радикально-политические элементы из молодежи, и до более выразительных организаций, таких как Украинская радикальная партия, с умеренной народно-социалистической окраской, и Украинская социал-демократическая народная партия (1905), которая в общую социал-демократическую программу вносила национальные поправки. Обстоятельства складывались так, что не способствовали политическому разобщению и соперничеству, наоборот, склоняли сознательные украинские элементы к объединению под общими лозунгами, помогающими не рассыпаться во всеобщем российском движении. Но подъем и движение в них были очевидны.

С началом девятисотых годов это движение становится очень заметным. Неудачная русско-японская война и времена «доверия правительства к общественности» разбудили его еще больше и увлекли украинских граждан в общий вихрь русского освобождения. На очереди оказались вопросы перестройки Российского государства: специальные украинские интересы отошли на второй план. Группировка российских партий увлекала и делила на аналогичные партии и украинское общество. Крестьянство было увлечено земельным вопросом, интеллигенция — политическим. Среди всеобщего этого волнения небольшие в то время группы организованной украинской общественности пытались с помощью прессы, петиций, резолюций и т. д. добиться постановки украинского вопроса — национального равноправия для украинцев, а прежде всего отмены запрета на украинское слово, и для этого старались объединить сознательные элементы, чтобы общими усилиями обратить внимание на это дело.

В декабре 1904 года кабинет министров специально занялся украинским вопросом и пришел к убеждению, что украинское движение «не содержит в себе сколько-нибудь серьезной

опасности», которая бы оправдывала запретительные меры правительства и тот вред, какой запрет украинских книг наносит крестьянству. Опрошенные им государственные органы высказались в том же духе, а Петербургская академия выступила с пространной авторитетной запиской по делу украинского языка. В ней вскрывалась ложность расхожего мнения, будто литературный великорусский язык — язык общерусский, который для украинцев может служить таким же родным языком, как и для великороссов, поэтому нет необходимости развивать украинский. Несмотря, однако, на все эти разъяснения, дело затянулось, и правительство так и не издало специального закона об отмене запрета украинского слова: они были упразднены сами собой общими законами: изданные осенью 1905 года новые правила в отношении периодических изданий открыли украинцам возможность издавать газеты и журналы на украинском языке, а правила, касающиеся неперiodических изданий (в апреле 1906 г.), сняли все ограничения с книг «на иностранных и инородческих языках», в том числе и с украинского языка.

Правда, в действительности и после этого над украинской книгой и прессой не переставал довлеть более пристальный и подозрительный надзор. На украинском языке регулярно каралось и запрещалось то, что свободно проходило на русском языке. Украинское слово продолжало звучать для администрации, как нечто враждебное и злое, и она искала в нем какую-то угрозу, призыв к бунту и восстанию. Его способность проникать в тайные глубины народа, пробуждать в нем сознание и вызывать созвучные настроения безмерно пугали ее. Оставаясь госпожой края, она не жалела своих средств против него. На укра-

218. В. Вернадский — крупнейший ученый-мыслитель XX века, организатор науки в Украине

инские газеты издавались всевозможные специальные запреты, каких не знали издания на других языках: их не только запрещали выписывать служащим людям или наказывали за подписку, но и просто приказывали почтам или сельским управам не выдавать адресатам по селам, а самые издания уничтожали денежными штрафами, арестами редакторов, закрытием типографий, где они печатались, или просто закрывали газеты без всяких мотивов.

Более важным, однако, было то, что в принципе украинское печатное слово было уравнено с русским и тем открыта ему, хотя и в узких рамках и с вечным риском наказаний, дорога распространения и развития.

В делах политических и общественных царский манифест 17 октября 1905 года с обещаниями политической свободы и конституционного строя открыл большие перспективы, и трудно было предположить, как мало на самом деле из них осуществится.

Большие надежды возлагались на I Думу, созванную весной 1906 года. Среди крестьянских и интеллигентских депутатов ее нашлось немало людей, настроенных в отношении украинства более или менее благосклонно, и из них сформировалась достаточно большая украинская фракция, которая могла бы сыграть немалое значение в дальнейших совещаниях Думы. Но Думу распустили раньше, чем эта фракция соответственно подобралась — из людей преимущественно мало знакомых с украинскими делами, которые лишь здесь, в Думе, имели возможность серьезно задуматься над нуждами украинской жизни. Сознательные украинцы, которые составляли основу фракции, стояли на позициях кирилло-мефодиевских традиций, принятых современными украинскими организациями. В своей декларации, опубликованной тогда же, они заявляли, что принимают федерацию как наиболее соответствующую форму государственного устройства, а в данный момент добиваются национально-территориальной автономии для Украины и для других национальных территорий России — краевого украинского сейма и связанных с ним органов администрации и контроля, с широкими правами в законодательстве, в управлении финансами и краевым земельным фондом, организации образования и дел духовных, общественной безопасности и экономических средств. Программа эта, однако, не могла быть сколько-нибудь развита перед Думой, поскольку и вынесена была незадолго до ее роспуска. То же самое повторилось во II Думе, век которой был тоже коротким: украинская фракция еще не вышла из

организации, а Дума уже была распущена. Ну а в III Думу, созванную на основании нового избирательного закона, крестьянство уже не могло послать самостоятельно избранных депутатов, и украинское село — единственный элемент, на который можно было возлагать надежды, осталось, собственно, без представителей. В результате за все десять лет думское законодательство не дало украинской жизни ничего. Даже для введения украинского языка в народной школе в III Думе не нашлось большинства, как для некоторых иных инородческих школ.

В этом отразилась неблагоприятная настроенность в отношении украинства правительственных кругов, занявших враждебную украинскому национальному движению позицию. После принятия избирательного закона 1907 года (на то сознательно и направленного), они всегда имели в Думе правительственное большинство и имели возможность влиять на думское законодательство. В украинском вопросе это было тем легче, что и консервативные, и либеральные, и даже социалистические круги российские к украинству относились очень неприязненно, и элементы, сколько-нибудь благосклонные к национальной свободе, гибли без следа в этой в целом неблагоприятной массе. Собственно, тот провал украинского языка в народной школе и в управленческом (судебном) употреблении показал это очевидно: право народного языка в школе признано за поляками, литовцами, латышами, эстами, татарами, мелкими кавказскими народами, но украинцев и белорусов от этого права отлучили (1910).

Таким образом, развеялись надежды тех, которые после манифеста 17 октября думали, что с развитием конституционной жизни в России украинская жизнь сможет развиваться свободно и правильно. Но она, хотя и встречая страшные преграды, все-таки непрестанно развивалась. Десятилетие 1905—1914 годов, несмотря на все разочарования, запреты и гонения на украинство, отмечено было значительным прогрессом, принесло важные и ценные достижения, которые глубоко врезались в жизнь и не могли быть вырваны из нее никакими запретами и гонениями, потому, собственно, что завоеваны были наперекор всяким запретам и преградам. Украинская пресса, которой открыл дорогу манифест 17 октября: газеты «Хлібороб», «Громадська думка» (впоследствии переименованная в «Раду»), «Рідний край», «Село», «Засів», «Рілля» и многие другие, журналы «Вільна Україна», «Нова громада», перенесенный из Львова в Киев «Літературно-науковий вістник», «Українська хата» сде-

лали свое важное дело, несмотря на все бичи и скорпионы административных и судебных наказаний, на всяческие препоны для их подписки и распространения. Эта пресса объединила и связала в одно гражданское целое рассыпанные атомы украинской интеллигенции, выдвинула перед ней основные политические, общественные и национальные требования украинской жизни, а наряду с ними впервые были серьезно поставлены и экономические задачи. Основание «Украинского научного общества» (1907), объединившего в своих изданиях украинские научные силы в разных областях знаний, обозначило требование полноты украинской культуры — не в каком-нибудь «домашнем обиходе» прежнего времени, а во всех областях культурной жизни. Seriously обоснована потребность в украинской школе.

Самые большие преграды встретились на пути распространения образования и практических знаний в народных массах; «Просвіти», которые организовывались для этой цели в разных городах, в одних местах не разрешались, в других закрывались и вскоре были убиты почти повсеместно. Но популярная литература, которая значительно развилась за это время, охватила широкие народные круги, — и это вскоре себя показало.

130. Перед войной

Русская революция 1905 года была большим праздником мировой свободы. Весть о ней, как электрический ток, прошла всюду, поднимая и делая более смелыми сторонников политического и социального освобождения. За революцией русской пошла турецкая, китайская, персидская. Казалось, мир шагает быстрым шагом в края свободы и справедливости. Но эти успехи освободительного движения подняли на ноги и всех его врагов, пробудили их к объединению и решительным мерам. И эту реакцию с особой силой пришлось почувствовать на себе украинскому народу как в России, так и в Австрии.

На австрийских отношениях русская революция сказалась очень сильно. Она подняла на ноги все демократические, социалистические, национально-оппозиционные элементы во всей Австро-Венгрии. Выпало это на время обострения между Австрией и Венгрией, призывы демократические и социалистические перепутались с политическими и национальными. Общее волнение вылилось в большое движение за реформу избирательного права на основе всеобщности, равенства, непосредственно-

сти и тайности (четырёхчленная, или «четырёххвостная», формула). Развернулась бурная агитация в разных краях; в том числе очень сильно в Галиции, в украинской среде. Украинцам эта реформа давала надежду сломить господство польской шляхты и буржуазии, которое прежде всего держалось на привилегированном положении этих польских элементов в избирательном праве. Под впечатлением русской революции консервативные круги считали необходимым пойти на уступки. Старый император дал свое согласие на реформу выборов в парламент, она была принята. Но реформу избирательного права в сеймы оставили самим сеймам. Да и проведение парламентской реформы влиятельные партии немцев и поляков постарались обставить так, чтобы она как можно меньше повредила их национальному и классовому господству. Принцип равенства исказили немилосердно при выкраивании избирательных округов и распределении мандатов: украинские округа специально сделали большими, польские маленькими, — так что украинец в конце концов получил лишь полголоса вместо полного голоса.

Это очень охладило людской пыл, и действительно: «первый народный парламент», созванный в 1907 году на основе этих новых «общих и равных» выборов, продемонстрировал полный крах всех надежд, возложенных на реформу. Национальные меньшинства, хотя и значительно увеличенные, остались в том же печальном положении групп, фактически лишенных всякого влияния и голоса в законодательной работе. Решение социальных задач, которые стояли перед парламентом, безнадежно тормозилось национальными спорами. Украинское представительство, хотя и значительно выросшее, осталось бессильным против объединенных на национальной почве (в «польском кругу») польских партий и групп. Господство в Галиции осталось за польской буржуазией; польские национал-демократы, победив после последней реформы шляхту, внесли в национальные отношения еще большее напряжение. Национальная вражда дошла до крайних проявлений. Такие факты, как убийство галицкого наместника Потоцкого украинским студентом М. Сичинским, который хотел таким образом отомстить за политические обиды своего народа (1908), или кровавая перестрелка украинских и польских студентов во Львовском университете (1910), отражали степень этой враждебности.

Парламентские украинские лидеры под влиянием горького опыта и разочарований вскоре становятся большей частью на путь оппортунизма. Ищут взаимопонимания с правитель-

ством, оно же каждый раз выдает их полякам, и это в конце концов, несмотря на крайнюю непопулярность соглашательской политики с поляками среди украинских граждан, приводит галицких и буковинских политических лидеров к компромиссам с польской гегемонией. Почвой для них послужили переговоры о реформе выборов в сейм и вообще представительства в нем: без согласия польского большинства его нельзя было провести, и после длительных, бурных споров, обструкции и оппозиции украинские политические лидеры пошли на решительные уступки. После затяжных и досадных торгов в феврале 1914 года (14.ІІ) пришли к соглашению. Украинцы отступили от своего принципиального требования, чтобы Галиция была поделена на две части, украинскую и польскую, и чтобы вместе с тем были разделены сейм и высшие краевые органы (как-то краевой отдел, школьный совет и тому подобное). Они отложили этот вопрос, а ныне признали единство сейма и в этом сейме удовлетворились ролью меньшинства: согласились на такое распределение мандатов, при котором на украинцев приходилось 27%, а остальные достались полякам (вместе с евреями), и в высших краевых органах они добились для себя только увеличения представительства соответственно той же пропорции.

Это должно было увеличить в данный момент влияние украинцев в краевой управе, но в принципе это была капитуляция украинского элемента перед польским, признание последнего хозяином края, и принятие такого неприятного для народного самосознания политического курса привело к снижению украинской политической активности. Оно прослеживается в это время весьма четко. Основная национально-демократическая группа, которая после присоединения к ней части радикалов стала господствовать безраздельно в здешней политической жизни, взяв в свои руки главные органы прессы, экономические и финансовые институты, вообще больше внимания обращала на то, чтобы удерживать в послушании и зависимости граждан, чем на развитие их политической сознательности и самодеятельности. С другой стороны, неблагоприятно влияла острая национальная борьба, в пылу которой в конце концов терялись и основные принципы, и всякие моральные нормы, призванные регламентировать методы борьбы. Методы или, лучше сказать, приемы этой борьбы, выработанные в польских шляхетско-бюрократических кругах, перенимались украинскими политиками с весьма сомнительной пользой для украинской жизни. Идеи, культурные интересы отступали перед

всякими «реальными» политическими и партийными расчетами, и тот культурный подъем, который поставил Галицию в центре украинской жизни в предшествующем десятилетии, быстро спадал в эти годы. Угасает книгоиздание, отходят на второй план научные интересы, и их не возмещают успехи экономических организаций, кооперативов, банков; во всяком случае для той роли, которую Галиция играла до сих пор в жизни всей Украины, они давали очень мало или совсем ничего.

Само по себе раскрепощение Украины уменьшало эту роль, а это ослабление культурной жизни в Галиции еще больше ускоряло снижение интереса к галицкой жизни на Украине. С появлением прессы, журналов, культурных организаций на российской Украине совершенно естественно к ним возвращались те силы, которые раньше искали себе применения в Галиции. Однако вместе с тем утрачивают для украинцев интерес и сами по себе галицкие издания, галицкие отношения, галицкая политика из-за того, что беднеет их принципиальное содержание, и галицкие силы в дальнейшем начинают искать себе применения в российской Украине. На украинских изданиях 1907—1914 годов это было видно достаточно выразительно, особенно на примере перенесенного из Львова в Киев «Літературно-наукового вістника».

Несмотря на все препятствия и трудности, которые встречало на своем пути украинское национальное развитие в России в этот период, украинская жизнь билась тут сильно — может быть, тем сильнее, что только что раскрепощенная, выпущенная из подполья национальная энергия встречала столько преград на каждом шагу. Правительственная реакция, которая началась буквально на следующий же день после опубликования манифеста 1905 года, давала себя знать на примере украинства особенно явно. Не упоминая о всевозможных административных репрессиях менее значительных, стоит отметить наиболее принципиальные, декларативные выступления правительственных органов в этой сфере. Такой характер имело подтверждение сенатом (1908) постановлений полтавского присутствия, которое отказало в регистрации «Просвітам» на том основании, что помощь культурно-просвещенческому развитию местного украинского общества скрывает в себе сепаратистские намерения. Эту точку зрения развил впоследствии прославленный циркуляр министра внутренних дел с января 1910 года, который, вопреки всем официальным теориям об «одинаковости русского народа», причислил украинские организации к «инородческим», наравне с еврейскими, и предписал местной

администрации не разрешать всяких таких организаций независимо от их целей - «потому что объединение на почве национальных интересов ведет к усилению национального взаимоненавистности».

Наконец рапорт того же министра (Столышина) по поводу отказа регистрации одного украинского товарищества в Москве в феврале 1911 года дал подробную мотивировку этому правительственному курсу, связав его со старой «исторической задачей российской государственности — борьбой с движением, в нынешнее время прозванным украинским, которое несет в себе идею возрождения старой Украины и устройства малороссийской Украины на автономных национально-территориальных основах». Правительство, таким образом, признавало полную историчность украинского движения, вопреки всем разговорам о том, что это движение возникло как выдумка кучки фантазеров, но все-таки становилось против него на позиции абсолютно враждебные и, не пытаясь различать, где в нем заканчиваются культурно-национальные задачи и где начинаются политические, считало своей задачей уничтожать все различия, которые разделяют «восточнославянские народности»!

Придерживаясь этих инструкций, местная администрация начала в последние предвоенные годы подлинные гонения на украинские организации, на украинское слово. Запрещались совершенно безосновательно «Просвіти», где они еще существовали, украинские клубы, лекции, концерты, афиши, объявления, вывески, арестовывались библиотеки, книги на складах, такие как «Кобзарь», как украинское Евангелие, изданное синодом, и тому подобное. Возвращаются курьезы «недавних добрых времен» после указа 1876 года — в Полтаве, например, велено убрать из витрин книжного магазина книгу «Українська граматика», чтобы не агитировала прохожих; приказано исправить на вывеске школы им. Котляревского ее название на русское, выбросив і и ь; названия украинских пьес на афишах предписано давать в русском переводе, так что вместо «Пошились у дурні» однажды появилось «Записались в дураки», и т. п.

Все эти курьезы, мелочи и серьезные удары — вроде введения огромной пошлины на зарубежные украинские издания, которая фактически закрыла дорогу в Россию украинским книгам, изданным за границей, вроде запрещения одной из важнейших организаций — киевской «Просвіти», вроде закрытия киевского Товарищества грамотности и конфискации его «Народного Дома» и др. — не производили на общество и тени того гнетущего впечатления, как репрессии 1870—1880-х годов. Ре-

волюция и раскрепощение украинского слова уже сделали свои глубокие перемены в настроениях и сознании общества и широких масс, и поворот к старому, видимо, был невозможен. Это ощущалось, очевидно, и самой администрацией, которая до самой войны не решалась объединить и свести в одну систему все эти новые репрессивные меры, и они, при всей своей беспардонной наглости, оставались разрозненными выпадами. Украинская жизнь не слабела и не спадала. Напротив, на общем фоне все-российской реакции и спада революционной волны, по сравнению со снижением гражданской активности, которое давало себя знать в эти годы среди российского гражданства, украинское движение с его неослабевающей волей к развитию и борьбе становилось явлением все более ярким и заметным. В водовороте российской революции 1905 года украинское движение казалось мелким провинциализмом, который должен был, думалось, со временем утонуть и раствориться в российском море. Теперь российская реакция оценила его силу и значение, и с ним начинают считаться как с явлением серьезным и глубоким. В прогрессивных российских кругах начинает меняться отношение к национальному движению вообще: наиболее внимательные и чуткие люди начинают осознавать всю неверность взглядов на национальную борьбу как силу реакционную и задумывают ввести эти идеи в круг тех элементов, на которые опирается российское освободительное движение, оживить его угасающую энергию революционной энергией борьбы национальной. С другой стороны, на силу и значение украинского движения начинает обращать внимание российская интеллигенция на Украине (из партии народной свободы, кадетов). На этой почве в 1912—1914 годах дело доходит до организованного контакта между прогрессивными российскими партиями и украинцами (Товариществом украинских прогрессистов. В эти годы, после того как две Думы закрылись для украинского общества и партийные организации утратили свою цель, Товарищество осталось одинокой представительской украинской организацией). За год до войны организовался Союз автономистов-федералистов из представителей негосударственных народов России, которые стоят на позициях национально-территориальной автономии; в нем принимали участие федералисты, великороссы, а определяющую роль играли украинские представители. Установилось взаимопонимание между той же украинской организацией (ТУП) и думскими фракциями трудовиков и кадетов, которые обязывались предъявлять и поддерживать украинские требования в сфере культурно-национального самоопределения. Это взаимопонима-

ние нашло отражение в думских дебатах по поводу запрещения празднования в Киеве 100-летия со дня рождения Шевченка (февраль, 1914). Лидеры прогрессивных групп Думы выступили с программными речами по украинскому вопросу, впервые разгорелись серьезные дебаты, и это произвело такое же впечатление, как и грандиозные манифестации в Киеве в шевченковские дни по поводу тех запретов. Украинство впервые обнаружило свою силу и влияние в России.

131. Уничтожение украинства во время войны

Этот явный рост украинской силы сильно раздражил врагов украинства в польских, а также и в российских кругах, и они только ждали своего часа, чтобы расправиться с ним. Давно ждали они случая, когда дойдет до войны между Россией и Австрией, которые после присоединения к Австрии Боснии стояли друг против друга в большом напряжении. Киевские черносотенцы, раздраженные шевченковскими манифестациями, грозили, что, как только начнется война, будут вешать украинцев на фонарных столбах, и всячески подталкивали правительство к жесточайшим действиям в отношении украинства. В Галиции бестолковые процессы, начатые правительством против москвофилов, дали повод выместить весь гнев на украинцах, с которыми только что как будто бы достигли согласия. Когда грянула война, польская администрация Галиции, используя военное положение, начала формальные гонения на украинскую интеллигенцию. Начала как будто с москвофилов, однако потом стала без разбора хватать всех, доказывая словами высокого чиновника, что между москвофилом и украинцем такая же разница, какая между жидом и израелитом. Без всякого повода, как будто по подозрению в политической неблагонадежности, ловили, арестовывали, высылали всех, с кем имели давние счёты, а позднее, когда среди всеобщей паники исчез всякий законный контроль, как уверяли упорные слухи, даже вешали без суда и следствия.

В Украине российской гонение на украинство велось еще более спланированно и систематически, уже с самого начала войны, а с еще большей энергией началось оно, когда российское войско заняло Львов и всю восточную Галицию. У всех врагов украинства появилась твердая надежда и даже уверенность, что теперь можно будет задушить украинство до основания — в са-

мой его колыбели, которой считали они Галицию, и на всей Украине российской. «Конец украинству!» — таков был лозунг российской администрации. До сих пор она не решалась во всей полноте последовать советам черносотенцев в отношении искоренения украинства, — теперь же более не колебалась.

Сразу же с началом войны были закрыты все политические украинские издания. Арестованы и высланы — тоже без всяких оснований — целый ряд украинских деятелей. Киевская цензура с давними врагами украинства во главе, пользуясь тем, что разрешение на всякие издания перешло к военным, объявило, что на украинские издания разрешение будет даваться только тогда, когда они будут печататься общерусским правописанием. Это незаконное возобновление указа 1876 года привело к тому, что не запрещенные еще неполитические издания также перестали выходить и у них были отобраны свидетельства на издание.

Были произведены конфискации и начаты процессы против разных авторов совсем невинных произведений, и таким образом была совершенно прекращена всяческая литературная и издательская деятельность в Киеве. Редакторы, издатели пытались перенести ее куда-нибудь за пределы досягаемости киевской администрации и киевских цензоров, но всюду их встречали если не полные и абсолютные запреты сразу, то разные неожиданности, такие, например, как одесское требование, чтобы в цензуру были присланы на рассмотрение рукописи в трех копиях, в противном случае издание конфисковывалось и типография закрывалась уже по выходе первого номера. Подобные выходы были зловреднее категорического запрета, ибо из-за них люди напрасно тратили время, силы, средства, тешась надеждой наладить издательскую работу, и следовавшее крушение этой надежды еще более дезорганизовывало работу. Наивысшего расцвета эта лукавая система достигла в начале 1917 года, за несколько недель до революции, когда киевская администрация дала типографиям секретное распоряжение вообще не принимать и не печатать ничего украинского, каким бы то ни было правописанием!..

В то время, когда украинская жизнь в России искусственно разрушалась, прекращалась, замораживалась всеми этими способами, галицкая жизнь уничтожалась еще более грубо, насильственно и варварски. Через несколько недель после взятия Львова, с осени 1914 года новая здешняя российская администрация, с графом Бобринским во главе, стала развивать свою программу ликвидации всех завоеваний украинской культурной жизни в

Галиции. Были приостановлены все украинские периодические издания, закрыты книжные магазины, библиотеки, а затем все украинские товарищества. Посыпались аресты и высылки в Россию «неблагонадежных» и «подозрительных» украинских деятелей. Делопроизводство и обучение на украинском языке прекратилось. Стали приниматься меры для замены унии российским православием. Где не было на месте украинского униатского священника — вывезли его или сам выехал, — туда посылали православного, а где были священники на местах, их призывали переходить в православие или добивались от сельских общин постановления о назначении православного священника. Российская администрация, официальными советниками которой стали галицкие москвофилы, а неофициальными поляки, встала на ту позицию, что в Галиции должны быть вполне признаны права польского населения, но украинцам и евреям не может быть никаких льгот: для них должны быть только русский (великорусский) язык, российская культура. В таком духе сделал заявление граф Бобринский во время своего приезда в Россию весной 1916 года после последнего российского триумфа в Галиции — взятия Перемышля, которое, как тогда казалось, решительно закрепляло присоединение Галиции к России.

Проведение в жизнь этой разрушительной программы обостряло ситуацию еще больше благодаря методам, которыми эта программа осуществлялась. Как потом признали российские официальные круги, Галиция в период оккупации оказалась в руках всякой полицейской и чиновничьей сволочи, присланной сюда на исполнение должностей, а она, пользуясь военным положением, делала, что ей заблагорассудится: не только буквально грабила дома и людей, издевалась над украинским и еврейским населением, но и вносила лепту в разрушение украинской жизни, ее культурных сил. Местами, например, поголовно высылались украинские священники или вся интеллигенция, массово — самые сознательные крестьяне и мещане. Всех их самым нечеловеческим способом хватали в чем застали, арестовывали, волочили по тюрьмам и этапами высылали в Сибирь, без различия — женщин, детей, стариков, больных и калек. Сколько таким образом взято и уничтожено людей — неимоверно. Один киевский украинский комитет помощи зарегистрировал их до 15 тыс., но это, очевидно, только часть. Скитания и страдания тех людей выходят за рамки всяких представлений. Случалось, что хватали сумасшедших и глухонемых и их «для счета» посылали в Сибирь взамен тех, кто

успел откупиться от своего опричника. Бесчисленное количество людей умирало в тех ссылках.

Украинская Галиция была действительно уничтожена за тот год российской оккупации, 1914—1915. Когда весной того же года немцы начали свое наступление на Закарпатье и российским войскам пришлось отступить, российские власти, покидая край, еще на прощание вывозили целыми партиями, кого успевали схватить. Выезжали также все, кто боялся возврата польской администрации, немецких и венгерских войск, которые, не разбираясь в местных отношениях, не умея отличить местного русина от врага-россиянина, вели себя на галицкой Украине, как во вражеской стране. Ехали и те, которые купились на посулы российских демагогов, обещавших им землю и деньги в России и соблазвивших тем десятки тысяч галицких крестьян. Потом, когда немецкое войско подступило к российской границе, пришла беда на пограничные украинские земли России — Холмщину, Подляшье, Волынь, Подолию. Военная власть российская принялась насильно, вооруженными угрозами выселять украинцев в глубину России. Страшным и невероятным было это опустошение, какого Украина не знала, пожалуй, со времен руинного «Сгона» 1670-х годов.

Люди шли и гибли дорогой, пропадали их скот и имущество. Не спрашивая, сажали их в поезда, донельзя набивая вагоны, и везли куда-то в Казань, Пермь или за Урал. Очевидцы рассказывают страшные вещи. Мне самому рассказывал очевидец, врач в Москве, как, принимая такие «беженские» (по существу, выселенческие) поезда, он видел товарные вагоны, набитые одними только детьми, до единого умершими или помешавшимися. Итак, со времен великой Руины XVII в. Украина не переживала такого опустошения и руины. И вина за последствия ложится тем большим грехом на всех, кто довел до этого, еще и потому, что тут было много не только грубости и непонимания, но и злого умысла против украинцев, начиная с тех, кто собирался, пользуясь войной, уничтожить весь культурный украинский потенциал, и заканчивая теми, кто собирался опустошенные эти территории заселить польскими поселенцами для закрепления своего польского элемента.

Не оставили их в покое даже в ссылках. В местах ссылок не позволяли учреждать украинских комитетов для оказания помощи украинским беженцам и выселенцам украинскими же силами. Не давали объединять украинских беженцев, украинских детей в особые группы, особые колонии. Не разрешали организовывать украинских школ для них, так как организовыва-

лись польские, литовские, латышские и т. п. Галицкие ссыльные и пленные оставались, как правило, под спекой польских уполномоченных, и даже в глухих углах Заволжья и Сибири чувствовали они на себе эту «братскую руку».

Памятуя свой недавний союз с левыми фракциями Думы, российские украинцы пытались найти здесь какую-нибудь защиту. Напрасно! «Внутреннее согласие» по общей линии, принятое в России с учетом заграничной войны, развязывало руки правительству, действовавшему как бы в интересах ее успеха. Когда министр иностранных дел Сазонов в начале 1915 года повторил с думской трибуны мерзкую ложь о том, что украинское движение в России организовалось на немецкие деньги, никто из украинских «союзников» не выразил своего протеста против этого подлого поклепа. Все напоминания о незаконных репрессиях, все материалы о страшных российских разрушениях в Галиции, которые пересылались им, принимались в основном с платоническим сочувствием и сдавались в архивы. Потому что даже ближайшие приятели украинцев придерживались того мнения, что в данный момент нельзя создавать правительству никаких трудностей по поводу таких сравнительно незначительных вещей, как гонения на украинцев. Враги же украинцев правых и либеральных кругов (как известный профессор Струве и др.) спешили сделать все, чтобы уничтожить их навсегда и привалить камнем.

Как только начались черные дни для российского войска, пришлось оставить Галицию, и появились подозрения, что украиноненавистническая политика в Галиции в немалой степени причастна к провалу этого «воссоединения подъяремной Руси», — тогда великорусские граждане припомнили все российские мерзости в Галиции. Во время краткой сессии Думы, созванной в первую годовщину войны (19 июля), было сказано немало сильных слов по этому поводу, и в частности, что российское правительство «оттолкнуло родной нам украинский народ и затмило светлый лик великой освободительной войны» (из речи Милюкова). Вспомнили и о российских репрессиях, внесен был и даже принят вопрос правительству о них. Украинские граждане именно к тому времени напомнили обо всех бичах и скорпионах, которые на них обрушились, и как о минимальной потребности своей жизни еще раз поставили вопрос о введении украинского языка в народной школе. Прогрессивные российские партии, которые учредились в августе 1915 года, включить в свою программу это требование не отважились, но все-таки признали необходимым «возобновление малороссийской печат-

«немедленный пересмотр дел арестованных и высланных жителей Галиции». Но сессию прервали, порыв прошел, украинский вопрос снова сошел с повестки дня. Российское правительство еще полтора года уничтожало украинство, все усиливая свои репрессии, а российские прогрессивные фракции не подали больше голоса против них.

А между тем, как безнадежно усиливалось это уничтожение украинства в России, новая смертельная угроза нависла над несчастной Галицией. Долгие, бесконечные торги между Германией и Австрией о дальнейшей судьбе польских земель летом 1916 года закончились полной победой немецких интересов в этом деле. После того как Германии пришлось еще раз спасти Галицию от весеннего брусилковского прорыва, королевство Польское было отдано в полное распоряжение Пруссии. Вопреки этому австрийская Польша должна была остаться вне этого королевства, и для утешения своих поляков австрийское правительство решило дать им награду в Галиции — исполнить их давнее желание о расширении галицкой автономии до такой степени, чтобы центральное правительство и парламент не имели никакого влияния на внутренние дела Галиции, не могли контролировать ее польской управы, а украинцы не имели никакого выхода на центральные органы. В день провозглашения независимой Польши, по старому стилю 23 октября 1916 года, император Франц-Иосиф своим рескриптом поручил премьеру кабинета подготовить законопроект о расширении автономии Галиции до пределов, которые только можно согласовать с принадлежностью последней к Австрии. Как это разъяснялось в официальных кругах, Галиция в ее нынешнем украинско-польском составе должна была занять фактически положение самостоятельной державы — почти такое же, как возобновленное Польское королевство займет по отношению к Германии, чтобы галицким полякам не было завидно.

Этот рескрипт был страшным ударом для галицких украинцев, и особенно для их политических лидеров, которые в начале австро-русского конфликта взяли весьма лояльную ориентацию, надеясь своим австрофильством затушевать все прежние австрийские поклепы и, превзойдя поляков в австрийском патриотизме, раз и навсегда избавиться от того польского давления, под которым до сих пор держало австрийское правительство своих украинцев. Они призывали своих сограждан всеми силами поддержать Австрию в ее борьбе с Россией, ибо, как утверждали эти лидеры, победа над царским деспотизмом принесет украинцам освобождение. Им вторили украинские

эмигранты из России, которые выехали еще после революции 1905 года, спасаясь от различных процессов, убегая из ссылок и т. д. Они учредили Союз освобождения Украины, поставив перед собой задачу организации в украинском духе тех украинских областей, которые будут оккупированы австро-германскими войсками, и национально-политического просвещения тех украинцев, которые попадут к ним в плен. Галицкие украинцы в определенной степени откликнулись на эти призывы, особенно в начале войны. Вступали добровольцами в сечевые дружины, организовывавшиеся по образцу польских легионов. В свою очередь эти дружины брали на себя организацию оккупированных украинских уездов. Всеобщая Украинская Рада, созданная весной 1915 года из всех тамошних партий, в том числе и из Союза освобождения Украины, поставила правительству условие, чтобы из этих украинских уездов была составлена отдельная губерния украинского характера, чтобы Холмщина ни в коем случае не была присоединена к Польше, чтобы в Галиции и Буковине украинские области были выделены в отдельную автономную провинцию.

Эти требования сталкивались с мощным противодействием поляков, которые умели держать под своим влиянием и военные власти, и так, например, свели на нет все усилия украинских организаций по-украинизации Холмщины и мало что оставили из предпринятых мер в оккупированных частях Волыни. Украинские политики все-таки старались поддержать в гражданах надежду на смену курса после войны. По этому поводу получили какие-то обещания от премьера Штирка (убитого потом), уповали на влияние немецкого правительства на австрийское. Однако рескрипт о расширении галицкой автономии прогудел как погребальный звон по всем этим надеждам и свел на нет всяческие основания для какой-либо австро-германской ориентации.

Старый император, правда, вскоре умер. Но его преемник заявил, что считает дело автономии Галиции своим делом. Этот проект в своих интересах поддерживали также и некоторые немецкие партии. Над Галицией навис грозный меч. И только российская революция убрала с горизонтов австрийских украинцев эту грозную перспективу.

132. Российская революция и освобождение Украины

Гонения на украинство достигли своего апогея, когда в шев-

ченковские дни в Петербурге произошли революционные столкновения.

Украинское петербургское общество играло в них немаловажную роль. Украинские революционеры, которые отыскивали дорогу в учебную команду одного из запасных гвардейских полков, дали первый толчок для революционного взрыва, а в развитии событий украинские солдаты и рабочие сыграли первоочередную роль. И когда весть о падении царизма разносилась по России и Украине, украинские организации воспринимали ее как благовестие нового, подлинного раскрепощения — освобождения Украины.

Старая организация украинских прогрессистов (ГУП), которая продолжала свою деятельность и поддерживала связи в своей сети на протяжении всего лихолетья (от нее исходили, собственно, все организованные украинские выступления тех лет), выйдя из подполья, проявила инициативу в создании национального органа в Киеве в первые дни марта. По согласованию с разными киевскими кружками и группами такой орган и был учрежден под названием Украинской Центральной Рады; туда вошли представители партийных групп, кооперативов, рабочих, военных, культурных и профессиональных организаций для сплочения украинского гражданства независимо от партийной и групповой принадлежности, с целью добиться от правительства установления широкой национально-территориальной автономии в Российской федеративной республике.

Задача эта была нелегкой при недостаточных возможностях украинской прессы. После всех произошедших погромов и полного расстройтва печати, вызванного войной, украинская пресса возрождалась постепенно, с конца марта (начиная возобновленной «Новой Радой», затем социал-демократической «Робітничою газетою», еще позднее, уже в мае, крестьянской «Народною волею» и разными более мелкими изданиями). Из-за такой неорганизованности украинской прессы оповещение украинских граждан о политических задачах данного момента шло весьма неудовлетворительно — через прессу российскую, почтой и телеграфом — очень неаккуратным в то время. Однако граждане были так насторожены, что с полуслова принимали всякие политические и организационные лозунги. Первые сообщения об учреждении в Киеве Центральной Рады послужили сильным толчком для организаций провинциальных, которые заявляли Центральной Раде, что признают ее своим верховным и руководящим органом, временным украинским национальным правительством, просят принять в свой состав их представителя и

дать указания относительно работы на местах. Для того чтобы выяснить степень национального самосознания масс, украинская Центральная Рада назначила в Киеве на 19 марта проведение национальной манифестации, которая прошла величественно и явно продемонстрировала, что украинство вовсе не является принадлежностью какого-нибудь кружка интеллигентов, а действительно широко пошло в массы. На вече во время проведения этой манифестации были приняты принципиальные постановления: автономное устройство должно быть введено на Украине немедленно, затем соответствующие документы должны быть поданы на утверждение в Российское учредительное собрание, а Временное российское правительство обязано сразу же издать декларацию с признанием необходимости широкой автономии Украины, — чтобы прочно связать интересы украинского народа с интересами нового строя.

За этой манифестацией последовали большие съезды представителей со всей Украины. Ряд их открылся на Благовещенье съездом ТУП, который взял название Союза автономистов-федералистов. Потом на Пасху состоялся учительский съезд, а 6, 7, 8 апреля — украинский национальный — съезд, созванный Центральной Радой, чтобы провести новые выборы, придать Раде характер настоящего представительства всего организованного украинского народа и утвердить его политическую платформу. Двери съезда были распахнуты широко, принять участие в съезде дали возможность всевозможным объединениям, организациям и учреждениям, которые считали себя украинскими. Незвзирая на трудные условия, в которых приходилось созывать этот съезд, был он многочисленным и интересным. Он собрал около 900 представителей с правомочными мандатами, множество крестьян и солдат и заложил прочные основы для дальнейшего благоустройства Украины. Новая Центральная Рада состояла из представителей от губерний, от военных, крестьянских и рабочих организаций; от культурных и профессиональных партий и товариществ. Программа этой организации вначале была оставлена чисто политической: введение национально-территориальной автономии в федеративной Российской республике, сознательно обходя остальные пункты, которые могли вызвать разногласия между представителями партий и групп. Однако месяц спустя Центральная Рада признала невозможным исключение из своей программы вопросов экономической политики, учитывая планы экономической централизации, предложенные российским Временным правительством. Решено было включить в программу охрану экономических интересов края и

его трудящихся, определенные средние нормы, на которых должны будут сойтись мнения партий. Пополнение Украинской Центральной Рады представителями рабочих масс, произошедшее в начале июня, придало ей, наконец, выразительный социалистический лик, сделало органом трудящейся демократии и рядом с политическими требованиями твердо поставило требования экономико-социалистические.

Организационные задачи, поставленные Украинской Центральной Радой, программа украинизации жизни и общественного строя на Украине неожиданно для многих вызвали мощнейшие движения в войсках, которые послужили в ближайшие месяцы прекрасной закваской для украинского движения. Само по себе то, что организационная украинская волна сильнее всего прокатилась в военных кругах, отнюдь не было чем-то неожиданным — в войсках вообще собрался самый цвет, сама сила граждан, и в российской революции в целом войска проявили себя наиболее активно. Еще более неожиданным было как раз то, что это движение вылилось в борьбу за формирование новых украинских войсковых частей, реорганизацию особых армий. Поводом к этому послужило формирование польских легионов, начатое при старом режиме, что самое удивительное, именно на Украине: в Киеве и на его околицах, где подобный факт не мог не задеть чувств местного населения. Новооснованное военное Товарищество им. Полуботка в Киеве выступило с проектом организации украинских козацких полков по этому образцу. Было дозволено формировать такой полк из невоеннообязанных добровольцев, однако на этот призыв стали откликаться люди из войсковых частей, а во второй половине апреля на Киевском «распределительном пункте» собралось несколько тысяч солдат, которые заявили, что отправятся на фронт не иначе, как только в виде украинского полка. Местные военные власти и демократические неукраинские организации совершенно неоправданно раздули из этого целую проблему, говоря об угрозе фронту, обороне, революции, и своими резкими нетактичными оппозиционными выпадами и угрозами только подлили масла в огонь. В войсках началось огромное движение. Одна за другой прибывали в Украинскую Центральную Раду делегации от войсковых организаций все более многочисленных, а на военный съезд, назначенный на 5 мая, прибыли представители без малого от миллиона организованных украинских воинов. Второй военный съезд, назначенный месяцем позднее, имел еще более импозантное представительство, почти вдвое большей массы вооруженного украинского народа (1736 тыс. по подсчетам), и то особенно из фрон-

товых частей, невзирая на запрет проведения съезда военным министром.

Эти съезды впервые дали представление о подлинных размерах украинского движения. Всеукраинский крестьянский съезд, который состоялся в конце мая и собрал представителей приблизительно от тысячи волостей, также имел ценность в этом смысле, он выявил ту твердую почву, на которой зиждутся политические украинские требования. Украинская Центральная Рада, выдвигая требование широкой автономии Украины, могла рассчитывать на крестьянство и войска. Вооруженный украинский народ, рассеянный по всему фронту и тылу, отстаивая свои военные требования, одновременно выразил желание поддержать Украинскую Центральную Раду в ее общеполитических требованиях и ждал от нее решительной и определенной тактики. К его голосу присоединилось крестьянство, и их голоса не могли остаться неуслышанными Центральной Радой.

133. Борьба за автономию Украины и федеративное устройство

Российская демократия и Временное центральное правительство недооценивали вышеуказанных фактов. При первых актах революционного братания они с подозрением и неприязнью отнеслись к политическим украинским требованиям, к организационной работе Центральной Радой, ее программе и тактике. Слухи о том, что украинцы созывают свой национальный конгресс, чтобы провозгласить автономию Украины и Российскую федерацию, вызвали в Киеве за день до всеукраинского съезда, на пасхальных празднествах, такое сильное напряжение в революционных кругах, что дело дошло до угроз разгона этого съезда революционными штыками. Конференция представителей неукраинских и украинских организаций, созванная по этому поводу, ослабила напряжение, но оно возрастало потом еще несколько раз. Революционная киевская пресса не раз заводила антиукраинские песни в тон черносотенной, которая неустанно вела кампанию клевет и инсинуаций против украинского движения. Временное российское правительство также прислушивалось к противникам украинства больше, чем к голосу самого украинского народа. Отношение Временного правительства к украинским требованиям диктовалось кадетами-централистами и было неблагоприятным. Все попытки найти с ним взаи-

мошонимание, предпринимавшиеся с первых дней революции, не принесли успеха.

Украинская Центральная Рада из-за этого долго воздерживалась от вступления в официальные переговоры с российским правительством. Декларация и депутация, подготовленные после киевского веча в последние дни марта, остались невысланными. Только когда Первый военный съезд подтвердил с еще большей решительностью требования киевского веча, чтобы Украинская Центральная Рада добивалась от Временного русского правительства принципиального признания автономии Украины, утверждения украинского комиссара при Временном русском правительстве и назначения комиссара на украинскую область с краевым Советом при нем, Украинская Центральная Рада решила выслать такую депутацию и передать украинские требования Временному правительству и Петербургскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Однако и Временное правительство, и Совет рабочих и солдатских депутатов отнеслись весьма невнимательно как к депутации, так и к ее требованиям. Ответ правительства по всем пунктам был отрицательным от начала до конца. Более того — правительство поставило под сомнение правомерность оглашения воли украинского народа Центральной Радой, высказало сомнения относительно украинства вообще.

Все это, случившись сразу после запрета на проведение военного съезда, вызвало всплеск самых решительных настроений на больших украинских съездах, крестьянском и военном, которые тогда проходили. Эти дни 2—10 июня стали историческими. Военные депутаты, съехавшиеся в Киев в количестве нескольких тысяч, присягали на Софийской площади, что не уедут, не дождавшись соответствующего акта. Твердо опираясь на федеративную платформу, они требовали от Центральной Рады решительных действий в отношении утверждения широкой автономии Украины. Видя такие настроения народных масс — крестьянства и войск, Центральная Рада постановила приступить независимо от русского правительства к формированию основ украинской автономии и обратилась к украинскому народу со своим Первым универсалом от 10 июня, объявляя свои намерения: «Отныне самим творить свою жизнь». Призывали весь украинский народ и все органы управления войти в теснейшие организационные сношения с Центральной Радой, охватить украинское население национальным налогом и приступить к организованным действиям по смещению с постов в местной администрации враждебно настроенных к украинству людей.

Универсал произвел грандиозное впечатление — не столько сутью распоряжений, сколько властным тоном, в котором все — и свои, и чужие — услышали голос будущей национальной власти. Когда следом за тем Центральная Рада для осуществления своей программы организовала Генеральный Секретариат, это расценили как фактическое распространение власти на всю Украину. В правительственных российских кругах под влиянием этих фактов и сведений о том, с каким воодушевлением встречает универсал украинское население, произошел резкий поворот в отношении украинского вопроса. Министры-социалисты отказались действовать далее по указкам кадетов и решили уладить украинскую проблему при помощи решительных уступок. После различных полумер — как то: обнародования весьма неопределенного обращения «К гражданам украинцам» или проекта высылки комиссии для получения информации про Центральную Раду и ее универсал — под влиянием грандиозной украинской манифестации в Петербурге победила мысль о радикальном удовлетворении украинских требований, и 28 июня в Киев прибыли уполномоченные для этого министры.

Почва для соглашения их с Центральной Радой была подготовлена переломом, наступившим в отношениях между Центральной Радой и киевскими неукраинскими революционными организациями — сближением последних с украинцами и принципиальным взаимопониманием в вопросе вступления в состав Центральной Рады. Это было то, что считалось министрами-социалистами условием признания Центральной Рады краевым органом. Препятствий для такого признания теперь не было. Выработанные министрами совместно с Центральной Радой тексты правительственной декларации и Второго универсала Центральной Рады по поводу передачи Генеральному Секретариату верховной власти на Украине были спешно приняты Центральной Радой: большинство ее считало нежелательным останавливаться на спорных подробностях, чтобы не затягивать дело. Однако неожиданно данное соглашение вызвало сильную оппозицию министров-кадетов. Когда большинство совета министров дало все-таки свое согласие, это ускорило министерский кризис — выход кадетов из правительства и переход последнего полностью в руки социалистов. Новое правительство твердо заняло позицию согласия с Центральной Радой, и 3 июня обнародовало свою декларацию, а заодно и универсал.

Украина фактически получала краевую автономию, которой надлежало только придать законченную правовую форму. Так

понимали это граждане, так понимало это правительство: министр Церетели, завершив переговоры, поздравил Генеральный Секретариат с полученной автономией. Тяжелые обстоятельства, в которых произошло получение автономии, — оголение фронта в Галиции и немецкий прорыв и натиск на Волыни и Подолье — немало повлияли на то, что все споры и недоразумения с украинцами в сфере украинской демократии были отложены в сторону, и неукраинская демократия на этой волне охотно вызвалась вместе с украинцами организовать новые органы краевой власти, согласно условиям правительства. Комитет Центральной Рады (или Малую Раду, как его еще называли) пополнили представители неукраинской демократии, с участием которых был переизбран Генеральный Секретариат, выработан его устав — «первая конституция Украины», как называли ее в порыве энтузиазма участники, и передан на утверждение Временного правительства. Это был действительно светлый и радостный момент, который внушал всем оптимизм в отношении будущего Украины. Даже зарубежные украинские организации, которые ранее, до революции, придерживались иной ориентации, теперь видели разрешение политических задач Украины там, где указывала их Центральная Рада, и поддавались ее влиянию.

Но тем временем происходили перемены в политических обстоятельствах и создавали новые трудности на этом, казалось, уже ровном и гладком пути. Частичный кризис российского кабинета, созданный выходом из него кадетов по причине соглашения с украинцами, был использован радикальными элементами с одной стороны, контрреволюционными — с другой для давления на правительство. В Петербурге поднялось восстание; задушенное здесь, оно перекинулось на фронт и имело последствием упомянутую катастрофу в Галиции. На протяжении нескольких дней была потеряна вся оккупированная российскими войсками Галиция и Буковина. Волынь и Подолье оказались перед угрозой вражеского наступления. В армии обнаружилась страшная дезорганизация, присутствие ненадежных и небезопасных элементов. Неслыханные погромы, учиненные этими войсками при отступлении, вызвали ужас и омерзение. Наступил угрожающий спад настроения. Упало доверие к революции. Явные и тайные ее враги подняли головы — а они одновременно были и завзятыми врагами украинства.

Российские социалисты не отваживались взять на себя правление и искали союза и помощи буржуазных элементов. Кадеты, вернувшись снова в состав кабинета, чувствовали себя в нем

господами, и это сразу отразилось на украинских отношениях. Когда генеральные секретари в середине июля прибыли в Петербург для установления отношений и дождались там образования нового кабинета после долгого и досадного кризиса, в этом кабинете они встретили отношение неприязненное и подозрительное. Были поставлены под сомнение рамки власти Генерального Секретариата и территория, которая должна ему подчиняться. Устав, выработанный для него Центральной Радой, был признан неприемлемым. Вместо него Временное правительство без согласования с Генеральным Секретариатом и Центральной Радой издало 4 августа свою «инструкцию», которая сильно расходилась с условиями 30 июня. Из ведения Секретариата изымались дела военные, судебные, продовольственные, дорожные, а также почта и телеграф. Власть его ограничивалась только пятью украинскими губерниями (Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Черниговской — без четырех северных уездов), и вдобавок к тому Временное правительство оставляло за собой право в исключительных случаях распоряжаться в этих губерниях непосредственно, обходя Секретариат.

Центральная Рада, созванная именно в этот момент на полную сессию, оказалась в затруднительном положении ввиду такого хода Временного правительства. «Инструкция противоречила всем ее планам и была подана убийственной критике не только украинскими, но и неукраинскими членами Центральной Рады. Она разрушала все то, что составляло насущную потребность данного момента: мощное объединение всех гражданских народных сил для того, чтобы оградить Украину от того разлада и анархии, которые поднимались вокруг нее и просыпались уже в ней самой, из-за того, что разные представители русского правительства продолжали вести враждебную украинству политику. Необыкновенно тягостное впечатление на граждан произвел расстрел Первого украинского полка при выезде его из Киева на фронт (26 июля): он был очередным следствием противоукраинской агитации, исходившей из разных темных источников.

Однако, с другой стороны, желанием не только неукраинских кругов (которые особенно горячо выступали, боясь разрыва), но и больших масс украинцев все-таки было — не разрывать в такой острый момент отношений ни с правительством, ни с российской демократией. Центральная Рада поэтому подавляющим большинством решила подать на утверждение Временному правительству тот состав Секретариата, который оно назначило своей «инструкцией», чтобы закрепить хотя бы часть по-

литических завоеваний, а тем временем позаботиться о скорейшем созыве Украинского Учредительного собрания и вообще обо всем, что могло бы заявить волю Украины в отношении ее политического устройства, территориального единства и полноты автономной власти. После долгих дебатов, в 20-х числах августа Секретариат подал Временному правительству список семи секретарей, и 1 сентября они были утверждены.

134. Украинская Народная Республика

Коалиционное правительство российское дало свое согласие на создание автономной украинской власти под давлением обстоятельств, под впечатлением контрреволюционной корниловской авантюры, в которой были замешаны некоторые его члены, вызванного ею кризиса и необычайно грозных военных обстоятельств (прорыв рижского фронта, угроза Петербургу и т. д.). Но когда ему при помощи разных маневров, как казалось, удалось подвести какой-то фундамент под свое существование (под маркой «демократического совещания», созванного в середине сентября), вся дальнейшая тактика этого правительства Керенского в отношении к Украине свелась к тому, чтобы свести на нет даже ту куцую автономную власть, которую оно признало своей же «инструкцией» и утверждением Генерального Секретариата. Оно игнорировало его в своих распоряжениях по Украине, поручило здешним учреждениям и дальше сноситься с российскими министерствами, минуя генеральных секретарей, от себя назначало высших руководителей края, не давало Генеральному Секретариату никаких возможностей для организационной работы, оставляло без внимания все его заявления и представления, тормозило его организационные мероприятия. Российский сенат, этот всеми забытый остаток старого устройства, пожелал напомнить о себе, отказавшись обнародовать инструкцию Генерального Секретариата, и формально это должно было лишить ее обязательного значения. Наконец это правительство задумало поднять руку на самое существование Генерального Секретариата и Центральной Рады. По случаю программы деятельности, предложенной Генеральным Секретариатом Центральной Раде, где Генеральный Секретариат, между прочим, упоминал о том, что он в ближайшее время возьмется за подготовку Украинского Учредительного собрания, правительство Керенского попробовало поставить это Украинское Учредительное собрание и вину Генеральному Секретариату и Центральной Раде. Киевскому прокурору поручено взяться за рассмотрение этого дела и

принять против Генерального Секретариата и Центральной Рады меры наказания, а заодно вызвало генеральных секретарей в Петербург для объяснений по делу.

Это вызвало необыкновенное возмущение среди украинского населения и настроило весьма решительно его представителей, которые тогда, в 20-х числах октября, собрались на Третий военный съезд и полную сессию Центральной Рады. Однако неожиданно обстоятельства резко переменились. Коалиционное Временное правительство пало во время восстания, поднятого в Петербурге социал-демократами большевиками, а организованное ими правительство (Совет Народных Комиссаров) не находило признания ни в армии, ни в гражданском обществе. Российская республика впала в длительную анархию, области ее фактически отделились и вынуждены были жить своей жизнью и своими методами бороться с той разрухой, которая воцарялась под большевистскими призывами типа: «Вся власть Советам!» (Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). Агенты коалиционного правительства в Киеве сначала, обвинив Центральную Раду, что она держится большевиков, хотели было заодно разбить и большевиков, и украинцев, напустив на них свои войска — козаков, чешские дружины, юнкеров и так далее. Это им не удалось, интрига раскрылась, представители старого правительства и те части, которые их держались, вынуждены были оставить Киев. И тогда в большевистских кругах появилось намерение свергнуть Центральную Раду по причине, дескать, ее буржуазности, осуществив это путем переизбрания и передачи всей власти на местах Советам рабочих и солдатских депутатов. Киев и вся Украина к концу октября оказались в угрожающем положении между этими двумя враждующими лагерями. В Киеве и других городах происходили вооруженные столкновения. Призрак кровавой усобицы навис над краем.

В этой ситуации создание единой сильной власти в крае стало насущной потребностью. Такие резолюции и были вынесены Центральной Радой, но этого было мало: единственной возможностью утверждения этой власти было подведение под нее государственного фундамента. Генеральный Секретариат не мог дольше висеть в воздухе как орган какого-то центрального правительства, которого не существовало — и не было даже надежды на его создание. Он должен был стать правительством Украинского государства. В этом направлении решительно высказался, уже в последних числах октября, военный съезд. С этого времени вопрос дебатировался во фракциях Центральной Рады, кото-

рые и сошлись во мнении, что Украинская Республика действительно должна быть провозглашена немедленно, но провозглашение не может ограничиться формальностью — одновременно должен быть вполне раскрыт демократический и социалистический характер обновленного Украинского государства. По соглашению фракций украинских социал-демократов и эсеров был выработан проект Третьего универсала Центральной Рады, который и был с некоторыми поправками принят и провозглашен Центральной Радой 7 ноября.

Он провозглашал Украинскую Народную Республику и вместе с тем уничтожение частной собственности на землю сельскохозяйственного значения, введение восьмичасового рабочего дня, контроля за продукцией, меры по установлению мира, амнистии за политические выступления, отмену смертной казни, реформу судопроизводства и административной власти, введение национально-персональной автономии для неукраинских народностей. Это была грандиозная программа, к осуществлению ее, по крайней мере частично, приложили усилия Центральная Рада и Генеральный Секретариат, сообщая принимая меры к тому, чтобы провести выборы в Украинское Учредительное собрание, призванное повести государственное и социальное строительство уже не в революционных, а конституционных формах.

Давалось это все нелегко. Украина постоянно была в состоянии внутренней войны. Правительство Народных Комиссаров, которое на какое-то время укрепило свои позиции в Петербурге и Москве, на северном и западном фронте, призывало свои войска к борьбе с Центральной Радой или двигало части, признававшие его власть, на украинскую территорию с неопределенными, двусмысленными намерениями. Украинское правительство разоружало такие вражеские части и высылало их с Украины в интересах обеспечения порядка. По этой причине, а также потому, что украинское правительство, чтобы избежать усобицы, не пропускало большевистские войска на Дон, на козаков, а вместо этого свободно пропускало с фронта козацкие молки домой, правительство Народных Комиссаров заняло враждебную позицию по отношению к украинскому правительству, и в конце ноября начало настоящую, формальную войну против Украины.

Оно вменяло в вину генеральным секретарям Украины контрреволюционную политику, союз с донским атаманом Калединым и разными реакционными элементами. В ультимативной форме потребовало, чтобы украинское правительство пропустило большевистские войска через Украину, задержало донцов

и признало власть Советов на Украине. Украинское правительство решительно не согласилось вести свою политику по указке народных комиссаров — бороться с теми, кого оно признает контрреволюционным, и подчинить органы самоуправления и администрации Советам рабочих и солдатских депутатов, которые уже успели обнаружить свою полную неспособность к управлению. Тогда большевистское правительство огласило Центральную Раду сборищем реакционных буржуазных и помещичьих элементов. Напустило на Украину своих агитаторов, которые распространяли демагогическое вранье о Центральной Раде и генеральных секретарях (например, говорили людям, что там одии генералы, потому и зовутся генеральными). Стало доимать Украину деньгами: прекратило высылку денег во всякого рода учреждения, так что украинское правительство вынуждено было спешным порядком приняться за выпуск собственных денег. Наконец начало формальные военные операции, обратив на Украину войска, которые могли двинуться с северного и южного фронтов, чтобы установить большевистскую власть и уничтожить Центральную Раду. Одновременно большевистские организации Украины созывали в Киев на первые дни декабря собрание делегатов Советов солдатских и рабочих депутатов в надежде, что на него можно будет вынести постановление о переизбрании Центральной Рады и таким образом свалить ее и украинское правительство.

Это покушение было предотвращено: к назначенному для съезда времени было созвано такое количество крестьянских депутатов, чтобы этот съезд стал подлинным выразителем воли украинцев, и этот пополненный крестьянскими делегатами съезд решительно встал на сторону Центральной Рады. Восьмая сессия Украинской Центральной Рады, созванная в середине декабря, выразила твердую и непоколебимую веру украинских граждан защищать авторитет своего правительства и суверенность Украинской Республики, которая уже фактически стала самостоятельной и независимой. Все усилия Центральной Рады и генеральных секретарей, направленные на то, чтобы противопоставить федеральную организацию тому фактическому распаду Российской державы, который начался уже благодаря большевикам, не приводили ни к чему. Народы и области России не решались формировать федерацию без участия наибольшего из членов — Великороссии, а та не изъявляла своей воли в этом направлении, отчасти из-за того, что была парализована большевистской анархией, отчасти же и в основном из-за того, что не могла избавиться от своих центристских привычек. Украин-

ские призывы оставались без ответа. Надежды на федерацию не было, и потому украинскому народу приходилось утверждать свою государственность в формах политической самостоятельности. Украинский народ мог оградить себя от разлада и гибели только путем углубления и укрепления своей государственности и самостоятельности — чтобы не раствориться в том хаосе, который поднимался вокруг и грозил его поглотить.

135. Украина самостоятельная

Со второй половины декабря положение Украины становилось все более угрожающим. Большевистская агитация не проходила бесследно. В войсках началось полное разложение. Части, которые стояли на фронте и в тылу, грабили и разворовывали военное имущество, остальное бросали на произвол судьбы и самочинно расходились по домам, в довершение к тому грабя и разрушая порой и то, что встречалось по дороге. В селах больше концентрировался анархический элемент, который увлекал за собой слабейшую часть крестьянства и терроризировал даже часть наиболее стойкого. Грабеж и уничтожение помещичьих имений, фабрик и заводов принимали все более массовый характер. Гибло богатство края, подтачивались его производительные силы.

С другой стороны, нарастала угроза политической уособицы. Тогда кучка большевиков, провалившись на киевском съезде Советов, выехала в Харьков и тут инсценировала съезд Советов рабочих, солдатских и части крестьянских депутатов Донецкого и Криворожского районов, как его афишировали большевики. Этот фальсифицированный съезд избрал 13 декабря Центральный Исполнительный Комитет, который противопоставил себя Центральной Раде как «орган власти всей Украины», генеральным секретарям противопоставил своих народных секретарей, заявив, что Центральная Рада не является выразителем воли украинского трудового народа и призвал последнего к борьбе с ней. Все это могло бы кончиться по-опереточному, если бы, на беду, к Харькову не прорвались большевистские войска или, правильнее сказать, банды солдат, матросов и разных наемных хулиганов, которые стояли под Белгородом, будто бы расчищая дорогу себе на Дон. Их приход развязал руки и местным элементам, поверившим большевистской агитации; местное население подверглось террору, украинское представительство, продержавшись две недели, в конце концов сложилс оружие.

После этого банды большевистских солдат и так называемых красногвардейцев, то есть вооруженных рабочих и всяких прочих людей, взятых на службу большевиками, вместо того чтобы идти на Дон, бороться с контрреволюцией, как они сами рассказывали, стали продвигаться по железным дорогам Украины, захватывая города и узлы Донецкого района, откуда перекинулись в Екатеринославский район, начали рассыпаться по Полтавщине и Херсонщине. Как в Харькове, так и здесь приближение большевистских «эшелонов» (поездов с большевистскими бандами) обычно давало повод к восстанию и захвату власти в городах, на станциях, на железнодорожных узлах элементами, сочувствующими большевикам — из рабочих, разных деклассированных слоев и левых революционных групп, преимущественно неукраинских — великорусских и особенно еврейских (не числившихся в еврейских национальных организациях). Под влиянием их агитации начались деморализация и развал в новоорганизованных или украинизированных военных частях. Воинов пытались убедить в том, что борьба происходит на социальной основе за полную социализацию украинской власти, против буржуазных элементов, которые захватили Центральную Раду, и многие украинские солдаты (или козаки, как их стали называть в украинских частях) если не переходили на сторону большевиков, то объявляли себя нейтральными или покидали свои полки и самовольно расходились по домам — как это произошло на рождественские праздники.

Под влиянием этих успехов большевизма началось определенное колебание и в прогрессивных украинских политических кругах. Немалую роль сыграли в этом российские социал-революционные элементы, с которыми шли на выборах в одном блоке украинские эсеры, и теперь российские левые эсеры, связавшись с большевиками, увлекли за собой определенную часть украинских эсеров, доказывая им, что большевизм является логическим продолжением революционно-социалистических требований и большевистские лозунги должны быть приняты украинскими социалистами из тактических соображений, если они не хотят быть сметенными большевизмом. Центральную Раду нужно переизбрать на съезде Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, а власть на местах передать этим Советам: вообще пойти навстречу большевизму, пока он перешумит и пойдет на спад, — удовлетворить его социальными реформами и прийти к взаимопониманию с правительством Народных Комиссаров. Агитация и колебания на этой почве начались уже на VIII сессии Центральной Рады, когда для участия были пригла-

шены члены Всероссийского Учредительного собрания, избранные от Украины, среди которых были левые эсеры с Харьковщины. Перенеслись потом в Петербург, куда выехала часть этих членов, чтобы выяснить перспективы Учредительного собрания. В большевистских и левоэсеровских кругах подавалась надежда, что когда руководство возьмут украинские эсеры, организуют свое правительство под лозунгом блока с левыми эсерами, это снимет кризис, положит конец войне с Россией, Советом Народных Комиссаров, прекратит усобицу на Украине и т. д.

Все это внесло весьма опасную для данного критического момента сумятицу в украинскую политику. К концу декабря — началу января Левобережная Украина и Причерноморье были в руках большевиков — Полтава, Екатеринослав, Одесса, Кременчуг. Они прекратили подвоз угля в Киевский район и стягивали вокруг него все туже петлю, наступая с востока, севера, юга и юго-запада, где пребывали разные полуразложившиеся военные части, находившиеся под большевистским влиянием. В самом Киеве со всех сторон, и с левой, и с правой, шла активная агитация против украинского правительства, Центральной Рады и украинцев вообще. Она привела к почти полному разложению здешние украинские полки, которые так недавно еще рвались со всех сторон в Киев, чтобы защищать украинскую государственность. Украинская власть почувствовала, как зашаталась земля под ногами. В трудном положении оказалась и Центральная Рада. Она намеревалась передать власть Украинскому Учредительному собранию, Третьим универсалом назначенному на 9 января по старому стилю. Однако выборы, назначенные на конец декабря, из-за большевистского нападения, анархии, расстройств в коммуникациях и сношениях почти везде были отложены; важные, основные вопросы украинской жизни, которые откладывались до Учредительного собрания, — как, например, вопрос о федерации или самостоятельности Украинской Республики, как земельный закон и другие — вставали перед Центральной Радой и ждали своего разрешения.

Необыкновенные трудности вызывала также проблема прекращения войны с центральными государствами. От самого начала революции, на всех съездах и собраниях украинское гражданство заявляло свое горячее желание скорейшего окончания войны, в которую против своей воли была втянута царским правительством Украина. Но пока Украина не провозгласила своей государственности Третьим универсалом, она в этом деле ничего не могла решить, не имея возможности выступать активно и непосредственно в международной политике. Тем време-

нем российское правительство, и Львова, и Керенского, не решалось твердо вступить на путь прекращения войны, напротив, старалось поддержать союзные правительства активными военными операциями со своей стороны. Это было с их стороны страшной ошибкой, она зарезала российскую революцию и угрожала весьма неблагоприятными последствиями и Украине. Большевистский Совет Народных Комиссаров, захватив власть, взял на себя, между прочим, и решение вопроса о немедленном завершении войны и в конце ноября начал мирные переговоры с центральными государствами в Бресте. Центральная Рада, которая наряду с другими мотивами провозглашения Украинской Республики имела в виду и эту возможность инициативы в урегулировании международных отношений, постановила принять участие в этих переговорах. Государства «согласия» (entente), Франция и Англия, которые поспешили признать Украинскую Народную Республику (сначала Франция, за ней Англия), стремились повлиять на украинское правительство, чтобы оно не входило в мирные договоры с центральными государствами, обещая за это всяческую помощь и все жизненные блага, а в противном случае пугая всякими бедами, но украинское правительство считало невозможным отступить от того, в чем видело свой долг перед своим народом, считало невозможным оставить Украину непримиренной, брошенной на милость и немилость центральных государств. Согласно постановлению Центральной Рады оно отправило свою делегацию в Брест, чтобы та вместе с делегатами Совета Народных Комиссаров довела дело до достойного мира, а когда делегаты Совета Народных Комиссаров начали колебаться, то заявляя готовность к миру, то бросаясь обратно в дебри большевистской фразеологии, Центральная Рада уполномочила свое правительство и через него украинскую делегацию вести переговоры независимо от российской делегации и добиться мира.

Среди бесконечных фракционных и партийных совещаний, которые в тревожной атмосфере осажденного Киева, в смертельном страхе за будущее украинской государственности днем и ночью шли в здании Центральной Рады всю первую половину января по старому стилю, в конце концов большинство Центральной Рады высказалось за решительную политику, против тактики уступок большевизму и взаимопонимания с ним. 9 января, в день, назначенный для Украинского Учредительного собрания, решено было универсалом Центральной Рады провозгласить Украинскую Республику державой самостоятельной и независимой, чтобы иметь вполне развязанные руки в деле уре-

гулирования своих международных и внутренних отношений, чтобы лишить всякой почвы какие бы то ни было попытки вмешательства во внутренние дела Украины, как будто бы одной из частей будущей Российской Федерации, и поставить борьбу с Советом Народных Комиссаров и большевистскими бандами на основательную почву — войны Великороссии на уничтожение Украины и восстания против Украинского государства, а не политической борьбы, под лозунгом которой прятались всякие сторонники нейтралитета.

Это имело действительно большое не только принципиальное, но и чисто практическое значение. В принципе украинские фракции и партии признавали на дальнейшее федерацию наиболее полезной формой жизни. Но в данный момент, когда всякие неблагоклонные или просто враждебные украинству элементы и силы, всякие защитники единства и неделимости Российской державы, перекрашиваясь в защитный цвет федерализма, держались за федерализм только для того, чтобы тормозить свободное развитие государственного и экономического строительства наследием Российской империи, ориентацией на единство ее — будет ли это единство российской революции или единство российской мануфактуры, как остроумно характеризовал это один оратор Центральной Рады, — было очевидно, что в интересах успешной защиты свободного строительства Украины она должна стать на путь независимости и самостоятельности. Когда Совет Народных Комиссаров, сняв со своего знамени старый лозунг «свободного самоопределения народов вплоть до полного отделения», заявил, что он стоит на позициях Российской Федерации и на этом основании приводит к единству украинский и российский пролетариат; когда государства согласия, точнее — дипломатические представители Франции, ловя на словах Третьего универсала, где говорилось, что Украина войдет в состав будущей Российской Федерации, грозили ей на случай сепаратного мира всеми теми средствами, которыми они владели на Украине, — стало ясно, что сейчас нужно решительно отбросить всякие двусмысленности и неясности, отложив федерирование до того времени, когда выяснится, когда и с кем вступать в федерацию, и встать твердо на принципы полной самостоятельности Украинской Республики.

Фактически она уже стала такой, когда на месте разрушенной большевиками Российской державы не родилось федеративного союза. Это было отмечено в конце VIII сессии Центральной Рады и признано представителями центральных государств и даже представителями Совета Народных Комиссаров

на конференции в Бресте 30 декабря старого стиля. Но потребовалось и формальное провозглашение, и правовое утверждение, и оформление этого акта. Это и дал Четвертый универсал решением 9 января. Он провозглашал Украинскую Республику «самостоятельной, ни от кого не зависимой, свободной, суверенной державой украинского народа». Генеральный Секретариат переименовывался в Совет Народных Министров. Ему предписывалось первым делом довести до конца начатые с центральными государствами переговоры о мире, не обращая внимания ни на какие препятствия со стороны каких-либо частей бывшей Российской империи, и принять решительные меры к обороне и очищению Украины от большевиков и всяких агрессоров. Четвертый универсал провозглашал демобилизацию армии и указывал пути к устройству уничтоженного края, возвращению в мирное состояние фабрик и заводов, занятых военной работой, и различные способы удовлетворения политических прав воинов, возвращавшихся с войны. Назначал ряд социальных реформ в интересах трудящихся (для развития принципов, объявленных Третьим универсалом) — передачу земли в руки трудящихся, национализацию лесов, вод и недр, трудоустройство безработных, введение монопольной продажи товаров, наиболее необходимых для людей, контроль над банковским кредитом и т. д.

Универсал был принят в последней редакции и фактически обнародован в Центральной Раде 11 января, но оставлен с датой 9 января — для принципиального утверждения этого важного акта, который стал для многих камнем преткновения. Среди самих украинцев нашлись группы, настолько увлеченные российской культурой и государственностью, привыкшие к единой России или к традиционному федеративному лозунгу, что не соглашались на самостоятельность даже как на форму, переходную к федерации. То же самое, но еще в большей степени относится и к группам неукраинским: из украинцев, которые оторвались от украинской стихии и считали себя «русскими», великороссов захожих и даже евреев, которые так и не сумели сразу реально оценить интересы еврейского населения Украины, но считали необходимым наперед выразить свой протест против разрыва с еврейскими организациями России. И этот враждебный по отношению к украинству настрой, который уже так сильно до того ощущался в городских центрах и, в частности, в столице Украины Киеве, вслед за провозглашением украинской независимости нашел выход в киевском восстании, которое явилось кризисным моментом в борьбе за украинскую самостоятельность.

136. Киевское восстание

Четвертый универсал был принят в редакции большинства. Центральный комитет украинских эсеров, в котором в тот момент наибольшим влиянием пользовались элементы левоэсеровской ориентации, поручил своей фракции выразить ту позицию, которую занимает его большинство, и обозначить те пункты, где прежняя политика украинского правительства расходится со взглядами этого большинства. Вследствие этого выступления фракция украинских социал-демократов заявила, что она отзывает членов своей партии из кабинета. Так начался кризис украинского правительства в необыкновенно опасный для самого существования обновленной Украинской державы момент.

Совет Народных Комиссаров, рассчитывая на то, что левые эсеры расшатывают Центральную Раду изнутри, выслал на Украину, и специально в Киев, новые кадры агитаторов, которые должны были здесь подготовить восстание против Центральной Рады, и одновременно направил все усилия на блокаду Киева. Он спешил до основания разрушить Центральную Раду, чтобы не дать ей возможности помирить Украину с центральными государствами, в то время как сам даже не собирался принимать условий, поставленных Россией Германией, не собирался отречься от мира после того, как сделал его одним из агитационных аргументов против предыдущего правительства. В противовес делегации Центральной Рады он было вызвал в Брест делегатов харьковских «народных секретарей», которые будто бы представляли волю истинной демократии Украины, стоявшей за федерацию и неделимость украинского и российского пролетариата и желающей вести мирные переговоры вместе с Советом Народных Комиссаров в составе его делегации. Когда же и это не помогло и центральные государства продолжали вести переговоры с делегацией Центральной Рады, как представительством Украины, Совет Народных Комиссаров уже не видел иного выхода, кроме уничтожения Рады любой ценой.

Его усилия имели некоторый успех. К середине января Киев был взят в тесное кольцо и его положение стало критическим. Военные украинские части, собранные в Киеве, были окончательно деморализованы большевистской агитацией и высказывались против Центральной Рады или против «братоубийственной войны» с большевиками, требовали переговоров с последними, а себя в это время объявляли нейтральными. Те небольшие военные заслоны, которые могли быть выставлены против большевиков,

наступавших с левого берега, от Гомеля, Харькова и Полтавы, не могли сдержать натиска большевистских и красногвардейских банд, во главе которых Совет Народных Комиссаров поставил для особого впечатления сына украинского писателя М. Коцюбинского — Юрия. Героизм верных сынов Украины, которые сложили свои головы под Крутами, под Гребинкой, под Дарницей, — студентов и школьников, галицких сечевых стрельцов, железнодорожников и др., не в состоянии был перекрыть предательства и малодушия или позорной несубординации остальных. Большевики приближались к Киеву из-за Днепра, они же концентрировались в правобережных узлах — в Жмеринке, Козятине, Фастове — и оттуда также угрожали Киеву. Совет Министров объявил в Киеве осадное положение и назначил особого коменданта с чрезвычайными полномочиями. На оборону призвал всякого рода добровольцев, вольное козачество и др. Но небольшие отряды, верные Украине, чувствовали себя неуверенно среди общего ненавистнического к украинству отношения города, которое стало проявляться все явственнее.

На 15 января была назначена сессия Центральной Рады, девятая подряд, чтобы (из-за невозможности созвать Учредительное собрание) принять на ней некоторые подготовленные правительством законы: земельный, рабочий (о восьмичасовом рабочем дне), о контроле продукции и др. Этот момент враги украинства выбрали для восстания в Киеве. В самый день открытия сессии Центральной Рады один из распропагандированных украинских полков (Георгиевский) пришел к Центральной Раде, чтобы разогнать ее, но на такой шаг не решился и ограничился небольшим скандалом и протестом против использования вольного козачества (из киевских рабочих) в охране города. В последующую ночь большевики захватили мастерские арсенала и засели там, за чем последовала общая забастовка рабочих и партизанское большевистское восстание по всему городу. О случившемся известили Совет Народных Комиссаров, и он, торопясь сорвать переговоры с Украиной, дал знать своей делегации и всему миру, что с 16 января Киев в руках большевиков, Центральная Рада разогнана, украинское правительство в руках левых эсеров. Это поставило в сложное положение украинскую делегацию, которую большевики лишили телеграфной связи с Киевом, а значит, и возможности проверить и опровергнуть большевистскую информацию. Но несколькими безымянными героям, железнодорожным телеграфистам, удалось, несмотря на большевистский контроль, связать делегацию с Киевом, дать ей возможность узнать действительное по-

ложение вещей, а также узнать о мерах, предпринятых против большевистского наступления, решительных намерениях противостать ему до конца при всяких обстоятельствах. Эти известия поддержали настроение в представителях центральных государств, которые специальным, торжественным актом признали самостоятельность Украинской Республики и были далеки от мысли использовать ее трудное положение; в целом ряде спорных пунктов (как, например, в деле Холмщины, украинских военнопленных, вывоза хлеба и т. д.) сделали важные уступки украинским требованиям, чтобы скорее довести дело до мира — достойного и почетного для Украины, который бы поднял и укрепил позицию Украинской Республики, ибо считали ее утверждение важным для себя моментом.

Имея в виду такие обстоятельства, украинское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы продержаться в Киеве как можно дольше, чтобы сдачей его не подорвать своего международного положения и дела мира. Мир с центральными государствами должен был принести Украине не только возможность полной демобилизации, более свободного устройства внутренних дел, открытия границ для доставки разных товаров, чрезвычайно необходимых для широких украинских масс, но и возвращения украинских военнопленных, при помощи украинских инструкторов обученных и организованных в полки для освобождения Украины. Этим с самого начала войны занялся Союз освобождения Украины, созданный на случай возможного конфликта Украины с Россией, и теперь сознательные украинские кадры представляли ценность на фоне разложения войска на Украине. Точно так же, как и отряды сечевых стрельцов, которые организовались на Украине из военнопленных и высленцев и отличились в борьбе с большевиками и которые теперь важно было заполучить из Австрии. По этим мотивам ведущие фракции Центральной Рады и украинское правительство считали необходимым сделать все возможное, чтобы облегчить заключение мира. Необычайно важно было с этой точки зрения, как я уже сказал, продержаться в Киеве до того момента, когда дело мира будет решено окончательно.

Осознание критичности момента тем временем совершило перелом в настроении украинских партий и фракций Центральной Рады. Лавозсеровское устремление, тенденция к компромиссам с большевиками сразу отпали; несколько депутатов из левых эсеров были даже арестованы в помещении Центральной Рады чрезвычайным комендантом Киева. Центральная Рада протестовала против этих арестов, сделанных без разрешения,

и назначила парламентскую следственную комиссию, но не считала возможным чинить какие-либо трудности правительству. Молча был принят принцип внутреннего согласия перед лицом внешней опасности. Фракции постановили отказаться от конфликтов, вызванных вопросом о социализации земли, выдвинутым партией украинских эсеров и опровергаемым украинскими социал-демократами. Было принято решение одобрить земельный закон в редакции, представленной парламентской комиссией, отложив обсуждение поправок и разъяснений к нему. Этот закон был единогласно принят Центральной Радой 18 января под гром пушек, обстреливавших Киев. На этом же заседании Центральная Рада поручила В. Голубовичу, кандидату от украинских эсеров, формирование нового кабинета, и фракции, которые отозвали ранее своих членов из кабинета, дали согласие вступить в него. Правительственный кризис миновал, и восстановление внутреннего согласия имело большое значение в тех критических обстоятельствах. Условия жизни в Киеве были страшные. Он был окружен большевиками с востока и запада. Артиллерия большевиков обстреливала город, а внутри не утихла уличная война. Некоторые пункты по несколько раз переходили из рук в руки — то к большевикам, то к войскам Украины. Героических усилий нескольких тысяч защитников не хватало для борьбы, когда стреляли и в городе, и за его пределами, и предательство проникало всюду, сея в людях неуверенность. Люди устали от нервного напряжения. Обоюдная ярость доходила до крайности. Все ужасы гражданской войны становились явью. Народ начинал терять равновесие, обвинять Центральную Раду, что она, стремясь удержаться, отдает город на растерзание. Артиллерия действительно разрушала дома, ночью пылали пожарища.

Так прошло десять дней. Совет Народных Комиссаров непрерывно оповещал «всем, всем, всем», что Киев захвачен войсками Ю. Коцюбинского, Центральная Рада разбита и бежала, власть перешла «к советской республике», но Киев продолжал бороться. Мужество горстки патриотов преодолевало все трудности, выдерживало все удары предательства и малодушия. Только 25 января, когда мирный договор с центральными государствами был обеспечен, украинское правительство, не желая дольше подвергать столицу разрушению, распорядилось вывести артиллерию и войска из центра Киева на окраину, а свое место пребывания перенесло в Житомир. На протяжении 26—27 января Киев был оставлен и перешел в руки большевиков, как пришлых, так и местных, которые с первых дней устроили позорную

резню, расстреливая всех, кто имел удостоверение украинского правительства, всех, в ком можно было подозревать украинца. Они похвалялись, что в эти дни было расстреляно пять тысяч украинцев. Эта цифра завышена, более осторожные подсчеты показывают около двух тысяч, но величина этой цифры не играет роли — более важным является принципиальная оценка действительного характера этой войны, которую большевистская сторона представляет борьбой социалистических лозунгов против буржуазии и реакции, а в действительности это была война национальная, направленная на возобновление единой России и на уничтожение сепаратизма — то есть еще более жестокая и бесчеловечная, чем война, которую вело царское правительство, нейтралистские лозунги которого подняли на свое большевистское знамя новые спасители единой и неделимой России — большевики.

137. Война за независимость

Украинское правительство не обманулось в своих надеждах на мир. В день, когда украинские войска покидали Киев, был готов договор с центральными государствами. Вечером 26-го началось его подписание, а в ночь с 26-го на 27-е торжественная процедура была закончена. Договор давал Украине достойный и почетный мир, возвратив ей западные украинские земли, не только оккупированные во время войны, но и ранее оторванные от нее, а именно: Холмщину, Берестейщину, Пинщину (хоть и не в полном объеме — без окраин Дорогичина, Бельской, Брянской, оставшихся за пределами Украины), установив порядок обмена военнопленными без выплат, порядок торговли на принципах контингентирования (то есть определения количества товаров, которые могли ввозиться и вывозиться). Немецкое правительство сразу приступило к мобилизации и вводу на Украину сформированных частей из украинских военнопленных и заявило о своей полной готовности оказать помощь Украине также и своими войсками для скорейшего очищения от большевистских банд в целях обеспечения покоя и порядка, налаживания товарообмена и вывоза излишков, обусловленных в процессе мирных переговоров.

По разным причинам это была непривлекательная перспектива. Можно было предугадать заранее, что вступление немецких войск на Украину создаст повод для агитации против Центральной Рады с разных сторон, вызовет тревогу и неудоволь-

ствие широких масс населения, а также среди крестьянства — этой главной основы украинской государственности. Но с другой стороны, было бы в высшей мере опасным оставлять Украину на более продолжительное время в руках большевистской анархии и ждать, пока последняя сама себя выест, пока перегорит большевистская зараза и вызовет такую сильную и организованную реакцию самого украинского народа, на которую могла бы опереться украинская власть. Широкие круги населения, лучшие, наиболее сознательные элементы крестьянства желали покоя и порядка, но ждали твердой власти, которая дала бы им эти покой и порядок и освободила от большевистского террора; и так могло бы продолжаться довольно долго, если бы украинское правительство оставило край без своих организованных центров, без органов власти. Не говоря уже о том, что приближался сельскохозяйственный сезон, и во имя сбережения хоть какой-то экономической силы края и его благосостояния необходимо было дать покой и порядок, чтобы рабочий люд мог приступить к своей работе. Тем временем выяснилось, что для формирования новых частей из военнопленных необходим весьма большой срок. Австро-Венгрия медлила представить украинские части (сечевых стрелцов и регулярные украинские полки). Собственные военные силы Украины сильно сократились под влиянием большевистской деморализации, и об организации достаточно мощной регулярной армии можно было думать как о деле будущего. В силу этого украинское правительство посчитало невозможным отказаться от той военной помощи, которую ему готово было оказать правительство Германии — также, разумеется, действовавшее в собственных интересах: с целью ускорения вывоза хлеба с Украины. Украинское правительство попросило Германию прислать свои войска на Украину, и через несколько дней после подписания договора немцы уже переходили границу. Тогда и Австрия, которая поначалу оттягивала, также заявила о своей готовности выслать свои войска на Украину. Но вместо сечевых стрелцов и украинских полков, на которые надеялось украинское правительство, австрийские власти выслали воинские части чешского, польского и венгерского формирования, у которых сразу же возникли конфликты с местным населением.

Украинское правительство в это время силами небольших военных формирований, выведенных из Киева и переформированных в Житомире, занималось очищением от большевиков Волыни. Под давлением большевистских сил, узнавших о пребывании правительства и Центральной Рады в Житомире

и наступавших от Козятина и Жмеринки на Бердичев и Житомир, украинское правительство переехало на несколько дней на северную Волынь, в Сарны. Очистило эту железнодорожную линию для связи с дивизиями военнопленных, которые формировались в Ковеле, и немецкими войсками, которые наступали оттуда же, и с их помощью очень быстро провело освобождение Волыни, а в конце февраля нового стиля (с 16 февраля постановлением Центральной Рады Украина перешла на новый стиль и средневропейское время) украинское войско начало наступление на Киев. Большевистские банды, награвив, сколько успели за три недели своего хозяйничанья в Киеве, оставили город без боя, когда украинские и немецкие войска начали свои операции, грозя обойти Киев и взять их в кольцо. 1 марта украинское войско вошло в город, овациями встреченное населением. Несколько дней спустя вернулось в Киев и украинское правительство, а после него со временем и Центральная Рада.

Центральная Рада, собравшись в Житомире через несколько дней по выезде из Киева и оставаясь все время в контакте с правительством, получая от него сводки, все это время не прерывала своей законодательной работы и в период своего изгнания приняла несколько важных законов, проникнутых идеей украинской государственности и ее традиций (законы об украинском гражданстве, об обновлении старой монетной единицы Украинской державы — гривны, о Государственном гербе, в качестве которого был использован знак Владимира Великого на его монетах). Но Центральная Рада работала не в полном составе (на основании соглашения последней сессии полной Рады) и когда возобновила свою деятельность в Киеве в полном составе, то поначалу обнаружилось определенное несогласование между теми группами, которые вели работу в Раде на протяжении всего периода изгнания, и теми, которые в то время не принимали участия в работе. Это проявилось в острых выпадах против, как говорилось, недемократической, националистической и шовинистической политики украинского правительства и тех парламентских групп, которые поддерживали правительство, а конкретно вылилось в министерский кризис, который на некоторое время снова навис над парламентом из-за того, что фракция украинских социал-демократов и некоторые неукраинские признали невозможным для своих членов участие в кабинете в таких условиях, и сразу с разных сторон началась кампания за отставку кабинета Голубовича.

Вокруг Центральной Рады снова разгорелась активная агит-

тация, которая напомнила мрачные дни перед большевистским восстанием. Киевская Дума стала тем центром, вокруг которого объединились все те виды, что, направляясь разными путями к достижению разных целей, сообща старались нанести удар Центральной Раде и Совету Народных Министров, старались сделать подкоп под идею Украинской Республики и дискредитировать ее. Такие меры, как непосредственное подчинение киевской милиции министерству, запрещение демонстраций и митингов в годовщину российской революции, распоряжение о вывесках и объявлениях на украинском языке, введение законов об украинском гражданстве, служили поводом к активной агитации. Всякого рода неправильности в поведении немецких и австрийских войск, даже незначительные, но изначально неизбежные при проведении военных операций в чужой стране, среди иноязычного населения, давали повод для нападков, которые явно должны были дискредитировать украинскую власть за то, что прибегла к помощи немцев.

С другой стороны, социальная политика Центральной Рады, особенно земельный закон 18 января, служила почвой не только для агитации против Украинской Республики среди буржуазных кругов, но и для дискредитации Украинской державы в глазах немцев и австрийцев, у которых враги Центральной Рады пытались найти поддержку в действиях против ее социальной политики и против украинской государственности. Польские помещики Подолья и Волыни обратились к австрийскому правительству с призывом упразднить в приграничных областях Украины крестьянские организации и прекратить действие земельной реформы, возобновить помещичье землевладение и узаконить принудительный крестьянский труд. Они организовывали польские военные части, которые, опираясь на ранее сформированные легионы, попробовали собственными руками прекращать действие земельной реформы и возвращать помещичьи земли, розданные крестьянам земельными комитетами. На Левобережье украинские помещики начали также организовывать движение против земельной реформы и социалистического украинского правительства: присоединив к себе мелких собственников, крестьян и козаков, они принимали резолюции с требованием, чтобы Центральная Рада отправила в отставку свой социалистический кабинет, не созывала Учредительного собрания, организовала временное правительство и, отдав ему всю власть, то есть диктатуру, сама себя распустила. В противном случае грозили борьбой, восстанием и т. д. Их депутации появлялись у немецких представителей. На местах среди офице-

ров немецких частей также велась с этой стороны усиленная агитация на предмет сворачивания земельной реформы, ликвидации социалистического министерства и т. п. И что наиболее неприятно, параллельно с этими действиями посторонних элементов, несоциалистических, аналогичную агитацию вели отдельные группы украинских социал-демократов, социал-федералистов и их пресса за отстранение социалистов от власти и передачу последней в руки какой-то никому не известной украинской буржуазии (которой фактически и нет), чтобы она при помощи немцев закрепила украинскую государственность на фундаменте буржуазном.

Такой тяжелой была атмосфера, в которой Центральной Раде и ее правительству приходилось освобождать Украину от большевистских войск и банд, восстанавливать разрушенную ими административную машину, налаживать немилосердно уничтоженную экономику страны, чтобы избавиться от анархии и обеспечить вновь добытую самостоятельность и независимость, а также саму государственность.

Ее подрывали изнутри, ее бойкотировали, оставляя без средств, ей чинили всевозможные препятствия в надежде, что она где-то споткнется, упадет и вернется власть буржуазная, империалистическая, возобновится единство России и российская стихия задушит возрожденное украинство. Украинские же вооруженные силы и далее продолжали оставаться немногочисленными и слабо дисциплинированными. Далее, действовали разные самочинные «атаманы», отдельные отряды гайдамаков и вольных козаков, часто состоявшие из элементов неукраинских, реакционных; чинили насилие над людьми, компрометируя украинские войска всякими выходками, националистическими, шовинистическими выкриками, погромами, расстрелами, самочинными контрибуциями. Разные самочинные коменданты, советы, комиссары самовольными поступками нарушали планы операций. Немецкие и австрийские части не координировались ни между собой, ни с украинскими частями и своими самовольными выступлениями порой подрывали плановую работу украинского командования и украинского правительства.

Тем не менее освобождение Украины шло довольно быстро. За март месяц было очищено почти все Правобережье до самого моря — взяты Одесса, Николаев, Херсон, Елисаветград. За Днестром была в значительной степени очищена Черниговщина, в последние дни марта взята Полтава. Операции на этом направлении особенно затянулись из-за того, что к большеви-

кам, слабо организованным и недисциплинированным, присоединились чехословацкие дивизии, которые, вместо того чтобы идти на французский фронт по договору, заключенному ими с украинским правительством, начали борьбу с немецкими войсками. Большевистские войска с особым упорством обороняли Екатеринослав и его окрестности, чтобы успеть еще больше вывезти оттуда в Россию. Но большевистская затея была обречена. Главный комендант, бывший жандарм Муравьев, который в феврале хвастался расстрелами украинцев и уничтожением их добра, еще перед потерей Полтавы уже посчитал за лучшее сложить с себя командование, а большевистская «Цикука» (Центральный Исполнительный Комитет Украины) загодя перебралась в Таганрог.

В течение апреля освобождение Левобережья было почти завершено. После того как были опрокинуты чешско-большевистские заставы на дороге в Харьков и Полтаву, 8 апреля большевики покинули Харьков, а еще раньше был освобожден Екатеринослав, и украинское войско вместе с немецким стали продвигаться на запад и юг.

Однако одновременно с этими успехами освобождения Украины и распространением власти украинского правительства с еще большей остротой на повестке дня вставали неотложные вопросы внутреннего благоустройства: налаживание засева полей и плантаций, проблема транспорта и товарообмена, демобилизация промышленности, трудоустройство миллионов безработных и создание армии, собственной, твердой, дисциплинированной армии, которая могла бы в ближайшие годы, пока будет получена возможность милицейской обороны, послужить гарантом политических и социальных завоеваний Украины!

Действительно, Центральная Рада брала Украину обратно в свои руки просто в ужасающем виде. К тому неимоверному развалу, до которого довела ее четырехлетняя война и всероссийская анархия, устроенная революцией, прибавились страшные результаты большевистского погрома. Украинское правительство находило в опустошенных большевиками областях города, с ограбленными администрацией и банками, с целиком уничтоженными органами управления, железные дороги без локомотивов и вагонов, с разрушенными мостами и станциями, с не получившими зарплаты за несколько месяцев служащими и рабочими, которые прежде всего требовали зарплаты, а в случае ее невыдачи грозили забастовкой. В местах расположения российских армий также оставались группы разных служащих, ожидавших оплаты за бесплатно проработанные месяцы. Заводы стояли без

топлива; шахты были залиты водой из-за того, что насосы не действовали месяцами, так как не было угля, и т. д. Зато повсюду украинское правительство ожидали счета за неоплаченные российским правительством доставки, военные работы и т. д.

Со всех сторон нажимали на украинское правительство, на Центральную Раду, требуя денег, распоряжений, покоя, порядка, относя на счет правительства и Рады все проявления беспорядка, нехватку денег, запасов, разграбленных большевиками. Со всех сторон, извне и изнутри, использовали это катастрофическое состояние для натиска: одни для того, чтобы пошатнулась Украинская Республика, другие — чтобы добиться от нее всевозможных политических и экономических уступок в интересах своих государств. Местные буржуазные круги и агенты центральных государств нажимали, требуя уступок буржуазным формам и принципам — в тот момент, как с другой стороны противники Украинского государства внимательно следили за каждым шагом Центральной Рады и ее правительства, чтобы найти доказательства буржуазной, реакционной политики, чтобы дискредитировать Раду в глазах пролетариата и особенно крестьянства, которое воспринимало все эти инсинуации, смертельно переживая за судьбу аграрной реформы, за судьбу принципов Третьего и Четвертого универсалов, о которых враги украинства распространяли слухи, будто Центральная Рада уже упразднила эти принципы Пятым универсалом и для того позвала немцев, чтобы вернуть землю панам и ликвидировать все свободы.

В таких страшных условиях было ясно, что лишь мощное единение всех украинских сил вокруг идеи обороны Украинского государства, ее демократических и социальных завоеваний может спасти Украину. Это осознали те группы, которые поставили главной задачей момента укрепление украинской государственности и самостоятельности. Отбросив противоречия в принципиальных взглядах и в своих отношениях к тем или иным конкретным актам украинского правительства, они решили всеми силами поддержать его Центральную Раду и защитить от разных потрясений.

Первым их делом по возвращении в Киев Центральной Рады было обнародование ее заявления, изданное «в день праздника Т. Шевченка», в котором говорилось, что Центральная Рада крепко стоит и будет стоять под теми социальными и демократическими лозунгами, которые были провозглашены Третьим и Четвертым универсалами. В том же заявлении объяснялись мотивы, вынудившие Раду позвать немцев на Украину. Кабинет Го-

лубовича был пополнен министрами из всех главнейших украинских фракций (неукраинские социалистические группы уклонились от участия в кабинете), и таким образом всяческие спекуляции на кабинетном кризисе были прекращены. Трактаты с центральными государствами после долгой дискуссии были ратифицированы. Путем ряда выступлений было рассеяно подозрение неукраинских групп по поводу переориентации украинского курса в сторону шовинизма и национализма. Особенно важное значение имели совещания и дебаты по вопросу о созыве Учредительного собрания.

Украинская Центральная Рада уже дважды определяла срок созыва Украинского Учредительного собрания и теперь нетерпеливо ждала выяснения итогов избирательной кампании, которая проходила в первых числах января, во время самого большевистского нашествия. Возможность немедленного созыва первого непосредственного народного представительства, выбранного на основе общего, равного, тайного и пропорционального голосования, и передачи ему дальнейшего управления делами независимой Украины была очень ценной для Рады.

На последней сессии Центральной Рады, в январе, было одобрено положение, согласно которому Учредительное собрание может собраться тогда, когда по временному подсчету будет определено, что половина членов Учредительного собрания уже избрана. Правда, высказывались суждения, что если принять во внимание тот большевистский террор и всякие нарушения, в условиях которых проходили выборы, то лучше признать последние недействительными и объявить новые выборы в Учредительное собрание или, минуя их, просто назначить выборы в парламент, приняв конституцию и избирательный закон в Центральной Раде. Но в конце концов большинство решительно высказалось за созыв Учредительного собрания на основе уже проведенных выборов, если есть хоть какая-то законная возможность этого — по мысли упомянутого январского постановления. Граждане, особенно крестьянство, с нетерпением ожидали обещанного Центральной Радой Учредительного собрания, и, разумеется, нельзя было не выполнить этого обещания, если реальной была хоть какая-то возможность созыва Учредительного собрания.

Эта возможность увеличивалась по мере освобождения украинских территорий и приносила успокоение пребывавшему в напряжении населению Украины. После тяжких и болезненных переживаний людям хотелось успокоиться духовно, остановившись на каком-то общем постулате, который бы объеди-

нил разрозненные течения, указал путь решения конфликта, указал выход из противоречий, дал возможность вновь начать работу на новом фундаменте, отбросив старые счета, старые ориентации. Его лозунгом становился немедленный созыв Украинского Учредительного собрания, и большинство Центральной Рады приняло этот лозунг: 11 апреля она постановила созвать Учредительное собрание 12 мая.

Однако, успокаивая левые круги, это решение озадачило правые группы, которые боялись, что Учредительное собрание в своем левом составе закрепит ненавистные им социалистические реформы и весь демократическо-радикальный строй республики. Как показал подсчет мандатов, большинство Учредительного собрания должны были составить украинские социалисты-революционеры, после них весьма значительный процент мандатов принадлежал большевикам (коммунистам). Поэтому партии, не представленные соответственно, как и всякие правые группировки, не хотели этого Учредительного собрания, и перспектива его созыва только придавала энергии усилиям спровоцировать немцев на вмешательство в украинские правительственные дела.

Немецкое командование к этому времени вошло в весьма напряженные отношения с Центральной Радой и украинским правительством. Рада резко протестовала против поведения немецкого и австрийского войска, которое не только забирало со складов и фронтов что хотело, никого не спрашивая, — но и реквизировало у населения всякого рода припасы, а неповинующихся и сопротивляющихся арестовывало, судило своим судом и даже расстреливало без ведома украинских властей. Немецкие команды делали это как будто бы в целях собственной безопасности, принимая во внимание дефицит организованной украинской власти на местах, разбитой и уничтоженной во время большевистских восстаний и всем предыдущим прифронтовым хаосом, вызванным самочинной демобилизацией. Но они поступали самовольно, как оккупанты, а не союзники даже там, где представители украинской власти были на месте. Более того, их вмешательство в управу и суд, их самовольные расправы с украинским населением приобретали выразительную социально-политическую окраску. Немецко-австрийские команды действовали по указке местных польских и российских помещиков, заводчиков и их представителей, арестовывали сельские земельные и продовольственные комитеты, принуждали крестьян возвращать взятый в экономии инвентарь и даже отобранную у помещиков землю.

Связи, установленные помещиками, капиталистами и их местными агентами с немецкими военными кругами, с офицерами и командами, начинали приносить плоды. В немецко-австрийских кругах формировалось убеждение, что прогрессивные украинские круги непригодны для управления Украиной, что вообще украинский элемент не созрел для государственной деятельности, а украинская культура — для роли государственной, социалистические же украинские партии, в частности, своим курсом толкают страну к полной экономической разрухе. Среди немецкого офицерства было много русофильских элементов, которые напросились в немецкие и австрийские части, посланные на Украину, в силу давних связей с Россией, знания русского языка и российских обстоятельств, и все офицерство в значительной степени вообще было настроено реакционно, — поэтому подобная агитация обретала здесь благодатную почву. Особенно весомым казался аргумент, что хозяйственный хаос, вызванный «социализацией земли», якобы парализует деятельность хлеборобов в этом сезоне и Украина будет не в состоянии поставлять немцам хлеб, которого с жадностью ожидали Германия и Австрия, и данной перспективой мотивировали Брестский мир («мир для хлеба»). Немецкое командование под влиянием всех этих донесений с мест и аргументов своих подчиненных решило взять в свои руки руководство украинской политикой, и главный комендант немецких сил на Украине фельдмаршал Айхгорн отдал своим подчиненным приказ принять все меры к предотвращению недосева, а в отдельной инструкции определил новые нормы земельных работ, которые полностью расходились с земельным законом и явно были предвестниками возобновления помещичьего хозяйства.

Украинские прогрессивные круги, которые сначала в мягкой форме отговаривали немецкое командование от всяческих вмешательств во внутренние дела Украины, а особенно в ее социальную политику, были вынуждены таким поведением немецкого командования пойти на более решительные шаги. Сначала министр юстиции оповестил украинские суды о том, что процессы, ведущиеся немецкими и австрийскими судами над украинскими гражданами, не имеют силы и являются незаконными актами. Затем министр земельных дел опротестовал перед Центральной Радой распоряжение Айхгорна и сложил с себя полномочия. Центральная Рада не приняла его отставку, но постановила оповестить население о том, что приказы Айхгорна не должны выполняться, а Совету Министров поручила опротестовать перед немецким правительством поведение его военных

представителей. Эти постановления Центральной Рады, принятые 13 апреля, удалось, невзирая на все препятствия, передать в Берлин, и в берлинском парламенте оппозиция по этому поводу готовилась к большой критике поведения военного командования на Украине. Тогда командование решило выйти из положения путем переворота: оно шагнуло навстречу тем призывам, которые были обращены к нему со стороны украинских и неукраинских помещичьих и капиталистических кругов, и согласилось своей военной силой обеспечить ликвидацию социалистического правления и возвращение монархии в форме украинского гетманства.

Видя, что никто из авторитетных украинских деятелей не соглашается принимать власть из германских рук, немцам пришлось выдвинуть в качестве кандидата на гетманство швабра немецкого главного команданта — генерала Скоропадского, ничем не связанного с украинством, за исключением далекого родства с бывшим когда-то гетманом. Киев и его окрестности были заняты немецкими войсками (австрийские части были высланы); «сине-жупанную дивизию», сформированную из военнопленных украинцев, насильно разоружили; связь с Берлином была полностью прервана; было официально объявлено введение военной юстиции для охраны порядка, а специально в Киеве, якобы ввиду приближения 1 Мая, установлена усиленная немецкая охрана. На этом основании некий военный чин, будто без ведома самого Айхгорна, распорядился арестовать нескольких министров, которых немцы считали наиболее опасными для своей акции. Немецкий вооруженный отряд, разыскивая их, 28 апреля вошел во время заседания Центральной Рады в ее здание: перевернул все помещения, будто бы пытаясь найти склад оружия, приготовленного для восстания против немцев, забрал архив, а в зале заседаний, под угрозой стрельбы прервав собрание, подверг ревизии всех членов Центральной Рады и самого ее председателя, несмотря на его протест, и закрыл заседание. В ту же ночь военный агент немецкого правительства полковник Штольценберг, вместо того чтобы объяснить этот неслыханный поступок, поставил перед председателем Центральной Рады ультимативный вопрос: не считает ли Центральная Рада, ввиду своего конфликта с немецкими властями, необходимым прекратить свою деятельность. Когда председатель заявил, что Рада самоупразднится, передав свою работу Учредительному собранию, это было использовано как основание для дальнейших действий. На следующий день, 29 апреля, под охраной немецких пулеметов собранные в Киеве «большие и малые землевла-

дельцы» провели церемонию избрания на гетманство Скоропадского. Немецкая военная сила сделала невозможными заседания Центральной Рады, — последним актом Рады было одобрение давно подготовленного проекта конституции, которой Скоропадский противопоставил свою «грамоту» ко всему украинскому народу.

Немецкий штык «решил вопрос», началось гетманско-немецкое правление, но украинское крестьянство ответило ему своим восстанием.

УКРАИНА ПОД ИГОМ ТОТАЛИТАРИЗМА И ПОСЛЕ ЕГО ПАДЕНИЯ

Выдающийся памятник украинской исторической мысли «Иллюстрированная история Украины» М. Грушевского была впервые издана в 1911 г. В течение последующих десяти лет она неоднократно переиздавалась с неизменным успехом. Это и неудивительно. Книга принадлежит перу ученого с мировым именем¹. Несомненно, она явилась одной из ступеней, по которым М. Грушевский в 1917 г. поднялся до высот лидера Центральной Рады. Последние главы «Истории», посвященные украинской революции, написаны не только ученым, но и политиком, еще не остывшим от пыла борьбы, не скрывающим своих симпатий и антипатий, но и не осознавшим до конца причин собственных поражений.

С 1894 г. по 1913 г. научная и общественно-политическая деятельность ученого была тесно связана со Львовом. В 1898 г. М. Грушевский опубликовал первый том «Исторії України-Руси». Это многотомное издание стало первым фундаментальным изложением истории Украины с древнейших времен до середины XVII в. Со временем оно приобрело славу классического труда по истории Украины, имело несколько переизданий и принесло своему создателю мировую научную известность. Этим трудом М. Грушевский бросил вызов официальной русской историографии, рассматривавшей историю восточных славян исключительно через призму российской государственности.

---

¹ Михаил Сергеевич Грушевский родился в 1866 г. Первое увлечение украинской историей пришло к нему во время обучения в гимназии. Тогда он познакомился с трудами известных в XIX в. историков — П. Костомарова, П. Кулиша, М. Максимовича, А. Метлинского, А. Скакальского и др. Юношеское увлечение предопределило выбор будущей профессии. С 1886 г. по 1890 г. М. Грушевский изучал историю и философию в Киевском университете, там же в 1894 г. защитил магистерскую диссертацию и по рекомендации В. Антоновича возглавил кафедру всеобщей истории Львовского университета.

Грушевский разработал свою схему и периодизацию истории Украины. Его профессиональные интересы не ограничивались только украинской историей, он плодотворно работал как литературовед, фольклорист, археограф, социолог. Из-под его пера вышло около 2 тыс. научных трудов.

Ученый обладал удивительным талантом организатора. При его активном участии было создано Наукове товариство ім. Т. Шевченка во Львове, а затем Українське наукове товариство в Киеве. Грушевский стоял у истоков создания нескольких украинских научных и общественно-политических периодических изданий, таких, например, как «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», «Літературно-науковий вісник», «Україна», «Джерела до історії України-Руси».

В 1914 г. царское правительство арестовало Грушевского, обвинив его в подрывной антигосударственной деятельности. Годы первой мировой войны ученый провел в ссылке за пределами Украины. Только в марте 1917 г. он смог возвратиться в Киев. В 1917—1918 гг. он председатель Центральной Рады, один из инициаторов провозглашения Украинской Народной Республики. В марте 1919 г. ученый эмигрировал; жил и работал в Берлине, Вене, Париже, Праге.

В 1924 г. с началом украинизации и с разрешения советского правительства М. Грушевский возвратился в Украину и в том же году был избран академиком АН Украины, а в 1928 г. — академиком АН СССР. Пока на Украине проводился курс украинизации и большевистский режим нуждался в кадрах старой интеллигенции, он активно использовал имя и организаторские способности Грушевского. В конце 20-х годов, когда развернулась борьба с «украинским буржуазным национализмом», Грушевского вынудили уехать из Киева в Москву. В 1931 г. органы ГПУ сфабриковали процесс так называемого Украинского национального центра, в котором первоначально Грушевскому предназначалась роль руководителя. Но в последний момент он был изъят из числа обвиняемых. Через три года ученый скоропостижно скончался.

Впервые на русском языке «Иллюстрированная история Украины» была опубликована в 1913 г. Настоящее издание дополнено переводом шести последних глав, касающихся истории украинской революции и деятельности Центральной Рады, написанных Грушевским для венского издания книги в 1921 г. на украинском языке.

В советское время судьба книги сложилась драматично. Грушевский умер после сомнительной операции в 1934 г. (за неде-

лю до убийства Кирова) и вскоре был объявлен отцом украинского буржуазного национализма. О переиздании его трудов или их популяризации долгие десятилетия не могло быть и речи. И только с провозглашением независимости Украины они возвращаются к читателю. Возвращаются, к великому прискорбию, с большим опозданием. Адресованные прадедам и дедам, они попадут в руки внуков и правнуков, имеющих мировоззрение и общественную практику, значительно отличающуюся от общепринятых в начале XX в. Известно, что каждое последующее поколение пишет свою собственную историю, исходя из того мировоззрения, которое определяет его отношение к современному миру. Это обстоятельство нисколько не умаляет значения истории как науки. Более того, именно оно делает эту науку необходимой, а историография выступает в роли своеобразной нити Ариадны, благодаря которой можно проследить путь человечества по лабиринтам собственного прошлого.

Тоталитарная советская государственная система наложила заметный отпечаток на современное понимание отечественной истории. Поэтому сегодня история Украины, написанная даже ученым такой величины, как Грушевский, нуждается в ряде уточнений, развитии и переосмыслении отдельных положений, в первую очередь это касается событий, которые в момент написания книга входили не в сферу истории, а в сферу политики, к которым перо ученого только прикоснулось. Кроме того, задача этого послесловия — обозначить наиболее характерные моменты истории Украины, имевшие место после написания книги.

Для современного читателя «Иллюстрированная история Украины», несмотря на ее солидный объем, как бы оборвалась на полужае, в момент наиболее острого развития сюжета — возникновения Украинской Народной Республики на развалинах Российской империи. Сегодня мы переживаем процесс крушения советской империи и мучительно трудных попыток становления украинской государственности. Некоторые явления прошлого и настоящего настолько близки, что рождается сомнение, а не повторяется ли история, вопреки твердо усвоенному убеждению о ее непрерывном поступательном движении? И если эта (крамольная) мысль верна, то возникает множество других вопросов. Что же является причиной нашего кружения или, вернее, топтания на месте? Что отличает нас от стремительно развивающегося западного общества, примеру которого следуют сегодня самые слаборазвитые страны Азии и Африки, оставляя нас в жалком одиночестве размышлять над горьким опытом неосуществившихся социалистических иллюзий. Впро-

чем, многим эти иллюзии и сегодня приятно кружат голову, и причины происходящей исторической драмы они видят не в характере избранного ранее пути, а в кознях новоявленных демократов, украинских националистов, в самой идее независимости Украины.

Но зададимся вопросом: виновато ли дерево в том, что, несмотря на все старания садовника, оно неспособно расти корнями вверх? Как бы садовник ни уничтожал крону дерева, она, пока есть движение влаги в корнях, будет воссоздавать себя. Дерево можно или срубить, или выращивать как дерево, культивировать, развивать имманентно присущие ему качества, не без основания рассчитывая на щедрые урожаи. Дерево нельзя принципиально видоизменить в фабрику, завод. Только в сказках на груше вырастают баранки.

Человеческое общество в той же мере следует закономерностям развития собственной природы. Если государство (садовник) создает необходимые условия для развития общества, то жизнеспособное общество обеспечивает мощь и процветание государства. И, наоборот, глумление государства над обществом, попытки навязать ему несвойственные формы развития, может, и приносят сиюминутные с исторической точки зрения плоды, но всегда заканчиваются плачевно для государства-деспота. Рано или поздно оно терпит жестокий крах, обрекая при этом на жестокие испытания деформированное, искалеченное общество. Путь из этого состояния один — вернуться к жизни по естественным законам развития. История XX в. дает достаточный материал для подобного утверждения. Успехи западной цивилизации, к примерам из истории которой мы будем обращаться неоднократно, во многом основаны на сбалансированных правовых отношениях общества и государства, их партнерских отношениях. Наличие трех ветвей власти, верховенство закона над властью, гражданский характер западного общества гарантируют последнее от государственного насилия, такого его проявления, как тоталитаризм.

Очень важно, чтобы государство строилось и функционировало с учетом ментальности того народа, который оно представляет, в этом случае наиболее продуктивно расходуется творческая энергия общества. Если государство объединяет два или больше народов, ему необходимо строить свою политику на согласовании межэтнических интересов, а это далеко не всегда приводит к желаемым результатам, создает дополнительные, а часто непреодолимые трудности общественного развития. Поэтому в Европе еще в прошлом веке можно было наблюдать

интенсивный процесс создания мононациональных государств на месте отживших себя империй. Страны, ставшие на этот путь, добились прекрасных результатов. Например, Шведское королевство, мирно разделившееся на собственно Швецию и Норвегию. Не менее важно найти побудительные причины для консолидации народа вокруг государства, превращения его в такое этносоциальное объединение, как нация. Путь такой консолидации мелких разобщенных княжеств в прошлом веке прошла Германия; аналогичным путем была создана итальянская нация.

Драма истории Украины, ее народа состояла в отсутствии нормальных взаимоотношений между обществом и государством. В течение длительного периода времени украинский народ не имел своей государственности. Как народ, он сформировался, пребывая в составе Речи Посполитой. Социальный и национальный гнет, который исходил от этого государства, привел к формированию специфичного архаичного, волюнтаристского украинского менталитета, в котором изначально были заложены недоверие и враждебность к государственной власти. Этот менталитет, на наш взгляд, в первую очередь и не позволил укрепиться Украинскому козацкому государству, которое постоянно подрывалось внутренними политическими интригами за власть и против власти. Вступив в военно-политический союз с Московским государством, Украина довольно быстро лишилась своей неокрепшей, не имевшей длительной традиции государственности, а к концу XVIII в. она оказалась полностью инкорпорированной Российской империей, сведенной к рангу российской территории. Это имело глубокие этносоциальные последствия для украинского народа. Если мемуары, путевые заметки путешественников XVII—XVIII вв. полны разительных отличий, замеченных между Россией и Украиной, типом культуры, поведения, умонастроения населения, то в XIX в. эти отличия быстро исчезают. Потеряв государство, украинцы потеряли свою социальную и государственно-политическую элиту, потеряв государственный аппарат, они потеряли города, отданные под власть русской администрации. В XVIII в. украинцы считались более образованными и причастными к европейской культуре, чем русские, к концу XIX в. они на 80% состояли из неграмотных. Нет нужды особенно акцентировать на этом внимание, поскольку М. Грушевский сделал это довольно подробно. Но, на наш взгляд, есть необходимость остановиться на природе Русского государства, истоках его формирования, ибо без понимания этого важного аспекта нам не понять ни истории

России, ни истории Украины XX в., ни их современное состояние.

* * *

В XIII в. единство восточнославянских земель, в течение нескольких столетий до этого объединенных под властью Киевской Руси, оказалось разорванным. В силу сложившихся к XIII—XIV вв. внешних и внутренних геополитических и социально-экономических факторов на территории Восточной Европы образовался ряд новых государственных объединений, которых ранее невозможно было отыскать на политической карте, и среди них Московское княжество.

Русские историки XIX в., исповедывая государственную доктрину, называли его преемником Киевской Руси. М. Грушевский возражал этому, относя Киевское государство к украинской истории. По части возражения он был, несомненно, прав. Разделяя эту точку зрения, сошлемся на авторитет известного этнолога современности Л. Гумилева, который считает, что сравнивать Московскую Русь с Киевской все равно, что сравнивать Ватикан с древней Римской империей. На формировании Московского государства, считает Гумилев, прежде всего отразилось влияние кочевого Востока. Два столетия пребывания в сфере политических интересов Золотой Орды не могли не сказаться на молодом государстве. После угасания Золотой Орды Московское царство выступило в роли ее преемника. Овладение евразийским пространством стало одним из мощных постоянно действующих факторов геополитики московских правителей — князей, царей, императоров, генеральных секретарей и президентов. Если монголам новые территории нужны были в силу их экстенсивного способа производства — кочевого скотоводства, то в России после объединения этнических земель накопление территорий стало самоцелью, идефикс, сформировало определенное национальное государственное мировоззрение. Рост территорий происходил так быстро, что за ним не успевал рост населения. А это приводило к тому, что земля не имела настоящей цены, столетиями она пребывала в первобытном состоянии, использовалась по-варварски несколько лет, а затем бросалась. «В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря, как на проклятие Божие, и болеет «охотой к перемене мест», — писал в очерке «О русском крестьянине» М. Горький. Там же он довольно точно определил водораздел между русской и западной куль-

турой. «Человек Запада еще в раннем детстве, только что встав на задние лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до тоннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везувия, от великой работы Англии и до мощных силезских фабрик — вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей — воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека. Земля в руках человека, и человек действительно владыка ее. Это впечатление всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности, как наследника чудес труда и творчества предков.

Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания».

Сегодня написанное Горьким более 70 лет назад очевидно многим, но мало кто понимает, как глубоки исторические корни разительных отличий сравниваемых культур. Западная цивилизация с эпохи Возрождения перешла к интенсивным методам хозяйствования, задействовала наиболее рациональным образом каждый клочок свободной земли, обустроила города, окультурила производство и быт. Россия в это время всю энергию государства и общества направила на нагромождение территорий. И сегодня территориальный вопрос воспринимается наиболее болезненно в России, которая по величине территории не сравнима ни с какой другой страной в мире. Парадоксально, что Центральная Россия каждый год теряет сотни сел, целые районы, а энергия общества направлена не на их рекультивацию, а на воссоздание «единой и неделимой». Этому феномену есть определенное историческое объяснение. Состоит оно в том, что Россия так и не смогла решительно переступить через черту экстенсивного развития; возможно, в этом и не было особой нужды, и уже совершенно точно, что своего апогея Российская империя достигла во времена могучего наращивания территорий. Не секрет, что это имеет и самое непосредственное отношение к Украине. Описания братского единения двух родственных народов в 1654 г. как в русской, так и в украинской историографии — не более чем миф.

Историки не имеют каких-либо веских доказательств массового волеизъявления русского и украинского народов на этот

счет. Несомненно, в 1654 г. состоялся политический союз русских и украинских государственных структур. Причем, как пишет Грушевский, каждая сторона имела свои интересы. Хмельницкий и старшина ожидали от России «помощи в борьбе с Польшей для освобождения Украины и свободной жизни». Москва же «смотрела на Украину как на новое приращение своего царства и хотела крепко взять ее в свои руки». В этом фрагменте Грушевский как бы отметил еще одну изначально характерную для Московского централизованного государства, а затем и империи черту, унаследованную от Золотой Орды, — деспотический характер государственной власти, ее полное отчуждение от общества, полное подчинение последнего первому. В России общество практически не имело возможности к свободному саморазвитию, самосовершенствованию, у него было одно право и обязанность — обслуживать интересы государства

Государственное регулирование общественной жизни, ее скрупулезная регламентация достигли в России первой половины XIX в. небывалого размаха Россия вплотную подошла к созданию общества закрытого типа. До введения государственного социализма оставался лишь один шаг, вся трудность заключалась в отсутствии достаточно развитых инфраструктур, без которых управление обществом закрытого типа, да еще и на таких территориях, было задачей невыполнимой. Поэтому Николаю I и его верному помощнику Аракчееву удалось войти в историю строительства социализма только в качестве творцов военных поселений, длинная линия которых рассекла юг Украины, земли ликвидированной Екатериной II вольницы украинского народа — Запорожской Сечи. Жизнь в поселениях регламентировалась до мелочей быта и по часам на многие годы вперед. Впрочем, жизнь остальной части населения империи мало чем отличалась от военнопоселенцев. Особенно сильной унификации и регламентации подлежало нерусское население империи. У нас нет необходимости подробно говорить о национальном гнете царизма, в книге Грушевского на примере Украины он описан достаточно полно, подчеркнем только, что империя была злой мачехой не только для украинцев, и не случайно за ней закрепилась слава — «тюрьмы народов».

По меткому наблюдению Ключевского, ситуация в России складывалась таким образом, что «государство пухло, народ хирел». Однако государственное благополучие, основанное на приращиваниях территорий и эксплуатации общества, оказалось недолговечным. Еще в XVIII в. Россия представлялась колоссом в европейском масштабе. Но уже Наполеон рассмотрел

его глиняные ноги. И если в войнах с Наполеоном Россия не только удержалась, но и вышла победительницей, то к середине XIX в. она ничего не смогла противопоставить союзу Франции и Англии. Несмотря на огромное количество природных ресурсов и значительное население, она по всем статьям проиграла Крымскую войну. Причины поражения состояли в огромных противоречиях между обществом и государством, в рутинном, примитивном, казарменном состоянии общественных и экономических отношений.

Западные страны к середине XIX в. сделали поразительный рывок вперед благодаря энергии раскрепощенного человека — буржуа, предпринимателя, торговца, банкира, фермера. Свободный в проявлении инициативы человек Запада энергично умножал свое богатство, тем самым умножая богатство общества и в конце концов государства. Русский человек, закабаленный крепостным правом, работал из-под палки, постоянно натываясь на ограничения собственной инициативы.

Александр II, сменивший Николая I на русском престоле, понял, что страна нуждается в глубоком реформировании общества, его освобождении из-под государственной опеки. В 1861 г. в России начался ряд реформ, которые впоследствии были названы великими. Ликвидация крепостной зависимости крестьянства, введение земств, судебная, военная, образовательная реформа дали огромный толчок к модернизации российского общества. Высвобожденная общественная энергия за несколько десятилетий изменила лицо России, — превратила ее к началу XX в. в среднеразвитую европейскую страну.

Однако и эти реформы не отличались последовательностью. Еще при Александре II усилился национальный гнет, особо ошутим он был по отношению к Украине. При Александре III предприняты так называемые контрреформы, цель которых заключалась в стремлении снова закрепостить общество. Можно сказать, что освобождение общества от гнета государства и стремление последнего вернуть его в состояние полного подчинения составляли главные тенденции, сущность общественно-политической жизни России до 1917 г. Между российским обществом и властью так и не установилось доверительных отношений, а тем более широкого сотрудничества. И как следствие: либерально-демократические формы политической жизни в России не получили необходимого развития, заметными они были только в период между первой и второй российскими революциями. В целом политическая среда в России сформировалась под влиянием крайнего радикализма как революционно-освободитель-

ное движение. Оно развивалось под лозунгами свержения самодержавного строя, служения интересам народа и построения социалистического общества.

Основу назревавшего конфликта между российским обществом и государством довольно точно определил Н. Бердяев: «Основное столкновение было между идеей империи, могущественного государства военно-полицейского типа, и религиозно-мессианской идеей царства, которое уходило в подземный слой, слой народный, а потом в трансформированном виде в слой интеллигенции. Столкновение между сознанием империи, носителем которой была власть, и сознанием интеллигенции будет основным для XIX века. Власть все более и более будет отчуждаться от интеллигентских, культурных слоев общества, в которых будут нарастать революционные настроения».

* * *

К началу XX в. Россия во многом изменилась, но не настолько, чтобы вписаться в новый виток мировой истории. Этот период ее прошлого можно характеризовать только как ряд сплошных противоречий. Выхватывая из него отдельные положительные моменты, некоторые публицисты и историки пытаются создать сусальный образ страны, которую мы потеряли в октябре 1917 г. Но следует понимать, что к этой критической точке своего развития Россия неумолимо двигалась сама. Модернизировать общество, его экономику (не только городскую, но и сельскую) и сохранить при этом самодержавную власть, «единое и неделимое» государство оказалось задачей непосильной. Пример тому — неудача реформ Столыпина, искренне желавшего величия России.

Первая мировая война в очередной раз продемонстрировала гнилость империи, и она рухнула в одночасье февраля 1917 г., не сумев ничего противопоставить ярости очередей у хлебных магазинов.

Весной 1917 г. страна купалась в волнах революционной эйфории, общество упивалось завоеванной свободой, сжигало политическую энергию в потоке митингов, демонстраций, съездов, слабо представляя себе тяжесть груза нерешенных проблем, доставшихся в наследство от прошлых времен, и реальные перспективы ближайшего и более отдаленного будущего.

Массовое сознание россиян в 1917 г. было пронизано социалистическими идеями. Их пропагандировали практически все политические партии. Социалистические общественные органи-

зации, вплоть до Социалистического общества глухонемых, вырастали как грибы после дождя. Рассматривая этот феномен, видный русский историк А. А. Кизеваттер отмечал «изумляющее иностранцев повальное стремление громадной части россиян непременно во что бы то ни стало объявить себя социалистами».

Газеты, журналы, брошюры создавали радужную картину будущего социалистического общества, в котором «нужда и голод исчезнут и удовольствия будут одинаково доступны всем. Прекратятся кражи, грабежи. Вместо принуждения и насилия наступит царство свободы и братства». Социализм воспринимался не через марксистскую теорию, а через систему моральных и идейных основ христианства. Желание социалистического «царства свободы и воли» было близко российскому исканию православного духовного царства. Более того, если христианская религия обещала осуществить социальную справедливость в потустороннем мире, то социалистическая идея предполагала переустройство мира реального. В массовом сознании крепло убеждение, что новое справедливое общество где-то рядом, что именно оно способно в корне изменить жизнь страны и каждого отдельного человека. Можно сказать, что очень быстро в России сформировалась социалистическая политическая субкультура, которая наложила сильный отпечаток на развитие революции, ее символику. Скажем, весной 1917 г. в виде революционного символа широко использовалось изображение скрещенных серпа и молота, а красный флаг стал подниматься над Зимним дворцом во время пребывания там премьер-министра А. Ф. Керенского. И лишь позже эти символы были утверждены большевиками как атрибуты государственной власти.

Одновременно в массовом сознании прослеживались антибуржуазные настроения. Капиталист, буржуа выглядел инородным телом в системе российского общества, именно он представлялся виновником несчастий народа, его внутренним врагом. «Буржуями» именовали всех собственников, зажиточных людей, солдаты — офицеров, фронтовики — тыловиков, крестьяне — городских жителей, термин «буржуй» помогал обозначить антизападные, антигородские настроения. Даже русская буржуазия избегала этого самоназвания, предпочитая именоваться «торгово-промышленным классом».

Это было следствием неразвитости российского капитализма, его неумения решить задачу агропромышленной модернизации страны. Чем критичнее становилось экономическое поло-

жение в 1917 г., чем туже затягивался узел нерешенных проблем, тем сильнее становилась вера в спасительную силу социалистических идей и ненависть к буржуазии. Особые выгоды такое положение принесло большевикам. В отличие от других политических партий, пропагандировавших социализм, но считавших, что Россия от него еще далека, большевики решительно звали народ на социалистическую революцию.

Огромное количество фактов говорит о неизбежности этой революции. Октябрь произошел в силу огромного объема нерешенных общедемократических задач. Советская историография всегда подчеркивала неспособность Временного правительства к решению этих задач. И это несомненно правда, но правда только отчасти. Вся полнота правды, на наш взгляд, заключается в утверждении, что ни одно гипотетически мыслимое правительство не смогло бы решить весь комплекс накопившихся проблем. Он мог быть решен только путем социального взрыва, что и произошло в конце 1917 г.

Под влиянием большевистской пропаганды и советской историографии в сознании многих поколений Октябрь запечатлелся как социалистическая пролетарская революция или, как сегодня говорят, большевистский переворот, что практически не меняет сущности события, т. е. представляет революцию как цельное явление. А это не отвечает действительности. Несомненно, события в Петрограде, связанные с падением Временного правительства и провозглашением советской власти, имели ключевое значение, но не исчерпывали все содержание революции. Сегодня ученые (см. доклад японского историка Харуки Вада на международной конференции «Россия в XX веке», Москва, апрель 1990 г.) предлагают рассматривать описываемые события как комплекс революций, каждая из которых имела различные корни в глубинах российской истории. Отметим также верное, на наш взгляд, замечание российского академика П. В. Волобуева, что «сплетение, соединение разных революций не только усиливало ее мощь и масштабность, но и было источником противоречий и известной слабости, а также затрудняло решение задач той или иной революции».

Для подавляющего большинства революций, известных мировой истории до октября 1917 г., главным и, как правило, единственным вопросом, требовавшим разрешения, был вопрос о политической власти. Октябрьское восстание большевиков можно расценивать как политическую революцию, но стоит сразу оговорить ее отличительный характер от своих предшественниц. На Западе победившие политические революции приводили к

созданию более демократических, по сравнению с ранее существовавшими, политических структур, формированию новых общественных отношений на основе более высокой правовой защиты граждан, расширению общественных свобод, более полному раскрепощению общества. Если революционное насилие и террор применялись по отношению к активно и явно противодействующим силам, то они, как правило, не имели основополагающего методологического значения, выступали подручными средствами, инструментами политической борьбы.

В октябре 1917 г. борьба за власть была направлена против неокрепших демократических государственных институтов послеромановской России, она велась под лозунгами установления «диктатуры пролетариата» и привела к формированию одного из наиболее жестоких в XX в. диктаторских режимов. Террор и насилие стали сущностью новой власти, ее отличительной чертой на протяжении всей истории режима. Именно коммунистам удалось то, к чему в свое время так стремились, но чего не смогло достигнуть самодержавие: создать закрытый тип общества, полностью подчиненный воле государственного аппарата.

На первый взгляд может показаться, что в этом утверждении нет внутренней логики, ведь хорошо известно, что большевики всегда считали себя могильщиками самодержавия, искренне верили, что создают новый тип государства и общества, и тем не менее, если подробно и глубоко проследить ход политической революции, то, отметив в нем ряд противоречий и трансформаций, мы придем к выводу, очень близкому к наблюдениям М. Джиласа. Коммунисты, «веруя, что создают новое идеальное общество..., строили свое, такое, какое только и были в силах выстроить». А в силах они оказались только модернизировать существовавшее столетиями в Российской империи отношение между обществом и государством. Коммунистическое государство установило полный контроль за деятельностью общества, регламентировало его трудовую, духовную, культурную и, конечно, политическую жизнь. Именно в этом отношении мы можем говорить о преемственности самодержавной и коммунистической империй. Известный русский мыслитель И. Ильин на вопрос, как он оценивает большевизм, ответил: «Как болезнь, которая имеет очень глубокие корни». Есть определенные основания говорить об иррациональном характере революции. В самом деле, ни один из лозунгов, под которыми она совершалась, не был осуществлен. Крестьяне не получили земли, рабочие — фабрик и заводов, общество в целом политических свобод, при

всем желаним большевиков революция не превратилась в мировой коммунистический пожар, но очень быстро приобрела форму гражданской войны. Как известно, главным оппонентом большевиков в гражданской войне выступало белое движение. Одной из идейных основ его был лозунг сохранения единой и неделимой России. Можно с уверенностью говорить, что этот лозунг стал камнем преткновения на пути консолидации всех антикоммунистических сил и предопределил поражение белых в гражданской войне. Но парадокс: именно большевикам суждено было воссоздать практически единую и неделимую Россию.

Все сказанное выше указывает на синтетическую природу большевизма, на несостоятельность бытующих сейчас в науке и публицистике легковесных утверждений о революции, навязанной стране лишь большевиками, о революции как заранее спланированной и проведенной в соответствии с марксистско-ленинской доктриной акции, в которой была реализована злая воля большевизма. Все представляется сложнее. Большевиков можно рассматривать как немногочисленную до октября 1917 г. группу политических доктринеров, фанатично веровавших в возможность преобразования общества в соответствии с классовой теорией. Но если бы сущность большевистской политической партии этим была исчерпана, то ей оказалось бы не под силу удержать власть в своих руках и на протяжении нескольких месяцев. Нельзя не видеть, что это была наиболее прагматично действовавшая политическая сила, которая сумела эффективно использовать государственную власть, поставить ей на службу значительную часть общества и получить определенную социальную поддержку. Большевики превратились в партию маргинализованного революцией, мировой и гражданской войнами общества. Проводимая ими политика, невзирая на ее утопичность, цинизм и аморальность, оказалась наиболее приемлемой для городских и деревенских низов. Ни одна другая партия России в этом отношении не может быть сравнима с большевиками.

В этой связи нельзя не обратить внимания на наблюдения Н. Бердяева о том, что «самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям... и русским методам управления и властвования насильем».

Отстаивая взгляд на революцию как инструмент (метод) модернизации империи, нельзя упускать из виду сам процесс модернизации, ибо внесенные им изменения в сущность модернизированного государства и общества были достаточно значительны. В первую очередь обратим внимание на новый тип общественных отношений, который установился в коммунистической империи. В основе его лежало уничтожение частной собственности и ее полное замещение собственностью общественной (хотя более правильно было бы ее называть государственной). В связи с этим можно говорить о полном изменении структуры общества, которое стало возможным вследствие социальной революции. Политическая революция в России наиболее тесно была связана с революцией социальной. О предпосылках ее мы говорили, отмечая социалистические, антибуржуазные настроения общества в 1917 г. Эти настроения полностью совпадали с коммунистической доктриной и умело использовались большевиками при захвате власти. Популизм первых ленинских декретов (о земле, о мире, о рабочем контроле) очевиден. Игра на социальных инстинктах солдат, рабочих, крестьян способствовала полному разрушению старой социальной системы. Крестьяне получили право безнаказанно делить чужое добро, солдаты освобождались от необходимости придерживаться присяги и исполнять свой долг, рабочие вместо производительного труда занялись сведением счетов с работодателями. Революция приобрела форму апокалипсиса: «Прошло всего 14 месяцев, и Россия испытала такой погром и разгром самое себя, перед которым бледнеют все бедствия, вынесенные нами в нашей многотрудной и терпеливой истории, — писал весной 1918 г. известный русский философ В. Розанов. — Ни татарское жестокое нашествие, ни вхождение в Россию Наполеона, ни Крым и Севастополь, ни половцы и печенеги не вносили в Россию и малой доли того крушения сил ее, какие внесли эти всего 14 месяцев. Буквально, мы стоим как бы при начале русской истории, буквально — русская история как бы еще не начиналась... Понадобилось призвать русских людей друг на друга, возбудить сословную или так называемую «классовую рознь», хотя с чужого голоса русские люди впервые выучились или, вернее, начали выучиваться произносить слово «класс»... как будто вообще «езда» не состоит из ямщика, коней и саней. Но кому-то понадобилось распрячь русские сани, и кто-то устремил коня на ямщика, с криком — «затопчи его», ямщика на

лошадь, со словами — «захлещи ее», и поставил в сарай сани, сделав невозможной «езду».

В конце 1917 — начале 1918 года, пока социальная стихия масс уничтожала остатки старого строя, политическая и социальная революции совпадали, и это совпадение было на руку большевистской партии. Ее вожди дружно призывали низы к развязыванию гражданской войны, без которой, как они считали, новое коммунистическое общество построить не удастся. Н. Бухарин пытался теоретически «рассмотреть в дыму пожара и в грохоте гражданской войны торжественные и величавые очертания будущего общества». «Никогда еще не было такой грандиозной ломки, — восклицал он. — Но без этого не могла быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам строит фундамент будущего общества».

Полный распад ранее существовавших в обществе социальных связей, массовая маргинализация населения проложили большевикам путь к власти. Но Ленин довольно быстро понял, что необузданная социальная стихия низов не менее опасна, чем поверженный капитализм. Весной 1918 г. он начинает вести разговор о проведении дисциплины и самодисциплины трудящихся. Условием такой дисциплины он называет государственный контроль за массами или насилие, принуждение: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение». Ленин не скрывает государственно-диктаторские настроения, демонстрирует полное разочарование рабочим контролем, самостоятельностью масс, ведет спор с левыми коммунистами в вопросах построения социализма. Он становится ярким сторонником методов госкапитализма, государственного регулирования производства и потребления. Одновременно он разворачивает яростную кампанию травли анархической стихии, на волне которой недавно пришел к власти. Главным врагом революции объявляется мелкая буржуазия. Противопоставление стихии мелкого собственника диктатуре пролетариата и социализму становится любимой пропагандистской темой вождя. Он провозглашает крестовый поход против «кулака», этот термин на долгие годы становится политическим жупелом в борьбе с крестьянством.

Если принять во внимание, что 80% населения России составляло крестьянство, а так называемые эксплуататорские классы только 2—3%, то можно, несколько упростив схему, прийти к выводу, что гражданская война, растянувшаяся на три кровопролитных года, была в первую очередь войной государства

диктатуры пролетариата с мелкособственнической стихией, которая не желала участвовать в непосредственном строительстве коммунизма, предпринятого большевиками с весны—лета 1918 г. Чем более деспотичными, грубыми и жестокими становились репрессии государства, тем яростнее противилась им стихия. Размах антикоммунистических восстаний в начале 1921 г. вынудил большевиков пойти на уступки крестьянству, отказаться на время от политики «военного коммунизма» и таким образом сохранить и укрепить свою власть. Несмотря на введение нэпа, «военный коммунизм» имел необратимые последствия. За годы его существования было разрушено старое общество и сформированы новые экономические и общественные отношения, которые позже на многие десятилетия вперед определили существо тоталитарной системы. В годы гражданской войны и «военного коммунизма» были ликвидированы не только помещики и капиталисты, но и значительная часть старой интеллигенции (процесс ее ликвидации продолжался и после войны и практически закончился в годы «большого террора»). Репрессивная политика советской власти против интеллигенции не вызывала особых возражений среди рабочих и крестьян, поскольку первые воспринимались последними как господа.

Ликвидация старой интеллигенции привела к значительному падению интеллектуального уровня страны, уничтожению узкой прослойки общества, обладавшей специальными техническими, технологическими, гуманитарными знаниями, создававшей культурные ценности, представлявшей узкий мостик, соединявший Россию с западной цивилизацией. Ликвидация интеллигенции, по сути, уничтожила оппозиционную государству политическую среду, устранила препятствия на пути к господству коммунистической идеологии и была важнейшей предпосылкой формирования тоталитаризма.

Благоприятствовало ему и массовое деклассирование рабочего класса. Теряя традиционные источники существования, деклассированный элемент вынужден был искать новые, а они для него открывались по мере втягивания в деятельность государственных и особенно партийных коммунистических структур, куда вход рабочим с 1917 г. был широко открыт. Интенсивно вовлекались в эти структуры городские мелкобуржуазные слои, мелкие чиновники, необходимые для работы бюрократического аппарата.

На основе большевистской партии в годы революции выросло ядро новой политической системы, а всего несколькими года-

ми позже оно превратилось в новый правящий класс коммунистической империи — политическую бюрократию, в руках которой сосредоточилось все богатство страны. Последнее можно считать главным следствием социальной революции.

Наименее сопутствовали приходу большевиков к власти и образованию коммунистической империи национальные революции. После октября 1917 г. они рассматривались исключительно как буржуазно-националистическая контрреволюция. Несмотря на марксистскую риторику о том, что пролетарские партии признают право наций на самоопределение, очевидно, что национально-освободительные и коммунистические движения опирались на принципиально различную методологию. Одни видели основополагающим элементом своей идеологии нацию, подверженную единству политической воли, направленной на создание суверенного национального государства. Другие исповедовали классовые принципы, считая нацию исторически переходящим образованием, противопоставляли принципу национальной суверенности принципы интернационального единения классов.

Не случайно уже в конце 1917 г. между Советом Народных Комиссаров и национальными правительствами, возникшими на территории Татарстана, Кавказа, Киргизии, возникли конфликты. 4 декабря 1917 г. СНК выдвинул ультимативные требования Украинской Центральной Раде, в которых, по существу, объявил ей состояние войны. В дальнейшем большевики не пропустили случая инспирировать эту войну под видом борьбы за советскую власть.

Национально-освободительные движения не смогли найти общего понимания и с белым движением, что в целом ослабляло, как отмечалось выше, антикоммунистические силы, приводило к еще большему обострению гражданской войны на национальных территориях. Национальная, политическая, социальная, аграрная революции не просто существовали во времени и пространстве, они демонстрировали взаимное противостояние, борьбу, обособленность и одновременно взаимовлияние и взаимопроникновение, отразившиеся на результате каждой и давшие общий результат. Поэтому украинскую революцию следует рассматривать и как национальную, и как часть общероссийской, в которой так или иначе проявились упомянутые ранее тенденции. «Наша украинская революция, к сожалению, не развивалась самостоятельно, она все время вынуждена была соизмерять свой марш с конвульсивными движениями и бросками революции российской, хаотичной и страшной, — вспоминал М. Гру-

шевский. — Российская революция потянула нас сквозь кровь, сквозь разруху, сквозь огонь».

Как вчерашняя советская практика незримо присутствует в нашей сегодняшней реальности, оказывая на нее постоянное давление, так и столетия пребывания в составе Российской империи накладывали огромный отпечаток на ход и развитие украинской революции. Украинцы не просто испытывали национальный гнет со стороны царизма, их общественное развитие подверглось значительным деформациям, они развивались как неполная нация, имея очень слабо развитые классы буржуазии и пролетариата, образование которых проходило в условиях существования общеимперской хозяйственной системы. Безбуржуазность украинской нации следует понимать не как счастливую особенность ее, а как существенный дефект, результат имперского насилия. Украинское крестьянство, составлявшее подавляющую часть нации, имело слаборазвитое национальное самосознание, оно скорее представляло этническую массу, консервированную в глубинах полуфеодальных отношений. Для него национальное освобождение виделось сквозь призму социальных приобретений. И, наконец, украинская интеллигенция, выступавшая главным двигателем национально-освободительной борьбы, была подвержена влиянию тенденций общероссийского революционного движения и, прежде всего, идей социализма.

Социалистическая фразеология присутствовала в программах украинских партий и до 1917 г. Но после падения самодержавия она стала обязательным атрибутом украинской политической жизни. Подавляющее большинство партий объявило себя социалистическими. Даже либерально-демократически настроенное «Товариство українських поступовців» трансформировалось в партию социалистов-федералистов. Представители социалистических партий составляли большинство членов Центральной Рады, входили в состав ее руководящего ядра, возглавляли Генеральный Секретариат. Для украинских эсеров, социал-демократов — а это к тому же была подверженная революционному радикализму молодежь — социалистические позиции играли, на наш взгляд, значительно более важную роль, чем государственно-национальные. Последние были предельно скромными. Центральная Рада стояла на платформе автономии Украины в составе федеративной России до января 1918 г., и только большевистское вооруженное наступление на Киев вынудило ее провозгласить IV Универсалом независимость Украины. М. Грушевский в «Иллюстрированной истории Украины» не

скрывал удовлетворения, признавая, что после пополнения Центральной Рады представителями Всеукраинского рабочего съезда Рада получила «выразительную социалистическую физиономию» и наряду с требованиями политическими (признание автономии) «твердо поставила стремления экономично-социалистические». Наиболее ярко эти стремления проявились в III Универсале Центральной Рады, где наряду с образованием Украинской Народной Республики провозглашалась ликвидация нетрудовой собственности на землю, введение государственного контроля за промышленным производством, выдвигалась инициатива создания единого социалистического правительства России.

Рассматривая украинскую революцию на отрезке от февраля до октября 1917 г., можно сказать, что она, как и российская революция, в целом прошла за это время период демократического, романтического развития, которому наиболее соответствовала деятельность Центральной Рады. Попытки последней направить развитие революции в цивилизованное, демократическое русло вызывают одновременно и чувство симпатии, и горькую констатацию бесперспективности такого пути в конкретных обстоятельствах 1917 г. Демократия оказалась малоэффективным оружием борьбы за независимость. Как вынужден был позже признать М. Грушевский, украинское движение «все время шло от инцидента к инциденту и много раз оказывалось под угрозой катастрофы», которой, по существу, ему и не удалось миновать после прихода к власти большевиков. В тех экстраординарных условиях необходимо было прежде всего создавать твердую государственную власть, необходимые государственные институты, прежде всего национальную армию. С этой задачей Центральная Рада не справилась, ее авторитет к осени 1917 г. упал, часто она шла за событиями, строила свою политику на иллюзиях и ошибках. Ее деятелям не хватало политического опыта, к тому же украинская политическая демократия оказалась количественно немногочисленной и идейно разобщенной. Важно отметить и то, что народ оказался не готовым в своем большинстве национально-государственные интересы поставить выше социальных. Примеров этого в истории революции и гражданской войны в Украине более чем достаточно. Начать можно с конца 1917 г., когда аграрная революция вышла из-под контроля Центральной Рады. Стремление к захвату помещичьей собственности подавило все другие политические интересы. Известный украинский историк В. Липинский писал, что в это время понятие «Украина» было заменено понятием «десятины

земли». «Вместо патриотизма героического, патриотизма посвящения, патриотизма любви вырабатывался нигде в мире не виданный меркантильный патриотизм с расценкой на земельную валюту». Крестьянская стихия заполнила страну, и остановить ее не могла ни одна конструктивная политическая сила. Более того, даже робкие попытки придать экономическую целесообразность аграрным преобразованиям, ввести их в какие-то правовые рамки, как это было с Центральной Радой, воспринимались массами как контрреволюция. Именно на этой разрушительной волне аграрной революции Центральная Рада лишилась поддержки крестьянства.

Множество примеров, демонстрирующих преобладание социальных интересов над национальными, дает крестьянское повстанческое движение, в первую очередь махновское, острие которого было направлено против всякой государственной власти, пытавшейся утвердиться в украинской деревне. В этой связи можно сказать, что украинскому крестьянству была присуща архаическая ментальность. Оно испытывало врожденное недоверие к любой государственной власти, питалось иллюзией, что сможет защитить свои интересы в пределах села, волости, уезда.

Настроения деревни оказывали сильное влияние на украинскую революционную демократию. С течением революции в ее рядах происходила радикализация настроений, проявившаяся в выделении из украинских партий левых групп (боротьбисты, борбисты, независимые), близких по настроениям к большевизму, искавших с ним компромисса и в конце концов поглощенных КП(б)У. Украинская революционная демократия пыталась плыть в фарватере социального движения, что практически не позволяло заниматься национально-государственным строительством. Более того, она отклонила возможность сотрудничества с либерально-консервативными силами возникшей в конце апреля 1918 г. Украинской державы.

Приход к власти гетмана П. Скоропадского М. Грушевский видит исключительно как результат организованного немцами государственного переворота. Сегодня есть основания считать, что это случилось в силу более глубоких политических и социально-экономических причин. Но главное не в этом. Семь с половиной месяцев существования Украинской державы с более или менее твердой властью показывают, как далеко могла бы пойти Украина вперед, если бы ей удалось вырваться из революционного потока в качестве самостоятельного государства. За короткое существование Украинской державы ей удалось зна-

чительно продвинулись именно там, где было возможно эффективное государственное строительство. Это, прежде всего, внешняя политика, результатом которой стало признание Украины множеством государств Европы, подписание прелиминарного мирного договора с Россией, ведение мирных переговоров о разграничении территорий. Не менее важные результаты были достигнуты в культурно-просветительной области. Летом-осенью 1918 г. на Украине было создано 150 украинских гимназий, в русских школах украинский язык и литература, история и география были введены как обязательные предметы. В октябре в Киеве и Каменец-Подольске открылись украинские государственные университеты, и, наконец, в ноябре был закончен процесс подготовки и образована Украинская Академия наук. Особо следует отметить массовое издание различной литературы на украинском языке. С возвращением фабрик и заводов в руки их прежних владельцев наметились процессы стабилизации экономики. Земельный закон, разработанный гетманским правительством, историк Д. Дорошенко назвал одним из лучших в Европе.

Несмотря на это, украинская революционная демократия не пошла на сотрудничество с новыми государственными структурами, стала к ним в оппозицию, а наиболее радикальные элементы ее во главе с В. Винниченко начали подготовку восстания. Интересны мотивы, которыми при этом руководствовался В. Винниченко и которые несколько позже изложил в «Відродженні нації». Украинскую державу он определял как результат «завершения формирования контрреволюционной буржуазной государственности по Украине, начатого Центральной Радой при помощи немецкого милитаризма». А поскольку украинская нация не имела своей буржуазии, то Украинская держава, считал Винниченко, не была украинским государством. Вызвать падение Украинской державы, сыграв на социальных инстинктах крестьянства, Винниченко и созданной им Директории удалось, а вот достичь успехов на пути создания Украинской Народной Республики оказалось не под силу.

В целом отдавая дань писательскому таланту Винниченко, отметим, что он был большим путаником в политике. В 1917 г. в его деятельности ярко проявились элементы демократизма, поиски компромиссных путей развития революции. Далее мы видим все более и более левеющего Винниченко, ушедшего с поста руководителя украинского правительства, разорвавшего отношения с Центральной Радой в конце 1918 — начале 1919 года, склонявшегося к модели советской власти в ее большевист-

ском наполнении, но украинской по форме. В 1920 г. он изъявил прямую готовность войти в правительство УССР в качестве наркома иностранных дел, был введен в состав ЦК КП(б)У. Именно под впечатлением этого компромисса он наткал свою чрезвычайно субъективную историю украинской революции. Вернувшись из эмиграции в Украину, Винниченко ужаснулся методам большевистской власти, разорвал с ней отношения и окончательно эмигрировал. Со временем он, очевидно, осознал свою неспособность к политике, отошел от нее, что и позволило ему более или менее спокойно прожить оставшуюся часть жизни. Но, наверное, не было в истории украинской революции фигуры, которая бы так точно, полно и драматично соответствовала ее характеру, как фигура Винниченко.

15 декабря 1918 г. власть в Украине перешла в руки Директории, провозгласившей восстановление Украинской Народной Республики на основе трудового принципа, который можно рассматривать как палиатив советской власти. Он состоял в том, что высшая власть в УНР должна была принадлежать Трудовому конгрессу, а на местах находиться в руках трудовых советов («трудовых рад»). Избирательным правом наделялись только трудящиеся. При этом непонятно было, как провести черту между трудящимися и эксплуататорами. В декларации Директории от 26 декабря это различие было установлено так: «Классы нетрудовые, эксплуататорские, которые живут и наживаются с труда классов трудовых, классы, которые уничтожали край, разрушали хозяйство и отметили свое правление жестокостями и реакцией, не имеют права голоса в распоряжении государством». В декларации говорилось об отмене гетманского законодательства, передаче помещичьей земли безземельным и малоземельным, разработке рабочего законодательства. В тот же день Директория образовала социалистическое правительство Украины во главе с украинским социал-демократом В. Чеховским и приняла решение о созыве Трудового конгресса.

Восстание Директории против гетманского правительства произошло в поворотный для мировой истории момент. Завершилась первая мировая война. Германия и Австро-Венгрия подписали капитуляцию, и их войска не могли дальше выполнять роль стабилизирующей силы в Украине, более того, их грабительское поведение стало одной из причин восстания.

Франция, промышленники которой вложили в свое время огромные капиталы в металлургическую промышленность Украины, направила в декабре в черноморские порты небольшой

военно-морской десант. Вскоре он был усилен греческими, польскими, английскими войсками. Антанта при этом не хотела иметь дело с Директорией, которую рассматривала как разновидность большевизма.

С другой стороны, большевистская Россия не скрывала своих притязаний на Украину. На VI съезде Советов РСФСР Л. Троцкий призывал захватить Украину, пока это не сделала Антанта; конечно, предполагалось, что это будет шаг к дальнейшему распространению советской власти и мировой социалистической революции. И для большевиков Директория выглядела нежелательным препятствием. Достаточно точно создавшуюся ситуацию очертил известный украинский политический деятель и историк А. Феденко: «Москва не желала добрососедских отношений с свободной, независимой Украиной, а имела своей непосредственной задачей захват украинской территории русской Красной Армией. Государства Антанты также не желали знать Украину: их представители на украинской территории собирали недобитых российских добровольцев-монархистов, чтобы с ними вместе с Украины начать восстановление «единой и неделимой» России».

Очутившись между молотом и наковальней, украинская революционная демократия не нашла ничего лучше, чем расколоться в дискуссии, на какую из указанных сил делать ставку, на большевиков или на Антанту. «Пребывание Директории в Киеве закончилось под знаком глубокого разъединения украинских национальных сил, - свидетельствовал И. Мазепа. — Под влиянием новой революционной ситуации украинские политические партии и отдельные украинские лидеры начали по-разному смотреть на характер и задачи украинской революции. Одни считали, что на Украине началась социалистическая революция, а поэтому и на национальное движение смотрели только как на часть социально-революционного развития. Другие, наоборот, испугавшись нового большевистского вторжения, начали отказываться и от тех социалистических кличей и реформ, которые при их согласии уже были провозглашены Директорией в ее декларации, земельном законе и т. д.».

Непоследовательность в действиях Директории предрешила ее судьбу, она просуществовала до конца 1919 г., но это были порой и значительные, но все же только эпизоды в истории украинской революции. По существу деятельность Директории свелась к прокладыванию пути в Украину большевистской власти. Мы не будем детально заниматься исследованием провалов в политике Директории, очевидно, для этого потребуются

специальная работа. Ограничимся выводом, что с поражением Директории национальная революция в Украине практически замерла, дальнейшие перипетии борьбы были связаны преимущественно с социальным переустройством жизни.

Дать оценку национальной революции непросто. Можно констатировать поражение Центральной Рады, гетманского режима, Директории и прийти к выводу о незрелости, неготовности украинской нации в тех условиях к самостоятельной государственной жизни, можно указать на целый ряд внешних обстоятельств, которые помешали образованию независимого украинского государства. И это будет, очевидно, правильно. Но, на наш взгляд, результат, итог национальной революции в Украине видится в другом. Скептически относясь к названному трехтомнику В. Винниченко, подчеркнем удивительно точное название этого труда, запечатлевшее пафос рассматриваемых событий — возрождение нации.

За несколько революционных лет украинцы прошли путь, который другие нации в процессе самосознания проходили за десятилетия, этому способствовала и политическая, и социальная, и национально-освободительная борьба. Если в начале революции М. Грушевскому пришлось обращаться к соплеменникам со статьей «Хто такі українці і чого вони хочуть», то к завершению гражданской войны термины «Украина», «украинцы», «украинская революция» широко вошли в политический лексикон.

Уже провозглашение Центральной Радой Украинской Народной Республики вынудило большевиков считаться с этой геополитической реальностью. Каждый из своих трех приходов в Украину, тщательно планировавшихся в Москве, они преподносили как помощь русского пролетариата украинскому в деле установления советской власти. Пролетарская диктатура устанавливалась в Украине не иначе как в форме Украинской социалистической советской республики. Пусть и формально, больше по внешней форме, но большевики вынуждены были признавать и считаться с существованием украинской государственности. Особенно заставило их об этом думать быстрое падение советской власти в Украине летом 1919 г. Получив довольно легко власть из рук растерявшейся Директории, большевики начали проводить в Украине политику, аналогичную российской, без учета национальных особенностей, лишь формально провозгласив образование УССР.

И через несколько месяцев должны были оставить Украину, объятую пожаром антикоммунистических крестьянских восста-

ний. Разбором создавшейся ситуации специально занималась VIII Всероссийская конференция РКП(б), которая в резолюции, подготовленной Лениным, отметила, что «РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР». Члены партии были обязаны устранять какие-либо препятствия для развития украинского языка и культуры, ставилась задача, чтобы в советских учреждениях было достаточно служащих, владевших украинским языком, предполагался ряд мероприятий, выполнение которых способствовало сближению трудящихся Украины с советской властью не только на социальной, но и национальной основе. С этой целью, а также и для контроля за их деятельностью, левые группы украинской революционной демократии были приняты в члены КП(б)У. Отметим и то, что среди большевиков были, пусть и в небольшом количестве, национально сознательные украинцы. Именно они положили начало национал-коммунизму, пытались отстаивать идею самостоятельности компартии Украины. Эти явления решительно подавлялись, но они реально существовали.

Важным следствием украинской революции было включение Украины в состав большевистской империи в качестве советской республики. Если весной 1918 г. Сталин, не скрывая раздражения, заявлял Н. Скрыпнику: поигрались, мол, в республику, и хватит, то в 1922 г. даже в своем плане автономизации он не мог ее проигнорировать.

Другой соратник Ленина, председатель СНК УССР Х. Раковский, при обсуждении характера объединения советских республик под влиянием приобретенного в Украине опыта высказывался за конфедерацию, хотя в годы гражданской войны проводил жестокую нейтралистскую линию. И это тоже следует принимать как результат национальной революции.

Вхождение Украины в СССР в качестве союзной республики, казалось бы, могло и воссоздать единое централизованное государство-империю, и решить национальный вопрос. Но так могло казаться только на первый взгляд, ибо в таком решении было заложено огромное противоречие.

Если государство централизованное, тем более тоталитарное, оно должно жестко проводить унитарную политику, принося в жертву местные интересы общегосударственным. И чем более интенсивной, динамичной, целенаправленной становится жизнь государства, тем в большей степени общегосударственные интересы преобладают над местными, тем меньше остается вопросов для решения на местах. Местная власть оказывается проводником воли центра. Именно так и случилось с Украиной;

мы об этом будем говорить дальше, когда за счет ее ресурсов, за счет интересов ее народа (независимо от национальности) удовлетворялись общегосударственные потребности. Может ли такая ситуация продолжаться бесконечно? Конечно, нет. Нация, осознавшая себя, рано или поздно должна заявить решительный протест. Что и произошло через семьдесят лет. Почему так долго удалось продержаться тоталитарному строю? На этот вопрос следует искать ответ в последующей истории советской империи.

* * *

В начале 1920 г. советская власть в Украине после разгрома Красной Армией деникинцев была восстановлена в третий раз, но теперь уже на долгие десятилетия. В республике было образовано советское правительство, избран Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет, действовало ЦК КП(б)У, в нем было даже собственное Политбюро, т. е. существовали атрибуты независимой государственности и собственной политической системы. Чтобы подчеркнуть, что отношения между советскими Россией и Украиной строятся на межгосударственной основе, 28 декабря 1920 г. Лениным и Раковским был подписан договор между двумя государствами о военном и хозяйственном союзе. В конце 1922 г. Украина выступила одним из соучредителей СССР — федеративного объединения советских республик, каждой из которых было обещано право на свободный выход из союза. Выше говорилось, что это была определенная уступка национальной революции, и как показала дальнейшая практика, формальная и иллюзорная. При советской власти Украина никогда не имела возможности проводить не то что независимую, а несогласованную, несанкционированную Москвой политику. Она всегда двигалась исключительно в фарватере кремлевских решений, мельчайшее отступление от которых воспринималось как контрреволюция, антисоветская деятельность, окрашенная в цвета буржуазного национализма. И это относилось не только к эпохе сталинских чисток, но и ко временам не столь отдаленным, хорошо памятным и ныне здравствующему поколению. В начале 70-х годов был обвинен в национализме член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины и, конечно же, на протяжении долгих лет верный ленинец П. Шелест. В связи с этим история УССР мало чем отличается от общей советской истории, ей присущи общие тенденции, закономерности, пафос. По-

этому разговор об истории СССР — это неизбежно обращение к природе коммунистического тоталитаризма.

* * *

Политическое кредо большевиков покоилось на марксистской аксиоме о неизбежности смены капиталистической формации коммунистической. Маркс не оставил детального описания коммунизма, но из его произведений можно составить впечатление, что это должен быть особый бесклассовый строй, в котором будет уничтожена частная собственность — корень всех социальных пороков классового общества. В коммунизме господствует большое индустриальное производство, оно охватывает и промышленность, и сельское хозяйство. В коммунизме исчезнет государство, установится всеобщее равенство, каждый будет отдавать обществу по своим способностям, а получать по потребностям. К новому обществу человечество должно привести наиболее угнетенный класс — пролетариат — через установление своей диктатуры. Миссия рабочего класса была особенно выделена Лениным в марксизме, она стала главной сутью ленинизма. Ленин считал, что рабочий класс должен активно бороться за коммунистическое будущее путем свержения власти капитала при помощи социалистической революции и специально созданной для ее проведения партии нового типа. Именно такой партией узкого круга революционеров-профессионалов, действовавших нелегально, посвятивших всю свою жизнь свержению самодержавного строя, была партия большевиков. Путь борьбы, на который она вступила, представлялся ей настолько длительным, а итог будущей победы автоматически обязательным и неподдающимся сомнению (иначе — зачем борьба?), что в момент, когда власть очутилась в руках большевиков, оказалось, что глубоко продуманной программы конструктивных действий у них нет. Есть набор лозунгов, но нет системы, обеспечивающей их реализацию.

Довольно быстро Ленин, об этом говорилось выше, разочаровался переходом фабрик и заводов под контроль рабочих. Кроме усиления экономического хаоса, разрыва производственных связей и на уровне отдельных предприятий, и на макроуровне отношений города и деревни никаких положительных результатов от такого перехода достичь не удалось. Тогда был взят курс на госкапитализм. И не просто на государственное регулирование существовавших ранее общественных экономических отношений, как это было, скажем, в Германии в период первой

мировой войны, а на методы жестокого насилия, при помощи которых новая власть пыталась создать коммунистические общественные отношения. Советы не оправдали надежды Ленина, выявили свою непригодность для этой цели. Единственной организацией, на которую могло опереться государство диктатуры пролетариата, оказалась партия большевиков. Годы борьбы за власть приучили ее к насилию, а членов партии — к централизации и дисциплине. За годы гражданской войны большевистская партия сосредоточила в своих руках всю полноту политической и государственной власти в стране, исключив для своих политических оппонентов всякую возможность участия в дележе этой власти. Отдельным из этих партий было разрешено находиться какое-то время на периферии политической жизни без каких-либо перспектив на будущее.

Насилие, распространявшееся изначально против явных политических противников, так называемых эксплуататорских классов, очень быстро было направлено и против социальных слоев, во имя которых осуществлялась революция. Попраание общечеловеческих норм морали, революционное правосознание вместо закона, неограниченность властных полномочий, жестокость — все это стало общепринятой нормой, устоявшейся в массовом партийном сознании. Партийный функционер Бляхин, присланный из Москвы в Одесскую губернию в августе 1920 г. с целью разобраться в причинах крестьянских антикоммунистических выступлений, приходит к убеждению, что они — результат противозаконных действий советских работников, которые произвели полную реквизицию скота и при этом расстреляли нескольких крестьян, объявив их дезертирами. Каков же общий вывод этого партийца? «Достаточно один раз очень крепко проучить, прочистить самые черные волости, как весь уезд будет шелковым и мы получим полную возможность беспрепятственной работы в дальнейшем, — пишет он. — И в рабочем вопросе, и в продовольственном, и в области военного дела, в борьбе со спекуляцией — решительно во всем абсолютно необходимо начать «завинчивать» Украину все крепче и крепче, чтоб из нее потек наконец живительный сок не только до Харькова, но и до Москвы». За 1920 г. ЧК было расстреляно в Одессе не менее 15 тыс. человек. В Крыму после разгрома Врангеля число расстрелянных определялось в 50—150 тыс.

Смещение коммунистических идеалов с методами насилия стало основополагающей чертой советского строя на всем этапе его существования. Деятельность компартии как бы имела две системы ценностей. Одна из них, привлекательная своими

призывами, но, как выяснилось, иллюзорная, построенная исключительно на декларативных, программных заявлениях и обещаниях, сознательно и подсознательно провоцирующих массы жить не сегодняшним реальным днем, а работать исключительно на будущее, которое, как горизонт, отдалялось по мере приближения к нему, — широко пропагандировалась партийным аппаратом среди рядовых членов партии и широких слоев населения. В то время как сам аппарат исповедовал другую систему ценностей. За годы революции партия получила необъятную, ничем не ограниченную власть. В ее руках оказались огромные материальные богатства, национализированные средства производства, земля, фабрики, заводы, система распределения жизненных благ. Именно эта власть, открывавшая кратчайший путь к вершине новой, только складывающейся общественной пирамиды, толкнула в партию массу мелкой русской бюрократии, людей, не отягощенных старыми моральными ценностями, ставящих материальные блага выше других. Парадокс заключался в том, что такая бюрократия оказалась необходимой большевикам, без нее, оставаясь количественно небольшим отрядом профессионалов-революционеров, нечего было и думать об управлении страной. Другого способа управления, кроме бюрократического, Россия не знала. Можно было лишить Россию помещиков и капиталистов, но лишить ее бюрократа оказалась задачей непосильной.

Упорное нежелание Ленина отказаться от политики «военного коммунизма» требовало все более и более разрастающегося государственно-партийного аппарата. В результате бюрократическая стихия овладела партией. Выдающийся английский математик и философ Б. Расел, побывав в 1920 г. в России, обратил на эту характерную черту большевистской действительности особое внимание: «Можно также, приобретя власть, использовать ее в собственных интересах, а не в интересах народа. Я полагаю, что нечто похожее происходит в России: создание бюрократической аристократии, концентрация власти в ее руках и установление режима столь же подавляющего и жестокого, как и при капитализме. Марксисты никогда вполне не осознавали, что жажда власти является таким же сильным побудительным мотивом и таким же величайшим источником несправедливости, как и страсть к наживе. (...) Очевидно и то, что метод насильственной революции, ведущий к диктатуре меньшинства, является особенно пригодным для создания привычек к деспотизму, которые останутся и после кризиса, их породившего».

К концу гражданской войны бюрократическая стихия еще слабо осознавала свой социальный интерес, ее представители действовали разобщенно и не имели в партии ни веса, ни власти, которая всецело находилась в руках Ленина и его соратников. Ленин пытался бороться с бюрократизмом в партийных рядах. Он говорил о проникновении в партию карьеристов с низкими моральными качествами, о «массе швали» в ее рядах, о «бюрократической язве», о том, что «мы переняли от царской России самое плохое, бюрократизм и обломовщину, от чего буквально задыхаемся, а умного перенять не сумели».

Ленин требовал заняться массовой чисткой партии, ее генеральным перетряхиванием, но не ставил вопрос об изменении способа управления страной. Все его силы были направлены на упрочение положения партии, которое к концу гражданской войны стало чрезвычайно шатким. Партия теряла доверие масс, фактически произошел ее разрыв с рабочим классом.

За годы революции, хронического голода, безработицы иллюзорные идеи социализма, так обильно произрастающие в массовом сознании в 1917 г., практически исчезли. Рабочий класс не скрывал своего разочарования ни социализмом, ни революцией, ни большевистской партией. «Кременчугская организация по своим качествам стоит на весьма низком уровне. Состав партии не чисто пролетарский, а мещанский, — докладывали из Кременчуга в конце 1920 г. — В большинстве присланные из центра люди мелочные, любящие интриги, что губительно для плодотворной работы партии. (...) Отношение населения к коммунистической партии халатное, партия не пользуется ни популярностью, ни уважением со стороны рабочих, которые относятся безразлично и даже враждебно». Информация подобного рода рекой стекалась в большевистский центр.

Под влиянием растущего массового недовольства населения в большевистской среде обострилась внутрипартийная борьба. «Рабочая оппозиция» и группа «демократического централизма» выступали против непомерного централизма, власти партийного аппарата, высказывались за свободу партийных дискуссий. Эти выступления были подавлены. Интересно, что децисты получили большинство голосов на IV Всеукраинской конференции КП(б)У в 1920 г. И сформировали из своих представителей ЦК КП(б)У. Однако решением ЦК РКП(б) эти выборы были аннулированы.

На X съезде РКП (б) Ленин вынужден был пойти на уступки крестьянству, заменив продразверстку продналогом, из этого решения в дальнейшем выросла новая экономическая политика.

Но на этом же съезде была принята другая резолюция, запрещавшая внутрипартийную борьбу фракций. Это решение еще более усилило роль партийного аппарата.

* * *

Гражданская война и «военный коммунизм» привели к полному развалу экономики. Особенно ужасными их последствия были для Украины. В 1920 г. производство чугуна упало ниже уровня 1 млн пудов в год, тогда как в 1913 г. оно достигало 187 млн пудов. В пять раз сократилась добыча угля в Донецком бассейне, сахарные заводы Украины произвели около 4 млн пудов сахара (в 1914 г. — 85 млн пудов). Резко сократилась производительность сельского хозяйства, посевные площади уменьшились в 2 раза.

И тем не менее переход от продразверстки к продналогу на Украине был отложен до осени 1921 г. Москва требовала от украинского партийного и государственного руководства интенсивных поставок хлеба. 18 мая Ленин телеграфировал в Харьков: «Вопрос жизни и смерти для нас собрать на Украине 200—300 млн пудов». Для неосведомленного читателя скажем, что цифры эти были фантастическими, в 1920 г. продразверстка дала 65 млн пудов, а сопровождалась она раскулачиванием зажиточного крестьянства. К выполнению поставленных задач в 1921 г. широко привлекалась Красная Армия. Летом, которое выдалось необычайно засушливым на юге Украины, стало понятно, что здесь не избежать голода. Но Москва слала новые разнарядки и требовала их неукоснительного выполнения. Ежедневно в Россию должны были отправлять Полтавская губерния — 20 вагонов хлеба, Киевская — 10, Запорожская — 7, Кременчугская, Николаевская и Одесская — по 5 каждая.

В неурожайных губерниях Украины не удалось к осени вернуть даже семена, и тем не менее с Украины требовали хлеб, хотя размеры разнарядок все время уменьшались. С августа 1921 г. по июль 1922 г. в Россию было вывезено более 22 млн пудов. Заготовка зерна была обильно полита крестьянской кровью. Крестьяне тоже не оставались в долгу. В 1921 г. они убили около 700 красноармейцев и командиров, более 160 советских служащих, продработников и милиционеров. Их можно было понять, они отстаивали последние имевшиеся у них крохи. Уже осенью 1921 г. в Запорожской губернии были зарегистрированы первые случаи голодной смерти. В январе 1922 г. Донецкий губисполком сообщал, что на территории трех уездов

голодает около 500 тыс. крестьян, многие из которых роют себе в отчаянии могилы. Наряду с крестьянством голодали жители городов. На майской сессии ВУЦИК 1922 г. сообщалось о физическом вымирании рабочего класса. В Екатеринославе число членов профсоюзов уменьшилось на 60 тыс. человек. Не менее показательные примеры приводились по Херсону, Одессе, Николаеву, Запорожью, Кременчугу. Весной 1922 г. на юге Украины голодало, по различным подсчетам, от 15 до 80% населения, нередко наблюдались случаи людоедства. Председатель ВУЦИК Г. Петровский в мае 1922 г. обратился в Москву с просьбой освободить Украину от поставок продовольствия в Россию. В его письме говорилось, что в Херсоне в рабочих районах идет торговля человеческим мясом, индустриальный пролетариат вымирает. На 1 апреля число голодавших определялось в 3 млн человек, а помощь (50 граммов хлеба) получали только 15% голодающих.

Говоря о голоде 1921—1922 гг., отмечая очень засушливое лето 1921 г., следует все-таки сказать, что такие засухи довольно часто встречались на юге, и крестьяне умели с ними бороться, создавая специальные страховые хлебные фонды. Настоящей причиной голода была политика «военного коммунизма», выгребшая из села все запасы зерна, заставившая крестьянина жить от урожая до урожая на норму в 13 пудов хлеба на душу.

Большевистское руководство не спешило с помощью Украине, в какой-то мере этот голод был ему на руку, он позволил окончательно подавить крестьянское повстанческое движение на Украине, ибо крестьяне уже не могли содержать многочисленные отряды. В августе 1921 г. вынужден был уйти с небольшим отрядом за рубеж Н. Махно, в 1922 г. утихла борьба других атаманов. Голод, как страшное физическое испытание, и дальше использовался большевиками для устрашения населения и подавления его сопротивления каким-либо крупным экспериментам власти.

* * *

Введение новой экономической политики, вернувшей страну на путь нормальных товарно-денежных отношений, проведение финансовой реформы привело в середине 20-х годов к определенному улучшению жизненного уровня. К либерализации экономической жизни в Украине добавились положительные моменты в решении национального вопроса. В это же время в Украине проводилась политика «украинизации», задачей кото-

рой было «укоренить» государственно-партийный аппарат в местной национальной среде. Происходило выдвижение украинцев в органы власти, деловодство официальных учреждений переводилось на украинский язык. Произошло это после XII съезда РКП(б) в Москве, обсуждавшего национальный вопрос, и где Раковский, Скрыпник и Бухарин пытались добиться расширения прав союзных республик в СССР. Раковский считал, что созданием СССР центр в 10—20 раз усилил свою власть над республиками, а мы видели на примере голода, что она и до этого была подавляющей. Вместе с тем Раковский указывал, что большевистские организации не понимают значения национального вопроса, воспринимают его в силу своего русского состава как игру.

Более откровенно на этот счет высказывался А. Шумский, нарком просвещения Украины. На заседании Политбюро ЦК КП(б)У в 1926 г. он имел смелость утверждать, что в КП(б)У господствует русский коммунист, который враждебно, с подозрением относится к коммунисту-украинцу. Для таких заявлений у Шумского были основания. Например, второй секретарь ЦК КП(б)УД Лебедь доказывал, что русская культура пролетарская, а украинская — мелкобуржуазная. А отсюда и естественный вывод. Проведение «украинизации» постоянно натывалось на саботаж и сопротивление аппарата, но Н. Скрыпнику, возглавившему в 1927 г. Наркомпрос Украины, удалось достичь определенных результатов в области развития украинской культуры, превращения украинского языка в язык государственных учреждений.

Проведение «украинизации», на наш взгляд, стало возможным и по причине обострившейся в середине 20-х годов в центре борьбы за власть. Украина стояла как бы в стороне от этой борьбы, и в награду за это ей не мешали заниматься национальными проблемами. С другой стороны, украинские дела для центра не представлялись первостепенными, он ограничился посылкой в Украину Кагановича, тогда фигуры еще второстепенной. Сам же центр после отхода Ленина от активной деятельности сконцентрировался на внутренней борьбе за высшую политическую власть. 15 октября 1923 г. в Политбюро ЦК РКП(б) поступило заявление, позже ставшее известным как «письмо 46-ти». Его подписали видные члены партии, оказавшиеся оттесненными после революции с первых ролей руководства аппаратом. Они писали, что под внешней формой официального единства партии, которое зиждется на резолюции X съезда РКП(б), происходит «все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое

разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни. (...) В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии».

Письмо, получившее огласку, вызвало партийную дискуссию. По свидетельствам бывшего тогда секретарем Политбюро Б. Бажанова, оказалось, что большинство партийных организаций, включая московскую, не поддерживают ЦК. Бажанов пишет, что «это была оппозиция коммунизму со стороны примкнувших к партии в первые годы революции элементов, главным образом интеллигентских и идеалистических, которые первые увидели, что их надежды на построение какого-то лучшего общества оказались иллюзиями, что их надежды на то, что революция делается для какого-то общего блага, совершенно не оправдались, и что происходит образование какого-то нового бюрократического класса, который присваивает себе все выгоды от революции, сводя рабочих и крестьян, для которых будто бы делалась революция, на положение бесправных и нищих рабов».

Дискуссия скорее констатировала сложившееся положение, но изменить его уже не могла. По прямому указанию Сталина «Правда» на протяжении дискуссии печатала дезинформацию о ее результатах, подавая их в пользу ЦК, и тем предопределила общий ход событий. Дезинформация выяснилась позже, Троцкий выразил свое негодование Политбюро, но это была лишь буря в стакане воды.

К концу 20-х годов власть в стране окончательно перешла в руки аппарата, сделавшего ставку на Сталина. Партаппарат конца 20-х годов уже не представлял разобщенной бюрократической стихии, это были люди, глубоко осознавшие единство своих интересов, демонстрировавшие его в решениях съездов и пленумов, сплотившиеся в борьбе с различного рода оппозициями. По существу, внутрипартийная борьба 20-х годов закончилась рождением нового социального класса страны — политической бюрократии, или номенклатуры. В ее пользовании и распоряжении оказалась не только государственная власть, но и значительная часть собственности. Наверное, этого казалось мало. В условиях дальнейшего развития НЭПа пугало восстановление частной собственности, грозившее и возможной потерей контро-

ля за экономикой страны, и неизбежными в этом случае политическими посягательствами на власть.

Полное господство нового класса не могло быть окончательно утверждено без ликвидации частной собственности, переподчинения ее себе. Что и было успешно осуществлено номенклатурой под видом коллективизации и индустриализации. По своим лозунгам она соответствовала духу коммунистического строительства, а по существу была антинародной ибо осуществлялась за счет жизненных интересов трудящихся, путем беспрецедентного насилия над обществом, установлением абсолютного тоталитарного господства. После нескольких лет передышки, последовавших за окончанием гражданской войны, народ снова был подвергнут великим потрясениям. С особой силой они сказались в Украине.

* * *

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) утвердил директивы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, в котором были взаимосвязаны задачи ускоренного развития промышленности и коллективизации сельского хозяйства.

Сталин требовал не просто наращивать промышленное производство, а совершить «прыжок» в индустриализацию. В 1930—1932 гг. темпы роста промышленности должны были составить почти 38%. Мировая история еще не знала подобного скачка. Довольно быстро стало понятно, что индустриализация будет проведена за счет крестьянства. Другими источниками государство просто не располагало. В конце 20-х годов с новой экономической политикой было покончено, вместо товарно-денежных отношений в практику все настойчивее возвращались еще не забытые методы «военного коммунизма»: конфискация хлеба, запрещение торговли, карточная система распределения продовольствия в городах.

Украина была отнесена к районам, где коллективизация должна была завершиться не позже весны 1932 г. До конца его в колхозах оказалось около 70% крестьянских хозяйств и 80% посевных площадей. Коллективизация сопровождалась разрушением сельскохозяйственного крестьянского уклада, насилием и принуждением крестьянства. Наряду с образованием колхозов ставилась задача ликвидации кулачества как класса. Первая волна раскулачивания в Украине в начале 1930 г. охватила около 62 тыс. крестьянских хозяйств. Всего за годы сплошной коллективизации раскулачиванию подверглось 200 тыс. крес-

стьянских хозяйств из 5 млн. существовавших в Украине. Крестьяне приблизительно такого же количества хозяйств бросили землю и переехали в города, спасаясь от раскулачивания и колхозов. Протестуя против принудительной конфискации скота, обложенные непомерными налогами, крестьяне вынуждены были вести массовый убой скота, его поголовье в Украине в 1933 г. сократилось по сравнению с 1928 г. на 18 млн голов. В ходе коллективизации была ликвидирована сельскохозяйственная кооперация. Поставленные в условия продразверстки, колхозы отличались низкой производительностью труда.

Наиболее страшным последствием коллективизации стал голод 1932—1933 гг. Он имел искусственный характер. 18 ноября 1932 г. ЦК КП(б)У принял постановление о работе с колхозным активом, в котором ставилась задача борьбы «с кулаком и объединение всей бедняцко-середняцкой массы крестьянства в деле проведения мероприятий партии и советской власти в деревне», а также «обеспечения поддержки и одобрения репрессивным мер, проводимых партией и советской властью против кулаков, против злостных саботажников хлебозаготовки». Принятие этого постановления было связано с деятельностью на Украине чрезвычайной комиссии по хлебозаготовкам во главе с В. Молотовым. Комиссия имела целью выполнить план хлебозаготовок любой ценой. Украина должна была сдать 386 млн пудов хлеба. Под прессингом молотовской комиссии из республики было вывезено практически все зерно, но и это составило только 260,7 млн пудов. Продовольственных запасов на Украине практически не осталось, а это неизбежно привело к массовому голоду, который сейчас оценивается как геноцид против украинского народа и о котором в СССР запрещалось говорить долгие десятилетия. Голод 1932—1933 гг. унес на Украине жизни 3—5 млн человек.

Сталин не признавал наличия голода, так как в это время СССР по демпинговым ценам выбрасывал на западные рынки хлеб, оплачивая таким образом индустриализацию. Конечно, планируемых темпов в модернизации промышленности достичь не удалось. Первый пятилетний план был провален, хотя в пропагандистских целях было сообщено о его досрочной реализации. В целом индустриализация в отличие от коллективизации не подлежит однозначной отрицательной оценке. Несмотря на значительные социальные издержки, она позволила достичь модернизации промышленного производства, т.е. выполнить ту задачу, которая в свое время оказалась непосильной для царской России и поставила ее перед фактом социалистической

революции. «...Хотя коммунистические цели сами по себе и оказались нереальными, коммунисты, в отличие от революционеров прошлого, продемонстрировали максимальный реализм при осуществлении того, на что у них хватало сил, и к чему, в конце концов, сводилась их историческая роль, — считает М. Джилас. — Они осуществили промышленную революцию, притом единственно возможным способом: установив свое абсолютное тоталитарное господство».

Характерной особенностью «великого перелома» стал «большой террор», волна государственно-политического насилия, охватившая страну в 30-е годы. Наряду с насилием над крестьянством Украины террор широко использовался для подавления национальной интеллигенции. В 1929 г. ОГПУ были произведены аресты видных деятелей украинской культуры и автокефальной церкви, обвиненных в причастности к выдуманному политической полицией Союзу освобождения Украины (Спілка визволення України). Процесс над 45 «руководителями» СВУ состоялся весной 1930 г. Все они получили сроки от 2 до 10 лет тюремного заключения, а позже были репрессированы повторно.

В 1933 г. началось фронтальное наступление на украинскую интеллигенцию, оно было связано с приездом на Украину в качестве второго секретаря ЦК КП(б)У П. Постышева. Будучи прямым ставленником Сталина, Постышев имел широкие полномочия, за глаза его называли «первый второй», подразумевая при этом, что первый секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор находился под полным контролем своего номинального заместителя. Такая ситуация не предполагала ничего хорошего, вместе с Постышевым на Украину прибыл и новый председатель ДПУ А. Балицкий. Были произведены перестановки в высшем государственном и партийном руководстве. 1933 г. прошел под знаком «разоблачения» нового националистического уклона, сворачивания украинизации. Проведенная в 1933 г. чистка КП(б)У дала 51 тыс. исключенных из партии. Для укрепления украинских парторганизаций из России было прислано 5 тыс. аппаратчиков. Весной 1933 г. началась травля Н. Скрышника, который в июле покончил жизнь самоубийством; ранее, в мае, таким же способом ушел из жизни Н. Хвылевой.

На ноябрьском 1933 г. пленуме ЦК КП(б)У Постышев констатировал, что по заданию ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталина «мы разгромили украинскую националистическую контрреволюцию». Невзирая на подведенный итог, тот же пленум считал необходимым подчеркнуть, что «в данный момент главной

опасностью есть местный украинский национализм». Охота за ведьмами продолжалась.

В мае 1934 г. в республиканской прессе была подвергнута критике работа Института красной профессуры. В специальном постановлении ЦК КП(б)У указывалось, что руководство института оказалось в руках национал-уклонистов и националистов. ЦК КП(б)У требовал «разработать новые учебные программы, обеспечить в ИКП марксистско-ленинское преподавание национального вопроса, искоренить остатки украинского буржуазного национализма из учебных программ, укомплектовать состав руководителей кафедр и преподавателей, допустить к защите диссертаций только тех слушателей 3-го курса, которые полностью отвечают партийным и академическим требованиям».

В конце ноября 1934 г. скоропостижно, после проведения несложной операции по удалению фурункула, скончался М. Грушевский. К тому времени его труды были раскритикованы, а ученого вынудили еще в 1931 г. уехать из Киева в Москву.

13—15 декабря 1934 г. в Киеве на закрытом заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР была обвинена в организации подготовки террористических актов группа украинской интеллигенции, среди которых были известные литераторы Г. Косынка, Д. Фалькивский, К. Буревой, А. Влызько. Вся группа была приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. 30-е годы стали периодом «расстрелянного возрождения» украинской культуры. Террор практически уничтожил национальную интеллигенцию, лучших представителей науки, культуры, искусства, а оставшихся в живых вынудил курить фимиам режиму.

В 1937 г. началась наиболее страшная волна репрессий, они приобрели массовый характер. Для украинских жертв Сталина, пишет Р. Конквест, были избраны особые клеветнические обвинения. На Украине была раскрыта «национал-фашистская организация», которую возглавлял застрелившийся А. Любченко, ее членами определили Г. Гринько, А. Балицкого, В. Затонского, И. Якира. Председателем СНК УССР после Любченко стал М. Бондаренко, но продержался на этом посту лишь два месяца. «Террор был настолько всеобщим и настолько «скорострельным», что законные органы власти фактически распались, — отмечает Р. Конквест. — В украинском ЦК не было больше кворума, не существовало органа, назначающего правительство. Наркомы, назначаемые нерегулярно, появлялись в наркоматах на недели или даже дни и затем исчезали. Беспрецедентный удар по политическому руководству означал полное разруше-

ние украинской партии. Республика стала не более чем вотчиной НКВД, где даже формальная партийная и советская работа практически замерла».

Присланному из Москвы Н. Хрущеву в течение 1938 г. пришлось вновь создавать на Украине партийно-государственный аппарат. На руководящую работу из партийных низов были выдвинуты тысячи новых людей, соблазненных прелестями власти.

«Большой террор» вложил в руки Сталину неограниченную власть над страной. Если в конце 20-х годов он стал счастливым избранником нового класса номенклатуры, вовремя, по случаю оказавшись в кресле Генерального секретаря ЦК ВКП(б), то к концу 30-х бывший семинарист и экспроприатор вознесся над соратниками в образе «товарища Сталина» на недостижимую высоту. Впору его было сравнивать с московским царем Иваном Грозным и российским императором Петром I, деятельность которых была так близка новому диктатору.

В середине 30-х годов партия решила, что в стране в основном построен социализм. Это решение нашло закрепление в новой конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г. Долгое время ее называли сталинской и самой демократической в мире. Но поскольку Россия никогда не жила по конституции, конституция существовала сама по себе, а жизнь, как мы видели, развивалась под строгую диктовку «кремлевского горца».

После расправы над своими бывшими соратниками-евреями Сталин вносит в государственную идеологию определенные изменения, связанные с воскрешением идей русского великодержавного шовинизма. Если в годы революции русская идея была плавно перелита в идею коммунистическую, то со середины 30-х годов происходит обратное. Этому соответствует сталинская политика — империя восстановлена, стремление нерусских народов к национальной жизни подавлено даже в форме национал-коммунизма. В государственно-идеологическом обеспечении все большая роль отводится русской истории. А. Толстой пишет «Петра Первого», С. Эйзенштейн ставит «Ивана Грозного». Сталин демонстрирует свое особое отношение к пьесе Булгакова «Дни Турбиных», пропитанной украинофобией и пафосом белого дела.

В 1932 г. при участии Сталина и высшего партийного и государственного руководства на Красной площади состоялись похороны М. Покровского, известного историка-марксиста, названного в обращении ЦК ВКП(б) «непримиримым борцом за генеральную линию партии». Прошло немного времени, и исто-

рическая концепция Покровского, построенная на чисто марксистских позициях, подверглась критике, поскольку уже не соответствовала новым тенденциям государственной идеологии. Например, Покровский положительно оценивал роль Золотой Орды в образовании Московского царства. А политику самодержавия по отношению к нерусским народам осуждал, изображал Россию жестокой империей и тюрьмой народов. Взгляды Покровского были признаны антинаучными, вульгарными и антимарксистскими. В 1937 г. появился новый учебник истории Шестакова, в котором звучат совершенно другие акценты: величие России, русский народ приобретает статус «старшего», возникает термин «советский патриотизм».

Об укрощенной Украине Сталин, возможно, больше бы и не вспомнил, если бы у восстановленной империи не обнаружился по старой памяти вкус к нагромождению территорий.

Пакт Молотова — Риббентропа, подписанный в Москве 23 августа 1939 г., и тайные протоколы к нему послужили прологом второй мировой войны, открыли путь советской армии на западно-украинские земли.

До 1918 г. Восточная Галиция (Западная Украина) являлась частью Австро-Венгерской империи. После ее развала в ноябре 1918 г. здесь была провозглашена Западно-украинская Народная Республика. В январе 1919 г. руководители ЗУНР и УНР провозгласили соборность Украины. Однако дальше деклараций дело не пошло. Летом 1919 г. западно-украинские земли были захвачены восстановившей свой государственный статус Польшей. Украинцы испытывали в Польше национальный гнет, который особенно усилился в 30-е годы после проведения так называемой «пацификации», в результате которой были арестованы многие деятели украинской культуры, закрыты украинские культурные центры. В 1938 г. началась новая антиукраинская волна. Не случайно, что в обстановке этнического отчаяния, в которой очутился украинский народ, в его среде получила поддержку деятельность Организации украинских националистов, созданной в 1929 г. Е. Коновальцем.

Большевистский режим использовал естественное стремление украинского народа к воссоединению. В середине сентября 1939 г. Красную Армию на Западной Украине встречали как армию-освободительницу. 22 октября 1939 г. Учредительное Народное собрание Западной Украины приняло решение о вхождении Западной Украины в СССР. Так произошла инкорпорация и этой части украинской земли в СССР. И практически сразу же здесь начал утверждаться советский государственный

и политический порядок. Все политические партии, а также украинские общественные и научно-просветительные организации были закрыты. Многие лидеры политических партий арестованы. Зимой 1940 г. начались массовые депортации украинцев и поляков на восток и север СССР. В июне 1940 г. СССР получил от Румынии северную Буковину и Бессарабию.

* * *

22 июня 1941 г. началась немецко-советская война. На несколько лет вся территория Украины стала зоной активных военных действий. Война принесла неисчислимые испытания народу. Отступающие советские войска производили эвакуацию промышленного оборудования, продовольствия, а не поддающиеся эвакуации объекты уничтожали. Часто такие акции, как взрыв Крещатика, не имели военного значения, но ставили в тяжелое положение население. Таким же образом при отступлении действовали немцы, они без зазрения совести вывозили в Германию культурные ценности, полезные ископаемые и даже чернозем.

Избавившись от родного тоталитарного режима, украинский народ попал под власть другого, не менее жестокого. Немцы установили на Украине оккупационный порядок, направленный на обеспечение своей армии и государственных интересов. Они быстро пресекли попытку ОУН провозгласить во Львове 30 июня 1941 г. создание Украинского государства и правительства во главе с Я. Стецьком. В декабре 1941 г. они арестовали в Киеве, а через два месяца расстреляли группу оуновцев, среди которых находилась известная украинская поэтесса Е. Телига. Массово уничтожалось немцами еврейское население Украины. Только в Бабьем Яру в Киеве было расстреляно около 100 тыс. человек. С 1942 г. на работы в Германию принудительно вывозилась молодежь, сельское население принуждалось к работе в колхозах.

Такая политика встретила со стороны украинцев отпор, который вылился в значительное партизанское движение, как просоветское, так и оуновское. Идеологические расхождения приводили к боям между ними. В 1943 г. Красная Армия снова возвратилась на Украину, в конце 1944 г. территория Украины была полностью освобождена от немецких войск. В 1945 г. после окончания войны территория Украины пополнилась Закарпатьем, от которого «отказалась» Чехословакия. В феврале 1954 г. произошел обмен между территориями Россией и Ук-

раиной. Последняя в результате этого получила Крым и обрела свои современные границы.

Ее территория по сравнению с довоенной увеличилась более чем на 150 тыс. км² и составила 603 тыс. км², что превратило Украину по площади во вторую после России страну Европы.

В апреле 1945 г. Украина была принята в члены ООН. Это, пожалуй, и все положительные моменты, которые вынес из войны украинский народ. Надежды на то, что с окончанием войны, все тяготы которой были возложены на плечи трудящихся, произойдет либерализация советского режима, не оправдались. Наоборот, война привела к усилению режима. Никогда он не чувствовал себя таким могущественным, как на момент окончания войны. У его ног лежал не только собственный народ, но и вся «освобожденная» Европа. Победа над Гитлером сделала Сталина фигурой планетарного масштаба, он вершил судьбы стран и народов. Обустроивалась новая западная граница СССР, намеченная на карте карандашом Сталина. В ЦК ВКП(б) разрабатывался план создания социалистического лагеря. Территориальные разделы повлекли за собой огромные массовые перемещения населения. До 1946 г. около 800 тыс. поляков были депортированы в Польшу, таким же образом из Польши в Украину переселили 500 тыс. украинцев. Необычайно жестокими методами проводилась в 1947—1949 г. операция «Висла» по переселению 150 тыс. украинцев с восточных земель Польши на приобретенные ею западные. Эта операция фактически стала этнической антиукраинской чисткой юго-восточной Польши и была проведена потому, что украинцы были в этом регионе коренным населением. Еще более жесткой была политика советского режима на западноукраинских землях, где насаждался советский строй. Западная Украина должна была пройти ускоренными методами сталинскую «модернизацию» (индустриализация, коллективизация, культурная революция), которая привела бы ее к полной унификации с основной территорией УССР. Промышленность была национализирована, а в деревне развернулось принудительное создание колхозов. К 1950 г. в них было загнано 93% крестьян региона. Возможно, наиболее показательной акцией в области «культурных» преобразований стало уничтожение греко-католической церкви (УГКЦ), которая, с одной стороны, была национальной консолидирующей силой, а с другой — подчинялась Святейшему престолу в Риме. Эти два обстоятельства и предопределили ее дальнейшую судьбу в тоталитарной системе. Усилиями службы госбезопасности и Русской православной церкви УГКЦ, которая насчитывала более 3 тыс.

парафий, 4,4 тысячи церквей, 127 монастырей, митрополита, 10 епископов, около 3 тыс. священников, была в марте 1946 г. уничтожена, как «слуга Ватикана» и «орудие украинского буржуазного национализма». Все церковные иерархи и множество священников были репрессированы.

Советское «преобразование» Западной Украины происходило в условиях жесткого сопротивления Украинской повстанческой армии и еще более жесткой борьбы с ней мощной карательно-репрессивной советской системы. Советская власть устанавливалась огнем и мечом. Даже официальная статистика, наверное, не очень точная, показывает масштабы и следствия карательных действий: арестовано 104 тыс. «бандитов», выселено на восток 204 тыс. человек, кроме того, арестовано за антисоветскую деятельность 36340 человек, а сколько было преднамеренно осуждено за мелкое хулиганство или по другим криминальным статьям и отправлено на восстановление Донбасса как дармовая рабочая сила.

Впрочем, эта участь не обошла и другие регионы Украины. Их положение после окончания войны было не менее катастрофическим. Вал фронтового огня прокатился по Украине дважды — с запада на восток и обратно. В руинах оказалось более 700 городов и 28 тыс. сел (250 из них были полностью уничтожены). В результате эвакуации на восток и войны в Украине осталась только пятая часть довоенных промышленных предприятий. Население республики уменьшилось на 10 млн чел. (почти 4 млн из них погибли, 2,2 млн были вывезены в Германию, остальные попали под советские военные и трудовые мобилизации). Производство электроэнергии в 1945 г. составило только 23% от показателей 1940 г., угля — 36, чугуна — 17, стали — 15%. Потери, понесенные Украиной, оценивались в денежных единицах того времени суммой в 12 трлн руб. Восстановление экономики производилось испытанным методом мобилизации трудовых ресурсов и их жесточайшей эксплуатацией. 70% промышленных рабочих были заняты ручным трудом, о крестьянстве и говорить не приходится. Труд колхозника мало чем отличался от рабского. В 1948 г. был издан тайный указ о выселении из УССР лиц, которые уклонялись от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, а другими словами, не смогли выработать минимальную норму трудодней. За два года под действие этого указа попали 12 тыс. крестьян. Варварское изъятие продовольственных ресурсов села привело Украину в 1946—1947 гг. к новому потрясению голодом. На заработанный трудодень в 1946 г. крестьяне получали от 50 до 150 г зерна. В

результате жертвами голода стали около 800 тыс. человек. Весной 1947 г. было зарегистрировано 900 тыс. больных дистрофией. В это время, когда голодала не только Украина, но и Молдавия, Поволжье, Центрально-Черноземный район России, СССР щедро экспортировал зерно в будущие страны народной демократии: Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию. В 1946 г. совокупный экспорт зерновых из СССР составил 1,7 млн. т.

Во время голода на Украине развернулась новая кампания по искоренению украинского буржуазного национализма, космополитизма, формализма и антинародности. 24 августа 1946 г. ЦК КП(б)У разразился постановлением об искривлении и ошибках в освещении истории украинской литературы в «Нариси історії української літератури», потом были приняты соответствующие духу кампании постановления по журналам «Перець», «Вітчизна», о репертуаре драматических и оперных театров. В 1947 г. с назначением на должность первого секретаря ЦК КП Украины Кагановича резкой критике были подвергнуты А. Довженко, П. Панч, М. Рыльский, В. Сосюра, Ю. Яновский. Из библиотек изымались книги классиков украинской литературы Б. Гринченко, П. Кулиша, В. Винниченко. На фоне нападок на украинскую культуру набирала размах кампания восхваления достижений русской науки, культуры, техники. Делалось это примитивно, на уровне неоспоримых утверждений, что то или иное открытие или изобретение было сделано в России.

* * *

После смерти Сталина и особенно после разоблачения Н. Хрущевым на XX съезде КПСС культа личности Сталина обстановка в СССР и на Украине значительно либерализовалась. В июне 1953 г., например, на пост первого секретаря ЦК КП Украины впервые был избран украинец. Им стал А. Кириченко. Пополнился украинцами и ЦК КПУ, в 1954 г. их было там 72%, а в Верховном Совете УССР — 75%. Жизнь стала более свободной, крестьянство освободилось от обязательных поставок продукции, с приусадебных участков уменьшились в два раза грабительские налоги. Но в целом командно-административное управление экономикой не претерпело изменений. Выполнение начертанных партийными съездами планов оставалось ее отличительной и обязательной чертой. Если экономика и развивалась, то исключительно за счет экстенсивных методов, строительства новых предприятий.

Наиболее показательным в этом плане можно считать освоение целинных земель в Казахстане, куда по решениям ЦК КПСС были брошены сотни тысяч людей, в том числе и огромный отряд украинских аграриев. Проект был недостаточно научно обоснован, осуществлялся в огромном масштабе и очень быстро привел к большим экологическим осложнениям, таким, к примеру, как эрозии почвы и падение урожайности. Наряду с Казахстаном интенсивно распахивались южно-украинские степи, с целью увеличения площади запашки у колхозников отбиралась часть приусадебной земли, высушивались и распахивались заболоченные поймы небольших рек, таких как Ирпень, Трубеж, Тетерев, Здвиж. Мелиорация в 50-е годы считалась одной из панацей, способных поднять советское коллективное сельское хозяйство, которое становилось ощутимо слабым звеном экономики. В качестве неумелого примера экстенсификации можно вспомнить практику строительства огромных гидроэлектростанций на равнинных реках, в первую очередь Волге и Днепре. За 50—60-е годы на Днепре было построено четыре огромные ГЭС и реконструирован Днепрогэс. Предполагалось, что эти станции обеспечат с лихвой Украину электроэнергией, но не принималось во внимание, что американцы еще в 30-е годы отказались от практики строительства ГЭС на равнинных реках. Экологические и социальные последствия этих проектов были губительными. Строительство «рукотворных морей» требовало огромных переселенческих работ, выводило из оборота сотни тысяч гектаров лучших сельскохозяйственных угодий, меняло микроклимат, приводило к гниению воды. Затраты и будущие потери, заложенные в этих проектах, не покрывались полученной энергией. Конец 50-х годов прошел под знаком «кукурузной лихорадки», которая очень ясно показала несостоятельность административно-командных методов в сельском хозяйстве, доминирование идеологии над практикой целесообразности. В 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев выдвинул ставший вскоре популярным лозунг «Догнать и перегнать Америку!». Сначала дело касалось производства мясных и молочных продуктов, которых в городах ощутимо не хватало, а затем этот лозунг приобрел глобальное значение. Чем же пытались победить Америку? Укрупнением колхозов, ликвидацией МТС, посылкой в село отряда «30-тысячников», образованием совнархозов, а также введением различных ограничений на содержание колхозниками собственного скота, который переводили на колхозное содержание. Все эти авантюрные хрущевские начинания имели плачевные результаты. Средняя

урожайность зерновых в СССР падала, а сельскохозяйственное производство дорожало, что, в конечном счете, обернулось экономическим кризисом 1962—1963 гг. В городах, включая Киев, появились огромные очереди за хлебом, мукой, маслом, они плохо сочетались с новой Программой КПСС, которая провозгласила строительство коммунизма в СССР и обещала завершить его в течение каких-нибудь 20-ти лет.

***

Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС «удовлетворил просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС...». На 22 года руль страны был отдан в руки Л. И. Брежнева, который, наученный «волюнтаристским» опытом своего предшественника, решил не рисковать с экономическими экспериментами и занялся созданием образа борца за мир.

Поэтому попытка Н. Косыгина (председатель Совета Министров СССР) провести во второй половине 60-х годов экономическую реформу, основанную на принципах хозрасчета, эффективности производства, личной заинтересованности работника в конечных результатах своего труда, была тихо сведена на нет. Выручила благоприятная конъюнктура на мировом рынке энергоносителей. Энергетический кризис на Западе в начале 70-х годов поднял цены на нефть и газ. Прожигая нефтедоллары, СССР плавно вошел в эпоху застоя.

Хрущевская «оттепель» чем-то напоминает реформы Александра II. Раскрепостив общество, Хрущев выпустил его из тюремной клетки ГУЛАГа, но вместо того, чтобы начать перепланировку и перестройку тюрьмы в нормальный жилой дом, завести в нем нормальный демократический порядок общественной жизни, испугался потерять власть и начал торопливо загонять народы на привычные тюремные места. Двойственность хрущевской «оттепели» ярко продемонстрирована «делом» Б. Пастернака, получившего в 1958 г. Нобелевскую премию за роман «Доктор Живаго». Травля писателя приобрела угрожающий, истерический характер. Пастернака вынудили публично (через газету «Правда») отказаться от премии, а кроме того, его дело использовали для проверки на лояльность писательской публики. Подавляющая часть ее оказалась неспособной противостоять власти. В последующем это подтверждалось неоднократно. Однако, с другой стороны, «дело» Пастернака дало толчок зарождению инакомыслия (диссидентства) и практике самиздата. Начало дис-

сидентству в Украине положило создание в 1959 г. группой Л. Лукьяненко «Української робітничо-селянської спілки». Несколькими годами позже возникли «Український національний фронт», «Союз української молоді Галичини». В 1965 г. в самиздате появилась работа И. Дзюбы «Інтернаціоналізм чи русифікація». Первые диссидентские группы были малочисленны (Ю. Бадзьо, братья М. и Б. Горыни, В. Мороз, В. Чорновил, В. Стус), высказываться открыто против режима интеллигенция была еще не готова, но ее внутреннее состояние наполнялось нонконформистскими интонациями, которым еще предстояло выкристаллизоваться в более осознанное оппозиционное отношение к коммунистическому режиму.

Борьба с инакомыслием не составляла большого труда для КГБ. В сентябре 1965 г. во многих городах Украины были произведены аресты подозреваемых. Склонность Брежнева к консерватизму, которая всячески поддерживалась «серым кардиналом» политбюро М. Сусловым, в начале 70-х годов обернулась новым наступлением партийной власти на идеологическом фронте. В первую очередь досталось Украине. В 1972 г. был снят с поста первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелест. Его обвиняли в проявлении терпимости к украинскому национализму и излишних национальных акцентах в книге «Україна моя радянська». На место Шелеста, который позволял себе некоторую самостоятельность и наличие собственного мнения, был поставлен представитель «днепропетровской группировки» В. Щербицкий. Два десятилетия его пребывания при власти были окрашены неуклонным сокращением сферы функционирования украинского языка. В 1979 г. из 36,6 млн украинцев, проживавших на территории Украины, почти 11 млн им не владели. Под особым идеологическим контролем находились гуманитарные науки, литература, кино, другие виды искусства. Украинская национальная тематика не поощрялась, пропаганда все более настойчиво говорила об образовании новой социальной общности — советского народа. Действительно, происходило жуткое усреднение национальных культур, в котором нивелировались национальные особенности, а это, как правило, наиболее выразительные качества, теряя которые, народ терял себя.

Любые протесты против генеральной линии партии жестко подавлялись службами КГБ. И все же голоса такого протеста не умолкали. Они принадлежали украинским диссидентам: И. Свитличному, В. Черноволу, Е. Сверстюку, И. Дзюбе, В. Стусу, М. Осадчему, Н. Руденко, Л. Лукьяненко и многим другим. Дис-

сидентское движение видело свою конечную цель в «выходе Украины из состава так называемого СССР и создании независимого украинского демократического государства».

Отдавая должное диссидентству, все же было бы опрометчиво думать, что именно оно подорвало основы тоталитарной системы.

Причины развала следует изначально искать в природе самой системы, оказавшейся неспособной к саморазвитию и самообновлению.

Эту неспособность прежде всего демонстрировала олигархия старцев политбюро ЦК КПСС, узурпировавшая власть в огромной стране. На протяжении 70-х годов состав политбюро практически не менялся, средний возраст его членов превышал 70 лет.

«Развитой социализм», который со второй половины 60-х годов строили вместо коммунизма, никак не удавалось построить. Со второй половины 70-х годов началась резкая деградация советской промышленности, связанная, в первую очередь, с тем, что она исчерпала возможности экстенсивного развития, а интенсивно развиваться не могла в силу своей внутренней природы. Особо показательным в этом отношении было сельское хозяйство. Если в 20—30-е годы Сталин превратил деревню в один из основных источников обеспечения индустриализации, а после второй мировой войны СССР восстанавливался за счет эксплуатации села, то в эпоху Брежнева ситуация кардинально изменилась. Сельское хозяйство поглощало до 20% всех советских инвестиций, но не могло обеспечить страну продовольствием. С 1979 г. СССР вынужден был закупать до 40 млн т зерна ежегодно, главным образом в США. Не менее серьезные проблемы существовали в промышленности, которая к тому же традиционно развивалась с уклоном в сторону «тяжелых» отраслей и «оборонки». СССР вынужден был импортировать не только продукты, но и одежду, обувь, мебель, бытовую технику. Никакие реформы в пределах командно-административной системы не могли изменить эту ситуацию. Схема организации труда в СССР 70-х годов практически не отличалась от сталинской 30-х. Эта система не могла обеспечить эффективное использование трудовых ресурсов и интеллектуального потенциала общества с одной стороны, а с другой — она не могла удовлетворить выросшие за 40—50 лет общественные потребности. Поэтому, наряду с экономическим кризисом, СССР все глубже погружался в глубины социального кризиса. Некоторые его проявления были видны невооруженным глазом. В 1980 г. по сравнению с 1960 г. смерт-

ность населения на каждую тысячу живущих увеличилась с 6,9 человека до 11, 4. Соответственно, уровень рождаемости упал с 13,6 до 3,4 человека. Снизилась средняя продолжительность жизни.

Природа социального кризиса только отчасти была связана с деградацией экономики, более веским, на наш взгляд, было существенное несоответствие между низкой организацией общественного производства и высоким культурным уровнем общества. В эпоху «застоя» советское общество, каким бы парадоксальным это ни казалось, интенсивно развивалось. Оно резко отличалось от советского общества 30-х и даже 50-х годов. Во-первых, общество урбанизировалось. В начале 60-х годов городское население СССР превысило сельское. По данным переписи 1979 г. в городах проживало 180 из 250 млн чел. Это был важный показатель общественной модернизации. Городской уклад предлагал совершенно другой, по сравнению с сельским, тип коммуникации личностей, уровень активности и самостоятельности, обеспечение образованием, информацией и культурой. В начале 80-х годов 40% городского населения имело высшее и среднее специальное образование. Это говорило о том, что интеллигенция (люди с высшим образованием), составлявшая еще в 50-е годы элиту страны, достаточно хорошо материально обеспеченную коммунистическим режимом, превратилась в средние городские слои с многочисленными материальными проблемами и растущим идейным нонконформизмом. Эти слои невозможно было тотально контролировать и подавлять. Более того, их нонконформизм находил себе многочисленные способы легальной или полуполюгальной подпитки и существования. Власть была не в состоянии запретить бардовскую песню, ставших культовыми героями интеллигенции Б. Окуджаву, В. Высоцкого, экстравагантность А. Пугачевой, писателей-«деревенщиков», которых читали между строк, юмор М. Жванецкого. Эти и другие элементы городской субкультуры прямо не агитировали против власти, но и не нуждались в ее разрешительных санкциях, уже самим фактом своего существования они создавали оппозиционные власти настроения. Но никто не сделал большего для подрыва доверия к власти, чем она сама, публично представленная дряхлеющим политбюро.

В 80-е годы СССР вошел с конфликтом поколений, который трудно было не заметить. Старшее поколение, в руках которого находилась власть, родилось в начале XX века, имело преимущественно низкое социальное происхождение, получило образование на сталинских рабфаках и сделало карьеру в 30—40-х го-

дах. Осуществляло индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию, прошло вторую мировую войну, которую воспринимало не иначе как Великую Отечественную. Огромное количество представителей этого поколения осталось фактически без образования, занималось неквалифицированным трудом, а те, кто преуспел, приобрели квалификацию путем длительной практики. Их дети, рожденные перед второй мировой войной, образование получили в 50-х годах, профессионально и социально реализовались в 60-е годы под влиянием идей научно-технической революции и хрущевской «оттепели». Они двигались фарватером проторенной отцовским поколением дороги, но в середине практически остановившегося пелетона. Затор впереди многим не оставлял шансов на удовлетворение собственных амбиций. А они резко возросли, ибо в этом среднем поколении было значительно больше людей, занимающихся интеллектуальной работой. Младшее поколение, родившееся после второй мировой войны, получившее среднее и высшее образование на рубеже 60—70-х годов, вступившее в активную трудовую жизнь в середине 70-х, было, собственно, продуктом научно-технической революции. Его культурная и образовательная база предполагала огромные возможности самореализации, но система общественных отношений, созданная и контролируемая дедовским поколением, жестко препятствовала этому. Это обстоятельство стало основой социального кризиса, который углубила Афганская война. СССР ввязался в эту войну в 1979 г. Афганистан стал бездной, в которой погибли не только тысячи молодых советских людей и огромные материальные ресурсы, но и окончательно утонул миф о коммунизме.

Во внешнем мире за СССР прочно укрепилось клеймо «империи зла». Но империя была смертельно больной. В 80-е годы явственно ощущалось нарастание системного кризиса тоталитарного режима. Преемник Л. Брежнева на посту Генсека ЦК КПСС Ю. В. Андропов сделал судорожную попытку восстановить дееспособность системы старыми добрыми методами админресурса, КГБ, МВД, прокуратуры. Но ему, серьезно больному, не хватило ни сил, ни времени на свои скромные начинания, которые запомнились рядовым советским гражданам парой-тройкой шумных дел по борьбе с коррупцией, борьбой с карьеризмом в рядах партии, а главное — борьбой за укрепление трудовой дисциплины. Следующий за Андроповым генсек — К. Черненко вообще ничем не запомнился, кроме своей серости.

В марте 1985 г. к власти пришел М. Горбачев. Это был пред-

ставитель второго поколения советского общества, довольно образованный, а главное, амбициозный и инициативный политик. Его победа на выборах Генерального секретаря ЦК КПСС свидетельствовала о том, что старшее поколение решило уступить власть, потому что уже не знало, что с ней делать. Косвенным подтверждением этому стала быстрая (в течение 2 лет) практически полная смена руководства областей и части национальных республик. ЦК КПСС обновился на 85%.

Переход власти к новому поколению был только исходной точкой, с которой должен был начаться новый этап в истории советского государства. Народ не хотел жить по-старому, но никто не знал, как жить по-новому. Очевидно, и сам Горбачев не понимал всей сложности задачи, которую история вынудила его решать. Во всяком случае, начал он традиционно с лозунгов об ускорении темпов развития экономики. Довольно быстро, поняв всю несостоятельность попыток ускорения, Горбачев обратил общественный интерес к вопросу гласности. Это был чрезвычайно эффективный и эффектный способ «выпустить пар», разрядить обстановку социальной напряженности, снять с себя ответственность за прошлое и начать игру с чистого листа. Как и хрущевская «оттепель», горбачевская гласность начала с разоблачения сталинизма, но она уже не могла быть дозированной и половинчатой. Фактически, «гласность» привела к победе свободы слова, и этим был нанесен смертельный удар тоталитаризму. Свобода слова предполагала и другие демократические свободы, такие, например, как свобода выбора и свобода национального самоопределения.

Нерешенность национального вопроса в СССР, угнетенное, контролируемое состояние национальной жизни словно ожидали удобного момента, чтобы заявить о себе во весь голос. Началом стало требование устранения национальной дискриминации, например в Украине это выразилось в требовании придать украинскому языку государственный статус, а затем выросло в требование государственной независимости.

Команда Горбачева не успевала за валом проблем, которые сотнями и все сразу сыпались на ее голову. В какой-то момент Горбачев понял, что тоталитарная система — опасный анахронизм, ее нужно реконструировать, кардинально перестроить. Так возникла идея «перестройки», которая, невзирая на все старания Горбачева, закончилась распадом системы. Вряд ли в этом была его вина, множество исследователей склоняется к мнению, что задача, ставшая перед Горбачевым, не имела конструктивного решения.

Путь Украины к независимости был непростым. В первые годы «перестройки» попытки демонстрации национального самосознания сдерживались и пресекались командой В. Щербицкого, который до осени 1989 г. оставался на посту первого секретаря ЦК Компартии Украины. Иронически Украину называли «заповедником застоя». Только в 1989 г., когда перестройка приобрела необратимые формы, удалось реализовать идею создания «Народного руху України за перебудову». В сентябре этого же года в Киеве состоялся учредительный съезд Руха, в котором насчитывалось 280 тыс. членов. Необычайно впечатляющей акцией Руха стала «живая цепь» между Киевом и Львовом, выстроенная из симпатиков Руха по случаю 80-летия провозглашения Соборности Украины в 1919 г. В 1989 г. украинский язык получил статус государственного. В целом национальные тенденции, которые доминировали на западе Украины, тесно переплетались с общеполитическими, демократическими и социальными требованиями, что фактически создавало единый фронт борьбы. В 1990 г. возникли первые украинские политические партии: Демократическая партия Украины, Украинская республиканская партия, Партия демократического возрождения Украины. В это время Компартия Украины, оставаясь формально самой многочисленной, стремительно теряла свой авторитет. В 1990 г. из нее вышло 220 тыс. человек, подавляющее большинство коммунистов не занималось активной деятельностью.

1990 г. прошел в противостоянии Компартии Украины (главным образом ее аппаратов) и гражданской и политической оппозиции. Ситуация была сложной и неоднозначной. Силы одной и другой стороны маневрировали. 16 июля 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Украины, за которую в Верховном Совете голосовали и коммунисты, в августе 1990 г. Верховный Совет принял закон об экономической самостоятельности республики.

Августовский путч 1991 г. в Москве окончательно подорвал доверие к КПСС и идее союзного договора. Почувствовав вкус к полноценной самостоятельной жизни, элита национальных республик сделала окончательный выбор в пользу независимости.

24 августа 1991 г. Верховная Рада Украины 346 голосами «за» при 1 — «против» приняла Акт провозглашения независимости Украины, который вскоре был вынесен на всенародный

референдум. 90,3% граждан, принявших в нем участие, 1 декабря 1991 г. поддержали решение Верховной Рады.

Соглашение в Беловежской пуще лишь подвело итог и поставило последнюю точку в истории последней европейской империи. Европа окончательно освободилась от тоталитаризма. Наверное поэтому такой быстрой и положительной была реакция международного сообщества на результаты референдума. 2 декабря Украину как новое государство признали Канада и Польша, в последующие три дня — еще 8 государств, в том числе и Россия.

25 декабря, в день, когда М. Горбачев заявил о прекращении исполнения обязанностей Президента СССР, Украину как государство признали Соединенные Штаты Америки.

Обретение независимости является поворотным моментом в истории Украины. За прошедшие 10 лет она утвердилась как полноправный субъект мирового содружества государств, который признан уже 154 странами, со 138 из них Украина поддерживает дипломатические отношения.

Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что путь независимости усыпан розами и состоит из одних успехов. Наверное, в 1991 г. многие думали, что он будет именно таким. То, что этого не произошло, лишний раз указывает на сложность задачи модернизации посттоталитарного общества. Сегодня мы понимаем, что это не одна, а десятки, а может быть, сотни больших разноплановых задач, решать которые приходится одновременно. Формирование новой государственной машины, новой политической системы, разгосударствление экономики, преодоление ее затянувшегося на десятилетия кризиса, реорганизация аграрного производства, создание благоприятного инвестиционного климата и собственной национальной валютной системы, административно-территориальная реформация и реорганизация вооруженных сил. И все же, наверное, наиболее важны сегодня социальные преобразования. Тоталитаризм уничтожен, но его наследие довлеет над обществом, особенно над старшим поколением (вторым советским), мировоззрение и общественная практика которого не позволяют быстро и успешно приспособиться к новым условиям жизни, уловить их императивы. Кажется, еще 15 лет назад эти люди искренне желали поражения номенклатуры, крушения коммунистической системы, но, столкнувшись с экономическими проблемами переходного периода, они потеряли социальный оптимизм и какую-либо перспективу. Сегодня старые прегрешения системы перед ними забыты. Свобода от государства больше пугает, чем радует.

Эта проблема, но не в такой острой форме, существует и для среднего и, отчасти, младшего поколения современного украинского общества. Причина этого в том, что Украина, в лице своей политической элиты, за прошедшие 10 лет не определилась окончательно в своих главных приоритетах, другими словами, не выработала четкую, ясную и привлекательную для огромного большинства национальную идею. Эта идея в наиболее обобщенной форме должна ответить на вопрос: какое же общество и государство предполагается построить в Украине в ближайшем будущем. Разобщенность украинского парламента, его разновекторность подсказывают, что сформулировать такую идею сегодня не так-то просто. Того и гляди вместо мира и общественного согласия можно получить очередную вспышку напряженности. Типичная патовая ситуация. Возможно, выход из нее найдет новый состав Верховной Рады, выборы которого состоялись 31 марта 2002 г.

ХРЕСТОМАТИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Приск Панийский
«Византийская история»¹⁾.

Описание византийского посольства к Атилe (448 г. н. э.)

Переправившись через Истр (Дунай) и пройдя с варварами около 70 стадий, мы должны были на одной равнине ждать, пока Едекон²⁾ со своими спутниками известил Атилу³⁾ о нашем прибытии. Вместе с нами остановились и варвары, сопровождавшие нас. В сумерки, когда мы сидели за ужином, послышался топот коней, которые приближались к нам. Это прибыли два скифа⁴⁾ с приказанием отправляться к Атилe. Мы предложили им прежде поужинать с нами, и они, сойдя с коней, угощались, а на другой день показывали нам дорогу. Когда мы в десять часов дня прибыли к шатрам Атилы, а их было у него очень много, и хотели поставить наши шатры на возвышении, варвары, бывшие тут же, не позволили этого, потому что шатер самого Атилы был расположен в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, к нам пришли Едекон, Орест, Скотта и другие знатные у них лица узнать, с какой целью прибыло наше посольство. Пока мы удивлялись этому странному вопросу и переглядывались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. Наконец мы сказали, что император⁵⁾ наказал пояснить эту цель Атилe, а не другим. Тогда Скотта в сердцах ответил, что таков приказ их повелителя, что они не явились бы из простого любопытства. Мы ответили, что нет такого обычая в отношении послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, через посредство других лиц допрашивались о цели посольства, и что это известно и самим скифам, которые часто отправляли посольство к императору; что мы должны получить равное и иначе не сообщим цели нашего посольства. Тогда они поехали к Атилe, но потом возвратились без Едекона и сообщили нам обо всем, ради чего мы были

направлены, требуя при этом немедленного выезда, если нам больше нечего сообщить. Этим словам мы были поражены еще более, ибо невозможно было доведаться, каким образом стало известным секретное решение императора. Мы, однако, сочли полезным ничего не отвечать о цели посольства, если не добьемся приема у Аттилы, поэтому мы сказали, что было ли целью посольства сказанное скиффом или же что-то иное, — об этом должен дознаться их повелитель и что мы не станем говорить об этом с другими. Тогда они приказали нам немедля уезжать. Во время подготовки к дороге Вигила⁶⁾ принялся бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенным во лжи, чем уехать ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой; — сказал он, — то я легко убедил бы его прекратить враждовать с римлянами, ибо я подружился с ним во время посольства при Анатолии». Поэтому, дескать, Едекон к нему расположен и под видом посольства и речей, которые должны быть произнесены так или иначе, правдиво или неправдиво, он найдет предлог переговорить о плане, принятом ими против Аттилы, и принести золото, требуемое Едеконом, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Вигила не знал, что был уже предан Едеконом. Дело в том, что Едекон, который или коварно дал свое обещание, или испугался, как бы Орест не довел до сведения Аттилы то, что он сказал нам в Сердице после пиршества (когда он обвинял Едекона в том, что тот без него вел переговоры с царем и с евнухом), донес Аттиле о заговоре против него и о количестве золота, которое должны прислать римляне, а также разъяснил и цель нашего посольства...

Аттила пригласил нас через Скотту, и вот мы явились к его шатру, который охраняла вокруг толпа варваров. Получив разрешение войти, мы застали Аттилу сидящим в деревянном кресле. Мы встали несколько поотдаля трона; Максимин⁷⁾, приблизясь, приветствовал варвара и, передав ему письмо императора, сказал, что император желает доброго здоровья ему и его окружению. Аттила ответил пожеланием римлянам того же, чего они ему желают, и сразу же обратился к Вигиле, называя его бесстыдной тварью и спрашивая, с какой стати решил он явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, причем было сказано, чтобы к нему не являлись послы до того, как все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Вигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, ибо все, что были, уже выданы, Аттила, еще более рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал хищным птицам, если бы не являлось нарушением посольского статуса то, что он подверг бы его такой каре за бесстыдство и дерзость его слов; он добавил, что у римлян находится много беглецов из его племени, и приказал секретарям зачитать их имена, записанные на хартии. Когда они прочитали всех, он приказал Вигиле уйти прочь немед-

ленно, добавив, что он пошлет вместе с ним и Ислу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним со времен Карпилеона (сына Аэция, римского полководца на Западе), бывшего у него заложником; он, дескать, не допустит, чтобы его рабы выступали в бой против него, хотя бы и не могли быть полезными тем, кто доверил им защиту своей земли. «Поистине, — говорил он, — какой город или какое укрепление, каким он захотел овладеть, спасено ими?» Сообщив императору его решение о беглецах, послы должны сразу возвратиться с известием, хотят ли римляне выдать их или принимают на себя войну из-за них. Приказав ранее Максимино подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он затребовал дары. Передав их и возвратившись в наш шатер, мы принялись обсуждать каждое слово Аттилы. Когда Вигила выразил удивление тем, что Аттила, который показался ему в первом посольстве человеком покладистым и спокойным, теперь так грубо бранил его, я высказал мнение, не внушили ли Аттиле недоброжелательность к нему некоторые варвары, пировавшие вместе с ним в Сердице, сообщив, что он называл римского императора богом, а Аттилу — человеком. Максимин признал это предположение вероятным, ибо он не принимал участия в заговоре, составленном евнухом против варвара; но Вигила не понимал и, как мне казалось, не мог уяснить себе, по поводу чего отругал его Аттила; он не думал, чтобы Аттиле сообщили слова его в Сердице — как он позднее сам рассказывал — или о заговоре, ибо никто другой из посторонних из-за страха, охватившего всех, не решался разговаривать с ним; а Едекон во всяком случае должен был сохранять тайну в связи с присягой и неизведанностью дела, чтобы и самому, как участнику таких бесед, не быть признанным заговорщиком и не быть под угрозой смертной кары. Пока мы так колебались, неожиданно явился Едекон и, отведя Вигилу в сторону от нашего собрания и притворяясь, что говорит правду ради задуманного им плана, просил принести золото для раздачи людям, которые придут вместе с ним для исполнения дела, а потом ушел. Когда я поинтересовался выяснить, что говорил Едекон, Вигила постарался обмануть меня, сам будучи обманутым, и, скрыв действительную причину, сказал, что ему сам Едекон сообщил, якобы Аттила сердится и на него из-за беглецов: нужно, дескать, или получить их всех, или придти к нему послам из высшей знати. Пока мы говорили об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Вигила, ни мы не покупали ни римского пленного, ни раба из варваров, ни коней, ни чего бы то ни было иного, кроме съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и гуннами. Это было сделано варваром разумно и искусно, и Вигила легко мог быть обличен в своем замысле против него, не умея пояснить причины привоза золота, а мы под предлогом ответа по делам нашего по-

соляства должны были ждать Онигисия⁸⁾, чтобы он мог получить дапы, которые мы сами хотели дать и которые прислал император...

Когда Вигила пустился в дорогу, мы задержались на месте на один день после его отъезда, а на другой день пошли с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули в другую сторону по приказу наших проводников-скифов, пояснивших, что Аттила должен заехать в одно селение, где он хотел жениться на дочери Ескама⁹⁾; хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали ехать по ровной дороге, пролегавшей по равнине, и повстречали судоходные реки, из которых наибольшими после Истра (Дуная) были Дрикон, Тигас и Тифисас¹⁰⁾. Мы переправились через них на лодках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а другие реки переплывали на плотках, которые варвары возят с собою в повозках и пользуются ими в местах паводка. В селениях нам доставляли снедь, при этом вместо пшеницы — просо, а вместо вина — так называемый по-туземному мед; слуги, бывшие с нами, также получали просо и напиток, добываемый из ячменя; варвары называют его «камос». Проехав долгий путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с пригодною для питья водою, которой пользовались жители ближнего селения. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только перекинула наш шатер, но и покатила все наши пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихиею и всем, что случилось, мы покинули это место и впотьмах под дождем растеряли друг друга, ибо каждый повернул на ту дорогу, которую считал для себя легкою. Добравшись до жилищ селения, — как выяснилось, мы все двинулись разными путями в одном направлении, — мы собрались вместе и с криком начали искать оставших. Скифы, выскочившие на шум, подожгли камыш, который они используют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, чего мы кричим. Когда варвары, бывшие с нами, ответили, что мы испугались бури, они позвали нас к себе, проявили гостеприимство и обогрели, зажигая много камыша...

Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное поселение, где, как говорили, находились хоромы Аттилы, более представительные, чем во всех других местах, сооруженные из бревен и хорошо обструганных досок и обнесенные деревянной оградой, окружавшей их не ради безопасности, а для красоты. За царскими хоромами выступали хоромы Онигисия, также окруженные деревянной оградой; но они не были украшены башнями подобно Аттиловым. Неподалеку от ограды находилась баня, которую организовал Онигисий, имевший у скифов большое значение после Аттилы.

Камни для нее перевозил он из земли пеонов, так как у варваров, населяющих этот край, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия¹¹⁾ пленник, ожидавший освобождения в награду за свое мастерство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов. Онигисий сделал его банщиком, и он прислуживал во время мытья ему самому и его домашним.

При въезде в это село Аттилу встретили девушки, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками женщин, которые шли по обеим сторонам, было по семь и более девушек, которые пели скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онигисия, мимо которого пролегалла дорога ко дворцу, навстречу ему вышла жена Онигисия с гурьбой слуг, одни из которых несли яства, другие — вина (это наивысшая честь у скифов), приветствовала его и просила отведать доброжелательно поднесенное ею угощение. Желая сделать приятное жене своего любимца, Аттила съел (угощение), сидя на коне, причем варвары, шедшие за ним, подняли блюдо (оно было серебряным). Пригубивши также и поднесенную ему чашу, он пошел во дворец, отличавшийся высотой от других строений, и стал на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онигисия по его просьбе, — ибо он уже возвратился с сыном Аттилы, — и пообедали, причем нас принимала его жена и сородичи, так как сам он не имел времени пировать с нами; он тогда впервые после возвращения увиделся с Аттилой и докладывал ему об устройении дела, по которому был послан, и про несчастье, случившееся с сыном Аттилы, который упал с коня и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онигисия, мы разбили шатры вблизи дворца Аттилы для того, чтобы Максимин, если будет нужда пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами, не был далеко от нас. Мы провели ночь на том месте, где остановились. Когда наступил день, Максимин послал меня к Онигисию передать ему подарки, которые давал он сам и которые прислал император, и чтобы узнать, где и когда он желает с ним переговорить. Придя вместе со слугами, несшими подарки, я ожидал (так как двери были еще закрыты), чтобы кто-нибудь вышел и доложил о нашем прибытии...

На другой день я пришел ко дворцу Аттилы с подарками для его жены, по имени Крека; от нее у него было трое детей, старший из которых стоял во главе акатиров и других народов, живших в припонтийской Скифии¹²⁾. Внутри ограды было множество построек, одни из которых были из хорошо подогнанных досок, покрытых резьбою, а другие — из тесаных и выскобленных начисто бревен, установленных деревянными кругами; эти круги, начинаясь от зем-

ли, поднимались до приличной высоты. Варвары, стоявшие у дверей, впустили меня к жене Аттилы, живущей тут, и я застал ее возлежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие напротив нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые набрасывают для украшений поверх варварской одежды. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей подарки, я вышел и пошел к другим хоромам, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онигисий; он уже вышел из своего дома и был у Аттилы. Стоя в этой толпе, — так как я был уже известен страже Аттилы и окружающим его варварам, поэтому никто мне не чинил препятствий, — я увидел множество идущих людей, причем на том месте поднялся шум и гам, известивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взор туда и сюда. Когда он, выйдя с Онигисием, стал перед дворцом, к нему начали подходить многие люди, возбудившие тяжбу друг с другом, и получали его решения. Потом он возвратился во дворец и начал принимать прибывших к нему варварских послов...

В назначенное время мы явились на обед вместе с послами западных римлян и остановились на пороге напротив Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к лавкам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты по обе стороны стояли скамейки. Посередине сидел на ложе Аттила, а позади стояло другое ложе, за которым несколько ступенек вело к его постели, прикрытой простынями и пестрыми занавесами для украшения, как это делают эллины и римляне для молодоженов. Первым рядом пирующих считали тот, что сидел справа от Аттилы, а вторым — левый, где сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Верих. Онигисий сидел на скамье справа от царского ложа. Напротив Онигисия сидели на скамьях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не рядом с отцом, а на краю, глядя в землю из уважения к отцу. Когда порядок был установлен, явился виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Принявши его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с места; сидеть нужно было лишь после того, как, пригубив кубок или же выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Тому, кто садился, оказывали честь подобным образом все присутствовавшие, поднимая кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был свой виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как была оказана честь второму гостю и другим, Аттила почтил и нас подобным приветствием по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии

вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждого трех или четырех или даже большего числа гостей; таким образом, каждый имел возможность взять себе разложенных по блюдам яств, не выходя из ряда сидящих. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним те, кто прислуживал гостям, поставили на столы хлеб и закуски. Для других варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, Аттиле же не подавали ничего, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он проявлял воздержанность: так, к примеру, гостям подавали чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромной и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни меч, висевший у него сбоку, ни перевязи варварской обуви, ни уздечка его коня не были разукрашены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-то еще драгоценным. Когда были съедены кушанья, разложенные на первых блюдах, мы все встали, и тот, кто вставал, не возвращался на свое кресло ранее, чем каждый гость из первого ряда выпивал поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол были поставлены вторые блюда со вторыми яствами. Когда все взяли и этих яств, то вновь поднялись таким же образом, выпили и вновь сели. Когда наступил вечер, бели зажжены факелы, и два варвара, выступив на середину напротив Аттилы, запели сложенные (ими) песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пиршества смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, возносились духом, иные же, у кого телесная сила ослабла от времени и дух принужден был к успокоению, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут и начал городить всяческий вздор, чем всех рассмешил. После него появился маврусиец Зеркон; Едекон убедил его приехать к Аттиле, чтобы при его помощи (получить назад) возвратить свою жену, которую он взял в варварской земле, находясь в тесной дружбе с Влидой; он оставил ее в Скифии, когда был послан Аттилой к Аэцию в дар. Но он обманулся в этой надежде, ибо Аттила рассердился на то, что он возвратился в его земли. На этот раз он явился во время пиршества и своей внешностью, одеждой, голосом и удивительной мешаниной произносимых слов (он смешивал с авзонскою речью гуннскую и готскую) всех развеселил и у всех вызвал неудержимый смех, кроме Аттилы. Последний оставался невозмутимым, лицо его не менялось и никакими словами или действиями он не проявлял своего веселого настроения. Только когда младший из сыновей, по имени Ирна, вошел и встал около него, он похлопал его по щеке, глядя на него нежным взором. Когда я выразил удивление, что он не обращает внимания на других

детей, а к этому относится ласково, варвар, сидевший рядом со мной и понимавший по-авзонски, предупредил, чтобы я никому не передавал его слов, и пояснил, что колдуны предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен его сыном. Пока гости проводили ночь в пировании, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться на гулянии.

Когда наступил день, мы пришли к Онигисию, говоря, что нас нужно отпустить и не заставлять напрасно терять время. Он сказал, что и Аттила хочет нас отослать. Спустя некоторое время он начал советоваться с избранными людьми о желании Аттилы и составлять письмо для передачи императору в присутствии секретарей и Рустикия, уроженца Верхней Миссии, взятого в плен на войне и, благодаря своему образованию, служившего варварам при составлении писем. Когда он вышел после собрания, мы обратились к нему с просьбою освободить жену Силлы и детей ее, взятых в рабство при овладении Ратиарией¹³). Он не отказывался их освободить, но хотел отпустить их за большую сумму денег. Когда мы начали упрашивать его сжалиться над ними, приняв во внимание бывшее их благосостояние, он пошел к Аттиле, и тот отпустил женщину за 500 золотых, а детей отослал как дар императору. В это время и Крека, супруга Аттилы, пригласила нас на обед к Адамию, ведавшему ее делами. Придя к нему вместе с несколькими избранными лицами из туземцев, мы встретили радушное гостеприимство. Адамий почтил нас ласковыми словами и приготовленными яствами. Каждый из присутствующих по скифской учтивости вставал и подавал нам полный кубок, потом, обняв и поцеловав того, кто выпил, принимал кубок назад. После обеда мы возвратились в наш шатер и улеглись спать.

На другой день Аттила вновь пригласил нас на пиршество, и мы, как и перед этим, пришли к нему и начали пировать. На ложе вместе с ним сидел уже не старший сын, а Оиварсий, дядя его по отцу. Во время всего банкета любезно беседуя с нами, он просил нас передать императору, чтобы он дал Констанцию (посланному к нему Аэцием в качестве секретаря) обещанную ему жену. Дело в том, что Константин, прибыв к императору Феодосию вместе с отправленными от Аттилы послами, обещал обеспечить нерушимый мир римлян со скифами на долгое время, если император даст ему богатую жену. Император согласился на это и обещал выдать за него дочь Саторнила, известного богатством и знатностью рода. Но этого Саторнила приказала убить Афинаида, или Евдоксия (она звалась обоими именами). Выполнить обещание императора не допустил Зинов, бывший консул, имевший в своем подчинении огромную рать исавров, с которой он во время войны охранял даже Константинополь. Тогда, будучи начальником вооруженных сил на Востоке, он освободил эту девушку из-под стра-

жи и обручил ее с одним из своих приближенных, неким Руфом. После того как ее отобрали, Констанций просил варвара не оставить без наказания нанесенного ему оскорбления и дать ему в жены или захваченную девушку, или другую, которая принесла бы приданое. Поэтому во время пира варвар и поручил Максимиனு передать императору, что Констанций не должен быть обманут в поданной им надежде, ибо царю не пристало лгать... Такое поручение дал Аттила, так как Констанций пообещал дать ему денег, если с ним будет обручена женщина из какого-либо очень богатого у римлян дома.

Выйдя с пирушки, через три дня после этой ночи мы были отпущены с хорошими подарками. Вместе с нами Аттила послал и Вериха, сидевшего выше нас на банкете, одного из избранных и начальника многих поселений в Скифии, как посла к императору, очевидно, желая, чтобы и он как посол получил подарки от римлян. Когда мы по дороге остановились в одном селении, был пойман какой-то скиф, перешедший из римской земли на земли варваров как разведчик; Аттила приказал посадить его на кол. На другой день, когда мы проезжали через другие селения, были приведены два человека из скифских рабов со связанными сзади руками, которые убили своих господ на войне; их обоих распяли на плахе с перекладиною, привязав головами.

Прокопий Кесарийский. «История»¹⁾ Славяне

Эти народы, славяне и анты²⁾, не подчиняются одному человеку, а издавна живут в демократии; поэтому обо всем, что для них полезно или вредно, они рассуждают сообща. И почти во всем ином оба варварских народа³⁾ исстари живут одинаково. Единого бога, громовержца, почитают они владыкой всего мира и в жертву ему приносят быков и всякого рода священных животных. Судьбы они совершенно не знают и не приписывают ей никакого влияния на людей. Когда им угрожает смерть, во время болезни или на войне, они дают обет, что если спасутся от смерти, то немедленно принесут за спасение жизни жертву богу, — и когда опасность миновала, приносят жертву и считают, что этим купили свое спасение. Поклоняются также рекам, и нимфам, и другим божествам, и всем им приносят жертвы; во время этих жертвоприношений ворожат.

Живут они в убогих хижинах, далеко расположенных одна от другой, и часто меняют места проживания. Отправляясь на войну, многие из них идут на врага пешими, держа в руках небольшой щит и дротики; панцирей они не носят; некоторые выходят на бой без хитона и без трибония (без верхней и нижней одежды), только в

коротких портах, и бьются в шароварах, закрывающих лишь часть тела.

У тех и других варваров один язык, простой и варварский; не отличаются они друг от друга и внешним видом. Все эти люди высокого роста и чрезвычайно сильные. Цвет лица у них не совсем белый, волосы не русые и не переходят в черные, а рыжеватые, и к тому же — у всех. Подобно массагетам, они живут бедно и грубо и так же, как те, пребывают постоянно в грязи. Коварства или лукавства у них совсем мало, но при всей их простоте нравы у них гуннские. И имя славянам и антам было извечно одно; тех и других стародавность называла опорами; думаю, что они жили рассеяно и занимали большие пространства. Большая часть земель за Истром принадлежит им.

Повесть временных лет. Расселение славян и их жизнь¹⁾

По мнзех же времянех сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. (И) от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте; яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словени: Хорвате Белии, и Серебрь и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайския, (и) седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; (инии седоша на Двине и нарекошася Полочане), речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, (и) прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле, и нарекошася Север. (И) тако разидеся Словеньский язык, темже и грамота прозвася Словеньская.

Поляном же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти (и) по Ловоти внити в Ильмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волхов и вьтечеть в озеро великое Нево²⁾, (и) того озера внидеть устье в море Варяжьское³⁾, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море⁴⁾, в неже втечеть Днепр река. Днепр бо потече из Волковскаго леса⁵⁾, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же леса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское, ис

того же леса потече Волга на вѣсток, и вѣтечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Темже и из Руси можетъ ити (по Волзе) в Болгары⁶⁾ и в Хвалисы⁷⁾, (и) на вѣсток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима (же и) до племени Хамова⁸⁾. А Днепр втечеть в Понетъское море жерелом, еже море словеть Руское, по немуже учил святыи Ондрей, брат Петров, якоже реща...

Подем же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху Поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим. (И) быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, (и) сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, идеже ныне оувоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица; и створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев (И) бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, (и) нарицахуся Поляне, от нихже суть Поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, темь глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своем; (и) приходивши) ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику чєсть приял (єсть) от царя, при котормь приходив цари; идущю же ему вспять, приде к Дунаеви, (и) възлюбил место, и срубил градок мал, (и) хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близъ живущий; еже и до ныне наричють Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сих братьи держати почаша род их княженъе в Полях, (а) в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане. От нихже Кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, ихже град єсть Смоленск; туде бо седять Кривичи. Таже Север от них. На Белозере седять Вєсь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же. (А) по Оце реце, где втечеть в Волгу, Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Морьдва свой язык. Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, послеже же Волыняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вєсь, Муром, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нєрома, Либь; си суть свой язык имущє, от колена Афєтова, иже живутъ в странах полуночных.

Словеньску же языку, якоже рекохом, живущю на Дунай, придоша от Скуф⁹⁾, рекше от Козар¹⁰⁾, рекомии Болгаре (и) седоша по Дунаеви, (и) населници Словенем быша. Посемь придоша Угри Бе-

лии¹¹⁾, (и) наследилша землю Словенскую; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находилша на Хоздроя, царя Перьскаго. В си же времена быша и Обри¹²⁾, (иже) ходилша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенех, и примучилша Дулебы, сущая Словены, и насилъе творяху женам Дулебским: аще поехати будяше Обърину, не дадыше выпрячи коня ни вола, но веляше выпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести Обърена, (и) тако мучаху Дулебы. Быша бо Объре телом велици и умомъ горди, и бог потреби я, (и) помроша вси, и не остана ни един Обърин, (и) есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обре; ихже несть племени ни наследка. По сих же придоша Печенези; паки идоша Угри Чернии мимо Киев, послеже при Олзе.

Поляном же живущимъ особе, якоже рекохом, сущим от рода Словенска, и нарекошася Поляне, а Деревляне от Словен же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи от Ляхов. Бяста бо 2 брата в Лясах, Радим, а другой Вятко, и пришедъша седоста Радим на Съжю, (и) прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от негоже прозвашася Вятичи. И живяху в мире Поляне, и Деревляне, (и) Север, и Радимичи, и Вятичи и Хорвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне Вельняне, а Улучи и Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, (и) суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья, каждо свой нрав. Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыденъе к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденъе имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но провожаху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядыху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица. И Радимичи, и Вятичи и Север один обычай имяху: живяху в лесах, якоже (и) всякий зверь, ядуще все нечисто, (и) срамословье в них пред отьци и пред снохами, (и) браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто съвещацеся; имяху же по две и по три жены. (И) аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложакуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложакуть в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи (и) прочии погании, не ведуще закона Божия, но творяще сами себе закон...

По сих же летех, по смерти братье сея быша обидимы Древлями (и) иними околними, и найдоша я Козаре, сидящая на горах сих в лесах, и реша Козари: «платите нам дань». Съдумавше (же) Поля-

не и вдаша от дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и к старейшинам (своим), и реша им: «се, налезохом дань нову». Они же реша им: «откуда?» Они же реша: «в лесе на горах над рекою Днепрскою». Они же реша: «что суть въдали?» Они же показаша мечь. (И) реша старци город Ладогу, и седе старейший в Ладозе Рюрик, а другой Синеус на Белеозере, а третьей Трувор в Изборьске. И от тех Варяг прозвася Руская земля. По дъвою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один; и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа и раздаю мужем своим волости, и города рубати, овому Полтеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по темь городом суть находнице Варязи; первии населници в Новегороде Словене, и в Полотьске Кривичи, Ростове Меряне, на Белеозере Весь, Муроме Мурома, и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него два мужа, не племени его, Асколд и Дир, но боярина и та испросистася к Царюграду с родом своим. И пойдоста по Днепру, идучи мимо, и узреста на горе городок и въспрошаста, ркуще: «чий се город?» Они же ркоша: была суть три братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаща город сий, и изъгыбоша, а мы седим роды их и платимы дань Козаром. Асколд же и Дир остаща в городе сем, и многы Варягы съвокуписта; и начаста владети Польскою землею. Рюрику же княжящю в Новегороде.

*Летопись по Ипатьевскому списку —
СПб, 1871. — С. 10—12.*

Рюрик, Олег, Игорь (862—945 гг.)

Во времена же Кыева и Щека и Хорива Новгородстии людие, рекомии Словени и Кривичи и Меря, Словене свою волость имели, а Кривичи свою, а Мере свою; каждо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом¹⁾ от мужа по беле и веверици; а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И въсташа Словене и Кривичи и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море, и начата владети сами себе и города ставити; и въсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташе град на град, и не беша в них правды. И реша к себе: «князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву». Идоша за море к Варягом и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами». И зъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и придоша к Новугороду; и седе старейший в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а другой седе на Белеозере, Синеус; а третий в Изборьске, имя ему Трувор. И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть Новгородстии людие до днешняго дни от рода Варяжьска.

По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един. И роди сын, и нарече имя ему Игорь. И възрастьшю же ему Игорю, и бысть храбор и мудр. И бысть у него воевода, именован Олег, муж мудр и храбор. И начаста воевати, и налезоста Днепръ реку и Смолнеск град; и оттоле поидоша вниз по Днепру, и приидоша к горам Киевским, и узреста город Киев, и испыташа, кто в нем княжить; и реша: «два брата, Асколд и Дир». Игорь же и Олег творящася мимоидуца, и потаистася в лодьях, и с малою дружиною излезоста на берег, творящася Подугорскими гостями, и съзваста Асколда и Дира. Слезшима же има, выскакаша прочии воины, злодеи Игоревы, на берег; и рече Игорь ко Асколду: «вы нест князя, ни роду княжа; нъ аз есмь князь, и мне достоить княжити». И убиша Асколда и Дира; и абие несъше на гору, и погребоша Асколда на горе, еже ся ныне Угорское наричеть, идеже есть двор Олмин²⁾, на той могыле постави Олма церковь святого Николу; а Дирева могыла за святою Ириною. И седе Игорь княжа в Киеве; и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью. Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривичем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира деля, еже не дають. И паки приведе себе жену от Плескова, именован Ольгу, и бе мудра и смысла, от неяже родися сын Святослав.

*Новгородская летопись
по синодальному харатейному списку,
изд. Археологической комиссии, 1888. — С. 4—6.*

Поход киевского князя Олега на Византию и договор его с Византией (907, 911 гг.)

В лето 6415. Иде Олег на Греки¹⁾, Игоря остави в Киеве; поя же множество Варяг, Словен, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Северу, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться Великая Скуфь. И съ семи всеми поиде Олег на конех и в кораблех, и бе числом кораблей 2000. И приде к Царюграду, и Греци замкоша Суд²⁾, а город затвориша. И вылезе Олег на берег, и повеле воем изволочити корабля на берег, и повоева около города, и много убийство отвори Греком, и полаты многы разбиша, а цркви пожьгоша; а ихже имяху полоняники, овех посекаху, другыя же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаша, и ина многа зла творяху Русь Греком, елико же ратнии творять. И повеле Олег воем своим колеса изъделати и въставити корабля на колеса; и бывшю покосну ветру, успяша пре с поля, и идяше к городу³⁾. Видевше же Греце, убояшася и ркоша, выславше ко Ольгови: «не погубляй город,

имемься по дань, якоже хоцещи». И стави Олег вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его: бе бо устроено с отравою. И убояшася Греце и ркоша: «нести се Олег, но святыи Дмитрий, послан на ны от бога». И заповеда Олег дань даяти на 2000 кораблей, по 12 гривне на человека, а в корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевал Грецькой земли. Олег же, мало отступив от города, нача мир творити с царема Грецькыма, с Леоном и с Александром, посла к нима в город Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «имете ми ся по дань». И ркоша Греце: «чего хочете, и дамы ти». И заповеда Олег дати воем на 2000 кораблей, по двенатьцать гривне на ключь, и потом даяти углады на Руские городы: первое на Киев, таже и на Чернигов, и на Переяславль, и на Полтеск, и на Ростов, и на Любечь, и на прочая городы; по темь бо городом седяху князья под Ольгом суще: «да приходит Русь, хлебное емлють, елико хотять, а иже придуть гостье, да емлють месячину на 6 месяц, и хлеб, и вино, и мяса, и рыбы, и оwoцем, и да творять им мовь, елико хотять; и пойдут(ь) же Русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужища, и пре и елико надобе». И яшася Греци, и ркоша царя и боярьство все: «аще приидуть Русь бес купли, да не взимають месячины; да запретити князь людем своим, приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех и в стране нашей; приходящии Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишють имена их, и тогда возмут месячное свое, первое от города Киева, и паки ис Чернигова, и Переяславля, и прочии городи; и да входять в город одиными вороты, с царевым мужем, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чемьже». Царь же Леон с Олександром⁴ мир створиста с Ольгом, имъшеся по дань и роте заходивше межи собою, целовавше сами крест, а Ольга водиша и мужий его на роту; по Рускому закону кляшася оружье своим, и Перуном богом своим, и Волосом скотьим богом, и утвердиша мир. И рече Олег: «ишийте пре паволочити Руси, а Словеном кропиинныя», и бысть тако; и повесиша щиты своя в вратех, показающе победу, и поиде от Царяграда. И вспяша Русь пре паволочитые, а Словене кропиинныя, и раздра я ветр; и ркоша Словене: «имемься своим тольстинам, не даны суть Словеном пре кропиинныя». И приде Олег к Киеву, неся золото, и паволокы, и овоци, и вина, и всяко узорочье и прозваша Ольга вещей: бяху бо людие погани и невеголось...

В лето 6420. Посла Олег мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью; и посла глаголя равно другаго свещания, бывшаго при тех же царих Лва и Александра.

«Мы от рода Рускаго, Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидульфост, Сте-

мир, иже послани от Олга, великаго князя Рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых бояр, к вам, Львови и Александру и Костянтину⁵⁾, великим о бозе самодержьцем, царемь Грецкым, на удержание и на извещение от многих лет межю Християны⁶⁾ и Русью бывшую любовь похотеньем наших князь и по повелению, и от всех, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша светлость боле инех хотящих же о бозе удержати и известити такую любовь, бывшую межю Християны и Русью, многожды право судихом, но точью простословесен, и писаниемь и клятвою твердою, кленшеся оружьем своим, такую любовь известити и утвердити по вере и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о божий вере и любви, главы таковыя: По первому слову да умиримся с вами, Грекы, да любим друг друга от всея душа и изволенья, и не владим, елико наше изволение быта от сущих под рукою наших князь светлых, никакому же съблазну или вине; но потщимся, елико по силе, на охранение прочих и въсегда лет с вами, Грекы, исповеданиемь и написанием с клятвою извещаемуя любовь непревратну и непостыжну. Такоже и вы, Греци, да храните такую же любовь к князем же светлым нашим Рускым и к всем, иже суть под рукою светлаго князя нашего, несъблазнену и непреложну всегда и в вся лета. А о головах, иже ся ключють проказа, урядимся сице: Да елико яве будеть показнии явлеными, да имеють верное о тацех явлении; а ему же начнуть не яти веры, да не кленется часть та, иже ищеть неятю веры; да егда кленется по вере своей, будеть казнь, якоже явится съгрешение о сем. Аще кто убьеть Крестьянина Русин, или Христьянин Русина, да умереть, идеже аще отворить убийство. Аще ли убежить створивый убийство, аще есть имовит, да часть его, сиречь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго; а иже на убившаго, да имееть толцемь же прибудете по закону; аще ли есть неимовит створивый убийство и убежав, да держится тяжи, доньдеже обрящется, яко да умереть. Аще ли ударить мечемь или бьеть кацем либо съсудом, за то ударение или убьение да вдасть литр 5 сребра по закону Рускому; аще ли будеть неимовить тако створивый, да вдасть елико можеть и да соиметь с себе и ты самыя порты своя, в нихже ходить, а опроче да роте ходите своею верою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываете тяжа оттоле не взыскаема о семь. Аще украдеть Русин что любо у Крестьянина, или пакы Христьянин у Русина, и ят будеть в том часе тать, егда татьбу сътворить, от погубившаго что любо, аще приготовится, татьбу творяй и убиень будет да не взыщется смерть его ни от Христьян, ни от Руси, но паче убо да възметь свое, иже будеть погубил. И аще вьдасть руце украдый, да ят будеть темь же, у негоже будеть украдено, и связан будеть и отдасть то, еже сме створить, и створить трижды о семь. Аще ли кто, или Русин Хрестьянину, или Хрестьян Русину, муче-

ния образом искус творити и насилье яве, или възметь что любо дружинне, да вспятить троичь. Аще вывержена лодья будетъ ветром великом на землю чюжо, и обрящются тамо иже от нас Руси, да аще кто идетъ снабдети людьо с рухлом своим, и отсылати пакы на землю Крестьянску, да проводим ю сквозе всяко страшно место, дондеже придетъ в бестрашно место; аще и таковая лодья, и от буря, или боронения земнаго боронима, не можетъ възборонитися в своя си места, спотружаемъся гребцем бо тоя лодья, мы Русь, и допроводим с куплею их поздорову, ти аще ключитя близ земли Грецькы; аще ли ключитя такоже проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую землю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можетъ продати от лодья, воволочим им, мы Русь, да егда ходим в Греки или с куплею, или в солбу, к cereви (в)ашему, да пустим я с честью проданое рухло лодья их; аще ли ключитя кому от тоя лодья в ней убьену быти, или бьену быти от нас Руси, или взяти что любо, да повиньни будутъ то створшии прежде реченную епитемьею. От тех аще полоняник обою страну держим есть, или от Руси, или от Грек, продан в ину страну; оже обрящется или Русин или Гречин, да не купять и възвратять и скупленое лице в свою страну, и възмутъ цену его купящии, или мнитяся в куплю на дань челядиная цена; такаже аще от рати ят будете, да от тех Грек такоже да възвратится в свою страну, и отдана будетъ цена его, якоже речено есть, якоже есть купля. Егда же требуетъ на войну ити, егда же потребу творите, и си хотять почестити царя вашего, да аще в кое время елико их придете и хотять оставити у царя вашего, своею волею да будутъ. О Руси о полоненьи: Многажды от коея убо страны пришедшим в Русь и продаемом Крестьяны, и еще же и от Християн полонных и многажды от коея любо страны приходящим в Русь; се продаемы бывають по 20 золота и да придуть в Греки. О том аще украден будетъ челядин Руский, или възкочить, или по нужи продан будетъ, и жаловати начнуть Русь, да покажется таковое от челядина, да имуть и в Русь; но и гостье погубиша челядин, и жалують, да ищють и, обретаемое да имуть е; аще ли кто искупения сего не дасть створити, местник да погубить правду свою. О работающих в Грецах Руси у Христьянского царя: Аще кто умреть, не урядив своего имения, ци и своих не имать, да възвратитъ имение к малым ближикам в Русь; аще ли створить обрящение, таковой възмет уряженое его, кому будетъ писал наследити имение, да наследит о(т) взимающих куплю Руси от различных ходящих в Греки и удолжающих. Аще злодей възвратится в Русь, да жалують Русь Христьянскому царству, и ят будетъ таковой и възвращен будетъ не хотяй в Русь. Си же вся да творять Русь Грекам, идеже аще ключитя таково. На утвержение же и неподвижение быта межи вами Христьяны и Русью, бывший мир створихом Ива-

новом⁷⁾ написанием на двою харотью, царя вашего и своею рукою, подлежащим честным крестом и святою единосущною троицею, единого истинного бога нашего, извести и дать нашим словом; мы же кляхомся к царю вашему, иже от бога суще яко божие здание по закону, и по покону языка нашего, не переступати ни нам ни иному от страны нашея от уставленных глаголов мира и любви. И таково написание дахом царства вашего на утверждение обоему пребывати, таковому свещанию, на утверждение и извещение межю вами бывающаго мира, месяца себтября в 2, а в неделю 15, в лето создания миру 6420».

Летопись по Ипатьевскому списку.

— С. 17—19, 19—22.

Крещение киевлян (988 г.)

Володимер с Корсуня¹⁾ «приде Киеву. Яко приде, повеле кумиры испровреци, овы исеци, а другие огневи предати; Перуна же повеле привязати коневы к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бесу, иже прелщаше симь образом человеки, да възмездье прииметь от человек. (Велий еси, господи, чудна дела твоя! вчера чмить от человек), а (днесь) поругаем. Влекому же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше вринуша и в Днепр. И пристави Володимер, рек: «аще кде пристанеть, вы отревайте его от берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь его». Они же повеленая створиша. Яко пустиша и, проиде сквозе пороги, изверже и ветр на рень, и оттоле прослу Перуня Рень, якоже и до сего дне словеть. Посемь же Володимер посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто (заутра на) реце, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен так мне да будет». Се слыщавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимер с попы царицины и с Корсуньскими²⁾ на Дънепр, и снисдеся бес числа людий: влезоша в воду, и стояху овы до шие, а друзии до персий, младенци же (по перси) от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяхе си радость видети на небеси и на земли, толико душъ спасаемых; а дьяволя стенья глаголаше: увы мне, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мнях жилище имети, яко сде не суть ученья апостольска, не суть ведуще бога, но веселяхся о службе их, еже служаху мне; и се уже побежен есмь от невеигласа (сего), а не от апостол, ни от мученик, не имам уже царствовати в странах сих. Крестившим же ся людем, идоша кождо в дома своя.

Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 114—115.

Распространение просвещения в Киевской Руси (I половина XI в.)

В лето 6545. Заложил Ярослав¹⁾ город великий (Киев)²⁾, у негоже града суть Златая врата; заложил же и церковь святая Софья³⁾, митрополю, и посемь церковь на Золотых воротех святая богородица благовещенье, посемь святого Георгия манастирь и святая Ирины. И при семь нача вера хрестьяньска плодиритися и раширяти, и черноризци почаша множитися, и манастиреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризце, и книгам прилежал, и почитая е часто в ноци и в дне; и собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словенское писмо, и списаша книга многы, и сниска, имиже поучащеся вернии людье наслаждаются ученья божественаго. Якоже бо се некто землю разореть, другой же насеет, ини же пожинають и ядят пищу бескудну, тако и съ: отець бо его Володимер (землю) взора и умягчи, рекше крещеньем просветив; съ же насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бывает полза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть реки, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаемы есмы, си суть узда въздержанью...

Ярослав же сей, якоже рекохом, любим бе книгам, (и) многы написав положи в святей Софьи церкви⁴⁾, юже созда сам; украсил ю златомь и сребромь и сосуды церковными, в нейже обычныя песни богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имения своего урок, веля им учить люди, понеже темь есть поручено богомь, и приходити часто к церквам; и умножишася прозвутери (и) людье хрестьяньстии: Радовашеся Ярослав, видя множество церквий и люди хрестьяны, зело, а враг сетовашеться, побежаем новыми людями хрестьяньскими.

Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 148—149.

«Поучение»¹⁾ Владимира Мономаха О т р ы в к и

Поученье. Аз худый дедом своим Ярославом²⁾, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, Русьскимь именемь Володимер, отцемь възлюбленнымь и матерью своею Мьномахы³⁾ ..... (*) и хрестьяных людий деля, колико бо сблюду по ми-

---

* Пропуск в тексте.

лости своей и по отни молитве от всех бед. Седя на санех⁴⁾, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих дней грешнаго допровади. Да дети мои, или ин кто, слышав сю грамотицу, не посмейтесе, но емуже любя детей моих, а приметъ ю в сердце свое, и не ленитесе начнетъ такоже и тружати: первое, бога деля и душа своя, страх имейте божий в сердца своемъ, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохрищаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицю (е) си молвил. Усретоша бо мя слы от брата моего на Волзе, реша: «потъснися к нам, да выженем Ростиславича⁵⁾ и волость их отъимем; еже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе», и рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядив я, взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомъ собрах словца си любая...(*)

...Си словца прочитаюче, дети моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказание; послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй; и в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одну же ночь, аще можете, поклонитесе до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды; а того не забывайте, не ленитесе, темъ бо ночным поклоном и пенъем человек побеждает дьявола, и что в день согрешить, а тем человек избывает. Аще и на кони ездяче не будетъ ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а «Господи помилуй» зовете бес престани, втайне; та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя. Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а ни вдавайте сильным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будетъ повинен смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесе богом, ни хреститесе, нету бо ти нужда никоеяже; аще ли вы будете крест целовати к брату, или к кому, а ли управивше сердце свое, на немже можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе своее. Епископы, и попы, и игумены, с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтесе от них, и по силе любите и набдите, да примете от них молитву от бога. Паче всего гордости не имейте в сердца и в уме, но рцем: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробе; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть велик грех. Старыя чти яко отца, а молодыя яко брата. В дому своемъ не ленитесе, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеютесе

приходящи к вам и дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавшя ленощами, внезапу бо человек погыбаеть. Лже блюдишя и пьянства и блуда, а том бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть. Куди же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда, же к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человека по всем землям, любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идете, яко вси мертвени есмы; и человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конецъ всему: страх божий имейте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будетъ бесорома, и вам будетъ добро. Егоже умеючи, того не забываете доброго, а егоже не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сядя, изумеаше 5 язык⁶⁾, в том бо честь есть от инех земля. Лениость бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учить; добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой деяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавшя богови хвалу, и потом солнцю всъходящю, и узревше солнце, и прославити бога с радостью, и рече: просвети очи моя, Христе боже, и(же) дал ми еси свет твой красный, и еще: Господи, приложи ми лето к лету, да прок, грехов своих покаявша, оправдив живот, тако похвалю бога; и седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на лов ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне, от чин бо почиваете и зверь, и птици и человеци. А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы 13 лет. Первое к Ростову идох, сквозе Вятиче, посла мя отецъ⁷⁾, а сам иде Курьску⁸⁾; и паки 2-е к Смолинску со Ставкомъ Скордятичем⁹⁾, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолинску; то и-Смолинска идох Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата¹⁰⁾ на головне, иде бяху пожгли, той ту блюдох(ох) город тех. Та идох Переяславлю отцю, а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творит с Ляхы, оттуда паки на лето Володимерю опять. Та посла мя Святослав в Ляхы¹¹⁾; ходив за Глоговы до Чешьскаго леса¹²⁾; ходив в земли их 4 месеци; и в тоже лето и детя' ся роди старейшее Новгородское¹³⁾; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святослав умре¹⁴⁾, и яз паки Смолинску, а и-Смолинска той

же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помочь¹⁵⁾; а на лето со отцемъ под Полтеск, а на другую зиму с Святополком¹⁶⁾ под Полтеск; ижгоша Полтеск; он иде Новугороду, а я с Половци на Одрьск, воюя; та Чернигову. И паки и-Смолинська к отцу приходх Чернигову; и Олег приде из Володимеря выведен, и возвах и к себе на обед со отцемъ в Чернигове, на Краснемъ дворе, и вдах отцю 300 гривен золота¹⁷⁾. И паки и-Смолинська же пришед, и проидох скво-зе Половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налезох с полку пришедша; той паки ходихом, том же лете, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову с Борисомъ¹⁸⁾, и победихом Бориса и Олга. И паки идохом Переяславлю, и стахом во Оброве, и Всеслав Смолнск ожьже, и аз всед с Черниговци о двою коню, и не за-стахом в Смолинские; темже путем по Всеславе пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютск воюя¹⁹⁾, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародуб весь, и аз шед с Черниговци и с Половци, на Десне изымахом князи Асадука и Саука, и дружину их избиша; и на заутрее за Новым Городом разгнахом силны вои Белкатгина, а се мечи и полон весь от(ъ)яхом. А в Вятчи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих 1-ю зиму; и паки по Изяславичих за Микулин, и не постигохом их; и на ту весну к Ярополку совкуп-лятся на Броды. Томже лете гонихом по Полвьчих за Хорол, иже Горошин взяша. И на ту осень идохом с Черниговци и с Половци, с Читеевичи, к Меньску: изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины. На ту зиму идохом к Ярополку сово-куплятися на Броды, и любовь велику створихом. И на весну посади мя отецъ в Переяславли перед братьею, и ходихом з Сулой; и едучи к Прилуку городу, и сретоша ны внезапно Половечьские князи, 8 тысячь, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхом услали наперед на повозех, и внидохом в город; толко Семцю яша оди-ного живого, ти смерд неколико, а наши онех боле избиша и изъ-имаша, и не смеша ни коня пояти в руке, и бежаша на Сулу тое ночи; и завтра, на Госпожин день²⁰⁾, идохом к Беле Веже, и бог ны поможе и святая богородица: избиша 900 Половецъ, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, и два мужа толко утеко-ста; и потомъ Святославль гонихом по Половчих, и потомъ на Торческый город, и потомъ на Гюргев по Половчих; и паки на той же стороне у Красна Половци победихом; и потомъ с Ростиславом же у Варина веже взяхом. И потомъ ходив Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополк умре²¹⁾. И паки по отни смерти и по Святополце на Суле бившеса с Половци до вечера, быхом у Халепа и потомъ мир створихом с Тугорканом и со инеми князи Половечьскими; и у Глебови чади пояхом дружину свою всю. И потомъ Олег на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу (греб)лю, и не владуче

им в острог; (съжа)ливси хрестьяных душъ и сел горящих и монастырь, и рех: «не хвалитися поганым», и вдах брату отца его место, а сам идох на отца своего место Переяславлю; и изидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ехачом сквозе полкы Половчские, не в 100 дружине, и с детми и с женами, и облизухутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з гор, бог и святыи Борис не да им мене в користь, неврежени доидохом Переяславлю. И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода; и идохом на вои их за Римов, и бог ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и паки Итлареву чадь избиша и вежи их взяхом, шедше за Голтавомь. И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложил к Половцем; и на Бои идохом, с Святополком на Боняка за Рось; и Смолинску идохом, с Давыдомь смирившеся; паки идохом другое с Воронице; тогда же и Торци придоша ко мне, ис Половецъ Читеевичи, идохом противу им на Сулу. И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску; и се ныне иду Ростову. И паки с Святополком гонихом по Боняце, ноли оли убыша, и не постигохом их; и потомъ по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его. И на зиму Смолинску идох, и-Смоленска по Велице дни выидох; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришед на лето, собрах братью; и Боняк приде со всеми Половци к Кснятиню, идохом за ня ис Переяславля за Сулу, и бог ны поможе, и полъкы их победихом, и князи изымахом лепшии, и по Рожестве створихом мир с А(е)пою, и поим у него дчерь, идохом Смоленску; и потомъ идох Ростову. Пришед из Ростова, паки идох на Половци на Урубуну с Святополком, и бог ны поможе; и потомъ паки на Боняка к Лубыну, и бог ны поможе; и потомъ ходихом в воину с Святополком; и потомъ, паки на Дон идохом с Святополком и с Давыдом, и бог ны поможе; и к Выреви бяху пришли Аепа и Боняк, хотеша взяти и, ко Ромчу идох со Олгомь и з детми на ня, и они очитивше бежаша. И потомъ к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял, и бог ны поможе, и створихом свое мышленое. И потомъ ходихом к Володимерю на Ярославця, не терпяче злюб его. А из Чернигова до Кыева нестишь ездих ко отцю, днем есмъ переездил до вечерни; а всех путей 80 и 3 великих, а прока на испомню менших. И миров есмъ створил с Половечьскими князи без единого 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое; и пустил есмъ Половечьский князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князий инех 100; а самы князи бог живы в руке дава: Коксусь с сыномь, Аклан, Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй, и инех кметий молодых 15, то тех живы ед, исек, вметах в ту речку в Славлий; по чередам избьено не с 200 в то время лепших. А се тружахся ловы дея: понеже седох в Чернигове, а из

Чернигова вышед. и д.....о лета по сту уганива(л) и имь даром всею силою кроме иного лова, кроме Турова, иже со отцемь ловил есм всяк зверь. А се в Чернигове деял есм: конь диких своима руками связал есмь в пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по Роси ездя имал есм своима рукама теже кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже; и бог неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе свои вередих, в уности своей вередих, не блюда живота своего, ни шадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил что было надобе, весь наряд и в дому своемь то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколех и о ясрябех; тоже и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал. Да не зазрите ми, дети мои, ни ин кто, прочет, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от тех час смертных, и не ленива мя был створил, худаго, на вся дела человеческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потьснетеса на вся дела добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не бояще, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы бог подасть; оже бо яз от рати, и от звери и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не может вредитися и убити, понеже не будет от бога повелено; а иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но оче добро есть блюсти, бсжие блюденье леплее есть человеческого. О многострастный и печалны аз! много борещися сердцемь, и одолевши, душе, сердцю моему, зане, таенъне сущи, помышляю како стати пред страшным Судьею, каянья и смиренья не приимшим межю собою. Молвить бо иже: бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть; и пакы: аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустить отець вашъ небесный. Пророк глаголеть: не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье; что есть добро и красно, (но еже жити) братья вкупе!..... Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дедех наших, при добрых и при блаженных отцих наших; дьявол бо не хоче(т) добра роду человеческому, сваживает ны. Да се та написах, зане принуди мя сын мой, егоже еси хрстил, иже то седить близь тебе, прислал ко мне мужь свой и грамоту, река: ладимься и смеримся, а братцю моему суд пришел; а ве ему не будеве местника, но възложиве на бога, а станут си пред богомь; а Русьскы земли не погубим. И аз видех смиренье сына своего,

сжалихся, и бога устрашихся, рекох: он в уности своей и в безумьи сице смеряется, на бога укладает; аз человек грешен есмь паче всех человек. Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоємь писаньи.

Летопись по Лаврентьевскому списку.
— С. 232—233, 236—244.

Лев Диакон¹⁾. «История».
Книга девятая

1. Как только рассвело, император²⁾ стал укреплять лагерь мощным валом, действуя так. Неподалеку от Дористола³⁾ возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, [Иоанн] приказал рыть вокруг него ров, а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем [он приказал] воткнуть на вершине [насыпи] копьа и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом, лагерь был огражден рвом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь — устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромей⁴⁾ свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, [Иоанн] на следующий день выстроил войско и двинул его к [городской] стене. Показываясь из-за башен, скифы⁵⁾ метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных орудий. [Ромей] же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромей удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромей тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копьа (они пользуются в битвах очень длинными копьями) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копьа поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводыев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру⁶⁾ огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромей несказанно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «мидийским огнем»⁷⁾ ромей превратили в пепел на Евксинском [море]⁸⁾ огромный флот Ингора⁹⁾, отца Сфендослава¹⁰⁾. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где протекающий Истр огибает одну из сторон Дористола. Но огненос-

ные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один [из воинов], вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела¹¹⁾, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Федор, прозванный Лалаконом¹²⁾, муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав спину, [снова] укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в [предстоящих] битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои, и исход событий оставался неопределенным. В это время брат императора Никифора¹³⁾, куропалат¹⁴⁾ Лев, который, как я уже упоминал, находился вместе со своим сыном Никифором под стражей в Митимне, на [острове] Лесбосе, прельстил золотом охрану и решился на мятеж. Глаза [у Льва] были невредимы — человек, которому было поручено его ослепить, сжег ему ресницы, но оставил неповрежденными и нетронутыми зрачки. То ли по приказу императора поступил он так (подозревают и это, потому что после того, как дело раскрылось, он остался безнаказанным), то ли из жалости [ко Льву], постигнутому такой бедой. Итак, взойдя на лодку, куропалат тайно приплыл к берегу напротив Византия¹⁵⁾ и укрылся в монастыре, который назывался Пирамидом. Оттуда он через надежного человека известил друзей и близких о своем прибытии. Они обещали помочь ему всеми средствами собрать большое число вооруженных мужей и достать ключи, чтобы он легко мог проникнуть в царский дворец. Заговорщики сейчас же принялись за дело и вознамерились без всякого промедления осуществить то, что обещали. Подкупив одного из дворцовых ключарей, они уговорили его изготовить и передать им восковые отпечатки ключей. Тот без всякого возражения сделал и отдал [заговорщикам] восковые формы, а они наняли ремесленника, который тотчас же выковал у них в доме ключи.

4. Так как все шло, как им казалось, согласно их замыслам, заговорщики предложили куропалату переправиться через Босфор и прибыть в Византий. Глубокой ночью взошел Лев на корабль, пристал к крепости, проник через калитку, находившуюся под хра-

мом святого Фоки, в город и уже возмечтал, что обладает верховной властью. Но судьба поглумилась, насмехаясь над надеждами человека, не имеющими прочных оснований, — они обращаются в свою противоположность и ведут к ужасному скоплению бедствий. Вместо великолепной порфиры, золотого скипетра и тирании, которой Лев, несмотря на неблагоприятные предзнаменования, домогался, судьба готовила ему мучительное ослепление, дальнюю ссылку и потерю всего имущества.

В то время как Лев находился в доме одного из своих подручных в районе Сфоракия¹⁶⁾ и ожидал прихода заговорщиков, оттуда вышел кто-то из его приспешников, направился к своему родственнику, заведовавшему царской ткацкой мастерской¹⁷⁾, рассказал ему о том, что куропалат находится в городе, сообщил о заговоре и стал просить, чтобы он со всей корпорацией ткацкой мастерской оказал им содействие. Тот обещал немедленно прийти к ним на помощь, поднялся и вышел, будто бы для того, чтобы позвать своих людей. Придя к патрикию и друнгарию¹⁸⁾ морских сил Льву, которому император поручил управлять Византием, он рассказал ему обо всем: что куропалат убежал из ссылки, что он находится в городе, в доме одного из жителей, и что он вот-вот захватит в руки государственную власть.

Это неожиданное известие поразило друнгария, но он был тверд в опасностях и предприимчив, когда нужно было найти надлежащее решение в затруднительных обстоятельствах. Поэтому он скоро укрепился духом, собрал свой отряд и тотчас же прибыл к дому, в котором находился куропалат. Убедившись в том, что заговор раскрыт и все его намерения ясны, он ускользнул вместе с сыном Никифором через боковую дверь, прибежал в великий святой храм и превратился из гордого, спесивого тирана в жалкого молителя. Там его и схватили люди друнгария, посадили вместе с сыном Никифором в челн и отвезли на остров, который называется Калоним. Потом прибыл из Мисии императорский приказ, согласно которому их обоих ослепили, а имущество отобрали в казну.

5. Вот такой печальный и гибельный исход имело стремление куропалата Льва к тирании. Что же касается росов (ибо рассказ снова возвращается [к тому месту], от которого он отклонился), то они построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоанн Куркуас. Заметив дерзкую вылазку врагов, [Куркуас], несмотря на то что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. [На бегу] конь осту-

пился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное. Магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисии много (церквей) и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды.

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Был между скифами Икмор¹⁹⁾, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них. Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас²⁰⁾, воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только [Икмор] погиб, скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спины и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали.

И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли²¹⁾, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов²²⁾, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса²³⁾, то ли у соратников Ахилла²⁴⁾. Ведь Арриан²⁵⁾ пишет в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион²⁶⁾, лежащего у Меотидского озера²⁷⁾. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроей его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белоку-

рые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон²⁸⁾, порицая его следующими словами:

Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны.

Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль²⁹⁾ такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Но довольно о жертвоприношениях тавров.

7. На другой день на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент»³⁰⁾. Когда они собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. [Они говорили, что] ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все [их корабли], как только они попытаются появиться на реке.

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития поработившим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» Вот такое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные. — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими³¹⁾.

А тогда, выслушав речь своего повелителя, [росы] с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и [приняли решение] мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый — месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасла кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоясь, чтобы они, уstraшенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он совершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор³²⁾, которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне Богородица, которую сопровождали огненные воины. Она сказала

им: «Позовите мне мученика Феодора» — сейчас же к ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Дористоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться Матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки.

10. Последовав за святым мужем, ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Склир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла, они обратились в бегство. [Ромеи] преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот³³⁾ скифов, [на поле сражения] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот такую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде³⁴⁾.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна³⁵⁾ на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к

берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами.

Путешествие Платона Карпини через Волынь и Киевщину (1246 г.)

О т р ы в к и

Получив повеление от апостольского престола идти к восточным народам¹⁾, решили мы отправиться прежде всего к татарам, поскольку боялись, чтобы они вскоре не подвергли опасности саму Церковь Божию. Таким образом, отправившись в путь, прибыли мы к королю Богемии, которого мы знали. Он нам советовал ехать через Польшу и Русь; ибо в Польше были у него родственники, с помощью которых мы могли бы проехать на Русь. Он дал нам грамоту и хороших провожатых, приказав предоставлять нам все необходимое в поездке через его владения к герцогу Силезии Болеславу, его племяннику, который был также нашим знакомым и приятелем.

Он также велел проводить нас (через свои земли) к князю Ленчина Конраду²⁾ (брату Лешка Белого). К нему тогда же, по особенной к нам милости Божьей, приехал господин Василько³⁾, герцог Русский (младший сын Романа Мстиславича Храброго). Он нам много рассказал о татарах, ибо посылал к ним послов, которые уже возвратились. (Василько сказал нам, что нужно иметь богатые дары для раздачи татарам.) Узнав, что нужно будет одаривать татар, велели мы купить бобровых и других мехов (на те средства), что были собраны милостыней для путевых издержек. Князь Конрад и герцогиня Краковская (Гремислава-Анастасия, супруга Болеслава), а также епископ и некоторые военные, узнав об этом, надарили нам много таких же мехов.

По просьбам герцога Краковского Болеслава, епископа и баронов князь Василько привез нас с собою в свою землю, продержал нас, чтобы мы отдохнули, несколько дней у себя на своем иждивении. По нашей просьбе собрал он своих епископов, которым мы прочитали грамоту святейшего папы, увещевавшего их возвратиться к соединению со святою Матерью-Церковью. Мы также со своей стороны, сколько могли, убеждали в том же как князя, так и епископа и всех прочих. Но не было тут князя Даниила⁴), (старшего) брата Василька, который поехал (тогда) к Батыю; поэтому и не могли они дать нам решительного ответа.

После этого князь Василько отправил нас, в сопровождении своего служителя, в Киев, столицу Руси. По пути мы находились все время в большой опасности от литовцев, часто совершавших набеги на русские земли и особенно в тех местах, где мы должны были проезжать. От руссов же мы были в безопасности благодаря нашему сопровождающему, кроме того большая часть (русского населения) была перебита или уже увезена татарами в плен.

...Ехали мы в повозке по снегу и в ужасную стужу. По приезде в Киев мы советовались с местным тысячником⁵) и другими знатными людьми о продолжении нашего пути. Они сказали нам, что если мы поедem к татарам на наших лошадях, то все они погибнут в глубоком снегу, потому что не умеют добывать себе корм (копытами) из-под снега, как делают это татарские кони. Другого же корма нет, поскольку у татар нет ни соломы, ни сена, ни пастбищ. Поэтому решили мы оставить их тут под присмотром двух служителей; а тысячнику сделать подарки, чтобы он дал лошадей с подводами и проводника.

Таким образом, отправляясь в путь на второй день Сретения⁶), приехали мы в селение Канев, которое непосредственно зависело от татар.

...Описав как они (татары) воюют, нужно сказать о покоренных ими землях. Это мы сделаем так: во-первых, скажем, как они заключают с кем-либо мир; во-вторых, о названиях земель, завоеванных ими; в-третьих, о тиранствах (мучительствах), которые они там производят; в-четвертых, о землях, храбро им сопротивляющихся.

Нужно знать, что они ни с кем не заключают мира, за исключением тех, кто покорится им; ибо, как сказано выше, имеют от Чингисхана повеление покорять себе все народы, если можно. И вот чего они от них требуют: ходить с ними, когда им угодно, на войну против всех и давать десятину от всего — как от людей, так и от вещей. Отсчитав десять, берут одного. То же самое делают и с девицами, которых уводят в свою землю и держат их для услуг. Остальных, переписав, определяют по обычаю. Но, если имеют над ними полную власть, никогда не выполняют данных обещаний, а выискивают любые способы, чтобы их нарушить. Когда я был на

Руси, прислан был, как говорили, от Куиншхана и Батыя сарадин⁷⁾, и этот начальник у каждого человека, имевшего трех сыновей, брал одного. Мужчин, не имевших жен, уводили; то же самое делали и с женщинами, у которых не было законных мужей. Нищих, которые искали средства существования в милостыне, также уводили. Остальных же, по их обычаю переписав, приказал, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, бедный и богатый, давал дань, а именно: по шкуре белого или черного медведя, черного бобра, забула (соболя) и какого-то черного зверька, живущего в земле в норах, которого я не знаю как назвать по-латыни, а по-немецки называется он иллит, а по-польски и по-русски дохон, и по одной шкуре черной лисицы. Кто не заплатит этой дани, того отводят к татарам, где он и остается в рабстве. Также посылают они за владельцами земель, приказывая им явиться к себе немедленно; когда же те приезжают, то им не оказывают совершенно должного уважения, а обращаются с ними как будто с подлыми людьми; они принуждены давать большие подарки воеводам, их женам, чиновникам, тысячникам и сотникам; все татары вообще, и даже слуги их, с великой доукою просят у них подарков, и не только у них, но и у послов, от них присылаемых. Иных же выскивают случай убить, как это сделали с Михаилом (Черниговским)⁸⁾ и другими. С другими обходятся ласково и позволяют им уезжать домой, иных же приводят к гибели напитками или ядом. Намерения же их состоят в том, чтобы им одним владеть землею, а потому выскивают средства истреблять благородных людей. От тех же, кому позволяют уезжать, требуют сыновей или братьев, которых уже никогда от себя не выпускают, как то сделали с сыном Ярослава⁹⁾, и какого-то герцога Аланского, и со многими другими. И если умрет отец, или брат, или наследник, то сына или брата никогда не отпускают, а, наоборот, все владение забирают себе, как это было при нас с одним солангом. В землях тех владельцев, которым позволяют возвращаться, ставят они своих баскаков, чьей воле должны повиноваться как герцоги, так и вообще все. Если же жители какого-то города или земли не делают того, чего они хотят, то баскаки эти объявляют, что они неверны татарам, и так разоряют этот город или эту землю и убивают жителей сильною рукою татар, которые, по приказу правителя этой земли, приходят неожиданно и внезапно на них бросаются, — так недавно случилось с одним городом, когда мы были в Татарской земле¹⁰⁾. То же самое сделали они с руссами в земле Куманской¹¹⁾. И не только татарский князь, завладевший какою-либо землею, но и правитель его, и каждый татарин, а особенно знатный, проезжая через сей город или землю, распоряжется, как государь. Кроме того, золото и серебро, и все, что хотят и когда хотят, переходит к императору татарскому по тяжбе, как

это недавно случилось с двумя сыновьями царя грузинского. Один из них был законный, по имени Мелик, а другой, Давид, родился от прелюбодеяния. Сему последнему отец оставил часть владений, а другой, который был младшим, поехал со своей матерью к императору татарскому, куда также отправился и Давид. Мать Меликова, царица грузинская, по которой муж владел сим царством, ибо там владеют женщины, умерла в дороге. Они же по приезде раздали много подарков, а особенно законный сын, требовавший себе землю, оставленную отцом Давиду, говоря, что тот, будучи рожден от прелюбодеяния, не может владеть ею. Но Давид отвечал: хотя я рожден от наложницы, однако требую себе правосудия по татарскому закону, который не делает никакого различия между сыном законным и рожденным от рабыни. Поэтому дело решили против законного сына, которого подчинили Давиду, как старшему, приказав, чтобы он спокойно и мирно владел землею, данною ему отцом. Таким образом Мелик потерял свои дары и проиграл дело против брата своего Давида.

С тех же народов, которые живут от них далеко и соседствуют с такими, которых они почему-то боятся и которых они не покорили, берут татары дань и обходятся с ними человечнее, чтобы те не привели на них войско, или же для того, чтобы другие охотнее им покорялись. Так поступили они с обезами, или грузинами, с которых берут, как сказано, по 50 или по 40 тысяч иперперов, или византинов, дани, оставляя их поэтому в покое. Но, несмотря на это, они намерены поднять восстание, как мы от них узнали. (...)

В Сарацинской земле¹²⁾ и в других, где они господствуют как будто у себя, берут они лучших ремесленников и заставляют их работать на себя, а другие платят им подать от своей работы. Весь хлеб кладут они в господские житницы, а каждому рабу дается в день очень малая мера, да трижды в неделю немного мяса; и это получают только ремесленники, живущие в городах. Так же, когда вздумается господину, то он берет всех мальчиков и вместе со служителями своими принуждает их следовать за собой. Впрочем, они считаются в составе татар, или, лучше сказать, в числе пленных; ибо, хотя они причислены к татарам, но обращаются с ними не как с татарами, а как с рабами, и, подобно другим пленникам, посылают их на всякую опасность; например, в бой посылают их первыми; при опасном переходе через болото или реку они должны первые идти вброд — словом, употребляют их на все. Если же они в чем проступятся или не послушаются сразу, то бьют их, как ослов. Короче говоря, они мало едят, мало пьют и очень плохо одеты, разве что-то заработают, за исключением золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но у некоторых такие злые господа, что не дают им отдыха, и за множеством господской работы не имеют они времени сделать (хоть) что-нибудь для себя, разве что захотят

совсем не отдыхать или не спать; но и это могут делать только те, кому позволено иметь жену или свое жилище. Другие же, которых держат они в домах своих для услуг, попросту жалки. Очень часто видел я, что они ходят в одних только штанах, а то и совершенно голые, и в величайший зной, и в страшную стужу. Также видели мы иных с отмороженными пальцами на руках и ногах, иные же, как мы слышали, замерзали или становились совершенными калеками от великой стужи.

Михаил Литвин

«О нравах татар, литовцев и москвитян»¹⁾ (1550 г.)

О т р ы в к и

Нам принадлежит знаменитый замок и город Киев, который, подобно другим крепостям, содержится небрежно, хотя с киевских высот видны многие области, как гласит русская поговорка. Он занимает первостепенное место среди других замков и областей и расположен над рекою на границе степи и Полесья. Почва киевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только раз парюю быков, дает обильнейший урожай; даже невозделанные поля производят растения, питающие людей своими корнями и стволами. Здесь растут деревья, дающие разнообразные нежные плоды, возделывается винная лоза, дающая большие кисти винограда, и местами, на склонах, встречается дикий виноград. Старые дубы и буки, в которых от ветхости образовались дупла, изобилуют роями пчел и сотами, отличающимися прекрасным цветом и вкусом. Диких зверей — зубров, диких лошадей и оленей — такое множество в лесах и на полях, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причине большого его изобилия, бросают, за исключением филейных частей; ланями и дикими кабанами совсем гнушаются. Дикие козы в таком огромном количестве перебегают зимою из степей в леса и летом обратно в степи, что каждый крестьянин убивает их до тысячи в год. По берегам рек во множестве встречаются поселения бобров. Птиц такое поразительное множество, что весной мальчики наполняют целые лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей, а потом их птенцами наполняют птичники. Орлят запирают в клетки ради их перьев, которые прикрепляют к стрелам. Собак кормят мясом диких зверей и рыбою, так как реки изобилуют невероятным количеством осетров и других больших рыб, поднимающихся из моря вверх по рекам в пресную воду. Поэтому многие реки называются золотыми, особенно Припять, которая в одном месте вблизи Мозыря, при устье реки Тура, с накоплением свежей воды из источников ежегодно, в начале марта, наполняется таким множеством рыбы, что брошенное в нее копье ущемляется и стоит

отвесно, словно водруженное в землю — так густо сбивается там рыба. Я бы не поверил этому, если бы сам не видел зачастую, как оттуда непрерывно черпали рыбу и наполняли ею в один день до 1000 возов, принадлежащих приезжим купцам, которые ежегодно съезжаются к этому времени.

Борисфен²⁾ самая большая и обильная река в этой стране, по ней доставляют в Киев безмерное количество рыбы и других товаров. С востока выше Киева с ней соединяются: Десна, Сейм и другие реки, вытекающие из Северщины и Московии. С северо-запада и юга в Борисфен впадают: Сожь, Березина, Припять, Словешня, Ушь, Тетерев, Ирпень, воды которых увеличиваются притоками, каковы: Вехра, Проня, Ипуть, Друть, Бобр, Титва, Птичь, Случь, Ореса, Стырь, Горынь, Пина. Кроме того, много других рек вливается в Днепр сверху и снизу, вытекая из Литвы, Руси, Волыни и Московии. По всем этим рекам сплавляют в Киев рыбу, мясо, меха, мед, а также соль из таврических лиманов, называемых Качибеевыми³⁾, где нагрузка солью целого корабля стоит 10 стрел.

Борисфен представляет удобство для защиты всех областей вашего величества от набегов татар, потому что плавание по нем ниже Черкасс затрудняется одиннадцатью порогами, имеющими особые имена и залегающими поперек реки в виде острых и неровных утесов, так что переправа через них возможна только на судах разгруженных; сверх того, вследствие характера берегов, покрытых высокими, отвесными скалами, затруднен самый доступ к реке и переправа через нее возможна ниже Черкасс только в немногих местах, называемых: Кременчуг, Упск, Гербедеев Рог, Мишурия, Кичкас, Тавань, Бургун, Тягиня и Очаков. Если бы в этих местах расположить хотя небольшие флотилии, то они могли бы преградить переправу самым численным татарским войскам, потому что татары обыкновенно переправляются без лодок, держась за лошадей, без оружия и нагие, их легко могли бы прогнать вооруженные люди, выехавши навстречу в лодках из-за островков, камышей и кустов лозы.

Насколько наш Борисфен неудобен для перекопцев летом, настолько он выгоден для них зимою, потому что тогда, с прекращением судоходства, они с полною безопасностью пасут свои стада за рвом на островах и среди лозовых зарослей на этой реке, они называют ее текущею медом и молоком, потому что река эта в верхнем своем течении пролегает по странам лесным, богатым пчелами, а в нижнем по степям, обильным пастбищами, и потому доставляет в изобилии мед и молоко жителям своего побережья; эти соображения побуждают татар заботиться о сохранении мира и союза с владельцем Борисфена, великим князем Литовским. Река эта от верховья своего до устья протекает по старым литовским владениям, у городов, которые я осматривал: Вязьмы, Дорогобужа,

Смоленска, Дубровна, Орши, Могилева, Рогачева, Быхова, Речицы, Любеча, Чернобыля, Киева, Канева, Черкасс и Дашева, или Очакова, у которого Днепр впадает в море, разделившись на 12 гирл, сливающихся дальше в один лиман. Невдалеке оттуда находится устье Днестра, называемое Видовым (озером) по имени поэта Овидия, который был сослан, как полагают, на этот берег Понта. Некоторые полагают также, что Илион, или Троя, находилась на киевской земле, среди ее плодородных полей и приятных роц. Там видны ее следы в существующих поныне развалинах — сводах, подземельях, выстланных мрамором, полах и остатках больших стен. Место это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселения, называется Торговица.

Киев изобилует иностранными товарами, ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта, города Кафы⁴⁾, через ворота Таврики, на таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север — в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Данию — все восточные товары, как-то: дорогие каменья, шелк и шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляют отряды, иногда в тысячу человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов. Прежде эти караваны платили значительную пошлину предкам вашего величества при переправе через Борисфен у Тавани; там и поныне сохранилось в целости каменное здание со сводами, которое и наши, и татары, и греки называют Витовтовою банею, и рассказывают, что в нем жил некогда мытник Великого княжества Литовского, собиравший пошлину; если же кто не уплачивал пошлыны или захвачен был в прелюбодеянии, того наказывали в Киеве конфискацией всего имущества; закон этот, называемый *осьмничеством*⁵⁾, был поставлен в видах обуздания сарацинской похотливости и соблюдался в течение многих столетий, но в последнее время начал приходить в забвение.

Если же купцы, избегая двух переправ через Борисфен и не желая платить пошлыны вашему величеству, оставляют старую дорогу, пролегающую через владения вашего величества, и от таврических ворот сворачивают вниз, а затем направляются по непроходимым степям в Московию через Путивль или возвращаются этим путем, то часто случается, что их грабят разбойники, скитающиеся в тех местах.

При проходе каравана значительные доходы извлекают киевские жители: воеводы, мытники, купцы, менялы, лодочники, извозчики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало поныне ничьих жалоб, ни со стороны москвичей, ни турок, ни татар.

Киевляне пользуются выгодами от караванов и в тех случаях, когда эти последние, проходя зимою через степи, сбиваются с пути и гибнут под снежными заносами.

В невзрачных киевских хатах встречается не только недостаток, но даже изобилие плодов, овощей, меду, мяса и рыбы; сверх того, вследствие вышеуказанных причин, они до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоценными камнями, собольими и другими мехами и пряностями, что мне самому случилось видеть шелк, обходившийся дешевле, нежели в Вильне лен, и перец дешевле соли.

Киев славится стечением народонаселения на его земле; на Борисфене и его притоках расположены многолюдные города и села, жители которых с детства привычны к плаванию, судоходству, рыбной ловле и охоте; многие из них, убегая от родительской власти, труда, рабства, наказаний, долгов и других неприятностей, или же просто отыскивая более выгодный заработок и лучшую местность, собираются в Киевщину, особенно весною. Познакомившись с удобствами жизни в низовых городах, они никогда уже не возвращаются к своим, вскоре приобретают опытность и храбрость и знакомятся с опасностями, охотясь на медведей и зубров. Потому в этой стране весьма легко набрать хороших воинов.

Киев был некогда столицею русских и московских князей; здесь они приняли христианство, и теперь еще в Киеве сохранились древние церкви, великолепно выстроенные из полированного мрамора и других иноземных материалов и крытые свинцом и медью, иные с позолоченными куполами; есть также богатейшие монастыри. Особенно славится монастырь, посвященный пресвятой Деве Марии⁶⁾; в его подземных галереях и пещерах находятся многочисленные гробницы, в которых сохраняются мощи сухие и нетленные; они пользуются большим уважением русского народа, который признает их святыми. Так как установилось мнение, что души погребенных здесь лиц удостоиваются спасения, то все более значительные дворяне, даже из отдаленных местностей, хлопчут о том, чтобы быть здесь похороненными, расточая с этой целью большие средства на пожертвования и вклады. Московский князь собирает ежегодно значительные доходы с тех имений этого монастыря, которые отошли в его владения; но он медлит возвратить их монастырю, потому что сам страстно желает овладеть этим городом, утверждая, что он потомок наследственного киевского князя Владимира; не менее скорбят и его подданные о том, что не владеют этою древнею столицею своих венценосцев и средоточием своей святыни.

При всех указанных выгодах этого города есть и некоторые неудобства; жители не безопасны от татар, которые производят набеги на границы, хотя и не пытаются завоевать города. Приезжие под-

вергаются опасным лихорадкам, происходящим от дневного сна и от излишнего употребления рыбы и плодов, а лошади болеют от травы, зараженной разливами рыбообильного Борисфена. Посевы часто истребляются саранчой, прилетающею из приморских стран. В лесах и по берегам вод зарождаются, преимущественно в начале июня, подобные пчелиным рои различных насекомых, питающихся кровью: оводов, комаров и мух.

Речь Л. Деревинского на Варшавском сейме (1620 г.)

Мнение, изложенное его милостью паном Лаврентием Деревинским, чашником¹⁾ Волынской земли, перед Его королевской милостью²⁾, панам сенаторами и их милостями панам послами обоих народов³⁾ в 1620 году (на Варшавском сейме).

Если бы в данное время речь не шла о столь великой опасности для державы, я воздержался бы, по определенным причинам, выступить перед величеством Вашей королевской милости с такими словами: гонениям подвергается восточная⁴⁾ Церковь, мать наша, не чиня со своей стороны никаких притеснений, и тем представляется величественной и творящей великие блага истинным сынам своим. Ибо, если б не отступничество некоторой части нашего духовенства от законного своего в религии пастыря, если б, говорю, те, что ушли от нас, не пошли против нас, — никогда бы не выявились такие учения, такие школы и такие достойные ученые люди среди нашего русского⁵⁾ народа. Учение в церквях наших по-старому было бы покрыто прахом нерадивости.

Но поскольку сам закон (этого) не запрещает, я, как посол от братии моей, сообщу Вашей королевской милости о том, что касается общего блага державы. По этому поводу, с разрешения пана маршалка⁶⁾ (сейма), скажу несколько слов.

Не для чего иного это время предназначено, как для совещания и переговоров для нахождения мер для самой мощной и самой скорой защиты державы Его королевской милости, по единодушному согласию верноподданных Вашей королевской милости, собранных из Короны Великого княжества Литовского в этом месте, которое пристало сейму. Поэтому и артикулы, данные послам в наказах от братьев, получили отсрочку.

Смело могу сказать, что для этой экспедиции против главного врага святого креста, Ваша королевская милость, может потребовать едва ли не большую часть ратников из нашего русского народа. Если видишь последний еще неудовлетворенным в его волнениях и просьбах, то как может он грудью своей оборонять в окопах державу Вашей королевской милости, как может он заботиться о высшем мире, не зная дома внутреннего мира, с какой охотой, усердием, воодушевлением он будет кровью своей гасить горящие стены оте-

чества, не видя, чтобы гасился внутренний огонь горящих домашних стен? А кто же, о Боже живой, воочию не видит, что тяжким тревожностям, гнету и нестерпимым обидам касательно религии давний русский народ подвергается? Начнем с Кракова в Короне: увеличивается ли восславление Бога при этой нововымышленной унии?*) Именно в больших городах церкви запечатаны, церковные усадьбы разорены, в монастырях вместо монахов содержат скотину. Перейдем к княжеству Литовскому: там в пограничных со стороны Москвы городах творится то же самое. В Могилеве и Орше церкви запечатаны, попы разогнаны. В Пинске сделано то же самое. Монастырь Лещинского превращен в корчму. Из-за этого дети умирают некрещеными, тела умерших без церковного обряда, как падаль, вывозят из городов, невенчаные люди в распутстве живут, без исповеди и святых Тайн умирают. Разве это не самому Богу оскорбление, разве за это не будет отмщения Божьего? Об этом Ваша королевская милость знать не соизволит — божественного естества в себе не имеешь, а лишь человеческое. Только то до сведения Вашей королевской милости доходит, что другие хорошее или же дурное доносят о нас.

Приглядитесь еще к оскорблениям и неслыханным притеснениям — разве не угнетение народа нашего русского то, что, не говоря о других городах, творится во Львове? Кто исповедует греческую веру и не перешел в унию, тот не может проживать в городе, мерить локтем и квартою и быть принятым в цех; не разрешается провожать по церковному обряду тело умершего жителя города и открыто приходиться к больному с Тайнами Божьими. И вновь — разве не унижение в Вильно, притом неслыханное: когда хотят тело умершего вне замка провожать через замковые ворота, через которые проходят и проезжают евреи и татары, то они ворота эти закрывают и тело приходится проносить через другие ворота, служащие для вывоза городских нечистот; бедняки не могут добыть воды, из-за чего происходят многие тяжбы (*praajudicium*), ибо любой халупе разрешают иметь трубу для воды, (тогда как) обширная площадь и многие дома не имеют ни одной трубы, хотя известно, что она была и есть следы ее. Кроме того, монахов, не приставших к унии, униаты⁸⁾ хватают в Новогрудке и в иных городах, грабят на большой дороге и держат под арестом. Так точно в городские советы не привлекаются люди достойные и ученые, не принадлежащие к унии, а простыми мужиками, невежественными до того, что иной не сможет определить, что же такое правосудие, — заполняют эти места, к стыду русскому суду. С невинных людей незаконно взыскивают денежные суммы. Говоря кратко: давно уже великие и неслыханные притеснения терпит наш русский народ как в Короне, так и в Великом княжестве Литовском.

И эти кривды и внутреннее беспокойство проистекают не из

иного источника, как из того, что Вашей королевской милости угодно было, вопреки праву и нашим шляхетским вольностям, раздавать должности духовным, игнорируя их происхождение. Кто не знает, что именующий ныне себя архиепископом Полоцким происходит из Владимира, сын какого-то Кунца-сапожника? — отсюда, создавши себе шляхетское имя, он Кунцевичем титулуется. Кто не видит, что Перемышльский владыка, по прозвищу Шишка, происходит от свинопаса, и теперь родной брат его отца сидит на наделе в Дропищах, у воеводы Киевского? Кто не знает, что Владимирский владыка, сын львовской мещанки Стецковой, родился через полгода после смерти Стецкого, и какой-то Михалевский и Неапольский отдали его в науку? Кто же не знает, — клянусь Богом живым, — что Холмский владыка — какой-то Покость, сын лавочника из Вильно, украл у виленского бургомистра кармазин и, если б не спасла его монашеская ряса, наверное, не избежал бы виселицы? Кто же и того не знает, что нынешний Пинский владыка — родом из местечка Заблудова? Вот столько и не более корысти имеет Ваша королевская милость от унии: не могут за двадцать лет этой унии раздобыть родовитых шляхтичей, чтобы достойно заняли эти места. Вот и теперь дан нам в Луцк, вопреки праву и нашим вольностям, какой-то Почаповский; хотя и не отрицаем его шляхетности, но по своему возрасту он не достоин не только такого поста, но даже и дьяконства, не говоря о священстве; называть его «отцом» не можем, поскольку нет ему еще и двадцати лет.

В том заключается великий вред, причиняемый нашим правам и вольностям, что несоответственно эти должности замещаются, ибо посвящение получают не от законного пастыря; ибо отступили(сь) от Константинопольского патриарха, которому издавна в державе Вашей королевской милости такая власть принадлежала⁹⁾. Об этом свидетельствуют хроники, привилей Вашей королевской милости, данный в 1599 году Константинопольскому патриарху на свободное отправление юрисдикции в этой державе, так же как и недавно данный привилей 1607 года, в котором Ваша королевская милость обещает решить вопрос о церковном имуществе в пользу нашего исповедания, согласно с старинными правами и вольностями; свидетельствуют (об этом), наконец, и законы, принятые в том же году и позднее.

Ради этого и милосердия Божьего, именем всех моих братьев, почтительно прошу Вашу королевскую милость — смилуйся, Ваша королевская милость, не над нашими кривдами, а над Божьими: вот уже в продолжение двадцати лет на каждом сеймике, сейме и главном съезде мы слезно выпрашиваем и выпросить не можем охраны нашей в правах и вольностях, чтобы братья наши такого унижения не терпели, чтобы, по крайней мере, митрополиту и владыкам, которые остались теперь в подчинении законного в деле исповеда-

ния пастыря, патриарха Константинопольского, было возвращено церковное имущество как законным владельцам, — если не сейчас, то непременно после смерти новых владельцев этого имущества. Если же на этом съезде не будет дано полного успокоения и не исцелятся столь тяжкие раны, то как бы не пришлось воззвать вместе с пророком: «Суди меня, Боже, и рассуди мой спор».

Дневник Симеона Окольского¹⁾ (1637—1638 гг.)

О т р ы в к и

Откуда эти люди, не читавшие книги о военном искусстве, узнали способ так быстро собирать многочисленные отряды? Немало нужно искусства, чтобы рассказывать другим о своих победах, насчитывать так много убитых и возбуждать недоверие к королевскому величеству; но лживость составляет исконное свойство хлопков, потому-то они с подобным бесстыдством писали столько неправды об избииении жолнеров, о своей силе, неведении короля о походе против них, о сожжении церкви в Корсуне, избииении детей и многих других преступлениях. В действительности этого не было, ибо не пришло еще объявление войны в то время, как гетманы находились в Корсуне. Наши оставались невредимыми, между тем как неприятель не без урона уходил с поля битвы, а когда проник в город, наши отступили частью к Кумейкам, где находился п. гетман²⁾, частью к Билозору, где стоял полк коронного стражника п. Лаща. Так как полк козацкий и артиллерия в тот же вечер заняли Мошны, то гетман в ту же ночь послал к коронному стражнику, прося его зорко следить за неприятелем, до рассвета обогнуть Мошны со своим полком и поутру соединить свой обоз с обозом Его Милости. Поэтому п. стражник не призывал слуги для раздеванья, но заснул в панцире и кирасе на кафтанах, словно на самых мягких матрацах, приглашая всех товарищей последовать его примеру, а поднявшись задолго до рассвета, направился к Мошням, заступил путь и захватил шедших туда козаков; он узнал, что этот козацкий полк выслан вперед Кизимом³⁾, разгромил его и послал языка к гетману. Его Милость только что выслушал обедню в честь Богородицы, причем, прося Ее покровительства и отдаваясь под Ее защиту, он тайно дал обет в честь Ее соорудить алтарь в Летичеве. После богослужения привели козака, который сообщил, что видел Павлюка⁴⁾ с артиллериею в Черкассах, откуда он должен был поспешно двинуться к Мошням. Желая получить более подробные сведения, гетман подарил этого козака п. Киселю⁵⁾, который даровал ему жизнь и тотчас причислил к своим драгунам, но тот ничего больше не сказал. Вслед за тем привели старого священника; гетман даровал ему жизнь и сверх того дал талер, чтобы ободрить его; этот показал, что нака-

нуне видел пушки в Мошнах на рынке; есть ли там Павлюк, он не знает, ибо козаки остерегаются священников; гетман подарил этого священника также п. подкоморию⁶⁾. Тотчас после того привели козака, бывшего драгуна в пехоте кн. Иеремии Вишневецкого; и этому Его Милость даровал жизнь, лишь бы только он говорил правду. Поклонившись низко и поблагодаривши, он рассказал, что Павлюк уже прибыл, артиллерия также и войска более 20000; не все имеют ружья, иные вооружены рогатинами, косами, секирами; Павлюк двинулся уже табором к Кумейкам и, вероятно, прибудет через час; при нем восемь орудий и множество пороху, идут козаки довольно смело и «сердыто». То же самое повторил он и под присягою. Тогда гетман, окинув взглядом присутствующих офицеров, произнес: «Для всех будет открыто поле чести и славы». Затем потребовал коня, чтобы лично осмотреть позицию, приказал п. обозному и п. Петру Коморовскому охранять возы и направлять их к нему по первому требованию, а сам выехал в поле в сопровождении черниговского подкомория и многих офицеров; он усмотрел местность удобною для битвы и табора, ибо чело было закрыто непроходимым болотом. Тогда двинулись из Кумеек возы, построенные в десять рядов, к ним примкнули возы из полка п. стражника, затем следовали, как обыкновенно, хоругви в боевом порядке. Многие из товарищей и сам гетман, смирившись перед Богом, приступили к исповеди и причастию, и Бог продлил время так, что возы и войска успели занять позицию. Многое предвещало счастливый исход битвы: во-первых, ветер дул нам в спину и в глаза неприятелю, во-вторых, сражение происходило в день русского праздника св. Николая⁷⁾, патрона польного гетмана; в-третьих, густой дым от горящей соломы, которой множество было в тесно застроенных Кумейках, весь несся в глаза неприятелю; в-четвертых, прибывшие жолнеры весьма охотно выражали полную готовность идти с гетманом против неприятеля, ибо не много может сделать военачальник, который ведет в бой солдат против их воли. Но всего более можно было ожидать победы потому, что хлопы незаконно выходили в битву против собственных господ.

С р а ж е н и е п р и К у м е й к а х

Наступление крестьян представляло весьма внушительное зрелище: они шли табором, построенным в шесть рядов, с четырьмя орудиями на челе, двумя по бокам и двумя при конце, а в середине между возами шло войско в количестве 23000, правильно разделенное на полки и сотни; их нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности и искусства, но все-таки они уподоблялись бессмысленным животным потому, что смело, охотно и умело восстали против короля Речи Посполитой, против гетмана и коронного войска.

Оплакивал это ревностный к православной вере п. подкоморий, говоря: «Прекрасный это народ, и большое в нем одушевление, достойное похвалы, если бы оно было направлено против врагов христианства, а не против своего короля, отечества и Речи Посполитой; теперь же оно достойно порицания, а не похвалы». Эту гидру привел за собою по пятам п. стражник к гетману польному почти от Мошен до Кумеек на самое место битвы, где было выстроено коронное войско. Не обошлось без потери с обеих сторон, в особенности во время герцов, причем стрелюю из лука тяжело ранен в голову один из товарищей козацкой хоругви брацлавского воеводы. Но хуже всего было то, что во все время шествия неприятель сильным криком, богохульством, бранью, непристойными и скверными словами поносил и оскорблял шляхту, жолнеров, гетманов и самого короля. Коронное войско на протяжении полумили было закрыто с одной стороны возами, расположенными в десять рядов, на челе которых стоял иностранный полк с венгерскою пехотою польного гетмана под начальством п. обозного и п. Коморовского. По другую сторону, справа, откуда шел Павлюк с табором, вдоль разместились полки в боевом порядке с артиллериею посередине. Поднявшись на пригорок и увидев войско, козаки остановились в нерешимости, но Павлюк ободрял их, говоря: «Або ж не знаете, що ляхи у два ряды вийсько становлять? Идимо!» — и начали наступать на чело, но не могли перейти болота и повели свой табор вдоль берега, как бы к концу польского строя. Гетман, однако, воспользовался этим болотом и сильно укрепил конец боевой линии иностранною пехотою, устроив там как бы другое чело, затем приказал коронному стражнику отступать к этой пехоте и прикрыть ее остатков своих хоругвей. Козаки шли с развевающимися знаменами, с пушечными выстрелами и громкими возгласами: «А далеко гетьман буде почуваты? Ляцыку, побижышь до хащыку!» Но коронное войско не трогалось с места, не отвечало на возгласы, и то было добрым знаком, предвещавшим победу. Когда неприятель дошел до середины боевой линии, а войско продолжало стоять спокойно, некоторые из наших, не знавшие о существовании болота, предполагали, что неприятелю дозволят или окопаться у воды, или стать под ветром. Прекрасная то была догадка, необходимая для счастливого исхода, но исполнение такого дела лучше всего предоставить Богу и гетману. Когда полк коронного стражника построился «лавою», занявши большую часть неприятельского чела и фланга со стороны поля, козаки поняли, что двигаться дальше трудно и начали битву стрельбою из пушек и самопалов. Поднявшийся дым закрыл козаков, чем по приказу гетмана воспользовались драгунские хоругви, ответившие гораздо более продолжительною и грозною пальбою; козаки, не видевшие их раньше и завидев теперь перед собою, изумились и испугались.

Тогда наступили другие, более храбрые козацкие полковники со своими отрядами и энергичнее принялись стрелять в драгун; но оберлейтенант Морель с п. Жолкевским с-своей стороны усерднее наступали на неприятеля. Польный гетман прислал от чела на правое крыло в подкрепление им пехоту п. Бегановского, который в то время по приказу гетмана сопровождал возы, затем Е. М. обратил взоры на коронную артиллерию, навел ее на середину табора и приказал капитану артиллерии начать забаву.

Правда, палила и неприятельская артиллерия, но мало причиняла вреда; наши пушки играли лучше, ибо враги прыгали резвее. Офицеры скучали столь продолжительным ожиданием под знаменами и, заметив, что гетман сильно склоняется на приступ, исполненные пыла, просили у него приказа начать дело. Гетман взглянул на козацкий табор, а там множество возов, остановившись на поле битвы, начали строиться вновь, удваивая прежние ряды, чтобы укрепить табор в двенадцать рядов. Поэтому, желая предотвратить излишнюю трудность при разрывании более укрепленного табора, гетман приказал прорвать его там, где возы стояли еще только в шесть рядов, и послал впереди всех своего сына Петра, предводительствовавшего на его месте козацкою хоругвью. В этой хоругви отличались храбростью и поручик, и хорунжий, и товарищи, но в тысячу раз храбрее оказался молодой воин, бывший на то время ротмистром, воеводич, сын гетмана, который сражался без панциря и кольчуги, получив приказ идти прямо в огонь и нести жизнь, молодость и богатство под меч разъяренного Марса⁸⁾; он не только устоял против крепости табора, но почти вскочил в самый огонь и, обратив на себя всю ярость хлопов, потеряв двух стоявших рядом с ним товарищей, Каменского и Матвея Цепелевского, несколько раз отважно наступал и отступал со своею хоругвью, пока не прорвал окруженного табора с помощью других гетманских хоругвей. Можно признать гетману польному, что он, имея в преклонных летах одного только сына, упражнял, испытывал и совершенствовал его, как орел, для того чтобы впоследствии каждый мог узнать гетманскую кровь, сына великого полководца, рожденного для отважных подвигов и приличных своему почетному роду отличий. Далее следовала другая хоругвь польного гетмана под начальством п. Сковецкого; смело ударив в возы конскою грудью, она заплатила за эту смелость потерю двух почтенных товарищей, Конаржевского и Бенецкого; последний ранен пушечным выстрелом под колено; кроме них, убито несколько человек прислуги. За нею наступала хоругвь п. Краковского, великого коронного гетмана. Тогда козаки разделили все свои силы на две части; одна обратилась на чело и артиллерию, другая защищала табор от разрыва. От их стремительности погибло три храбрых товарища: Гноинский, Подкоцкий и Магнуский; ранен был и

поручик, сверх того убито двое слуг и более десяти человек ранено. Наступала хоругвь воеводы русского, которая также лишилась любимого товарища, Улеского; восемь человек раненых унесено с поля и семеро слуг осталось убитыми. Затем королевская хоругвь, не ожидая приказа, сама устремилась к табору, но также получила урон: убит п. Прусимский, трое товарищей ранено, убито также пять человек прислуги и ранено девять. Три раза отступали все хоругви и снова возвращались, пока с Божьею помощью не прорвали табора. При этом ранен был богуславский староста (Казановский), предводительствовавший хоругвью; конь его пал, а сам староста, соскочив с него, едва не был растоптан лошадьми, но успел спастись, упавши за пень. Секретарь, Адам Казановский, видел его лежащим, но не мог подать помощи, так как вел в атаку собственную хоругвь. Тогда убиты: п.п. Поцей, Черемовский, Бодаровский и четверо слуг. Ни одна из хоругвей, проникших в табор, не вышла оттуда совершенно без потери, как можно видеть из приложенного перечня. Досталось при том и самому гетману польному, под которым были прострелены две лошади, а также ножны от его сабли, сам же он остался невредим, ибо предводителей особливо хранит Бог. Если таковы были наши потери, то, конечно, не меньше были они и среди козаков после того, как разорван был табор; ибо, когда притупились наши сабли и палаши, жолнеры у них же хватали рогатины и многих избивали их собственным оружием. Солдаты погнались за козаками, вытесненными из табора, и тем дали возможность оставшимся уменьшить и сомкнуть табор; в это время ушел из табора п. Люля, слуга п. Киселя, захваченный козаками. Видя, как много наших убито при разграблении возов и желая предупредить опасность от козаков или от взрыва пороха, гетман приказал своему сыну сжечь порох, найденный в козацких возах; тот бросился к обозу, зажег возы с сеном и соломою, огонь дошел до пороха и взорвал его. Затем гетман приказал своей венгерской пехоте зайти с другой стороны козацкого табора, а с этой стороны усилить стрельбу из пушек в центр; это произвело замешательство, козаки начали разрывать табор, причем бежала их старшина вместе с Павлюком. Другие, видя неминуемую гибель, устремились с отчаянием на немецкую пехоту; там убиты: п.п. Морель и Жолкевский, ранены: поручик п. обозного и п. Мочарский. Однако немецкая пехота наступала с таким усердием, что оттеснила козаков от части их орудий, а отряд пехоты п. Бегановского доставил в лагерь козацкую пушку и знамя с орлом на древке и яблоком в виде золотого сердца. После того поляки вновь и с большею уже охотою обратились к табору и подступали к нему со свежими полками до самого вечера. Козаки, видя, как трудно им сопротивляться, начали отступать табором с несколькими пушками, возлагая все надежды на приближающуюся ночь, ибо и пороху

оставалось у них уже немного. Между тем гетман послал к себе в обоз за лошадьми, чтобы взять пушки, которых было привезено четыре, а пятая отдана п. Лащу. В час пополудни козаки остановились в долине против чела коронного обоза и тотчас принялись окапываться; затем прекратили работу, так как, несмотря на темноту, по ним стреляли с горы, а сами с несколькими десятками возов и парюю орудий в три часа ночи оставили свой табор и в рассыпную пустились к Мошням. Вызывались, правда, охотники из солдат, желавшие с опасностью для жизни взять приступом этот табор, но гетман не дозволил, сообразив, что и так уже слишком много пролито шляхетской крови и что эта потеря не вознаградилась бы даже окончательным истреблением хлопов. Поэтому он приказал всем очистить поле, оставив только обычную стражу, а так как иноземным отрядам не достало мушкетных пуль, которых израсходовано было до 50000 в этой битве, то целую ночь заняты были отливкою их, а возы, запряженные с утра, так и ночевали запряженными. На утро 17 декабря неприятель не появлялся, дан был сигнал поить лошадей, а тем временем многие паны отправились с гетманом на поле битвы; тогда старые воины сознались, что никогда не бывали в столь продолжительном и сильном огне и не видали такого множества трупов в одном месте. За свою дерзость и низость неприятель, волею Божьею, подавлен многочисленным войском, а все его надежды рухнули вместе с потерею артиллерии, знамен, бунчука и печати.

Гийом Боплан. «Описание Украины»¹⁾.

Об украинских козаках

О т р ы в о к

Нам остается еще, согласно обещанию, рассказать о том, каким образом козаки избирают своего начальника²⁾, и описать их походы на Черное море, в которых они достигают до Анатолии и нападают здесь на турок. Вот так происходит избрание предводителя: собираются все старые полковники и старики, пользующиеся уважением среди козаков, каждый подает голос в пользу того, кого считает наиболее способным, и получивший наибольшее количество голосов признается избранным. Если тот, на кого пал выбор, неохотно принимает эту должность, отговариваясь неспособностью и недостойностью, или ссылаясь на недостаток опытности или старость, это немало ему не помогает; ему отвечают, что, по видимому, он действительно недостойн такой чести и тотчас убивают его на месте как изменника, между тем как сами они поступают изменнически в данном случае³⁾. Вы припомните то, что я говорил вначале, рассказывая об их нравах и обычных изменах. Если же избранный козак принимает звание начальника, он бла-

годарит собрание за оказанную ему честь, хотя сам он и признает себя недостойным ее и неспособным к занятию такой высокой должности; тем не менее он обещает, что своими трудами и заботами постарается сделаться достойным чести служить всем вообще и каждому в частности и что жизнь его всегда будет посвящена служению своим братчикам (так называют они друг друга). При этих словах все аплодируют ему с криками: «vivat, vivat!» Затем каждый подходит, в порядке занимаемых должностей, и отдает ему поклон, а начальник пожимает ему руку, что составляет обычное между ними приветствие. Таков обряд выборов начальника, происходящих нередко среди пустынных степей. Начальник этот, которому они беспрекословно подчиняются, называется на их языке *гетманом*; власть его неограничена, он имеет право рубить головы и сажать на кол всех непокорных. Вообще он поступает с большою строгостью, но в делах общественных ничего не может предпринять без военного совета, называемого *радою*. Отправляясь на войну, гетман должен быть чрезвычайно осторожен и предусмотрителен, чтобы не потерпеть неудачи; в случае неблагоприятной встречи он должен обнаружить находчивость и отвагу, иначе при малейшей трусости козаки убивают его как изменника, после чего немедленно приступают к избранию нового гетмана обычным порядком, как было сказано выше. Должность предводителя и начальника в походах составляет обязанность, сопряженную с большими трудностями в случае неудачи. В течение 17 лет, которые я провел на службе в этой стране, все лица, избранные для занятия этой должности, несчастливо окончили жизнь.

Намереваясь предпринять морской поход, козаки берут разрешение от своего гетмана, а не от короля, собирают *раду*, на которой избирают предводителя экспедиции с соблюдением тех же форм, какие наблюдаются при выборах гетмана, с той лишь разницею, что это лицо получает власть только на время похода⁴⁾. Затем охотники направляются в *Войсковую Скарбницу*, их сборный пункт, и начинают строить суда около 60 футов в длину, 10 или 12 в ширину и до 12 футов в глубину. Судно строится без кормы, в основание берется лодка из вербы или липового дерева длиной около 45 футов, борта и дно покрываются рядами досок от 10 до 12 футов длиной и около фута шириною, которые прикрепляются гвоздями, причем каждый ряд выпускается над предыдущим, как на речных лодках, пока судно не достигнет 12 футов в ширину и 60 в длину, постепенно расширяясь кверху. Это лучше поясняется прилагаемым рисунком, который я наскоро набросал карандашом. Здесь видна сбкладка из тростника, связанного пучками толщиною в бочонок, которые скрепляются конец с концом, окаймляя всю лодку; они крепко привязываются к бортам веревками из липового и черешневого лыка. Козаки строят свои челны подобно

нашим плотникам, с перегородками и поперечными скамьями, затем осмаливают их. Челны снабжены двумя рулями по одному на каждом конце, как это видно на рисунке, так как вследствие значительной длины судна потребовалось бы слишком много времени при поворотах, чем сильно затруднялась бы свобода и быстрота движений в случае отступления. Эти суда имеют от 10 до 15 весел с каждой стороны и на ходу быстрее турецких гребных галер; сверх того, на каждом есть мачта, на которой поднимают довольно плохой парус, но только в хорошую погоду, в ветреную же козаки предпочитают идти на веслах. Челны их не имеют палубы, если же и заливаются водою, то окружающий их тростник поддерживает судно на поверхности воды, не допуская ему затонуть. Походные припасы козаков состоят из сухарей, которые сохраняются в длинных бочках, около десяти футов в длину и четырех в диаметре, крепко увязанных, откуда их достают через воронку; затем из бочонка вареного пшена и другого с жидким тестом, которое они едят в виде лакомства, смешивая с пшеном; это кушанье служит в одно время и пищею, и питьем, оно кислотоватого вкуса и называется *саламаха*, т. е. лакомая пища. Что до меня касается, то я не находил в ней изысканного вкуса, и если употреблять во время путешествий, то исключительно за неимением ничего лучшего. Козаки отличаются большой трезвостью во время походов и военных экспедиций; тогда им строго запрещается брать с собою водку или какие-нибудь крепкие напитки, если же случится между ними пьяный, начальник приказывает выбросить его за борт.

Намереваясь предпринять поход против татар с целью отомстить им за набеги и грабежи, козаки обыкновенно выбирают для этого осеннее время; прежде всего посылают на Запорожье все необходимое для похода и сооружения судов и вообще все, в чем, по их мнению, может встретиться потребность; затем выступают в количестве пяти или шести тысяч человек добрых козаков, хорошо вооруженных воинов, приходят на Запорожье и приступают к постройке челнов. Каждую лодку строят 60 человек и оканчивают ее в две недели, ибо, как я сказал, они знают все ремесла; в течение двух-трех недель они изготовляют от 80 до 100 судов описанной выше конструкции; в лодке помещается от 4 до 6 фальконетов⁵⁾ и 50—70 человек, вооруженных каждый двумя ружьями и саблею и снабженных достаточным количеством продовольствия; сверх того, полагается по 6 фунтов пушечного пороха и свинца, сколько нужно на человека, а также запас ядер для Фальконетов. Одежду их составляют две перемены белья, сорочек и шаровар, плохой кафтан и шапка; сверх того, каждый имеет часы. Таков летучий козацкий отряд на Черном море, способный померяться силами с лучшими городами Анатолии.

Окончив все приготовления, козаки спускаются вниз по Днепру. Атаман плывет в передней лодке, вывесив свое знамя на мачте⁶⁾; прочие лодки держатся так близко одна от другой, что почти касаются веслами.

Обыкновенно турки заранее предупреждены о походе и держат наготове при устье Днепра несколько галер, чтобы помешать козакам выйти в море; но те оказываются хитрее и в ожидании темной ночи перед новолунием держатся в речных тростниках, покрывающих днепровский лиман, за три или четыре мили вверх от устья, куда галеры не отваживаются заходить, так как уже неоднократно находили там гибель. Поэтому турки довольствуются тем, что стерегут выход и всегда бывают застигнуты врасплох, но и козаки в свою очередь никогда не могут проскользнуть незамеченными. Тогда тревога распространяется по всей стране до самого Константинополя. Султан рассылает гонцов во все концы Анатолии, Болгарии и Румелии⁷⁾, чтобы предупредить жителей, что козаки на море и чтобы все держались настороже. Но все эти меры напрасны: козаки гребут не переставая и, пользуясь благоприятным временем года*, в продолжение 36 или 40 часов достигают берегов Анатолии, выходят на землю с ружьями в руках, оставляя по два взрослых и по два мальчика стеречь каждую лодку. Затем устремляются на прибрежные города, берут их приступом, грабят и жгут; иногда заходят около мили в глубь страны, но тотчас же возвращаются, отчаливая с добычею, и плывут дальше, чтобы попытать счастья в другом месте. Если случается на пути что-нибудь подходящее, они производят нападение, в противном случае возвращаются с добычею на родину. Если попадаются навстречу турецкие галеры или другого рода корабли, козаки преследуют их, атакуют и берут приступом. При этом они употребляют следующий прием: так как их челны возвышаются не более 2 1/2 футов над поверхностью воды, то козаки замечают неприятельский корабль или галеру гораздо раньше, нежели будут замечены сами; они тотчас убирают мачты, справляются с направлением ветра и стараются держаться за солнцем до вечера. За час до солнечного захода они начинают усиленно грести в направлении галеры, пока не подойдут на расстояние мили, чтобы не потерять судно из виду и держатся на этом расстоянии до полуночи; тогда козаки, по данному сигналу, принимаются грести изо всех сил, между тем как половина их держатся совершенно готовыми к битве и ожидают только абордажа, чтобы проникнуть на корабль, экипаж которого поражен недоумением, видя себя окруженным сотнею ло-

---

* Козаки выезжают обыкновенно в море после дня св. Иоанна и возвращаются не позже начала августа. — *Прим. Боплана.*

док и судно свое наполненным вооруженным неприятелем, который за первым приступом овладевает им. После того козаки забирают все найденные деньги, товары малого объема, которые не портятся от воды, пушки и все, что, по их мнению, может им пригодиться, затем пускают ко дну корабль вместе с людьми. Так поступают козаки; они забрали бы и самый корабль или галеру, если бы умели управлять ими, но не знают необходимых для этого приемов. После победы нужно возвращаться в свою страну; при устьях Днепра их ожидает теперь удвоенная стража, чтобы наказать за погром, но козаки мало тревожатся этим, хотя силы их ослаблены, ибо невозможно, чтобы многие из них не погибли в сражениях и чтобы море не поглотило нескольких лодок, так как не все могут быть настолько прочны, чтобы выдержать экспедицию. Они входят в залив, находящийся в трех или в четырех милях к востоку от Очакова; здесь к морю примыкает очень глубокая балка около 3 миль длиною, которая тянется по направлению к Днепру и во время прилива наполняется водою на полфута в высоту на протяжении четверти мили. Здесь козаки сходят на берег и принимаются, по 200 и 300 человек за раз, перетаскивать волоком свои челны один за другим и в течение двух, много трех дней переходят в Днепр со своею добычею. Там они уже в безопасности от погони, избегнув таким образом встречи с галерами, охраняющими вход в лиман против Очакова, и наконец возвращаются в свою Скарбницу, где происходит дележ добычи, как было уже сказано выше. Есть у козаков и другой путь для возврата: иногда они проходят через пролив между Таманью и Керчью в донской лиман⁸⁾, входят в реку Миусь и поднимаются вверх по ней до тех пор, пока она может поднять их лодки. Верховья Миуса отстоят всего в одной миле от истоков речки Тачаводы⁹⁾, впадающей в Самару, которая в свою очередь впадает в Днепр в расстоянии одной мили выше Кодака, как это можно видеть на карте. Впрочем, козаки редко возвращаются на Запорожье этим путем, так как он значительно длиннее, но иногда они избирают его для выхода в море, если при устье Днепра сосредоточены значительные турецкие силы, преграждающие им путь, или же если сами они имеют не более 20—25 лодок.

Если галеры встречают козаков днем в открытом море, то разгоняют их своими пушками, как стаю скворцов, затопляют несколько челнов и приводят неприятеля в такое смятение, что все уцелевшие спешат рассеяться в разные стороны; но раз вступивши в битву с галерами, козаки бывают непоколебимы, никто не двигается со своей скамьи, весла привязываются к кочетам посредством перевязи из лозы, и в то время, как одни стреляют из ружей, их товарищи заряжают и передают им другие на перемену, так что пальба, весьма меткая, не прекращается ни на минуту. Между тем галера мо-

жет вступить в рукопашный бой с одною только лодкою за раз, зато сильно вредит им своими пушками, так что в подобных встречах козаки обыкновенно теряют две трети своих сил; изредка только удается им возвратиться с половиною экипажа, но во всяком случае они приносят богатую добычу: испанские реалы¹⁰⁾, арабские секины¹¹⁾, ковры, золотую парчу, бумажные и шелковые материи и другие ценные товары.

Так живут козаки, таковы их доходы, ибо единственное их занятие состоит в том, чтобы пьянствовать и безобразничать с приятелями по возвращении из похода¹²⁾.

Из универсала Богдана Хмельницкого к украинскому народу с призывом к восстанию (1648 г.)

...Не слушайте больше чиновников¹⁾, — вы, чьи отцы не склонялись ни перед законами, ни перед королями (...), а жили так, что татар изгнали и овладели частью земли. Никогда не сможете вы одержать победу над поляками, если теперь же не сбросите окончательно ярмо чиновников и не завоюете свободу, — ту свободу, которую отцы наши кровью купили, — не придете в неприступные места Низа Днепровского...²⁾

Нас, чутких и живых, считают дикими и беспокойными, отважных и отличившихся в службе — называют бунтовщиками. Всеми миру известно, что польское войско разоряет козацкое и крестьянское добро, позорит их жен и детей. Всех заставляют нести рабскую службу, тяготы, работы на панщине вопреки давнему обычаю, а если кто-нибудь публично или приватно на столь многие кривды выступит с жалобой, то встретит лишь насмешку и оскорбление; самое большее — услышит пустые, ничего не стоящие слова. Все стремятся лишь к уничтожению козацкого рода... Даже воинскую службу Речь Посполитая определила нам недавно бесплодную³⁾, и мы в границах королевства теряем козацкую отвагу, тогда как лишь на Черном море, среди опасностей от турок, козацкий народ растет, ширится и живет.

Поляки поставили святой целью своей политики овладеть нашим строем самоуправления и выбора и насаждают над нами чиновников, как и в иных местах, не для того, чтобы они помогали исправлению мещан и крестьянства, а лишь для того, чтобы силой удерживать города.

От всех этих несправедливостей избавиться нет иного средства, как сломить поляков силой и презрением к смерти, тех поляков, что уже отвыкли от борьбы; а если счастье нам изменит, уложим перед ними мертвые тела и трупы, не постой (станции) дадим, а душу и кровь нашим начальникам; не оставим городов и нив, лишь дорогу застелим могилами. Я на многих примерах убедился, что свобо-

да тогда наименее надежна, когда нет перед нею кручины и врага, а лучшая защита ее — в готовности и напряжении сил.

Было бы очень хорошо, чтобы по полякам разом, совместно, не откладывая, одним ударом козаки и крестьяне ударили. Мне кажется, что честнее, лучше и надежнее будет, чтобы поляки почувствовали железо в собственных внутренностях, когда каждодневно будут перед очами видеть врагов, будут видеть, как завоевываются и от одного лишь ужаса захватываются города, — вот тогда разлюбят они войну, вернут козакам волю, чтобы достичь покоя.

Что же касается меня, то не пожалею ни сил, ни жизни, готов к любым опасностям, все отдам для общей свободы и спокойствия, и душа моя не утешится, пока не достигну этой цели, которую я наивысшим стремлением своим положил.

Записки Наукового товариства и.м. Шевченка. — Львов. — Т. XXIII—XXIV. — С. 4—6.

Альберто Вимина.

«Донесение о происхождении и обычаях козаков»¹⁾

Продолжительные и трудные путешествия в малоизвестные страны соединены с большими неудобствами, но удовлетворяют любопытности. Я испытал это во время поездки своей к козакам и сделал при этом некоторые наблюдения, которые записал и преподношу вашей светлости²⁾, дабы к вашим познаниям в политике прибавить еще и сведения о козацком народе.

Судя по тому, что я слышал с разных сторон, козаки получили свое имя менее ста лет тому назад. Несомненно, что имя это происходит от слова коза³⁾, потому ли, что козаки делают одежду из грубой ткани, сотканной из козьей шерсти, или взбираются на скалы с легкостью козы, или, наконец, привыкли жить в шалашах из листьев, наподобие лежек лесных коз. Область козаков, строго говоря, занимает лишь узкую линию по берегам Днепра, приблизительно в 15 миль, т. е. до 70 миль итальянских. Страна тянется до Черного моря, недалеко, как думаю, от места изгнания Овидия⁴⁾. Уверяют, что в тех местах находится городок или село Овидова, т. е. городок Овидия, где, по преданию, погребены останки поэта. Мне нетрудно этому поверить, сравнив страну с описанием поэта в печальной элегии к жене «De ponto»:

Non ager his pomum, non dilces educat uvas.

А дикость местного племени еще более подтверждается свидетельством Овидия в послании, помнится, к своему другу Марцию:

*Maxima pars hominum nec et pulcherrimam curat
Pomam, nec Ausonii armas timet.*

Однако эти новейшие народы ведут свое происхождение не от древних, но от наплыва преступных людей, которым, для избежания кары за провинности, удалось скрыться и удалиться в это последнее убежище, где они первоначально снискивали пропитание рыболовством и охотой, а затем, благодаря морским набегам, постепенно укрепили ту страну за своими потомками.

Но эти последние занимают лишь небольшую, указанную выше линию, которая называется *Запорожьем*, от имени нескольких скал на Днепре, порогов, т. е. это как бы *новоселение*, ибо за этими скалами тянутся их жилища.

Однако в настоящее время имя козаков и область их сильно распространилась, ибо в Польше к числу козаков принадлежат все легко вооруженные, которые сражаются конно, с луком и ружьем. После последних волнений страна козаков простирается от границ Киевского воеводства до крайнего рубежа Запорожья, т. е. на 90 миль протяжения по ту и другую сторону Днепра или свыше 800 (400?) итальянских миль, шириною же 40 миль или до 200 итальянских миль, — пространство, приличное для обширного государства⁵). Правда, однако, что эта область всегда была заселена самым воинственным и привычным к оружию русским племенем. Ввиду беспрестанных нападений татар, признавалось необходимым, чтобы подданные были привычны к военному ремеслу и могли не допускать и прекращать нападения и набеги варваров.

Часть этой области, называемая Запорожьем, до такой степени плодородна, что не только может быть поставлена наряду с самыми культивированными странами Европы, но и удовлетворить требованиям самого завятого (*avido*) земледельца.

Страна эта называется Украиной, т. е. пограничьем; на ее девственность (*ferocita*) указывает масса злаков, произрастающих в беспорядке и без обработки от тех зерен, которые попадают в землю после покоса или от ветра и называются по-русински (*in lingua Rutena*) падалицей (*padalitz*), что равносильно нашему *caduto*. Падалица иногда собирается, иногда пропадает, ибо жатва на засеянных нивах столь обильна, что крестьяне пренебрежительно относятся к этим дарам, которые приносит им благодатная почва. Я с трудом поверил бы подобному явлению, если бы не убедился собственными глазами и не видел на месте таких крупных и обильных зерном снопов, каких не получишь в других странах при самой тщательной обработке.

Однако в настоящем году на это по местам обращено внимание. Признаком тому служит водруженный в землю шест, на котором висит палка, для предупреждения прохожих не пасти там скота, во избежание наказания палками. Подобные же знаки употребляются в тех местах, где проходить запрещено, и нарушителям запрета угрожает строгая уголовная кара.

Не меньше, чем в хлебе, замечается там изобилие в молочных продуктах, мясе и рыбе, благодаря массе пастбищ и множеству прудов.

Кроме Днепра, других судоходных рек в этой стране нет. Начиная от Вислы, протекающей под Варшавой или под Люблином (?), и до Днепра (так называется Борисфен древних), на протяжении до 200 итальянских миль, мне удалось видеть лишь две небольшие реки или, скорее, ручейки: *Виллиу* (Villua), омывающую г. Острог, и *Рось* (слово латинское и польское, означающее росу), которая мирно орошает окрестности Корсуня, город знаменитый первым сражением Хмельницкого с польскими генералами, взятыми при этом в плен.

Кроме описанных выше богатств, благодатная почва доставляет жителям пренебрегаемые последними вкусные овощи и множество спаржи столь роскошной, что, на мой взгляд, она не уступит самым высоким веронским сортам, чрезвычайно вкусной и не горькой, как лесные сорта с тонкими стеблями, растущие около Рима и Неаполя. Я был изумлен и сперва подумал, что это дикий сорт, но из желания разубедиться пробовал ее много раз, так что вследствие чрезмерного обилия спаржа мне даже надоела. Там же растет лук и другие овощи; я пробовал ранние сорта фруктов, которые показались мне очень сладкими. И однако в стране столь плодородной не видно ни огороженных фруктовых садов, ни огородов с редкими сортами овощей, арбузами, артишоками, сельдереем, за исключением окрестностей Киева; вся забота козаков ограничивается сбором кочанной капусты, которую они или потребляют в свежем виде, или солят впрок иссеченною, как принято в Германии. Козаки сеют также большое количество огурцов, которые тоже солят и потребляют с хлебом или в качестве приправы к мясу и рыбе. Виноградников нет, но не потому, чтобы почва считалась неблагоприятною, а лишь вследствие отсутствия охоты к насаждению и уходу за ним (как это принято в Австрии и других странах, где зима чрезвычайно сурова) или же по небрежности к агрокультуре.

Заметно, что козаки не заботятся о фабричном деле ни по селам, ни в городах. На столь обширном протяжении страны не видно каменных домов, исключая Киева: все это плохие хаты и, если не считать нескольких дворянских домов, по справедливости должны быть названы хижинами. Некоторые из них сплетены из древесных ветвей и помазаны белой глиной, другие сколочены из дерева. В этом, козаки, однако искусны, ибо для соединения и скрепы бревен не употребляют гвоздей. Да и вообще в доме не видно другого железа, кроме лишь у дверного запора и дверных же подвесок. Живут тесно, и зимою в одной и той же комнате помещаются люди и скот. Плохая домашняя утварь гармонирует с постройками, потому что, кроме ножа и горшка, все в доме деревянное. Белье употребляется только для лечебных надобностей⁶⁾.

Лишь весьма немногие употребляют простыни; в многочисленной семье разве только на единственной кровати хозяина есть простыня; прочие спят на лавках⁷⁾, на соломе или на какой-нибудь шерстяной тряпке.

Не имеется других ремесел, кроме столярного, седельного, плотницкого и сапожного, хотя большею частью сапоги употребляются с подошвами из лубка и кожи, сшитых дратвою. Одежду изготовляют из конопли и грубой шерсти, которую расчесывают деревянными гребнями. Купцов нет нигде, кроме Киева, где можно встретить лишь несколько торговцев плохой одеждой.

Равным образом нет ни врачей, ни аптекарей, ни продавцов сладких пирожков и прочих сластей. Но на площадях есть мясники и рыбные торговцы, продавцы мяса, масла и тому подобных продуктов.

Обычное занятие в этой стране — земледелие, но у козаков еще мало усердия к нему.

У козаков нет другой письменности, кроме народной русинской (*lettere volgari Rutene*), но лишь немногие ею занимаются. Церковный их язык — славянский, на который переведено было Священное Писание св. Кириллом, и на нем же изложены учения св. отцов; говорят, что он отличается от их народного языка так же, как итальянский от латинского. Его изучают главным образом только дворяне, почему лишь немногие из духовных у козаков понимают его. Однако некоторые монахи, особенно из тех, которые состоят при митрополите, обладают достаточными познаниями в этом языке. Встречаются образованные люди, которые употребляют все усилия для поддержки их заблуждений.

По этим заметкам легко составить себе понятие о нравах этого народа, который оставляет свою страну лишь ради войны, т.е. такой школы, которая большею частью вырабатывает людей благородных (*politi*), но суровых и грубых. По внешнему виду и манерам козаки кажутся простыми, но они не глупы и не лишены живости ума. Об этом можно судить по их беседе и способу управления. Ибо обсуждение политических дел представляет собой арену, где узнаешь людей, каковы они на общественных собраниях, но в самом управлении сказывается и обнаруживается их грубость. Из этой толпы необразованного народа составляется суровый Сенат⁸⁾, в котором присутствует гетман. Следует иметь в виду, что народ ради войны отрывается из плуга и дел гражданского управления. В Сенате козаки обсуждают дела, поддерживают свое мнение без чванства (*ostentazione*) и с целью содействовать общему благу. Если признают лучшим мнение других, то не стыдятся этого, без упрямства отказываются от собственного взгляда и присоединяются к более верному.

Поэтому я сказал бы, что эта республика может уподобиться

спартанской, если бы только у козаков находилась в таком же почете трезвость; однако они могут состязаться со спартанцами в суровости своего воспитания. Трудно представить себе, сколько они терпят от голода, жажды, утомления и бессонных ночей. Всеми этими прелестями они особенно пользуются во время морских походов, когда, по словам козаков, им не раз приходилось голодать по три дня, питаясь отвратительнейшим хлебом, чесноком и луком.

Во время же сухопутных походов, в которые выступают по обычаю татарскому, козаки довольствуются небольшим количеством пшена, которое берут с собою на коня, утоляют жажду из луж, нередко с грязной и гнилой водой, и спят на голой земле. Но, возвратившись домой, они предаются беспрестанному пьянству, проводя в попойках целые дни и ночи, пока не погрузятся в сон под влиянием винных паров. Поэтому они не в состоянии скопить богатства и доставить себе комфорт, ибо все без остатка уходит на пьянство⁹⁾.

Если даже военная добыча велика, то она не приносит козакам сколько-нибудь серьезной пользы, так как они не знают ей цены да и не находят кому продать. Я узнал, что захваченное в последнее время холодное оружие — бесполезное козакам, так как у них принята только сабля — употреблено для насталивания топоров, а пистолетные дула пошли на изготовление разных железных частей для возов. Отсюда видно, что вся эта добыча принесла пользу лишь частным лицам, но не обществу.

Вообще, единственно, чем могут похвалиться козаки, это свободой; видимо, они ни во что ставят богатство, ибо довольствуются малым. Уже Сенека¹⁰⁾ старался в своих сочинениях доказать — хотя и не следовал своему учению, так как копил сокровища — что человек делается богатым не от приобретения богатств, но по мере уменьшения жадности к ним. Козаки не знают и не стремятся к другим уладам жизни, кроме бедных (*ruvide*) хат своих, и если не пьянствуют, то развлекаются лишь танцами, охотой и стрельбой из лука или ружья; мне случалось видеть, как они при этом пулей тушат свечку, отсекая нагар так, что можно подумать, будто это сделано при помощи щипцов. Не приходилось замечать у них большого стечения народа при церковных службах, ибо козаки чаще посещают корчму, нежели церковь, так что, очевидно, у них более соблюдаются наставления Ромула¹¹⁾, нежели Нумы¹²⁾. Козаки упорно придерживаются заблуждений своей схизмы, но правил вероучения не знают подробно и живут большею частью в вере отцов, и лишь духовные их лица понимают основные различия вер. Единственно, что всем им известно и всеми отвергается, это главенство Римской Церкви. Но относительно исхождения Св. Духа чрез Сына, как веруют латыняне, а не от Отца, они

спорят с нами, не умея, однако, объяснить, откуда возникла схизма. Эти заблуждения уже были осуждены. Представляется ясным вывод, что коль скоро Сын не обладает вдохновительным началом наравне с Отцом, то между ними существует известное расстояние, откуда вытекает и различие в степени (*qualita*). Однако ныне я знаю, что когда в последний раз папа Урбан VIII и король польский Владислав IV пытались провести соединение Церквей, отделившихся от Римской, то было разъяснено, что исхождение Св. Духа от Отца чрез посредство Сына, или от Отца и Сына — равносильно, так что за тремя ипостасями признается равенство по степени, воплощению и вечности.

Многие отрицают чистилище, другие признают, но чистилище не при посредстве огня, а путем наказания чувств другими способами, — мнение, которое нельзя осуждать. Они отвергают отдельный суд для каждой души, не признавая ни награды, ни наказания ее до дня всеобщего суда. Ибо, говорят они, коль скоро тело должно нести последствия заслуг или грехов, то оно не получит должного возмездия и будет изъято от наказания, превратившись в тлен и нечувствительную материю; так что, по их мнению, только душа, дарованная плоти, должна наслаждаться блаженством или терпеть муки. Есть между ними и такие, которые утверждают, что латынтям необходимо повторить крещение, хотя и допускают, что латынтяне не нарушили (тайнства?) ни по существу, ни по форме.

Такое безобразие (*disordine*) практиковалось в последнее время при смутах козаков, которые заставили по-своему креститься католиков, изъявивших согласие присоединиться к заблуждениям их схизмы. Немало между козаками и таких, которые верят, что пресуществление не может совершаться на пресном хлебе, и потому называют латынтян еретиками опресночника́ми (*eretici azimani*).

В точности не умею сказать, какого взгляда держатся козаки относительно брака, и вынужден думать, что они признают развод или многоженство. Ибо между ними есть много таких, которые бросили своих безобразных и престарелых жен и обзавелись молодыми и красивыми. Я не видел тому примеров, но говорят, что их много. Гетман дал всем пример, по правилу:

Qnales sunt in Republica principes, tales et sunt religui cives, ибо обвенчался с женою польского шляхтича Чаплинского, фаворита Александра Конецпольского, коронного хорунжего, которые, как говорят, были причиною прошлых смут.

Видел я также двух евреек незаурядной красоты, обвенчанных с двумя грубыми мужиками, которые заставляли их носить на шее священные знаки, а также посещать церковь, хотя еврейки и не были крещены, но в остальном им предоставлена была полная свобода в исполнении своих обрядов.

Кажется, я уже достаточно сказал о происхождении, стране и обычаях козаков, и полагаю, что для удовлетворения любознательности вашей светлости мне остается добавить кое-что о гетмане.

По сословию своему он сын шляхтича, который подвергся изгнанию и лишен был дворянского звания. Роста он скорее высокого, нежели среднего, широк в кости и крепкого сложения. Речь его и способ управления показывают, что он обладает зрелым суждением и проницательным умом. Хотя и случается, что он чрезмерно предается напиткам, но тем не менее он не оставляет заботы о делах. Поэтому мне кажется, что в нем могут совмещаться два существа: одно — деятельное, трезвое, преданное управлению делами, другое — сонное и погруженное в пьянство. В обращении он мягок и прост, чем привлекает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в дисциплине строгими взысканиями. Всем, кто входит в его комнату, он пожимает руку и всех просит садиться, если они козаки. В этой комнате нет никакой роскоши, стены лишены всяких украшений, за исключением мест для сиденья. В комнате находятся лишь грубые деревянные лавки, покрытые кожаными подушками; вероятно, те же лавки назывались у римлян *subsellia*; по словам Плутарха¹³⁾, их ножками были убиты Гракхи¹⁴⁾, когда задумали ввести аграрный закон. Дамасский полог протянут перед небольшой постелью гетмана; в головах ее висят лук и сабля, единственное оружие, которое он обыкновенно носит. Стол отличается не большею роскошью, чем прочая сервировка и утварь, ибо едят без салфеток и не видно другого серебра, кроме ложек и бокалов. Предусмотрительно гетман украсил таким образом свое жилище, дабы помнить о своем положении и не увлечься духом чрезмерной гордости. Быть может, в этом случае он взял пример с Агафокла¹⁵⁾, который, будучи сыном горшечника и достигши царской власти, велел устроить себе стол и постав с глиняными сосудами, откуда и стихи:

Ausonis fictilibus cenasse ferunt agatoclea vasis,
Atque Abachum samio saepe ornasse luto.

Однако гетманский стол не скуден добрыми и вкусными яствами и обычными в стране напитками: водкой, пивом, медом. Вино, которым мало запасаются и редко пьют, подается к столу лишь в присутствии важных иностранцев. Как я имел случай убедиться, за столом и при выпивке нет недостатка в веселости и остроумных выходках. Я мог бы привести несколько тому примеров, но краткости ради расскажу лишь один. Как-то раз мой слуга усердно восхвалял пред козаками величие и чудеса города Венеции, и его жадно слушали. Наговорившись вдоволь о положении, фабриках и богатствах города и описавши обширность его, рассказчик прибавил, что улицы в городе так широки, что самим горожа-

нам случается заблудиться в них. «Ну, нет! — возразил один козак. — Этим ты не хвалишься с своей Венецией. Я тебе скажу, что то же самое со мною бывает в этой тесной хате: когда посижу немного за этим столом, то уже не попаду в двери, чтобы вернуться домой».

Следовало бы и даже необходимо для полноты моего донесения сказать что-нибудь и об управлении, военных силах и доходах козак. Я и описал бы все это подробно, если бы в этом отношении существовал определенный порядок. Могу лишь сказать касательно управления, что в городках существуют известные начальники (Consoli), которые чинят суд по делам гражданским и налагают легкие уголовные взыскания, так как решение важных дел принадлежит гетману, почему мне кажется, что он — настоящий государь (Despota). О военных силах козаков дает понятие опыт прошлых походов. Что касается точного числа войска, какое может быть собрано, то кому оно ведомо? Сколько голов, столько, можно сказать, и воинов, ибо все они охотнее берутся за оружие, нежели за плуг. О доходах ничего не могу сказать. Замечу лишь, что источники их немногочисленны и самые доходы невелики, как общественные, так и частные.

**Договор и постановление между гетманом Орликом
и войском Запорожским в 1710 году
(Конституция)**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога, во Троицы Святой славимаго.

Нехай станется на векопомную войска Запорожского и всего народу Малороссийского славу и памятку!

Дивный и непостижимый в судьбах своих Бог, милосердный в долготерпении, праведный в казни, яко всегда, от початку видимого сего света, на праведном правосудия своего мириле, едны Панства и народы возвышает, другие за грехи и беззакония смиряет, едны порабощает, другие освобождает, едны возносит, другие низвергает; так и народ валечный, стародавний Козацкий, прежде сего именованный Козарский¹⁾, первь провознесл был славою несмертельною, обширным владением и отвагами рыцарскими, которыми не только окрестным народом, лечь и самому Восточному Панству, на море и на земли страшен был, так далече, же Цесарь Восточный, хотячи оный себе вечно примирити, сопрягл малженским союзом сынови своему дочку Кагана, то есть Князя Козарского²⁾. Потом славимый во вышних той же праведный Судия Бог, за умножившиеся неправды и беззакония, многими казнями наказавши тот народ Козацкий, понизил, смирил и ледво невечною руиною низвергл, наостаток военным оружием державе Польской

через Болеслава Храброго и Стефана Батория, Королей Польских, поработил. И любо не домыслимый и непонятный в правосудии своем Бог, наказуя, наказал сородных наших предков несчисленными плягами, однак не до конца прогневаючися, ни во веки враждуючи, а хотячи на первую слободу помянутый народ Козацкий з подтяжного на тот час панованья Польского выпроводити, воздвигнул ревностного Православия святого, отчизны прав и вольностей войсковых стародавних оборонцу, валечного Гетмана, славной памяти Богдана Хмельницкого, который помощью его всеильною, непреодоленным пособием найяснейшого Короля, Его Милости, Шведского, несмертельной и вечно достойной памяти Карла Десятого, и с полным и сопособственным Панства Крымского и войска Запорожского оружием, а своим благоразумным промыслом, працами и отвагами вызволивши з Польского подданства войско Запорожское и народ поработенный и утысненный Малороссийский, поддался з оным доброволне под самодержавную руку Великих Государей, Царей и Великих Князей, повелителей Российских, надеючися, же обовязков своих, в договорах и статьях изображенных и присягою отверженных. Государство Московское, яко з нами единоеверное, содержит и вечно войско Запорожское и народ вольный Малороссийский при правах и вольностях ненарушимо под обороною своею заховает. Лечь по смерти славной памяти того же Гетмана, Богдана Хмельницкого, кгда тое ж Государство Московское многими изобретенными способами усиливало права и вольности войсковые, собою подтвержденные, надвередити и до конца разрушити, а на народ вольный Козацкий, собою никогда не завоеванный, невольничое ярмо вложить, теды клекрот войско Запорожское в том насильство терпело, тилекрот принуждено было кровию и отвагами целости прав и вольностей своих боронити, до которых обороны сам Бог мстителю пособствовал. Напоследок, когда уже свежо теперь, за Гетманства славной памяти небожчика. Ясновельможного Иоанна Мазепы, помянутое Государство Московское, хотячи свое злое намерение в скуток привести, а воздаючи злая воз благая, во место вдячности и респектов, за так многие верные службы, и гонение на оных до остатнего зничения кошты и утраты, за несчисленные отваги и военные кровавые працы, хотело непременно козаков в регулярное войско переменити, города в область свою одобрати, права и вольности войсковые поломати, войско Запорожское Низовое искоренити и имя того вечно згладити, чого явные были, и под сее время суть, знаки, доводы и початки, тогда пререченный, славной памяти, Гетман Ясновельможный Иоанн Мазепа, подвигнувшись правдою и ревностию за целость отчизны, прав и вольностей войсковых, а желаючи усердным желанием за дний Гетманського своего владения видети, и по смерти своей для векопомной имени своего памяти заставити тую

ж отчизну, милую матку нашу, и войско Запорожское городовое и низовое, не тилко в ненарушимых, лечь и в расширенных и размноженных вольностях, кветнучую и изобилующую, отдался в непреламанную оборону Наяснейшего Короля, Его Милости, Шведского, Карла Двенадцатого, особливим Бога Всемогущего Промыслом, с войсками своими вступившего в Украину; последуючи и наследуючи Антецессора своего, славной памяти, валечного Гетмана, Богдана Хмельницкого, который, з Наяснейшим Королем Шведским, Его Королевскому Величеству соименитым дедом, Королем Десятым, единомыслием и промыслами военными в высвобожденью отчизны своей от Польского, на тот час тяжкого, подданства согласуючися, не меншую, мел в замыслах своих помочь, до розерванья сил Польских стягающуюся, и хоть то неизследованные судьбы Божии, так ревностного небожчиковского намерения, за опачным отменной фортуны военной поводом, не тылко не исполнили, лечь и самого тут в Бендере декретом смертельным, прикрили; однак, осиротелое, по смерти своего первенствующого Рейментара, войско Запорожское, не отчаеваючися желаемой себе свободы, и полагаючи сталую уфность в помощи Божой, в протекции Наяснейшого Короля, Его Милости, Шведского, и в праведной нашей справе, яка всегда обыкла триумфовати, на попарте оной и для лучших войсковых порядков и поводу, постановило, з общою Енеральной Старшины обрадою, последуючи и согласуючи в том воли Наяснейшого Протектора Нашего, Королевского Величества Шведского, избрати себе нового Гетмана, на которое избрание назначивши термен, кгда на приличное тому акту елекциальному местце под Бендером, в общую Раду, с предводителем своим Паном Константином Гордеенком, Атаманом Кошевым совокупилося, теды все сполне з Старшиною Енеральною и з Послами от войска Запорожского зового, у Днепру зостаючого, знеспися, по давным обыкновениям и по правилам войсковым, избрали себе, волными единократными голосами, за Гетмана, Его Милости, Пана Филиппа Орлика, достойного тоей Гетманской чести и могучого, при помощи Божой и при протекции Наяснейшого Королевского Величества Шведского, высоким своим разумом и искусством, уряд тот Гетманский, под сее время трудное тяжкий, двигати, управляти и о интересах отчизны Малороссийской радета и радити. А поневаж преждный Гетманы войска Запорожского, зостаючи под Самодержцами Московскими, привлащати себе дерзали над слушность и право. Самодержавную владгу, которою были значне надвередили давные порядки, права и вольности войсковые, не без всенародной тяжести, пре то мы, Енеральная Старшина, тут притомная, и мы, Атаман Кошевый з войском Запорожским, запобегаючи впрет таковому безправью, найбарзей под сей до того дела выгодный час, когда тое ж войско Запорожское, не для чога иншого под протек-

цию Наяснейшого Королевского Величества Шведского удалось, и теперь оной крепко и непоколебимо держится, тылко для поправки и подвиженья упалых прав своих и вольностей войсковых, договорили и постановили с Ясновельможным, Его Милостью, Паном Филипом Орликом, новообранным Гетманом, абы не тылко Его Велможность, за счастливого Гетманского своего владения, всех тых, тут последующих, пунктами изображенных, а собою поприсяжных договоров и постановлений, ненарушимо додержал, лечь и за иных, впредь будучих, Гетманов войска Запорожского, чтоб оные непременно захованы и задержаны были, которые так ся в себе мают:

1.

Поневаж mezi тремя добродетельми богословскими вера первенствует, теда в первом сем пункте о вери святой Православной Восточного исповедания дело надлежит начати, которою, яко раз народ валечный Козацкий, за владения еще Каганов Козарских в столице Апостольской Константинопольской просвященный зостал, так и теперь непорушимо в оной триваючи, жадным иноверием никогда не колебался. И не тайно есть, же славной памяти Гетман Богдан Хмельницкий з войском Запорожским, ни за что иншое, опрочь прав и вольностей войсковых, унялся и праведную против Речи Посполитой Польской воздвигнул войну, тылко, во первых, за веру святую Православную, яка розними тяжестями насильствована была от власти Польской до Унии³⁾ з Костелом Римским, а по искоренении иноверия з отчизны нашої, не для чого иншого з тым же войском Запорожским и народом Малороссийским в протекцию Государства Московского удался, и добровольне поддался, тылко для самого единоверия Православного. За чим теперешний новообранный Гетман, когда Господь Бог, крепкий и сильный в бранех, пособит щастливым оружием Наяснейшого Короля, Его Милости, Шведского, свободити отчизну Нашу, Малую Россию, от невольничого ярма Московского, мест и повинен будет, во первых, старатися и крепко застановлятися, абы жадное иноверие в Малую Россию, отчизну Нашу, ни от кого не было впроважено, которое если бы где, чи то тайно, чили явне, могло показатися, теда, владгою своею, должен будет оное искореняти, проповедатися и разширятися оному не допускати, иноверцем сожития на Украине, а найбарзей зловерию Жидовскому, не позволяти, и на тое все старанья ложити, жебы едина вера Православная Восточного исповедания, под послушенством Святейшего Апостольского Фрону Константинопольского, вечне утвержена была, и з помноженьем хвалы Божой, церковей святых, а з цвеченьем в науках вызволионных синов Малороссийских, разширялася, и яко крин в тернии, mezi окрестными иноверными панствами, процветала. Для большой зась поваги первоначального в Малой России Престола Митрополитанского Киевского и для знатнейше-

го дел духовных управления, меет той же Ясневельможный Гетман, за высвобоженым отчизны от ига Московского, справити у столице Апостольской Константинопольской, Екзаршескую первобытную власть, чтобы через тое обновилася реляция и послушество синовское до помянутого Апостольского Константинопольского Фрону, от которого проповедию Евангельскою в вери святой Кафолической просвещена и змоцнена быта удостоилася.

2.

Яко всякое Панство целостию границ ненарушимою состоится и утверждается, так и Малая Россия, отчизна наша, жебы в своих границах, пактами от Речи Посполитой Польской и от Государства Московского стверженных, найбарзей в тим: которые по реку Случь, за Гетманства, славной памяти Богдана Хмельницкого, от тоей же Речи Посполитой Польской, области Гетманской и войску поступлены, вечне отданы и пактами обварованы zostали⁴⁾, не была згвалчена и нарушена, меет и тое Ясневельможный Гетман, при трактатах Найяснейшого Короля, Его Милости, Шведского, старатися, и крепко, сколько Бог силы и разума пошлет, застановлятися, где будет належати, а наипаче супплековати о тое до Наяснейшого Маестату, Его Королевского Величества Шведского, яко оборонцы и протектора нашего, чтоб Его Величество не допускал никому, не тылко прав и вольностей, лечь и границ войсковых надверезати и себе привлацати. Над то повинен будет тот же Ясневельможный Гетман, по сконченью, дай Боже, счастливом войны, упросити у Королевского Величества Шведского такого трактату, чтоб Его Величество и Его сукцессорове, Наяснейшие Короли Шведские, вечными протекторами Украины титуловалися и самим делом zostавали, для большой крепости отчизны нашей и для захованья оной целости в правах наданных и границах. Так теж и о тое должен будет Ясневельможный Гетман до Наяснейшого Королевского Маестату супплековати, абы у трактатах Его Величества з Государством Московским было тое доложено, чтобы, як невольников наших, на сей час в Государстве Московском найдуючихся, по сконченью всйны, нам свободных возвращено, так и все починеные в нынешнюю войну на Украине шкоды, нагорожено и слушне от Москвы пополнено; а особливе о тое просити и старатися у Наяснейшого Королевского Величества повинен, жебы невольников наших, в Панстве Его ж Величества zostающих, всех освобождено и нам возвращено.

3.

Поневаж нам всегда приязнь суседская Панства Крымского есть потребна, от которого помощи не раз войско Запорожское до обороны своей засягало, теды, иле под сей час возможно будет, меет Ясневельможный Гетман и Наяснейшого Хана, Его Милости, Крымского, чрез послов старатися о обновленье давнего з Панством

Крымским братерства, коллегации военной и потверженье вычной приязни, на которую бы окрестные Панства заглядучися, не дерзали порабощения себе Украины желати и оную в чом колвек насильствовати. По сконченью зась войны, когда Господь Бог пособит, при желаемом и помyslном нам покою, новообранному Гетману на своей осести резиденции, тогда крепко и неусыпно постерегати того, должностию уряду своего обовязан будет, абы ни в чом з Панством Крымским⁵⁾ приязнь и побратимство не нарушилося через своевольных и легкомысленных з нашей стороны людей, которые обыкли не тылко суседскую згуду и приязнь, лечь и союзы мирные, рвати и раздрушати.

4.

Войско Запорожское Низовое, яко несмертельную себе славу многими рыцерскими отвагами на море и на земли заслужило, так и не меншими наданнями обогащено было для общего своего пожитку и промыслов, лечь кгда Государство Московское, вынаходячи розных способов до утисненья и знищенья оногo, построило на власных войсковых кгрунтах и угодиях, то города Самарские, то фортецы на Днепре⁶⁾, чим, хотячи в промыслах рыбных и звериных томуж войску Запорожскому Низовому перешкоду учинити, незносную шкочу, праволочество и утеменженье учинило. На остаток гнездо войсковое, Сечь Запорожскую, военным наступлением разорило. Пре то, по скончанью, дай Боже, счасливым, войны (есть ли теперь помянутое войско Запорожское тых кгрунтов своих и Днепра от насильства Московского не очистит и не удовольнит), повинен будет Ясневельможный Гетман, при трактованью Наяснейшого Короля, Его Милости, Шведского, з Государством Московским о покою, о тое старатися, жебы Днепр от городков и фортец Московских, тако ж и кгрунта войсковые от поссессии Московской очищены и до первобытной области войска Запорожского привержены были, где впредь никому а ни фортец строити, а ни городков фундсвати, а ни слобод осажувати, а ни яким же колвек способом тых войсковых угодий пустошити, не тылко не меет Ясневельможный Гетман позволяти, лечь и до обороны оных обовязан будет войску Запорожскому Низовому всякую помочь чинити.

5.

Город Терехтемиров, поневаж здавна до войска Запорожского Низового належал и шпиталем оногo назывался⁷⁾, теды и теперь, за освобожденьем, дай Боже, отчины от Московского подданства, меет Ясневельможный Гетман тот же город войску Запорожскому Низовому, зо всеми угодиями и з перевозом на Днепре, там застающим, привернути, шпиталь в оном для старинных зубожалых и ранами скалеченных козаков, коштом войсковым построити, и отколь меет им быти пища и одежда, промысл; также Днепр увесь з гори от Переволочной вниз, перевоз Переволочанский и самый город Пере-

волочную, с городом Керебердою и река Ворскло з млинами, в полку Полтавском знайдуючимися, и фортецу Козацкую принадлежностями, повинен будет Ясневельможный Гетман и по нем будучи уряду того Гетманского наследники, ведлуг давных прав и привилеев, при войску Запорожском заховати, никому з власти духовной и свецкой не допускаючи и не позволяючи езов там на Днепре от Переволочной вниз забивати и строити, станов и рыбных ловль заводити, особливе в полю реки, речки и всякие прикметы, аж по самой Очаков, не до кого иншого, тилко до войска Запорожского Низового, вечными часы меют належати.

6.

Если в Панствах Самодержавных хвалебный и состоянию публичному полезный заховуется порядок, в тот порядок, же завше, як в бою, так и в покою, о общем отчистом добре приватные и публичные обыкли отправоватися Рады, в которых и самыи Самодержцы притомностию своею продкуючи, не возбраняются соизволение свое под общее Министров своих и Советников зданье и ухвалу подлагати, а чому ж бы в вольном народе таковой збавенный порядок не мел быти захован, который, любо в войску Запорожском при Гетманах перед сим, ведлуг давных прав и вольностей, непременно содержался, однак, кгда некоторые войска Запорожского Гетмана, привлащивши себе неслушне и безправне Самодержавную владгу, узаконили самовластием такое право: «Так хочу, так повелеваю», через яко Самодержавие, Гетманскому урядови неприличное, уросли многие в отчизне и в войску Запорожском нестроения, прав и вольностей разорения, посполитые тяжести, насильные и накупные урядов войсковых распоряженья, легкое Старшины Енеральной, Полковников и значного товариства поваженья, пре то Мы, Енеральная Старшина, Атаман Кошовый и все войско Запорожское, договорили и постановили с Ясневельможным Гетманом, при елекции его Вельможности, таковое право, которое меет быти вечно в войску Запорожском заховано: абы в отчизне нашей первенствующими были советниками Енеральная Старшина, так респектом урядов их первоначальных, яко и уставичной при Гетманах резиденции; по них, зась обыклым порядком последуючи Полковники городовие, подобным же публичных советников характером почтены нехай будут; над то з каждого полку по единой значной старинной, благоразумной и заслужоной особе меют быти до общей рады Енеральнии Советники, за согласиём Гетманским избраны, з которыми всеми Енеральными особами. Полковниками и Енеральными Советниками должен будет теперешный Ясневельможный Гетман и его сукцессорове о целости отчизны, о добре оной посполитом и о всяких делех публичных радитися, ничего, без их соизволения и совету, приватною своею владгою, не зачинати, не установляти и в скуток не приводити.

Для чого тепер, при елекції Гетманської, єдиногласною всіх обралою и ухвалою, назначаються три Єнеральні в кождому року Рады, меючися в резиденції Гетманської отправовати: перша о Рождестве Христовом, друга о Воскресенїи Христовом, третя о Покрове Пресвятой Богородицы, на которое, не тылко Панове Полковники з Старшиною своєю и Сотниками, не тылко зо всех полков Єнеральні Советники, лечь и от войска Запорожского Низового, для прислухованья ся и сетованья. Послы меют и повинни будут, за присланьем к себе от Гетмана ординансу, прибувати, ничего назначенного термену не ухибляючи, где что колвек будет от Ясневельможного Гетмана, до общей бы Рады предложено, о том всем благосовестно, без жадных, приватного своего и чужого порядку, респектов, без душегубной зависти и вражды, советовати обовязаны будут, так далече, жебы ничего не было в тых Радах з уближеньем чести Гетманской, з публичною отчизны тяжестію и разорением, а, не дай Боже, и пагубою. Если бы зась, опрочь тых выщреченных, до Єнеральной Рады назначенных терменов, притрафлялися якие публичные справы, скорого управления, отпреставления и отправления потребующие, теды Ясневельможный Гетман моцен и волен будет, з обрадою Єнеральной Старшины, такывые дела повагою своєю Гетманскою управляти и отправовати. Так же если бы якие письма приключались з заграничных посторонных Панств, до Ясневельможного Гетмана ординованные, теды оные мает Его Вельможность Єнеральной Старшине объявити и ответы, якие отписуватимутся, осведчати, не утаеваючи пред ними жадных корресподенций листовных, найбарзей заграничных и тых, якие могут целости отчистой и добру посполитому вредити. А жебы скутечнейшая была в секретных и публичных Радах, междуособная Ясневельможного Гетмана з Старшиною Єнеральною, с Полковниками и Єнеральными Советниками поуфалость, повинен будет каждый з них, при обняту своего уряду, на верность и у отчизне на зычливость к рейментарови своему на захованье повинностей своих, якие колвек до уряду чиего належатимут, формальную присягу, ведлуг роты, публично ухваленой, выконати. И если бы что противного, здоровного, правам и вольностям войсковым вредительного и отчизне неполезного усмотрено было в Ясневельможном Гетману, теды таяж Старшина Єнеральная, Полковники и Єнеральные Советники, моцны будут волными голосами, чили то приватне, чили, когда нужная и неотволочная потреба укажет, публично, на Раде Его Вельможности выговорите и о нарушенье прав и вольностей отчистых упоминатися, без уближенья и наименшого поврежденья высокого рейментарского гонору; о якие выговоры не меет Ясневельможный Гетман уражатися и помсты чинити, овшем развращенная исправити старатимется. Особливе Єнеральныи Советники, каждый з них в своем полку, з которого

на радецтво изберется, силен будет, совокупно с Паном Полковником городовым, постерегати порядков и оные общим советом управляти, застановляючися за кривды и тяжести людские. А яко Енеральная Старшина, Полковники и Енеральныи Советники, повинны будут Ясневельможного Гетмана в должном мети почитании, належить ему выразати гонор и верное отдавати послушество, так и Ясневельможному Гетману взаемне шановати оных, и за товариство; а не за слуг и предстоятелей работных, належит консервовати, не принуждаючи их умыслие, для пониженья особ, до публичного, неприличного и непоносного пред собою стоянья, опрочь того, где потреба укажет.

7.

Если бы кто з Енеральных особ, Полковников, Енеральных Советников, значного товариства и иных всех войсковых урядников над той самой черни, чи то гонор Гетманский дерзнул образити, чили в ином яком деле провинити, теды таких проступцов сам Ясневельможный Гетман, приватною своею помстою и владою не меет карати, лечь на суд войсковый Енеральный такую справу, чито криминальную, чили не криминальную, повинен будет здати, у которого який нелицемирный и нелицезрительный падет декрет, такой должен всяк проступный понести.

8.

Тыеж Енеральные особы, уставичне при боку Гетманском резидующие, всякие справы войсковые, якие до чиего чину и повинности будут належати, меют Ясневельможному Гетману доносити и декларации отбирати, а не слуги приватныи домовыи, которых до жадных справ, докладов и дел войсковых не отпраовати.

9.

Поневаж перед сим в войску Запорожском всегда бывали Подскарбии Енеральный, которыи скарбом войсковым, млынами и всякими, до скарбу войскового належащими, приходами и повинностями заведовали и оными за ведомом Гетманским шафовали⁸⁾, теды и теперь таковой порядок общим договором устанавлиается и непременно узаконяется, абы за уволненьем, дасть Бог, отчизны нашей з ярма Московского, увагою Гетманскою и соизволением общим, был обран Подскарбий Енеральный, человек значный и заслуженный, маётный и благосовестный, который бы скарб войсковый в своем дозоре мел, млынами и всякими приходами войсковыми заведовал и оные на потребу публичную войсковую, а не на свою приватную, за ведомом Гетманским, оборочал. Сам зась Ясневельможный Гетман до скарбу войскового и до приходов, до оного належащих, не имеет належати и на свой персональный пожиток употреблять, довольствуючися своими оброками и приходами, на булаву и особу его, Гетманскую, належащими, яко то: индуктою, полком Гадяцким, сотнею Шептаковскою, добрами Поче-

повскими и Оболонскими и иными интратами, якие здавна ухвалены и постановлены на уряд Гетманский; больш зась Ясневельможный Гетман маетностей добр войсковых не меет самовластно себе привлащати и иным, мней в войску Запорожском заслужоным, а найбарзей чернцям, попам, вдовам бездетным, урядником, посполитым и войсковым мелким слугам своим Гетманским и особам приватным, для респектов яких колвек, не раздавати. А не тылко до боку Гетманского Подскарбий Енеральный поприсяжный, для дозору скарбу войкового, меет избиратися, и где резиденция Гетманская утвердится, там зоставати, лечь и в каждом полку два Подскарбии, так же поприсяжныи, люде значныи и маетныи, общою, Полковника, Старшины войковой, и посполитой ухвалою, повинны знайдоватися, которыи бы о полковых и городовых приходах и посполитых поборах знали, оные в своем заведованью и шафунку мели и каждого року порахунок з себе чинили. Якие полковие Подскарбии, меючи релацию до Енерального Подскарбего, должны будут в своих полках о належащих до скарбу войкового приходах знати, оные отбирати и до рук Енерального Подскарбего отдавати. Панове Полковники зась неповинна так же интересоватися до скарбцов полковых, контентуючися своими приходами и добрами, на уряд Полковничий належащими.

10.

Яко всяких во отчизне и войску Запорожском порядков, по должности уряду своего меет Ясневельможный Гетман постерегати, так найбарзей повинен будет и на тое пилное и неусыпное мети око, жебы людем войковым и посполитым збытечныи не чинилися тяжести, налоги, утеменженья и здырства, для которых они, оставивши жилища свои, обыкли в прочку ити и в заграничных Панствах спокойнейшого, легчайшого и помыслнейшого шукати себе помешканья. За чим, абы Панове, Полковники, Сотники, Атаманья и всякие войковые и посполитые урядники, не важилися панщизн и роботизн своих приватных господарских Козаками и посполитыми людьми тыми, якие а ни на уряд их не належат, а ни под их персональною державою зостают, отбувати до кошения сен, збиранья з поль пашень и гаченья гребель примушати, в одиманью и кгвалтовном купленью кгрунтов насилия чинити, за леда якую вину зо всей худобы, лежачой и рухомой, обнажити, ремесников безплатежне до дел своих домашних приневоляти и Козаков до посылок приватных заживати, повинен будет того Ясневельможный Гетман владгою своею возбраняти, чого и сам, на добрый иным, подручным себе, приклад, меет выстерегатися и не чинити. А поневаж всякие на людей верных тяжести, утыски и здырства походят найбарзей от властолюбных накупнев, котории, не фундуочися на заслугах своих, а прагнучи насытою пожадли-

востью, для приватного своего пожитку урядов войсковых и посполитых, прельщают сердце Гетманское коррупциями и оными втыскаются, без вольного избрания, над слушность и право, то на уряды Полковничие, то на иные власти, пре то всеконечне постановляется, абы Ясневельможный Гетман жадными, хочь бы наибольшими, не уводячися датками и респектами, никому за коррупции урядов Полковничьих и иных войсковых и посполитых начальств не вручал и на сильно на оные никого не наставлял, лечь всегда, як войсковые, так и посполитые, урядники меют быти волними гóлосами, особливе зась Полковники, обираны, а по избранию владгою Гетманскою подтверживаны; однак таковых урядников елекции не без воле Гетманской отправатися повинны. Тоеж право должны будут и Полковники заховати и не постановляти, без вольного избрания целой сотне. Сотников и иных урядников, для коррупции и яких же колвек респектов, а для уряд своих приватных не повинны так же от урядов отстановляти.

11.

Вдовы Козачии и осиротелые Козацкие дети, вдовы Козацкии и жоны, без бытности самых Козаков, когда в походах, албо на яких же колвек службах войсковых знайдоватимутся, жебы до всяких посполитых повинностей не были потяганы и вымаганьем датков обтяжованы, договорено и постановлено.

12.

Не меньшая городам Украинским и оттоль деется тяжесть, же многие, для отбуванья всяких посполитых повинностей належачие, под розных державцов, духовных и свецких, в посессию поотходили жители, зась их посполитые, в малолюдствии оставшиися, мусят, без жадной фолги, тые ж самые двигати тяжари, якие з помощью отгоргненных и одойшлых сел на себе носили. За чим, за успокоеньем от военного мятежу отчизны и за уволнением, дай Боже, оной от подданства Московского, енеральная мает быти установлена, чрез избранных на тое Комисаров, ревизия всех маетностей, под державцами зостаючих, и до уваги Енеральной при Гетману Рады подана, на которой разсудитя и постановитя, кому годне належит, а кому не належит, войсковые добра и маетности держати, и якие повинности и послушенства подданские меются державцам от поспольства отдавати. Так теж и оттоль людем убогим посполитым умножается тяжесть, же многие Козаки людей достальных посполитых, в подсуседии себе приймуючи, охороняют оных от обыклых им повинностей, ку общей тяглости городой и сельской стягаючихся, а купци маетные, защищаючися то Универсалами Гетманскими, то протекциею Полковничою и Сотницкою, ухиляются от двиганья сполных тяжаров посполитых и не хотят быта помощными в отбуванью оных людем убогим. Пре то Ясневельможный Гетман Универсалами своими привернути не занеха-

ет, так подсосудков достатных Козацких, яко и купцев до посполитых, повинностей, заборонити оных протекции.

13.

Город столечный, Киев, и иные Украинские города з Маистратами своими во всех правах и привилеях, слушне наданных, не поруцимо жебы захованы были, повагою сего акту елекциального постановляется и подтверженье оных своего часу Гетманской власти поручается.

14.

Же посполитым людем прежде сего на Украине наезды и подводы, а Козакам проводничества, найболш приносили тяжести, через которые люде до крайнего в худобах своих приходили знищенья, теды, теперь, абы тые подводы и проводничества вовся были отставлены, и никто з переезджающих жадной нигде подводы брати, напоев, кормом и датком наименших вымагати отнюдь не важился, хиба хто в публичных делех, и то за подорожную Ясневельможного Гетмана, будет ехати, то и тому, без жадных поклонных датков, подвод толко дати, сколко в подорожной будет написано. Особливе, чтобы жадные особы войсковые и их слуги, Ясневельможного Гетмана, за приватными делами, а не войсковыми, переизджающие, подвод, кормов, напоев, поклонов и проводников отнюдь не вымагали, бо через тое городиви разорение, а людем бедным знищенье, наносит-ся; лечь всякий особа, великий, мелкий и наименший, за приватным своим делом, а не войсковым, без подорожной рейментарской переезджающий, должен будет своим грошем всюде по городах и селах сустентоватися, подвод и проводников не вымагати и усиловне никогда не брати.

15.

Же аренды, для платы роковой компаней и сердюкам⁹⁾ и для иных расходов войсковых, установление, за тяжесть посполитую от всех обывателей Малороссийских войсковых и посполитых, так и станция Компанейская и Сердюцкая за прикрость и утяженье у посольства почитается: пре то, як аренды, так и помянутая станция повинна быта отставлена и весьма знесена. Отколь да скарб войсковой упалый на отбуванье и удовольствие всяких публичных войсковых же расходов реставроватися и постановитися; и як много, по скончанью войны, Ясневельможный Гетман меет людеи платных компаней и пехотинцев, при боку своем на услугах войсковых держати, о том на Енеральной Раде общая будет увага и постановление.

16.

Востокротне люде убогие воплят и ускаржаются, же так индуктари и их факторы, яко и выезджие ярмарковые, многие чинят не обыклые и нещисленны им здырства, за которыми згола невозможно человеку убогому свободно на ярмарок появитися, малой якои

речи, для подпартя убозства своего, продати, албо на домовую потребу купити, без платежи ярмарковой, а, не дай Боже, в вину якую, хочь малую, попастися, то с ног до головы от выезджих ярмарковых ободранному быти прыйдется. За чим абы индуктари и их фактори, от тых тылко товаров и таковые ексакции, евекты и индукты до скарбу войскового отбырали, якие будут выражены в интерцигах, ничего лишнего от купцев не вымагаючи и людем верным убогим найменшого здырства не чинячи. Так же и выезджие ярамарковые, абы повинность, у кого належит, а не у людей убогих, з малою продажею домовую, албо для купленья чого на домовую потребу на ярмарок прибылых, выбирали, справ жадных, не тылко криминальных, але и поточных, не судили и необыклого здырства людем и го-родови не чинили, пографляти в тое будет Ясневельможный Гетман своим благоразумным радением и владгою, которого и все в отчизне нестроения, премудрому исправлению, права и вольности войсковые непорушимоу захованью и обороне, договоры сии и постановления skutечному исполнению, поручаются, якие Его Вельможность не тылко подписом руки своей, лечь и формальною присягою и притисненьем печати войсковою, изволит подтвердит. А присяга тая так ся в себе меет:

П р и с я г а О р л и к а

Я, Филипп Орлик, новоизбранный войска Запорожского Гетман, присягаю Господу Богу, в Троицы Святой славимому, на том, иж, будучи волними голосами, по давным правам и обыкновениям войсковым, за соизволением Наяснейшого Королевского Величества Шведского, Протектора нашего, от Енеральной Старшины и от всего войска Запорожского, тут при боку Его ж Королевского Величества, и у Днепра на низу зостаючого, через посланных особ, обранный, оголошенный и возведенный на знаменитый уряд Гетманский, яко сии договоры и постановленья, тут описанные, и с полною обрадою на акте теперешней елекции, межи мною и тым же войском Запорожским, узаконенные и утвержденные, во всех пунктах, комматах и периодах непременно исполняти, милость, верность и печаливое ку отчизне Малороссийской, матце нашей, о добре оной посполитом, о целости публичной, о разширенью прав и вольностей войсковых, старанье, сколько сил, разуму и способов станет, мети, жадных факций з посторонними Панствами и народами и внутрь в отчизне на зруйнованье и якое ж колвек оной зашкоженье, не строити, подсылки всякие, отчизне, правам и вольностям войсковым шкодливые, Енеральной Старшине, Полковникам и кому колвек належатимут, объявляти, ку горным и заслужоним в войску Запорожском особам пошанованье и ку всему старшому и меншому товариству любовь, а ку преступным, ведлуг артикулов правных, справедливость заховати обещаю и должен буду, так мне, Боже, помози, непорочное сие Евангелие и невинная страсть Христова. А тое все подписом

руки моеї власної і печаттю військовою ствержаю. Деялося в Бендері, року 1719, Априля 5 дня.

Филипп Орлик, Гетман войска Запорожского, рукою власною.
(М. П.)

Журнал «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских». — 1859. — Кн. I.

Эмский указ 1876 г.¹⁾

Государь император 18 минувшего мая всемилостивейше повелеть соизволил:

1. Не допускать ввоза в пределы Империи²⁾ без особого разрешения главного управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых на малороссийском наречии.

2. Печатание и издание в Империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь:

а) исторических документов и памятников;

б) произведений изящной словесности. Но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников, в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений русской словесности давалось не иначе, как по рассмотрении в Главном управлении по делам печати.

3. Воспретить различные сценические представления и чтения на малорусском языке, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам.

Перший Універсал.

Універсал Української Центральної Ради до Українського Народу, на Україні й поза Україною сущого

Народе Український! Народе селян, робітників, трудящого люду! Волею своєю ти поставив нас, Українську Центральну Раду, на сторожі прав і вольностей української землі.

Найкращі сини твої, виборні люди від сел, від фабрик, від солдатських казарм, од усіх громад і товариств українських вибрали нас, Українську Центральну Раду, й наказали нам стояти й боротись за ті права та вольности.

Твої, Народе, виборні люди заявили свою волю так:

Хай буде Україна вільною. Не одділяючись від усієї Росії, не розриваючи з державою російською, хай народ український на своїй землі має право сам порядкувати своїм життям. Хай порядок і лад

на Україні дають вибрані вселюдним, рівним, прямим і тайним голосуванням Всенародні Українські Збори: (Сойм). Всі закони, що повинні дати той лад тут у нас, на Україні, мають право видавати тільки наші Українські Збори.

Ті ж закони, що мають лад давати по готовленого на засів, убивають невинних людей і сіють усюди анархію, убивство й злочин.

Ми, Українська Центральна Рада, робили всякі заходи, щоб не допустити до тої братовбийчої війни двох сусідніх народів, але петроградське Правительство не пішло нам назустріч і веде далі криваву боротьбу з нашим народом і Республікою.

Крім того, те ж саме петроградське Правительство Народніх Комісарів починає проволікати заключення мира й закликає до нової війни, називаючи її «святою». Знов поллеться кров, знов нещасний робочий люд буде мусіти приносити в жертву своє життя.

Ми, Українська Центральна Рада, вибрана з'їздами селян, робітників і салдатів України, в ніякім разі не можемо згодитися на те, ніяких війн піддержувати не будемо, бо український народ бажає мира й мир повинен прийти можливо як найскорше.

Та для того, щоб ні російське Правительство, ні ніяке инше не ставило перешкод Україні в установленню того бажаного мира, для того, щоб повести свій край до ладу, творчої праці, закріплення революції й нашої волі, ми, Українська Центральна Рада, оповіщаємо всім горожанам України:

Віднині Українська Народня Республіка стає самостійною, від нікого незалежною, вільною, суверенною Державою Українського Народу.

З усіма сусідніми державами, а саме: Росією, Польщею, Австрією, Румунією, Туреччиною й іншими ми бажаємо жити в згоді й приязні, але ніяка з них не може вмішуватися в життя самостійної Української Республіки.

Власть у ній буде належати тільки до народу України, іменем якого, поки зберуться Українські Установчі Збори, будемо правити ми, Українська Центральна Рада, представництво робочого народу — селян, робітників і салдатів та виконуючий орган, який віднині буде називатися Радою Народніх Міністрів.

І отсе, перш усього, поручаємо Правительству нашої Республіки, Раді Народніх Міністрів, від сього дня вести початі вже мирові переговори з осередніми державами вповні самостійно й довести їх до кінця, не звертаючи уваги на ніякі перешкоди з боку яких небудь інших частей бувшої російської імперії, та встановити згоду, щоб наш край почав своє життя в спокою й мирі.

Щодо так званих большевиків і інших напасників, які розграблюють і руйнують наш край, то поручаємо Правительству Української Народньої Республіки твердо й рішучо взятися за боротьбу з ними, а всіх громадян нашої Республіки закликаємо, щоб вони, не

жаліючи свого життя, обороняли добробут і волю нашого народу. Народня Українська Держава повинна бути очищена від насланих з Петрограду наємних наїздників, які нарушують права Української Республіки.

Безмірно тяжка війна, почата буржуазними правительствами, вимучила наш народ, винищила наш край, знівечила добробут. Тепер сьому треба покласти край.

Одночасно з тим, коли армія буде демобілізуватися, поручаємо розпускати салдатів, а після затвердження мирових договорів розпустити армію зовсім, на місце постійної армії завести народню міліцію, щоб наше військо служило обороні робочого люду, а не забаганкам пануючих верств.

Знищені війною й демобілізацією місцевості мають бути відбудовані при помочи державного скарбу.

Коли наші вояки вернуться додому, народні ради — громадські й повітові й городські думи мають бути перевибрані в часі, який буде установлений, щоб і вони мали в них голос. Міжтим, щоб установити таку владу, до якої мали-б довірря й яка спіралася-б на всі революційно-демократичні верстви народа, має Правительство додати до помочи місцевим самоврядуванням ради робітничо-селянських і салдатських депутатів, вибраних із місцевих людей.

В земельних справах комісія, вибрана на останній сесії Центральної Ради, вже виробила закон про передачу землі трудовому народові без викупу, прийнявши за основу скасування власності й соціалізацію землі згідно з нашою постановою на 7 сесії.

Сей закон буде розглянено за кілька днів на повній сесії Центральної Ради й Рада Міністрів уживе всіх способів, щоб передача землі земельними комітетами в руки трудящих відбулася ще з початком весняних робіт.

Ліси, води й усі підземні багатства, як добро українського трудового народу, переходять у розпорядження Народньої Української Республіки.

Війна забрала для себе всі трудові сили нашої країни. Більшість підприємств, фабрик і робітень виробляли тільки те, що було необхідне для війни, й народ зостався зовсім без товарів. Тепер війні кінець.

Раді Народніх Міністрів поручаємо негайно пристосувати всі заводи й фабрики до мирних обставин, до виробу продуктів, необхідних для робочих мас.

Та сама війна дала сотки тисяч безробітних і інвалідів. В самостійній Народній Республіці України не повинен страждати ні один трудящий чоловік. Правительство Республіки має підняти промисл держави, має зачати творчу роботу по всіх галузях, де всі безробітні могли-б найти працю й приложити свої сили, й прийняти всі міри для забезпечення покаліченим і потерпівшим від війни.

При старім ладі торговці й всілякі посередники наживали на бідних, пригноблених клясах надмірні капітали.

Відтепер Українська Народня Республіка бере в свої руки найважніші області торгівлі й усі доходи з неї обертає на користь народу.

Торговлю товарами, які мається привозити зза границі й вивозити за границю, вестиме сама наша держава, щоб не було такої доріжні, через яку завдяки спекулянтам терплять найбільшійші верстви.

Для виконання сього поручаємо Правительству Республіки виробити й представити до затвердження закони про се, а також про монополі заліза, вугля, шкур, тютюну й інших продуктів і товарів, з котрих податки найбільше обтяжували робочі кляси в користь нетрудових.

Так само поручаємо установити державно-народню контролю над усіма банками, що через кредити нетрудовим клясам помагали експлуатувати трудові маси. Відтепер кредитова поміч банків має йти передовсім на піддержку трудовому населенню й на розвиток народнього господарства Української Народньої Республіки, а не для спекуляції й ріжнородної банкової експлуатації.

На ґрунті анархії, неспокоїв у життю й недостачі продуктів зростає невдоволення серед деяких частин населення. Тим невдоволенням користуються ріжні темні сили й тягнуть неосвідомлених людей до старих порядків. Сі темні протиреволюційні сили бажають знову піддати всі вольні народи під одно царське ярмо — Росії. Рада Народніх Міністрів повинна безпощадно боротися з усіма контрреволюційними силами й кожного, хто призиває до повстання проти самостійної Української Народньої Республіки й до повороту старого ладу, — карати яко за державну зраду.

Всі демократичні свободи, проголошені Третім Універсалом Української Центральної Ради, потверджується й окремо проголошується: в самостійній Українській Народній Республіці всі народи користуються правом національно-персональної автономії, яку признано за ними законом 22 січня.

Все перечислене в Універсалі, чого не встиємо виконати ми, Центральна Рада й наша Рада Міністрів, у найблищі тижні виконають, справдять і до окончного ладу доведуть Українські Установчі Збори.

Ми поручаємо всім нашим громадянам провести вибори як найбільш енергично, підняти всі зусилля, щоб підрахунок голосів був закінчений як найскорше, щоб за пару тижнів зібралися наші Установчі Збори, — найвищий господарь і управитель нашої землі, й Конституцією нашої незалежної Української Народньої Республіки закріпили свободу, порядок і добробут на добро всього трудового народу її на тепер і на будучі часи. Сей найвищий наш орган має

рішити про федеративну зв'язь з народними республіками колишньої російської імперії. До того ж часу всіх горожан самостійної Української Народньої Республіки зазиваємо стояти непохитно на сторожі добутої свободи й прав нашого народу й усіма силами боронити свою долю від усіх ворогів селянсько-робітничої Української Республіки. Українська Центральна Рада. У Києві. 9 (22) січня 1918 р.»

Четвертий Універсал Української Центральної Ради

«Народе України! Твоєю силою, волею, словом утворилась на Українській Землі вільна Українська Народня Республіка. Здійснилася давня мрія Твоїх батьків, борців за волю й право робочого люду!

Та в трудну годину народилась воля України. Чотири роки жорстокої війни обезсилили наш край і народ. Фабрики не виробляють товарів. Підприємства здержують свою працю, залізні дороги розбиті, гроші падають у ціні. Скількість хліба зменшується. Наступає голод. По краю розмножилися ватаги грабіжників і убийників, особливо, коли з фронту рушило російське військо, творячи криваву різню, безлад і руїну на нашій землі.

З приводу всього того не могли відбутися вибори до Українських Установчих Зборів у визначенім нашим попереднім Універсалом реченці й не могли відбутися ті Збори, визначені на нинішній день, щоб перебрати з наших рук тимчасову найвищу революційна власть над Україною, установити лад у нашій Народній Республіці й зорганізувати нове Правительство.

А тим часом петроградське Правительство Народніх Комісарів виповіло війну Україні, щоб повернути вільну Українську Республіку під свою власть, і посилає на нашу землю свої війська — червону гвардію, большевиків, які граблять хліб у наших селян і без ніякої заплати вивозять його в Росію, не зоставляючи навіть зерна, привсій Російській державі, повинні видаватися у Всеросійським Парламенті.

Ніхто краще нас не може знати, чого нам треба, й які закони для нас кращі.

Ніхто краще наших селян не може знати, як порядкувати своєю землею. І через те ми хочемо, щоб після того, як буде одібрано по всій Росії поміщицькі, казенні, царські, монастирські та інші землі у власність народів, як буде видано про це закон на Всеросійським Учредительнім Зібранні, право порядкування нашими українськими землями, право користування ними належало тільки нам самим, нашим Українським Зборам (Соймові).

Так сказали виборні люди з усієї Землі Української.

Сказавши так, вони вибрали з поміж себе нас, Українську Центральну Раду, й наказали нам бути на чолі нашого народу, стояти за його права й творити новий лад вільної автономної України.

І ми, Українська Центральна Рада, вволили волю свого народу, взяли на себе великий тягар будови нового життя й приступили до тієї великої роботи.

Ми гадали, то Центральне Російське Правительство простягне нам руку в еїй роботі, що в згоді з ним ми, Українська Центральна Рада, зможемо дати лад нашій землі.

Але Тимчасове Російське Правительство одкинуло всі наші домагання, одпхнуло простягнену руку українського народу.

Ми вислали до Петрограду своїх делегатів (послів), щоб вони представили російському Тимчасовому Правительству наші домагання.

А найголовніші домагання ті були такі:

Щоб Російське Правительство прилюдно окремим актом заявило, що воно не стоїть проти національної волі України, проти права нашого народу на Автономію.

Щоб Центральне Російське Правительство по всіх справах, що торкаються України, мало при собі нашого комісаря по українських справах.

Щоб місцева власть на Вкраїні була об'єднана одним представником від Центрального Російського Правительства, се-б-то вибраним нами комісаром на Вкраїні.

Щоб певна частина грошей, які збираються в Центральну Казну з нашого народу, була віддана нам, представникам сього народу на національно-культурні потреби його.

Всі ці домагання наші Центральне Російське Правительство одкинуло.

Воно не схотіло сказати, чи признає за нашим народом право на Автономію, та право самому порядкувати своїм життям.

Воно ухилилось од відповіді, одіславши нас до майбутнього Всеросійського Учредительного Зібрання.

Центральне Російське Правительство не схотіло мати при собі нашого комісаря, не схотіло разом з нами творити новий лад.

Так само не схотіло признати комісаря на всю Україну, щоб ми могли разом з ним вести наш край до ладу й порядку.

І гроші, що збираються з нашої землі, одмовилось повернути на потреби нашої школи, освіти й організації.

І тепер, Народе Український, нас приневолено, щоб ми самі творили нашу долю. Ми не можемо допустити край наш на безладдя та занепад. Коли Тимчасове Російське Правительство не може дати лад у нас, коли не хоче стати разом з нами до великої роботи, то ми самі повинні взяти її на себе. Це наш обов'язок перед нашим краєм і перед тими народами, що живуть на нашій землі.

І через те ми, Українська Центральна Рада, видаємо цей Універсал до всього нашого народу й оповіщаємо: од нині самі будемо творити наше життя.

Отже, хай кожен член нашої нації, кожен громадянин села чи города од нині знає, що настав час великої роботи.

Од сього часу кожне село, кожна волость, кожна управа повітова чи земська, яка стоїть за інтереси українського народу, повинна мати найтісніщі організаційні зносини з Центральною Радою.

Там, де через якісь причини адміністративна влада зосталась у руках людей, ворожих до українства, приписуємо нашим громадянам повести широку, дужу організацію та освідомлення народу, й тоді перевибрати адміністрацію. В городах і тих місцях, де українська людність живе всуміш з іншими національностями, приписуємо нашим громадянам негайно прийти до згоди й порозуміння з демократією тих національностей і разом з ними приступити до підготовки нового правильного життя.

Центральна Рада покладає надію, що народи не-українські, що живуть на нашій землі, також дбатимуть про лад та спокій у нашім краю й у цей тяжкий час вседержавного безладдя дружно, одностайно з нами стануть до праці коло організації автономії України.

І коли ми зробимо цю підготовчу організаційну роботу, ми скличемо представників від усіх народів землі української й виробимо закони для неї. Ті закони, той увесь лад, який ми підготовимо, Всеросійське Учредительне Зібрання має затвердити своїм законом.

Народе Український! Перед твоїм вибраним органом — Українською Центральною Радою стоїть велика й висока стіна, яку їй треба повалити, щоб вивести народ свій на вільний шлях.

Треба сил для того. Треба дужих, сміливих рук. Треба великої народної праці. А для успіху тої праці насамперед потрібні великі кошти (гроші). До цього часу український народ усі кошти свої оддавав у Всеросійську Центральну Казну, а сам не мав, та не має й тепер від неї того, що повинен би мати за це.

І через те ми, Українська Центральна Рада, приписуємо всім організованим громадянам сел і городів, усім українським громадським управам і установам 31-го числа місяця липня (іюля) накласти на людність особливий податок на рідну справу й точно, негайно й регулярно пересилати його в скарбницю Української Центральної Ради.

Народе Український! У твоїх руках доля твоя. В цей трудний час всевітнього безладдя й розпаду докажи своєю одностайністю й державним розумом, що ти, народ робітників, народ хліборобів, можеш гордо й достойно стати поруч з кожним організованим, державним народом, як рівний з рівним.

Ухвалено: Київ. Року 1917, місяця червня (іюня) числа 10.»

Комментарии

Приск Панийский. «Византийская история» Описание византийского посольства к Атилле (448 г. н. э.)

1) Византийский историк Приск Панийский — автор ряда трудов, в том числе и «Византийской истории». Пребывал в составе императорского посольства к царю гуннов Атилле в 448 г. н. э. Приводимые отрывки содержат интересные сведения о жизни и обычаях гуннов — тюркоязычных кочевых племен, переселившихся в Восточную Европу из Азии в IV в. н. э. На территории гуннского государства проживало и восточнославянское население, в том числе и пращуры украинцев.

2) *Едекон* — гуннский военачальник.

3) *Атила* — царь гуннов, при котором их государственное объединение достигло наибольшего могущества (умер в 453 г.).

4) В данном случае — гунны.

5) Речь идет о императоре Византии.

6) *Вигила* — византийский посол.

7) *Максимин* — главный посол императора к гуннам.

8) *Онигисий* — один из гуннских старшин.

9) *Ескам* — гуннский вождь.

10) *Дрикон, Тигас, Тифисас* — древнегреческие названия притоков Дуная.

11) *Сирмия* — город на среднем течении Дуная.

12) *Припонтийская* — Причерноморская Скифия.

13) *Ратчиря* — балканская провинция Западной Римской империи.

Прокопий Кесарийский. «История» Славяне

1) Автор одного из древнейших очерков о славянах — Прокопий Кесарийский (IV в. н. э.). Он был юрисконсультom византийского полководца Велизария, оставил ряд трудов, среди которых и 8-томная «История», в которой описываются войны Византии против персов, вандалов, остготов.

Цитируемый отрывок содержится в описании войн с остготами (кн. III) и приводит данные о жизни славян.

2) *Анты* — так именовались восточнославянские племена V—VII вв. в произведениях византийских писателей.

3) *Варсарами* именовались соседи Римской империи.

**«Повесть временных лет»
Расселение славян и их жизнь**

1) Здесь приводятся шесть отрывков из «Повести временных лет», созданной на Руси в XII в. Нестором-летописцем.

2) *Нево* — Ладожское озеро.

3) *Варяжское* — Балтийское море.

4) *Понт*, или Русское — Черное море.

5) *Волковский лес* находится на Валдайской возвышенности.

6) *Болгары* — Волжская Болгария.

7) *Хвалисы* — Хорезм.

8) Здесь имеются в виду легендарные события, в которых рассказывается о разделе земли между тремя Ноевыми сыновьями: Симом, Хамом и Афетом.

9) *Скуфы* — скифы.

10) *Козары* (хазары) — полукочевые тюркоязычные племена, создавшие в VII в. н. э. раннефеодальное государство Хазарский каганат.

11) *Угры белые или угры черные* — венгерские племена, переселившиеся в конце IX в. с Приуралья через южнорусские степи на Дунай.

12) *Обры* (авары) — тюркоязычные племена.

Рюрик, Олег, Игорь (862—945 гг.)

1) *Варяги* — воинственные скандинавские племена.

2) *Олмин двор* — одна из усадеб киевских бояр.

**Поход киевского князя Олега на Византию
и договор его с Византией (907, 911 гг.)**

1) *Греки* — Византия.

2) *Суд* — залив Золотой Рог, отделяющий Константинополь от его предместья Галаты.

3) Лодки и корабли, поставленные на колеса в условиях речного судоходства, на севере Руси были обычным явлением. Этот способ передвижения вполне мог использовать Олег при осаде Константинополя.

4) *Царь Леон* — византийский император Лев Философ (умер в 911 г.).

5) *Константин Багрянородный* — византийский император (912—959 гг.).

6) *Християны* — здесь: Византия.

7) По-видимому, имеется в виду писец Иван.

Крещение киевлян (988 г.)

1) *Корсунь* — древнегреческое название греческой колонии Херсонес в Крыму.

2) *Попы царицины и корсунские* — греческие священники, прибывшие в Киев с Царьграда и Корсуни с князем Владимиром с целью крещения Руси.

Распространение просвещения в Киевской Руси (I половина XI в.)

1) *Ярослав Мудрый* — киевский князь (1019—1054 гг.).

2) При Ярославе Мудром осуществлялось большое строительство в южном направлении верхнего города, названное впоследствии градом Ярослава.

3) Софийский собор был заложен в 1036 г.

4) Упоминается создание Ярославом первой библиотеки на Руси.

«Поучение» Владимира Мономаха

О т р ы в к и

1) «Поучение» обращено к старшему сыну Мономаха Мстиславу Владимировичу, которого отец вызвал из Новгорода в Киев для подготовки занятия княжеского престола. Текст состоит из трех почти самостоятельных произведений Владимира Мономаха: поучения детям, письма к двоюродному брату Олегу и отрывка культового содержания.

2) *Ярослав Мудрый* — киевский князь (1019—1054 гг.), являлся дедом Владимира Мономаха.

3) Владимир был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IV Мономаха. Мать Владимира Анна была гречанка из этого императорского рода.

4) «*Седя на санех*» — «Поучение» было написано в преклонных годах, «на краю смерти» и явилось своеобразным завещанием Владимира Мономаха.

5) Речь идет о Владимире Ростиславовиче, племяннике Мономаха.

6) Отец Владимира Мономаха Всеволод, по мнению исследователей, мог знать греческий (женился на гречанке), латинский, немецкий, венгерский, половецкий, что было незаурядным явлением для европейских монархов XI в.

7) Ростов был отдан Ярославом отцу Мономаха Всеволоду.

8) Курск в XI в. входил в состав Переяславского княжества.

9) На княжение в Смоленск Мономах отправляется в 1068 г., очевидно за малолетством, в сопровождении боярина Скордятича.

- 10) Брат Владимира Мономаха Святослав.
- 11) Польское королевство. Мономах ходил на помощь полякам против чехов.
- 12) *Чешский лес* расположен в районе водораздела Дуная и Влтавы.
- 13) Старший сын Владимира, Мстислав, родился в 1076 г.
- 14) Святослав Ярославович умер в декабре 1076 г.
- 15) Помощь Глебу Святославовичу Новгородскому против Всеслава Брючиславовича Полоцкого.
- 16) Святополк Изяславович начал княжить в Новгороде в 1078 г.
- 17) Встреча Владимира с Олегом Святославовичем могла состояться только в начале 1078 г.
- 18) Имеется в виду битва близ Чернигова 8 октября 1078 г. между отцом Мономаха Всеволодом, совместно с братом Изяславовичем, против князей Бориса Вячеславовича и Олега Святославовича.
- 19) *Лукамль, Логожск, Дрютск* — города Полоцкого княжества.
- 20) *Госпожин день* — праздник Успения Богородицы (15 августа).
- 21) Ярополк Изяславович был убит 22 ноября 1086 г.

Лев Диакон. «История» Книга девятая

- 1) *Лев Диакон* — византийский хронист X в., автор 10-томной «Истории». В девятой книге содержится описание походов киевского князя Святослава на Дунай. Диакон был свидетелем его переговоров с Иоанном Цимисхием в 971 г.
- 2) *Иоанн Цимисхий* — византийский император (969—976 гг.).
- 3) *Дористол* — древнефракийский город на Дунае, был основной военной базой Святослава во время его кампании на Балканы.
- 4) *Ромеи* — так именовали себя византийцы, подчеркивая происхождение от древних римлян.
- 5) *Скифы* — в данном случае русичи. Дальше они также названы тавроскифами.
- 6) *Истр* — античное название Дуная.
- 7) *Мидийский огонь*, называемый Львом Диаконем «греческий огонь», — состав из нефти, смолы и серы, которым забрасывались оборонительные позиции противника.
- 8) *Евксинское* — Черное море.
- 9) *Ингор* — киевский князь Игорь (912—945 гг.).
- 10) *Сфендослав* — киевский князь Святослав (945—972 гг.).
- 11) *Сфенкел* — так назван один из приближенных князя Святослава.

- 12) *Федор Лалакон* — представитель видного византийского рода.
- 13) *Никифор II Фока* — византийский император (963—968 гг.).
- 14) *Куропалат* — высокая дворцовая должность, резервировавшаяся за членами императорской фамилии.
- 15) *Византий* — Константинополь.
- 16) *Сфоракий* — район Константинополя.
- 17) *Ткацкая мастерская* — здесь: мастерская, продукция которой поставлялась ко двору императора.
- 18) *Патрикий, другнарий* — высшие военные должности в Византийской империи.
- 19) *Икмор* — так назван один из русских богатырей.
- 20) *Анемас* — сын и соправитель эмира критян Абд-эль-Азиза.
- 21) Об обряде сожжения русичами убитых воинов засвидетельствовано также арабскими авторами Ибн-Русте, Ибн-Фадланом и др.
- 22) *Эллины* — древние греки.
- 23) *Анахарсис, Замолксис* — древнегреческие философы (VI в. до н. э.).
- 24) *Ахилл* — один из героев греческой мифологии.
- 25) *Арриан Флавий* — античный историк II в. н. э., автор сочинения «Плавание вокруг Понта Евксинского».
- 26) *Мирмикион* — поселение поблизости Керчи.
- 27) *Меотидское озеро* — Азовское море.
- 28) *Агамемнон* — герой греческой мифологии, участник Троянской войны.
- 29) *Иезекииль* — один из библейских пророков.
- 30) *Комент* — происхождение этого слова до сих пор не исследовано.
- 31) Сведения Льва Диакона о самоубийстве русичей нигде подтверждений не имеют. Возможно, он приводит этот обычай по аналогии явлений, распространенных в то время у тюрков и венгров.
- 32) *Феодор Стратилат* считался в Византии заступником против русичей.
- 33) Эта ошибочная цифра перекочевала и в некоторые труды исследователей.
- 34) Согласно договору между Русью и Византией 944 г.
- 35) *Медимн* — около 8—10 кг зерна.

Путешествие Плано Карпини через Волынь и Киевщину (1246 г.)

1) Католический монах-доминиканец Плано Карпини Джованни был послан папой римским Иннокентием IV к татарам. В описании своего путешествия 1245—1247 гг., из которого цитируются

здесь отрывки, он приводит важные сведения о тогдашней жизни Волыни и Киевской земли.

2) *Ленчин Конрад* — брат польского короля Лешка Белого (XIII в.).

3) *Князь Василько* — младший сын создателя Галицко-Волынского княжества Романа Мстиславовича.

4) *Князь Данило Романович* (1205—1264 гг.).

5) *Тысячник* — руководитель городского ополчения.

6) *Сретение* — православный праздник (15 февраля).

7) *Сарацин* — у христианских средневековых писателей — разбойник.

8) *Михаил Черниговский* — князь династии Ольговичей (XIII в.).

9) Очевидно, сын князя Ярослава Всеволодовича (1139—1200) — Ярополк.

10) *Золотая Орда*.

11) *Куманская* — Половецкая земля.

12) *Сарацинская земля* — впервые упоминается Птолемеем как территория на Ближнем Востоке, населенная разбойничьим племенем.

Михаил Литвин.

«О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550 г.)

О т р ы в к и

1) *Михаил Литвин* — литовский дипломат в Крыму в I пол. XVI ст., автор записок, в которых описывается быт литовцев, русских, украинцев, крымских татар. Впервые изданы в 1615 г. в Базеле под названием «О нравах татар, литовцев и москвитян».

2) *Борисфен* — Днепр.

3) *Качибеевый* — вероятно, автор имел в виду Хаджибейский лиман, лежащий вблизи нынешней Одессы.

4) *Кафа* — современная Феодосия.

5) *Осьменик* назначался киевским воеводою для сбора пошлин с товаров, привозимых в Киев.

6) *Киево-Печерский монастырь*.

Речь Л. Деревинского на Варшавском сейме (1620 г.)

1) *Чашник* — почетный титул шляхты в Речи Посполитой.

2) *Сигизмунд III* — король Речи Посполитой (1586—1632 гг.).

3) Имеются в виду поляки и литовцы, соединившиеся в единое государство Речь Посполитую в результате Люблинской унии 1569 г.

4) *Восточная*, или *Греческая*, — Православная Церковь.

- 5) *Русского* — украинского народа.
- 6) *Маршалок* (сейма) — спикер.
- 7) Брестская уния 1596 г. ликвидировала православную иерархию в Украине и в Белоруси.
- 8) *Униаты* — приверженцы греко-католического обряда.
- 9) Константинопольский патриарх являлся главой Православной Церкви. Согласно решению Брестского Собора, Украинская Церковь переподчинялась Ватикану.

Дневник Симеона Окольского (1637—1638 гг.)

О т р ы в к и

- 1) *Симеон Окольский* — монах доминиканского ордена; в чине военного капеллана сопровождал коронное войско во время карательных экспедиций в Украине в 1637—1638 гг. и составил об этом подробные записки.
- 2) Польный гетман Николай Потоцкий (1637—1638 гг.).
- 3) *Богдан Кизим* — один из руководителей повстанческих отрядов.
- 4) *Павлюк* — народное прозвище Павла Бута, гетмана казачьего войска (1637 г.).
- 5) *Адам Кисель* — королевский комиссар по казацким делам в Украине.
- 6) *Подкоморий* — член специального суда, который занимался исключительно земельными вопросами.
- 7) *Праздник святого Николая* — 19 декабря по новому стилю.
- 8) *Марс* — мифологический бог войны.

Гийом Боплан. «Описание Украины»

О т р ы в к и

- 1) *Гийом Боплан* — французский военный инженер, который около 17 лет пребывал на службе у польского короля и является автором известного описания Украины I пол. XVII в., впервые на русском языке изданного в 1832 г. под названием «Описание Украины или областей королевства Польского, расположенных между границами Московии и Трансильвании».
- 2) Здесь: кошевого атамана. Но нередко он возглавлял казацкую экспедицию, во время которой именовался гетманом.
- 3) О казни казака за отказ от должности кошевого атамана других сведений не имеется; это явное преувеличение автора.
- 4) Церемония выборов оканчивалась тем, что старые казаки ложили горстку земли на голову новоизбранного. Это значило, что он лишь слуга товарищества, которое наставляло его своим владыкой.

Избранный на Сечи для похода гетман назывался также наказным атаманом.

5) *Фальконет* — мелкокалиберная пушка, используемая в XVI—XVIII вв.

6) Документальных сведений о знаке на флагманских лодках не сохранилось. Можно предположить, что им служило зооморфное изображение по аналогии с изображением на флагах древнерусского периода.

7) *Румелия* — провинция Османской империи, которая на протяжении XIV—XVI вв. охватывала балканские земли, кроме Боснии и побережья Эгейского моря. Сейчас Румелией называется европейская часть Турции.

8) Имеется в виду Азовское море.

9) *Тачавода* — теперь р. Волья — приток Северского Донца.

10) *Реал* — португальская и испанская монета XIV—XIX вв.

11) *Секины* (дехины) — венецианская золотая монета, которая на протяжении нескольких веков была в обороте в Европе и на Ближнем Востоке.

12) Здесь Болдан противоречит сам себе, описывая раньше ремесла и промыслы, которыми занимались казаки.

Из универсала Богдана Хмельницкого к украинскому народу с призывом к восстанию (1648 г.)

1) *Чиновники* — представители польско-шляхетской администрации.

2) Имеется в виду Запорожская Сечь.

3) Власти запретили реестровому войску экспедиции на Черное море.

Альберто Вимина.

«Донесение о происхождении и обычаях козаков»

1) Венецианский посол Альберто Вимина посетил Украину в 1650 г. с целью склонить Богдана Хмельницкого на диверсию против Турции на Черном море. Таким образом правительство Венецианской республики пыталось отвлечь силы турецкого султана, грозившие ей полным упадком.

Вимина оставил интересные записки под названием «Донесение о происхождении и обычаях козаков».

2) Донесение было адресовано правителю Венецианской республики.

3) Повторяется распространенный в то время тезис о происхождении козаков от коз.

4) *Овидий* — римский поэт (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

5) Автор описывает границы казачьего государства после Зборовского договора 1649 г.

6) Вероятно, автор имеет в виду высшие сорта полотна, ибо холщовое белье несомненно было у казаков XVII в.

7) *Лавки*, или «пол», — традиционное место для отдыха в интерьере украинского жилища (хаты).

8) *Сенат* — здесь: казачья рада.

9) О пристрастии казаков к алкоголю, исключая время экспедиций, есть сведения и у других авторов.

10) *Сенека* — римский философ, писатель и государственный деятель (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.).

11) *Ромул* — согласно преданию, основатель Рима и первый римский царь (754—717 гг. до н. э.).

12) *Нума Помпилий* — второй царь Древнего Рима (717—673 гг. до н. э.).

13) *Плутарх* — древнегреческий писатель и философ (45—127 гг. н. э.).

14) *Братья Тиберий и Гай Гракхи* (II в. до н. э.) — римские трибуны, проводившие ряд аграрных реформ с целью остановить разорение крестьянского хозяйства.

15) *Агафокл* — правитель (тиран) Сиракуз с 316 г. до н. э.

Договор и постановление между гетманом Орликом и войском Запорожским в 1710 году (Конституция)

1) Здесь приводится тезис о происхождении казаков от хазар, бытовавший в то время среди казаческих летописцев, в частности Г. Грабянки.

2) Авторы «Конституции» создают миф, согласно которому первым принял христианство каган хазаров-казаков, а не Владимир Святославович, чтобы таким образом отдать приоритет в организации Русского государства казакам.

3) Униатская Церковь вводилась Брестским церковным Собором 1596 г.

4) Речь идет о Зборовском договоре 1649 г., который определил границы казаческого государства (территория Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств).

5) Военный союз гетмана Богдана Хмельницкого с крымским ханом Ислам-Гиреем, подписанный в 1648 г., был направлен против Речи Посполитой.

6) На р. Самаре русским правительством при участии гетмана Ивана Мазепы была сооружена Богородицкая крепость, а также на левом берегу Днепра возле Каменного Затона с целью контроля над войском Запорожским.

7) Согласно постановлению короля Речи Посполитой Стефана Батория 1578 г. о воссоздании казачьего реестра, г. Терехтемиров предоставлялся во владение казаков как госпиталь и место обитания престарелых запорожцев.

8) Мартовскими статьями 1654 г. устанавливался контроль русских чиновников над казачьими сборщиками налогов. Собранные средства передавались в царскую казну и уже из них отпускалась часть денег на потребности войска Запорожского.

9) *Компанейцы* — конное войско, сердюки — пехота; они входили в состав гетманской лейб-гвардии.

Эмский указ 1876 г.

1) *Эмский указ* — распоряжение царского правительства, направленное на притеснение украинской культуры; был подписан 18 мая 1876 г. Александром II в городе Эмсе (Германия).

2) Российской империи.

Прибавления

1. Реестр киевских князей¹⁾

1. Олег — княжил где-то до года	913 или 914
2. Игорь в годах где-то	914—946
3. Ольга как регентша где-то	946—960
4. Святослав, сын Игоря, где-то	960—972
5. Ярополк, сын Святослава	972—979
6. Владимир, сын Святослава	979—1015
7. Святополк, сын Владимира	1015—1019
8. Ярослав, сын Владимира	1019—1054
9. Изяслав, сын Ярослава	1054—1068
10. Всеслав, из полоцких князей	1068—1069
11. Изяслав (9) во второй раз	1069—1073
12. Святослав, сын Ярослава	1073—1076
13. Изяслав (9) в третий раз	1076—1077
14. Всеволод, сын Ярослава	1077—1093
15. Святополк, сын Изяслава	1093—1113
16. Мономах, сын Всеволода	1113—1125
17. Мстислав, сын Мономаха	1125—1132
18. Ярополк, сын Мономаха	1132—1139
19. Вячеслав, сын Мономаха	1139
20. Всеволод, внук Святослава (12), из черниговских князей	1139—1146
21. Игорь, брат Всеволода (20)	1146
22. Изяслав, сын Мстислава	1146—1149
23. Юрий, сын Мономаха	1149—1150
24. Изяслав (22) во второй раз	1150
25. Юрий(23) во второй раз	1150
26. Изяслав (22) и Вячеслав (19) вместе	1150—1154
27. Ростислав, брат Изяслава (22)	1154
28. Изяслав, внук Святослава (12), из черниговских князей	1154—1155
29. Юрий (23) в третий раз	1155—1157

---

¹⁾ Число в скобках обозначает номер, под которым данный князь впервые упоминается в этом реестре; знак ? и слово «где-то» возле дат указывает, что определение только правдоподобное, но не достоверное. Если князь княжил с перерывами — был изгнан или переходил на другой стол, — его новое княжение обозначается словами «во второй раз», «в третий раз» и т. д. Родство князей показано ниже, в родословных.

30. Изяслав (28) во второй раз	1157—1158
31. Ростислав (27) во второй раз	1159—1161
32. Изяслав (28) в третий раз	1161
33. Ростислав (27) в третий раз	1161—1167
34. Мстислав, сын Изяслава (22)	1167—1169
35. Глеб, сын Юрия (23)	1169—1171
36. Владимир, сын Мономаха (16)	1171
37. Роман, сын Ростислава (27)	1171
38. Михалко, сын Юрия (23), из суздальских князей	1172
39. Рюрик, сын Ростислава (27)	1173
40. Ярослав, сын Изяслава (22)	1174
41. Роман (37) во второй раз	1175—1176
42. Святослав, сын Всеволода (20), из черниговских князей	1176—1180
43. Рюрик (39) во второй раз	1180—1181
44. Святослав (42) во второй раз	1181—1194
45. Рюрик (39) в третий раз	1194—1209
46. Ингвар, сын Ярослава (40)	1200?—1202
47. Рюрик (39) в четвертый раз	1203
48. Ростислав, сын Рюрика (39)	1204—1205
49. Рюрик (39) в пятый раз	1205—1206
50. Всеволод Чермный, сын Святослава (42), из черниговских князей	1206
51. Рюрик (39) в шестой раз	1206
52. Всеволод (50) во второй раз	1207
53. Рюрик (39) в седьмой раз	1207—1210
54. Всеволод (50) в третий раз	1210—1212
55. Ингвар (46) во второй раз	1212
56. Мстислав, сын Романа (37)	1212—1223
57. Владимир, сын Рюрика (39)	1223—1234
58. Изяслав, сын Мстислава (56)	1235
59. Владимир (57) во второй раз	1236
60. Ярослав, внук Юрия (23), из суздальских князей	1236—1238
61. Михаил, сын Всеволода (50), из черниговских князей	1238—1239
62. Ростислав, сын Мстислава (56?)	1239
63. Данило галицкий	1240
64. Михаил (61) во второй раз	1241—1246
65. Ярослав (60) во второй раз	1246

II. Реестр галицких и галицко-волынских князей

1. Борис, сын Владимира Великого киевского	
2. Всеволод, сын Владимира Великого	
3. Ростислав, сын Владимира,	1064
внук Ярослава киевского, прогнан из Галиции?	
4. Ярополк, сын Изяслава киевского	1077—1084
5. Рюрик, Володар, Василько, сыны Ростислава (3)	1084—1124
6. Владимирко, сын Володаря (5)	1124—1153
7. Ярослав, сын Владимирка (6)	1153—1187
8. Олег и Владимир, сыны Ярослава (7)	1187—1188
9. Роман, сын Мстислава, князь волынский	1188—1189
10. Владимир (8) во второй раз	1189—1199?
11. Роман во второй раз	1199?—1205
12. Данило, сын Романа (9)	1205—1206
13. Владимир Игоревич, из черниговских князей	1206—1208
14. Роман, брат Владимира (13)	1208—1209
15. Ростислав, сын Рюрика киевского	1210
16. Роман (14) во второй раз	1210
17. Владимир (13) во второй раз	1210—1211
18. Данило (12) во второй раз	1211—1212
19. Мстислав Немой, из волынских князей	1212—1213
20. Владислав, боярин галицкий	1213—1214
21. Коломан, королевич венгерский	1214—1219
22. Мстислав Удалой, из князей киево-волынских	1219
23. Коломан (21) во второй раз	1219—1221?
24. Мстислав Удалой во второй раз	1221?—1227
25. Андрей, королевич венгерский	1227—1230
26. Данило в третий раз	1230—1232
27. Андрей, королевич, во второй раз	1232—1233
28. Данило (12) в четвертый раз	1233—1235
29. Михаил и сын его Ростислав,	1236—1238
из черниговских князей	
30. Данило (12) в пятый раз	1238—1264
31. Лев, сын Данила (12)	1264—1300?
32. Юрий, сын Льва (31)	1300?—1308?
33. Лев, сын Юрия (32)	1308?—1323
34. Юрий-Болеслав, из мазовецких князей	1325—1340
35. Любарт, из литовских князей	1340—1349

III. Реестр украинских гетманов¹⁾

1. Дмитрий Вишневецкий	1550—1563
2. Богдан Ружинский, известный в годах	1575—1576
3. Шах	1576—1577
4. Лукьян Чернинский?	1578
5. Самойло Зборовский где-то в году	1581
6. Михаил и Кирик Ружинские	1585
7. Захар (?) Кулага, Богдан Микошинский, Лукьян Чернинский	1586
8. Войцех Чановицкий	1590
9. Криштоф Косинский	1591—1593
10. Григорий Лобода (с перерывами)	1593—1596
11. Богдан Микошинский	лето 1594
12. Федор Полоус	весна 1595
13. Матвей Шаула	нач. 1596
14. Кремпский и Криштоф Нечковский	лето 1596
15. Игнат Василевич	1596—1597
16. Тихон Байбуза и Федор Полоус	1598
17. Самойло Кишка	1600—1602
18. Гаврил Крутневич (с перерывами)	1602—1603
19. Иван Куцкович	1602
20. Иван Косой	1602—1603
21. Григорий Изапович упомин. в конце	1606
22. Зборовский, Олевченко, Каленик Андреевич	1609—1610
23. Григорий Тискиневич упомин. в мае	1610
24. Петр Сагайдачный (с перерывами)	1614—1622
25. Дмитрий Барабаш	март 1617
26. Яцко Неродич Бородавка	1619—1621
27. Олифер Голубь	1622—1623
28. Михаил Дорошенко (с перерывами)	1623—1625
29. Грицко Савич Черный	1624
30. Каленик Андреевич	1624—1625
31. Пирский, Жмайло	1625
32. Михаил Дорошенко	1625—1628
33. Грицко Черный, Иван Сулима	1628
34. Грицко Савич Черный	1629—1630

---

¹⁾ Гетманская власть создавалась постепенно, поэтому реестр козацких вожаков можно начинать с любого времени, видя в них предшественников позднейших гетманов. Здесь начинаем с Вишневецкого потому, что перед ним знаем еще меньше о тогдашних вожакках; хотя и позднее иногда трудно отличить менее известных предводителей от гетманов, признанных всеми, или проследить порядок гетманства без перерыва.

35. Тарас Федорович	1630
36. Тимофей Орендаренко	1630—1631
37. Иван Петражицкий-Кулага	1631—1632
38. Андрей Диденко	1632
39. Тимофей Орендаренко	1633—1634
40. Иван Сулима	1635
41. Василий Томиленко	1636—1637
42. Савва Кононович, Павлюк Бут, Дмитрий Гуня	1637
43. Яцко Острянин, Дмитрий Гуня	1638
.....	
44. Богдан Хмельницкий	1648—1657
45. Иван Выговский	1657—1659
46. Юрась Хмельницкий	1659—1663
47. Павел Тетеря, правобережный	1663—1665
48. Иван Брюховецкий, левобережный	1663—1668
49. Степан Опара, правобережный	1665
50. Петр Дорошенко	1665—1676
51. Суховеенко, запорожский	1668
52. Демьян Многогришный, левобережный	1668—1672
53. Михаил Ханенко, правобережный	1669—1674
54. Иван Самойлович	1672—1687
55. Иван Мазепа	1687—1709
56. Иван Скоропадский	1709—1722
57. (Филипп Орлик	1710—?)
.....	
58. Даниил Апостол	1727—1734
.....	
59. Кирилл Разумовский	1750—1764

IV. Родословная украинских князей киевской династии¹⁾

Игорь † около 946, жена Ольга † около 969
Святослав † 972

Ярополк † около 979		Олег		Владимир † 1015									
Изяслав † 1001 (князя полоцкие)		Мстислав † 1038		Ярослав † 1054									
Владимир † 1052		Изяслав † 1077		Святослав † 1076		Всеволод † 1093							
Ростислав † 1065		Святополк † 1113		Ярополк † 1088		Давид † 1123		Олег † 1115		Мономах см. далее			
Рюрик † 1094		Володар † 1122		Василько † 1124		Ярослав † 1123		Изяслав † 1161		Всеволод † 1146		Святослав † 1166	
				(князя турово-пинские)									
		Владимирко † 1153						Святослав † 1194		Игорь † 1202			
		Ярослав † 1187											
Владимир † около 1199		Олег				Всеволод Чермный † 1212		Владимир		Роман		† около 1211	
						Михаил † 1246							

¹⁾ Крестиком обозначается год смерти

Потомство Мономаха (князя киевские, волынские, галицкие):

Мономах † 1125

Мстислав † 1132

Ярополк † 1139

Юрий † 1157

Изяслав
† 1154

Ростислав
† 1168

Андрей
† 1174

Михалко
† 1176

Всеволод
† 1212

Мстислав
† 1170

Ярослав
† около
1180

Роман
† около
1180

Рюрик
† около
1214

Давид
† 1197

Мстислав
† 1180

Ярослав
† 1246

(князя
смоленские)

(князя
суздальские
и московские)

Роман
† 1205

Мстислав Немой
† около 1226

Ростислав
† 1218

Мстислав
Удалой † 1228

Данило
† около 1264

Василько
† 1269

Лев
† около
1300

Мстислав Шварно
† около 1269

Владимир † 1288

Юрий † около 1308

Андрей Лев Мария
умерли перед 1323

Болеслав-Юрий
† 1340

V. Родословная украинских князей литовской династии

Путувер, кн. литовский, упомин. в 1392 г.

Витень † 1315		Гедимин † около 1341		
Наримунт кн. турово- нинский	Ольгерд в кн. ниже	Кейстут † 1382	Кориат	Любарт † около 1385
Юрий † после 1392 кн. белзский	Витовт в кн. † 1430	Жигмонт в кн. † 1440	Юрий, Александр, Федор князья подольские	Федор † 1431

Потомство Ольгерда: Ольгерд † 1377

Дмитрий кн. брян. † 1377	Констан- тин кн. чер- торый- ский	Владимир кн. киевск. † п. 1398	Корибут- Дмитрий кн. черн. † п. 1404	Федор кн. ратн.	Скиргайло кн. киевск. † 1397	Ягайло в кн. † 1434	Свитри- гайло в кн. † 1452
кн. Тру- бецкие	кн. Черто- рыйские	Олелько киев. † 1454	Михаил † 1481	Владислав, король польск. † 1444	Казимир в кн. литов. и король † 1492		
		Семен киев. † 1470 кн. слуцкие	Ян-Альбрехт кор. польск. † 1501	Александр в кн. лит. и король † 1505	Жигимонт в кн. и король † 1548		
						Жигимонт-Август в кн. и король † 1572	

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДО ОСНОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА	5
1. История и доисторическая жизнь	5
2. Прошлое Украины	7
3. Первые следы человека	10
4. Новейшая каменная культура	12
5. Медь, бронза и железо	14
6. Греческие колонии	17
7. Степные народы	19
8. Нравы степняков	21
9. Славянские поселения	23
10. Украинское расселение. Анты	26
11. Украинские племена	29
12. Быт украинских племен	31
13. Характер, нравы и религия	34
14. Семья, род и община	37
15. Торговля	40
16. Князья и дружина	42

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	45
17. Киевские предания	45
18. Рассказ киевского летописца	47
19. Русь	48
20. Походы русских дружин	50
21. Древнейшие князья и князь Олег	53
22. Игорь и Ольга	59
23. Святослав и его сыновья	65
24. Владимир	71
25. Христианство	75
26. Новая культура	79
27. Борьба с ордою	82
28. Владимировичи	84
29. Ярослав	88
30. Ярославичи	93

31. Половецкая беда	97
32. Обособление земель и их строй	101
33. Земли-княжества	105
34. Борьба за Киев и его упадок	108
35. Государство Галицко-Волынское. Князь Роман	111
36. Романовичи	114
37. Татарский погром	117
38. Татарщина	121
39. Король Данило	123
40. Галицко-Волынское государство при Даниловичах	127
41. Общий взгляд на украинскую жизнь в периоды киевский и галицкий	132
42. Культурная жизнь Украины этой эпохи и ее значение	134

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАЯ ЭПОХА	139
43. Переход украинских земель под власть литовских князей	139
44. Борьба за галицко-волынские земли и раздел их	142
45. Уния Польши с Литвой	146
46. Новые направления в политике Великого княжества Литовского	149
47. Борьба за равноправие (Свитригайловы войны)	152
48. Попытки восстаний с помощью Москвы	158
49. Попытки восстаний в Галиции и начало национального движения	165
50. Начало козачества	171
51. Козачество и козацкие походы в первой половине XVI века.	176
52. Начало Сечи	180
53. Образование козацкого класса	184
54. Присоединение восточных украинских земель к Польше	192
55. Перемены в экономических и общественных отношениях	198
56. Перемены в экономической жизни и заселение Восточной Украины	202

57. Рост козачества в конце XVI века	207
58. Козацкие войны 1590-х годов	212
59. Война 1596 года	216
60. Упадок национальной украинской жизни и усилия к ее возрождению	221
61. Просветительное движение	225
62. Братства	230
63. Уния	235
64. Борьба с унией	240

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КОЗАЦКАЯ ЭПОХА	247
65. Козачество после лубенского погрома	247
66. Козацкий строй	251
67. Морские походы	256
68. Польские переговоры с козаками и гетман Сагайдачный	262
69. Киев становится центром культурной украинской жизни	268
70. Новая иерархия	272
71. Хотинская война и конец Сагайдачного	276
72. Конфликт с правительством	279
73. Украинские планы и война 1625 года	283
74. Война 1630 года	286
75. Бескорольевье	292
76. Сулима и Павлюк	296
77. Остриянинова война и угнетение козачества	301
78. Восстание Хмельницкого	305
79. Борьба за освобождение Украины	312
80. Заграничные союзы	318
81. Московское верховенство	322
82. Между Москвой и Швецией	327
83. Гетманщина	331
84. Гадячская уния	337
85. Борьба с Москвой	343
86. Раздвоение Украины	348
87. Замыслы Дорошенка	352
88. Падение Дорошенка	358
89. Руина	364
90. «Згін» и новое козачество на Правобережье	368
91. В Гетманщине	371
92. Старшина и общество	375

93. Правление Мазепы	381
94. Перед разрывом	386
95. Союз со Швецией	392
96. Погром Мазепы	396
97. Попытки Орлика	399

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

УПАДОК КОЗАЧЕСТВА

В УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ	403
98. Ограничение гетманского правления	403
99. Первое упразднение гетманства. Полуботок	409
100. Восстановление гетманства и гетман Апостол	414
101. Вторая отмена гетманства	420
102. Гетманство Разумовского	427
103. Строй и общественные отношения Гетманщины	432
104. Слобожанщина	437
105. Культурная жизнь Восточной Украины — литература и школа	440
106. Национальная жизнь Восточной Украины	446
107. Упадок украинской жизни в Западной Украине	450
108. Закарпатские земли	455
109. Правобережная Украина	460
110. ГайдаMATчина	464
111. Колиивщина	469
112. Окончательная отмена гетманства	474
113. Уничтожение Сечи	481
114. Конец Гетманщины	489

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

УКРАИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ	493
115. Присоединение Галиции и Буковины к Австрии	493
116. Конец Польши и присоединение Правобережной Украины к России	497
117. Начатки возрождения в Западной Украине	500
118. Начатки возрождения в Восточной Украине ...	505
119. Идеи народности. Начатки сознательного демократизма	511

120. Украинские кружки в российской Украине в 1830—1840-х годах	514
121. Кирилло-Мефодиевское братство	518
122. Галицкое возрождение и 1848 год	525
123. 1848 год в Буковине и венгерской Украине и реакция 1850-х годов	529
124. Новое движение в российской Украине	532
125. Народничество и москвофильство в Галиции и на Буковине	536
126. Киевская громада и указ 1876 года	541
127. Украинская работа на галицкой почве в России в 1880-х годах	545
128. Политическое движение в австрийской Украине и его национальный подъем в 1890—1900-х годах	551
129. Первое раскрепощение российской Украины ...	556
130. Перед войной	562
131. Уничтожение украинства во время войны	568
132. Российская революция и освобождение Украины	574
133. Борьба за автономию Украины и федеративное устройство	578
134. Украинская Народная Республика	583
135. Украина самостоятельная	587
136. Киевское восстание	593
137. Война за независимость	597

ВЛАДИСЛАВ ВЕРСТЮК,

доктор исторических наук

УКРАИНА ПОД ИГОМ ТОТАЛИТАРИЗМА

И ПОСЛЕ ЕГО ПАДЕНИЯ 609

ХРЕСТОМАТИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ 664

КОММЕНТАРИИ 744

ПРИБАВЛЕНИЯ 754

Издание для учащихся

Михаил ГРУШЕВСКИЙ

**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРИЯ УКРАИНЫ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ**

Составители

**БРОЯК Иосиф Иосифович
ВЕРСТЮК Владимир Федорович**

Технический редактор *В. Н. Жукова*
Корректоры *О. В. Марчукова*
Е. В. Панова
А. Г. Ягмурова

Подписано к печати
с готового оригинал-макета 13.05.2004.
Формат 84x108/32. Печать высокая
Гарнитура SchoolBook. Бумага газетная.
Тираж 15 000 (1 з-д 1—3000) экз.
Зак. 4-357.

Общество с ограниченной ответственностью
«Производственно-коммерческая фирма «БАО»»
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции
серии ДК № 540 от 23.07.2001 г.
83114, Донецк, ул. Университетская, 96, а/я 6230.

Донецк тел./факс (062) 381-89-49
Киев тел./факс: (044) 455-52-53, 455-52-54
Симферополь тел. (0652) 22-90-03
Одесса тел. (048) 777-34-78
Запорожье тел. (0612) 13-49-51
Харьков тел. (0572) 54-63-29

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Полиграфкнига»
03057, Киев, ул. Довженко, 3.

Заключение государственной санитарно-эпидемиологической
экспертизы ОАО «Полиграфкнига» № 05.03.02-04/391
от 12 января 2004 г.